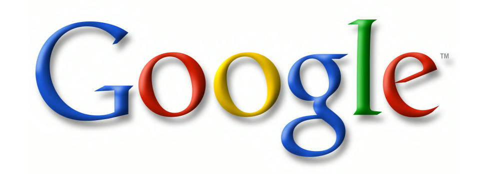
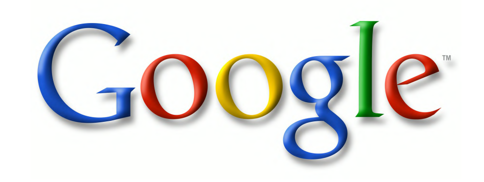

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

Редакція и примѣчанія

А. А. Флоридова.

Томъ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ журналу

„СѢВЕРЪ",

за

АВГУСТЪ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

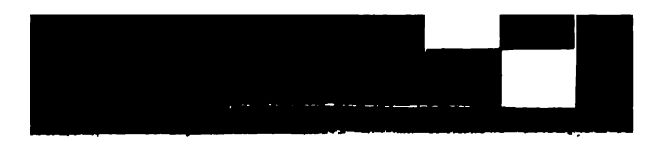
Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 августа 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова. Большая Итал., № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Апологи.

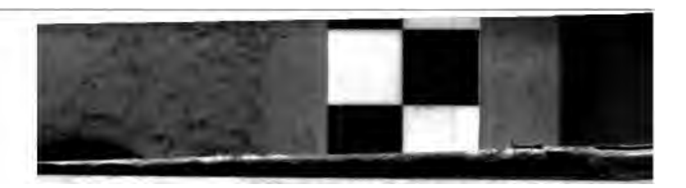

Эпилогъ.

Разныя стихотворенія.

[redacted]

И. И. ДМИТРІЕВЪ.

(Краткій очеркъ его литературной дѣятельности).

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, другъ Карамзина, на пять лѣтъ старшій его по возрасту, былъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ преобразованія нашего литературнаго языка и слога. Заслуга Дмитріева состоитъ именно въ томъ, что онъ первый изъ нашихъ стихотворцевъ придалъ замѣчательную простоту и плавность русскому стиху. Что же касается силы поэтическаго творчества, то ею Дмитріевъ не обладалъ; онъ и самъ сознавался, что въ его произведеніяхъ замѣчается «скудость въ глубокихъ идеяхъ, чувствахъ и воображеніи». «Напрасно, милый поэтъ», писалъ онъ В. А. Жуковскому въ 1823 году,—«хотите оживить самолюбіе въ старикѣ, который, право, и въ лучшую пору жизни немного думалъ о своей поэзіи. Можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ механизмѣ стиха, въ живости разсказа; можетъ быть, пользовался въ свое время нѣкоторымъ преимуществомъ предъ водяными стихотворцами, но истинно, и тогда былъ недоволенъ собою, чувствуя самъ скудость въ глубокихъ идеяхъ, чувствахъ и воображеніи»... Въ запискахъ своихъ Дмитріевъ говоритъ о своей литературной дѣятельности такъ: «Вся моя забота была только о томъ, чтобъ стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи». Достоинства внѣшней формы стихотвореній Дмитріева высоко цѣнились его современниками; даже слѣдующее поколѣніе писателей—Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій — ставили его себѣ въ образецъ въ этомъ отношеніи, и это составляетъ его несомнѣнную заслугу въ отечественной словесности.

Литературная дѣятельность Дмитріева была разнообразна. Онъ писалъ оды, басни, сказки, пѣсни, эпиграммы, мадригалы и проч., но особенно извѣстенъ баснями, сказками и сатирою «Чужой толкъ».

Изъ его чисто-лирическихъ піесъ замѣчательны болѣе всего: «Размышленіе по случаю грома», «Ермакъ», «Освобожденіе Москвы» и «Гласъ патріота на взятіе Варшавы». Общее достоинство этихъ стихотвореній—живое чувство и простота описаній; но вмѣстѣ съ тѣмъ оды Дмитріева отличаются обычнымъ недостаткомъ ложно-классической лирики — гиперболизмомъ изображенія. Пѣсни Дмитріева пользовались въ свое время большою извѣстностью; но попытки его подражать дѣйствительно народнымъ пѣснямъ были неудачны. Такъ, о пѣснѣ своей: «Ахъ, когда бъ я прежде знала» онъ самъ говоритъ, что она «есть точное подражаніе старинной простонародной пѣснѣ»; но, по справедливому замѣчанію Галахова, употребленныя Дмитріевымъ слова—ярый воскъ—«не доказываютъ еще народности, у которой есть, кромѣ особеннаго способа выраженія, свой образъ мыслей и чувствъ, чего піеса Дмитріева вовсе не представляетъ». Въ сущности, пѣсни его не что иное, какъ сентиментальные романсы, и ихъ успѣхъ объясняется именно ихъ сентиментальнымъ направленіемъ, господствовавшимъ въ его время. Бо́льшая часть пѣсенъ была написана Дмитріевымъ для пѣсенника, изданнаго имъ въ 1796 году подъ названіемъ «Карманный пѣсенникъ или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ».

Болѣе всего проявился талантъ Дмитріева въ сатирѣ. Сатирическое направленіе видно во многихъ его произведеніяхъ—въ сказкахъ, басняхъ, эпиграммахъ и т. д. Еще «первые опыты его въ риѳмованіи», до насъ не дошедшіе, были, по словамъ автора, «сатирическіе»; но особенно рѣзко его сатирическое дарованіе выразилось во всѣмъ извѣстной сатирѣ его «Чужой толкъ».

Басни и сказки также принадлежатъ къ числу удачнѣйшихъ произведеній Дмитріева, хотя по содержанію своему почти всѣ онѣ не оригинальны. Первыя указанія на заимствованія находимъ у самого же автора. Въ баснѣ «Желанія», переведенной изъ Лафонтена, онъ говоритъ:

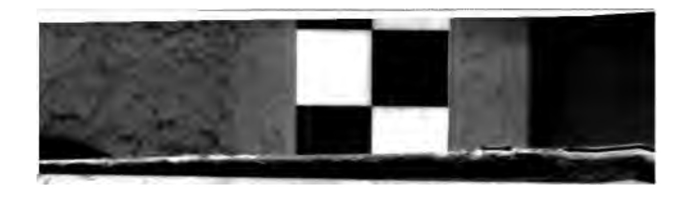
«Сердися, Лафонтенъ, иль нѣтъ,
А я съ нимъ не могу разстаться.
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое приниматься».

Сказка «Причудница» была напечатана въ первый разъ въ сборникѣ сочиненій Дмитріева «И мои бездѣлки» съ слѣдующимъ примѣчаніемъ автора: «Предваряю читателя, что эта сказка родилась отъ Вольтеровой сказки «La begueule». Лучше признаться, пока не уличили». Эти опасе-

нія Дмитріева были не напрасны: въ заимствованіяхъ впослѣдствіи уличалъ его А. С. Пушкинъ, который былъ вообще не высокаго мнѣнія объ его дарованіи. «Англійская словесность», писалъ Пушкинъ Гнѣдичу въ 1823 году, — «начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится И. И. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве». Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, въ 1824 году, Пушкинъ писалъ, между прочимъ: «И чѣмъ онъ (Дмитріевъ) классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?» Кромѣ только-что упомянутыхъ авторовъ, Дмитріевъ переводилъ и изъ многихъ другихъ. Вообще можно полагать, что изъ общаго числа басенъ, сказокъ и другихъ стихотвореній Дмитріева около половины составляютъ переводы и подраженія.

Если недостатокъ самостоятельности и составляетъ характерную черту литературной дѣятельности Дмитріева, писатель этотъ не теряетъ своего значенія какъ переводчикъ. Его басни и сказки, особенно послѣднія, считались въ свое время образцовыми произведеніями и пользовались самою широкою извѣстностью; нѣкоторыя изъ нихъ не утратили своего значенія и теперь. По отзыву князя П. А. Вяземскаго, Дмитріевъ «нигдѣ не оказалъ болѣе ума, замысловатости, вкуса, остроумія, болѣе стихотворческаго искусства, какъ въ своихъ сказкахъ; оставь онъ намъ только ихъ, и тогда занялъ бы почетное мѣсто въ числѣ избранныхъ нашихъ поэтовъ». Другой современникъ Дмитріева, А. Х. Востоковъ, слѣдующимъ образомъ отзывается о его басняхъ: «Я читалъ и перечитывалъ», писалъ онъ Дмитріеву, — «прекрасныя ваши басни, всѣ до одной, съ равнымъ удовольствіемъ. Позвольте мнѣ объявить свое мнѣніе: изъ всѣхъ подражателей Лафонтеновыхъ (на русскомъ языкѣ) вы въ своихъ басняхъ наиболѣе умѣли сохранить простоту его и любезность».

Обращая вниманіе почти исключительно на внѣшнюю форму своихъ произведеній, Дмитріевъ отдѣлывалъ ихъ очень тщательно. Если сравнить любое изъ его стихотвореній въ первой редакціи съ послѣдующими, то окажется, что въ каждой изъ нихъ были непремѣнно какія-либо исправленія. Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ Дмитріевъ былъ строгъ къ себѣ при отдѣлкѣ своихъ стиховъ. Въ

баснѣ «Исторія», напечатанной въ первый разъ въ 1818 году, читаются слѣдующіе стихи:

Въ такомъ то образѣ отечества отецъ
Потомству преданъ былъ исторіей правдивой.

Въ примѣчаніи къ первому стиху авторъ замѣтилъ: «Можетъ быть, кто-нибудь изъ моихъ критиковъ замѣтитъ, что въ этомъ стихѣ три рѣченія сряду начинаются съ одной буквы. Винюсь предъ нимъ и беру этотъ грѣхъ на мою совѣсть». Дѣйствительно, впослѣдствіи вина была заглажена, и въ изданіи 1823 года тѣ же стихи появились со слѣдующею поправкою:

Въ такомъ то образѣ исторіей правдивой,
Потомству преданъ былъ отечества отецъ.

Особенно дорожилъ Дмитріевъ отзывами Карамзина. Тѣсная, болѣе сорока лѣтъ продолжавшаяся дружба съ нимъ, по собственному признанію Дмитріева, имѣла важное значеніе для его литературной дѣятельности, такъ какъ въ Карамзинѣ онъ нашелъ не только друга, но и руководителя съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ. Отдавая, обыкновенно, свои произведенія на судъ Карамзину, Дмитріевъ безусловно слѣдовалъ его совѣтамъ и указаніямъ и всѣ предложенныя поправки вносилъ безъ всякаго измѣненія, что можно видѣть изъ переписки Карамзина съ Дмитріевымъ.

Но, кромѣ Карамзина, были у него и другіе совѣтники. «Пичужечки (въ баснѣ «Жаворонокъ съ дѣтьми и земледѣлецъ») не перемѣнчивы», писалъ Карамзинъ Дмитріеву,— «ради Бога не перемѣнчивъ! Твои совѣтники могутъ быть хорошими въ другомъ случаѣ, а въ этомъ они не правы». Кто именно были эти совѣтники, сказать трудно, хотя изъ другого письма Карамзина видно, что въ числѣ ихъ былъ графъ С. П. Румянцовъ, авторитетъ, по мнѣнію Карамзина, довольно плохой. Въ баснѣ Дмитріева «Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ», напечатанной въ первый разъ въ 1802 г., былъ слѣдующій стихъ:

. . . . [illegible]

Но въ изданіи 1823 г. поставлено

. . . . [illegible]

Выражая сожалѣніе, что многое выброшено изъ изданія 1823 г., Карамзинъ высказывалъ Дмитріеву сожалѣніе также и о томъ, что онъ «уважалъ критику Сергѣя Петровича» и перемѣнилъ вышеуказанный стихъ. «Если такихъ крити-

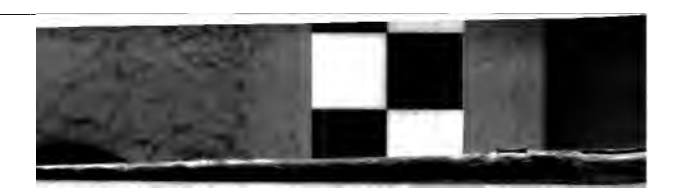
ковъ слушать», писалъ Карамзинъ, — «то мало останется цѣлаго и въ Расинѣ и въ Лафонтенѣ».

Въ прозѣ Дмитріевъ писалъ вообще очень мало. Извѣстны его небольшіе переводы съ французскаго: переводъ І-й части «Картины Парижа» Мерсье (С.-Пб. 1786), «Философъ, живущій у Хлѣбнаго рынка»—того же автора, «Жизнь графа Н. И. Панина», которую Дмитріевъ перевелъ съ французской статьи Д. И. Фонвизина (послѣднія двѣ статьи были напечатаны въ первый разъ въ «Зеркалѣ свѣта» 1786 г.), «Похвала Елизы Драперъ», переводъ изъ Рейналя (Московскій Журналъ 1792 г.), и наконецъ, двѣ оригинальныя: «О русскихъ комедіяхъ» (Вѣстникъ Европы 1802 г.) и «Письмо къ издателю «Московскаго Зрителя» («Моск. Зритель 1806 г.).

Среди прозаическихъ сочиненій Дмитріева особенное значеніе имѣютъ, конечно, его записки. Онѣ заключаютъ въ себѣ его собственную біографію и даютъ богатый матеріалъ для знакомства со многими современными лицами и событіями, въ особенности же, съ литературой того времени. Разсказъ Дмитріева занимателенъ, хотя, быть можетъ, отличается чрезмѣрною осторожностью, нѣкоторымъ недостаткомъ откровенности; оттого-то князь Вяземскій и говорилъ, что Дмитріевъ писалъ свои записки какъ будто «въ мундирѣ».

Существованіе записокъ Дмитріева (помѣщаемыхъ во 2-мъ томѣ настоящаго изданія) освобождаетъ насъ отъ необходимости разсказывать здѣсь его біографію. Поэтому скажемъ лишь нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ его жизни. Дмитріевъ провелъ ихъ въ Москвѣ. Исполнивъ послѣднее, возложенное на него волею императора Александра I порученіе состоять предсѣдателемъ коммиссіи для оказанія помощи пострадавшимъ жителямъ Москвы отъ нашествія французовъ, Дмитріевъ оставилъ окончательно служебную дѣятельность. «Поклоняемый и славимый», по выраженію Дельвига, онъ поселился въ Москвѣ, въ своемъ домикѣ на Спиридоновкѣ. Съ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за новостями современной литературы, посѣщалъ ученыя и литературныя общества, пополнялъ свою богатую библіотеку и велъ дѣятельную переписку со всѣми лучшими представителями нашей литературы. Въ Москвѣ Дмитріевъ и умеръ, 77 лѣтъ отъ роду, 3-го октября 1837 г. Тѣло его погребено на кладбищѣ Московскаго Донскаго монастыря.

Имя Дмитріева было извѣстно и за границей. Когда въ 1825 году Дмитріевъ издалъ свои «Апологи» скрывъ свое

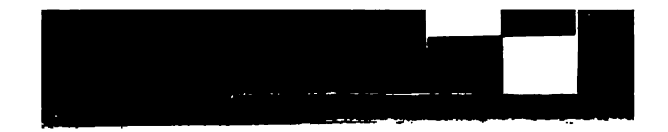

имя и выставивъ подъ предисловіемъ только инииіалы И. Д., въ журналѣ «Revue Encyclopédique». 1826 г. (т. 31) была помѣщена слѣдующая характеристика Дмитріева: «Il n'est pas difficile de reconnaître sous ses initiales le nom de. M. Dmitrieff, du célèbre chantre de Jermac, qui au grand regret des amis de la litterature nationale, a laissé si long-temps reposer sa lyre. Tout le monde sait que ce poète ingénieux occupe une des premières places sur le Parnasse russe et que ses aimables et élégantes productions en ont fait en quelque sort l'idole de la nation».

Сочиненія И. И. Дмитріева выдержали до сихъ поръ шесть изданій. Первое подъ названіемъ: «И мои бездѣлки», съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: «C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit», вышло въ 1795 г.; второе—«Сочиненія и переводы И. Дмитріева», 3 части, съ эпиграфомъ: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris», вышло въ 1803—1805 гг.; третье—въ 1810 г., 3 части; четвертое—въ 1814 г., 3 части; пятое, исправленное и умноженное, — въ 1818 г., 3 части; шестое, исправленное и уменьшенное—въ 1823 г., 2 части, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ «Отъ автора» и «Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева» князя П. А. Вяземскаго.

Въ основаніе настоящаго седьмаго изданія положено изданіе 1823 года, но съ добавленіемъ къ нему всѣхъ тѣхъ произведеній Дмитріева, которыя когда-либо появлялись въ печати. Не включены въ настоящее изданіе только такія произведенія, которыя приписываются Дмитріеву М. Н. Лонгиновымъ (въ Русскомъ Архивѣ 1863 и 1864 гг.) на весьма шаткихъ основаніяхъ. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ, по возможности, при каждомъ изъ нихъ, какъ времени сочиненія, такъ и времени перваго ихъ появленія въ печати; при тѣхъ же стихотвореніяхъ, время сочиненія которыхъ опредѣлить было невозможно, мы ограничились лишь указаніемъ перваго появленія ихъ въ печати.

А. Флоридовъ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

КАРТИНА.

Ужъ ночь на Петербургъ спустила свой покровъ;
Уже на чердакахъ у многихъ изъ творцовъ
Погасла свѣчка и курилась,
И ихъ объятая восторгомъ голова
На риѳмы и слова
Сама собой скатилась.
Козлова ученикъ
Въ своемъ уединеньи,
Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размышленьи,
Вдругъ слышитъ стукъ и крикъ:
«Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? А! здѣсь?»—и видитъ предъ собою
Кого жъ? — Князь Вѣтровъ шаркъ ногою!
«Слуга покорнѣйшій! а я, оставя балъ,
«Заѣхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ.
«Я слышалъ, въ городѣ васъ всѣ зовутъ Апелломъ·
«Не можете ли вы мнѣ кистію своей
«Картину написать? да только поскорѣй!
«Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть, богъ брака,
«Не тотъ, что пишется у насъ сапунъ, зѣвака,
«Иль плакса, иль брюзга, но легкій, милый богъ,
«Который бы привлечь и труженика могъ,—
«Гименъ, и съ нимъ Амуръ, всегда въ восторгѣ новомъ,
«Веселый, миленькій, и живчикъ однимъ словомъ,
«Взявъ за руки меня, подводятъ по цвѣтамъ,
«Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,
«Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною —
«Я завтра привезу портретъ ея съ собою —
«Владычица моя въ пятнадцатой веснѣ,
«Вручаетъ розу мнѣ;
«Вокругъ нее толпой Забавы, Игры, Смѣхи;
«Вдали жъ, подъ миртами, престолъ Любви, утѣхи,

«Усыпанъ розами, и весь почти въ тѣни
«Деревъ, гдѣ вѣтерокъ заснулъ среди листочковъ...
«Да не забыть при томъ и страстныхъ голубочковъ —
«Вотъ слабый вамъ эскизъ! Чрезъ два, четыре дни,
«Картина, думаю, ужъ можетъ быть готова;
«О благодарности жъ моей теперь ни слова:
«Докажетъ опытъ вамъ — прощайте!» И — исчезъ.
Проходитъ ночь; съ зарей, разлившей свѣтъ съ небесъ,
Художникъ нашъ за кисть — старается, трудится:
Что ко лбу перстъ, то мысль родится,
И что черта,
То нова красота.
Уже творецъ картины
Свершилъ свой трудъ до половины.
Какъ вдругъ
Почувствовалъ недугъ,
И животворна кисть изъ слабыхъ рукъ упала.
Минута между тѣмъ желанная настала:
Князь Вѣтровъ женится, хотя картины нѣтъ.
Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ;
Что день, то новый даръ въ возлюбленной княгинѣ;
Мила, божественна, при всѣхъ и на-единѣ.
Ужъ мѣсяцъ брака ихъ протекъ,
И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ.
Благодаря судьбину,
Искусникъ нашъ съ постели всталъ,
Съ усердьемъ принялся дописывать картину,
И въ три дни дописалъ.
Божественный талантъ! изящное искусство!
Какой огонь, какое чувство!
Но полно, поспѣшимъ мы съ нею къ князю въ домъ.
Князь вышелъ въ шлафрокѣ, нахлученъ колпакомъ,
И сонными взглянувъ на живопись глазами:
«Я болѣе», сказалъ, «доволенъ былъ бы вами,
«Когда бы выдумка была
«Не столь игрива, весела.
«Согласенъ я, она нѣжна, остра, прекрасна,
«Но для женатаго... ужъ слишкомъ любострастна!
«Не можно ли ее поправить какъ-нибудь?..
«Какой морозъ! моя ужасно терпитъ грудь:
«Прощайте!» Апеллесъ, разставшись съ сумасброднымъ,
Засѣлъ картину поправлять
Съ терпѣніемъ, артисту сроднымъ;
Иное въ ней стирать, иное убавлять,

Соображаяся съ послѣднимъ князя вкусомъ.
Три мѣсяца пробывъ картина подъ искусомъ,
Представилась опять сіятельнымъ глазамъ;
Но, ахъ, знать было такъ угодно небесамъ:
Сіянье ихъ совсѣмъ затмилось,
И ужъ почти ничто въ картинѣ не годилось. —
«Возможно ль?.. это я?»
Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ:
«Вы сдѣлали меня совсѣмъ уже Хоревомъ *),
«Ужъ слишкомъ пламеннымъ... да и жена моя
«Здѣсь сущая Венера!
«Нѣтъ, не прогнѣвайтесь, во всемъ должна быть мѣра!»
Такъ о картинѣ князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.
Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла;
Тѣмъ строже переборъ отъ князя былъ всему:
Уже не взмилились и Граціи ему,
Потомъ и одръ Любви, и миртовы кусточки;
Потомъ и нѣжные слетѣли голубочки;
Потомъ и Смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ,
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

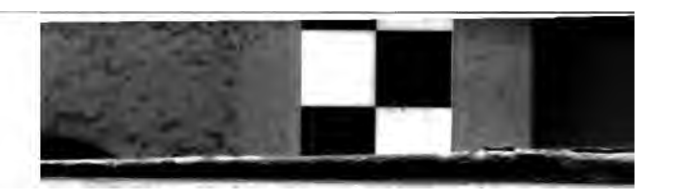
1790.
Московскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

II.

ИСТУКАНЪ ДРУЖБЫ.

«Сколь счастливъ тотъ, кто Дружбу знаетъ!
Ахъ, можно ль съ ней сравнить Любовь!
Та, я слыхала, насъ терзаетъ,
Тревожитъ сердце, духъ и кровь;
А ты, о Дружба, утѣшаешь
И, какъ румяная заря,
Сердца въ насъ грѣешь, не сжигаешь,
Счастливыми навѣкъ творя».
Вчера такъ Лиза разсуждала,
(Ей отроду пятнадцать лѣтъ)
Она сама еще не знала,
Что есть ли сердце въ ней иль нѣтъ?
Плѣнясь прекрасною мечтою,

*) Дѣйствующее лицо въ *трагедіи* г. Сумарокова. Прим. авт.

Желаетъ всякій часъ имѣть
Подобье Дружбы предъ собою,
Чтобъ больше къ ней благоговѣть.
«Сколь буду, говоритъ, я рада,
Имѣя образъ, Дружба, твой!
Въ уединенномъ мѣстѣ сада
Поставленъ храмикъ будетъ мной,
А въ храмикѣ твой зракъ священной;
Я — жрицей бы его была.»
Посемъ съ душою восхищенной,
Невинность къ рѣзчику пошла.
Рѣзчикъ ея представилъ взору
Богини точный истуканъ
Безъ прелестей и безъ убору,
Видъ скромной и простой ей данъ.
«Что вижу, Лизанька вскричала,
И тѣни прелестей тутъ нѣтъ,
Съ какими въ сердцѣ начертала
Любезной Дружбы я портретъ!
Постой... я зрю дитя прекрасно,
Ахъ, это Дружество и есть!
Вотъ богъ, которымъ сердце страстно». —
Потомъ, спѣша его унесть,
«Нашла! нашла!» она твердила...
Вотще художникъ ей гласилъ:
«Вѣдь ты Любовь, Любовь купила!»
Зефиръ сихъ словъ не доносилъ.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

III.

ЧЕРВОНЕЦЪ и ПОЛУШКА.

Не вѣдаю, какой судьбой
Червонецъ золотой
Съ полушкою на мостовой
Столкнулся.
Металлъ сіятельный раздулся,
Суровый на сосѣдку бросилъ взоръ
И такъ съ ней началъ разговоръ:
«Какъ ты отважилась со скаредною рожей
«Казать себя моимъ очамъ?
«Ты, вещь презрѣнная отъ князей и вельможей!
«*Ты*, коей суждено валяться по сумамъ!

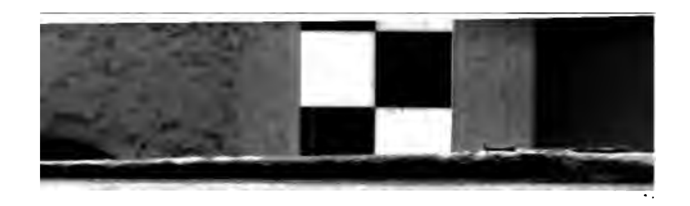
«Ужель ты равной быть со мною возмечтала?» —
— «Никакъ», съ покорностью полушка отвѣчала,
«Я предъ тобой мала, однако не тужу;
«Я столько жъ, какъ и ты, на свѣтѣ семъ служу.
«Я рубищемъ покрыту нищу
«И дряхлой старостью поверженну во прахъ,
«Даю, хоть грубую, ему потребну пищу
«И прохлаждаю жаръ въ запекшихся устахъ;
«Лишенна помощи младенца я питаю
«И жребій страждущихъ въ темницѣ облегчаю,
«Причиною жъ убійствъ, коварствъ, измѣнъ и зла
«Во—вѣкъ я не была.
«Я болѣе горжусь служить всегда убогимъ,
«Вдовицамъ, сиротамъ и воинамъ безногимъ,
«Чѣмъ быть погребену во мракѣ сундуковъ
«И умножать собой казну ростовщиковъ,
«Заводчиковъ, скупягъ и знатныхъ шалуновъ,
«А ты»... Прохожій, ихъ вдали еще увидя,
Тотчасъ къ нимъ подлетѣлъ;
Примѣтя же ихъ споръ и споровъ ненавидя,
Онъ положилъ ему предѣлъ,
А попросту, онъ ихъ развелъ,
Отдавъ одну вдовѣ, идущей съ сиротою,
Другого подаря торгующей красою.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I. Переводъ изъ Mercier: «Le denier et le louis-d'or.» (Etrennes du Parnasse. Paris. 1771).

IV.

НАДЕЖДА и СТРАХЪ.

Хотя Надежда ввѣкъ
Со Страхомъ не дружилась,
Но часъ такой притекъ,
Что мысль одна родилась,
Какъ въ той, такъ и въ другомъ,
Какая жъ мысль смѣшная:
Оставить свой небесный домъ
И на землю идти пѣшкомъ
Узнать — кого?.. людей желая.
Но боги вѣдь, не мы, кому ихъ осуждать!
Мы должны разсуждать,
Умно ли дѣлаемъ, согласно ли съ закономъ,
Не нужно ль напередъ зайти къ кому съ поклономъ?

А имъ кого просить?.. Все передъ ними прахъ.
И такъ Надежда захотѣла
И тотчасъ полетѣла;
Поползъ за ней и Страхъ.
Чего не дѣлаетъ охота!
Они ужъ на землѣ. Для первыя ворота
Вездѣ отворены;
Всѣ съ радостью ее встрѣчаютъ
И величаютъ,
Какъ будто имъ даны
Маiорскiе чины.
Напротивъ же того ея сопутникъ бродитъ
И бѣдненькiй нигдѣ квартиры не находитъ.
«Постой же!» Страхъ сказалъ, «такъ, людямъ я на зло,
«Нарочно къ тѣмъ ворвуся силой,
«Которымъ больше мой не нравенъ видъ унылой».
Сказалъ и сдѣлалъ такъ.
Читатель, если не дуракъ,
То вѣрно слѣдствiй ждетъ чудесныхъ
Прихода сихъ гостей небесныхъ,
И не ошибся онъ...
Лишь только на землю они спустились,
Вдругъ состоянiя людскiя премѣнились:
Умолкъ несчастныхъ стонъ;
Смиренна нищета впервые улыбнулась,
Какъ будто уже къ ней Фортуна оглянулась,
А изобилiе, утѣхъ житейскихъ мать,
Всечасно стало трепетать
Какая же тому причина?
Мнѣ сказывали та, что случай иль судьбина,
Пускай послѣдняя, Надежду привела
Къ искусстну химику въ убогую лачугу,
А спутника ея ко Плутусову другу
И домъ заводчика въ постой ему дала.

Московскiй Журналъ 1791 г., ч. II.

V.

ПРОХОЖIЙ И ГОРЛИЦА.

Прохожiй.

Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?

Горлица.

Тоскую по моемъ дружочкѣ.

Прохожій.

Неужель онъ тебѣ невѣрный измѣнилъ?

Горлица.

Ахъ, нѣтъ! стрѣлокъ его убилъ.

Прохожій.

Несчастная! страшись и ты его руки!

Горлица.

Что нужды! вѣдь умру жъ съ тоски.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV. Переводъ съ франц. (Оригиналъ: «Le passant et la tourterelle» помѣщенъ въ «L'utile et l'agréable almanach amusant.» Amst. & Paris. 1774).

VI.

МОДНАЯ ЖЕНА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите въ томъ меня; я молодъ, вѣтренъ былъ,
Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждать судьбины,
И о Цитерской сторонѣ
Лишь въ сказкахъ вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикамъ разглаживаютъ лицы:
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну
Про модную жену.
Пролазъ въ теченіе полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ,
И, наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ—я говорю вѣдь такъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ—
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ;
Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;

А старикамъ такой законъ,
Что если кто изъ нихъ вскружитъ себя вертушкой,
То не она уже, а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой;
Хоть радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ
И рубль подчасъ считать полушкой.
Пролазъ хотя пролазъ, но мужъ какъ и другой,
И такъ же, какъ и всѣ, цѣною дорогой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что̀ блонды, каски,
Что̀ крепъ, лино-батистъ, тамбурна кисея.
Однажды бывъ жена — вотъ тутъ бѣда моя!
Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ... ни то, ни се... какъ будто не своя,
Супругу говоритъ: «послушай, жизнь моя,
«Мнѣ къ празднику нужна обнова:
«Пожалуй у мадамъ Бобри купи тюрбанъ;
«Да слушай, душенька: мнѣ хочется экранъ
«Для моего камина;
«А отъ нее вѣдь три шага
«До англійскаго магазина;
«Да если бъ тамъ еще... нѣтъ, слишкомъ дорога!
«А ужасть какъ мила!» — «Да что, мой свѣтъ, такое?» —
«Нѣтъ, папенька, такъ, такъ, пустое...
«По чести, мнѣ твоихъ расходовъ жаль».
— «Да что, скажи, откройся смѣло:
«Расходы знать мое, а не твое ужъ дѣло». —
«Меня... стыжусь... плѣнила шаль;
«Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
«Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
«Князь для княгини, какъ у князя праздникъ былъ».
Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею.
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: «какъ ты милъ!»
— «Изволь, изволь, я радъ со всей моей душою
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!»
Былъ мужнинъ ей отвѣтъ. —
«Карету!... только врядъ поспѣть ужъ мнѣ къ обѣду!
«Да я... въ Дворянскій клубъ оттолѣ заверну».
«Ахъ, мой жизненочекъ! какъ тѣшишь ты жену!
Ступай же, Ваничка, скорѣе». — «Ѣду, ѣду!» —
И Ваничка сѣдой,
Простясь съ женою молодой,

Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ втащился,
Сѣлъ, крякнулъ, покатился.
Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на дворъ —
Угодникъ дамскій, Миловзоръ,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ уборной.
«Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!» — «Слуга покорной».
«А я одна». — «Однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?» —
«Кто? мужъ?» — «Вашъ нѣжный Купидонъ».—
«Какой, по чести, ты ругатель!»
— «По крайней мѣрѣ я всѣхъ милыхъ обожатель.
«Однакожъ, это вѣдь не ложь,
«Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ»; —
«То есть, онъ также старъ, хотя не такъ прекрасенъ».
— «Нѣтъ! я вамъ докажу».—«О! этотъ трудъ напрасенъ».
— «Безъ шутокъ, слушайте: тотъ слѣпъ; а этотъ кривъ;
«Не сходны ли жъ они?»—«Ахъ, какъ ты злорѣчивъ!»
— «Простите, перестану...
«Да! покажите мнѣ диванну:
«Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
«Ужъ вѣрно это храмъ! храмъ вкуса». — «Отгадалъ».—
«Конечно и... любви?»—«Увы! еще не знаю.
«Угодно поглядѣть?» — «Отъ всей души желаю».—
О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не тужи,
И отъ дивана ключъ въ карманѣ ты держи:
Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка дивановъ,
По чести, месть намъ отъ султановъ!
Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ,
Разсматриваетъ все, любуется, дивится;
Амуръ же, прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,
Приставилъ къ стрѣлкѣ перстъ, и стрѣлка не вертится,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадный бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.
А онъ, какъ въ руку сонъ!... Судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ вереяхъ вороты заскрипѣли;
Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ лицомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужъ онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена

Сидитъ, не думая объ немъ. и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ Премилой масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапкой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогда жъ другой Пенатъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: «кто пришелъ? дуракъ!»
Премила вздрогнула, и Миловзоръ подобно;
И тотъ, и та — о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаяся туда, сюда,
Рѣшились такъ, чтобъ ей остаться,
А гостю спрятаться, хотя позадь дверей.
— О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй! —
Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?
Мужъ, въ двери выставя расцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ,
Простерши къ мужу руки:
«Какимъ же», говоритъ ему, «я крѣпкимъ сномъ
«Заснула безъ тебя отъ скуки!
«И знаешь ли. что мнѣ
«Привидѣлось во снѣ?
«Ахъ! и теперь еще въ восторгѣ утопаю!
«Послушай, миленькій! лишь только засыпаю,
«Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ;
«Ну, если этотъ сонъ не лживъ?
«Позволь мнѣ испытать». — И вмигъ, не давъ супругу
Придти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему — здоровый, не кривой —
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: «что? видишь ли мой свѣтъ?»

Мужъ отвѣчаетъ: «нѣтъ!» —
«Ни крошечки?» — «Ни мало;
«Такъ темно какъ теперь, еще и не бывало».—
«Ты шутишь?»—«Право, нѣтъ; да дай ты мнѣ взглянуть».—
«Прелестная мечта!» Лукреція вскричала:
«Зачѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!
«Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,
«Чтобы одинъ твой глазъ
«Похожъ былъ на другой!» — Пролазъ,
При нѣжности такой, не могъ стоять болваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ.—
Пролазъ! ты этотъ день во святцахъ запиши:
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой!
Но что записывать? примѣръ такой не новой.

1791 г.
Московскій Журналъ 1792 г, ч. V.

VII.

ПУСТЫННИКЪ И ФОРТУНА.

Какой-то добрый человѣкъ,
Не чувствуя къ чинамъ охоты,
Не зная страха, ни заботы,
Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
Съ Плутархомъ, съ лирой
И Плѣнирой;
Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
Однажды, подъ вечеръ, какъ солнца лучъ погасъ,
И мать качать дитя уже переставала,
Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
И въ двери—ну, стучать!
«Кто тамъ?» Пустынникъ окликаетъ.
— «Я! я!» — «Да, кто? могу ли знать?»
— «Я — та, которая тебѣ повелѣваетъ
«Скорѣе отпереть». — «Пустое!» онъ сказалъ
И замолчалъ.
— «Отопрешь ли?» еще Фортуна закричала:
«Я вѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;
«Пусти Фортуну ты со свитою къ себѣ,
«Съ богатствомъ, знатью и чинами!
«Теперь извѣстна ль я тебѣ?» —
«По слуху! но куда мнѣ съ вами?
«*Поди въ другой* ты домъ,

«А мнѣ не помѣстить, ей, ей, такой содомъ».
- «Невѣжа! да пусти меня, хоть съ половиной,
«Хоть съ третью, слышишь-ли? ахъ! сжалься надъ судьбиной
«Великолѣпія: оно ужъ чуть дышитъ;
«Надъ гордой знатностью, которая дрожитъ,
«И, стоя у порога, мерзнетъ;
«Тронись хоть славою, мой миленькій дружокъ!
«Еще минута, все исчезнетъ!...
«Упрямый, дай хотя желанью уголокъ!»—
«Да отвяжися ты, лихая пустомѣля!»
Пустынникъ ей сказалъ: «ну, право, не могу.
«Смотри одна и есть постеля,
И ту я для себя съ Плѣнирой берегу».

1792 г.

Московскій Журналъ 1793 г., ч. VIII. Переводъ изъ Grécourt: «Le solitaire et la Fortune.»

VIII.

ПЧЕЛА, ШМЕЛЬ И Я.

Шмель, роясь въ навозѣ,
О хитрой говорилъ пчелѣ,
Сидѣвшей вдалекѣ на розѣ:
«За что она въ такой хвалѣ,
«Въ такой чести у всѣхъ и модѣ?
«А я пыхчу, пыхчу и потъ свой лью,
«И также людямъ честь даю,
«А все какъ-будто нуль въ природѣ
«Никѣмъ не знаемый дышу».—
— «И мнѣ такая жъ участь, шмель,»
Сказалъ ему я, воздыхая:
«Лѣтъ десять, какъ судьба лихая
«Вложила страсть въ меня къ стихамъ.
«Я, [illegible]
«Пишу, [illegible], тружусь, [illegible]
«И [illegible]
«А все въ [illegible] не [illegible]
«И [illegible] не [illegible]»

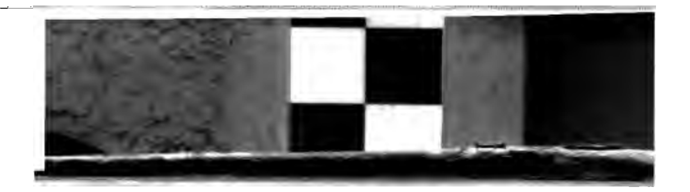
Московскій Журналъ [illegible]

IX.

БЫЛЬ.

Чума и смерть вошли въ великолѣпный градъ,
Вошли—и въ тотъ же мигъ другой эдемскій садъ!
Гдѣ съ нимфами вчера богъ паѳоса рѣзвился,
Въ глубокій, смрадный гробъ, въ кладбище превратился.
Ужасно зрѣлище! Вездѣ, со всѣхъ сторонъ
Печально пѣніе, плачъ, страхъ, унылый звонъ;
Иль умирающа встрѣчаешь или мертва,
Младенецъ и старикъ—все алчной смерти жертва!
Тамъ дѣва, юношей плѣнявшая красой,
Блѣднѣетъ и падетъ подъ лютою косой;
Тамъ, вѣкъ дожившая, вздохъ томный испускаетъ
И вздоху оному никто не отвѣчаетъ;
Никто!... полмертвая средь стѣнъ лежитъ пустыхъ,
Гдѣ только воетъ вѣтръ, и мыслитъ о своихъ
Сынахъ и правнукахъ, чумою умерщвленныхъ.
Въ одинъ изъ оныхъ дней, вовѣки незабвенный,
Приходитъ въ хижинку благочестивый мужъ,
Другъ унывающихъ, смиренный пастырь душъ,
Приходитъ—и въ углу пріюты вѣтхой, бѣдной,
При свѣтѣ пасмурномъ луны печальной, блѣдной,
Зритъ старца, на гнилыхъ простертаго доскахъ,
Зритъ черно рубище, истлѣвше въ-головахъ,
Кувшинъ, топоръ, пилу, надъ дверію висящу,
И болѣ ничего. Едва, едва дышащу,
Онъ старцу тако рекъ: «готовься, сыне мой,
Пріяти по трудахъ и бѣдствіяхъ покой;
Готовься ты юдоль плачевную оставить,
Въ которой съ нуждою могъ жизнь свою пробавить,
Гдѣ столько горестей, заботъ, печали, слезъ,
Въ теченье дней твоихъ ты, вѣрно, перенесъ».—
— «Ахъ, нѣтъ!» отвѣтствовалъ больной дрожащимъ гласомъ
«Я тяжко бъ согрѣшилъ теперь предъ смертнымъ часомъ,
Сказавъ, что плохо мнѣ и горько было жить....
Меня Небесный Царь не допускалъ тужить.
Доколѣ мочь была, всякъ день я былъ доволенъ,
Здоровъ, пригрѣтъ и сытъ и надъ собою воленъ;
Кормилицы мои—топоръ былъ и пила....
А куплена трудомъ, и корочка мила!»
Исполненъ пастырь душъ пріятна изумленья
Вѣщаетъ, наконецъ: «И ты безъ сожалѣнья
Сей оставляешь міръ?»—Болящій отвѣчалъ:
«Хоть бѣлый свѣтъ и милъ, но я ужъ истощалъ,

И болѣ не смогу достать работой хлѣба,
Такъ лучше умереть!» Онъ рекъ—и ангелъ съ неба,
Спустяся въ хижину, смежилъ ему глаза...
И канула на трупъ сердечная слеза.
Московскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

X.
ЧИЖИКЪ и ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
«Ахъ! скоро ль солнышко взойдетъ;
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость:
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно».
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
«Любезна Зяблица!» кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
«Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
«Смотри, какъ солнышко...» Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце расцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе,
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О, бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
«Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
«Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».
1793.
«Аглая» 1794 г., гдѣ сказано, что эта басня—подражаніе.

XI.

ЖАВОРОНОКЪ СЪ ДѢТЬМИ И ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Пословица у насъ: на ближнихъ уповай,
А самъ ты не плошай!
И правда; вотъ примѣръ. Въ прекрасные дни года,
Въ которые цвѣтетъ и нѣжится природа,
Когда все любится, медвѣдь въ лѣсу густомъ,
Киты на днѣ морскомъ,
А жаворонки въ полѣ,
Не вѣдаю того по волѣ, иль неволѣ,
Но самочка одна
Изъ племя Жавронковъ летала да гуляла!
И о вліяніи весны не помышляла,
А ужъ давно весна!
Сдалася, наконецъ, природѣ и она,
И матерью еще назваться захотѣла:
У птичекъ много ли затѣй?
Свила во ржи гнѣздо, снесла яичекъ, сѣла
И вывела дѣтей.
Рожь выросла, созрѣла,
А птенчики еще не въ силахъ ни порхать,
Ни корма доставать:
Все матушка ищи. — «Ну, дѣтушки, прощайте!
«Я за припасомъ полечу»,
Сказала имъ она: «а вы здѣсь примѣчайте,
«Не соберутся ль жать, и тотчасъ голосъ дайте;
«Такъ я другое вамъ пристанище сыщу».
Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,
И сыну говоритъ: «вѣдь рожь и жать пора,
«Смотри, какъ матера!
«Ступай-же ты, не медля болѣ,
«И попроси друзей на помощь къ намъ придти».
— «Ахъ, матушка! лети, скорѣе къ намъ лети!»
Малютки въ страхѣ запищали.
«Что, что вамъ сдѣлалось?» — «Ахти! мы всѣ пропали:
«Хозяинъ былъ, онъ хочетъ жать,
«Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помочь звать».—
«А болѣ ничего?» отвѣтствовала мать:
«Такъ не къ чему спѣшить: день ночи мудренѣе;
«Вотъ, дѣтушки, вамъ кормъ: покушайте скорѣе,
«Да ляжемъ съ Богомъ спать!» Они того, сего
Клевнули,
Прижались подъ крыло къ родимой и уснули.

Ужъ день, а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого
Пичужечка опять пустилась за припасомъ;
А селянинъ на рожь,
И мыслитъ: на родню сторонній не похожъ!
«Поди-ка сынъ мой, добрымъ часомъ,
«Ты къ дядѣ своему, да свату поклонись».
Малютки пуще взволновались,
И матери во слѣдъ всѣ въ голосъ раскричались:
«Ахъ! милая, скорѣй, родима, воротись!
«Ужъ за родней пошли».— «Молчите, не пугайтесь!»
Отвѣтствовала мать: «и съ Богомъ оставайтесь».—
Еще проходитъ день; хозяинъ въ третій разъ
Приходитъ въ поле. — «Изрядно учатъ насъ»,
Онъ сыну говоритъ: «и дѣльно! впредь не станемъ
«Съ надеждою зѣвать, а поскорѣй вспомянемъ,
«Что всякій самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и братъ;
«Ступай же ты назадъ
«И матери скажи съ сестрами,
«Чтобъ на поле пришли съ серпами».—
А птичка, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
«Ну, дѣтки, вотъ теперь къ походу вѣрный знакъ!»
И дѣти, въ тотъ же мигъ скорѣй, скорѣй сбираться,
Расправя крылья, въ первый разъ
За маткой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподниматься,
И скрылися отъ глазъ.

1793.

И мои бездѣлки. 1795 г. Подражаніе баснѣ Лафонтена:« L'alouette et ses petits avec le maître d'un champ».

XII.

СКАЗКА.

Ну, всѣхъ ли, милые мои, пересчитали?
Довольно, право, вѣдь устали?
Послушайте меня, я сказку вамъ скажу;
Садитесь всѣ вокругъ, да чуръ... ужъ не жу-жу!
Однажды адскій воевода,
Вы знаете, кто онъ?—
Угрюмый бородачъ, по имени Плутонъ,
Зоветъ къ себѣ, боговъ проворна скорохода,—
Эрмія и даетъ приказъ:
«Ступай на землю ты въ сей часъ
«И выбери мнѣ тамъ трехъ дѣвушекъ пригожихъ,
«*Или* хоть вдовушекъ, лишь съ Фуріями схожихъ,

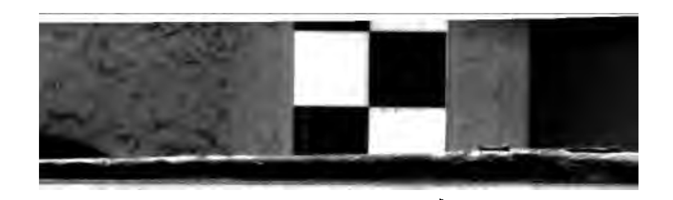
«А эти ужъ стары, пора имъ отдохнуть».—
Меркурій порхъ... и кончилъ путь
Скорѣй, чѣмъ два раза мигнуть!
Съ минуту погодя и важная Юнона
Ирисѣ говоритъ съ блистательнаго трона:
«Послушай, душенька, не можешь ли ты мнѣ
«Найти въ подлунной сторонѣ
«Трехъ дѣвушекъ прекрасныхъ,
«Не влюбчивыхъ, безстрастныхъ
«И цѣломудренныхъ, какъ чистыхъ голубицъ!
«Мнѣ очень хочется привесть Венеру въ краску..
«Повѣрю ль я, что всѣ смиренья носятъ маску,
«И нѣтъ упорныхъ ей ни женъ, ниже дѣвицъ».—
Ириса также порхъ, и по земному шару
Кидается и тутъ и тамъ,
По кроткимъ хижинамъ, по гордымъ теремамъ,
По кельямъ, — нѣтъ нигдѣ толь рѣдкаго товару!
Взвилася бѣдная опять подъ небеса.
«Возможно ль! Что за чудеса?»
Увидѣвши одну, Юнона закричала:
«О непорочность! что ты стала?»—
—«Богиня», воздохнувъ, посланница рекла:
«Изъ рукъ находка утекла!
«Сыскались было три, которы вѣкъ не знали
«И имени любви, но, ахъ, къ моей печали,
«Я поздно ужъ пришла: Эрмій перехватилъ!»—
— «Ахъ, онъ негодница! да кѣмъ онъ посланъ былъ?»
«Плутономъ».—«Какъ? и хрычъ затѣялъ ужъ измѣну?»—
—«Нѣтъ, Фуріямъ на смѣну».

1793.
И мои бездѣлки. 1795 г.

XIII.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
Что, еслибъ силою волшебною какою
Всевидящимъ я сталъ
И вдругъ открылись предо мною
Всѣ тѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ,
И дочери Судьбы отмѣнной красоты
Иль убѣгающей мечты
Безъ отдыха столь жадно ищутъ?

Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ: ужъ, кажется, въ рукахъ...
Ужъ сердце въ восхищеньи бьется...
Вотъ только что схватить... хоть какъ, такъ увернется
И въ тысячѣ уже верстахъ!
«Возможно ль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
Давно ль такой-то въ насъ искалъ?
А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
Онъ въ счастіи растетъ, а насъ за грязь кидаютъ!
Чѣмъ хуже мы его?» — Пусть лучше во сто разъ,
Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;
А къ этому прибавимъ:
Чинъ стоитъ ли того, что для него оставимъ
Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который въ древности удѣломъ былъ боговъ?
Фортуна — женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней, сама смягчится къ вамъ.
Такъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку.
Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ невдалекѣ,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,
Чтобы нажить огромный домъ,
Деревни, знатный чинъ — то и во снѣ лишь видѣлъ;
Другой богатствъ не ненавидѣлъ,
Однакожъ ихъ и не искалъ,
А кажду ночь покойно спалъ.
«Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:
На роднинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
Чего жъ и намъ здѣсь ждать? со временемъ — сумы?
Поѣдемъ лучше мы
Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
Авось и мы найдемъ, авось разбогатѣемъ». —
— «Ступай», сказалъ другой,
«А я останусь; мнѣ дорогъ мой покой,
«И буду спать, пока мой другъ не возвратится.» —
Тщеславный этому дивится,
И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть, дворъ;
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Присталъ къ нему, и по обряду

Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
Тамъ стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать,
Здѣсь такаетъ изъ всей онъ мочи,
Тутъ шепчетъ на ушко; — короче: дни и ночи
Нашъ витязь самъ не свой;
Но все то было втунѣ!
«Что за диковинка! онъ думаетъ: стой. стой,
Да слушай объ одной Фортунѣ,
А самъ все ничего!
Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего!
Слуга покорный вамъ, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
Въ Суратъ, въ Суратъ лечу! я слышалъ въ сказкахъ, тамъ
Фортунѣ съ давнихъ лѣтъ курится ѳиміамъ...»
Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣлѣли.
Но что же? не прошло недѣли,
Какъ странствователь нашъ отправился въ Суратъ,
А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадалъ, то въ хляби погружался;
Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;
Бѣднякъ бѣсился, клялъ, извѣстно, лютый рокъ,
Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ свѣта
Мы смертъ ловить, а къ ней и дома три шага! —
Синѣютъ между тѣмъ Индійски берега,
Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ кстати
Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Суратѣ!
«Фортуна здѣсь?» его былъ первый всѣмъ вопросъ.
— «Въ Японіи», сказали.
«Въ Японіи?» вскричалъ герой, повѣся носъ.
«Быть такъ! плыву туда». — И поплылъ; но къ печали
Разъѣхался и тамъ съ Фортуною слѣпой!
«Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняться за мечтой». —
И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился.
Завидя издали отеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился,
И, отъ души вздохнувъ, сказалъ:
«Ахъ! счастливъ, счастливъ тотъ, кто лишь по слуху зналъ
И дворъ, и океанъ, и о слѣпой богинѣ!
Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынѣ».
И такъ, съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ, и въ глазахъ.
Въ отчизну наконецъ вступаетъ;

Летитъ ко другу,—что жъ? какъ друга обрѣтаетъ?
Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ!

1794.

Аониды 1797 г. Переводъ изъ Лафонтена: «L'homme qui court après la fortune et l'homme qui l'attend dans son lit».

XIV.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты:
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнасъ,
А я... признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила,
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ
И бросясь на постель, займусь Шехерезадой *).
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ... прощай, учитель,
Симбирскъ и Волга!.. все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ, и духовъ,
И визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видѣ кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучше ль вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ неважны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайте-жъ. Во дни или самого Могола,
Или наслѣдника его престола,

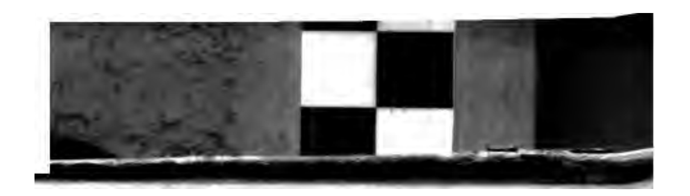
*) Лицо изъ арабскихъ сказокъ: «Тысяча одна ночь». *Прим.*

Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей — одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣднiй отдалъ долгъ, какъ говорятъ, природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ, потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
«Дай», говоритъ, «куплю посуды я хрустальной
«На всю мою казну,
«И ею торговать начну:
«Сначала въ малый торгъ, а тамъ—авось и въ дальной!»
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ: купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
Все, все изъ хрусталя!—Склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой вслухъ началъ разсуждать:
«Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, счастiе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна,
Здѣсь въ коробѣ погребена —
Вотъ вздоръ какой мелю! — погребена.. пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ, по крайней мѣрѣ вдвое;
Двѣ сотни — хоть куда изрядненькiй доходъ!
На нихъ... еще куплю посуды; лучше тише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,
И также въ коробъ погребу.
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я, наконецъ, ужъ быть и въ десяти,
И болѣе — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду... ювелиръ! Боярынямъ, боярамъ,
Начну я продавать алмазы, изумрудъ.
Лазурь и яхонты, и... и — всего не вспомню!
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ!

Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;
Нѣтъ, только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива;
А у меня тогда
Всѣ тропки поростутъ персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.
А о столѣ уже ни слова:
Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,
Какого у меня не будетъ за столомъ!
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: пашей, наложницъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и кадіевъ лихихъ —
Визирскихъ подлипалъ. — И такъ умомъ, трудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: «вступи въ родство со мною;
Будь тесть мой!» Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но, нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна;
И я, по свадебномъ обрядѣ,
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ въ огнѣ
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю визирю. За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,

И, въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ,
Среди куреній благовонныхъ.
Я, сѣвши важно, какъ султанъ,
Скажу ему: «Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
«Обѣщанные мной тебѣ за перву ночь!
«И сверхъ того еще вотъ пять, во увѣренье,
«Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь,
«А съ ними и мое прими благодаренье».
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра... о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу: весь народъ,
Отъ млада до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричитъ, составя хоръ:
«Да здравствуетъ супругъ Земиры!»
А въ залѣ знатность: сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ,
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю;
И тутъ-то важну роль вельможи начинаю:
У одного я руку жму;
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему;
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,
Съ которой около трехъ дней
Я жилъ душою въ душу!
О! я уже тебя не трушу;
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь, —
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь...
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь;
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя, по правой, по другой!
Пинками!» И въ жару восторга нашъ мечтатель,
Визирскій гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ; а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ, и — въ дребезги разбился! —

И такъ мои друзья, хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! — разжёнился.

1794.

Басни и Сказки. 1798 г. Переводъ изъ Imbert: «Alnascar».

XV.

ПРИЧУДНИЦА.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ государѣ,
А только слышалъ я, что русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день Свѣтла Воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть —
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрана процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она — однакожъ меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена,
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью.
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей Фортуною даны.
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,

Ни самая любовь — вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ ужасть *) неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ!
Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже —
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной —
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то̀ не струшу.
И такъ, Вѣтрана съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью; — а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки,
Творила на Руси неслыханныя штуки! —
О, если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой бывало ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь пылалъ тогда въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,

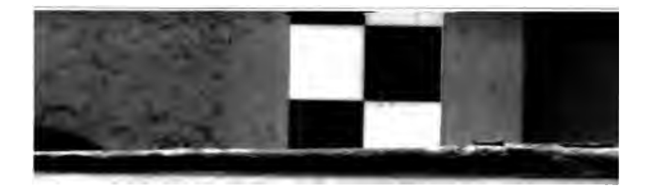
*) Слово употребительное и по нынѣ въ губерніяхъ. *Прим авт.*

Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ!
О, если бы теперь ты, витязь мой воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску —
Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ;
И такъ дослушайте жъ. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣтрана подъ окномъ,
И, возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, если бы она хоть глазки показала!
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
«Здорово, дитятко!» Вѣтранѣ говоритъ·
«Какъ поживаешь ты?.. Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отчего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся»... — «Матушка», отвѣтствуетъ она:
«Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу;
И все чего-то я ищу».
—«Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездорова?» —
«О! нѣтъ, грѣшно сказать.» — «Иль домъ вашъ не бога:
«Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ».
—«Иль мужъ обычая лихова?» —
«Напротивъ, врядъ найти другова,
Который бы жену столь горячо любилъ».
—«Иль онъ не нравится?» — «Нѣтъ, онъ довольно ми:

—«Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна?» —
«Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна».
—«Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ?» —
«Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю, и вижу,
Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?
Желанье дерзко... безразсудно,
То правда; но его исполнить мнѣ не трудно;
За чѣмъ же дурочку отказомъ огорчить!..
Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и поучить.
—«Изрядно!» наконецъ сказала.
«Исполнится, какъ ты желала».—
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны иль топазны.
Каковъ же Феинъ былъ дворецъ, признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ *) самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы,
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ),
Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты русски оды;

*) Авторъ поэмы: Душенька. Прим. авт.

А садъ — повѣрите ль? — не только описать
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй, выдумать не трудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много, много, что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Царское село себѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать. Вѣтрана, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ Вѣтранинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней, или фарфоръ...
Ахти, опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
«Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!»
Всевѣда говоритъ: «не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время
— Вѣдь у меня забѣтъ бремя —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она не далеко живетъ отсюда — въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану».
Тутъ коврикъ самолетъ она подостлала,
Ступила, свиснула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная Вѣтрана,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ;

Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.
Прошла спокойна ночь; Натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: «Проснись, проснись, счастливая Вѣтрана!»
Она проснулася — и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза расцвѣтала,
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
«Вѣтрана, насыщай свой взглядъ!»
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ

Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
«По чести это рай! Ну, если бы теперь!»
Вѣтрана думаетъ, «подкрался въ эту дверь.. »
И, слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы некстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тожъ — «Но что это за міръ?»
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ,
«Все эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда не поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь». —
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ,
И бѣдная Вѣтрана
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ,
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,

Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! и такъ, она рѣшилась,
Не мѣшкая, идти; и такъ, перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: куку!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за деревьевъ роги;
То слышится ау; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и Вѣтрана плачетъ!
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
«Стой! стой!» онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
«Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль неволѣ;
«Иль свѣта не увидишь болѣ!..
«Кто ты?»—нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.
Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку,
И поперегъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
И Клязьмы доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ!... и пробудилась —
Представте какъ она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели

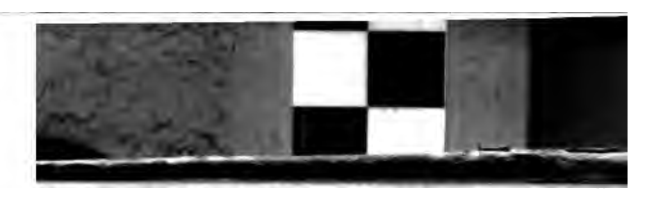

[illegible] и счастливы. —
[illegible] Ширина обнимать
[illegible] Вселенну;
[illegible] обьду;
[illegible]
[illegible] веселье,
[illegible]
[illegible]

XVI.
ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.
Соскучился одинъ все видѣть то жъ, да то жъ;
Задумалъ погулять и другу въ томъ открылся.
Тому вѣсть эта — острый ножъ;
Онъ вздрогнулъ, прослезился,
И къ другу возопилъ:
«Помилуй, братецъ, чѣмъ меня ты поразилъ?
«Легко ль въ разлукѣ быть?... тебѣ легко, жестокой!
«Я знаю; ахъ! а мнѣ... я съ горести глубокой
«И дня не проживу... къ тому же разсуди,
«Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускаться?
«Хоть до Зефировъ ты, голубчикъ, погоди!
«Къ чему спѣшить? еще успѣемъ мы разстаться!
«Теперь лишь Воронъ прокричалъ,
«И безъ сомнѣнія — страшуся я безмѣрно! —
«Какой-нибудь изъ птицъ напасть онъ предвѣщалъ,
«А сердце въ горести и пуще имовѣрно!
«Когда разстанусь я съ тобой,
«То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
«То Ястребомъ лихимъ, то лютыми стрѣлками,
«То Коршунами, то силками —
«Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
«Ахти мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ!
«Здоровъ ли то мой другъ? не терпитъ ли онъ холодъ?
«Не чувствуетъ ли голодъ?
«И мало ли чего не вздумаю тогда!» —
Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.
Затѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
А всетаки летѣть желаетъ.
Нѣтъ, братецъ, такъ и быть», сказалъ онъ. «полечу!
Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу;
Не плачь: пройдетъ дня три, и буду я съ тобою
«Клевать
«И ворковать
«Опять подъ кровлею одною;
Начну разсказывать тебѣ по вечерамъ —
«Вѣдь все одно да то жъ приговорится намъ —
«Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо;
«Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,

«А тамъ случилось то со мной —
«А ты, дружечекъ мой,
«Наслушаясь меня, такъ свѣдущъ будешь къ лѣту,
«Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣту.
Прости жъ!» — При сихъ словахъ
На мѣсто всѣхъ увы! и ахъ!
Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и разстались.
Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ;
Другой вспорхнулъ, взвился, летитъ, летитъ стрѣлою,
И вѣрно бъ съ горяча край свѣта залетѣлъ;
Но вдругъ покрылось небо мглою,
И прямо страннику въ глаза
Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, сказать вамъ словомъ
Со всею свитою, какъ водится, гроза!
При случаѣ такомъ опасномъ, хоть не новомъ,
Голубчикъ поскорѣй садится на сучокъ,
И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился,
И въ путь опять пустился.
Летитъ и видитъ съ высока:
Разсыпано пшено, а возлѣ — Голубка:
Садится, и въ минуту
Запутался въ сѣти; но сѣть была худа,
Такъ онъ противъ нее носкомъ вооружился:
То нимъ, то ножкою тянувъ, тянувъ, пробился
Изъ сѣти безъ вреда,
Съ утратой перьевъ лишь. Но это ли бѣда?
Къ усугубленью страха,
Явился вдругъ Соколъ, и, со всего размаха,
Напалъ на бѣдняка,
Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами,
Тащилъ съ собой снурокъ съ обрывками силка.
Но къ счастью тутъ Орелъ съ широкими крылами
Для встрѣчи Сокола спустился съ облаковъ:
И такъ, благодаря стеченію воровъ,
Нашъ путникъ Соколу въ добычу не достался:
Однако все еще съ бѣдой не развязался:
Въ испугѣ потерявъ и умъ, и зоркость глазъ,
Задѣлъ за кровлю онъ какъ-разъ,
И вывихнулъ крыло. Потомъ въ него мальчишка —
Знать голубиный былъ и въ томъ еще умишко —
Для шутки камешекъ лукнулъ.
[illegible]

Потомъ.... потомъ, проклявъ себя, судьбу, дорогу,
Рѣшился брести назадъ, полмертвый, полхромой;
И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.
О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ,
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? другъ другомъ восхищайтесь!
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный!
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей подруги озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ!... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И полно мнѣ любить?

И мои бездѣлки. 1795 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Les deux pigeons.»

XVII.

ДВА ДРУГА.

Давно уже, давно два друга гдѣ-то жили,
Одну имѣли мысль, одно они любили,
И каждый часъ
Другъ съ друга не спускали глазъ;
Все вмѣстѣ; только ночь одна ихъ разводила;
Но нѣтъ, и въ ночь душа съ душою говорила.
Однажды одному приснился страшный сонъ;
Онъ вмигъ изъ дому вонъ,
Бѣжитъ встревоженный ко другу,
И будитъ. — Тотъ вскочилъ:
«Какую требуешь услугу?»
Смутясь, онъ говорилъ:
«Такъ рано никогда мой другъ не пробуждался!
«Что значитъ твой приходъ? Иль въ карты проигрался?
«Вотъ вся моя казна! Иль кѣмъ ты огорченъ?
«Вотъ шпага! я бѣгу — умру, иль ты отмщенъ!»
— «Нѣтъ, нѣтъ, благодарю; не это, ни другое»,
Другъ нѣжный отвѣчалъ: «останься ты въ покоѣ;

«Проклятый сонъ всему виной!
«Мнѣ снилось на зарѣ, что другъ печаленъ мой,
«И я.... я столько тѣмъ смутился,
«Что тотчасъ пробудился
«И прибѣжалъ къ тебѣ, чтобъ успокоить духъ». —
Какой безцѣнный даръ,—прямой, сердечный другъ!
Онъ всякія къ твоей услугѣ ищетъ средства:
Отгадываетъ грусть, предупреждаетъ бѣдства:
Его бездѣлка, сонъ, ничто приводитъ въ страхъ,
Другъ въ сердцѣ, другъ въ умѣ — и онъ же на устахъ!

И мои бездѣлки. 1795 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Les deux amis».

XVIII.

Дубъ и Трость.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
«Жалѣю», Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
«Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
«Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
«Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
«Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
«И гнетъ тебя къ земли;
«Тогда какъ я — высокъ, осанистъ, и вдали
«Не только Фебовы лучи пресѣкаю,
«Но даже бурный вихрь и громы презираю;
«Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
«Все для меня Зефиръ, тебѣ жъ все Аквилонъ.
«Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
«Подъ тѣнію моей густою
«Ты бъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
«Рости, на мѣсто злачна дола,
«На тонкихъ берегахъ владычества Эола.
«По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ».
—«Ты очень жалостливъ», Трость Дубу отвѣчала:
«Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
«Да не о чемъ и воздыхать:
«Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны,
«Хотя порывы ихъ ужасны
«И не могли тебя досель поколебать.
«Но подождемъ конца». Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ,
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется — Дубъ стоитъ.

Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

И мои бездѣлки. 1795 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Le chêne et le roseau».

XIX.

ЗАЯЦЪ И ПЕРЕПЕЛИХА.

Какъ надъ несчастливымъ, мнѣ кажется, шутить?
Ей Богу, я и самъ готовъ съ нимъ слезы лить;
И кто изъ насъ, друзья, увѣренъ въ томъ сердечно,
Что счастливъ будетъ вѣчно?
Послушайте! Я вамъ примѣръ на то скажу.
Съ перепелихою жилъ заяцъ чрезъ межу;
Она и онъ во всемъ довольны;
Мѣста владѣнья ихъ привольны:
Лѣсисты, хлѣбныя, водъ не занимать,
И словомъ,—есть ужъ гдѣ побѣгать, попорхать,
Но льзя ли будуще узнать?
Вдругъ лаянье вдали собачье раздалося,
И сердце кровію у зайца облилося.
Вскочилъ—и ну бѣжать, прощай, любезный боръ!
Охотники кричатъ: «ату! ату! обзоръ!»
А дерзкая перепелиха
Лепечетъ: «я вѣдь не трусиха,
«Давай, за ними полечу
«И ссорѣ ихъ похохочу.
«Ай, заяцъ! ай, сосѣдъ! какія жъ прытки ноги!
«Ахти! ужъ и присталъ! Сверни! сверни съ дороги!
«Куда ты мечешься? Сюда, сюда, косой!
«Ну... поминай, какъ звали!
«А хвастался передо мной.
«Меня бы ни орелъ, ни ястребъ не догнали,
«Увидѣли бъ, какъ я черкнула бъ... ай! ай! ай!»
И въ когти къ соколу попалась невзначай.

И мои бездѣлки. 1795 г.

XX.

ИСТУКАНЪ И ЛИСА.

Оселъ, какъ скотъ простой,
Глядитъ на Истуканъ пустой
И лижетъ позолоту;

А хитрая Лиса, взглянувши на работу
Прилежно раза два,
Пошла и говоритъ: «Прекрасна голова,
«Да жаль, что мозгу нѣтъ!»—Безмозглые вельможи!
Не правда ли, что вы съ симъ Истуканомъ схожи?

И мои безделки. 1795 г.

XXI.
СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесятъ, рылъ яму и кряхтѣлъ:
Добро бы строить, нѣтъ! садить еще хотѣлъ!
А трое молодцовъ, зѣвая на работу,
Смѣялися надъ нимъ. «Какую же охоту
«На старости Богъ далъ!»
Одинъ изъ нихъ сказалъ.
Другой прибавилъ: «что жъ? еще не опоздалъ!
«Ковчегъ и большаго терпѣнья стоилъ Ною.»
—«Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!»
Примолвилъ третій Старику:
«Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку:
«Когда жъ тебѣ дождаться,
«Подъ тѣнію твоей рябинки прохлаждаться?
«Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ
«Невѣренъ.
[illegible]
Совѣтъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!
«Послушайте меня, друзья», Старикъ сказалъ въ отвѣтъ,
«Что завтра не мое, не ваше,
[illegible]

«Надъ вашей, розами усыпанной... могилой!»
Старикъ предчувствовалъ: одинъ, прельстясь пескомъ,
Конечно золотымъ, уснулъ на днѣ морскомъ;
Другой подъ миртами исчезъ въ цвѣтущи лѣта;
А третій—дворянинъ, за честь къ отмщенью скоръ,
Войдя съ пріятелемъ въ театрѣ въ легкій споръ,
За креслы, помнится... убитъ изъ пистолета.

И мои бездѣлки 1795 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Le vieillard et les trois jeunes hommes».

XXII.

ОРЕЛЪ, КИТЪ, УЖЪ И УСТРИЦА.

Орелъ парилъ подъ облаками,
Китъ волны разсѣкалъ, а Ужъ ползъ по земли;
И всѣ, что рѣдкость между нами,
О томъ и думать не могли,
Чтобъ позавидовать чужой на свѣтѣ долѣ.
Однако говорить и мыслить въ нашей волѣ
И Устрица моя нимало не винна,
Что глядя на того, другого,
Возстала на судьбу она.
«Возможно ль! думаетъ, и неужель никакого
Таланта не дано лишь только мнѣ одной?
Дай полечу и я!.... Нѣтъ, это даръ не мой;
Дай поплыву!»—Все идетъ хило;
«Хоть пополземъ».—Не тутъ-то было!
А что и этого досаднѣе сто разъ:
Подкрался водолазъ,
Который видно что подслушалъ,
Схватилъ ее, да въ ротъ, и на здоровье скушалъ.

Вотъ такъ-то весь нашъ вѣкъ
Въ пустыхъ желаньяхъ погибаетъ,
И рѣдкій человѣкъ
Доволенъ участью бываетъ.
«Изрядно, но.... авось и лучшее найду».
А смотришь: и нашелъ бѣду!

Пріятное и полезное препровожденіе времени. 1795 г., ч. VIII.

XXIII.

КОКЕТКА и ПЧЕЛА.

Прелестная Лизета
Лишь только что успѣла встать
Съ постели роскоши, дойти до туалета
И дружескій совѣтъ начать
Съ повѣреннымъ всѣхъ чувствъ, желаній,
Отрадъ, веселья и страданій:
Съ уборнымъ зеркаломъ,—вдругъ страшная пчела
Вокругъ Лизеты зажужжала!
Лизета обмерла,
Вскочила, закричала:
«Ахъ, ахъ! миссъ Женни, поскорѣй!
«Параша! Дунюшка!»—Весь домъ сбѣжался къ ней.
Но поздно! ни любовь, ни дружество, ни злато,
Ничто не отвратитъ неумолимый рокъ:
Чудовище крылато
Успѣло уже сѣсть на розовый ротокъ,
И Лиза въ обморокъ упала.
«Не дамъ торжествовать тебѣ надъ госпожей!»
Вскричала Дунюшка и смѣлою рукой
Въ минуту пчелку поймала;
А плѣнница въ слезахъ, въ отчаяньѣ жужжала:
«Клянуся Флорою! хотѣла ли я зла?
«Я аленькій ротокъ за розу приняла.»
Столь жалостная рѣчь Лизету воскресила.
«Дуняша!» говоритъ Лизета: «жаль пчелы;
«Пусти ее; она почти не уязвила».

. . .

Какъ сильно дѣйствуетъ и крошечка хвалы!

Аониды 1797 г. Переводъ изъ Флоріана: «La coquette et l'abeille».

XXIV.

ЛАСТОЧКА и ПТИЧКИ.

Летунья Ласточка и тамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна
И стали сѣять ленъ.—«Не по сердцу мнѣ это?»

Пичужечкамъ она твердитъ:
«Сама я не боюсь, но васъ жаль; придетъ лѣто,
«И это сѣмя вамъ напасти породитъ;
«Произведетъ силки и сѣтки,
«И будетъ вамъ виной
«Иль смерти, иль неволи злой;
«Страшитесь вертѣла и клѣтки!
«Но умъ поправитъ все, и вотъ его совѣтъ:
«Слетитесь на загонъ и выклюйте все сѣмя».
—«Пустое!» разсмѣясь, вскричало мелко племя:
«Какъ будто намъ въ поляхъ другого корма нѣтъ!»—
Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,
А птичка ту же пѣсню пѣть.
«Эй худу быть! еще вамъ, птички, предвѣщаю:
«Не дайте льну созрѣть;
«Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться лиха!»
—«Молчи, зловѣщая вралиха!»
Вскричали птички ей:
«Ты думаешь легко выщипывать все поле!»
Еще прошло десятокъ дней,
А можетъ и гораздо болѣ,
Ленъ выросъ и созрѣлъ.
«Ну, птички, вотъ ужъ ленъ поспѣлъ;
«Какъ хочете меня зовите»—
Сказала Ласточка: «а я въ послѣдній разъ
«Еще пришла наставить васъ:
«Теперь того и ждите,
«Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать
«А послѣ съ вами воевать:
«Силками васъ ловить, изъ ружей убивать,
И сѣтью накрывать;
«Избавиться такого бѣдства
«Другого нѣтъ вамъ средства,
«Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не Журавли,
«Для васъ вѣдь море край земли;
«Такъ лучше ближе пріютиться,
«Забиться въ гнѣздышко, да въ немъ не шевелиться».
—«Пошла, пошла! другихъ стращай
«Своимъ ты вздоромъ!»—
Вскричали пташечки ей хоромъ:
«А намъ гулять ты не мѣшай».—
И такъ онѣ въ поляхъ летали, да летали,
Да въ клѣтку и попали.

Всякъ только своему разсудку вслѣдъ идетъ;
А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

Аониды 1797 г. Переводъ изъ Лафонтена: «L'hirondelle et les pet: oiseaux».

XXV.

ШАРЛАТАНЪ.

Однажды Шарлатанъ во весь горланилъ ротъ:
«Ступай ко мнѣ, народъ!
«Смотри и покупай: вотъ порошокъ чудесный!
«Онъ умъ даетъ глупцамъ,
«Невѣждамъ—знаніе, красотокъ—старикамъ,
«Старухамъ—прелести, достоинства плутамъ,
«Невинность преступленью;
«Вотъ первый способъ къ полученью
«Всѣхъ благъ, какія насъ удобны только льстить!
«Повѣрьте, говорю неложно,
«Чрезъ этотъ порошокъ возможно
«На свѣтѣ все достать, все знать и все творить;
«Глядите!»—и народъ стекается толпами.
Вѣдь любопытство не порокъ,
Бѣгу и я; но что жъ открылось передъ нами?
Въ бумажкѣ—золотой песокъ.

Аониды 1797 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le charlatan».

XXVI.

ЖЕЛАНІЯ.

Сердися, Лафонтенъ, иль нѣтъ
А я съ нимъ не могу разстаться.
Что дѣлать? виноватъ, свое на умъ нейдетъ,
Такъ за чужое приниматься.
Слыхали ль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
Которыхъ за просто зовемъ мы домовыми?
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ ими;
Они во всѣхъ странахъ
Живутъ между людей, неся различны службы,
—Безъ всякой платы, лишь изъ дружбы—
Кто правитъ кухнею, кто холитъ лошадей;
Иные берегутъ людей
Отъ злаго глаза и уроковъ
И всѣ имѣютъ даръ пророковъ

Одинъ изъ тѣхъ духовъ
Былъ въ Индіи у мѣщанина
Хранителемъ его садовъ.
Онъ госпожу и господина
Любилъ не меньше, чѣмъ родныхъ;
Всегда, бывало, ихъ
Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
И въ упражненьи всякій часъ:
То мирточки садитъ, то лучшій ананасъ
Къ столу хозяевъ выбираетъ.
Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
Но доброе всегда не прочно!
Не знаю точно,
Что было этому виной —
Политика, или товарищей коварство —
Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой
Летѣть въ другое государство;
— Куда жъ? сказать ли вамъ,
Сердца чувствительны и нѣжны?
Изъ мѣстъ, гдѣ счета нѣтъ цвѣтамъ,
Изъ вѣчнаго тепла, въ сугробы, въ горы снѣжны,
На край Норвегіи! Вдругъ изъ Индѣйца будь
Лапландецъ! Такъ и быть, слезами не поправить,
А только лишь надсадишь грудь.
«Прощайте, господа! мнѣ должно васъ оставить!»
Со вздохомъ добрый Духъ хозяйвамъ говорилъ:
«Я здѣсь ужъ отслужилъ;
«Нашъ князь указъ наслалъ, предписываетъ строго
«Летѣть на сѣверъ мнѣ. Хоть грустно, но летѣть!
«Недолго, милые, уже на васъ глядѣть:
«Съ недѣлю, мѣсяцъ много.
«Что мнѣ оставить вамъ за вашу хлѣбъ и соль,
«Въ знакъ моего признанья?
«Скажите; я могу исполнить три желанья».
Извѣстенъ человѣкъ: просить чего? изволь,
Сейчасъ готовы крылья.
«Ахъ! изобилья, изобилья!»
Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.
И изобиліе рѣкой
На домъ ихъ полилося:
Въ шкатулы золотомъ, въ амбары ихъ пшеномъ,
А въ выходы виномъ;
Верблюдовъ табуны—откуда что взялося!
Но сколько жъ и заботъ прибавилося съ тѣмъ!

Легко ли усмотрѣть за всѣмъ,
Все счесть, все записать? минуты нѣтъ покоя:
Въ день доброхотовъ угощай,
Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ давай,
А въ ночь дрожи и жди разбоя.
«Нѣтъ, Духъ!» они кричатъ: «возьми свой даръ назад
«Съ богатствомъ не житье, а въ-живѣ сущій адъ!
«Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,
«Наставница людей,
«Посредственность безцѣнна!
«Приди, и возврати намъ счастье прежнихъ дней!»
Она пришла, и два желанія свершились;
Осталось третье объявить:
Подумали они, и наконецъ рѣшились
Благоразумія просить,
Которое во всяко время
Нигдѣ и никому не въ бремя.

Аониды 1797 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Les Souhaits».

XXVII.

СОВѢСТЬ.

Не тигръ, а человѣкъ—и сынъ убилъ.... отца!
Убилъ, но никому невѣдомо то было;
Однакожъ сердце въ немъ уныло,
Завянулъ цвѣтъ лица,
Сталъ робокъ, одичалъ и наконецъ сокрылся
Въ дремучіе лѣса.
Однажды, между тѣмъ какъ онъ бродилъ, томился,
Попалося ему въ глаза
Воробышковъ гнѣздо; онъ подобралъ каменья
И началъ въ нихъ лукать.
Прохожій, видя то и выйдя изъ терпѣнья,
Кричитъ ему: «почто невинныхъ убивать?»
— «Какъ!» онъ отвѣтствуетъ, «легка ли небылица?
«Проклятые кричатъ, что я отцеубійца!»—
Прохожій на него бросаетъ строгій взоръ;
Онъ весь трясется и блѣднѣетъ;
Злодѣйство на челѣ часъ-отъ-часу яснѣетъ;
Винится, и вкусилъ со смертію позоръ.
О совѣсть! добрыхъ душъ послѣдняя подруга!
Гдѣ уголокъ земного круга,
Куда бы не проникъ твой глазъ?
Неумолимая! вездѣ найдешь ты насъ.

Басни и Сказки. 1798 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le parricide».

XXVIII.
МАГНИТЪ и ЖЕЛѢЗО.

Природу одолѣть превыше нашихъ силъ:
Смиримся же предъ ней, не умствуя нимало.
«Зачѣмъ ты льнешь?» Магнитъ желѣзу говорилъ.
— Зачѣмъ влечешь меня? Желѣзо отвѣчало.
Прелестный, милый полъ! чѣмъ кончу я разсказъ,
Легко ты отгадаешь.
Подобно такъ и ты безъ умысла прельщаешь,
Подобно такъ и мы невольно любимъ васъ.

1800.
Изданіе 1803 — 1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Арно.)

XXIX.
ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
«Оставя нашу нору,
«И перебравшися чрезъ гору,
«Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
«Какъ молодой Мышенокъ,
«Который хочетъ показать,
«Что онъ ужъ не ребенокъ.
«Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
«Какіе звѣри, самъ не зналъ:
«Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
«Такъ миловиденъ былъ собою!
«Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою:
«Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
«Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
«Какой-то огненнаго цвѣта,
«И будто двѣ руки, служащи для полета;
«Онъ ими такъ махалъ,
«И такъ ужасно горло дралъ,
«Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги—
«Скорѣе отъ него съ дороги.
«Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
«Нашелъ наставника и друга!
«Въ глазахъ его была написана услуга:
«Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
«Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,

«Смиренны, кроткіе, но полные огня!
«Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня,
«Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
«А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
«Что у него должна быть симпатія съ нами,
«Высокородными Мышами».
— «А я тебѣ на то скажу»,—
Мышенка мать остановила:—
«Что этотъ доброхотъ,
«Котораго тебя наружность такъ прельстила,
«Смиренникъ этотъ... Котъ!
«Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губител
«Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
«Не только отъ него не видимъ мы вреда,
«Иль огорченья,
«Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
«Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья».
1802.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. VI. Переводъ изъ Лафонтена: cochet, le chat et le souriceau».

XXX.

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Какой-то государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ.
«Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ;
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ни чѣмъ!»
Чувствительный монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ:
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся.

А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
«Вотъ точный образъ мой», сказалъ самовластитель:
«И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими жъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ какъ царь порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ,
Куда? и самъ не зналъ:
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ сосцамъ;
А Пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
«Не сдобровать, овечки, вамъ!
Царь мыслитъ: волкъ любви не чувствуетъ закона,
И Пастуху свирѣль худая оборона».
А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по—прежнему собралъ;
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
Тогда уже въ царѣ терпѣнія не стало.
«Возможно ль?» онъ вскричалъ: «здѣсь множество волковъ.
«А ты одинъ... умѣлъ сберечь большое стадо!»
— «Царь!», отвѣчалъ Пастухъ, «тутъ хитрости не надо:
«Я выбралъ добрыхъ псовъ».

1802.

Вѣстникъ Европы 1802 г., ч. VI. Переводъ изъ Флоріана: «Le roi et les deux bergers».

XXXI.

ЛЕТУЧАЯ РЫБА.

Есть рыбы, говорятъ, которыя летаютъ.
Не бойтесь, я хочу не Плинія читать,
А только вамъ сказать,
Что и у рыбъ бываютъ
Такіе жъ мудрецы и трусы, какъ у насъ.
Вотъ и примѣръ для васъ.
Одна изъ рыбъ такихъ и день и ночь грустила
И бабушкѣ своей твердила:
«Ахъ, бабушка! куда отъ зла бы мнѣ уйти?
«Гоненіе и смерть повсюду на пути!
«Лишь только я летать, орлы клюютъ носами;
«Нырну въ глубь моря, тамъ встрѣчаема волками!»
Старуха ей въ отвѣтъ:
«Что дѣлать, дитятко! таковъ сталъ нынѣ свѣтъ!
«Кому не суждено Орломъ быть, или Волкомъ,
«Тому одинъ совѣтъ, чтобъ избѣжать бѣды:
«Держись всегда своей тропинки тихомолкомъ,
Плывя близъ воздуха, летая близъ воды».

1803.
Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VII. Переводъ Флоріана: «Le poisson volant».

XXXII.

СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА.

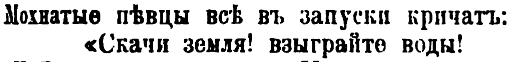
Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье,
Вставая ото сна и отходя ко сну,
Такое приносить моленье:
«Хранитель ангелъ мой! спаси мою жену;
Не дай упасть ей въ искушенье,
А ежели ужъ я... не дай про то мнѣ знать;
А если знаю я, то дай мнѣ не видать;
А если вижу я, даруй ты мнѣ терпѣнье!»

1803.
Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VII.

XXXIII.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

[illegible] Въ [illegible] [illegible]дахъ.
[illegible] страхахъ.
[illegible] жертвы [illegible]

Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
«Скачи земля! взыграйте воды!
«У Льва родился сынъ!» И вправду, кто не радъ?
Межъ тѣмъ, когда всякъ звѣрь восторгомъ упивался,
Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать?
Наставникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незлобенъ;
Кто бъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе способенъ?
Не шутка скоро отгадать.
Царь, въ нерѣшимости, велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,
Препоручилъ избрать ему,
По чистой совѣсти, по долгу своему,
Для сына въ менторы достойнѣйшаго звѣря.
Всталъ Тигръ, и говоритъ:
«Война, война царей великими творитъ;
«Твой сынъ, о государь, быть долженъ страхомъ свѣта;
«И такъ, образовать его младыя лѣта
«Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
«Который всѣхъ по Львѣ ужаснѣй и страшнѣй».
— «И осторожнѣе», Медвѣдь къ тому прибавилъ;
«Чтобъ онъ младаго Льва наставилъ
«Умѣть и храбростью своею управлять».—
Противу мнѣнья двухъ Лисѣ идти не можно;
Однакожъ, такъ и сякъ начавъ она вилять
Замѣтила, что дядькѣ должно
Знать и политику, быть хитраго ума,
Короче: какова сама.
За нею тотъ и тотъ свой голосъ подавали,
И всѣ они, хотя себя не называли,
Но ясно намекали,
Что въ дядьки лучше ихъ ужъ некого избрать:
Совѣты и вездѣ почти на эту стать.
«Позволено ль и мнѣ сказать четыре слова?»
Собака, наконецъ, свой голосъ подала:
«Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,
«Какъ много шума, много зла.
«Но славенъ добрый царь коварствомъ ли и кровью?
«Какъ подданныхъ своихъ составить счастье онъ?
«Какъ будетъ ихъ отцомъ? Чѣмъ утвердить свой тронъ?
«Любовью.
«Вотъ таинство, вотъ ключъ къ высокой и святой
«Наукѣ добраго правленья!
«Кто жъ Принцу лучшія подастъ въ ней наставленья?

«Никто, какъ самъ отецъ». Тигръ смотритъ, какъ шальной,
Медвѣдь, другіе то-жъ; а Левъ, отъ умиленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать.
«Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?
«О добрый звѣрь! тебѣ вручаю
«Я счастіе мое и подданныхъ моихъ;
«Будь сыну моему наставникомъ! Я знаю,
«Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ,
«Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ».
Собака отъ царя идетъ съ дитятей въ поле,
Лелѣетъ, пѣстуетъ, и учитъ между тѣмъ.
Урокъ былъ первый тотъ, что онъ щенокъ, не Львенокъ,
И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ день за днемъ
Уже питомецъ не ребенокъ,
Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
Которыя въ удѣлъ отцу его даны;
И Львенокъ въ первый разъ узналъ насильство власти,
Народовъ нищету, звѣрей худыя страсти:
Лиса ѣстъ кроликовъ, а Волкъ душитъ овецъ,
Оленя давитъ Барсъ; повсюду наконецъ
Могущіе богаты,
Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А Обезьяну золотятъ.
Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.
«Наставникъ», онъ сказалъ, «подобныя дѣла
«Доходятъ ли до свѣдѣнья царева?
«Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!»
—«Какъ могутъ доходить», Собака отвѣчаетъ:
«Его одна толпа счастливцевъ окружаетъ,
«А имъ не до того; а тѣ, кого съѣдятъ,
«Не говорятъ».—
И такъ, нашъ Львеночекъ, безъ дальнихъ размышленій
О томъ, въ чемъ доброту и мудрость ставитъ свѣтъ,
И добръ сталъ, и уменъ; но въ этомъ дива нѣтъ:
Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій.
Онъ, въ доброй школѣ той взрастая, получилъ
Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожъ все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему открылъ.
Однажды на пути Собака захотѣла
Взять отдыхъ и легла подъ тѣнію деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ страшный зѣвъ
И прямо къ ней — но Левъ,

Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой головою,
Взревѣлъ — и Тигръ уже растерзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ,
И вопитъ: «побѣдилъ! благодарю судьбину!
«Но я ль то былъ, иль нѣтъ?... Повѣришь ли, отецъ,
«Что въ этотъ мигъ, когда твой близокъ былъ конецъ,
«Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину;
«Я точно... былъ какъ Левъ! — «Не ложно, Левъ и есть,»
Наставникъ отвѣчалъ, облившися слезами.
«Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:
«Отнынѣ.... кончилось равенство между нами;
«Ты царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
«Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;
«Но ты.... и радости и грусти мнѣ причина!
«Прости, о государь, невольно слезы лью...
Отечеству отца даю,
А самъ.... теряю сына!»

1802.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. IX. Переводъ изъ Флоріана: «L'éducation du lion».

XXXIV.

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ.

Двѣ Лошади везли карету;
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:
«Съ какою завистью смотрю на пару эту!
«Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ-нибудь ея я не встрѣчалъ;
«Все вмѣстѣ: видно очень дружны!» —
— «Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!»
Сказала вслѣдъ ему одна изъ Лошадей:
«Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
«Диковинка ль, всегда въ упряжкѣ быть одной,
«А розно жить душой?
«Увы! не намъ чета живутъ на насъ похоже».
Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ собраньи то же.

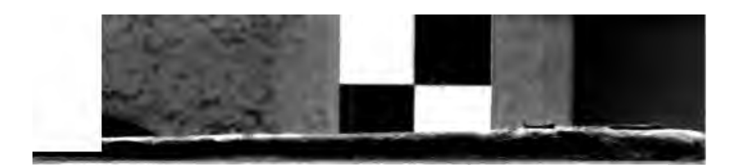
1802 г.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. XII. Переводъ изъ Imbert: «Les chevaux de carosse».

XXXV.

АМУРЪ И ДРУЖБА.

«Сестрица душенька!» — «Здорово, братецъ мой!» —
«Леталъ, леталъ»! — «А я до устали шаталась!» —

«Гдѣ взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой!»
«Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣчалась!»—
«Какой сталъ свѣтъ!» — «Давно ужъ это говорятъ».—
«Всѣ клятвы на пескѣ!» — «Услуги въ обѣщаньѣ!
«Подъ именемъ моимъ Корысть боготворятъ.» —
«А подъ моимъ: Желанье».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII. Переводъ изъ Гишара: «L'Amour et l'Amitié».

XXXVI.

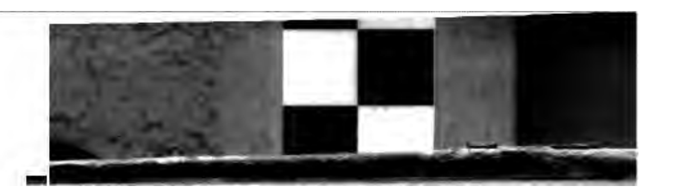
ФИЛЕМОНЪ И БАВКИДА.

Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ:
Что въ нихъ, когда со мной заботы вѣкъ живутъ?
Когда духъ зависти, несчастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его, какъ вранъ у Промеѳея?
Ахъ, это сущій адъ! Гдѣ жъ счастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ, воленъ,
Не алча лишнягѣ, и тѣмъ, что есть, доволенъ;
Захочетъ ли за лугъ, за тѣнь своихъ лѣсовъ,
Тѣнь только счастія купить временщиковъ?
Нѣтъ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ страдальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не дастъ Фортуна ничего.
Придетъ ли къ цѣли онъ теченья своего,
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ:
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Примѣромъ въ этомъ намъ послужитъ Филемонъ.
Съ Бавкидой съ юныхъ лѣтъ соединился онъ;
Ни время, ни Гименъ любви ихъ не гасили:
Четыредесять жатвъ вдвоемъ они ходили
За всѣмъ въ своемъ быту, безъ помощи другихъ.
Все старится; остылъ любовный жаръ и въ нихъ —
Однако въ нѣжности любовь не ослабѣла,
И въ чувствахъ дружества продлить себя умѣла.
Но добрыхъ много ли? Развратъ ихъ земляковъ
Подвигнулъ наконецъ на гнѣвъ царя боговъ:
Юпитеръ сходитъ къ нимъ съ своимъ крылатымъ сыномъ.—
Не съ громомъ, не въ лучахъ, а такъ, простолюдиномъ,
Подъ видомъ странника — и что жъ? вездѣ отказъ,
Вездѣ имъ говорятъ: «намъ тѣсно и безъ васъ,
Ступайте далѣе!» — Отринутые боги

Пошли уже назадъ, какъ влѣвѣ отъ дороги,
Надъ свѣтлымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни,
Узрѣли хижину смиренную они,
И повернули къ ней. Меркурій постучался.
Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ показался.
«Добро пожаловать!» сказалъ имъ Филемонъ:
«Вы утрудилися, дорожнымъ нуженъ сонъ —
Ночуйте у меня, повечеряя съ нами;
Спознайтесь съ нашими домашними богами:
Они скудельные, но къ смертному добры.
У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры,
Но менѣе ль за то они въ привольѣ жили?
Увы! теперь его изъ золота мы слили,
А онъ уже не такъ доступенъ сталъ для насъ!
Бавкида! тамъ вода; согрѣй ее тотчасъ:
Поставимъ хлѣбъ и соль; мы скудны, но усердны;
Вотъ все, что боги намъ послали милосердны!»
Бавкида хворосту сухаго набрала,
Потомъ погасшій огнь въ горнушкѣ разгребла,
И силится раздуть. Вода уже вскипаетъ:
Хозяинъ путниковъ усталыхъ обмываетъ,
Прося за медленность его не осудить;
А чтобъ до ужина имъ время сократить,
Заводитъ съ ними рѣчь, не о любимцахъ счастья,
Не о вліяніи и блескѣ самовластья,
Но лишь о томъ, что есть невиннаго въ поляхъ,
Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ.
Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ,
Раскидываетъ платъ, кидаетъ горсть цвѣтовъ,
И ставитъ хлѣбъ, млеко и нѣсколько плодовъ;
Потомъ худой коверъ, который сберегала
На случай праздниковъ, по ложу разостлала,
И проситъ на него возлечь своихъ гостей.
Уже они, среди привѣтливыхъ рѣчей,
За вечерей виномъ усталость подкрѣпляютъ:
Но сколько ни піютъ, вина не убавляютъ!
Бавкида, Филемонъ недвижимы стоятъ,
Со изумленьемъ другъ на друга мещутъ взглядъ,
И оба съ трепетомъ предъ путниками пали. —
По чудодѣйствію легко они познали
Того, кто вздыметъ бровь, и зыблетъ сводъ небесъ! —
«О боже!» Филемонъ дрожащій гласъ вознесъ:
«Прости невольнаго минуту заблужденья!

И могъ ли смертный ждать такого посѣщенья?
О гость божественный! гдѣ взять намъ ѳиміамъ?
Прилична ль наша снѣдь, толь скудная, богамъ?
Но чѣмъ и самый царь ихъ угоститъ достойно?
Простымъ усердіемъ: вотъ все, что намъ пристойно!
Пусть море и земля имъ пиршество дадутъ:
Всесильные ему даръ сердца предпочтутъ».
Бавкида съ рѣчью сей бесѣду оставляетъ,
И входитъ въ огородъ; тамъ перепелъ гуляетъ,
Котораго сама взлелѣяла она;
Признаніемъ къ богамъ и вѣрою полна,
Уже она его во снѣдь для нихъ готовитъ;
Уже дрожащими руками птичку ловитъ,
Но птичка отъ нее ушла къ стопамъ боговъ,
И милосердый Дій невинной далъ покровъ.
Межъ тѣмъ вечерня тѣнь съ горъ пала на долины.
«Чета! иди за мной» сказалъ отецъ судьбины:
«Сей часъ свершится судъ: на родину твою
Весь гнѣва моего фіалъ я пролію,
И смерти все предамъ! пусть злые погибаютъ:
Ни хижинъ, ни сердецъ они не отверзаютъ».
Безсмертный рекъ, и горъ къ хребту направилъ путь;
И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, ужасно началъ дуть.
Бавкида, Филемонъ, на посохъ опираясь,
Подъ тяжкой древностью трясясь и задыхаясь,
Едва, едва идутъ; но съ помощью боговъ
И страха, взобрались на ближній изъ хребтовъ.
Вдругъ сонмы грозныхъ тучь подъ ними разразились,
И съ шумомъ рѣки водъ губительныхъ пустились,
Валъ гонитъ валъ, и мчитъ все, что ни попадетъ:
Скотъ, кущи и людей... исчезли, слѣда нѣтъ.
Бавкида родинѣ вздохъ сердца посвящаетъ,
И взоромъ, полнымъ слезъ, у бога вопрошаетъ:
«Пусть люди... но почто животныхъ онъ казнитъ?
Но чудо новое внезапу ихъ разитъ:
Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла:
Обмазка мраморомъ, солома златомъ стала,
И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
Въ минуту вознесли главы ко облакамъ!
Внутрь храма былъ вездѣ представленъ на порфирѣ,
Въ страхъ будущимъ вѣкамъ, сей дивный случай въ мірѣ —
Невидимо ваялъ все это божій перстъ.
Супруги мнятъ, что имъ Олимпъ уже отверстъ;
Въ смятеньи, внѣ себя, на все кругомъ взираютъ.

«Богъ, велій въ благости!» потомъ они вѣщаютъ:
«Мы видимъ храмъ; но кто служители ему?
Кто будетъ возносить къ престолу твоему
Молитвы путниковъ? О, если бы мы оба
Могли сподобиться въ семъ званьи быть до гроба!
О, если бы при томъ и геній смерти насъ
Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
Чтобъ мы другъ по другѣ тоски не испытали!»
«Да будетъ такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы желали!»
И было такъ. Теперь дерзну ль повѣдать вамъ
О томъ, чему едва могу повѣрить самъ?
Въ день нѣкій путники въ оградѣ сей божницы
Съ благоговѣніемъ стояли вкругъ двоицы,
И слушали ее о бывшихъ чудесахъ.
«Издревле, Филемонъ вѣщалъ имъ, въ сихъ мѣстахъ
Была весь грѣшниковъ, жилище нечестивыхъ;
Но Дій не потерпѣлъ сихъ извергoвъ кичливыхъ:
Онъ рекъ, насталъ потопъ, и всѣхъ ихъ потребилъ.
Остались только мы — такъ богъ благоволилъ!»
Тутъ Филемонъ взглянулъ на кроткую супругу,
И что? уже она, простерши руки къ другу,
Вся измѣняется, пріемлетъ древа видъ!
Онъ хочетъ ей сказать, обнять ее спѣшитъ:
Нѣтъ силъ поднять руки, уста его нѣмѣютъ;
Супруга и супругъ равно деревенѣютъ;
Пускаютъ отрасли, готовятся цвѣсти;
Другъ другу говорятъ лишь мыслію: прости!
Одинъ предѣлъ и срокъ власть божья имъ послала:
Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой стала;
И зрители, всѣ въ разъ воскликнувъ: чудеса!
Въ молчаньи набожномъ глядятъ на небеса.

Преданіе гласитъ, что къ симъ древамъ священнымъ,
Подъ тяжестью даровъ безчисленныхъ согбеннымъ,
Супруги на поклонъ текли изъ дальныхъ странъ,
По слуху, что имъ даръ чудотворенья данъ;
И тѣ, которые къ нимъ съ вѣрой приходили,
Въ цвѣту и въ зиму дней другъ друга вѣкъ любили.

Изданіе 1803 — 1805 г. Вольный переводъ изъ Лафонтена: «Philémon et Baucis».

XXXVII.

БАШМАКЪ, МѢРКА РАВЕНСТВА.

«Да что ты, долгій, возмечталъ?
«Я за себя и самъ, братъ, стану», —

Грудцою наскоча, вскричалъ
Какой-то карликъ великану.
«Твои, мои — права одни!» —
— «Не спорю, что равны они»,
Тотъ отвѣчаетъ безъ задору,
«Но мой башмакъ тебѣ не впору».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. IX.

XXXVIII.

ПРОХОЖІЙ.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пути,
Просилъ у братій позволенья
На колокольню ихъ взойти.
Взошелъ и сталъ хвалить различныя явленья,
Которыя ему открыла высота.
«Какія», онъ вскричалъ, «волшебныя мѣста!»
«Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
«Великолѣпныя картины!
«Не правда ли?» вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ братій, съ нимъ стоящихъ. —
— «Да!» труженикъ, вздохнувъ, отвѣтствовалъ ему:
«Для проходящихъ».

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. IX.

XXXIX.

КНИГА «РАЗУМЪ».

Въ началѣ міозданья,
Когда соборъ боговъ,
Не требуя себѣ ни агнцевъ, ни цвѣтовъ,
Всѣхъ тварей упреждалъ желанья,
Въ то время (слухъ дошелъ преданіемъ до насъ)
Юпитеръ въ милостивый часъ
Далъ книгу человѣку,
Котора замѣнить могла библіотеку;
Титулъ ей: Разумъ, — и она
Самой Минервою была сочинена
Съ той цѣлію, чтобъ въ ней всѣ возрасты узнали
Путь къ добродѣтели и счастливѣе стали;
Однакожъ въ дарѣ томъ небесномъ на земли

Немного прибыли нашли.
Читая сочиненье,
Младенчество однѣ въ немъ видѣло черты;
А юность — только заблужденье;
Вѣкъ зрѣлый — поздно сожалѣнье,
А старость — выдрала листы.

Изданіе 1803 — 1805 г. Переводъ изъ Обера: «Le livre de la raison».

XL.

ЗМѢЯ и ПІЯВИЦА.

«Какъ я несчастна!
«И какъ завидна часть твоя!»
Однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя:
«Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна;
«Тебѣ охотно кровь свою даютъ;
«Меня же всѣ бѣгутъ, и, если могутъ, бьютъ;
«А, кажется, равно мы съ ними поступаемъ:
«И ты, и я: людей кусаемъ».
— «Конечно!» былъ на то Піявицынъ отвѣтъ:
«Да въ цѣли нашей сходства нѣтъ;
«Я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю,
«А ты для ихъ вреда;
«Я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю,
«А ты и небольнымъ смертельна завсегда.
«Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права;
«Я имъ лекарство, ты отрава». —

Смыслъ этой басенки встрѣчается тотчасъ:
Не толи критика съ сатирою у насъ?

Изданіе 1803 — 1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «La vipère et la sangsue».

XLI.

ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ.

«Возможно ли, какъ въ тридцать лѣтъ
«Перемѣнилось все; ей, ей другой сталъ свѣтъ!» —
Подагрикъ размышлялъ, на креслахъ нянча ногу, —
«Бывало, въ наши дни и помолиться Богу,
«И погулять, — всему былъ часъ;
«А нынѣ, что у насъ?
«Повсюду скука да работы,
«Ни пляшутъ, ни поютъ, нѣтъ ни къ чему охоты.

«Такая ль встарину бывала и весна?
«Гдѣ нынѣ красны дни? гдѣ слышно птичекъ пѣнье?
«Охти мнѣ, знать пришли послѣдни времена;
«Предвижу я твое, природа, разрушенье!...»
При этомъ словѣ вдругъ, съ восторгомъ на лицѣ,
Племянница къ нему вбѣжала.
«Простите, дядюшка! насъ матушка послала
«Съ мадамой въ Лѣтній садъ. Всѣ, всѣ ужъ на крыльцѣ.
«Какой-же красный день!...» и вмигъ ея не стало.
«Какая вѣтренность! Вотъ модные умы!»
Мудрецъ нашъ заворчалъ: «такими ли, бывало,
«Воспитывали насъ? Мой Богъ, все хуже стало!»
Читатели! подагрикъ — мы.

Изданіе [illegible] — [illegible] г.

XLII.

ОСЕЛЪ, ОБЕЗЬЯНА и КРОТЪ.

Не [illegible] Осель [illegible] сталъ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
А [illegible] жить безъ [illegible] а [illegible] безъ [illegible] умереть!
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

X[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Былъ моръ; изъ края въ край все царство заразилось;
И рабъ, и господинъ, и попъ, лейбъ-медикъ самъ,
Все мретъ; а срокъ бѣдамъ
Зависѣлъ отъ ума Протея.
Но кто къ нему пойдетъ? Кривляка этотъ богъ
И прыткихъ дѣлывалъ безъ ногъ,
Различны виды брать умѣя.
Изъ тысячи гражданъ одинъ былъ только смѣлъ,
Который при дворѣ возросъ и посѣдѣлъ,
Идти на всякій страхъ во что бы то ни стало.
Увидя рыцаря, Протей затрепеталъ,
И вмигъ — какъ не бывалъ,
А выползла змѣя красивая, скрывъ жало.
«Куда какъ мудрено!»
Сказалъ съ усмѣшкою придворный:
«Я ползать и колоть ужъ выученъ давно!»
И кинулся герой проворный
Ловить Протея. — Тотъ вдругъ обезьяной сталъ;
Тамъ волкомъ, тамъ лисою. —
«Не хвастайся передо мною!
«И этому гораздъ!» придворный говорилъ,
А между тѣмъ его веревкою крутилъ;
Скрутя же, говорить легко его заставилъ,
И цѣлую страну отъ мора тѣмъ избавилъ.

Изданіе 1803 — 1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le courtisan et le dieu Protée».

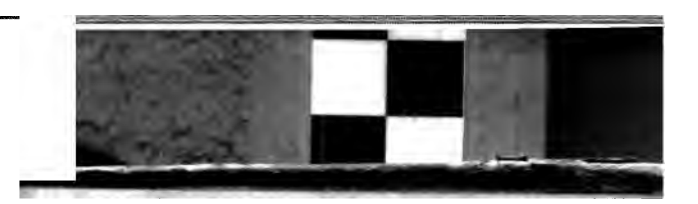
XLIV.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Большой, боярскій дворъ Собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала. —
«Умилосердись надо мною!»
Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
«Я сутки ужъ не ѣлъ... отъ глада умираю!»
— «За тѣмъ-то я и лаю»,
Собака говоритъ, «чтобъ ты накормленъ былъ».

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ,

Изданіе 1803 — 1805 г.

XLV.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители въ преданіяхъ своихъ
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Порядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче—на порогѣ рая!
Самъ Б[illegible]

[illegible]

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ. — Избави Богъ и думать! нѣтъ, дервишъ.

Изданіе 1803 — 1805 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Le rat qui s'est retiré du monde».

XLVI.

МОЛИТВЫ.

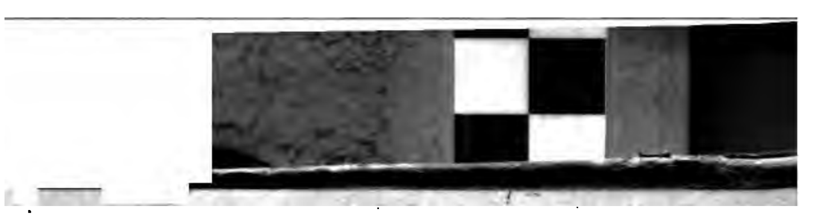
Въ преддверьи храма
Благочестивый мужъ прихода ждалъ жреца,
Чтобъ горстью оиміама
Почтить вселенныя Творца
И вознести къ Нему смиренные обѣты:
Онъ въ море отпустилъ пять съ грузомъ кораблей;
Отправилъ на войну любимыхъ двухъ дѣтей,
Въ цвѣтущія ихъ лѣты,
И ждалъ съ часа на часъ отъ милыя жены
Любови новаго залога.
Довольно и одной послѣднія вины
Къ тому, чтобъ вспомнить Бога!
Увидя съ улицы его, одинъ мудрецъ
Зашелъ въ преддверіе и сталъ надъ нимъ смѣяться.
«Возможно ль», говоритъ, «какой ты образецъ?
«Тебѣ ли съ чернію равняться?
«Ты умный человѣкъ, а вѣришь въ томъ жрецамъ,
«Что наше пѣніе доходитъ къ небесамъ.
«Невѣдомый, Кто сей громадой міра правитъ,
«Кто взглядомъ можетъ все творенье истребить,
«Восхочетъ ли на то вниманье обратить,
«Что непримѣтный червь Его жужжаньемъ славитъ?
«Подите прочь, ханжи, вы съ ладономъ своимъ!
«Вы истинныя вѣры чужды!
«Молитвы... нѣтъ Тому въ нихъ нужды,
«Кто мудрыми боготворимъ»...
«Постой!» здѣсь набожный его перерываетъ;
«Не истощай ты силъ своихъ!
«Что Богу нужды нѣтъ въ молитвахъ, всякій знаетъ,
«Но можно ль намъ прожить безъ нихъ?»

Изданіе 1803 – 1805 г.

XLVII.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начать до свѣта путь и ощупью идти,
На каждомъ шагѣ спотыкаться;

Къ полднямъ уже за треть дороги перебраться;
Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
Опомнясь, подъ вечеръ вздохнуть,
Искать пристанища къ покою,
Найти его, прилечь, и наконецъ уснуть...
Читатели! загадки въ модѣ;
Хотите ль ключъ къ моей имѣть?
Все это значитъ въ переводѣ:
Родиться, жить и умереть.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. XII. Переводъ изъ Флоріана: «Le voyag

---

XLVIII.

РУЖЬЕ И ЗАЯЦЪ.

Трусливыхъ наберешь не мало
От скорохода до щенка;
Но Зайца никого трусливѣй не бывало.
Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душою не собрался,
А только сжался,
И, уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ полчаса—перунъ еще не грянулъ:
Прошелъ и часъ—перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ,
Бросаетъ любопытный взглядъ—
Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ—
И наконецъ къ Ружью подходитъ.
«Такъ это», говоритъ, «на Зайца страхъ наводитъ?
«Посмотримъ ближе.... да оно
«Какъ мертвое лежитъ, не говоритъ ни слова!
«Ага! хозяинъ спитъ—такъ и Ружье равно
«Безсильно, какъ лоза, безъ помощи другова».
Сказавши это, Заяцъ мой
Въ минуту сталъ и самъ герой:
Храбрится, и Ружье ужъ лапою толкаетъ.
«Прочь, бѣдна тварь!» Ружье молчанье прерываетъ:
«Или не знаешь ты, что я лишь захочу,
«Сейчасъ тебя въ ничто за дерзость превращу?

«Отъ грома моего и Левъ побѣдоносный,
«И кровожадный Тигръ со трепетомъ бѣгутъ;
«Бѣги и ты, звѣрокъ несносный!
«Иль молніи мои тебя сожгутъ».
—«Не такъ-то строго!»
Отъ Зайца былъ Ружью отвѣтъ:
«Вѣдь нынѣ умудрился свѣтъ,
«И между Зайцами трусливыхъ ужъ не много.
«Ты страшно лишь въ рукахъ стрѣлка, а безъ него —
«Ты ничего».

Ничто и ты, законъ!—подумаетъ читатель—
Когда не бодрствуетъ, но дремлетъ предсѣдатель.

1803.

Сѣверный Вѣстникъ. 1804 г., ч. I. Переводъ изъ Imbert; «Le fusil et le lièvre».

XLIX.

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ и на Орла кидается съ размаху.
Что жъ дѣлаетъ пернатыхъ царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетитъ.

Такъ Геній своему хулителю отмщаетъ.

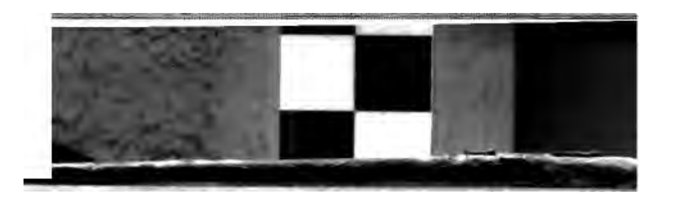
Вѣстникъ Европы 1805 г., ч. XIX. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Гофмана.)

L.

ГОРЕСТЬ и СКУКА.

Бѣднякъ, не ѣвши день, отъ глада
Лилъ слезы и вздыхалъ;
Богачъ отъ сытости скучалъ,
Зѣваючи средь сада.
Кому тяжелѣе? Чтобъ это разрѣшить,
Я долженъ мудреца здѣсь слово приложить:
Отъ скуки самое желанье отлетаетъ,
А горести слезу надежда отираетъ.

Изданіе 1803—1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Гофмана).

LI.

ДВѢ ЛИСЫ.

Вчера, подслушалъ я, двѣ разныхъ свойствъ Лисицы
Такой имѣли разговоръ:
—«Ты ль это, кумушка? давно ли изъ столицы?»—
«Давно ль оставила я дворъ?
«Съ недѣлю»—«Какъ-же ты разъѣлась, подобрѣла!
«Знать при дворѣ у Льва привольное житье?»—
«И очень! до-сыта всего пила и ѣла».
—«А въ чемъ тамъ ремесло главнѣйшее твое?»—
«Бездѣлица! съ утра до вечера таскаться;
«Гдѣ такнуть, гдѣ польстить, предъ сильнымъ унижаться,
«И больше ничего».—«Какое ремесло!»—
«Однакожъ мнѣ оно довольно принесло:
«Чинъ, мѣсто».—«Горькій плодъ! чины не возвышаютъ,
«Когда ихъ подлости цѣною покупаютъ».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Гишара: «Les deux renard»

LII.

КАЛИФЪ.

Противъ Калифова огромнаго дворца
Стояла хижина, безъ кровли, безъ крыльца,
Издавна ветхая и близкая къ паденью,
Едва ль приличная и самому смиренью.
Согбенный старостью ремесленникъ въ ней жилъ;
Однако онъ еще по мѣрѣ силъ трудился,
Ни злыхъ, ни совѣсти нимало не страшился,
И тихимъ вечеромъ своимъ доволенъ былъ.
Но хижиной его Визирь сталъ недоволенъ:
«Терпимъ ли—онъ своимъ расчитывалъ умомъ—
Видъ бѣдности передъ дворцомъ?
Но развѣ государь сломать ее не воленъ?
Подамъ ему докладъ, и хижинѣ не быть».
На этотъ разъ Визирь обманутъ былъ въ надеждѣ
Докладъ подписанъ такъ: «быть по сему; но прежде
Строенье ветхое купить».
Послали Кадія съ сосѣдомъ торговаться;
Кладутъ предъ нимъ на столъ съ червонцами мѣшокъ.
«Мнѣ въ деньгахъ нужды нѣтъ,» сказалъ имъ простачокъ:
«А съ домомъ ни за что не можно мнѣ разстаться;
«Я въ немъ родился, въ немъ скончался мой отецъ,
«*Хочу*, чтобъ въ немъ же Богъ послалъ и мнѣ конецъ.

«Калифъ, конечно, самовластенъ,
«И каждый подданный къ нему подобострастенъ;
Онъ можетъ при моихъ глазахъ
«Развѣять вмигъ гнѣздо мое, какъ прахъ;
Но что жъ послѣдуетъ? Несчастнымъ слезы въ пищу:
«Я всякій день приду къ родиму пепелищу;
«Возсяду на кирпичъ съ поникшей головой
«Небеснаго подъ кровомъ свода,
«И буду предъ отцомъ народа
«Оплакивать мой жребій злой!»
Отвѣтъ былъ Визирю до слова пересказанъ,
А тотъ спѣшитъ объ немъ Калифу донести:
«Тебѣ ли, Государь, отказъ такой снести?
«Ужель останется рабъ дерзкій не наказанъ?»
Калифу говорилъ Визирь на-единѣ.
«Да!» подхватилъ Калифъ, «отвѣтъ угоденъ мнѣ;
«И я тебѣ повелѣваю:
«Впредь помня навсегда, что въ правдѣ нѣтъ вины,
«Исправить хижину на счетъ моей казны;
«Я съ нею только жить въ потомкахъ уповаю;
«Да, скажетъ имъ дворецъ: такой-то пышно жилъ;
«А эта хижина: онъ правосуденъ былъ!»

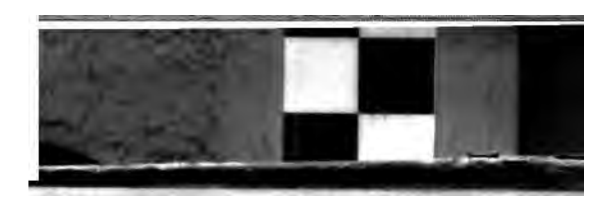
Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le calife.»

LIII.

АМУРЪ, ГИМЕНЪ и СМЕРТЬ.

Амуръ, Гименъ со Смертью строгой
Когда-то шли одной дорогой
Изъ свѣта по своимъ домамъ,
И вздумалося молодцамъ
Втащить старуху въ разговоры.
«Признайся,» говорятъ, «ты, Смерть, не рада намъ?
«Ты ненавидишь насъ?»—«Я?» вытараща взоры,
Спросила Смерть ихъ: «да за что?»
—«Ну, какъ за что? за то,
«Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ:
«Ты все моришь, а мы рождаемъ».
—«Пустое, братцы!» Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:
«Я зла на васъ?... Перекреститесь!
«Людьми снабжая свѣтъ
«Вы для меня жъ трудитесь».

Изданіе 1803—1805 г.

LIV.
КОТЪ, ЛАСТОЧКА и КРОЛИКЪ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше, онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На тминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей. въ полѣ,
Приходитъ Кроличекъ домой,
И что же? чуть его не подкосились ноги!
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ пенатовъ по угламъ!
«Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!»
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома.
—«Что надобно?» вопросъ хозяйки новой былъ.
«Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
«Скорѣй отсюда вонъ!» ей Кроликъ отвѣчалъ:
«Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ».
—«Мнѣ выдти вонъ?» она вскричала: «вотъ прекрасно
«Да что за право самовластно?
«Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны
«Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?
«Но пусть и царство будь: не всѣ ль мы здѣсь равны?
«И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
«Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
«Богъ создалъ Ласточку, тебя и Дромадера;
«А землемѣра
«Отнюдь не создавалъ».
—«Кто жъ болѣ права далъ на эту досятину
«Петрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
«Филата, Фефела, чѣмъ Карпу или мнѣ?»—
«Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ наравнѣ;
«Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
«Ты вышелъ, я пришла—моею норка стала.
—«Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
«Обычай, давность— ихъ закономъ;
«Онъ утверждалъ: введенъ въ владѣніе нашъ родъ
«Безспорно этимъ домомъ,
«Который Кроликомъ Софрономъ
«Отказанъ, справленъ былъ за сына своего
«Ивана Кролика; по смерти же его
«Достался, въ силу права,
«Тожъ сыну, именно мнѣ, Кролику Петру;
«Но если думаешь, что вру,

«То отдадимъ себя на судъ мы Крысодава».—
А этотъ Крысодавъ, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ казусныхъ дѣлахъ оракулъ для совѣта.
«Съ охотой!» Ласточка сказала. И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,
И оба говорятъ: «Помилуй! разсудите!...—
«Поближе, дѣтушки,»—ихъ перервалъ судья.—
«Не слышу я,
«Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите!»—
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ;
А онъ
Вдругъ обѣ лапы врознь, царапъ того, другова,
И вмигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова:
Задавилъ.

Не тоже ль иногда бываетъ съ корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ королямъ?

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Le chat, la belette et le petit lapin».

LV.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

«Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!»
Левъ гордый Комару сказалъ.
— «Потише!» отвѣчалъ Комаръ ему: «я малъ,
«Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!
«Ты царь звѣрей,
«Согласенъ,
«Но мнѣ нимало не ужасенъ:
«Я и Быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй!»
Сказалъ и, ставъ трубачъ, жужжитъ повѣстку къ бою;
Потомъ съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею Льву впился:
У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!

Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ шею, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ,
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!
Тогда несчастный Левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ
И началъ грызть себя; потомъ, лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя навѣкъ смыкаетъ очи.
Крылатый богатырь тутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ Пауку и съ жизнію разстался.

Увы! въ юдоли слезъ невѣренъ каждый шагъ;
Отъ злобы, отъ бѣды, когда и гдѣ въ покоѣ?
Опасенъ крупный врагъ,
А мелкій часто вдвое.

Изданіе 1803—1805 гг. Переводъ изъ Лафонтена: «Le lion et le moucheron».

LVI.

ЛЕБЕДЬ и ГАГАРЫ.

За то, что Лебедь такъ и бѣлъ и величавъ,
Гагары на него изъ зависти напали,
И, крылья тиной замаравъ,
Вкругъ Лебедя тѣснясь, нарочно отряхали,
И брызгами его марали.
Но Лебедю вреда не сдѣлали онѣ!
Онъ въ воду погрузился,
И въ прежней бѣлизнѣ
Съ величествомъ явился.

Гагары въ прозѣ и въ стихахъ!
Возитесь, какъ хотите,
Но, право, истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ.

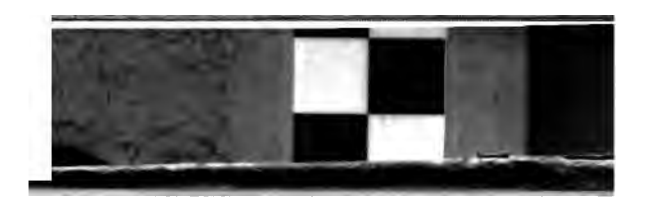
Изданіе 1803—1805 гг.

LVII.

ЛИСА ПРОПОВѢДНИЦА.

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,

Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла,
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять, шесть на-перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но лисій дальновиденъ взоръ:
Она перемѣнила струны;
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жъ? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самаго царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
«Послушаемъ Лису!» Левъ молвилъ: «что за диво?»
За словомъ вслѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели не лживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена, и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда, и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь, и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
«Тобой я истину познала,

И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
«Чего жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
«Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда;
«Я твой должникъ». — Лиса, глядь, глядь, туда сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
«Всещедрый царь-отецъ!»
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
«Индѣекъ... малую толику».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le renard qui prêche».

LVIII.

МАЛЬЧИКЪ НА СТОЛѢ.

«Какъ я великъ!» съ стола мальчишка всѣмъ кричалъ;
А нянька говоритъ: «сойди, такъ будешь малъ».

—

Кто въ этой баснѣ намъ изображенъ мальчишкой?
Богачъ съ надменною и подлою душишкой.

Изданіе 1803—1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Бар (Barbe).

LIX.

МУДРЕЦЪ и ПОСЕЛЯНИНЪ.

Какъ я люблю моихъ героевъ воспѣвать!
Не знаю, могутъ ли они меня прославить;
Но мнѣ ихъ тяжело оставить.
Съ животными я радъ всечасно лепетать,
И вѣкъ мой коротать:
Люблю ихъ общество! — Согласенъ я, конечно,
Есть и у нихъ свой плутъ, сутяга и пролазъ,
И хуже этого; но я чистосердечно
Скажу вамъ между насъ:
Опаснѣй тварей всѣхъ словесную считаю,
И плутъ за плута — я Лису предпочитаю.
Такихъ же мыслей былъ покойникъ мой землякъ,
Не авторъ, книже чтецъ, однако не дуракъ,
Честнѣйшій человѣкъ, оракулъ всей округи.
Отецъ ли огорченъ, размолвятся ль супруги,
Торгашъ ли заведетъ съ товарищемъ разсчетъ,
Сиротка ль своего лишается наслѣдства,
Всѣмъ нужда до его совѣтовъ иль посредства.
Какъ важно иногда сидитъ онъ у воротъ
На лавкѣ, окруженъ согласною семьей.

Дѣтьми и внуками, друзьями и роднею!
«Ты правъ! ты виноватъ!» бывало скажетъ онъ,
И этотъ приговоръ былъ силенъ, какъ законъ;
И ни одинъ не смѣлъ, ни впрямь, ни стороною,
Скрыть правды предъ его почтенной сѣдиною.
Однажды, помню я, имѣлъ съ нимъ разговоръ
Проѣзжій моралистъ, натуры испытатель.
«Скажи мнѣ», онъ спросилъ, «какой тебя писатель
«Наставилъ мудрости? какихъ монарховъ дворъ
«Открылъ передъ тобой всѣ таинства правленья?
«Зенона ль строгаго держался ты ученья,
«Иль Пиѳагоровымъ послѣдовалъ стопамъ?
«У Эпикура ли быть счастливымъ учился,
«Или божественнымъ Платономъ озарился?»
— «А я ихъ и не зналъ ниже по именамъ!» —
Отвѣтствуетъ ему смиренно сельскій житель:
«Природа мнѣ букварь, а сердце мой учитель.
«Вселенну населилъ животными Творецъ;
«Въ наукѣ нравственной я ихъ бралъ въ образецъ:
«У кроткихъ голубковъ я перенялъ быть нѣжнымъ;
«У муравья къ труду прилежнымъ
«И на зиму запасъ копить;
«Воломъ я наученъ терпѣнью;
«Овечкою смиренью;
«Собакой неусыпнымъ быть;
«А еслибъ мы дѣтей невольно не любили,
«То куры бы меня любить ихъ научили;
«По мнѣ же, такъ легко и всякаго любить!
«Я зависти не знаю;
«Доволенъ тѣмъ, что есть — богатый пусть богатъ,
«А бѣднаго всегда, какъ брата, обнимаю,
«И съ нимъ дѣлиться радъ;
«Стараюсь, наконецъ, разсудка быть подъ властью,
«И только — вотъ и вся моя наука счастью!»

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le savant et le fermier».

LX.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А Муха у него сидѣла на рогахъ
И Муху же они дорогой повстрѣчали.
«Откуда ты, сестра?» — отъ этой былъ вопросъ.

А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: «Откуда?—мы пахали!»
От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчасъ вамъ слышать, господа:
«Мы сбили! мы рѣшили!»

Изданіе 1803—1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Villier

---

LXI.

МѢСЯЦЪ.

Настала ночь, и скрылся образъ Феба.
«Утѣшьтесь», мѣсяцъ говоритъ,
«Мой лучъ не менѣе горитъ;
«Смотрите: я взошелъ и свѣтъ лію къ вамъ съ неба!»
—
Пусть переводчики дадутъ ему отвѣтъ:
— «Какъ мѣсяцъ ни свѣти, но все не солнца свѣтъ».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Fumars: «La lune»

LXII.

ОСЕЛЪ и КАБАНЪ.

Не знаю, отъ чего зазнавшійся Оселъ
Храбрился, что вражду съ Кабаномъ онъ завелъ,
Съ которымъ и нельзя имѣть ему пріязни:
«Что мнѣ Кабанъ?» Оселъ рычалъ:
«Сейчасъ готовъ съ нимъ въ бой безъ всякія боязни!»
—«Мнѣ въ бой съ тобой?» Кабанъ съ презрѣніемъ сказалъ:
«Несчастный! будь спокоенъ:
«Ты славной смерти недостоинъ».

Изданіе 1803—1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Boursault).

LXIII.

ОТЕЦЪ съ СЫНОМЪ.

— «Скажите, батюшка, какъ счастія добиться?»
Сынъ спрашивалъ отца, а тотъ ему въ отвѣтъ:
«Дорогой [illegible] честь,
«Какъ свѣтомъ и умомъ трудиться.
«Служа отечеству, [illegible]

«И чаще быть съ перомъ и книгой,
«Когда быть дѣльными хотимъ».
— «Ахъ, это тяжело! какъ легче бы?»—«Интригой,
«Втираться жабой и ужомъ
«Къ тому, кто при дворѣ фортуной вознесется...»
— «А это низко!»—«Ну, такъ просто... быть глупцомъ:
«И этакъ многимъ удается».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le jeune homme et le vieillard».

LXIV.

ПЧЕЛА и МУХА.

«Здорово, душенька!» влетя въ окно, Пчела
Такъ Мухѣ говорила:
«Сказать ли вѣсточку? Какой я сотъ слѣпила?
«Мой медъ прозрачнѣе стекла;
«И какъ душистъ! какъ сладокъ, вкусенъ!»
— «Повѣрю», Муха ей отвѣтствуетъ: «вашъ родъ
«Природно въ томъ искусенъ;
«А я хотѣлабъ знать, каковъ-то будетъ плодъ,
«Продлятся ли жары?»—«Да! что-то будетъ съ медомъ?»
— «Ахъ! этотъ медъ, да медъ, твоимъ всегдашнимъ бредомъ!»
«Да для того, что медъ...»—«Опять? нѣтъ силъ терпѣть,...
«Какое малодушье!
«Я, право, получу отъ словъ твоихъ удушье».
— «Удушье? ничего! съѣсть меду, да вспотѣть,
«И все пройдетъ; мой медъ...»—«Чтобъ быть тебѣ безъ жала!»
Съ досадой Муха ей сказала:
«Сокройся въ улій свой, вралиха, иль молчи!»
О эгоисты-рифмачи!

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Гишара: «L'abeille et la mouche».

LXV.

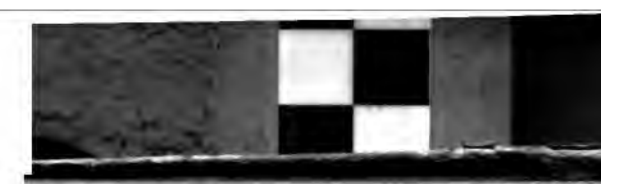
РАЗБИТАЯ СКРИПКА.

Скрипица дюжинна упала и разбилась.
Скрипачъ ее склеилъ,
И скрипка изъ дурной—прекрасной очутилась.

—

Тотъ, вѣрно, сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Théveneau: «Apologue». (Théveneau. Illusion, poème... suivi d'autres poésies. Paris).

LXVI.

СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

«И ты несчастливъ?.. дай же руку;
«Начнемъ другъ другу помогать;
«Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать!
«А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —
«И легче будетъ намъ».
Такъ говорилъ мудрецъ Востока,
И вотъ его же притча вамъ.
Оба были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара ждутъ и гроба:
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На [illegible] мостовой, снося и жаръ, и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
[illegible] хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь [illegible] ночь, и скоро ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
[illegible] былъ [illegible],
[illegible] и водимъ.
[illegible] украли,
А [illegible] его веревки [illegible]
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно [illegible]
[illegible] мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился:
[illegible], а самъ тускнетъ [illegible].
«[illegible] несчастныхъ сводитъ Богъ.
«Намъ должно [illegible].
«[illegible]
[illegible]
[illegible]
«Но, добрая душа! [illegible]
«Другъ другу [illegible]
«Что [illegible] будемъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

«Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
«И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «L' aveugle et la paralytique».

LXVII.

СУПЪ ИЗЪ КОСТЕЙ.

«О времена! о времена!»
Собака, выходя изъ кухни, горько выла:
«Прощайся и съ костьми! будь вѣчно голодна,
«И околѣй за то, что съ вѣрностью служила!
«Вотъ дождались какихъ мы дней!
«Безвременная смерть! ужъ нѣтъ намъ и костей!»
— «Да гдѣ жъ онѣ?» вопросъ ей сдѣлала другая,
Собака пожилая,
Прикована подлѣ воротъ.
—«Въ котлѣ, да не для насъ, а для самихъ господъ.
«Какой-то выдумщикъ, злодѣй собачью роду,
«И вѣрно ужъ французъ, пустилъ и кости въ моду!
«Онъ выдумалъ изъ нихъ дешевый супъ варить,
«И хочетъ имъ людей кормить;
«А намъ уже ни кости!
«Я тресну съ голода и злости!» —
«А мой совѣтъ», сказалъ на привязи мудрецъ:
«Въ молчаніи терпѣть, пока судьба сурова!
«Вѣдь этотъ случай намъ не первый образецъ:
«Большой всегда на счетъ меньшова».

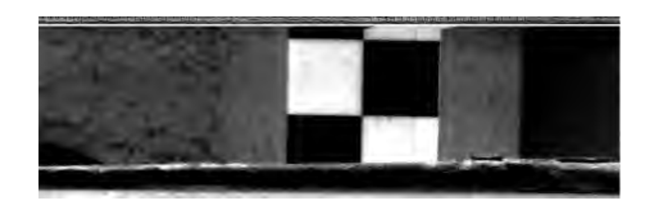
Изданіе 1803—1805 г.

LXVIII.

ТРИ ЛЬВА.

Его величество, Левъ сильный, царь звѣрей,
Скончался.
Народъ совѣтовать собрался,
Кого бъ изъ трехъ его дѣтей
Признать наслѣдникомъ короны?—
«Меня,» сынъ старшій говорилъ:
«Я сдѣлаю народъ наперсникомъ Беллоны;»—
— «А я обогащу», средній подхватилъ;
«А я-бъ его любилъ»,
Сказалъ меньшой съ невиннымъ взоромъ...—
И тутъ же нареченъ владыкой всѣмъ соборомъ.

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Imbert: «Les trois lions».

LXIX

ЧАСОВАЯ СТРѢЛКА.

«Кто равенъ мнѣ? Солдатъ, любовникъ, сочинитель,
«И сторожъ, и министръ, и алтарей служитель,
«И докторъ, и больной, и самый государь —
«Всѣ чувствуютъ, что я важнѣй, чѣмъ календарь!
«Я каждому изъ нихъ минуты означаю;
«Дѣля и день и ночь, я время измѣряю!» —
Такъ, видя на нее зѣвающій народъ,
Хвалилась Стрѣлка часовая,
Межъ тѣмъ, какъ бѣдная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрѣлкѣ ходъ!
Пружина секретарь; а Стрѣлка, между нами...
Но вы умны: смекайте сами.

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Nogent: «L' aiguille de montre»

LXX.

ЧЕЛОВѢКЪ И КОНЬ.

Читатели! хотите ль знать,
Какъ лошадь намъ покорна стала?
Когда семья людей за лакомство считала
Коренья, жолуди жевать;
Когда еще не такъ, какъ нынѣ,
Не знали ни каретъ, ни шоръ, ни хомутовъ;
На стойлахъ не было коней, ни лошаковъ,
И вольно было жить, гдѣ хочешь, всей скотинѣ,
Въ тѣ времена Олень, поссорившись съ Конемъ,
Пырнулъ его рогами.
Конь былъ и самъ съ огнемъ,
И могъ бы отплатить, да на бѣду ногами
Не такъ проворенъ, какъ Олень;
Гоняяся за нимъ напрасно, сталъ онъ въ пень.
Что дѣлать? Мщеніе отъ вѣка
Пружина важная сердецъ;
И Конь прибѣгнулъ наконецъ
Къ искусству Человѣка.
А тотъ и радъ служить: скотину онъ взнуздалъ,
Вспрыгнулъ къ ней на спину и столько рыси далъ,
Что прыткій нашъ Олень въ минуту сталъ ихъ жертвой:
Настигнутъ, пораженъ и палъ предъ ними мертвый.
Тогда помощника она благодаритъ:

«Ты мой спаситель!» говоритъ:
«Мнѣ не забыть того, пока жива я буду;
«А между тѣмъ... уже не въ мочь моей спинѣ,
«Нельзя ль сойти съ меня? Пора мнѣ въ степь отсюду!»
— «Зачѣмъ же не ко мнѣ?»
Сказалъ ей Человѣкъ: «въ степи какой ждать холи?
«А у меня живи въ опрятствѣ и красѣ
«И по брюхо всегда въ овсѣ».—
Увы! что сладкій вкусъ, когда нѣтъ милой воли!
Увидѣлъ бѣдный Конь и самъ, что сглуповалъ,
Да поздно: подъ ярмомъ состарѣлся и палъ.

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Лафонтена: «Le cheval s'étant voulu venger du cerf».

LXXI.

ЧЕЛОВѢКЪ И ЭХО.

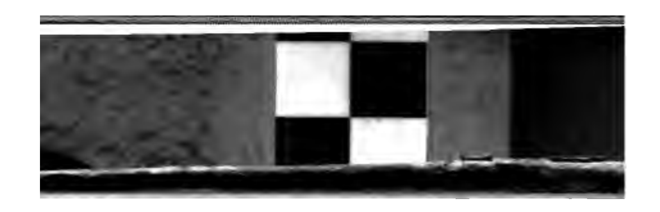
Ругатель, клеветникъ на эхо былъ сердитъ,
Зачѣмъ, кого онъ ни поноситъ,
О комъ ни говоритъ,
Оно вездѣ разноситъ.
«Чтобъ громъ пришибъ», кричалъ въ досадѣ клеветникъ:
«У эхо злой языкъ!
«Возможно ли, скажи ты слово,
«Уже оно тотчасъ готово
«За мною повторить
«И новыхъ на меня враговъ вооружить;
«Теперь ни въ клеветѣ, ни въ брани нѣтъ успѣха:
«Никто не слушаетъ меня, и все отъ эхо!»
— «Напрасно ты меня винишь»,
Съ усмѣшкой эхо возразило:
«Не хочешь ты, чтобъ я слова твои твердило,
«Зачѣмъ же говоришь?»

Изданіе 1803—1805 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Арно).

LXXII.

ВОРОБЕЙ И ЗЯБЛИЦА.

— «Умолкъ Соловушка! конечно, бѣдный, боленъ,
«Или подружкой недоволенъ,
«А можетъ и несчастливъ въ ней?
«Мнѣ жалокъ онъ!» — сказалъ печально Воробей.

…онъ жалокъ?» Зябличка къ словамъ его пристала:
«Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
«Я лучше отгадала:
«Любилъ онъ, такъ и пѣлъ, сталъ счастливъ, замолчалъ».

Изданіе 1803–1805 г. Переводъ изъ Буасара: «Le silence du rossignol»

LXXIII.

ДВА ВѢЕРА.

Въ гостиной, на столѣ два вѣера лежали;
Не знаю я, кому они принадлежали,
А знаю, что одинъ былъ въ блесткахъ, новъ, красивъ;
Другой изломанъ весь и очень тѣмъ хвастливъ.
«Чей Вѣеръ?» онъ спросилъ сосѣда горделиво. —
«Такой-то», сей ему отвѣтствуетъ учтиво.
«А я», сказалъ хвастунъ, «красавицѣ служу,
«И какъ же я служу! Смотри: нѣтъ кости цѣлой!
«Лишь чуть къ ней подлетитъ молодчикъ съ рѣчью смѣлой
«А я его и хлопъ! короче, я скажу
«Безъ всякаго, повѣрь мнѣ, чванства
«И прочимъ не въ укоръ,
«Что каждый мой махоръ
«Есть доказательство Вѣтраны постоянства». —
«Но лучше ли, сея кокетства и жеманства?»
Сосѣдъ ему сказалъ: «Розаліи моей
«Довольно бросить взглядъ, и всѣ учтивы къ ней».

Изданіе 1803—1805 г. Переводъ изъ Гишара: «Les deux éventails

---

LXXIV.

ДОНЪ-КИХОТЪ.

Надсѣвшись Донъ-Кихотъ съ баранами сражаться,
Рѣшился лучше ихъ пасти
И жизнь невинную въ Аркадіи вести.
Проворнымъ долго ль снаряжаться?
Обломокъ дротика пошелъ за посошокъ,
Котомкой съ табакомъ мѣшокъ,
Фуфайка спальная пастушечьимъ камзоломъ;
А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ поломъ,
У ключницы своей соломенную взялъ,
И лентой розоваго цвѣта

Подъ блѣдны щеки подвязалъ
Узлами въ образѣ букета.
Спустилъ на волю кобеля,
Который къ хлѣбному прикованъ былъ амбару;
Послалъ въ мясномъ ряду купить барановъ пару,
И стадо онъ свое разсыпалъ на поля
По первому морозу,
И началъ воспѣвать зимой весенню розу.
Но въ этомъ худа нѣтъ: веселому все въ ладъ,
И пусть играетъ всякъ любимою гремушкой;
А вотъ что невпопадъ:
Идетъ коровница — почтя ее пастушкой,
Согнулъ нашъ пастушокъ колѣна передъ ней,
И, размахнувъ руками,
Отборными словами
Пустился пѣть эклогу ей.
«Аглая!» — говоритъ — «прелестная Аглая!
«Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!
«Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
«Лелѣять и любить овечекъ лишь своихъ?
«Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,
«На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубочковъ:
«Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего;
«Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ:
«Увы! мнѣ, кромѣ ихъ, Богъ не далъ ничего!
«Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ тобою цвѣтомъ,
«Но сердце не твое у нихъ!»
Межъ тѣмъ какъ толстая коровница Аглая,
Кудрявыхъ словъ такихъ
Сѣдаго пастушка совсѣмъ не понимая,
Стоитъ разинувъ ротъ и выпуча глаза,
Ревнивый мужъ ея, подслушавъ селадона,
Такого далъ ему туза,
Что онъ невольно лбомъ отвѣсилъ три поклона;
Однакожъ головы и тутъ не потерялъ.
«Пастухъ-невѣжда!» онъ вскричалъ:
«Не смѣй ты нарушать закона!
«Начнемъ пастушій бой;
«Пусть побѣдителя Аглая увѣнчаетъ:
«Не бей меня, но пой!»
Мужъ грубый кулакомъ вторичнымъ отвѣчаетъ,
И, къ счастью, въ глазъ, а не въ високъ.
Тутъ нѣжный, вѣрный пастушокъ,
Смекнувъ, что это въявь увѣчье, не проказа,

Чрезъ поле рысакомъ во весь пустился духъ,
И съ этой сталъ поры ни витязь, ни пастухъ,
Но просто — дворянинъ безъ глаза.

Ахъ! часто и въ себѣ я это замѣчалъ,
Что глупости бѣжа, въ другую попадалъ.

Изданіе 1803 - 1805 г. Переводъ изъ Флоріана: «Don-Quichotte».

LXXV.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ И ГВОЗДИКА.

Простой цвѣточекъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой;
И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ!

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

Изданіе 1803 –1805 г. [Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Беранже

LXXVI.

СМЕРТЬ И УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ жить, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожитъ и вопитъ,
Зачѣмъ она его торопитъ
Врасплохъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предваря его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ. —
«Увы!» онъ говоритъ: «а я лишь въ подмосковной
«Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть;
«Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить,
«И правнуковъ женить! а тамъ... твоя ужъ власть!
«Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить».
— «Неблагодарный!» Смерть отвѣтствуетъ ему:
«Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ;
«Тебѣ бы одному
«Не умирать на свѣтѣ!
«Найдешь ли двухъ въ Москвѣ,—десятка даже нѣтъ
«Во всей Имперіи, доживших до ста лѣтъ.
«Ты думаешь, что я должна бы приготовить
«Заранѣе тебя къ свиданію со мной:
«Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ построить,

«Духовную свершить, заводъ поправить свой,
«И правнуковъ женить; а развѣ мало было
«Навѣтокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
«Не ты ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
«Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
«Увянулъ цвѣтъ ума, и память притупилась;
«Годъ-отъ-году хладѣла кровь,
«Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась,
«И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
«Съ которыхъ лѣтъ уже отвсюду поражаетъ
«Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
«Тотъ умеръ, этотъ занемогъ
«И на одрѣ мученья?
«Какого жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?
«Короче: я уже ступила на порогъ,
«Забудь и горе и веселье;
«Исполни мой уставъ!» —
Сказала, и Старикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

—

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ бы въ старости страшиться умирать?
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ гость отходитъ съ пира,
Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чему жъ послужитъ стонъ?
Ты сѣтуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжиму!...
Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

Вѣстникъ Европы 1805 г., г. XXII. Переводъ изъ Лафонтена: «La mort et le mourant».

LXXVII.

БЫКЪ И КОРОВА.

«Какъ жалокъ ты!» — Быку Корова говорила:
«Судьба тебя на трудъ всегдашній осудила».
На утро повели Корову на убой,

Къ закланію богамъ. Быкъ, вспомня рѣчь вчерашню,
«Гордись, красавица», сказалъ, «твоей судьбой:
«Ты къ алтарямъ идешь, а я опять на пашню».

Изданіе 1810 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Villiers).

LXXVIII.

ВЕРБЛЮДЪ И НОСОРОГЪ.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
«Во-вѣкъ я приложить ума къ тому не могъ,
«За что предъ нами вы въ такой счастливой долѣ?
«Васъ держитъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ,
«И кормитъ вдоволь и поитъ,
«И ваше разводить старается онъ племя;
«Согласенъ, что на васъ нерѣдко вьючатъ бремя,
«Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ,
«Что кротки вы, легки, притомъ неутомимы;
«Но тѣ же самыя достоинства и въ насъ,
«Да по рогу еще для случая въ запасъ —
«А все мы презрѣны, гонимы!»
— «Дружокъ!» отвѣтствовалъ Верблюдъ
«Покорность иногда достоинствамъ замѣна.
«Чтобъ людямъ угодить, одинъ ли нуженъ трудъ?
«Умѣй и подгибать колѣна».

Изданіе 1810 г. Переводъ изъ Флоріана: «Le rhinocéros et le dromadaire».

LXXIX.

ОРЕЛЪ И КАПЛУНЪ.

Юпитеровъ Орелъ за облака взвивался:
Уже онъ къ трону приближался
Властителя громовыхъ стрѣлъ —
И весь пернатыхъ родъ на слѣдъ его смотрѣлъ.
«Недаромъ онъ любимъ Юнонинымъ супругомъ!»
Въ восторгѣ восклицалъ Пѣтухъ:
«Какая быстрота! какой великій духъ!
«Какимъ онъ очертилъ свой путь обширнымъ кругомъ!
«Недаромъ, повторю, врученъ ему перунъ;
«Кто равенъ съ нимъ?» — «Кто? ты и я», сказалъ Каплунъ:
«Конечно; будемъ только смѣлы,
«*То также* обтечемъ небесные предѣлы

«И къ солнцу возлетимъ;
А это покажу примѣромъ я моимъ». —
Съ симъ словомъ, размахнувъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землей и небесами —
И вмигъ... на кровлю какъ свинецъ!

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ:
Отважный безъ ума всегда себя безславилъ.

Изданіе 1810 г. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ Арно).

LXXX.

РЫСЬ И КРОТЪ.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Крота,
Изъ жалости ему по-свойски говорила:
— «Увы, мой бѣдный Кротъ! несчастье слѣпота!
«И рощица, и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣста
«Тебѣ какъ темная могила!
«Какая жизнь твоя!
«Съ утра до вечера ты спишь, или зѣваешь,
«И ни о чемъ не разсуждаешь;
«А я
«Теперь же, будто на ладонѣ,
«Все вижу на версту вокругъ
«И все пересказать готова, — слушай, другъ:
«Вотъ Ястребъ въ облакахъ за Коршуномъ въ погонѣ;
«Здѣсь Ласточка своихъ птенцовъ
«Питаетъ мухами, добычей пауковой;
«Тамъ хитрая Лиса Цыпленку строитъ ковъ;
«Тамъ Кролика постигъ ружья ударъ громовой;
«Здѣсь Кошка давитъ Мышь; а тамъ
«Змѣя впилась въ Корову;
«А далѣе Медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
«Реветъ и гонится за Серной по скаламъ;
«А вотъ и лютый Волкъ Ягненочка терзаетъ»...
— «Ахъ, полно, полно!» — Кротъ болтунью прерываетъ:
«Утѣшно ль зрячимъ быть для ужасовъ такихъ?
«Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ».

Изданіе 1810 г. Переводъ изъ Буасара: «Le lynx et la taupe».

LXXXI.

СВЕРЧКИ.

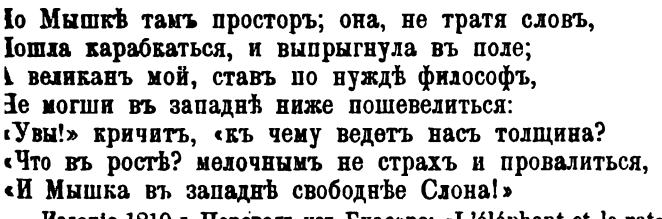
Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейскій домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ кабинетѣ,
И каждый день они видалися тайкомъ.
«Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!»
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
«Какъ гнется, даромъ что высокъ!
«Какая кротость въ немъ! какая добродѣтель!
«И какъ трудолюбивъ! я самъ тому свидѣтель,
«Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
«И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
«А всѣ за нимъ тащатъ!» — «На произволъ судьбины»,
Товарищъ подхватилъ:
«Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ только жилъ,
«И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать личины;
«Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
«Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ казаться;
«А здѣсь, какимъ родился въ свѣтъ:
«Богатому служить, предъ сильнымъ пресмыкаться;
«А до другихъ и дѣла нѣтъ:
«Вотъ нашего ханжи и все тутъ уложенье!
«Оставь же лишнее къ нему ты уваженье!
«И въ обществѣ людскомъ,
«Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,
«Умѣй ты различать двухъ человѣкъ въ одномъ:
«Параднаго съ приватнымъ».

Изданіе 1810 г. Переводъ изъ Ламотта: «Les grillons»

LXXXII.

СЛОНЪ И МЫШЬ.

Какъ ни великъ и силенъ Слонъ,
Однако же и онъ
Пойманъ мудростью людскою:
Превосходительный тяжелою стопою
Ступилъ по хворосту, и провалился въ ровъ.
Чрезъ часъ потомъ и Мышь подверглась той же долѣ.

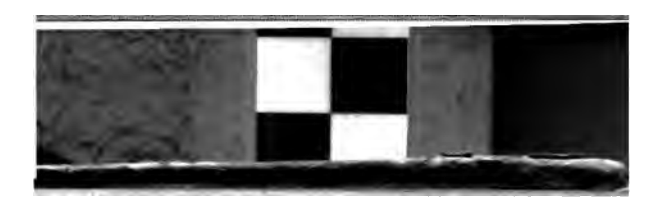
Но Мышкѣ тамъ просторъ; она, не тратя словъ,
Пошла карабкаться, и выпрыгнула въ поле;
А великанъ мой, ставъ по нуждѣ философъ,
Не могши въ западнѣ ниже пошевелиться:
«Увы!» кричитъ, «къ чему ведетъ насъ толщина?
«Что въ ростѣ? мелочнымъ не страхъ и провалиться,
«И Мышка въ западнѣ свободнѣе Слона!»

Изданіе 1810 г. Переводъ изъ Буасара: «L'éléphant et le rat».

LXXXIII.
ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Съ восходомъ солнечнымъ переходя лужокъ,
Три путника нашли съ червонцами мѣшокъ;
Они находку раздѣлили
И съ общаго согласья положили,
Чтобъ младшему идти за хлѣбомъ на обѣдъ.
Товарищъ ихъ пошелъ; а старшій, глядя вслѣдъ,
Другому говоритъ: «почто его мы взяли?
«Не будь онъ, такъ мѣшокъ достался-бъ только двумъ.
«Но знаешь ли, что мнѣ пришло, товарищъ, въ умъ?
«Кинжалъ бы въ бокъ ему, и поминай какъ звали!»
—«А часть его въ раздѣлъ,» товарищъ подхватилъ.—
Межъ тѣмъ и закупщикъ дорогой въ мысляхъ былъ:
«Что, если бы вчера, не нынѣ,
«Попался мнѣ мѣшокъ? тогда я шелъ одинъ,
«Тогда-бъ я былъ не въ половинѣ,
«А полной суммы господинъ!...
«Дай хлѣбъ отравимъ!
«Товарищей моихъ постигнетъ вѣчный сонъ,
«А мы къ своей казнѣ и ихъ казну прибавимъ».
Какъ думалъ, такъ и сдѣлалъ онъ.
Хлѣбъ съ ядомъ принесенъ; но прежде въ два кинжала
Товарищи его пронзили наповалъ;
Потомъ, когда въ немъ кровь подъ сердцемъ замирала,
Но онъ еще дышалъ,
Они, наѣвшись хлѣба,
И сами у его простерлись хладныхъ ногъ.
Ихъ нѣтъ, а деньги тутъ! — и голосъ грянулъ съ неба:
Всевидящъ скрытый Богъ.

Изданіе 1810 г. Переводъ изъ Буасара: «Le trésor».

LXXXIV.

ИСТОРІЯ.

Столица роскоши, искусства и наукъ
Предъ мужествомъ и силой пала;
Но хитрымъ мастерствомъ художническихъ рукъ
Еще она блистала,
И побѣдителя взоръ дикій поражала.
Онъ съ изумленіемъ глядитъ на истуканъ
Съ такою надписью: «Блюстителю гражданъ,
«Отцу отечества, утѣхѣ смертныхъ рода,
«Отъ благодарнаго народа».
Царь-варваръ тронутъ былъ
Столь новой для него и благородной данью;
Влекомъ къ невольному вниманью,
Въ молчаньи долго глазъ онъ съ лика не сводилъ.
«Хочу», сказалъ потомъ, «узнать его дѣянья»—
И вмигъ толмачъ его, разгнувъ бытописанья,
Читаетъ вслухъ: «Сей царь бичъ подданныхъ своихъ,
«Родился къ гибели и посрамленью ихъ:
«Подъ скиптромъ его желѣзнымъ
«Законъ безмолвствовалъ, духъ доблести упалъ,
«Достойный гражданинъ считался безполезнымъ,
«А рабъ коварствомъ путь къ господству пролагалъ».
Въ такомъ-то образѣ исторіей правдивой
Потомству преданъ былъ отечества отецъ.
«Чему же вѣрить мнѣ?» воскликнулъ наконецъ
Смятенный Скиѳъ. — «Монархъ боголюбивой!»
Согнувшись до земли, вельможа далъ отвѣтъ:
«Я, рабъ твой, при царяхъ полвѣка пресмыкался;
«Сей памятникъ въ моихъ очахъ сооружался,
«Когда еще тиранъ былъ бодръ и въ цвѣтѣ лѣтъ;
«А повѣсть, сколько я могу припомнить нынѣ,
«О немъ и прочемъ вышла въ свѣтъ
«Гораздо по его кончинѣ.»

Изданіе 1818 г. Переводъ изъ Буасара: «L'histoire».

LXXXV.

БОБРЪ, КАБАНЪ и ГОРНОСТАЙ.

Кабанъ, да Бобръ и Горностай
[illegible] ись къ выгодамъ искать себѣ дороги.
[illegible] мъ странствіи, въ пути отбивши ноги.

Приходятъ наконецъ въ обѣтованный край,
Привольный для всего; однакожъ этотъ рай
Былъ окруженъ болотомъ,
Вмѣстилищемъ и жабъ и змѣй.
Что дѣлать? Никакимъ не можно изворотомъ
Болота миновать, а кто себѣ злодѣй?
Кому охотно жизнь отваживать безъ славы?
Въ раздумьи путники стоятъ у переправы.
Осмѣлюсь, Горнастай помыслилъ; и слегка
Онъ лапку въ бродъ и вонъ, и одаль въ два прыжка:
«Нѣтъ! братцы», говоритъ, «по совѣсти признаться,
«Со всѣмъ обиліемъ край этотъ не хорошъ;
«Чтобъ входъ къ нему найти, такъ должно замараться,
«А мнѣ и пятнышко ужаснѣе, чѣмъ ножъ!»
—«Ребята!» Бобръ сказалъ, «съ терпѣньемъ
«И умѣньемъ
«Добьешься до всего; я въ двѣ недѣли мостъ
«Исправный здѣсь построю:
«Тогда мы перейдемъ къ довольству и покою;
«И гады въ сторонѣ, и не замаранъ хвостъ;
«Вся сила не спѣшить и бодрствовать въ надеждѣ».—
«Въ полмѣсяца? пустякъ! я буду тамъ и прежде,»
Вскричалъ Кабанъ — и разомъ въ бродъ:
Зашелъ по рыло въ топь, и змѣй и жабъ, все давитъ,
Ногами бьетъ, пыхтитъ, упорно къ цѣли правитъ,
И хватски на берегъ изъ мутныхъ вылѣзъ водъ.
Межъ тѣмъ какъ на другомъ товарищи зѣваютъ,
Кабанъ, встряхнувшися, надменный принялъ видъ,
И чрезъ болото къ нимъ съ презрѣніемъ хрючитъ:
«Вотъ какъ по-нашему дорогу пробиваютъ!»

Изданіе 1818 г.

LXXXVI.

СЛѢПЕЦЪ, СОБАКА ЕГО и ШКОЛЬНИКЪ.

Бѣднякъ, живой примѣръ въ злосчастіи смиренья,
Согбенный старостью, притомъ лишенный зрѣнья,
Съ котомкой чрезъ плечо и посохомъ въ рукѣ,
Бродилъ по улицамъ въ какомъ-то городкѣ,
Питаясь именемъ Христовымъ,—
Кускомъ, не всегда, навѣрное, готовымъ;
Но онъ и въ бѣдности сокровищемъ владѣлъ:
Въ вожатомъ друга онъ примѣрнаго имѣлъ.

Кто жъ это? братъ, сестра родная,
Иль просто родственникъ? Нѣтъ, выжлица дворная,
Которую слѣпецъ Добрушкой называлъ;
Не по шерсти онъ ей, по свойствамъ имя далъ.
Снурочкомъ къ поясу привязана слѣпцову,
Она всегда была его послушна слову;
Бѣжала передъ нимъ, то глядя на него,
То вдоль по улицѣ чутьемъ своимъ искала
Благотворителя. Не разъ сама бывала
Безъ пищи до ночи, — все это ничего....
Терпѣла и молчала.
Однажды мой слѣпецъ
Бредетъ съ собачкой мимо школы,
Откуда ни возьмись мальчишка удалецъ.
Ну теребить слѣпца, трясти за обѣ полы,
Потомъ, собачку отвязавъ,
«Ступай,» кричитъ онъ ей, «даю тебѣ свободу».
«Къ чему тебѣ за добрый нравъ
«Покорствовать уроду
«И по міру ходить? Знай нищій свой порогъ
«У церкви, стой онъ тамъ и жди, что пошлетъ Богъ».
Добрушка слушаетъ и къ старцу только жмется,
Какъ будто думая: «кто жъ безъ меня займется
«Несчастнымъ?.. Нѣтъ, не разлучусь съ тобой!»
—«Ступай-же, дурочка,» толкнувъ ее ногой,
Шалунъ еще сказалъ; она къ землѣ припала
И молча на слѣпца умильный взоръ кидала.
—«Такъ, сгинь-же вмѣстѣ съ нимъ!» повѣса закричалъ
И, дѣлая прыжки, къ собратью побѣжалъ;
А нищій ощупью, дрожащею рукою
Вожатку на снуркѣ за поясъ прицѣпилъ
И благодарною кропилъ ее слезою.

Жестокій эгоистъ! а ты не разъ бранилъ
Смиреннымъ именемъ добрѣйшей твари въ свѣтѣ!
Содрогнись: ты одинъ у басни сей въ предметѣ.

Альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1825 г.

АПОЛОГИ.

Равновѣсіе.

Сынъ Сѣвера! суровъ и хладенъ твой климатъ;
Ужасны льды твои, но счастливъ ты сто кратъ:
Въ тебѣ и бодрый духъ, и богатырска сила.
Въ Сициліи жъ Вулканъ; чума на брегѣ Нила.

Львиное право.

Медвѣдя Левъ просилъ: «черезъ твою берлогу
«Позволь мнѣ проложить военную дорогу».—
«Нельзя!» сказалъ Медвѣдь; и въ шубу носъ уткнулъ.
Что жъ сдѣлалъ Левъ? — перешагнулъ.

Чужеземное растеніе.

«Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
«О, милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
«Гдѣ зелень, запахъ твой?» — «Увы!» онъ отвѣчалъ:
«Я на чужбинѣ».

Плоды мудраго правленія.

При пятомъ Львѣ Медвѣдь за правду лѣзъ изъ кожи,
Волъ сдабривалъ поля, и былъ неутомимъ;
Конь смѣлостью блисталъ. Короче заключимъ:
Великъ монархъ: отличны и вельможи.

Преступленія.

Тигръ, ужасъ всѣхъ звѣрей, поднявъ кровавы взоры,
Морфея умолялъ, чтобъ сонъ къ нему послалъ. —
«Для извергов, тебѣ подобныхъ», богъ сказалъ:
«Готовлю я не макъ, но совѣсти укоры.»

Роза и Шмель.

«Прочь, наглый, прочь ты, Шмель!» вскричала утромъ роза:
«Ты осквернишь меня; ты мнѣ страшнѣй мороза».

—«Прощаю спѣсь твою: ты только разцвѣла;
«Я вечеромъ приду, авось не будешь зла».

Пѣснь Лебедя.

Пѣлъ Лебедь, и моихъ всѣхъ чувствъ онъ былъ владѣте
— «Ты веселъ?» я его, растроганный, спросилъ:
«Да, онъ отвѣтствовалъ, часъ смерти наступилъ».
Спокойно жизни путь свершаетъ добродѣтель.

Порокъ и Добродѣтель.

«Я царь земной»! Порокъ въ надменности изрекъ.
— «А я царю небесъ мой жребій поручила»,
Смиренно Доблесть говорила. —
Рѣшись и выбирай безсмертный человѣкъ!

Скорбь и Фортуна.

Отрады лучъ блеснулъ у Скорби на челѣ:
— «Что этому виной»? Фортуна вопросила:
«Давно ль твой томный взоръ поникнутъ былъ къ землѣ?»
«Я малостью слезу сиротки осушила».

Ошибка Чижа.

Чижъ, въ птичникъ залетя, прельстился имъ какъ раем
Раздолье! пьетъ и ѣстъ одно онъ съ Попугаемъ.
Но долго ль? нѣтъ! Скворецъ тамъ заклевалъ его. —
Опасно выходить изъ круга своего.

Жертвенникъ и Правосудіе.

Во храмѣ Жертвенникъ преступника скрывалъ.
«Какъ?» Правосудіе вопило раздраженно:
«Скрывать преступника!» — «Да», Жертвенникъ сказалъ:
«Несчастіе священно».

Плодъ.

Садовникъ сѣтовалъ, что долго Плодъ не зрѣетъ;
А Плодъ судилъ: вина не отъ моихъ сѣмянъ:
Дай больше свѣта мнѣ, и буду я румянъ.—
Безъ солнца и талантъ въ созрѣніи коснѣетъ.

Ежъ и Мышь.

Ежъ говорилъ, что онъ изъ одного презрѣнья
Къ мірскому, скрылъ себя во мракъ уединенья.
— «Сосѣдъ!» сказала Мышь: «разсказывай другимъ;
«Отъ міра злой не прочь, но въ мірѣ тѣсно съ нимъ».

Деревцо.

Березка выросла предъ домомъ кривобока:
Пришлось выкапывать; но корни такъ ушли
Далеко въ глубину, что вырыть не могли.—
История порока.

Чадолюбивая Мать.

Мартышка, съ нѣжностью дитя свое любя,
Безъ отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? наконецъ, въ объятьяхъ задушила. —
Мать слабая! Поэтъ! остереги себя.

Репейникъ и Фіалка.

Между Репейникомъ и розовымъ кустомъ
Фіалочка себя отъ зависти скрывала;
Безвѣстною была, но горестей не знала.—
Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

Курица и Утята.

«Ты все съ утятами». — Кому жъ ходить за ними?»
«Я высидѣла ихъ». — «Но что тебѣ они?
«Чужія». — «Нужды нѣтъ! хочу считать моими».—
Кто любитъ помогать, тотъ всякому съ родни.

Клевета.

Честонъ былъ пораженъ кинжаломъ, но слегка —
Данъ промахъ, такъ и быть! злодѣй вскричалъ: «отселѣ
«По крайней мѣрѣ знакъ останется на тѣлѣ».—
Черта клеветника.

Свѣтлякъ и Змѣя.

Со Свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается Змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ. —
«Убійца!» онъ вскричалъ, «за что погибнулъ я?»
— «Ты свѣтишь» — отвѣчаетъ.

Своенравная Лиса.

Свѣтъ полонъ чудаковъ: Медвѣдь Лисѣ былъ другъ;
И съ Тигромъ и Слономъ хлѣбъ-соль она водила:
Но никого въ своемъ сосѣдствѣ не любила,
А пуще всѣхъ своихъ подругъ.

Змѣя и Птицеловъ.

У сѣтки сторожа добычу, Птицеловъ
Давнулъ Змѣю, а та въ него вонзила жало,
И вмигъ его не стало!—
Нерѣдко гибнетъ злой, другому строя ковъ

Павлинъ.

Индѣекъ не на вкусъ пришелъ Павлиній ростъ.
«Какой, кричатъ, уродъ!» А онъ въ отвѣтъ злодѣйкамъ
Лишь только раздувалъ свой изумрудный хвостъ.—
Творенье генія — отвѣтъ его Индѣйкамъ.

Человѣкъ, Обезьяна, Червь и Яблоко.

Садовникъ, Яблоко отнявъ у Обезьяны,
Вскричалъ: «оно мое!» и тотчасъ раскусилъ. —
«Неправда, а мое! вы сильны, такъ и рьяны»,
Изъ Яблока ему Червь бѣдный возразилъ.

Мартышка и Лиса.

«Скажи мнѣ, есть ли звѣрь,
«Котораго бы я замашки не схватила?»
— «Конечно нѣтъ; но всякій, мнѣ повѣрь,
«Стыдится захотѣть, чтобъ ты его учила».

Невинность и Живописецъ.

Въ Амурѣ на холстѣ все жизнію дышало,
Невинность передъ нимъ горитъ, потупя взоръ.
Артистъ встревожился: «что значитъ сей укоръ?
«Что надобно еще Амуру?»—Покрывало.

Духъ смиренія.

Сыны Османовы вопили: «Мщенье, мщенье!
«Наполнимъ ужасомъ и кровью всѣ мѣста!»
А вы что имъ въ отпоръ, о воины Христа?
— Прощенье.

Орелъ и Филинъ.

Орелъ стремилъ полетъ свой къ Фебову престолу;
А Филинъ говорилъ: отъ солнца мука намъ.—
Такъ доблесть ясный взоръ возводитъ къ небесамъ,
Злодѣйство опущаетъ долу.

Утопшій убійца.

Убійца, чтобъ спастись отъ строгости судей
И казни, весь дрожа бѣжалъ черезъ плотину,
Споткнулся, и въ рѣкѣ нашелъ свою кончину.—
Судъ Промысла вездѣ найдетъ тебя, злодѣй!

Мщеніе Пчелы.

Обиду мстя, Пчела
Въ обидчика вонзила жало.
— И возгордилася?—Ни мало:
На язвѣ умерла.

Хлѣбъ и Свѣчка.

— «Прочь, далѣ! близъ тебя лежать я не хочу»,
Хлѣбъ Свѣчкѣ говорилъ; а та ему: «напрасно;
«Чѣмъ хуже я тебя? подумай безпристрастно:
«Ты кормишь,—я свѣчу».

Левъ и Волкъ.

Волкъ, полуночный тать,
Схватилъ козленочка.—«Не смѣй его терзать»,
Воскликнулъ Левъ, «пусти!»—и Волкъ ему послушенъ.—
Подлецъ всегда свирѣпъ; герой великодушенъ.

Мячикъ.

«Несносный жребій мой! то вверхъ, то внизъ лечу;
«Впередъ, назадъ меня толкаютъ.
«Ракетѣ смѣхъ, а я страдаю и молчу».—
Проситель! и съ тобой не лучше поступаютъ.

Комъ земли.

— «Не амбра ль ты?» поднявъ Комъ персти, я сказалъ:
«Какъ отъ тебя благоухаетъ!»—
«Нѣтъ,» онъ мнѣ отвѣчаетъ:
«Я Комъ простой земли, но съ Розою лежалъ».

Черепаха.

«Надъ Черепахою нельзя не прослезиться».
— «Спасибо! что бъ тебя растрогать такъ могло?»—
«Легко ль носить свой домъ, повсюду съ нимъ тащиться?»—
«Что въ пользу, *то не тяжело*».

Двѣ молитвы.

Средь храма, ницъ челомъ, Моллакъ молился вслухъ:
– Всезрящій! ты мнѣ все: пошли мнѣ воздаянье!—
А нищій въ уголку шепталъ, смиря свой духъ:
«Отецъ! дай мнѣ отжить въ сердечномъ покаяньи!»

Каменная Гора и водяная Капля.

«Съ умомъ ли, Капля, ты? меня пробить взялась!
«Меня, гранитную! ты, право, стоишь смѣха».
Но Капля молча все капъ, капъ... и пробралась.—
Настойчивость—залогъ успѣха.

Богачъ и Поэтъ.

«Поэтъ и гордъ еще!» сказалъ спѣсивый Климъ:
«А чѣмъ богатъ? ума палата!»—
«Купи безсмертіе себѣ цѣною злата»,
Отвѣтствовалъ Поэтъ, «и я смирюсь предъ нимъ».

Желаніе и Страхъ.

Неугомонное и вздорное Желанье
Предъ Діемъ завсегда толклось какъ на часахъ.
— «Постой-же», онъ сказалъ: «отнынѣ въ обузданье
«Пускай сопутствуетъ ему повсюду Страхъ».

Мыльный пузырекъ.

Блестящій тысячью Ирисиныхъ цвѣтовъ
Изъ мыла Пузырекъ на воздухѣ гордился;
Но дунулъ вѣтръ, и вмигъ онъ въ каплю превратился.—
Судьба временщиковъ.

Безпечность поэта.

Поэтъ случайно въ честь и кругъ бояръ попалъ;
Но буря зависти противъ его возстала,
И всюду разнеслось: пѣвцу грозитъ опала.—
«Такъ я былъ въ случаѣ? вотъ новость!» онъ сказалъ.

Собака и Перепелъ.

За Перепеломъ Песъ вдоль нивы крался лѣтомъ,
Но Перепелъ не слѣпъ: онъ съ мѣста вмигъ спорхнулъ,
И пѣсню съ высоты въ насмѣшку затянулъ:
«*Измѣнникъ!* ты берешь ползкомъ, а я полетомъ.»

Подснѣжникъ.

«Что мнѣ зима?» сказалъ Подснѣжникъ, ранній цвѣтъ;
«Пускай ее страшатся Розы;
«Я все превозмогу и бури, и морозы».—
Для генія препоны нѣтъ.

Узда и Конь.

Съ чего Конь пышетъ, ржетъ?—гортань дерутъ уздою.
Ослабили узду, и Конь пошелъ на стать.—
Властитель! хочешь ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою.

Прохожій и Пчела.

— О, Пчелка! межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора
Есть ядовитые: отравятъ жизнь твою;
Смотри же, не садись на каждый безъ разбора!—
«Не бойся: ядъ при нихъ; я только нектаръ пью».

Орелъ и Коршунъ.

Юпитеръ Коршуну сказалъ: «твоя чреда,
«Орелъ въ опалѣ: будь его преемникъ власти».
И вдругъ раздоръ, грабежъ, всѣ взволновались страсти.—
Ошибка въ выборѣ—бѣда.

Два Врача.

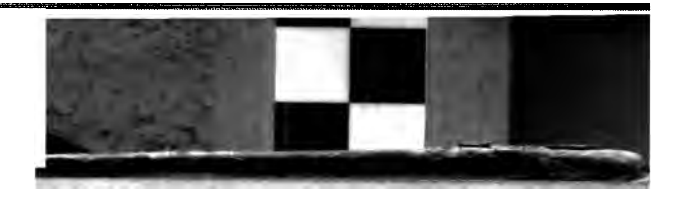
Одинъ угрюмый Врачъ подобенъ былъ тирану;
Больной отчаянье въ глазахъ его читалъ.
Другой участіемъ, привѣтствомъ жизнь вливалъ.—
Такъ бережно цѣлить намъ должно сердца рану.

Цвѣтъ и Плодъ.

Цвѣтной горохъ подъ судъ хозяина попалъ
За то, что, возгордясь, всѣхъ братьевъ презиралъ;
И вотъ какъ приговоръ былъ справедливъ и точенъ:
Цвѣтъ милъ на часъ, а плодъ, питателенъ и прочень».

Садовая Мышь и кабинетская Крыса.

«Ты книги все грызешь: дивлюсь твоей охотѣ!
Умнѣе ль будешь ты? пустая то мечта»,
Сказала Крысѣ Мышь, жилица въ темномъ гротѣ.
Отвѣтъ былъ:—«Что мнѣ умъ? была бы лишь сыта».

Оселъ и Выжлица.

— «Скотъ глупый взялъ передъ! и по какому праву?»
Шумѣла Выжлица; «иль я не удала,
«Не обгоню его на славу?»—
Не много славы въ томъ, чтобъ обогнать Осла.

Ниспроверженный Истуканъ.

«Что вижу? истуканъ мой въ прахѣ! мщенье, мщенье!»
Вскричалъ Деспотъ, себя равнявшій съ божествомъ:
«Накажемъ смертью дерзновенье!
«Кто низложилъ его? кто этотъ врагъ мой?»—Громъ.

Челнокъ безъ весла.

По вѣтру, безъ весла, Челнокъ помчался въ море,
Ударился въ скалу и раздробилъ свой бокъ.—
На жизненной рѣкѣ и намъ такое жъ горе:
Безъ мудрости, прощай, нашъ утлый челночекъ!

ЭПИЛОГЪ.

Авторъ и Критика.

Что вздумалось тебѣ сухіе Апологи
Представить критикамъ на судъ?
Ты знаешь, какъ они насмѣшливы и строги.—
Тѣмъ лучше: ихъ прочтутъ.

Изданіе 1825 г. Всѣ апологи переведены изъ Mollevaut.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ

князя Антіоха Димитріевича Кантемира.

Се князь изображенъ молдавскій Кантемиръ,
Что первый былъ отцомъ россійскіихъ сатиръ,
Которы въ ѣдкости Буаловымъ равнялись
И коихъ остротой читатели плѣнялись.
Но только ль что въ стихахъ онъ разумомъ блисталъ?
Не меньше онъ и тѣмъ хвалы достоинъ сталъ,
Что духъ въ немъ мудраго министра находился,
И весь британскій дворъ политики его дивился.

1777.

С.-Пбургск. Учен. Вѣдомости 1777 г., № 15.

II.

ИДИЛЛІЯ.

Умолкни вѣтерокъ, забудьте птички пѣть,
Престань потокъ журчать, а ты, о лѣсъ, шумѣть!
Усни природа вся и дай на часъ мнѣ время
Оплакать жизнь мою, котору чту за бремя!

О, вы прекрасныя, зеленыя мѣста!
Куда дѣвалася днесь ваша красота,
Которой мы всегда съ Ирисой восхищались,
Когда здѣсь воздухомъ прохладнымъ наслаждались?

Но, ахъ, Ирисы нѣтъ! Прошли ужъ тѣ часы,
Въ которые я могъ всѣ зрѣть ея красы...
Ирисы больше нѣтъ!... Воспоминанье слезно!
Но что мнѣ здѣсь стоять и плакать безполезно?

Пойду хоть къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ съ нею я бывал
И гдѣ я истинно блаженство ощущалъ,
Пойду и токомъ слезъ тропинки всѣ омою,
По коимъ бѣгала любезная со мною!

Вотъ мѣсто, гдѣ ее я въ первый разъ узрѣлъ,
Сталъ вѣчно плѣнникомъ и страстью воскипѣлъ!...
На этой муравѣ Ириса отдыхала
И сонная мои лобзанья принимала.

Вотъ здѣсь, на бережку, я съ нею говорилъ
И, въ первый разъ еще, любовь мою открылъ!
А струйки оныхъ водъ свидѣтелями были,
Какъ мы взаимную присягу учинили.

Возможно ль мнѣ, увы, сдержати слезный токъ,
Когда я ни взгляну на милый сей лѣсокъ,
Гдѣ вскорѣ увѣнчать любовь свою мы льстились,
Но строгостью судьбы другъ съ другомъ разлучились!

О, рокъ, почто ты къ намъ толико нынѣ строгъ?
Скажи мнѣ, чѣмъ тебя озлобити я могъ?
За что столь жестоко невиннаго караешь
И вѣчно у меня Ирису отнимаешь?

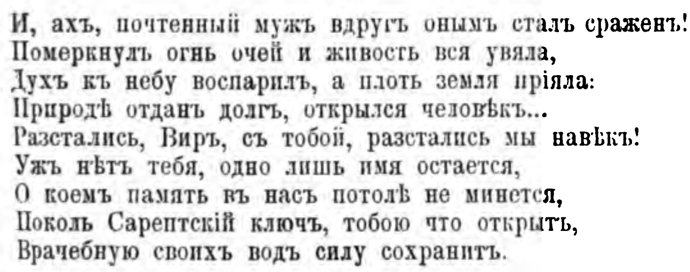
Но суетенъ мой вопль! никѣмъ не внемленъ онъ!
Не слышитъ и сама любезная мой стонъ:
Уже въ другихъ странахъ Ириса обитаетъ...
А бѣдный Полидоръ съ печали умираетъ!

Утра 1782 г. май.

III.

СТИХИ
на кончину доктора Вира.

Что вижу? злая смерть здесь косу поднимаетъ
И Вира поразить съ свирѣпостью алкаетъ!
Оставь, чудовище, стремленіе свое
И вспомни, чье пресѣчь стремишься бытіе...
Престань ты суетной надеждою гордиться!
Возможно ли тому тобою сокрушиться,
Который самъ тебя нерѣдко побѣждалъ
И изъ когтей твоихъ жертвъ многихъ исторгалъ?
Бѣги отъ здѣшнихъ мѣстъ... но суетно вѣщанье:
Сугубитъ смерть свое злодѣйское порыванье.
И подъемлется коса — ударъ ужъ совершенъ

И, ахъ, почтенный мужъ вдругъ онымъ сталъ сраженъ!
Померкнулъ огнь очей и живость вся увяла,
Духъ къ небу воспарилъ, а плоть земля пріяла:
Природѣ отданъ долгъ, открылся человѣкъ...
Разстались, Виръ, съ тобой, разстались мы навѣкъ!
Ужъ нѣтъ тебя, одно лишь имя остается,
О коемъ память въ насъ потолѣ не минется,
Поколь Сарептскій ключъ, тобою что открыть,
Врачебную своихъ водъ силу сохранитъ.

Утра 1782 г., май.

IV.

ЭПИГРАММА.

За что Ликаста осуждаютъ?
Что вяло пишетъ онъ?..
Имъ изданъ только... «Сонъ»,
Когда же складны сны бываютъ!

Утра 1782 г., іюнь.

V.

КЪ ***

КОТОРАЯ ХОТѢЛА ИСПОРТИТЬ ЧАСЫ.

Ахъ, Лиза! мнѣ ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться.

(1788).
Изданіе 1803—1805 гг.

VI.

Мой другъ, судьба опредѣлила,
Чтобъ я терзался всякой часъ;
Душа моя во мнѣ уныла
И жаръ къ поэзіи погасъ.
Узрю ль весну я? неизвѣстно,
Но только то скажу нелестно,
Что если счастливъ я въ тебѣ:
Любезна для меня природа
Во всѣ четыре время года,
И не пеняю я судьбѣ.

1788.
Письма Карамзина къ Дмитріеву. С.-Пб. 1866.

VII.

ОТЪѢЗДЪ.

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и ты, волшебный край,
Въ которомъ геніи крылаты
Казали мнѣ и въ дебряхъ рай;
Гдѣ я мечтами забавлялся,
Гдѣ лютый всѣхъ знобилъ морозъ;
А я лежалъ средь нѣжныхъ розъ
И ароматомъ ихъ питался;
И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
Видался каждый день съ Наядой;
Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
Казались мнѣ Гамадріадой,
А дьякъ или и самъ судья
Какой-нибудь Цирцеи жертвой.
Ахъ, какъ въ тебѣ былъ счастливъ я!
Бывало и живой, и мертвой
Равно повиновались мнѣ.
И я, не выходя изъ дому,
Чудесилъ такъ, что врядъ другому
Увидѣть даже и во снѣ.
Лишь мѣсяцъ ликъ уставитъ въ воду,
И свѣтлу твердь застелетъ мракъ —
То есть, какъ ночь на всю природу
Накинетъ флеровый колпакъ —
Съ восторгомъ я въ тебя вступаю
И, какъ могучій чародѣй,
Натурою повелѣваю:
Хочу, и зрю толпу людей,
За тридевять земель лежавшихъ
Два вѣка въ мать-сырой землѣ,
Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
Глазамъ моимъ въ прозрачной мглѣ.
Вздохну, и вижу я Темиру,
Въ ея объятія лечу,
И въ тотъ же мигъ, наладя лиру,
Что придетъ на сердце, бренчу.
Еще вздохну, и вмигъ предстанетъ
Покрытый муравою лугъ;
Съ улыбкой нѣжной солнце взглянетъ,
Вспорхнетъ зефиръ, явится другъ
Съ своею арфой сладкогласной.

И Маю возгласитъ на ней:
«Спѣши, спѣши, о Май прекрасной,
Любезный вождь весеннихъ дней!
Дохни къ намъ нѣжными устами —
И ландышъ съ розой разцвѣтутъ;
Тебя съ простертыми руками
Прелестны нимфы съ неба ждутъ».
Но время, хоть никто не проситъ,
На быстрыхъ крыліяхъ своихъ,
Мечты, утѣхи всѣ уноситъ,
И я почти лишенъ моихъ
Необходимою судьбою! —
Ахъ! скоро, скоро я съ тобою,
Разстануся, волшебный міръ!
Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ, —
И я уже на чистомъ полѣ
Лечу на тройкѣ, какъ зефиръ.
Удалы мчатъ, закинувъ гривы,
Земля бѣжитъ, и пыль столбомъ;
Прощайте, дни мои счастливы,
Прощай, отеческій мой домъ!
Прощайте, Граціи и Музы!
Увы, невольно сладки узы
Я долженъ съ вами перервать...
Прощай, прощай и ты, о Волга! . —
О, Марсъ! о честь! о святость долга!
Скачу, скачу... маршировать.

1788.
осковскій Журналъ 1792 г., ч. VII.

VIII.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖЕСТВО.

ященно дружество, о коль твой силенъ гласъ!
дъ тяжкимъ бременемъ недуговъ злыхъ страдая,
уныніи души отрадъ не ожидая,
е я навсегда хотѣлъ забыть Парнасъ;
Уже не строилъ больше лиру,
Не воспѣвалъ на ней ни друга, ни Плѣниру;
шь только, на нее взирая, воздыхалъ
слезы изъ очей безмолвно проливалъ.
днесь твои, мой другъ, пріятнѣйшія строки,
Какъ будто животворны соки,

Вліяли жаръ и силу вновь
Въ мою, уже хладѣвшу, кровь
И къ Музѣ паки обратили,
Съ которою меня дни мрачны разлучили.
Покорствуя тебѣ, долгъ дружества плачу,
Внемли: я пѣть стихи печальные хочу.
Божественнымъ владѣвый даромъ,
Безсмертный Оссіанъ, высокій сей пѣвецъ,
Дермида предалъ со Оскаромъ
Потомству дружбы въ образецъ.
И въ склонностяхъ, и лѣтахъ равны,
Сіи два друга были славны
Согласіемъ ихъ душъ и мужествомъ равно;
Узнавъ ихъ, всякій мнилъ, что сердце въ нихъ одно.
Въ сраженіяхъ они другъ друга защищали
И вмѣстѣ лавры пожинали;
Примѣрной дружбы ихъ узла
И самая любовь расторгнуть не могла.
Уллиномъ въ міръ произведенна,
Комала, красотой небесной одаренна,
По смерти дней своихъ творца,
Который низложенъ Оскаровой рукою,
Была назначена судьбою
Плѣнить героевъ двухъ сердца.
Уже они клянутъ тотъ день, который славой
Ихъ подвигъ увѣнчалъ,
Когда толь сильный врагъ отъ ихъ меча упалъ;
Уже, исполненны любовною отравой,
Во славѣ счастія не зрятъ
(Ихъ счастіе въ любви, ее боготворятъ).
Довольно ль за отца, Комала, ты отмстила?
Но, ахъ, симъ тѣнь его лишь больше раздражила!
Героевъ ты плѣня, познала горшій плѣнъ.
Оскаръ, которымъ твой родитель умерщвленъ,
Кто бъ могъ вообразить,—Оскаръ тебѣ любезенъ!
Вотще ты хочешь быть сама къ себѣ строга,
Вотще желаешь зрѣть въ Оскарѣ ты врага,
Увы! среди любви разсудокъ безполезенъ!—
«Оскаръ!» Дермидъ въ слезахъ ко другу такъ вѣщалъ:
«Оскаръ, кляни меня: я твой соперникъ сталъ...
«Комалу я люблю! Но ты пребудь спокоенъ!
«Ты счастливъ въ ней, я нѣтъ...
«Вкушай плоды любви, а я оставлю свѣтъ;
«*Умру, слезъ* дружества достоинъ!

Мой другъ, въ послѣдній разъ ты мнѣ послушенъ будь.
Возьми свой мечъ и имъ пронзи несчастну грудь!...»—
-«Что слышу?» рекъ Оскаръ, сугубо изумленной,
Ужель Дермидъ меня способнымъ чаетъ быть
Кровь друга своего дражайшую пролить?
Бывалъ ли таковой злой извергъ во вселенной?
Дермидъ! хотя ты мнѣ совмѣстникъ по любви,
Іо я лишь помню то, что ты мой другъ... живи!»—
Інѣ жить? Ахъ, нѣтъ, мнѣ вѣкъ ужъ не прелестенъ!
'ази меня, доколь невиненъ я и честенъ...
'ази!.. Иль хочешь ты меня толь низкимъ зрѣть,
Чтобъ выю я простеръ подъ недостойну руку,
«Дабы со страмомъ умереть?
«Оскаръ, не множь мою ты муку,
ай смерть рукой своей, и вѣрь мнѣ, что она
Іребудетъ для меня и для тебя славна!»—
«Дермидъ, ты требуешь? О горестная доля!
ри слезы... что сказать?.. твоя свершится воля!
Іо что, ужели ты съ безславіемъ умрешь?
іакъ агнецъ, выю самъ подъ остріе прострешь?
Іѣтъ! Смерть твоя должна быть смертію героя!
'тупай, вооружись, назначимъ мѣсто боя!
'раженъ твоей рукой, безропотно паду
Іли, сразя тебя, самъ путь къ тебѣ найду.»—
Уже они текутъ на брегъ шумящей Бранны,
ѣ были столько кратъ побѣдой увѣнчанны.
тановвляются. Въ слезахъ другъ друга зрятъ;
змолвствуютъ, но, ахъ, сердца ихъ говорятъ!
Объемлются; потомъ, мечами
зривъ во щиты, вступаютъ въ смертный бой.
е съ обѣихъ странъ ліется кровь ручьями;
е забвенъ былъ другъ,—сражался лишь герой,
чувство дружества Оскара просвѣщаетъ:
каръ, воспомня то, что друга поражаетъ,
рогнулся и свой умѣрилъ пылкій жаръ.
мидъ же, въ смерти зря себѣ небесный даръ,
таянъ, яростенъ, опасность презирая,
сается на мечъ, колеблется, падетъ,
руки хладныя ко другу простирая,
улыбкой на устахъ сей оставляетъ свѣтъ.
Оскаръ, отбросивъ мечъ, очамъ его ужасный,
очникъ пролилъ слезъ и горько возстеналъ:
го ты поразилъ рукой своей, несчастный?»
На трупъ взирая, онъ вѣщалъ:

«Се другъ твой, се Дермидъ, тобою убіенный!
«А ты, ты, кровію Дермида обагренный,
«Еще остался живъ! Оскару ль то снести?
«Умри, злодѣй, умри!.. Комала, ахъ, прости!»
Съ симъ словомъ путь къ своей возлюбленной направ
Котору посреди смущенія оставилъ.
Съ пришествіемъ его она узрѣла свѣтъ.
—«Но, отчего Оскаръ толь медленно идетъ?»
Комала говоритъ,—«печально онъ взираетъ
«И рукъ своихъ ко мнѣ уже не простираетъ?:.
«Вздыхаетъ... Небеса! Какой еще ударъ!
«Дражайшій мой, скажи, что сдѣлалось съ тобою?»—
—«Комала!» рекъ Оскаръ:
«Внимай, тебѣ я стыдъ и грусть мою открою!
«Извѣстна ты, что я до днесь въ метаньѣ стрѣлъ
«Подобнаго себѣ изъ воиновъ не зрѣлъ:
«Стрѣла, которую рука моя пускала,
«Всегда желаема предмета достигала;
«Но днесь, о стыдъ, о срамъ, о горька часть моя!
«Искусства я сего, сверхъ чаянья, лишился,
«И славы блескъ моей навѣкъ уже затмился!
«Комала, видишь ли близъ онаго ручья
«Надменный дубъ, главу межъ прочихъ возносящій,
«И свѣтлый оный щитъ, внизу его висящій?
«Сей щитъ Гармуровъ былъ,
«Котораго мой мечъ дни славны прекратилъ.
«Кто бъ думалъ, чтобъ рука, пославши смерть герою
«(О стыдъ, о вѣчный стыдъ! куда тебя сокрою!)
«Пронзить въ срединѣ щитъ безсильною была?»—
«Оскаръ», съ улыбкой дщерь Уллинова рекла:
«Утѣшься! Мой отецъ... прости, что я вздохнула,
«Хоть владствуетъ любовь, природа не уснула...
«Дражайшій мой отецъ въ младенчествѣ своемъ
«Училъ меня владѣть стрѣлой и копіемъ.
«Пойдемъ, любезный мой! Мнѣ счастье вмѣсто дара
«Пособитъ, можетъ быть, загладить стыдъ Оскара».
Посемъ они спѣшатъ въ уединенный лѣсъ,
Гдѣ имъ назначенъ былъ рокъ лютый отъ небесъ.
Достигши до него, Комала отступаетъ,
Остановляется и лукъ свой напрягаетъ;
А между тѣмъ Оскаръ скрывается за щитъ....
Увы! летитъ стрѣла и въ грудь его разитъ!
—«Благодарю тебя», онъ рекъ, упавъ на землю,
«*Что отъ руки твоей*, Комала, смерть пріемлю!

иинъ я сего: я друга пролилъ кровь!
ій, дражайшая, закрой мои зеницы;
гись со мной и двѣ гробницы
Любовникамъ своимъ готовь!» —
іулъ и кончилъ жизнь... Отчаянна Комала
о трупъ его слезами орошала:
карѣ счастіе, вселенну погубя,
а острый мечъ немедленно въ себя.
Гри жертвы, бѣдственно любовію сраженны,
эрти стали быть навѣки сопряженны.
ительны сердца ихъ вмѣстѣ погребли
гкій памятникъ надъ ними вознесли,
ій и поднесь въ дубравѣ существуетъ,
печальную кончину повѣствуетъ.
Когда пресвѣтлый Фебъ съ лазуревыхъ небесъ,
удни жаркіе лучи распростираетъ
достный зефиръ во густотѣ древесъ
ноя утомленъ, едва не умираетъ,
ны пастыри незлобивыхъ овецъ
этся вкушать при гробѣ семъ отраду,
спомня жалостный почіющихъ конецъ,
потоки слезъ, забывъ идти ко стаду.

3.

ковскій Журналъ 1791 г., ч. III. (Переводъ. Оригиналъ «L'amour et » находится въ сборникѣ «Choix de contes et de poésies erses, de l'anglois. Amsterdam. 1772).

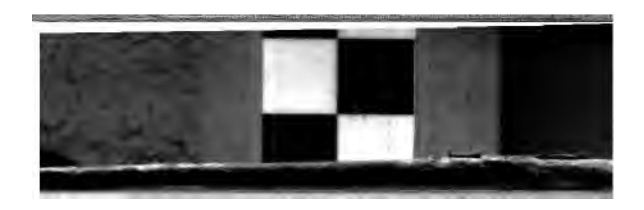
IX.

БЫЛЬ.

Уже опять орлы россійски
На дерзостныхъ своихъ крылахъ
Несутъ въ предѣлы византійски
Съ отчаяніемъ стыдъ и страхъ.

Любовь къ отечеству, звукъ славы,
Честонову проникши грудь,
Гласятъ ему· оставь забавы!
Россъ именемъ и дѣломъ будь!

Хотя въ стѣнахъ роскошна града,
Въ Москвѣ, Честонъ воспитанъ былъ,
Но Россы всѣ усердны чада:
Для славы все Честонъ забылъ.

Нѣтъ! міръ свидѣтель въ томъ, что жители небесъ
И худо, и добро — все сыплютъ къ намъ безъ мѣры.
А ты, совмѣстница Венеры,
Которой сынъ ея вручилъ такую власть,
Что взглядомъ можешь въ насъ рождать безсмертну стра
Ты, Лиза, ты теперь, ахъ! можетъ ли то статься!
Ты хочешь хладной быть и съ богомъ симъ считаться!
Жестокая, скажи, считалъ ли я хоть разъ,
Сколь много пролилъ слезъ отчаянья изъ глазъ;
Сколь часто, посреди восторговъ и желаній,
Я сердце надрывалъ отъ вздоховъ и стенаній?
Сочти всѣ горести, стѣснявшія мнѣ грудь,
И послѣ ты сама судьею нашимъ будь;
Но, нѣтъ! смѣшаемъ все и радости, и муки,
Пади, любезная, пади въ мои ты руки!
Позволь, чтобъ я тебя безъ счета цѣловалъ
За столько, столько слезъ, которыхъ не считалъ.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

XI.

Прелестна Грація, служащая Венерѣ,
Или, по крайней мѣрѣ,
Субреточка подобна ей,
Прими въ знакъ дружбы ты моей
Въ подарокъ вѣеръ сей,
Могущій быть тебѣ замѣною Зефира.
Когда Амуръ, властитель міра,
Или, яснѣй сказать, любовь—
Прольетъ свой сладкій огнь въ твою чистѣйшу кро
Когда онъ по твоимъ всѣмъ жилкамъ разольется
И новое твое сердчишечко забьется. —
Припадковъ таковыхъ, Анюта, не страшись:
Прибѣгни къ вѣеру, машись, машись, машись,
И вмигъ почувствуешь въ крови своей прохладу.
Единую, увы, для вашихъ сестръ отраду.

[1791(?)].

Москвитянинъ 1855 г., № 17—18.

XII.

Къ ***

О выгодахъ быть любовницею стихотворца.

Прелеста, веселись! Мой рокъ уже рѣшился!...
Внимай и торжествуй: я съ вольностью простился!

Стыжуся слабости, но признаюся въ томъ,
Что стала ты моимъ отнынѣ божествомъ:
Тебѣ и лиру я, и сердце посвящаю.
Но что я о твоей побѣдѣ возвѣщаю?
Я падаю къ твоимъ съ признаніемъ ногамъ,
А ты моимъ словамъ
Съ холодностью внимаешь!
Ужели ты не постигаешь,
Какое счастіе, какая слава той,
Которая прельститъ своею красотой
Питомца Музъ и Аполлона?
Или не знаешь ты, что властенъ дать онъ то,
Предъ чѣмъ богатство, власть, корона,
Всѣ благи міра, — вздоръ, ничто.
Поэтъ, примѣромъ я, едва воспламенится,
И вмигъ въ умѣ его тьма, тьма чудесъ родится.
Въ минуту онъ тебя въ богиню претворитъ
И всѣхъ тебѣ сердца навѣки покоритъ;
Онъ тотчасъ дастъ тебѣ усмѣшку, взглядъ Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную тѣнь Флоры
И всѣхъ умильностей и прелестей соборъ,
Какими Граціи блистаютъ и Венера;
На что ни взглянешь ты, все твой украситъ взоръ,
Вездѣ представится иль Книдъ или Цитера;
Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой
Различныя утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи
Погонятся толпой.
О красотѣ твоей узнаютъ всѣ предѣлы;
Изъ глазъ твоихъ посыплютъ стрѣлы,
Которыя пронзятъ и у факира грудь,
Лишь взглянешь, плѣнникъ кто-нибудь;
Распустишь волосы свои предъ туалетомъ
Когда бы ни было, зимой ли то иль лѣтомъ,
Тотчасъ Зефиръ готовъ ихъ кудри развѣвать
И, прохлаждая, цѣловать;
Къ источнику ль свой путь направишь,
Онъ тише потечетъ — ты и его заставишь
Удерживать свои блестящія струи,
Чтобъ долѣе глядѣть на прелести твои;
На лугъ ли ступишь ты, цвѣты на немъ родятся;
Лилеи нѣжныя и розы возгордятся,
Надѣяся, что ты, Прелеста, ихъ сорвешь
И милому дружку вѣнокъ изъ нихъ сплетешь,

Но, вѣрно, на тебя онѣ лишь только взглянутъ,
Съ досады и стыда увянутъ, —
Ты всѣхъ, Прелеста, ихъ затмишь!
Подъ липою ль сидишь,
Гдѣ тѣнь тебѣ готова,
Въ минуту птички всѣ, не говоря ни слова,
Слетятся, запоютъ, чтобъ слухъ твой утѣшать;
Но вздумай только ты къ ихъ пѣнію пристать—
Онѣ умолкнутъ вдругъ. Да кто, и въ самомъ дѣлѣ,
Столь будетъ дерзновенъ, чтобъ пѣть при Филомелѣ?
А что до разума? — О, въ томъ повѣрь, мой свѣтъ,
Что я, который самъ изрядный умъ имѣю,
Легко найду и въ той, къ которой въ страсти тлѣю.
Мнѣ стоитъ захотѣть, и вмигъ создашь сонетъ
Иль пѣсню.... что тебѣ угодно?
Все напишу, хотя поэту и несродно
Ссужать добромъ своимъ другихъ.
Чего не сдѣлаешь для прелестей твоихъ?
Когда же, наконецъ, Киприда раздраженна
За то, что для тебя краса ея забвенна,
Упроситъ Паркъ пресѣчь нить жизни твоея....
Прелеста, не страшись нимало, будь спокойна:
Не плача смерть твоя, но зависти достойна!
Прелеста! ты умрешь, но живъ останусь я!
Любовникъ страстный твой въ элегіи возстонетъ,
Растреплетъ волосы и въ морѣ слезъ потонетъ;
Все скажетъ, что сказать Овидіи могли.
И ты безсмертною пребудешь на земли.
Любовникъ твой тебя во храмѣ Мнемозины
Между Глицеріи посадитъ и Корины. —
Не лестная ль тебя, Прелеста, ждетъ судьба?
Ахъ, осчастливь же ты любовника, раба,
Который предъ тобой клянется Аполлономъ,
Что онъ малѣйшее желаніе твое
Священнымъ будетъ чтить закономъ!
Возьми, возьми навѣкъ ты сердце въ даръ мое,
Люби меня, хотя для собственныя славы,
Или страшись и жди, что, перенося страсть,
Забывши вѣрности уставы
И скучась, наконецъ, сносить сурову часть,
Со равнодушіемъ навѣкъ тебя оставлю,
Другую полюблю, другую и прославлю.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

XIII.

Я.

Уменъ ли я, никѣмъ еще въ томъ не увѣренъ;
Пороковъ не терплю, а въ слабостяхъ умѣренъ;
Немножко мотоватъ, немножко я болтливъ;
Немножко лгу, но лгу не ко вреду другаго,
Немножко и колю, но не отъ сердца злаго;
Немножко слабъ въ любви, немножко въ ней стыдливъ
И предъ любовницей немножко боязливъ,
Но кто безъ слабостей?... И такъ, надѣюсь я,
Что вы, мои друзья,
Не будете меня за нихъ судити строго...
Немножко дуренъ я, но васъ люблю я много.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

XIV.

ЭПИГРАММА.

Повѣрю ль я тебѣ, Кощей,
Что польза отъ всего на свѣтѣ происходитъ?
Какую, напримѣръ, кто пользу въ томъ находитъ,
Что раззоряешь ты людей?

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

XV.

ЭПИГРАММА.

Почто ты Мазона, мой другъ, не прочитаешь?
— «Какая польза въ томъ?»—Ты самъ себя узнаешь.
«А ты его читалъ?»
— Два раза. — «Хорошо жъ, что я не начиналъ».

Московскій Журналъ 1791 г., ч. I.

XVI.

НАДПИСЬ КЪ СТАТУѢ ЮПИТЕРА.

Или Юпитеръ самъ съ превыспреннихъ круговъ
Ко смертнымъ нисходилъ, чтобъ образъ имъ оставить,
Достойнѣйшій царя боговъ;
Иль Фидій, чтобъ черты представить
Имущаго перунъ въ рукахъ,
Самъ былъ на небесахъ.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. II. Переводъ изъ Антологіи: «Inscription de Cometas sur une statue de Jupiter» (Nouvelle anthologie françoise. Paris. 1769).

XVII

ПЛАЧЪ МАТЕРИ

Нѣжной страсти плодъ любезной
Научись со мной страдать!
Рокъ судилъ намъ въ жизни слезной
Дней счастливыхъ не видать.

Въ матерней еще утробѣ,
Сынъ мой, сталъ ты сиротой;
Твой родитель, ахъ!... во гробѣ,
Первый плачъ не слышалъ твой.

Лишь взглянулъ ты на вселенну,
Лютый рокъ тебѣ изрекъ:
«Зри печалью мать сраженну,
Но отца... не узришь ввѣкъ!»

Такъ его не узришь болѣ:
Онъ окончилъ бытіе
На широкомъ чести полѣ
За отечество свое.

О мой милый! ты не знаешь,
Сколько важенъ твой урокъ!
О невинность! ты играешь,
Слыша мой плачевный стонъ.

Ахъ, играй, пока есть время,
Скоро, скоро будешь самъ
Чувствовать печали бремя,
Стонъ пускать къ небесамъ.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
Мы [illegible] съ тобой [illegible],
[illegible] сердца, камень,
Сердце будетъ намъ [illegible].

[illegible] [illegible] что мнѣ [illegible].
Гдѣ [illegible] мой [illegible],
[illegible] мать твоя [illegible]
Прахъ [illegible], гдѣ ты [illegible].

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

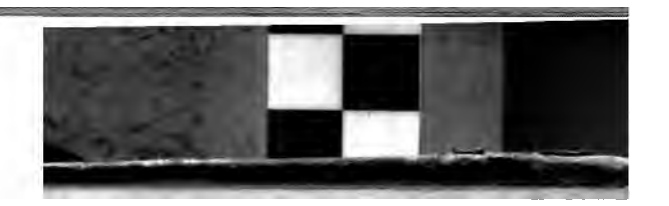
XVIII.

КЪ А. Г. СѢВЕРИНОЙ.

Какое зрѣлище для нѣжныя души!
О Грёзъ! дай кисть свою, иль самъ ты напиши!
Въ румяный, майскій день, при солнечномъ восходѣ,
Тогда, какъ все цвѣтетъ и нѣжится въ природѣ,
Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь,
Климена скромная, на люльку опустясь,
Ни молвить, ни дышать не смѣя,
Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
И чуть не говоритъ: «Какъ милъ!... и точно онъ!»
И такъ, Климена, ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать, и ею быть достойна!
Уже любимыхъ ты пѣвцовъ—
Делиля, Коларло съ Торкватомъ забываешь,
И въ скромную свою диванну мудрецовъ,
Бюффона и Руссо, и Локка призываешь;
И даже въ этотъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
Зоветъ чрезъ Фауля *) въ свой храмъ забавъ, утѣхъ;
Какъ пудры облака покрыли туалеты,
Какъ все въ движеніи: флёръ, шляпки и корсеты,
Картоны, ящики, мужья и сундуки —
Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!
Сидишь, облокотясь, надъ книгою смиренно,
Сидишь и все твое понятіе вперенно
Въ систему, въ правила британскаго творца,
Который только сухъ для одного глупца.
Вся мысль и все твое желаніе, чтобъ сына
Содѣлать званія достойнымъ гражданина.
О, подвигъ сладостный, священный искони!
Климена! увѣнчай ты имъ прекрасны дни.
Кто болѣе тебя во способахъ обиленъ?
Не матери ль одной достоинъ сей предметъ?
Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ.
Такъ, умница! храни, лелѣй ты нѣжный цвѣтъ
Подъ собственной рукою,
И удобряй его ученія росою.
Пекись, чтобъ изліялъ онъ райскій ароматъ,
Когда желанный день созрѣнія настанетъ:
Да усладитъ твое и сердце онъ и взглядъ,
И въ осень дней твоихъ весну твою вспомянетъ!

---

*) Бывшій тогда содержатель англійскихъ баловъ. Прим. авт.

А ты, дитя, залогъ дрожайшихъ двухъ сердецъ!
Живи и усугубь ихъ счастье; наконецъ,
Будь честенъ, будь умень, чувствителенъ, незлобенъ,
Пріятенъ, милъ, во всемъ будь маменькѣ подобенъ!

1791.
Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV.

XIX.

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ.

Любезный попугай! давно ли ты болталъ
И тѣмъ Климену утѣшалъ!
Но могъ уже ты навѣкъ, увы, безгласенъ сталъ!
Султанъ и попугай, все въ мірѣ умираетъ.
Ахъ, пусть хоть чучела [illegible] напоминаетъ
[illegible], которые все врутъ,
Что также и [illegible] испущеньемъ духа
Къ отрадѣ [illegible] слуха
[illegible] уста [illegible] сомкнуть!

[illegible]
[illegible] Журналъ [illegible]

XX.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] —
[illegible]
[illegible]

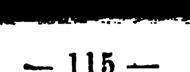
[illegible] ч. II.

XXI.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

XXII.

КЪ КЛИМЕНѢ,

которая спрашивала меня, много ли красавицъ видѣлъ я въ концертѣ.

Красавицъ не видалъ, да ихъ и не бывало;
Пригожихъ нѣсколько иль очень, очень мало;
Прелестной ни одной, —
Но вижу я теперь ее передъ собой.

1791.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV.

XXIII.

ЭПИГРАММА.

Онъ вралъ — теперь не вретъ.
Вотъ эпитафія, когда Бурунъ умретъ.

Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV.

XXIV.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV.

XXV.

ЭПИГРАММА.

Мнѣ лекарь говорилъ: «нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!» —
— «Конечно», думалъ я, «никто того не скажетъ:
«Смерть всякому языкъ привяжетъ».

Московскій Журналъ 1791 г., ч. IV. (Переводъ, по указанію Лонгинова, изъ François de Neufchateau).

XXVI.

КЪ ЛИРѢ.

О ты котора утѣшала
Меня въ мои спокойны дни,
Священну дружбу воспѣвала.

Забудь твой гласъ, о нѣжна лира,
Иль повторяй единый стонъ:
Отъемлетъ жизнь мою Плѣнира,
Исчезло счастіе, какъ сонъ!

Тверди по всякую минуту
Темирину надъ сердцемъ власть,
Ея ко мнѣ жестокость люту,
Мою къ ней пламенную страсть!
Но, ахъ, ты тѣмъ не успокоишь
Мою растерзанную грудь,
Лишь торжество ея удвоишь,
Нѣтъ, лучше ты безгласна будь!

Молчи, доколь судьбы во гнѣвѣ
Устремлены меня карать,
Виси на кипарисномъ древѣ, —
Не буду на тебя взирать.
Виси, безмолвствуя, доколѣ
Мой искренній, любезный другъ
На Марсовомъ пребудетъ полѣ....
Увы, и онъ смущаетъ духъ!

Когда войны погаснетъ пламень,
Быть можетъ, что младый герой,
Спѣша ко мнѣ, увидитъ камень,
Не омоченъ ничьей слезой:
Увидитъ въ прахѣ тутъ висящу,
Любезна лира, и тебя,
Разстроенную и молчащу. —
Возстонетъ онъ, меня любя.

Возстонетъ и смягчитъ слезою
Засохши струны онъ твои,
Потомъ дрожащею рукою
Страданья возвѣститъ мои.
Онъ скажетъ: «Даримонъ былъ вреденъ
Себѣ лишь только самому,
Онъ вѣтренъ былъ, несчастливъ, бѣденъ,
Но другъ всегда былъ другъ ему».

Московскій Журналъ 179[illegible] г., ч. IV

XXVII.

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Унылъ внезапу лавръ зеленый,
Унылъ, и долу преклоненъ!
Возстани, свыше вдохновенный,
Возстани, Бардъ, сынъ всѣхъ временъ!
Бери обвиту крепомъ лиру;
Гласи на ней, повѣдай міру
Печаль чувствительныхъ сердецъ,
Стонъ воиновъ непобѣдимыхъ,
Въ слезахъ среди трофеевъ зримыхъ;
Гласи... Потемкина конецъ!

О, коль ужасную картину
Печальный геній мнѣ открылъ!...
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крылъ
Ни здѣсь, ни тамъ любимца Флоры—
Все томно, что ни встрѣтятъ взоры!
Поникнулъ злакъ, ручей молчитъ;
И тотъ, кого весь югъ страшится,
Увы! простертъ на холмѣ зрится—
Простертъ, главу склоня на щитъ!

Герой—геройски умираетъ
Въ виду попранныхъ имъ градовъ,
И духъ свой Небу возвращаетъ
Средь ратниковъ, своихъ сыновъ!
Почилъ—и вопль вокругъ раздался,
И шумный гласъ молвы помчался
Вливать въ сердца печаль и страхъ!
Синилъ *), Бендеры изумленны,
Героевъ слыша вопль плачевный
Въ поверженныхъ отъ нихъ стѣнахъ;

Очаковъ, гордый и подъ прахомъ,
Чудится и сомнѣнья полнъ,
Чтобъ тотъ, кто былъ дракону страхомъ
Въ степяхъ, вертепахъ, среди волнъ,
Кто рану далъ ему глубоку,
Былъ общему подвластенъ року!
И черный Понтъ, надувъ хребетъ,
Валитъ, реветъ во слухъ Селиму,

*) Древнее названіе Измаила. *Прим. авт.*

Объяту думой, нерѣшиму:
«Воспрянь! уже Перуна нѣтъ!»...

Но чьи тамъ слышу томны лиры
Съ Днѣпровыхъ злачныхъ береговъ?
Чей сладкій гласъ несутъ зефиры?...
То гласъ не смертныхъ, но боговъ,—
То воніютъ херсонски Музы:
«Увы! разсторглись наши узы,
Любитель нашъ навѣкъ съ тобой!
Давно ль бесѣдовалъ ты съ нами
И лиру испещрялъ цвѣтами *),
Готовясь въ кровопитный бой?

«Давно ль Херсонъ, тобой украшенъ,
Цвѣтущъ на брегѣ быстрыхъ водъ,
Взиралъ съ своихъ высокихъ башенъ
На твой со славою приходъ?
Давно ль тебя мы здѣсь встрѣчали
И путь твой лавромъ устилали?
Давно ль?»... и болѣ не могли...
Изъ рукъ пѣвицы покатились,
Главы къ колѣнамъ ихъ склонились,
Власы упали до земли.

Гдѣ, гдѣ не плачутъ и не стонутъ
Во мзду Ираклевыхъ заслугъ?
Въ слезахъ тамъ родственники тонутъ;
Тамъ одолженныхъ страждетъ духъ;
Тамъ, подъ соломеннымъ покровомъ,
Зрю воина въ вѣнкѣ лавровомъ
Среди родимыя семьи;
Онъ алчно внемлющей супругѣ
Разсказываетъ, какъ на югѣ
Князь подвиги творилъ свои:

Какъ въ полѣ бился съ супостатомъ;
Какъ во стѣнахъ его каралъ,
Какъ кончилъ жизнь... Тутъ бѣлымъ платомъ
Текущи слезы утиралъ...
Слеза безцѣнна, священна,
Изъ сердца чиста извлеченна!—
О зятій, что твоя хвала!
Но сей ль жертвою одною

---

*) Я здѣсь упомянулъ одного изъ нашихъ стихотворцевъ съ [illegible] [illegible]. Прим. изд.

Воздашь, Россія, днесь герою,
Которымъ славима была?

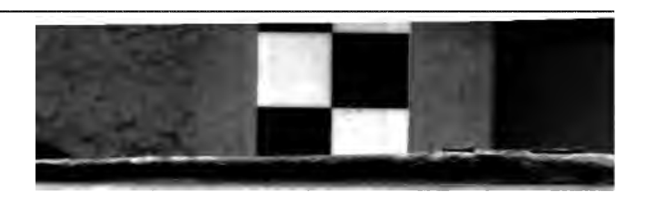
Нѣтъ! сынъ твой вѣчно будетъ громокъ!
Потемкина геройскій ликъ
Увидитъ поздный твой потомокъ,
И возгласитъ: «Онъ былъ великъ!»
И вольный грекъ, забывъ желѣзы,
Прольетъ предъ нимъ сердечны слезы;
И самый туркъ, нахмуря взоръ,
Сынамъ своимъ его покажетъ:—
«Се бичъ нашъ былъ!» вздохнувъ онъ скажетъ—
И Музъ его прославитъ хоръ.

1791.
Московскій Журналъ 1792 г., ч. V.

XXVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ПРОПЕРЦІЮ.

Вотще мы, гордостью безумною надменны,
Мечтаемъ таинства провидѣть сокровенны
И въ ясныхъ небесахъ планету зрѣть свою!
Съ парѳянами ли мы, съ британцами ль въ бою;
На сушѣ ль, на валахъ перуны въ нихъ бросаемъ,
Когда и какъ умремъ?... увы, того не знаемъ:
Предѣлы смертнаго извѣстны лишь богамъ!
Нѣтъ, не возможно знать въ жару сраженья намъ,
Тогда какъ смерть равно съ обѣихъ странъ караетъ,
Кому безсмертныхъ судъ побѣды лавръ вручаетъ!
Мы вѣдаемъ лишь то, что рокъ не избѣжимъ,
Что всюду съ нами смерть, хотя ее не зримъ,
И что погибельны вездѣ ея удары:
Землетрясеніе, болѣзни, ядъ, пожары
Лишаютъ жизни насъ и въ нѣдрахъ тишины,
Въ той самой хижинѣ, въ которой рождены.
Но рокъ свой предузнать стараніе напрасно!
Единый только тотъ, который любитъ страстно,
Имѣетъ оный даръ, чтобъ вѣдать свой предѣлъ,
Не вострепещетъ онъ быть цѣлью вражьихъ стрѣлъ;
Безъ страха подъ собой разверстое зритъ море,
Когда Борей съ волнами въ спорѣ,
И съ трескомъ молніи сверкаютъ въ небесахъ.
Вотще предъ нимъ Харонъ на черныхъ парусахъ
Стигійскій мутный токъ поспѣшно разсѣкаетъ

И новой добычи алкаетъ!
Предстань очамъ его, любезная, въ тотъ часъ;
Взгляни съ умильностью, простри свой нѣжный гласъ,
Скажи ему: «живи!» и во мгновенье ока
Счастливый смертный сей увидитъ паки свѣтъ...
Любовь, любовь сильнѣй вседѣйствующа рока,
Любовь отъемлетъ жизнь и оную даетъ!

Московскій Журналъ 1792 г., ч. V Проперцій. Кн. II, элегія 27.

XXIX.

НА МИРЪ СЪ ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ.

Во снѣ ли сладкомъ я мечтаю,
Иль истину въ восторгѣ зрю?
Миръ! миръ! отвсюду я внимаю,
Хвала Всемощному Царю!
Миръ, миръ! — гласятъ орудій громы,
Колебля, потрясая домы;
Миръ, миръ! — въ поляхъ жужжитъ зефиръ;
Миръ! — старецъ вопіетъ согбенный,
И, къ персямъ родшей преклоненный,
Младенецъ повторяетъ: миръ!

Восторгъ души, восторгъ всемѣстный!
Здѣсь нѣжна, сельска красота
Съ улыбкой искренной, нелестной
Цѣлуетъ жениха въ уста,
Не отвращаясь смрадомъ сѣрнымъ;
Тамъ съ чадолюбіемъ безмѣрнымъ
Бѣжитъ встрѣчать героя мать,
Брони слезою орошаетъ,
Объемлетъ сына, вопрошаетъ
И хочетъ все ему внимать.

Тамъ юноша румяный, здравый,
Съ весельемъ серпъ кривой остритъ,
Съ губящей незнакомый славой,
Въ незлобномъ сердцѣ говоритъ:
«Кормилецъ мой, одна войною
«Не разлученъ я былъ съ тобою,
«Но Богъ теперь намъ миръ послалъ!
«Спѣши, спѣши, ты лѣто красно!
«Отнынѣ мнѣ ты не ужасно,
«Пожну, что въ осень засѣвалъ».

Тамъ воины поютъ походы
Въ кругу внимающихъ отцовъ,
Или, вмѣшаясь въ хороводы
Пастушекъ сельскихъ, пастуховъ,
Усугубляютъ общу радость.—
Какая, ахъ, для сердца сладость!
Какое зрѣлище въ очахъ!
На ратникахъ вѣнки пестрѣютъ,
А шлемы ихъ пернаты вѣютъ
У земледѣльцевъ на главахъ.

О други, братія любезны!
Геройски, мирныя сердца!
Примите въ жертву капли слезны
Смиренна, сельскаго пѣвца.
Въ веселіи беретъ онъ лиру,
Отнынѣ посвященну миру,
И купно во единый гласъ
Душевно восклицаетъ съ вами:
«Владѣй, царица, вѣчно нами!
«Ура, ура! миръ, миръ у насъ!»

1792.
Московскій Журналъ 1792 г., ч. V.

XXX.

КЪ ЧЕСТНОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Что слышу?.. О, пріятна вѣсть!
Питомецъ Аонидъ любимый,
Порока врагъ непримиримый,
Стяжалъ заслугой нову честь!
Излейте, звуки скромной лиры,
Сердечну радость вы мою,
А вы несите ихъ, зефиры,
Къ тому, котораго пою!
Уже я вижу восхищенный
Его съ надеждою въ глазахъ,
Ведущаго предъ тронъ священный
Вдовицу робкую въ слезахъ,
Тѣсниму сильнаго рукою;
Тамъ дряхлый Марсъ стоитъ съ клюкою,
Къ сынамъ его я внемлю гласъ:
«Благодарите, чада, *Бога!*

«Дошелъ до царскаго чертога,
«Дошелъ мой стонъ, мой плачъ за васъ!
«Отнынѣ жребій вашъ устроенъ:
«Вы сыты, я умру спокоенъ.»
Тамъ онъ удерживаетъ мечъ,
Которымъ юность въ безднѣ бѣдствій,
Несчастныхъ расточенья слѣдствій,
Стремится дни свои пресѣчь.
«Постой, отчаянный, вѣщаетъ,
«Иль ты не знаешь россовъ мать?»
И взоры скромны отвращаетъ,
Чтобъ слезъ своихъ не показать
О музы, правящія нами,
Ликуйте днесь, ликуйте вы!
Украсьте вѣчными цвѣтами
Священныя свои главы;
Сойдите съ Пиндовой вершины
И предъ лицемъ Екатерины
Воспойте должну ей хвалу,
Коварства посрамя хулу!
Она токъ милостей сугубитъ
Къ тому, кого самъ вождь вашъ любитъ.
И кто симъ богомъ предъизбравъ
Предать безсмертью въ пѣсняхъ лирныхъ
Владычицу морей обширныхъ,
Пяти державъ и многихъ странъ.

Московскій журналъ 1792 г., ч. V.

XXXI.

КАРРИКАТУРА.

Сними съ себя завѣсу.
Сѣдая старина.
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле;
Вдали жъ передо мной
Чернѣетъ колокольня.
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
Подъ шляпой въ колпакѣ,
Трахъ, трахъ, а ѣдѣ рысью,
На старомъ рыжакѣ,

Въ изодранномъ колетѣ,
Съ котомкой въ торокахъ?
Палашъ его тяжелый,
Тащась, чертитъ песокъ.

Кто это? — Бывшій вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣтъ.

Ужъ онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей...
Всѣ жилки въ немъ взыграли
И сердце расцвѣло!

Какъ будто въ міръ волшебный
Онъ вѣдьмой занесенъ:
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ.

И воздухъ будто чище
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

«Узнаетъ ли Груняша?»
Ворчалъ онъ про себя:
«Когда мы разставались
Я былъ еще румянъ!»

«Ступай, рыжакъ проворнѣй!» —
И шпорою кольнулъ;
Ретивый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужъ витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ —
И вотъ ужъ онъ въѣзжаетъ
На свой господскій дворъ.

Но что онъ въ немъ находитъ?
Его ль жилище то?
Весь дворъ заглохъ въ крапивѣ!
Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ;
Все тихо! лишь на кровлѣ
Мяучитъ тощій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
Идетъ и въ дверь стучитъ —
Никто не отвѣчаетъ,
Лишь въ щелку вѣтръ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрелъ онъ какъ сиротка,
Нахохляся назадъ.

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Холопъ его усердный
Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
И тотъ, и тотъ завылъ —
«Терентьичъ! гдѣ хозяйка?»
Помѣщикъ вопросилъ.

— «Охти, охти, бояринъ!»
Отвѣтствовалъ старикъ:
«Охти!» — и, скорчась, слезы
Утеръ своей полой.

«Конечно въ домѣ худо!»
Мой витязь возопилъ;
«Скажи, не дай томиться,
Жива иль нѣтъ жена?»

Терентьичъ продолжаетъ:
«Хозяюшка твоя
Жива иль нѣтъ, Богъ знаетъ!
Да здѣсь ее ужъ нѣтъ!

«Пришло тебѣ, бояринъ,
Всю правду объявить:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою».

«Она держала пристань
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ пойманъ,
И на нее донесъ».

«Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Что жъ съ нею учинили,
Узнать мы не могли».

«Вотъ пятый годъ въ исходѣ—
Охти намъ! какъ объ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ канула на дно».

Что дѣлать? какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?
Несчастный мужъ поплакалъ,
Женился на другой.

Сей витязь и понынѣ
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ судьей.

Московскій Журналъ 1792 г., ч. V.

XXXII.

СЛАБОСТЬ.

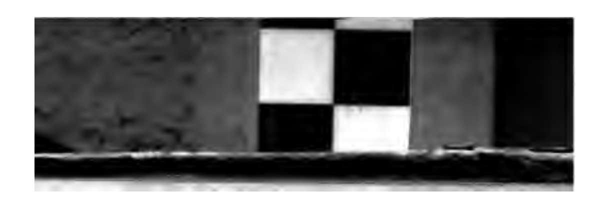
Мнѣ Хлоя сдѣлала рѣшительный отказъ.
Въ досадѣ на нее и горести безмѣрной,
Вчера я говорилъ: «уже въ послѣдній разъ
Былъ въ домѣ легковѣрной...
А нынѣ поутру, не знаю какъ и самъ,
Опять я тамъ!»

сковскій Журналъ 1792 г., ч. VI.

XXXIII.

ВЕСНА.

Подъ розово-еребристымъ небомъ,
Возженнымъ лучезарнымъ Фебомъ,
Виляючи туда, сюда,
Летятъ, летятъ, спускаясь ниже,
Къ зеленой рощѣ ближе, ближе
И вьются около гнѣзда —
Нашли... и обѣ вдругъ запѣли.
Опять вы птички прилетѣли
На милу родину свою!
Какой восторгъ! какая радость!
Весна, весна! Природы младость!
Ты паки *здѣсь, и я пою!...*

Вездѣ, вездѣ Амуръ летаетъ,
Любовь и счастье разливаетъ,
И самы, вижу, небеса
Съ землей любовью сопряглися;
Тамъ рѣзвыя струи слилися;
Здѣсь обнялися древеса;
Тамъ кроликъ, притаясь въ кусточки,
Колеблетъ вздохами листочки;
Тамъ нѣжитъ слухъ бряцанье лиръ;
Тамъ Дафнисъ шороху внимаетъ,
А Хлоя сзади обнимаетъ;
Тамъ шепчетъ съ розою зефиръ...
Но чьимъ невидимымъ я гласомъ
Внезапу сладко восхищенъ?
Не самъ ли Фебъ со всѣмъ Парнасомъ
Снишелъ сюда, весной прельщенъ?
Я оглушенъ, я млѣю, таю!
Восторженъ, веселъ, унываю!
Небесный гласъ! небесна трель!
Умолкъ — и Панъ свою свирѣль
Попралъ мохнатою ногою;
И Дафнисъ, преклонясь на Хлою,
Еще внимаетъ сквозь вѣтвей —
Почій на лаврахъ соловей!
Ликуй весна, краса природы!
Тебѣ земля, тебѣ и воды,
Все, все творенье гимнъ поетъ!
Но кто се съ горъ, вдали бѣгуща,
Въ десницѣ лукъ златой имуща,
Отъ взоровъ тихій лучъ ліетъ?
Мелькнула — и незрима стала!...
И се, се паки возсіяла
Уже въ лазурныхъ небесахъ!
Весь міръ въ безмолвье погрузился —
И зракъ ея изобразился
Недвижимъ въ сребряныхъ водахъ;
Цвѣточекъ исподволь блѣднѣетъ,
Надъ рощею простерлась мгла,
Хребты исчезли, холмъ синѣетъ:
Се нощь свинцовый скиптръ взяла!
Уснуло все. Покой священный!...
Пѣвецъ, весною вдохновенный,
Не смѣетъ болѣе бряцать,
Но сердце въ немъ еще пылаетъ,

Еще, еще оно алкаетъ
Красу природы созерцать.

...овскій Журналъ 1792 г., ч. VI.

XXXIV.

ПѢСНЯ.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ... навѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

Московскій Журналъ 1792 г., ч. VI.

XXXV.

ГИМНЪ ВОСТОРГУ.

Восторгъ, восторгъ души поэта,
Ты мчишь на дерзостныхъ крылахъ
По всѣмъ его предѣламъ свѣта!
Тобой теперь онъ на валахъ
И воздуваетъ пѣнны горы;
Тобою вмигъ въ чертогъ Авроры,
Какъ быстра мошка возвился,
И вмигъ стремглавъ падетъ въ долину,
Гдѣ нѣтъ цвѣтовъ, окромѣ крину,
Въ которой Гангъ съ Невой слился....
И въ тотъ же мигъ... дрожу и млѣю!
Между эѳиромъ и землею
Съ хребтовъ кавказскихъ, льдяныхъ горъ,
Куда не досягаетъ взоръ,
Сквозь мерзлы облака вѣщаетъ,
Какъ чрево Этны, ржетъ, рыгаетъ!
Уже не смертнаго то гласъ,
Голѣмо каждое тутъ слово,
Непостижимо, громко, ново,
Соплещетъ самъ ему Пегасъ;
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркіе перуны,
Вихрь, шумъ, ревъ, свистъ, блескъ,
трескъ, громъ, звонъ....
И всѣхъ крылами кроетъ сонъ!

Московскій Журналъ 1792 г., ч. VII.

XXXVI.

ПѢСНЯ.

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды,
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотого я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,

Я слила бъ изъ воска яра *)
Легки крылышки себѣ
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула,
Хоть однажды на него.

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила....
Научите не любить.

Московскій Журналъ 1792 г., ч. VII.

XXXVII.

ГОЛУБОКЪ.

Прекрасный голубчикъ! Скажи мнѣ, отколѣ,
Куда и къ кому ты столь быстро летишь?
Душистъ ты, какъ роза, цвѣтущая въ полѣ;
Кого ты, голубчикъ, кого веселишь?

Голубокъ.

Я служу Анакреону,
А любезный сей пѣвецъ
Получилъ меня въ награду
Отъ Венеры за стихи;
Съ той минуты, какъ ты видишь,
Письма я его ношу,
И теперь лечу къ Батиллу,
Кто плѣняетъ всѣхъ сердца.
Господинъ мой обѣщаетъ
Скоро дать свободу мнѣ,
Но, хотя бы то и сдѣлалъ,
Я останусь все при немъ.
Что за радость мнѣ летать
По полямъ и по горамъ,
Укрываться на деревьяхъ

---

*) Эта пѣсня есть точное подражаніе старинной простонародной пѣснѣ. *Прим. авт.*

И питаться чѣмъ-нибудь,
Если я во всемъ доволенъ,
Хлѣбъ клюю всегда изъ рукъ
Самого Анакреона,
И вино съ нимъ вмѣстѣ пью?
Пью за нимъ изъ той же чаши,
А, насытясь имъ, вспрыгну
На его тотчасъ я темя
И тихохонько кружусь,
А потомъ его крылами
Я своими обойму
И, слегка спустясь на лиру,
Забываюся и сплю.

Москорскій Журналъ 1792 г., ч. VIII. Подражаніе Анакреону περιστερῶν).

XXXVIII.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ —
Лавры! васъ я не ищу:
Я и миртoчкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь герой вселенной страхъ,
Рано ль, поздно ли, Темира,
Всякъ истлѣетъ, будетъ прахъ!

Розы ль дышатъ надъ могилой,
Иль полынь на ней растетъ,
Все равно, о другъ мой милой,
Въ прахѣ чувствія ужъ нѣтъ.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота,
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можетъ быть, въ сію минуту,
Милый другъ, всесильный рокъ
Посылаетъ Парку люту
Дней моихъ прервати токъ?

Ахъ! почто же медлить болѣ
И съ тоскою ждать конца?

Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца!

792.
овскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

XXXIX.

ПѢСНЯ.

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,—
Ахъ, а мнѣ пришло терпѣть!
Я разстаться долженъ съ милой
На зарѣ, къ моимъ слезамъ...
О луна, твой свѣтъ унылой
Краше солнышка былъ намъ!

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива—
Ахъ, а мнѣ пришло терпѣть!
Знать и сонная мечтала
О любови ты своей:
Ты къ утѣхамъ рано встала,
А я къ горести моей!

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива—
Ахъ, а мнѣ пришло терпѣть!
О, когда бъ и ты имѣла
Участь равную со мной,
Ты бъ молчала и не пѣла,
И встрѣчала день съ тоской!

Московскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

XL.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь
И ниже во краткомъ снѣ

Грусти, горести не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаютъ,
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ тебя лобзаютъ
И качаютъ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

Чувство горести безсильно
Долго духъ твой возмущать;
Приголубь тебя умильно,
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожитъ,
А уста уже смѣются,
О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся,
Вступишь въ возрастъ ты другой,
Рокъ и страсти ополчатся,
И прости твой вѣкъ златой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ и проливаю,
Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ и сердцу милыхъ,
Страсти, немощь, хладъ друзей...
Часто въ мысляхъ я унылыхъ
Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся и отселѣ,
Если снова загрущу,
При твоей я колыбелѣ
Томно сердце облегчу.

Такъ твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зракъ,
Пролiютъ мнѣ въ грудь отрады
И души разсѣютъ мракъ.

О невинность! ты, какъ генiй,
Шлешь цѣленiе сердцамъ!

Я, хоть нѣсколько мгновеній,
Былъ теперь невиненъ самъ;

И давно погибшу радость
Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ.
Милый ангелъ мой, ты младость,
Хоть на часъ мнѣ возвратилъ!

ковскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

XLI.

КЪ ХЛОѢ.

Дрожащею рукою
За лиру я берусь,
Хочу, хочу пѣть Хлою,
Но въ сердцѣ я метусь.

Какой мнѣ ждать награды
За мой, о Хлоя, стихъ?
Но, ахъ, быть другомъ правды
Есть должность лѣтъ моихъ.

Въ сей день тебѣ свершилась
Тридцатая весна,
Увы, еще затмилась
Зараза съ ней одна!

Еще одна морщина
Прибавилась къ другимъ,
О прелестей кончина,—
Въ тебѣ то смерть мы зримъ.

Ахъ, кстати вы, морозы
Декабрскіе, пришли,
Уже поблекли розы,
Что на щекахъ цвѣли.

И лилія желтѣетъ
У Хлои на грудяхъ,
Хотя зефиръ и вѣетъ
Еще въ ея кудряхъ.

Амуры, утирая
Рученкою глаза,
Ужъ вьются, воздыхая,
Подъ свѣтлы небеса.

А Граціи, гордяся
Безсмертной красотой,
Въ насмѣшку ей, рѣзвяся,
Кричатъ: о время, стой!

Но ты зѣвнула, Хлоя?
И мнѣ уже невмочь,
Такъ скажемъ же мы двое
Другъ другу: добра ночь!

Московскій Журналъ 1792 г., ч. VIII.

XLII.

СТИХИ

На присоединеніе польскихъ провинцій, Курляндіи и Семигаліи къ Россійской имперіи.

Всякъ подвигъ божеству возможенъ,
Безсмертна, нѣтъ тебѣ препонъ!
Еще вѣнецъ къ вѣнцамъ приложенъ,
Еще возвысился твой тронъ!
Брать крѣпки грады Россамъ мало,—
Рекла—и царства вдругъ не стало!
И сильныхъ вождь оцѣпенѣлъ!
Гдѣ Польша? вздрогнувъ размышляетъ,
Гдѣ жъ будетъ, въ ужасѣ вѣщаетъ,
Россійскимъ подвигамъ предѣлъ?—
Нигдѣ!... Царица несравненна!
По сердцу ты народъ нашла;
Съ тобой намъ цѣлая вселенна
Для храбрыхъ подвиговъ мала!
И гдѣ противиться намъ смѣютъ?
Всѣ слабы! Взглянемъ—и блѣднѣютъ;
Сверкнемъ булатомъ—и падутъ!
Да встанутъ страшны Энкелады,
Да кинутъ въ Россовъ горъ громады.
Восхощешь ты—и тѣхъ попрутъ!
Но, да молчитъ перунъ отнынѣ
Державнаго орла въ когтяхъ!
Творецъ судилъ Екатеринѣ,
Да царствуетъ во всѣхъ сердцахъ!
И се невиданны народы
Чрезъ шумныя Камчатски воды
Съ подоблачныхъ Кавказскихъ горъ

Гласятъ къ ней сердцемъ и устами:
Владѣй, какъ Богъ незримый, нами!
Простри и къ намъ твой свѣтлый взоръ!
Но, что? И ты страна блаженна,
Съ цвѣтущихъ, двинскихъ береговъ,
Вѣнкомъ оливнымъ увязенна,
И ты среди твоихъ сыновъ
Чело покорное склоняешь?
И ты, Курляндія, желаешь
Екатерины дщерью быть?
О радость! о восторгъ! о слава!
Красуйся Росская держава!
Чей блескъ, чью мочь съ твоей сравнить?
Ликуй съ престола полвселенны
И ты, владычица сердецъ,
Чрезъ кою барды вдохновенны
Безсмертный обрѣтутъ вѣнецъ.
О! кто тебѣ въ величьи равенъ?
Твой каждый шагъ полезенъ, славенъ,
А тронъ незыблемъ: онъ стрегомъ
Сей вѣрной грудью, симъ колоссомъ,
Съ желѣзной булавою Россомъ —
Подниметъ—и раздастся громъ!

1793.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

XLIII.

ЭПИГРАММА.

Бардусъ, не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ *):
...ивь просто: человѣкъ... смѣсь Бардуса съ Невтономъ.

1793.

...ои бездѣлки. 1795 г.

XLIV.

КЪ Ѳ. М. ДУБЯНСКОМУ,

сочинившему музыку на пѣсню: «Голубокъ».

Нѣжный ученикъ Орфея!
Сколь меня ты одолжилъ!
Ты, смычкомъ его владѣя,
Голубка мнѣ возвратилъ.

---

*) Авторъ поэмы на человѣка. *Прим. авт.*

Бѣдный, сизый Голубочекъ
Долго всѣми былъ забвенъ;
Лишь друзей моихъ вѣночекъ
Голубку былъ посвященъ.

Вдругъ навѣяли Зефиры,
Гдѣ лежалъ онъ, на лужокъ,
Гласъ твоей волшебной лиры—
И воскреснулъ Голубокъ!

Онъ вспорхнулъ и очутился
Милой Грацiи въ рукахъ;
На клавиръ ея спустился
И запрыгалъ на струнахъ.

Я глядѣлъ и сомнѣвался,
Точно ль онъ передо мной:
Мнѣ пригожѣй показался
И милѣй Голубчикъ мой!

1793.
И мои бездѣлки. 1795 г.

XLV.

СТАНСЫ КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

«Прочь отъ насъ, Катонъ, Сенека!
Прочь, угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пустъ, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ!
Счастливъ тотъ, который въ ней
Путь цвѣтами устилаетъ,
Не предвидя грозныхъ дней».

Такъ, мою настроя лиру
И призвавъ одну изъ Музъ,
Дружбу, сердце и Темиру,
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ, не думая о славѣ,
Не искавъ ни чьихъ похвалъ,
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ стѣны снималъ.

Все въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ:

Солнце ярче лучъ бросало
И казалось Фебомъ мнѣ.

Въ рощѣ ль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья:
Сердце вмигъ во мнѣ забьется —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю,
И доволенъ, что грущу!..
Но почто я вспоминаю
То, чего ужъ не сыщу?

Утро дней моихъ затмилось
И опять не разцвѣтетъ;
Сердце съ счастіемъ простилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ Музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ, какъ незнакомецъ,
И собой пугаетъ всѣхъ.

Осужденъ, къ несносной скукѣ,
Грусть въ самомъ себѣ таить —
Ахъ! и съ другомъ быть въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лить!..

О, любимый сынъ природы,
Нѣжный, милый нашъ Пѣвецъ!
Скоро ль отческія воды
Насъ увидятъ, наконецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братскій хоръ?

Съ нами тоже, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ, уклонимся жъ хоть лѣтомъ *)
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: «Древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ,
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ!

---

*) Т. е. въ лѣто жизни нашей. *Прим. авт.*

«Было время, что играли
Здѣсь подъ тѣнью мы густой —
Вы цвѣтете... мы увяли!
Дайте старости покой».

1793.
И мои бездѣлки. 1795 г.

XLVI.

СТАРИННАЯ ШУТКА КЪ ПОРТРЕТУ Н. М. КАРАМЗИН

Онъ дома—иль Шольс, иль Юмъ или Платонъ;
Со мною — милый другъ; у Вейлеръ — селадонъ;
Бываетъ и игрокъ — когда у Киселева,
А у любовницы — иль ангелъ, или рева.

(1793?).
Русскій Архивъ 1867, № 5 — 6.

XLVII.

ПѢСНЯ.

Безъ друга и безъ милой
Брожу я по лугамъ,
Брожу съ душой унылой
Одинъ по берегамъ;
Тамъ тѣ же все встрѣчаю
Кусточки и цвѣтки,
Но, ахъ, не облегчаю
Ничѣмъ моей тоски!

Срываю я цвѣточекъ,
И въ мысляхъ говорю:
Кому сплести вѣночекъ?
Кого имъ подарю?
Со вздохомъ тутъ катится
Изъ сердца слезный токъ,
И изъ руки валится,
Увядшій въ ней, цвѣтокъ.

Во времена счастливы,
Бывало, въ жаркій день,
Развѣсистыя ивы,
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.
Пошлете ль днесь отраду
Вы сердцу моему?

Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Все, все постыло въ мірѣ!
И персты ужъ мои
Не движутся на лирѣ,
Лишь слезъ текутъ струи.
Престань же пѣть, несчастный,
И лиру ты разбей:
Не слышенъ голосъ страстный
Душѣ души твоей!

1793.
И мои бездѣлки. 1795 г.

XLVIII.

НАДПИСЬ

къ портрету Г. Р. Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ;
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для тѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Честь, правда и языкъ боговъ?

1793.
Изданіе 1803 — 1805 гг.

XLIX.

ПѢСНЯ.

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей Матушки-Царицы;
Видѣлъ я Ея вѣнецъ
И златыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И въ шалашъ мой путь направилъ:
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, не велики;
Но въ объятіяхъ твоихъ
Меньше ль счастливъ я владыки?

Царь одинъ веселый часъ
Милліономъ *покупаетъ;*

А природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плесть
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ,
Ахъ! сравню ли я ихъ лесть
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмитажъ мой: огородъ;
Скипетръ,—посохъ; а Лизета —
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. I.

L.

ПѢСНЯ.

Коль надежду истребила
Въ страстномъ сердцѣ ты моемъ,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты изъ жалости по немъ;
Дай хоть эту мнѣ отраду,
Чтобъ я жизнь мою влачилъ,
Бывъ увѣренъ, что въ награду
Я тобой жалѣемъ былъ.

Еслибъ въ нашей было волѣ
И любить и не любить,
Сталъ ли бъ я въ злосчастной долѣ
Потаенно слезы лить?
Нѣтъ! на ту, котора къ гробу,
Веселясь, мнѣ кажетъ путь,
За ея жестокость, злобу,
Не хотѣлъ бы и взглянуть.

Но, любовь непостижима,
Будь злодѣйкою моей —
Будешь все боготворима,
Будешь сердцу всѣхъ милѣй.
О жестока!.. о любезна!
Смѣйся, смѣйся, что терплю...
Я достоинъ... участь слезна!
Презрѣнъ, стражду... и люблю!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. I.

LI.

ПѢСНЯ.

Птичка, вырвавшись изъ клѣтки,
Долго въ воздухѣ кружитъ
И зеленой даже вѣтки,
Бывъ напугана, дрожитъ.

Далеко гнѣздо свиваетъ;
Не глядитъ на мягкій дернъ, —
По несчастію ужъ знаетъ,
Что гдѣ роза, тамъ и тернъ.

Всѣмъ, кто чувствуетъ, въ природѣ
Мила вольность дорога,
Лишь любовникъ во свободѣ
Видитъ злѣйшаго врага.

Онъ, смотря на тѣ оковы,
Въ коихъ долго такъ страдалъ,
Всякій день досады новы
Отъ любезной получалъ.

Воздыхаетъ и, слезами
Окропя ихъ, говоритъ:
Не хочу разстаться съ вами,
Пусть жестока уморитъ.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. I.

LII.

КЪ А. Г. СѢВЕРИНОЙ

НА ВЫЗОВЪ ЕЯ НАПИСАТЬ СТИХИ.

Ахъ, когда бы въ древни вѣки
Я съ тобой, Филлида, жилъ;
Напримѣръ: мы были бъ Греки;
Какъ бы я тебя хвалилъ!

Подъ румянымъ, яснымъ небомъ,
Въ благовоніи цвѣтовъ,
Оживленныхъ кроткимъ Фебомъ,
Между миртовыхъ кустовъ —

Посреди тебя съ супругомъ
Сѣлъ бы твой Анакреонъ,
И, своимъ упрошенъ другомъ,
Сталъ бы лиру строить онъ.

Вы бъ и гости замолчали,
Чтобъ идеи мнѣ скопить,
И малютки бъ перестали
Пестру бабочку ловить.

Какъ въ саду твоемъ порхала
Въ маѣ пчелка по цвѣтамъ,
Такъ рука бъ моя летала
Рѣзвой лиры по струнамъ.

Тамъ бы каждый мнѣ цвѣточекъ
Къ пѣнью мысли подавалъ:
Милый, скромный василечекъ
Твой бы нравъ изображалъ.

Я твою бы миловидность
И стыдливость примѣнилъ
Къ нѣжной розѣ; а невинность
Съ бѣлой лиліей сравнилъ.

Ты бъ растрогалась, вскочила —
Я увѣренъ точно въ томъ —
И пѣвца бы наградила
Поцѣлуемъ и вѣнкомъ.

Но увы! мой умъ мечтаетъ;
Сколь далекъ я отъ Аѳинъ!
Здѣсь не Флора обитаетъ,
А Морозъ, Бореевъ сынъ.

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. II

LIII.

ГИМНЪ БОГУ.

Парю душей къ Тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый!
Блажу Тебя, Непостижимый,
Всемощный, Безначальный, Сый!
Блажу и сердцемъ восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
Въ твореніи Твоемъ чудесъ!
Великъ равно Ты въ насѣкомомъ,
Какъ въ буряхъ, къ намъ ревущихъ съ г[
Съ недосягаемыхъ небесъ!

Гдѣ пунктъ начатія вселенны?
Что въ солнцѣ огнь питаетъ Твой?

Чѣмъ звѣзды въ тверди утверждены,
И что вращаетъ шаръ земной?
Откуда сонмы водъ пустились,
И вкругъ земли совокупились
Въ неизмѣримый океанъ?
Что внѣ его, что внѣ эѳира?
Кто въ тайнахъ сихъ, о Творче міра!
Участникомъ Твоимъ избранъ?

Никто, никто въ Твоемъ совѣтѣ!
Непроницаемъ Твой покровъ!
Сѣдящій въ неприступномъ свѣтѣ,
Надъ миріядами міровъ,
Ты взоромъ солнцы возжигаешь,
Ты маніемъ міры вращаешь,
Ты духомъ Ангеловъ творишь,
И словомъ, мыслію одною —
Сію пылинку предъ Тобою —
Громаду свѣта истребишь!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. IV.

LIV.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ Н. А. БЕКЕТОВА.

Воспитанникъ любви и счастія богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ,
Другихъ обогащалъ, а самъ какъ стоикъ жилъ
И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

1794.
Аониды 1797 г.

LV.

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

(По случаю кончины первой супруги его).

Державинъ! ты ль сосудъ печальный, но драгой,
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И твой ли гласъ зоветъ безцѣнную Плѣниру?
Зоветъ ее, и вдругъ пускаетъ вопль и стонъ.
О, участь горькая! о, тягостный уронъ!
Разстался ты съ своей возлюбленною вѣчно!
Прости, сказалъ ей вслѣдъ, веселіе сердечно!
Рыдай, пѣвецъ, *рыдай!* тебя ли утѣшать?
Ахъ нѣтъ! я самъ съ тобой душой хочу стенать.

Достойна вѣчныхъ слезъ столь милая супруга:
Три люстра видѣлъ ты вѣрнѣйшаго въ ней друга;
Три люстра ты ея прельщался красотой,
Умомъ и чувствами и ангельской душой.
Сколь часто, бывъ ея дѣяніямъ свидѣтель,
Въ восторгѣ мыслилъ я: «Краса и добродѣтель!
Ахъ, если бы всегда встрѣчались вмѣстѣ намъ!»
Сколь часто заставалъ сиротку и вдовицу,
Лобзавшихъ щедрую Плѣнирину десницу!
Сколь часто въ тишинѣ, по зимнимъ вечерамъ,
Пріятною ея бесѣдой научался,
Дышалъ невинностью и лучшимъ возвращался —
Довольнѣй и добрѣй — въ смиренный домикъ мой!
Бывало, ясною сопутствуемъ луной,
И въ мысляхъ проходя всѣ наши разговоры,
Къ жилищу твоему еще стремилъ я взоры;
Стремилъ, и съ чувствіемъ сердечнымъ восклицалъ:
Блаженъ ты, добрый мужъ! ты Ангела снискалъ!
И гдѣ жъ сей Ангелъ днесь? и гдѣ твое блаженство?
Увы! все въ мірѣ семъ мечта, несовершенство!
Твой Ангелъ къ своему началу воспарилъ,
И рокъ печаль и плачъ въ храмъ счастья поселилъ!
Теперь ты во своихъ чертогахъ, какъ въ пустынѣ,
И въ людствѣ сирота! Ужъ не съ кѣмъ на-единѣ
И скуку и печаль, и радость раздѣлить;
Къ кому сердечныя въ грудь таинства пролить?
Кто отягченный умъ заботами, трудами,
Утѣшитъ, облегчитъ нѣжнѣйшими словами?
Кто первый поспѣшитъ дать искренній совѣтъ?
Кто первый по тебѣ отъ сердца воздохнетъ?
Кто первый ободритъ безсмертной лиры звуки,
И прежде всѣхъ простретъ на срѣтеніе руки?
Къ кому теперь, къ кому въ объятія летѣть?
Что дѣлать, что начать?... Крушиться и терпѣть!
Конечно, такъ судьбы всемощны предписали,
Чтобъ счастье и напасть познанъ ты, сынъ печали!
Но воззримъ къ Вышнему! — Кто маніемъ очесъ
Волнуетъ океанъ, колеблетъ сводъ небесъ,
И солнцы и міры творитъ и разрушаетъ, —
Тотъ страждущихъ цѣлитъ, упадшихъ поднимаетъ.

1794.
Изд. 1803—1805 гг.

LVI.

КЪ ВОЛГѢ.

Конецъ благополучному бѣгу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О, Волга, рѣкъ, озеръ краса,
Глава, царица, честь и слава,
О, Волга пышна, величава!
Прости!... Но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой!

Исполнены мои обѣты;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣты,
Когда я руки простиралъ
Къ тебѣ изъ отческія кущи,
Взирая на суда, бѣгущи
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолѣпну зрѣлъ картину
И я былъ на твоихъ волнахъ!

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
То ревомъ бури и валовъ
Подъ черной тучей оглушаемъ
И отзывомъ твоихъ бреговъ,
Я плылъ, скакалъ, летѣлъ стрѣлою —
Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
И спрашивалъ: который вѣкъ
Засталъ ихъ въ молодости сущихъ?
Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
И дикихъ пустыней я текъ.

Тамъ веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цвѣты и травы ароматны,
Растущи средь твоихъ зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А тамъ Сиренъ пернатыхъ хоры,
Подъ тѣнь кусточковъ уклонясь,
Пространство пѣньемъ оглашали —
И два сайгака имъ внимали
Съ крутыхъ стремнинъ, не шевелясь

Тамъ кормчій, руку простирая
Чрезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
Вѣщалъ, сопутниковъ сзывая:
«Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!»
Вѣщалъ и въ думу погрузился;
Холодный потъ по немъ разлился,
И перстъ на воздухѣ дрожалъ.
А твой пѣвецъ въ сіи мгновенья,
На крыліяхъ воображенья,
Въ протекшихъ временахъ леталъ.

Леталъ и будто сквозь тумана
Я видѣлъ твой веселый токъ
Подъ ратью грозна Іоанна,
И видѣлъ Астрахани рокъ.
Вотще Ордынцы безотрадны
Бѣгутъ на холмы виноградны,
И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
Безсмертный Россъ на брегъ ступаетъ,
И гордо царство упадаетъ
Со трепетомъ къ его стопамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдаго
Пророческій, громовый гласъ:
«Страшитесь, Персы, рока злаго!
«Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
«Его и Югъ и Нордъ трепещетъ;
«Онъ тысящьми перуны мещетъ,
«Затмилъ Луну и Льва сразилъ!...
«Внемлите шумъ: се Волжски волны
«Несутъ его, гордыни полны!
«Увы, Дербентъ!... идетъ Царь силъ!»

Прорекъ, и хлынули рѣками
У бога воды изъ очесъ:
Вдругъ море вздулося буграми,
И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
О, какъ ты, Волга, ликовала!
Съ какимъ восторгомъ поднимала
Побѣдоноснаго Царя!
Въ сію минуту предъ тобою
Казались малою рѣкою
И Бельтъ, и Каспій, всѣ моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Онъ токмо въ искреннихъ стихахъ

Смиренну дань хотѣлъ оставить
На счастливыхъ твоихъ брегахъ.
О! если бъ я внушенъ былъ Фебомъ,
Ты первою бъ рѣкой подъ небомъ
Знатнѣйшей Гангеса была!
Ты бъ славою своей затмила
Величіе Евфрата, Нила,
И всю вселенну протекла.

1794.
Мои бездѣлки. 1795 г.

LVII.

ЕРМАКЪ.

Какое зрѣлище предъ очи
Представила ты, древность, мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакахъ лунѣ,
Я зрю Иртышъ: крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ, и пѣной подмываетъ
Высокой берегъ и крутой;
На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни, въ адѣ заключенны,
Сидятъ, склонясь на длань главой;
Единый младъ, другій съ брадой
Сѣдою и до чреслъ висящей;
На каждомъ вижу я нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій!
Съ булатныхъ шлемовъ ихъ висятъ
Со всѣхъ сторонъ хвосты змѣины,
И вѣютъ крылія совины;
Одежда изъ звѣриныхъ кожъ;
Вся грудь обвѣшена ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями;
На поясѣ широкій ножъ;
А при стопахъ ихъ два шишпана
И два повержены копья:
То два Сибирскіе Шамана,
И ихъ слова внимаю я.

СТАРЕЦЪ.

Шуми, Иртышъ, реви ты съ нами,
И вторь плачевнымъ голосамъ!
Навѣкъ отвержены богами!
О горе намъ!

МЛАДЫЙ.

О горе намъ!
О, страшная для насъ невзгода!

СТАРЕЦЪ.

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа *),
Гремѣвши міра по конецъ —
О сильна, древняя держава!
О матерь нѣсколькихъ племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плѣнъ!

МЛАДЫЙ.

Твои народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ,
И самъ Кучумъ **), гроза вселенны,
Твой царь, погибъ въ чужихъ пескахъ!

СТАРЕЦЪ.

Священные твои Шаманы
Скитаются въ глуши лѣсовъ.
На то ль судили вы, шайтаны ***)
Достигнуть бѣлыхъ мнѣ власовъ,
Чтобъ я, столѣтній вашъ служитель,
Стеналъ и въ прахѣ, бывши зритель
Паденья тысячъ вашихъ чадъ?

МЛАДЫЙ.

И отъ кого жъ, о боги, пали?

СТАРЕЦЪ,

Отъ горсти Русскихъ!... Моръ и гладъ!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ахъ, лучше бъ трусъ, потопъ, иль громъ
Всемощны на нее послали,
Чѣмъ быть попранной Ермакомъ!

МЛАДЫЙ.

Бичемъ и ужасомъ Природы!...
Кляните вы его всякъ часъ,

---

*) Татары, Остяки и Вогуличи.
**) Кучумъ изъ царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и убитъ
***) Сибирскіе кумиры.

Примѣчанія автора.

Сибирски горы, холмы, воды:
Онъ вѣчный мракъ простеръ на васъ!

СТАРЕЦЪ.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мразъ, все вкругъ мертвящій!
Куда стрѣлу ни посылалъ—
Повсюду жизнь предъ ней блѣднѣла,
И страшна смерть во слѣдъ летѣла!

МЛАДЫЙ.

И царскій братъ предъ нимъ упалъ.

СТАРЕЦЪ.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула *),
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсыпавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вящшимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ онъ саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
«Влачить мнѣ въ плѣнѣ!» онъ сказалъ—
И вмигъ на Ермака напалъ.
Ужасный видъ: они сразились!
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ,
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
И ребра обоихъ трещатъ:
То сей, то оный, на бокъ гнется;
Крутятся, и—Ермакъ сломилъ!
«Ты мой теперь!» онъ возопилъ:
«И все отнынѣ мнѣ подвластно!»

МЛАДЫЙ.

Сбылось пророчество ужасно!
Плѣнилъ, попралъ Сибирь Ермакъ!...
Но что? ужели стонъ сердечный
Гонимыхъ будетъ....

*) Царскій братъ, котораго Ермакъ плѣнилъ и отослалъ къ царю Іоанну Васильевичу; отъ него произошли князья Сибирскіе. Прим. сост.

СТАРЕЦЪ.

Вѣчный, вѣчный!
Внемли, мой сынъ: вчера во мракъ
Глухихъ лѣсовъ я углубился,
И тамо съ пламенной душой
Надъ жертвою богамъ молился.—
Вдругъ вѣтръ возсталъ и поднялъ вой;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Столѣтни кедры заскрипѣли,
И вихрь закланныхъ сернъ унесъ!
Я палъ и слышу гласъ съ небесъ:
«Неукротимъ, ужасенъ Рача *),
«Когда казнитъ вселенну онъ.
«Сибирь, отвергша мой законъ!
«Пребудь вовѣкъ, стоная, плача,
«Рабыней бѣлаго Царя!
«Да свѣтлая тебя заря
«И черна ночь въ цѣпяхъ застанетъ,
«А слава грозна Ермака
«И чадъ его вовѣкъ не вянетъ,
«И будетъ подъ луной громка!»
Умолкнулъ гласъ, и громъ трикратно
Протекъ по бурнымъ небесамъ...
Увы! погибли невозвратно!
О горе намъ!

МЛАДЫЙ.

О горе намъ! —
Потомъ, съ глубокимъ сердца вздохомъ,
Возставъ съ камней, обросшихъ мохомъ,
И снявъ орудія съ земли,
Они вдоль брега потекли,
И вскорѣ скрылися въ туманѣ.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, о тѣнь забвенна,
Что рекъ въ усердіи моемъ?

---

*) Главный остяцкій идолъ. Кучумъ, родившійся въ магоме вѣрѣ, частію уговорилъ, частію принудилъ большую половину *вѣрить* Алкорану.

Прим. авт.

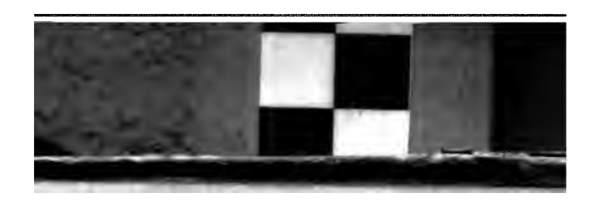
Гдѣ обелискъ твой? — Мы не знаемъ,
Гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ!
Увы! онъ вепремъ попираемъ,
Или Остякъ по немъ бѣжитъ
За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.
Но будь утѣшенъ ты, Герой!
Парящій стихотворства Геній
Всякъ день, съ Авророю златой,
Въ часы божественныхъ явленій,
Надъ прахомъ плаваетъ твоимъ,
И сладку пѣснь гласитъ надъ нимъ:
«Великій! гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ;
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками. —
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ!»

1794.
И мои бездѣлки. 1795 г.

LVIII.

ГЛАСЪ ПАТРІОТА НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ

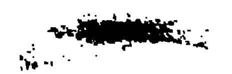
Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астреи дни?
Стремглавъ низвержены, попранны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла.... и гдѣ они?
Вопи, союзница лукава,
Отнынѣ ставшая рабой:
«Исчезла Собіесковъ слава!»
Ходи съ поникшею главой;
Шатайся, рвись вкругъ селъ несчастныхъ,

Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

А ты, гремѣвшая со трона,
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтъ своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена,
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна!
Воззри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ славянинъ!
Не Марса ль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?
Они къ стопамъ Твоимъ бросаютъ
Лавровы, свѣжіе вѣнки.
«Твои они, Твои!» вѣщаютъ:
«Съ Тобой намъ рвы не глубоки;
«Съ Тобою низки страшны горы.
«Скажи, скажи, о Матерь, намъ,
«Склоня величественны взоры,
«Куда еще летѣть орламъ?»

Куда летѣть? кто днесь возстанетъ,
Сарматовъ зря ужасну часть?
Твой громъ вотще нигдѣ не грянетъ:
Страшна Твоя, Царица, власть!
Страшна Твоя и прозорливость
Врагу, злодѣю Твоему!
Вездѣ найдетъ его строптивость
Препонъ неодолимыхъ тьму;
Вездѣ обрящутся преграды:
Твои, какъ мѣдною стѣной,
Бойницами прикрыты грады,
И каждый въ оныхъ стражъ герой;
Предѣлы царствъ Твоихъ щитами,
А седмь, рабынь Твоихъ, морей,
Покрыты быстрыми судами,
И жезлъ судьбы въ рукѣ Твоей!
Речешь—и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,

Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ,
Ударятъ съ шумомъ вслѣдъ за нами,
И прахъ поднимутъ до небесъ!
Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ;
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ.

1794.

.ріятное и полезное препровожденіе времени 1794 г., ч. IV.

LIX.

СТИХИ

ІОБѢДУ ГРАФА СУВОРОВА-РЫМНИКСКАГО, ОДЕРЖАННУЮ НАДЪ ПОЛЬМИ ВОЙСКАМИ, КОГДА ОНЪ ВЪ ТРИ ДНЯ ПЕРЕШОЛЪ СЕДМЬСОТЪ ВЕРСТЪ.

Не твоего ль, Израиль, сына
Чудесно видимъ между насъ?
Течетъ шагами исполина
И къ солнцу простираетъ гласъ:
Стой, солнце!—и остановляетъ....
Три нощи въ нощь совокупляетъ
И онымъ чудомъ изъ чудесъ
Связуетъ мышцы вознесенны,
Ломаетъ сабли изощренны
И копій сокрушаетъ лѣсъ!
Се ты, о Навинъ, нашъ Суворовъ!
Предметъ всеобщихъ днесь похвалъ,
Благословеній, разговоровъ,
Се тако ты, герой, леталъ
На крыліяхъ безсмертной славы
И сонмы буйные, лукавы,
Сыновъ Моссоховыхъ громилъ!
Блеснулъ мечемъ — и сонмы пали,
Другіе въ бѣгствѣ восклицали:
Притекъ, узрѣлъ и побѣдилъ!

1794.

И мои бездѣлки 1795 г.

LX.

СТИХИ

ГРАФУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ, НА СЛУЧАЙ ПОКОРЕНІЯ ВАРШАВЫ.

Кто Россъ—и нынѣ не восплещетъ,
Отъ радости не вострепещетъ,

Сердечныхъ чувствъ не проліетъ
И не сплететъ вѣнка Герою?
Еще, еще гремимъ тобою,
О другъ и славы, и побѣдъ!
О старецъ, къ вѣчности идущій
Всякъ мигъ путемъ полубоговъ,
Благоговѣніе влекущій
И чадъ Россіи и враговъ!

Еще, еще предъ цѣлымъ свѣтомъ
Востекъ ты орліемъ полетомъ,
Востекъ—и молнію пустилъ!
Стократъ, о узы Филарета,
Звучавшія столь многи лѣта,
Стократъ Суворовъ васъ отмстилъ!
И ты, прахъ Шуйскаго священный,
Вкушай, прахъ царскій, днесь покой,
Уже тебя иноплеменный
Не станетъ попирать ногой.

Карай! рекла Императрица—
И се. . . се польская столица
Тобой, Алкидъ, сокрушена,
Тобой, невинныхъ мститель стона!
«О горе мнѣ!» валясь со трона,
Вопила въ ярости она,
«Навѣкъ попранна я колоссомъ!»
Но кій народъ, какая власть
Не будетъ одолѣнна Россомъ?
Гремѣть, карать—его есть часть!

Ударь въ него, стократъ отгрянетъ;
Низвергни въ бездну, онъ возстанетъ
Еще ужаснѣе, сильнѣй!
И кто ихъ вождь?.... Дрожи вселенна!
Но, графъ, душа твоя смиренна
Хвалой смущается моей,
Ты кроткимъ мнѣ вѣщаешь взоромъ:
«Восторгъ пѣвцовъ меня не льститъ,
«Ни самый Фебъ съ священнымъ хоромъ
«Хвалой меня не ослѣпитъ».

Такъ, вождь! Твой лавръ: быть церкви сын
Усерднымъ, вѣрнымъ гражданиномъ,
Готовымъ прать эхиднъ, химеръ,
Лишь праздности страшиться ига;

Вся жизнь твоя—разверста книга,
Могуща подавать примѣръ,
Какъ въ мірѣ чтить себя заставить,
Не предками,—собой блистать,
Отечество, себя прославить
И въ родъ и родъ не умирать.

1794.
И мои бездѣлки. 1795 г.

LXI.

ПОДРАЖАНІЕ ОДАМЪ ГОРАЦІЯ.

(Книга III, ода 1).

Служитель Музъ, хочу я истины воспѣть
Въ стихахъ, неслыханныхъ донынѣ:
Фебъ движетъ, — прочь, враги святынѣ!
А вы, о юноши!... внимать, благоговѣть!

Царямъ подвластенъ міръ, цари подвластны Богу
Тому, кто съ облачныхъ высотъ
Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу,
Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Владѣй во всей землѣ ты рудами златыми,
А ты народовъ будь отцомъ,
Хвались ты предками своими,
А вы талантами, геройствомъ и умомъ,—

Умрете всѣ: законъ судьбины непреложенъ;
Кто бъ ни былъ — малъ, или великъ,
Предъ смертью всякъ равно ничтоженъ;
Въ сосудѣ роковомъ нѣтъ жребіямъ отликъ!

За царскою ль себя трапезой насыщаетъ,
Пернатымъ внемлетъ ли весной,
Ко сну ль главу на пухъ склоняетъ:
Злодѣй всегда зритъ мечъ, висящій надъ собой.

Сонъ сладкій только данъ оратаямъ въ отраду;
Онъ любитъ ихъ смиренный кровъ,
Тѣнистой рощицы прохладу,
Цвѣты и злакъ долинъ, журчанье ручейковъ.

Пусть грозный океанъ клокочетъ подъ валами:
Пусть буря черными крылами
При блескѣ молній восшумитъ:
Мудрецъ на брань стихій спокойно съ брега зритъ.

Одинъ громадами стѣсняетъ рыбъ и давитъ,
Казною пропасти бутитъ
И на зыбяхъ чертоги ставитъ —
Но гдѣ онъ отъ заботъ, печали будетъ скрытъ?

Безумецъ! ты бѣжишь отъ совѣсти напрасно:
Тиранъ твой сердца въ глубинѣ;
Она съ тобою повсечасно
Летитъ на кораблѣ и скачетъ на конѣ.

Что жъ пурпуръ,ароматъ и мраморы Фригіи
Къ чему Фалернское вино?
Почто взносить мнѣ обелиски,
Когда спокойствія мнѣ съ ними не дано?

Нѣтъ! злату не бывать души моей кумиромъ
Мои желанья: скромно жить,
Не съ завистью — съ сердечнымъ миромъ,
И счастье въ уголку Сабинскомъ находить.

1794.
Изданіе 1803 — 1805 гг.

LXII.

(Книга I, ода III).

Лети, корабль, въ свой путь съ Виргиліемъ мо
Да сохранятъ тебя свѣтила благотворны:
И Поллуксъ и Касторъ, и тотъ, кому покорны
Всѣ вѣтры на водахъ, и та, которую чтимъ
Богиней красоты, всѣхъ радостей душою.
Лети! и принеси безвредно по волнамъ
Ты друга моего къ Аттическимъ брегамъ:
Дражайшу часть меня я отпустилъ съ тобою!
Конечно, твердою, дубовою корой,
Тройнымъ булатомъ грудь была вооруженна
Того, въ комъ перва мысль родилась дерзновенна
Невѣрной поручать стихіи жребій свой!
Ни дожденосныя, зловѣщія Гіады,
Ни Африканскій вѣтръ, ни бурный Аквилонъ,
Ни Нотъ, не знающій пощады,
Не сдѣлали ему препонъ.
И что они? какой родъ смерти былъ ужасенъ
Тому, чей смѣлый взоръ былъ неподвиженъ, ясенъ,
Когда зіяла хлябь, горой вздымался валъ,
Изъ волнъ чудовища скакали,

И стрѣлы молній обвивали
Верхи Эпирскихъ грозныхъ скалъ?
Такъ, втунѣ отъ небесъ народы раздѣленны,
Обширныя моря въ предѣлъ имъ положенны!
Афетовъ дерзкій сынъ все смѣетъ одолѣть:
Хотѣлъ, и могъ сіи пространства прелетѣть;
Хотѣлъ, и святость всѣхъ законовъ нарушаетъ,
И даже огнь съ небесъ коварно похищаетъ.
О святотатство, сколь твой гибеленъ былъ слѣдъ!
По свѣту океанъ разлился новыхъ бѣдъ,
И неизбѣжна смерть, но медленна дотолѣ,
Удвоила свой шагъ и всѣхъ разитъ по волѣ!
Но только ли? Дедалъ, родившійся безъ крылъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ;
Алкидъ потрясъ предѣломъ ада!
Гдѣ нашей дерзости преграда?
Мы, въ буйствѣ, даже въ брань вступаемъ съ божествомъ.
И Діевъ никогда не отдыхаетъ громъ.

1794.
Изданіе 1803 — 1805 гг.

LXIII.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь; въ ихъ... нечего читать:
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь! —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь:
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, *думаетъ, чертитъ* и жжетъ бумагу,

А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы?
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ не хитрому уму
Не выдумать и вѣкъ: зари багряны персты,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!»

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью — ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ, —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

«На это, онъ сказалъ, есть многія причины:
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало:
Однакожъ здѣсь, въ Москвѣ, толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный, должностной:
Такъ часто я видалъ, что истинно иной

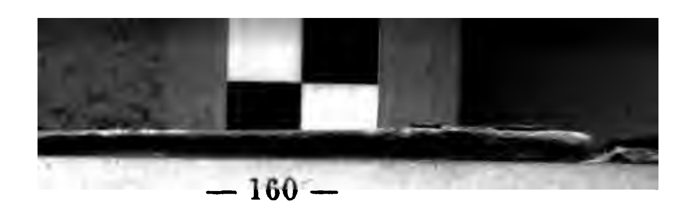
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону *).
А тутъ и ночь... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра, лишь глаза откроетъ, — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю **);
Потомъ опять домой. здѣсь холься, да рядись;
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!

Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая.
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ не съ высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
На вѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю и право не солгу,
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель ***)
И книжный магазинъ и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ, онъ мыслилъ, рождены;
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться,
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться.
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?

---

*) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскерадовъ.
**) Петербургскій портной.
***) Петербургскія журналы.

Примѣчанія автора.

Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье:
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ—все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ: Ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: такого дня и года!
«Тутъ какъ?... пою!.. иль нѣтъ, ужъ это старина!
«Не лучше ль: даждь мнѣ, Фебъ!... Иль такъ: не ты одна
«Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!
«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.» —
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ.
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить:
«Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ!
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что-то все, — да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой ты! возглашу.
«Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ!
«Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
«Я вижу молніи блескъ! Я слышу съ горня свѣта
«И то, и то... А тамъ?... извѣстно: многи лѣта!
«Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть
«Да здравствуетъ Поэтъ! осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло,
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ!
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ!»

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!

Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ!
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.
794.
Мои бездѣлки. 1795 г.

LXIV.

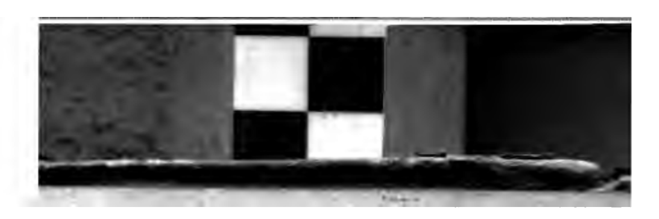
ЭПИГРАММА.

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже, упаси отъ разума такова.
1794.
Вчера и сегодня» 1845 г.

LXV.

НА НОВЫЙ 1795 ГОДЪ.

«Будь счастливѣй въ твоемъ теченьи!»
Такъ брату сынъ Сатурновъ рекъ, —
«Въ какомъ, о братъ мой, огорченьи
И сколь медлительно я текъ!
Увы, что видѣлъ ежечасно,
То вспомнить горько и ужасно!
Весь міръ всѣхъ бѣдствій въ океанъ
Низверженъ, плаваетъ и тонетъ;
Здѣсь сынъ природы въ узахъ стонетъ
Пришельца изъ дальнѣйшихъ странъ;
А тамъ, гдѣ съ велелѣпна трона
Подъ мечъ влеченъ былъ полубогъ,
Кто прежде окомъ безъ закона
Владѣть судьбой народовъ могъ.
Тамъ самые сіи народы,
Не внемля гласу днесь природы,
Отвергнувъ и ея Творца,
Разбили онаго скрижали
И смерть, ужасну смерть, избрали
На мѣсто нѣжнаго отца.
Она ихъ богъ, предъ ней дымится
Вседенно кровь невинныхъ жертвъ;
Другъ друга, родшій чадъ страшится,
Кто нынѣ живъ, тотъ завтра мертвъ.
Тамъ фуріи *трясутъ змѣями*,

LXVIII.

ПѢСНЯ.

Други! время скоротечно,
И не видишь, какъ летитъ;
Молодыми быть не вѣчно:
Старость вмигъ насъ посѣтитъ.
Что же дѣлать?—такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть аракъ ума убавитъ
Между насъ у остряковъ,
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень рощи обнажила;
Ахъ, и розы отцвѣли!
Какъ же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ аракомъ пить.

О аракъ, аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ;
Ты согрѣлъ, какъ май прелестный,
Щеки розами покрылъ...
Чѣмъ же намъ тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXIX.

ПѢСНЯ

Куда мнѣ, сердце страстно,
Куда съ тобой бѣжать?
Здѣсь долженъ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняютъ,
Что я всегда унылъ,
Увы! они не знаютъ,
Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ
И я, рѣзвясь, игралъ,
И я путь скромный въ мірѣ
Цвѣтами устилалъ!

О, грустно вспоминанье!
Не медлимъ ни часа,
Пойдемъ сокрыть стенанье
Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
Никто не укоритъ,
Ни имени жестокой
При мнѣ не повторитъ.

Пускай одинъ съ тобою
Я буду горевать,
И непрестанно Хлою
Винить и обожать.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXX.

ПѢСНЯ.

Пой, скачи, кружись Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! *) припѣвай.

Милъ, любезенъ василечикъ
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ;
Солнце зайдетъ, и цвѣточикъ...
Ахъ! увянетъ, опадетъ!

Пой, скачи, и пр.

Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть одна въ году пора.

Пой, скачи, и пр.

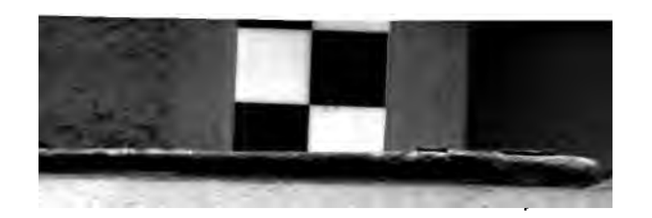
Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ, и не пѣвалъ,
Тотъ ни чѣмъ не наслаждался,—
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

Пой, скачи, и пр.

И мои бездѣлки. 1795 г.

---

*) **Извѣстный припѣвъ *одной изъ* цыганскихъ пѣсенъ. Прим. авт.**

LXXI.

ПѢСНЯ.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися!...
Ахъ, и ты какъ тѣнь пройдешь!

Други, матери—природы
Слышите ль пріятный гласъ?
Составляйте жъ хороводы,
Пойте, вашъ доколѣ часъ.

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ,
Пролетя, не придутъ вновь!...
Дайте руку играмъ, смѣхамъ,
Призовите и любовь.

А пѣвца, который съ вами
Ужъ рѣзвиться устарѣлъ,
Увѣнчайте хоть цвѣтами,
Чтобъ еще онъ вамъ пропѣлъ.

Юность, юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися!
Ахъ, и ты какъ тѣнь пройдешь!

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXII.

ПѢСНЯ.

О любезный, о мой милый!
Гдѣ ты власть небесну взялъ?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу далъ.

Прочь, печали и напасти!
Прочь, заботы!... васъ ужъ нѣтъ!
Покоряся нѣжной страсти,
Я гляжу на новый свѣтъ.

Все въ немъ лучше, веселѣе,
Все объ миломъ говоритъ;
Даже солнышко свѣтлѣе
Для меня теперь горитъ;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше отъ тебя;

Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И пріятнѣе пою;
Все мнѣ рай и всѣмъ питаю
Страсть, любовь къ тебѣ мою, —

Страсть, навѣки воспаленну!
Что скажу я наконецъ?...
Ты украсилъ всю вселенну,
Ты мой ангелъ, мой творецъ!

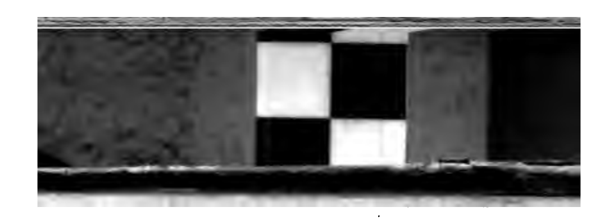
Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VI.

LXXIII.

СТИХИ

НА ИГРУ Г-НА ГЕСЛЕРА, СЛАВНАГО ОРГАНИСТА.

О Геслеръ! гдѣ ты взялъ волшебное искусство?
Ты смертному даешь, какое хочешь, чувство!
Иль геній надъ тобой невидимо паритъ
И съ каждою струной твоею говоритъ!
Сердца томнаго біенье,
Что вѣщаешь мнѣ въ сей часъ?
Отчего въ крови волненье,
Слезы капаютъ изъ глазъ?
Звукъ пріятный и унылый,
Ты ль сему виною сталъ?
Ахъ! когда въ глазахъ у милой
Я судьбу мою читалъ,
Сердце также млѣло, билось,
Унывало, веселилось .
И летѣло на уста...
Но что? Иль Фебъ или мечта
Играетъ надо мною?
Внезапу все покрылось тьмою;
Слышу лишь топотъ бурныхъ коней,
Слышу громъ съ трескомъ ядеръ возженныхъ,
Свистъ стрѣлъ каленыхъ. звуки мечей,
Вопли разящихъ. стонъ пораженныхъ,
Тысячей Фурій слышу я ревъ.
Прочь, прочь, ты жалость! смерть безъ пощады!
Адъ ли разинулъ алчный свой зевъ....
Ш, то одного отца несчастны чады,

То братія, забывъ ко ближнему любовь,
То низши ангелы ліютъ другъ другу кровь,
Дышатъ геенною, природу попираютъ
И злобой тигровъ превышаютъ!
О смертны! о позоръ и ужасъ естества!
Вы ль это дѣло рукъ и образъ божества?
Ахъ, не шли гонцовъ ко граду,
Вѣрна, милая жена,
Погаси свою лампаду,
Ты навѣкъ уже одна!
Не напрасно предвѣщали
И тебѣ, нѣжнѣйша мать,
Сны ужасные печали:
Перестань ужъ сына ждать.
Перестань! Ужъ онъ страдаетъ
Съ лютой смертію въ борьбѣ,
Томнымъ взглядомъ подзываетъ
Друга нѣжнаго къ себѣ.
И съ послѣднею слезою
«Другъ», вѣщаетъ,—«не тоскуй!
«Дай проститься... Богъ съ тобою...
«Бѣдну матерь... поцѣлуй!»...
Сокройся отъ меня терзательна картина,
Юдоль печалей, мукъ, о бѣдствующій міръ!
По чей я внемлю гласъ, сладчайшій лебедина,
Нѣжнѣйшій томныхъ арфъ, стройнѣйшій громкихъ лиръ
О коль величественъ! Я съ онымъ возвышаюсь;
Восторженъ! къ тверди восхищаюсь,
Уже надъ тучами парю!...
Что чувствую и что я зрю?
Я солнцы зрю незаходимы;
Зрю солнца солнцевъ горній храмъ;
Тамъ свѣтодарны херувимы
Брящаютъ по златымъ струнамъ,
Въ восторгѣ распростерши крылы,
И движутъ стройныя свѣтилы.
О непостижность! что со мной?
Гдѣ смертнаго несовершенства?
Я въ морѣ плаваю блаженства,
Я внѣ себя!... стой, Геслеръ, стой!...
Лишаюсь силъ, изнемогаю...
И лиру предъ тобой бросаю.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXIV.

КЪ ***

Въ день ея рожденія.

Если бъ ты и не сказала,
Что сегодня праздникъ твой,
Муза бъ тотчасъ отгадала,
Что родилась ты весной,
Въ дни торжественны природы,
Въ это время, какъ она
Небо, солнце, землю, воды
Украшаетъ послѣ сна.

Ты и тѣломъ и душею
Дочь весны являешь намъ;
Такъ же мило быть съ тобою
Молодымъ и старикамъ;
Такъ же, какъ она, прелестна,
Молода и весела,
И какъ ей равно всемѣстна,
И тебѣ отъ всѣхъ хвала.

Мои безделки. 1795 г.

LXXV.

СТИХИ

а всерадостный день рожденія Ея Императорскаго Величества.

Въ сей день, какъ Россъ, простерши руки,
Блажитъ Творца сквозь нѣжныхъ слезъ,
Разлей и ты сладчайши звуки,
Сопутница друзей небесъ,
О, движима восторгомъ, лира!
Бряцай не нарушенье мира, —
Прочь, прочь, войны и сама тѣнь!
Но благостей залогъ судьбины,
Рожденія Екатерины
Драгой и намъ и чадамъ день!

О радость!... Въ день сей небесами,
Монархиня, ты намъ дана,
Безсмертна многими вѣнцами
И болѣ, чѣмъ войной, славна!
Хотя и ею вѣкъ твой громокъ,
Но храбрый *Россъ славянъ* потомокъ:

Его и предокъ громъ бросалъ;
Ведомъ отвагой, не компасомъ,
Летѣлъ въ ладьѣ и грознымъ гласомъ,
Взмахнувши копіе, вѣщалъ:

«Давай, грекъ, дань! иль алчный пла
«Пожретъ тебя и Царьградъ съ нимъ!
«На камнѣ не оставимъ камень,
«Сожжемъ, разрушимъ, истребимъ!» —
Безстрашна грудь — наслѣдство наше,
Но, что всего любезнѣй, краше,
Образованіе сердецъ.
Лучъ просвѣщенья, кротость нрава, —
Се твой намъ даръ, се лучша слава
И лучшій царскій твой вѣнецъ!

Тобою совѣсть воцарилась;
Преломленъ мечъ, но зло дрожитъ,
И вся Россія превратилась
Въ обитель нѣжныхъ Аонидъ;
Тобой безродные призрѣнны,
Томимы гладомъ насыщенны,
Скорбящіе — исцѣлены;
Жилища ихъ — священны храмы,
Тебѣ курящи ѳиміамы,
О матерь сѣверной страны!

Кто жъ Россъ, кто съ сердцемъ — и
Твоей не будетъ умиленъ?
Какой питомецъ Музъ тобою
Въ пареніи не воскриленъ?
О, что за гимны слухъ мой внемлетъ!
Восторгъ, восторгъ меня объемлетъ!
Мнѣ будущій открылся вѣкъ....
Продлись, о сладкое мечтанье!
Отвсюду слышу восклицанье:
«То ангелъ былъ, не человѣкъ!»

«Его лучи на насъ блистаютъ!» —
И се усердною рукой
Цвѣтами старъ и младъ вѣнчаютъ,
Богиня, зракъ любезный твой.
О царіе, судебъ владыки!
Вы благостью одной велики,
Лишь тѣмъ завидна ваша часть!
Завоеватель царствъ преславен

Но добрый царь — безсмертнымъ равенъ,
И се твоя, царица, часть!

П мои бездѣлки. 1795 г.

LXXVI.

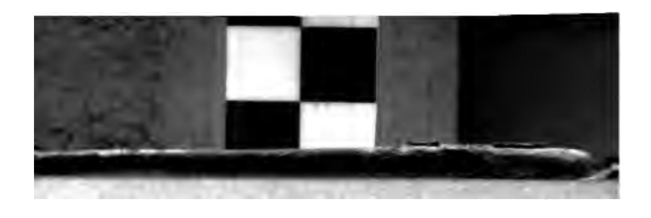
ОДА

П. П. Бекетову.

Пускай тщеславный предается
Морскимъ, измѣнчивымъ волнамъ,
На полныхъ парусахъ несется
Къ искому счастью иль бѣдамъ.
Бекетовъ! Малымъ кто доволенъ,
Тому вѣкъ бѣднымъ не бывать!
Онъ больше счастливъ, больше воленъ,
Чѣмъ толь завидуема знать,
Котора отъ косого взгляда,
Въ алмазахъ, въ золотѣ кругомъ
И на диванѣ парчевомъ,
Внутрь сердца терпитъ муки ада.
Перуны чаще шлютъ удары
Къ вершинамъ неприступныхъ горъ
И съ большей силой вихри яры
Колеблютъ дубъ, страшащій взоръ.
Подъ низкой кровлей безопаснѣй,
Спокойнѣе, мой милый, жить:
Чѣмъ выше башня, тѣмъ ужаснѣй
Ея паденье должно быть.
Мудрецъ въ бѣдахъ ждетълучшей части,
И тѣмъ свой подкрѣпляетъ духъ,
А въ счастьи сторожитъ свой слухъ,
Не крадутся ль къ нему напасти?
Угрюмый сѣверъ нашъ морозы,
Снѣгъ, иней, мглу низводитъ къ намъ,
Но и у насъ прелестны розы
Цвѣтутъ, алѣютъ по лугамъ.
Теперь мы томными очами
Съ унынiемъ на все глядимъ
А завтра, можетъ быть. и сами
Съ весельемъ дружбу заключимъ
Всегда ль богъ Пинда *) съгрознымъ лукомъ?

---

*) Гомеръ говоритъ, что Аполлоновы стрѣлы производили смертоносную язву въ греческомъ станѣ. *Прим. авт.*

Нерѣдко свѣтлый Аполлонъ,
Прервавъ златыя лиры сонъ,
Плѣняетъ оной сладкимъ звукомъ.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXVII.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

(съ дачи).

Льстивый другъ моей цѣвницы,
Вотъ стихи тебѣ, прочти!
Не далеко отъ столицы,
Къ Петергофу на пути,
Есть китайская лачуга,
Иль учтивѣе — пагодъ;
Тамъ безъ милой и безъ друга,
Не китайскій богъ — уродъ,
А къ жрецу его подходитъ...
Добрый другъ своихъ друзей
Дни смирнехонько проводитъ,
Не боясь лихихъ людей.
Онъ тебя съ любезнымъ братомъ
На обѣдъ къ себѣ зоветъ;
Ни фарфоромъ онъ, ни златомъ,
Передъ вами не блеснетъ,
Но усердіе васъ приметъ,
Дружба скажетъ: въ добрый часъ!
Смѣла искренность обниметъ
И за столъ посадитъ васъ,
А веселость по стакану
Поднесетъ чего нибудь...
Ахъ, не худо быть и пьяну!
Все вздыхать, устанетъ грудь.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXVIII.

КЪ Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Заведенъ въ лѣсокъ тоскою
На свободѣ погрустить,
Вспомянуть прелестну Хлою
И слезу изъ глазъ пролить,

Я твою услышалъ лиру,
Милый нашъ Анакреонъ!
Ты безстрастну пѣлъ Темиру
И пускалъ изъ сердца стонъ.

«Дайте, боги», — я воскликнулъ.
«Мнѣ Нелединскаго даръ!
«Вѣрно бъ Хлои грудь проникнулъ
«Мой, увы, несчастный жаръ!»
Кто съ тобою не возстонетъ,
Нѣжный, пламенный пѣвецъ?
Ахъ, твой гласъ и камень тронетъ,
У тебя лишь ключъ сердецъ!

. мои бездѣлки. 1795 г.

LXXIX.

НАДПИСЬ

бронзовой статуѣ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, поставленной графомъ Заводовскимъ въ его деревнѣ.

Почтенный ликъ! Когда бъ ты былъ изображенъ
ерунномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
гордый мусульманъ растерзанъ, низложенъ
ѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ тонула;
ı бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
янцовъ, славный вождь!»—и мимо бы протекъ.
здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
Здѣсь не герой въ тебѣ блистаетъ,
лавившій себя единою войной,
ıзганъ кровію враговъ среди сраженій,
Но другъ, но ближній мой
И благотворный геній!

I мои бездѣлки. 1795 г.

LXXX.

МАДРИГАЛЪ.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвесть;
что къ тебѣ влечетъ? загадка непонятна;
не красавица, я вижу... а пріятна!
бъ лучше быть могла; но лучше такъ, какъ есть.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

«Ахъ, какъ его ужасенъ взоръ!»
Бормочетъ Шведъ: «онъ горче хрѣна».—
«Ахъ, какъ онъ милъ», твердитъ Климена.
Какъ разрѣшить сей странный споръ?
— И тотъ и та, конечно, правы:
Любимецъ Грацій онъ и славы.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Возможно ль, какъ легко по виду ошибиться!
Когда бъ знакомъ я не былъ съ нимъ,
То, право, бы готовъ божиться,
Что это вощаной на вербѣ херувимъ.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXIII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Родятся лиліи, родятся мухоморы —
Глядишь, безмолвствуешь и потупляешь взоры.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXIV.

ЭПИГРАММА.

Завидна, я сказалъ, Терситова судьбина:
Чинъ знатный и что годъ, то дочь ему иль сына! —
— «Да, онъ не безъ друзей», — отвѣтствовали мнѣ,
«И при Дворѣ и при женѣ».

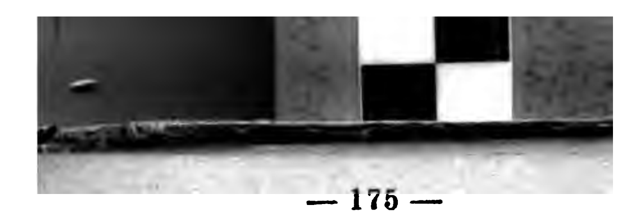
И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXV.

ЭПИТАФІЯ.

Когда и дружество струило слезъ потоки,
На мраморѣ сіи начертывая строки,
Что жъ должны чувствовать, увы, отецъ и мать?..
О небо!.. и дѣтей ужасно намъ желать!

***И мои бездѣлки.* 1795 г.**

LXXXVI.

ЭПИГРАММА.

Дамонъ! Кто бытію Всевышняго не вѣритъ,
Тотъ вѣрно лицемѣритъ.—
– Нѣтъ, случай Риѳмина лишь произвесть возмогъ,
А Локка и Боннета — Богъ.

И мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXVII.

СТИХИ

по просьбѣ одной матери на двухъ ея дѣтей.

Прочь, затѣи стихотворства!
Я ужъ васъ не призову,
Нынѣ вижу безъ притворства
Двухъ амуровъ на-яву.

Больше милы, чѣмъ прекрасны,
Точно ихъ любезна мать,
И, что лучше, не опасны,
Можно ихъ разцѣловать.

О Филлида! утѣшайся
Даромъ симъ благихъ небесъ
И отнюдь не огорчайся,
Что уже твой маіі исчезъ.

И природой и судьбою
Столько бывъ награждена,
Будь довольна, и съ тобою
Будетъ вѣчная весна.

мои бездѣлки. 1795 г.

LXXXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

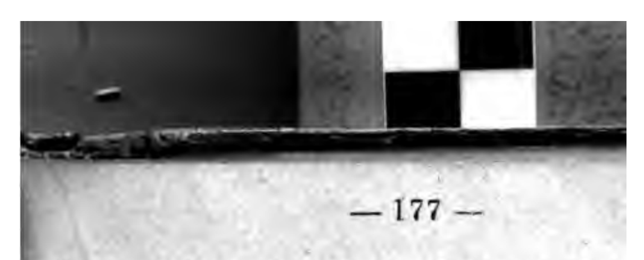
Пускай кто многими землями обладаетъ,
ь день копитъ золото, а въ ночь не досыпаетъ,
грашася и во снѣ военныя трубы,
ибуллъ унизился бъ, желавъ его судьбы;
ибуллъ въ убожествѣ, незнатенъ... но доволенъ,
огда онъ въ хижинѣ своей спокоенъ, воленъ,
иветъ съ надеждою, съ любовію втроемъ,
полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
очу, и дѣлаю: то въ скромномъ огородѣ
ушисты рву цвѣты и гимнъ пою природѣ;
о тропки по снуру прямыя провожу,

То за прививками младыхъ деревъ хожу;
То гряды, не стыдясь, самъ заступомъ копаю;
А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю;
Иль весело бѣгу съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ

Богамъ, усердный жрецъ, я первенцы земные
Всегодно приношу на алтари святые:
Палесѣ жертвую домашнимъ молокомъ,
Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ тобой всегда, Церера златовласа,
Я вѣшаю вѣнокъ, сплетенный мной изъ класа.
О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекрасныхъ вамъ тельцовъ: тогда... богатъ я былъ!
А нынѣ и овна считаю важнымъ даромъ.
Но и я въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ;
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
Просящей отъ небесъ вина и жатвы зрѣлой!
Услышьте, боги, нашъ сердечный, кроткій гласъ
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный,
Простѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не тужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ Музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнца иногда дождь мелкой чуть шумитъ:
Я слушая его, по-малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь;
Иль въ мрачну, бурну ночь, въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Мессалѣ льстятъ оружія утѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ!
Пускай подъ лаврами на гордомъ онъ конѣ,
Съ полками плѣнниковъ, при плескахъ въ Римъ вступ
И славы своея лучами поражаетъ;
А я... пускай отъ всѣхъ остануся забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ,
Но Деліи во вѣкъ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза была бъ мнѣ тяжкой мукой.

Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ;
Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія, глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ тобою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ
И ночи на сырой землѣ препровождать.
Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать
Тому, кто одинокъ и съ пламенной душою?
О Делія! я жизнь лишь чувствую съ тобою;
Одинъ твой на меня умильный, страстный взглядъ
Безцѣннѣй всѣхъ честей, тріумфовъ и наградъ.

Но все пройдетъ... увы! и Деліи не станетъ!
Быть можетъ... нѣтъ! пускай твой прежде другъ увянетъ;
Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;
Еще, готовяся на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой сожметъ твою онъ руку,
Вздохнетъ... и на твоей груди испуститъ духъ.
О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ и слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца!

Исчезни, грустна мысль! Что будетъ, не минуетъ:
Почто жъ душа моя до времени тоскуетъ?
Еще Сатурнъ моихъ не осребрилъ власовъ;
Еще я крѣпокъ, здравъ, по благости боговъ;
Не унывай, Тибуллъ и пользуйся годами!
Укрась чело свое ты свѣжими вѣнками,
И посвяти любви сей быстрый жизни часъ,
Въ который жаркій споръ утѣхою для насъ,
И смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства:
Отважность и любовь, то молодости свойства.
Начальствую ль какъ вождь, иль самъ я предводимъ,
Равно я въ сей войнѣ великъ, неутомимъ.
Сверни же предо мной знамена, Марсъ кровавой!
И не прельщай меня безсмертной въ мірѣ славой;
Готовь трофеи ты съ увѣчьемъ для другихъ:
Предъ ними всѣ вѣнцы! я счастливъ и безъ нихъ;
Богатства не хочу, а нужное имѣю,
И что всего милѣй—я Деліей владѣю!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. VIII. Подражаніе Тибуллу, I кн. I элегія.

———

LXXXIX.
ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца Музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Цитерскихъ узъ;
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ
И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженіи знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы — розами цвѣтутъ!

Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
Едва съ лица земнаго круга
И ты не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ -- и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали
И кровь ихъ братьевъ потекла!
«Я гибну, гибну!» ты рекла,
Вращая устрашенно око:
«Спасай меня, о Геній мой!»
Увы! молчанье вкругъ глубоко,
И мечъ, висящій надъ главой!

Гдѣ ты, славяновъ храбрыхъ сила!
Проснись, возстань, Россійска мечь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,

Какъ мрачная, осення ночь. —
Возстала! все восколебалось!
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуномъ возблисталъ булатъ!
Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою:
Пожарскій то, Россіи щитъ!...
Восторгъ, восторгъ я ощущаю!
Пылаю духомъ и лечу!
Гдѣ лира? смѣло начинаю!
Я подвигъ предка пѣть хочу!

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столбомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь, Пожарскій, громъ!
Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ — и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія ліетъ;
Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою въ слѣдъ!

«Откуда шумъ?» приникши ухомъ,
Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.
Взглянулъ — и блѣденъ, съ робкимъ духомъ
Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ.
«Къ щитамъ! къ щитамъ!» зоветъ Сармата,
«Погибель намъ минуты трата!
«Я видѣлъ войско сопостатъ:
«Какъ змій, хребетъ свой изгибаетъ,
«Главой уже коснулось вратъ;
«Хвостомъ все поле покрываетъ».
Вдругъ стогны ратными сперлись —
Мятутся, строятся, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другіе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ на встрѣчу.

И се — зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ —
И разомъ сильнаго не стало!

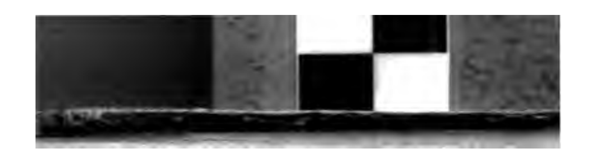

Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Тамъ вождь добычею Эревѣ;
Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежетъ, стонъ и вой.

Пируетъ смерть и ужасъ мещетъ
Во градъ и въ долы, и въ лѣса!
Тамъ дѣва юная трепещетъ;
Тамъ старецъ смотритъ въ небеса,
И къ хладну сердцу выю клонитъ;
Тамъ путника страхъ въ дебри гонитъ,
И ты, о труженикъ святой,
Живымъ погребшійся въ могилѣ,
Еще воспомнилъ міръ земной
При блѣдномъ дней твоихъ свѣтилѣ;
Воспомнилъ горесть, и слезой
Ланиту блѣдну орошаешь,
И къ Богу, сущему съ тобой,
Дрожащи руки простираешь!

Трикраты день возсіявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла;
Но бой еще не преставалъ
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскій мещетъ громъ;
Вездѣ летаетъ онъ орломъ —
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь Литовскихъ силъ.
Сторукій исполинъ трясется —
Падетъ — издохъ! и вопль несется:
«Ура! Пожарскій побѣдилъ!»
И въ градѣ отдалось стократно:
«Ура! Москву Пожарскій спасъ!»

О, утро памятно, пріятно!
О, вѣчно незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу, горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ?
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,

На кровахъ, и съ высотъ къ герою
Вѣнки летящи на главу;
И клиръ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругви въ срѣтенье идущій;
И въ пальмахъ свѣтлую Москву!..

Но гдѣ герой? куда сокрылся?
Гдѣ сонмъ и князей и бояръ?
Откуда звучный кликъ пустился?
Не царство ль онъ пріемлетъ въ даръ?—
О! что я вижу? Побѣдитель,
Москвы, отечества спаситель,
Забывши древность, подвигъ дня,
И вкругъ его гремящу славу,
Вручаетъ юношѣ державу,
Предъ нимъ колѣна преклоня!
«Ты кровь Царей!» вѣщалъ Пожарскій:
«Отецъ твой въ узахъ у враговъ;—
«Прими вѣнецъ и скипетръ царскій,
«Будь русскихъ радость и покровъ!»

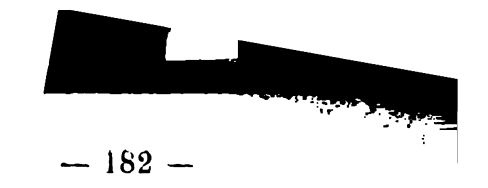
А ты, герой, пребудешь ввѣки
Ихъ честью, славой, образцомъ!
Гдѣ горы небо прутъ челомъ,
Тамъ шумныя помчатся рѣки;
Изъ блатъ дремучій выйдетъ лѣсъ;
Въ степяхъ возникнутъ вертограды;
Родятся и исчезнутъ грады;
Натура новыхъ тьму чудесъ
Откроетъ взору изумленну;
Освѣтитъ новый лучъ вселенну:
И воинъ, отъ твоей крови,
Тебя воспомнитъ, возгордится,
И паче, паче утвердится
Въ прямой къ отечеству любви!

1795.
Изданіе 1803—1805 гг.

XC.

ПОСЛАНІЕ КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней новыхъ
узы моея! Ни Фавны рощъ дубовыхъ,
мфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
и свѣтлыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ,
шали еще имъ незнакомой лиры.

ꙇъ мракомъ грозныхъ тучъ играютъ ли Зефиры?
етъ ли зяблица, какъ бури заревутъ
съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвутъ?
› пѣсней ли и мнѣ подъ гнетомъ рока злова?
іще дымится пеплъ отеческаго крова,
ıще смущенна мысль все бродитъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Іедавно гдѣ землѣ на вѣки преданъ прахъ,
Ірахъ старца *), для меня толико драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждать отъ сердца огорченна?
Печальныхъ. — Но почто мнѣ Граціямъ скучать,
Когда твой нѣжный гласъ ихъ будетъ услаждать?
Пускай онѣ твое «Посланіе» **) читаютъ,
И розовый вѣнокъ любимцу соплетаютъ;
Пускай Херасковъ, мужъ, отъ дѣтства чтимый мной,
То въ міръ Фантазіи путь кажетъ за собой,
То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
То на цвѣтущій брегъ Пенея провождаетъ,
И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтя,
Манитъ на лирный гласъ крылатое дитя,
И съ кротостью влечетъ, нѣжнѣйшихъ чувствъ владѣтель
Любить поэзію, себя и добродѣтель.
Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приводитъ духъ;
Пускай младый герой, къ нему склоняя слухъ,
Пылаетъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взглядомъ
Копья, чтобы летѣть потрясть землей и адомъ.

Притворства и въ стихахъ казать я не хочу:
Поется мнѣ, пою; невесело, молчу
И слушаю другихъ, иль взявши посохъ въ руку,
Въ поляхъ и по горамъ разсѣяваю скуку;
Разнообразности природы тамъ дивлюсь,
И сколки слабые съ нее снимать учусь.
Какъ волжанинъ, люблю близъ водъ искать прохлад
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады,
Люблю и озера спокойный, гладкій видъ,
Когда его стекло вечерній лучъ златитъ;
А временемъ идя — куда и самъ не зная,
Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
Подъ сводомъ зелени, вдругъ на свѣтъ выхожу
И новую для глазъ картину нахожу:
Открытыя поля подъ зототою нивой!
Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!

---

*) Авторъ лишился тогда родного своего дяди, Н. А.
**) *Посланіе къ женщинамъ. Прим. автора.*

Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
Кто жнетъ, кто вяжетъ снопъ, кто подбираетъ класы;
А дѣти между тѣмъ, амуры свѣтловласы,
Украдкой по снопу играючи берутъ,
Кряхтятъ подъ ношею, другъ друга сю прутъ,
Валяются, встаютъ, и усмотря цвѣточекъ,
Всѣ врознь къ нему летятъ, какъ Майскій вѣтерочекъ.
Ахъ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ летѣть!
Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть:
Уже я съ каждымъ днемъ чего нибудь лишаюсь.
Иду подъ тѣнь кустовъ, — ступлю и возвращаюсь
Съ поникшей головой: тамъ нѣтъ ужъ соловья!
Сего дня у пруда остановился я:
И ласточки надъ нимъ кружилися, вилися,
И сѣры облака по небесамъ неслися.
Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Эолъ
Помчится на крылахъ шумящихъ съ горъ и долъ,
Завоетъ, закрутитъ, кусты къ землѣ приклонитъ,
Свинцовые валы на озеро нагонитъ,
Въ пещерахъ заревѣтъ и засвиститъ въ дуплахъ;
И съ воздухомъ смѣситъ и листвія и прахъ:
День, два, и можетъ быть, цвѣточка не застану;
День, два, и можетъ быть... какъ знать?... и самъ увяну!

1795.

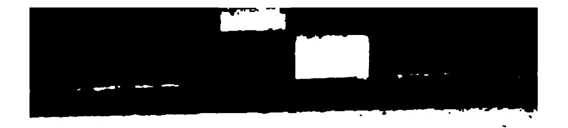
Аониды. 1797 г.

XCI.

СИЛА ЛЮБВИ.

Кто въ страсти не ревнивъ? и можно ли дивиться,
Что сердце, плѣнное тобой, всего страшится
И думаетъ, что ты, душа души моей,
Не меньше, какъ и мнѣ, мила природѣ всей?
Такъ все въ природѣ духъ мой ревностью смущаетъ:
И солнце, кажется, ярчѣй къ тебѣ пылаетъ;
Нѣжнѣе, чѣмъ другихъ, и рѣзвый вѣтерокъ
Касается тебя сквозь флеровой платокъ;
И даже воздухъ тотъ, пускай всю слабость знаешь,
Который ты съ своимъ дыханіемъ мѣшаешь,
И воздухъ... словомъ все, мнѣ кажется, со мной
Прельщается тобой!

Пріятное и полезное препровожденіе времени 1795 г., ч. IV.

XCII.

НАДПИСЬ

къ памятнику мореходца Шелехова.

Какъ царства падали къ стопамъ Екатерины,
Россъ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносны
Пустился въ новый свѣтъ чрезъ бурныя пучин
И три народа *) ей и Богу покорилъ.

1795.

Аониды. 1797 г.

XCIII.

ПѢСНЯ.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхать твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей.

«Съ милымъ пѣла, говорила,
«А безъ милаго грущу;
«По неволѣ пріуныла:
«Гдѣ я милаго сыщу?»

Развѣ милаго другова
Не найдешь изъ пастушковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

«Хоть царевичъ мной прельстится,
«Все я буду горевать!
«Сердце съ сердцемъ подружится:
«Ужъ не властно выбирать».

Карманный пѣсенникъ. 1796 г.

XCIV.

ПѢСНЯ.

Обманывать и льстить,
Вотъ всѣ на разумъ правы.
Ахъ! какъ не возопить:
О, времена! о, нравы!

---

*) Ахмохметы, Коряки, Афогнаки, которыхъ большая часть
въ христіанскую вѣру. *Прим. авт.*

Сынъ идетъ въ домъ Сиренъ
Вкушать любви отравы;
Тамъ тятя, старый хрѣнъ!
О, времена! о, нравы!

Вдовы отъ глада мрутъ,
А театральны павы
Съ вельможей дань берутъ!
О, времена! о, нравы!

Полковникъ въ двадцать лѣтъ
Подпорой нашей славы;
А ротмистръ—дряхлъ и сѣдъ!
О, времена! о, нравы!

Судьи кривятъ, иль спятъ;
На злобу нѣтъ управы;
Другъ друга всѣ ѣдятъ!
О, времена! О, нравы!

Не полно ли, друзья?
Вотъ шутка для забавы,
А вѣдь отвѣтчикъ я!
О, времена! О, нравы!

Карманный пѣсенникъ. 1796 г.

XCV.

ЭПИТАФІЯ Ѳ. М. ДУБЯНСКОМУ

Любезнаго и прахъ останется ль безвѣстнымъ?
бянскаго былъ даръ: гармоніей прельщать;
расть: дружба и любовь; законъ: быть добрымъ, честнымъ;
жребій: бурну жизнь въ пучинѣ окончать. *)

1796.

Аониды. 1797 г.

XCVI.

КЪ ЛАМПІЮ,

славному живописцу.

Взглянулъ ли нашъ Монархъ на копіе Беллоны,
шп паденье царствъ, низверженные троны;
щаетъ—радостну Россію ты поставь;
улыбался — весь міръ во счастіи представь.

Аониды. 1797 г.

---

*) Онъ утонулъ въ Невѣ *Прим. авт.*

XCVII.

[illegible] ВЕНЕРИНОЙ СТАТУѢ.

[illegible] Марсъ, о томъ ни слова,
[illegible] когда хотѣлъ.
[illegible] безъ покрова;
[illegible] увидѣлъ Пракситель?

[illegible] сказано, что эта надпись переведена изъ Антологіи.

XCVIII.

КЕНОТАФІЯ.

[illegible] судебъ уставу
[illegible] отцовскій шлемъ съ перомъ,
[illegible] ахъ любовь къ отечеству и славу,
[illegible] сѣлъ и хлопаетъ бичомъ.

XCIX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

[illegible] о ней сказать?
[illegible] и я, бывало,
[illegible] надписи писать,
[illegible] хвалить, какъ ни хвали, — все мало!

C.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

[illegible] на нее, захочешь ты узнать;
[illegible] будешь обожать.

CI.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

[illegible] стихомъ, любезна, опишу;
[illegible] и вижу, и дышу.

CII.

НАДПИСЬ

КЪ ПОРТРЕТУ И. И. ШУВАЛОВА.

Съ цвѣтущей младости до сребряныхъ власовъ
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ;
Таланту каждому покровъ,
Почтенъ, доступенъ и любезенъ.

Аониды. 1797 г.

CIII.

ПРЕЛОЖЕНIЕ 49-го ПСАЛМА.

Кто въ блескахъ молнiи нисходитъ?
Колеблетъ гласомъ горъ сердца?
И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
Падите предъ лицемъ Творца!
Се мечъ въ Его десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчные вѣсы,
Се къ вамъ, народы, Онъ вѣщаетъ —
О страхъ! о грозные часы!

«Не мни, гласитъ, о родъ строптивый!
Загладить жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изречь на смертныхъ всѣхъ!
Что мнѣ до вашихъ всесожженiй,
До вашихъ жертвъ и тучныхъ стадъ?
Богъ пьетъ ли кровь своихъ творенiй?
Безсмертный чувствуетъ ли гладъ?»

«Я всю Вселенную объемлю
И въ длани жизнь ея ношу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю;
Хощу, и солнце погашу.
Пожри же мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ устъ хвалою
Да будетъ славимъ Богъ боговъ!

«Но да прильпнетъ языкъ къ гортани
Твоей, о грѣшный человѣкъ!
Не простирай ко мнѣ ты длани,
И не блажи меня во-вѣкъ!
Тебѣ ли Бога пѣснословить,
Коль духомъ не живешь о Немъ;

Коль адъ спѣшишь себѣ готовить
Въ порочномъ житіи твоемъ?»

«Изъ устъ твоихъ течетъ адъ лести
И злоба ухищренныхъ змѣй;
Ты брату ковъ творилъ изъ мести,
Корысти раздѣлялъ татей.
О лицемѣры! вѣчно ль стану
Я громъ удерживать въ рукахъ?
Вострепещите! гряну, гряну,
И уничтожу яко прахъ!»

Аониды. 1797 г.

CIV.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕТРАРКѢ.

Повѣритъ ли кто мнѣ? — Всегда, во всѣхъ мѣстахъ
Я слышу милую и вижу предъ собою;
Она глядитъ изъ водъ, она лежитъ въ цвѣтахъ,
Она мнѣ говоритъ и дуба подъ корою,
Она и облачко поутру золотитъ,
Она въ природѣ все и краситъ и живитъ.
О страсть чудесная! чѣмъ болѣ открываю
Угрюмой дикости въ мѣстахъ, гдѣ я бываю,
Тѣмъ кажется милѣй, прелестнѣе она;
Но, ахъ, надолго ль, сей мечтой обольщена,
Блаженствуетъ душа пылающая, страстна?
Минуту—и опять душа моя несчастна
Томится и опять все меркнетъ для меня!
Гдѣ Лора? глядя вкругъ, я думаю, стеня.
Гдѣ Лора?—ни она, никто не отвѣчаетъ!...
И страждущій Петраркъ на камень упадаетъ
Безъ памяти, безъ чувствъ, такъ холоденъ, какъ онъ,
Лишь эхо отдаетъ глухой и томный стонъ.

Аониды. 1797 г. (Petrarca. In vita di Laura. Canzone XVII).

CV.

ЭПИГРАММА.

Леандръ, въ послѣдній разъ возникнувъ изъ валовъ,
Молилъ взирающихъ сквозь зарево боговъ:
«О боги, боги! допустите
«Взглянуть мнѣ на нее и послѣ потопите!»

Аониды. 1797 г., гдѣ сказано, что эта эпиграмма переведена изъ Антологіи

CVI.

ЭПИГРАММА.

Хорошъ бы Фока былъ, да много говоритъ;
Привыкши Турковъ бить, онъ и своихъ моритъ.

Аониды. 1797 г.

CVII.

ЭПИТАФІЯ.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградъ,
Родитель спитъ здѣсь фоліантовъ,
Умершій... послѣ чадъ.

Аониды. 1797 г.

CVIII.

ПОСЛАНІЕ

от англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту.

Иванъ! запри ты дверь, защолкни, заложи,
И кто бы не стучалъ, отказывай! Скажи,
Что болѣнъ я; скажи, что умираю,
Увѣрь, что умеръ я! Какъ спрятаться, не знаю!
Откуда, Боже мой, писцовъ такой содомъ?
Я вижу весь Парнасъ, весь сумасшедшихъ домъ!
И тамъ и здѣсь они встрѣчаются толпами,
Съ бумагою въ рукахъ, съ горящими глазами,
Всѣхъ ловятъ, всѣхъ къ себѣ и тянутъ и тащатъ,
И слушай ихъ иль нѣтъ, а оду прокричатъ!
Какой стѣной, какой древъ тѣнью защититься,
Чтобъ этотъ скучный рой не могъ ко мнѣ пробиться?
Безперестанно онъ копышется вездѣ,
Гоняется за мной на сушѣ, по водѣ;
Заползываетъ въ гротъ, встрѣчается въ алеѣ,
Я въ церковь, онъ туда жъ! и что всего мнѣ злѣе,
Гонимый голодомъ и стужей съ чердака,
Не дастъ спокойно мнѣ и хлѣба съѣсть куска!

То подлый стиховраль, въ которомъ, безъ рожденья
Иль смерти богача, нѣтъ силы воображенья;
То крупный господинъ, слагатель мелочей,
То авторъ въ чепчикѣ, то бѣдный дуралей,
Который, бывъ лишенъ чернилицы, въ замѣну
На привязи углемъ исписывалъ всю стѣну;

То молодой судья, на мѣсто чтенья правъ,
Кропающій экспромптъ, до полночи не спавъ;
Всѣ, всѣ—кто возгордясь моими похвалами,
Кто жъ не доволенъ мной—дождятъ въ меня стихами!
И я жъ еще другимъ обязанъ дать отвѣтъ;
Артуру, для чего охоты въ дѣтяхъ нѣтъ
Къ судейству! все стихи мои тому виною!
А Корну, для чего онъ не прельщаетъ Хлою.

О ты, безъ коего не могъ бы міръ узнать,
Что станутъ на меня и за меня писать,
Спаситель дней моихъ! яви еще услугу
Ты нынѣ своему признательному другу:
Скажи, какъ съ этой мнѣ раздѣлаться чумой?
Какое зеліе глупцовъ отгонитъ рой?
И что опаснѣй мнѣ, ихъ дружба, или злоба?
Ахъ, видно не имѣть отрады мнѣ до гроба!
Какъ другъ, боюсь ихъ одъ, какъ недругъ, клеветы:
Тамъ скука, здѣсь вражда и все страдаешь ты!
Но кто тамъ?—«Кодръ».—Конецъ съ моею головою!
Съ стихами, какъ съ ножемъ, стоитъ онъ надо мною.
Вообрази, мой другъ, къ чему я осужденъ!
Ты знаешь, что я лгать и льстить не сотворенъ!
Молчать мнѣ—тяжело; назвать чистосердечно
Писателя въ глаза вралемъ—безчеловѣчно;
А слушать вздоръ его—тотчасъ изобличусь.
Какая мука! Что жъ? взявъ кроткій видъ, сажусь,
Вздохнувши передъ нимъ, съ учтивостью зѣваю,
Въ молчаніи бѣшусь; но наконецъ бросаю
Всѣ съ авторомъ чины и прямо говорю:
«За вашу вѣжливость ко мнѣ благодарю.
«Вы съ дарованіемъ, однако.... подержите
«Тетрадку вашу съ годъ».—«Что вы сказать хотите?»
Вскричалъ привыкшій вѣкъ перомъ своимъ чертить,
И по охотѣ врать, и по охотѣ жить;
Привыкшій риѳмовать вседневно съ раннимъ свѣтомъ,
Покояся еще подъ авторскимъ наметомъ,
Котораго мохры, не отлетая прочь,
Цѣлуютъ нѣжные Зефиры день и ночь.
«Годъ цѣлый!» повторилъ: «такъ вамъ не полюбилась?
«Тѣмъ большая во мнѣ довѣренность родилась:
«Возьмите же ее, и, что угодно вамъ,
«Прибавьте, выкиньте, на все согласье дамъ»—
«Могу ль отрады ждать къ моей суровой долѣ?»
Другой мнѣ говоритъ, «двѣ милости, не болѣ!

«Во-первыхъ, дружества—потомъ же сто рублей!»—
А вы кто?—«Я въ числѣ Дамоновыхъ друзей,
«И съ просьбой отъ него: вы съ герцогомъ въ союзѣ;
«Склоните взоръ его Дамона къ бѣдной Музѣ?»—
Но вашъ почтенный другъ сто разъ меня бранилъ.
«Ахъ! сколько жъ онъ и слезъ раскаянія лилъ!
«Уважьте просьбу вы, иль гнѣвъ его опасный:
«Дамонъ издателемъ журнала: «Безпристрастный»,
«И къ Курлову *) столу бываетъ приглашенъ.»—
Что за пакетище! еще ли не взбѣшенъ?
Посмотримъ: «Скудныхъ силъ се плодъ новорожденный,
Трагедія! Пока отецъ ея смиренный
Во мракѣ принужденъ отъ всѣхъ себя таить,
Благоволи отцемъ сиротки этой быть!»
Опять забота мнѣ! За правду бъ онъ озлился;
Я промолчалъ. Съ другой онъ просьбою явился:
Отдать ее играть! Я ожилъ; съ давнихъ лѣтъ
Межъ скоморохами и мною связи нѣтъ!
Трагедіи отказъ. Писатель раздраженный
Кричитъ: «да гибнетъ весь актеровъ родъ презрѣнный!
А я сейчасъ въ печать трагедію отдамъ;
Пусть судитъ публика!... Еще я съ просьбой къ вамъ:
Нельзя ли слова два сказать объ ней Линтоту?»—
Какъ! этому срамцу? И онъ свою щедроту,
Что не взялъ за печать, всѣмъ станетъ возносить!
«Ну, хоть поправьте же—вамъ скучно, можетъ быть?
Но я (мнѣ на ухо), что выручу, все съ вами!»
Признаться, тутъ его обѣими руками
Я обернулъ къ дверямъ, промолвя: «вотъ поклонъ
«Тебѣ за твой дѣлежъ! Теперь же... просимъ вонъ!»

Мнѣ часто говорятъ: «Ужъ быть бѣдѣ съ тобою!
Не тронь ты тѣхъ и тѣхъ, не схватывайся съ тою!»—
Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей;
Что можетъ сдѣлать онъ?—Что можетъ онъ? лягаться!
Таковъ то и глупецъ.—Я колокъ, можетъ статься;
Но можно ль говорить о глупости слегка?
По крайней мѣрѣ мнѣ все сноснѣй дурака.
Неустрашимый Кодръ, гдѣ есть тебѣ примѣры?
Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи и партеры
Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свистятъ,
И шляпы на тебя и яблоки летятъ:

---

*) Лондонскій книгопродавецъ. *Прим. авт.*

Ни съ мѣста! ты сидишь! Честь Кодру исполину!
Съ какимъ трудомъ паукъ мотаетъ паутину!
Смети ее, паукъ опять начнетъ мотать:
Равно и риомача не думай обращать!
Брани его, стыди; а онъ, доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, все пишетъ, пишетъ,
И гордъ своимъ тканьемъ—нѣтъ нужды, что оно,
Дохни, такъ улетитъ—враль мыслитъ: мудрено!

Но впрочемъ, гдѣ жъ моя вина передъ глупцами?
Лишаю ль ихъ утѣхъ моими я стихами?
Кодръ меньше ль отъ того доволенъ самъ собой?
Пересталъ ли надувать Милордъ подзобокъ свой?
Разстался ли Цибберъ съ кокеткой и патрономъ,
Которому онъ льстилъ? Моръ меньше ль франмасономъ?
Не тотъ ли же Генлей ораторъ подлецовъ?
Не тоже ль дѣйствіе Филипсовыхъ стиховъ
Надъ сердцемъ и умомъ ученаго прелата?
А Сафо.... «Боже мой! оставишь ли хоть брата?
«Не страшно ли вражду навлечь такихъ людей?»
Страшнѣе во сто разъ имѣть изъ нихъ друзей!
Дуракъ, бранивъ меня, смѣшитъ, не досаждаетъ,
А ласкою своей бѣситься принуждаетъ:
Одинъ мнѣ томъ своихъ твореній приписалъ
И болѣ ста враговъ хвалой своей ругалъ;
Другой, съ перомъ въ рукахъ, моей ставъ рыцарь славы;
Ведетъ съ журналомъ бой; иной—какіе нравы!—
Укравъ мою тетрадь, печатать отдастъ;
Иной же ни на часъ покоя не даетъ,
Вездѣ передо мной съ поклономъ: подпишися!
А многіе еще—теперь, мой другъ, дивися,
Какъ часто съ глупостью сходна бываетъ лесть—
И безобразіе мое мнѣ ставятъ въ честь!
«Вашъ носъ Овидіевъ; вы также кривошея,
«Какъ и Филипповъ сынъ, а съ глазъ.;.»—Нельзя умнѣя!
Довольно ужъ, друзья! И такъ, въ наслѣдство мнѣ
Лишь недостатки ихъ осталися однѣ.
Не позабудьте же, какъ слягу отъ безсилья,
Представить точно такъ лежавшаго Виргилья;
А какъ умру, сказать, что также, наконецъ,
Скончался и Гомеръ, поэзіи отецъ.

Откуда на меня рокъ черный накачался?
Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?

О небо! сколько мной потраченныхъ чернилъ!
Но льзя ль противиться влеченію природы?
Отъ самой люльки я, въ младенческіе годы
Невиннымъ голосомъ на риѳмахъ лепеталъ.
О, возрастъ счастливый, въ которомъ я сбиралъ
Цвѣты, не думавъ быть уколоть ихъ шипами,
И удовольствія не вспоминалъ съ слезами!
Но, стихотворствуя, по крайней мѣрѣ я
Не отравлялъ минутъ незлобнаго житья
Родителей моихъ. Моя младая Муза,
Со добродѣтелью ища всегда союза,
Наставила меня ее лишь только пѣть,
Въ бѣдахъ и горестяхъ терпѣніе имѣть,
Питать признательность, ничѣмъ незагладиму,
Къ тебѣ, о нѣжный другъ!, за жизнь, тобой храниму.

Но скажутъ: для чего жъ въ печать онъ отдаетъ?
Ахъ, съ счастіемъ моимъ кто въ слабость не впадетъ?
Вальсъ, тонкій сей знатокъ; Гренвиль, сей умъ толь нѣжный,
Сказали мнѣ: пиши, питомецъ Музъ надежный!
Тальботъ, Сommерсъ меня не презрили внимать,
И важный Аттербуръ улыбкой ободрять;
Великодушный Гартъ былъ мой путеводитель;
Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель,
И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ,
Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.
Цвѣти же, мой вѣнокъ, ты безконечны лѣта!
Я счастливъ! я къ тебѣ склонялъ безсмертныхъ взглядъ;
По нимъ и мой талантъ и сердце оцѣнятъ!
Что жъ послѣ мнѣ Бурнетъ и всѣ, ему подобны?

Ты помнишь первые стихи мои незлобны?
Тогда еще не смѣлъ порокъ я порицать,
А только находилъ утѣху рисовать
Цвѣточки, ручеекъ, журчащій средь долины;
Обидны ли кому столь милыя картины?
Однакожъ и тогда Гильдонъ меня ругалъ.
Увы! онъ голоденъ, Богъ съ нимъ! я отвѣчалъ.

За критику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся.
Но кто нашъ Аристархъ? кто важные судьи,
Которыхъ трепетать должны стихи мои?
Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,
Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.

Терпѣньемъ, памятью, они богаты всѣмъ,
Окромѣ разума и вкуса;—между тѣмъ
И мертвымъ и живымъ судъ грозный изрекаютъ,
Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣяваютъ,
И съединеніемъ безвѣстныхъ сихъ именъ
Съ славнѣйшими дойдутъ до будущихъ временъ:
Такъ въ амбрѣ червяковъ мы видимъ и солому.
Но, кромѣ критиковъ, уйду ли я отъ грому
Писателей, и чѣмъ себя отъ нихъ спасать?
И дѣльно! для чего ихъ цѣну открывать?
Но Тирса я хвалилъ, а недоволенъ мною
За то, что слишкомъ Тирсъ доволенъ самъ собою.
Хваля писателя, потребно намъ открыть
Не то, каковъ онъ есть, но чѣмъ онъ хочетъ быть.
Увядшія красы портретъ всегда несходенъ;
Ея и лобъ и глазъ, а говоритъ: негоденъ.
Одинъ карячится, надувшись дичь несетъ,
И то высокостью поэзіи зоветъ;
Другой рисовкою быть хочетъ отличаемъ;
Иной метафорой, и ввѣкъ непонимаемъ;
А этотъ, навсегда разсоряся съ стыдомъ,
До самой старости живетъ чужимъ добромъ;
Въ годъ собственныхъ стиховъ напишетъ намъ съ десятокъ,
И то, чтобъ показать въ талантѣ недостатокъ;
Обновы Музѣ шьетъ изъ разныхъ лоскутковъ,
Щечится, тратитъ скупъ, а все изъ бѣдняковъ!
Скажи же, что они удачно выбираютъ,—
Какой поднимутъ вопль!—Вотъ какъ пѣвцовъ ругаютъ!
Всѣ въ голосъ закричатъ: да и чего хотимъ?
И самый Аддисонъ прострѣленъ будетъ имъ!—
Пускай же мрутъ они въ безвѣстности презрѣнной!

Но если я скажу, что авторъ есть почтенной:
Исполненъ разума, умѣющій равно,
Какъ мыслить, такъ и жить, которому дано
Въ словахъ пріятнымъ быть, въ твореніяхъ высокимъ,
И ловкость съединять съ ученіемъ глубокимъ;
Онъ къ чести щекотливъ, въ изящное влюбленъ,
Рожденъ быть счастливымъ, для славы сотворенъ;
Но думаетъ, какъ всѣ властители Евфрата,
Что крѣпокъ скиптръ въ рукахъ удавкой только брата;
Надменъ къ соперникамъ, но въ сердцѣ къ нимъ ревнивъ;
Бранитъ съ учтивостью, коварствуетъ, хваливъ;
Улыбкою грозитъ, лаская ненавидитъ:
Украдкою язвитъ, но явно не обидитъ,

укамъ долженъ всѣмъ, а гонитъ ихъ въ другомъ,
а Пиндѣ онъ министръ, въ Виндзорѣ острякомъ;
итаетъ критику проступкомъ уголовнымъ,
ертитъ и властвуетъ народомъ стихословнымъ
ъ сенатикѣ своемъ, какъ другъ его Катонъ *)...
мѣетесь?—плачьте же: сей авторъ... Аддисонъ!
хъ! кто не пораженъ симъ жалкимъ сочетаньемъ
толь малыя души съ столь рѣдкимъ дарованьемъ!

На что притворствовать? Я самъ самолюбивъ,
обществу скучать стихами не лѣнивъ!
онечно, и мои различныя творенья,
ъ листахъ, и мокрыя, лишь только изъ тисненья,
уляютъ въ Лондонѣ у дрягилей въ рукахъ,
пышный ихъ титулъ приклеенъ на стѣнахъ
о многимъ улицамъ; но не боюсь улики,
тобъ, въ глупой гордости, хотѣлъ я санъ владыки
рисвоить самъ собой надъ пишущей толпой;
тобъ новые стихи сбиралъ по мостовой:
ни родятся, мрутъ, а я объ нихъ не знаю;
а лица эпиграммъ нигдѣ не распускаю,
тайно ничего въ печать не отдаю;
желчи на дѣла правительства не лью
кофейныхъ, праздности народной посвященныхъ;
жребья не рѣшу піэсъ новорожденныхъ,
партерахъ заводя и въ ложахъ заговоръ;
проза и стихи, и самыхъ Музъ соборъ,
мнѣ наскучило, и все я уступаю
ъ сердца Бардусу.—Но, кстати, вспоминаю,
къ Фебъ средь чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ двухъ холмовъ,
бѣлый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ
услаждается куренія ихъ паромъ;
илище его, украшенно Пиндаромъ
отбитой головой, отверсто лишь тому,
о пишетъ вопреки и сердцу и уму;
каждый враль въ него вступаетъ безъ препоны.
ъ вкуса Бардуса тамъ всѣ берутъ законы;
тобы разъ хотя попасть къ его столу,
ой по мѣсяцу поетъ ему хвалу.
овъ-то Бардусъ нашъ! Однакожъ кто повѣритъ,
объ тотъ, который всѣ дары такъ вѣрно мѣритъ,
ъ ловитъ, не нашелъ ихъ... въ Драйденѣ одномъ?

*) «Смерть Катона», трагедія описываемаго здѣсь автора. Прим. авт.

Но знатный господинъ съ ученьемъ и умомъ,
Не завтра, такъ впередъ вину свою познаетъ:
Онъ голодомъ моритъ, по-царски погребаетъ.

Вельможи! славьтеся хвалами риомачей;
Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще тупѣй;
Любите подлость, лесть, невѣжество Циббора,
Кричите, что ему не видано примѣра;
Пускай онъ будетъ вашъ любимецъ и герой,
А добрый, милый Ге пусть остается мой!
Дай Богъ не знать и мнѣ, какъ онъ, порабощенья!—
О, если бы я могъ, безъ рабства, обольщенья,
Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ,
Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ;
Для утѣшенья ихъ употреблять всѣ силы,
Читать, что нравится, а видѣть, кто мнѣ милы;
На знатнаго глупца съ презрѣніемъ смотрѣть,
И съ знатнымъ иногда свиданія имѣть!
Чего мнѣ болѣ? Я къ большимъ дѣламъ несроденъ;
Спокоенъ, безъ долговъ, достатокъ мой свободенъ;
Читаю Отче нашъ, пишу и по трудахъ
Я, славя Богу, сплю, не бредя о стихахъ;
И живъ иль нѣтъ Деннисъ, не думаю нимало.

Не написали ль вы что новаго? бывало,
Жужжатъ мнѣ. Боже мой! какъ будто для письма
Я только и рожденъ! въ васъ право нѣтъ ума!
Уже ль я не могу чѣмъ лучшимъ заниматься?
Пристроить сироту, о другѣ постараться.
«Вы были съ Свифтомъ? Онъ мнѣ встрѣтился сейчасъ
Ужъ вѣрно что-нибудь готовится у васъ?»—
Божусь, что ничего; болтунъ и самъ божится:
«Не вѣрю!.. но вѣдь Попъ въ стихахъ не утаится!»
И первый злой пасквиль, достойный быть въ огнѣ,
Чрезъ два дни мой знатокъ приписываетъ мнѣ!
Увы! и самый даръ Виргилія несносенъ,
Когда невинности смиренной вредоносенъ,
Злословитъ добраго и вводитъ въ краску дѣвъ.
Пусть грянетъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,
Коль скоро уязвлю, въ словахъ или на лирѣ,
Хотя однождь честнаго мужа въ мірѣ!
Но баринъ съ рабскою и низкою душой,
Скрывающій ее подъ лентою цвѣтной;
Но злой, готовящій ковъ пагубный, но скрытной.
Таланту, красотѣ невинной, беззащитной;
Но Шаль, который всѣмъ тщеславяся твердитъ,

Что онъ мой Меценатъ, что я его піитъ,
Вездѣ мои стихи читаетъ и возноситъ;
Когда же кто меня отъ зависти поноситъ,
Тогда онъ промолчитъ, чтобъ не нажить враговъ;
Который на часу и ласковъ и суровъ,
И ежели не золъ, такъ враль, всегда готовой
И тайну разболтать для вѣсточки лишь новой,
И, злой давая толкъ мной выданнымъ стихамъ,
Сказать: «онъ мѣтилъ въ васъ», придворнымъ господамъ.
Вотъ, вотъ мои враги! я вѣчный ихъ гонитель,
Я бичъ, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.

Страшись меня, Генлей! — Какъ! этотъ часовой,
Минутный червячокъ подъ пылью золотой?
Достойна ль бабочка быть въ морѣ потопленна?
Такъ раздави жъ ногой ты червяка презрѣнна,
Который возгордясь, что ночью свѣтитъ онъ,
Вездѣ ползетъ, язвитъ и смрадомъ гонитъ вонъ;
Всѣ въ обществѣ цвѣты дыханьемъ изсушаетъ.
Съ утра до вечера Генлей перелетаетъ
Отъ Пинда къ Пафосу, какъ вѣтренный Зефиръ;
Но хладенъ близъ красотъ, но глухъ къ согласью лиръ.
Такъ выученный песъ предъ дичію вертится,
Теребитъ, но вонзить зубовъ въ нее боится.
Вглядись въ него: я бьюсь съ тобою объ закладъ,
Какого рода онъ, не скажешь мнѣ въ попадъ!
Мужчина, женщина ль? не то, и не другое,
Едва ль и человѣкъ, а такъ... что-то живое,
Которое всегда клевещетъ иль поетъ,
Иль свищетъ, иль хулу и на Творца несетъ;
Премѣнчивая тварь: въ кокетствѣ хуже дамы,
То философствуетъ, то мечетъ эпиграммы,
Предъ женщинами враль, предъ государемъ льстецъ,
Сердечкинъ и нахалъ и пышенъ, и подлецъ.
Таковъ прекрасный былъ Евы искуситель,
Невинности ея и рая погубитель:
Взоръ Ангела имѣлъ сей ядовитый змѣй,
Но даже красотой онъ ужасалъ своей;
Для видовъ гордости привѣтливымъ казался,
И для тщеславія смиренно пресмыкался.

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,
И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата.
Всегда великъ душой и мыслями высокъ,

Ласкать самимъ царямъ считаетъ за порокъ:
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ:
Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ:
Съ презрѣніемъ глядишь на ненависть безсильну,
На мщенье критики, на злость, вредомъ обильну,
На промахъ иногда коварства и хулы,
На ложную пріязнь и глупыя хвалы.
Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
И глупости другихъ на счетъ его относятъ;
Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не знавъ,
Въ эстампѣ видъ его, иль въ сочиненьи нравъ,
И если не стихи, порочитъ ихъ уроки;
Пускай не престаютъ сплетать хулы жестоки
На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
И самого царя шишикалы придворны
И толки злыхъ объ немъ и небылицы вздорны;
Пусть ввѣкъ томятъ его въ плачевнѣйшей судьбѣ:
О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ;
Онъ страждетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ. —
Но знатный мной бранимъ, но бѣдный презираемъ! —
Да! подлый человѣкъ, кто бъ ни былъ онъ такой,
Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ мной:
Копѣйку ль онъ укралъ, иль близко милліона;
Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,
Подъ митрою ли онъ, иль просто въ клобукѣ,
За краснымъ ли сукномъ сидитъ, иль въ шишакѣ,
На колесницѣ ли торжественной гордится,
Иль по икру въ грязи по мостовой тащится,
Предъ трономъ, иль съ доской на площади стоитъ.

Однакожъ этотъ бичъ, который всѣхъ страшитъ,
Готовъ на самаго Денниса въ томъ сослаться,
Что право онъ не столь ужасенъ, можетъ статься;
Признался бъ и Деннисъ, когда бы совѣсть зналъ.
Что даже и враля онъ бѣдность облегчалъ.
Кричатъ: «Попъ мстителенъ, Попъ въ гордости примѣромъ!»
А онъ столь гордъ, что пилъ съ Тибальдомъ и Циббером!
А онъ столь мстителенъ, что и за цѣлый томъ
Ругательствъ на него написанныхъ попомъ,
Ни капли не хотѣлъ чернилъ терять напрасно!
Въ угодность милой, Шаль бранитъ его всечасно:
А онъ въ отмщеніе желаетъ всей душой.

Чтобъ эта милая была его женой.
Но пусть Попъ виноватъ, и стоитъ осужденья:
За что жъ бранить его виновниковъ рожденья?
Кто смѣлъ обидчикомъ отца его назвать?
Злословила ль объ комъ его смиренна мать?
Не троньте жъ, подлецы, вы родъ его почтенной:
Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
Воздастся должная, правдивая хвала
За добрые стихи и добрыя дѣла.

Родители его другъ съ другомъ были сходны:
И родомъ и душой не меньше благородны;
А предки ихъ, любовь къ отечеству храня;
Отваживали жизнь средь браннаго огня. —
Но что достатокъ ихъ? — Не мздой пріобрѣтенный;
Законный: сей отецъ, мной вѣчно незабвенный,
Наслѣдникъ безъ обидъ, безъ спѣси дворянинъ,
Супругъ безъ ревности, и мирный гражданинъ,
Шелъ тихо по пути незлобиваго вѣка;
Онъ въ судъ ни одного не позвалъ человѣка,
И клятвой ложныхъ правъ нигдѣ не утверждалъ;
Онъ много о своихъ познаньяхъ не мечталъ;
Витійство все его въ томъ только состояло,
Что сердце завсегда словами управляло;
Учтивъ по добротѣ, отъ опытовъ ученъ,
Здоровъ отъ трезвости, трудами укрѣпленъ,
Онъ знакомъ старости имѣлъ однѣ сѣдины.
Отецъ мой долго ждалъ часа своей кончины;
Но скоро, не томясь, духъ Богу возвратилъ,
Какъ будто сладкимъ сномъ при вечерѣ почилъ
Создатель! дай его признательному сыну
Подобно житіе, подобную кончину,
То въ зависть приведетъ и царскихъ онъ дѣтей.

Довольствуйся, мой другъ, безпечностью своей
А мнѣ, лишенному спокойства невозвратно,
Мнѣ съ меланхоліей бесѣдовать пріятно.
О! если бы могла сыновняя любовь
Хотя у матери согрѣть остылу кровь;
Прибавить жизни ей, и на краю могилы
Поддерживать ея скудѣющія силы,
Покоить, утѣшать до смертнаго часа,
И отдалить ея полетъ на небеса!

1798.

Изданіе 1803—1805 гг. (Переводъ изъ Попа (Pope): «Epistle to Arbuthnot»).

CIX.

СТИХИ

на высокомонаршую милость, оказанную Императ(
Павломъ Первымъ потомству Ломоносова.

О радость! дайте, дайте лиру:
Я вижу Пинда божество!
Да возвѣщу въ восторгѣ міру
Славянской Музы торжество
И новый блескъ Монаршей славы!
Талантамъ возвратились правы:
Герой, вельможа, судія!
Не презирайте днесь пѣвцами:
Самъ Павелъ ихъ равняетъ съ вами,
Щедроты лучъ и къ нимъ лія.

Се гласъ Его, гласъ благотворный,
Несется до морскихъ валовъ,
При коихъ, жребію покорный,
Кидаетъ мрежи рыболовъ.
«Возвысь чело!»—ему вѣщаетъ:
«Царь иго съ плечъ твоихъ снимаетъ:
«Твой предокъ Ломоносовъ былъ!»
О Павелъ! Ты единымъ словомъ,
Не потрясая міра громомъ,
Себя къ безсмертнымъ пріобщилъ.

Падутъ надмѣнны пирамиды
Съ размаху Кроновой руки;
Сотрутся обелисковъ виды;
Исчезнутъ Ксерксовы полки
И царства, ими покоренны;
Но дарованія нетлѣнны!
Въ потомствѣ, сѣверный Орфей,
Вторый возникнетъ Ломоносовъ,
И поздный родъ узнаетъ Россовъ
О благости души Твоей.

1798 г., 22 августа.
Аониды. 1798—1799 гг.

CX.

ЭПИТАФІЯ

(В. А. Воейкову).

Здѣсь тихая могила
Прахъ юноши взяла;

Любовь его сразила,
А дружба погребла.

1798.
Аониды. 1798—1799 гг.

CXI.

ЭЛЕГІЯ.

Возьмите, боги, жизнь, котору вы мнѣ дали!
Довольно съ юныхъ лѣтъ я втайнѣ воздыхалъ,
Но вѣчно горести, все новыя печали...
Конецъ терпѣнію!... Я мучиться усталъ!
Рожденный всѣхъ любить безъ хитрости, безъ злобы,
Далекъ отъ пышности и почестей мірскихъ,
Я счастье полагалъ во счастіи родныхъ,
И что же? — только ихъ я обнимаю гробы!
Увы, и этой мнѣ отрады не имѣть!
Любезный, милый братъ, ты въ сердцѣ лишь остался,
Не буду твоего и праха даже зрѣть:
Далеко отъ своей ты родины скончался!
Супруга, мать, сестры тебя всечасно ждутъ,
А ты послѣднее дыханье испускаешь:
Ни стону вкругъ тебя, ни вздохамъ не внимаешь,
И хладною рукой во гробъ тебя кладутъ.
О, тягостный ударъ, невозвратима трата!
Что въ сердцѣ мнѣ теперь? Одна любовь лишь брата
Могла въ него бальзамъ успокоенья лить...
И брата больше нѣтъ... ахъ, полно, полно жить!

1798.
ниды. 1798—1799 гг.

CXII.

ЭКСПРОМПТЪ.

(На игру г. Дица).

Что слышу, Дицъ? смычекъ, тобой одушевленный,
Поетъ и говоритъ и движетъ всѣхъ сердца!
О, сынъ Гармоніи, достоинъ ты вѣнца
И можешь презирать языкъ обыкновенный! *).

1798.
Аониды. 1798—1799 гг.

---

*) Это сказано было въ то время, когда г. Дицъ пересталъ говорить, но не переставалъ восхищать своею скрипкою. *Прим. авт.*

CXIII.

А. Г. СѢВЕРИНОЙ.

(Въ день ея рожденія).

Вступая въ новый годъ, любезная Климена
Не бойся, чтобъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;
Ты будешь завсегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считать друзья твои не станутъ:
Душой прекрасныя не вянутъ.

1798.
Изданіе 1803—1805 гг.

CXIV.

ПАРОДІЯ ПѢСНИ: «Я ПТИЧКОЙ БЫТЬ ЖЕЛА]

Я моськой быть желаю,
Всегда чтобы храпѣть;
Нѣтъ нужды, что залаю
И что не буду пѣть.

Я бъ зависти не вѣдалъ
Къ богатству и чинамъ,
Готовое бъ обѣдалъ,
Себѣ не стряпавъ самъ.

Въ одномъ бы тепломъ фракѣ *)
Я круглый годъ ходилъ
И датской бы собакѣ
За лай презрѣньемъ мстилъ.

Не видѣлъ бы отмѣны
Предъ аглицкимъ щенкомъ
Въ пріемахъ отъ Климены,
Когда бъ попалъ къ ней въ домъ.

Лизалъ бы ея ручки
Всегда съ нимъ наравнѣ,
И всѣ бы были сучки
Равно любезны мнѣ.

Коль моська бъ измѣнила,
Къ болонской бы присталъ,
Не тратилъ бы чернила,
Элегій не писалъ.

---

*) Въ шерсти, то есть. *Прим. авт.*

Но въ моську превратиться,
Не можно мнѣ вовѣкъ,
Такъ что жъ пустымъ и льститься?
Пусть буду человѣкъ.

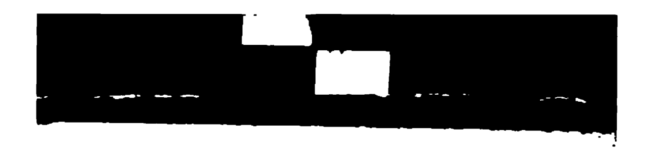
1798 (?).
Москвитянинъ 1855 г., № 17—18.

CXV.

КЪ ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦОВУ.

Что можетъ болѣе порадовать пѣвца,
Какъ въ лестный даръ принять отъ сына
Почтенный ликъ его безсмертнаго отца!
Мнѣ не дозволила судьбина
Быть подвиговъ его пѣвцомъ.
Въ то время, какъ металъ онъ молнію и громъ,
Я бѣдный ратникъ былъ, не болѣ,
И видѣлъ не Парнасъ, но ратное лишь поле:
Я только пѣнію Петрова соплескалъ,
Который звучною трубою,
Сквозь мрачны вѣки, путь герою
Въ храмъ славы отверзалъ.
Но могъ ли бъ я и днесь быть чести сей достоинъ?
Довольно и того мнѣ жребія въ удѣлъ,
Что рядовый на Пиндѣ воинъ
Давно желанный ликъ героя пріобрѣлъ!
Украшу имъ свою смиренную обитель,
И, глядя на него, я въ мысляхъ буду зритель
Поверженныхъ градовъ Россіи ко стопамъ,
Дрожащихъ Агарянъ, окованныхъ Сарматовъ,
И гибели по всѣмъ мѣстамъ
Надмѣнныхъ сопостатовъ.
А если отъ такой картины утомлюсь,
Тогда я къ сыну обращусь,
И тотчасъ грустну мысль разсѣетъ лучъ спокойства·
Забуду вмигъ слѣды печальные геройства,
И сладостной плѣненъ мечтой,
Увижу въ райскомъ восхищеньѣ
Всеобще дружество, любезность, просвѣщенье,
Весь міръ одной семьей и всюду вѣкъ златой.

1798.
Изданіе 1803—1805 гг.

CXVI.

НАДПИСЬ КЪ АМУРУ.

Стрѣляй, о милый врагъ, въ два сердца, не въ одно;
А иначе навѣкъ несчастливо оно.

1798.
Изданіе 1803—1805 гг. Переводъ изъ Guichard: «Inscription pour u Amour prêt à lancer une flèche».

CXVII.

НАДПИСЬ КЪ АМУРУ.

Кто бъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ твоимъ!

1798. (?)
Изданіе 1803 — 1805 гг. Переводъ изъ Вольтера.

CXVIII.

НАДПИСЬ КЪ АМУРУ.

Открытъ, какъ истина; безъ крылъ, какъ постоянство;
Оружіе его въ невинности одной;
Дитя, но всѣхъ сердца онъ бралъ въ свое подданство,—
Таковъ былъ, говорятъ, сынъ Леды въ вѣкъ златой.
Гдѣ-жъ нынѣ онъ? Увы! намъ это неизвѣстно;
Мы только чтимъ его и ищемъ повсемѣстно.

1798. (?)
Изданіе 1803 — 1805 гг.

CXIX.

НА СПУСКЪ СТЕФАНІЕМЪ ТРЕХЪ ШАРОВЪ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ТРЕХЪ ЗНАТНЫХЪ ОСОБЪ.

«Ну, видѣлъ спускъ я трехъ шаровъ!»
— Что жъ было? — «Вздулись и упали
«Всѣ въ сторону — и проскакали
Куракинъ. Зубовъ и Орловъ».

(1798 — 1799).
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CXX.

...ЛАНІЕ КЪ АРКАДІЮ ИВАНОВИЧУ ТОЛБУГИНУ.

Другъ изящнаго въ природѣ,
И судья а ла казакъ,
Поперекъ идущій модѣ,
Непріятель всякихъ вракъ;
Музъ и музыки любитель,
Голубковъ, дроздовъ гонитель,
Грубый скифъ по бородѣ,
Нѣжный Орозманъ душою,
Не по свѣтскому покрою,
Одинаковый вездѣ;
Не ханжа и не ласкатель,
О, любезный созерцатель,
Въ баняхъ бабьей красоты,
Плюнь на свѣтски суеты,
О, поклонниче Заиры!
И склонись на голосъ лиры,
Почитающей тебя.
Дай увидѣть мнѣ себя
На свободѣ, въ чистомъ полѣ;
Сдѣлай честь ты хлѣбу солѣ
Новаго въ лѣсу жильца.
Покажись — и хоры птичекъ,
Соловьевъ, дроздовъ, синичекъ,
Всѣ, увидя мудреца,
Встрепенувшися крылами,
Громко, звонко запоютъ
И мнѣ вѣсточку дадутъ,
Что Аркадій милый съ нами.

...95 — 1800).
...ій Архивъ 1863 г.

CXXI.

...АДПИСЬ КЪ ЕГЕРСКОМУ ДОМУ, КОТОРЫЙ ВЫСТРОЕНЪ БЫЛЪ ЗА ГОРОДОМЪ.

...домъ, воздвигнутый Голицынымъ для псовъ!
Вѣщай, доколь тебя не испровергло время,
Что онъ всего собачья племя
Былъ истинный отецъ, блюститель и покровъ.

(1795 — 1800 ?).
...усскій Архивъ 1863 г.

CXXII.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

(По случаю перваго свиданія съ ними послѣ моей отставки изъ оберъ-прокуроровъ правит. сената)

Въ Москвѣ ль я наконецъ? со мною ли друзі
О радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣшень
И такъ, еще имѣлъ я въ жизни утѣшенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ родилс:
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то?... Увидѣлъ и простился,
И можетъ быть уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ отнынѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись, какъ въ пустынѣ,
И тайно грусти въ немъ никто не замѣчалъ!
Но ежели вашъ другъ во дни разлуки слезной,
Хотя однажды могъ подать совѣтъ полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защитить,
Спасти невиннаго, то все позабываетъ —
Довольно: другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ

Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ'
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ;
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня жив
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе?—Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратитъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...
И самая любовь навѣки отлетѣла!
Итакъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему,
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными слова

[redacted]

Гдѣ сердце на рукѣ *), гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и поднесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О, если бъ воспылалъ во мнѣ Пермесскій жаръ,
Съ какою бъ радостью схватилъ мою я лиру
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится,
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

1800.
зданіе 1803 — 1805 гг.

CXXIII.

НАДПИСЬ

къ портрету М. М. Хераскова.

Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не принесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ **) щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

1801 г.
Изданіе 1803 — 1805 гг.

CXXIV.

НАДПИСЬ

къ портрету древняго русскаго историка Нестора.

Постигнувъ съ юныхъ лѣтъ тщету и скоротечность,
Сей инокъ житіе пустынное избралъ,
И, кроясь отъ живыхъ, онъ взоромъ обнималъ
Минувшее и вѣчность.

1801.
Изданіе 1803—1805 гг.

---

*) Древніе представляли дружбу въ образѣ женщины, держащей на ладони сердце.

**) Двѣ эпическія его поэмы. *Примѣчанія автора.*

CXXV.

ПѢСНЬ

НА ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ[ЧЕСТВА]
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГ[О]

Поэтъ.

И я питомецъ Аполлоновъ:
Такъ умолчу ль въ сей важный часъ!
Судьба рѣшится милліоновъ;
Взоръ міра обращенъ на насъ,
И свыше Громовержецъ внемлетъ:
Младый сподвижникъ воспріемлетъ
Обѣтъ, который всѣхъ святѣй:
Быть стражемъ и отцемъ полсвѣта!
Утѣшь насъ радугой завѣта,
О Богъ судебъ! о Царь Царей!

Хоръ.

Даруй Твой судъ Царю младому,
Да будетъ другомъ правды Онъ;
Любезенъ добрымъ, грозенъ злому,
Дальнѣйшаго услышитъ стонъ;
Народовъ разныхъ Повелитель,
Да будетъ Геній-просвѣтитель,
Краса и честь Своимъ странамъ!
Да будутъ дни Его правленья
Для Россовъ днями прославленья
И преданы отъ нихъ вѣкамъ.

Поэтъ.

Монархъ! подъ сими небесами,
На семъ же мѣстѣ, Іоаннъ
Пріялъ геройскими руками
Вѣнецъ, которымъ Ты вѣнчанъ.
Благоговѣй къ Своей порфирѣ:
Ее носилъ Великій въ мірѣ,
Самъ Петръ на мощныхъ раменахъ!
Благоговѣй предъ сей державой:
Она горитъ, блистаетъ славой
Премудрыя, одной въ женахъ!

Хоръ.

Да ниспошлетъ Безсмертна Внуку
Свой даръ сердцами обладать;
Да укрѣпитъ Монаршу руку

Кормиломъ царства управлять!
О вѣтвь, о кровь Екатерины!
При Ней корабль нашъ *) чрезъ пучины
Отважно къ счастію летѣлъ;
При Ней Россіянинъ, сынъ славы,
Вселенной подавалъ уставы
И жребіемъ ея владѣлъ.

Поэтъ.

Не измѣнимся и съ Тобою:
Тебѣ душа Ея дана!
Я вижу, вижу предъ собою,
Монархъ! грядущи времена:
Россія въ силѣ возрастаетъ,
И обелиски воздвигаетъ
Во мзду заслугъ своихъ сыновъ;
Гремятъ въ ней Пиндары, Платоны —
О дни златые!... Милліоны,
Несите сердце вмѣсто словъ!

Хоръ.

Гряди на тронъ Россіи съ Богомъ,
Гряди, Отечества Отецъ!
Будь счастья нашего залогомъ
И утѣшеніемъ сердецъ!
Цари всемощны и священны:
Хотятъ — и смертные блаженны,
И на землѣ вкушаютъ рай!
Имъ Небо власть свою вручило:
Всходи, о новое Свѣтило!
И благостью въ вѣкахъ сіяй.

1801.
Изданіе 1801 г.

CXXVI.

НА СЛУЧАЙ ОДЪ, СОЧИНЕННЫХЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ КОРОНАЦІЮ.

Гордись предъ галлами, московскій ты Парнасъ!
На мѣсто одного Лебреня, есть у насъ:
Херасковъ, Карамзинъ, князь Шаликовъ, Измайловъ,
Тодорскій, Дмитріевъ, Поспѣлова, Михайловъ,
Кутузовъ, Свиньина, Невзоровъ, Мерзляковъ,

*) Корабль правленія. *Прим. авт.*

Сохацкій, Таушевъ, Шатровъ и Салтыковъ,
Тупицынъ, Похвисневъ и наконецъ—Хвостовъ.

1801.

Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CXXVII.

ЭПИТАФІЯ

И. Ѳ. Богдановичу, автору «Душеньки».

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранитъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

1803.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

CXXVIII.

ЭПИТАФІЯ

И. Ѳ. Богдановичу, автору «Душеньки».

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ
И мыслитъ, отягченъ тоскою:
Кто Душеньку мою такъ мило воспоетъ?

1803.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

CXXIX.

ЭПИТАФІЯ

И. Ѳ. Богдановичу, автору «Душеньки».

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи, вѣнецъ:
Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ

1803.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

CXXX.

НА СМЕРТЬ И. Ѳ. БОГДАНОВИЧА.

«О чемъ ты сѣтуешь, прелестная Харита?»
— Увы съ любимымъ я пѣвцомъ разлучена!

Послала смерть Петру, ошибкою она
Сразила Ипполита.

1803.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5 — 6.

CXXXI.

ПАРОДІЯ.

Любовь любовію плѣнилась
И съ Душенькой соединилась,
А эта Душенька отъ душечки родилась,
И сердце наконецъ
Безъ сердца для сердецъ
Ихъ связно связь изобразило.
Читатель! Что жъ бы это было?
Кто отгадалъ? спрошу васъ я:
Галиматья!

1803.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5 — 6.

CXXXII.

ЭПИТАФІЯ ЭПИТАФІЯМЪ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами:
Поутру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

1803.
Вѣстникъ Европы. 1803 г., ч. IX.

CXXXIII.

ЗАГАДКА.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ;
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богатъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно.

Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:
У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII.

CXXXIV.

ИСТОРІЯ ЛЮБВИ.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляетъ;
На завтра — говорятъ: несносно докучаетъ;
На третій слушаютъ, не поднимая глазъ;
Въ четвертый — съ робостью отказъ;
На пятый — слабое упорство и смятенье;
Въ шестой — ни да, ни нѣтъ, и страхъ, и сожалѣнье;
Въ седьмой — безъ головы;
Въ восьмой — увы!

1803.

Вѣстникъ Европы 1803 г., ч. VIII. Переводъ изъ Vigée: «Comme v. l' amour».

CXXXV.

НАДПИСЬ

къ портрету кн. П. И. Шаликова.

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ,—
Вотъ все его добро... и счастливъ: онъ поэтъ!

Изданіе 1803—1805 гг.

CXXXVI.

НАДПИСЬ

къ портрету князя Италійскаго.

Суворова здѣсь ликъ искусство начертало,
Да вѣдаютъ его грядущи имена:
Единаго царства имъ не стало *),
А тремъ корона отдана.

[illegible] 1803—1805 гг.

---

*) [illegible] Прим. авт

CXXXVII.

НАДПИСЬ

къ его же портрету.

Се россъ, Агарянъ бичъ, Сарматовъ покоритель,
Защитникъ Австріи, Италіи спаситель.

Изданіе 1803—1805 г.

CXXXVIII.

НАДПИСЬ

къ портрету М. Н. Муравьева.

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велитъ труды его читать.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXXXIX

НАДПИСЬ

къ портрету Н. М. Карамзина.

Вотъ милый всѣмъ творецъ! иль сердцемъ иль умомъ
Грозитъ тебѣ онъ плѣномъ;
Въ Аркадіи бъ онъ былъ счастливымъ пастушкомъ,
Въ Аѳинахъ—Демосѳеномъ.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXL.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово,
Законы тронъ, все пасть готово...
Не бойтесь, онъ на дождь сердитъ.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLI.

БЛИЗНЕЦЫ.

«Кого вамъ надобно?» — «Я домъ ищу Разврата» —
«Котораго, сударь? ихъ въ городѣ два брата».
«Богатаго». — «Какъ тотъ, такъ и другой богатъ».
—«Не очень складнаго». — «Не молодецъ и братъ».

—«Онъ крутъ обычаемъ».—«И тотъ, избави Боже!»
—«Жена красавица». — «И у другого тоже».
—«Короче, тотъ рогатъ, котораго ищу».
«Какой же случай!.. я молчу».

Изданіе 1803 1805 гг.

CXLII.

БЫЛЬ.

Даруй мнѣ, Муза, тонъ согласный
Съ уныніемъ души моей,
А ты, о добрый иль несчастный,
Склони свой слухъ и пожалѣй!

Дамонъ недавно былъ душою,
Утѣхой въ дружескихъ пирахъ,
Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онъ взоромъ гналъ печаль и скуку.
Устами радость сообщалъ,
Друзьямъ своимъ давая руку,
Тогда жъ и сердце отдавалъ.

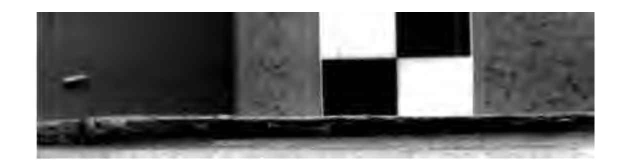
Вчера, при мѣсячномъ сіяньѣ,
Друзьямъ, прощаясь, говорилъ:
«Какъ грустно съ вами разставанье!»
И взоръ на нихъ остановилъ.

Бьетъ часъ, потомъ—и вѣсть несется.
Печальна вѣсть: Дамона нѣтъ!
Въ Дамонѣ сердце ужъ не бьется.
Исчезнулъ вмигъ весенній цвѣтъ!

Тутъ, въ первый разъ еще познали
Дамона къ Лизѣ жарку страсть—
Онъ таялъ; но, увы, къ печали...
Душъ, прямо, нѣжныхъ это часть.

Ихъ слезы падаютъ на камень!
Дамонъ, не могши потушить,
Снѣдавшій сердце лютый пламень,
Рѣшился самъ себя убить.

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CXLIII.

КЪ А. Г. СѢВЕРИНОЙ.

ПРИ СООБЩЕНІИ ЕЙ ДРУГИХЪ СТИХОВЪ.

Дельфира! вотъ стихи, которыхъ ты желала,
олѣ отъ меня впередъ не ожидай!—
заешь, я попалъ въ поэты невзначай
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня узнала.
я молодъ былъ, притворствовать не зналъ,
оказалась мнѣ мила и добродушна,
) я тебя въ стихахъ и называлъ,
ра завсегда была тебѣ послушна.
какъ худо зналъ тогда я нравы, свѣтъ!
малъ, что вездѣ—въ Аркадіи поэтъ;
малъ, какъ пчела сбирать въ собраньяхъ соты,
ься ловкости, свой разумъ украшать,
ь красивые языку обороты,
болѣе потомъ въ стихахъ моихъ блистать;
го же я нашелъ?... Прощайте, лестны виды,
Всѣ стихотворчески мечты!
айте, Граціи и Сильфы, и Сильфиды!
мѣсто ихъ, поэтъ, увидѣлъ въ свѣтѣ ты?
къ дарованіямъ холодность иль презрѣнье;
Тутъ осторожность, подозрѣнье.
ому пристать и чѣмъ начать свой разговоръ?
цѣлый день молчать, потупя въ карты взоръ;
заняло умы вчерашне производство;
хвалятъ бархатовъ московскихъ превосходство,
ысль свою кладутъ на имянинный пиръ;
ъ одинъ съ другимъ въ пресильномъ жаркомъ спорѣ
овый стараго красивѣе мундиръ.
Пѣвецъ отъ скуки, въ горѣ
ѣняетъ кругъ, имѣя только даръ
э чувствовать прекраснѣйшаго цѣну;
онъ Делію иль Дафну иль Климену,
ихъ острый умъ, любезность, милый нравъ,
Нимало не искавъ
Другого награжденья,
Какъ только съ ними обхожденья,
ыхъ для него въ ихъ обществѣ минутъ,
о-жъ его хвалы и здѣсь произведутъ?
видя мадригалъ супругѣ, ужаснется
мъ разсказывать знакомымъ понесется,
ашъ питомецъ Музъ плѣненъ его женой,

Которая его играетъ простотой,
Безъ памяти отъ ней;—жена изъ потаканья
А болѣе, боясь отъ мужа увѣщанья,
Усмѣшкой иногда иль взглядомъ подтвердитъ—
И вдругъ нашъ бѣдненькій піитъ
Пойдетъ у всѣхъ за селадона.
Вотъ жребій здѣсь пѣвцовъ и дѣтокъ Аполлона
Въ награду за хорошій стихъ!
Онъ въ лѣтахъ молодыхъ неслишкомъ намъ ужасенъ,
Но въ зрѣлость дней своихъ
Виною городскихъ быть басенъ,
Признаться, тяжело, и легче во сто разъ
Быть въ обществѣ нѣмымъ и позабыть Парнасъ.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLIV.

КЪ МАШѢ.

Я не Архангелъ Гавріилъ,
Но воспоенъ Пермесскимъ токомъ,
Отъ Аполлона быть пророкомъ
Съ издѣтства право получилъ.
И такъ внимай, новорожденна,
Къ чему ты здѣсь опредѣленна:
Ты будешь маменькѣ съ отцомъ
Отрадой, счастьемъ, утѣшеньемъ,
Любезна пола украшеньемъ
И въ добронравьѣ образцомъ;
Ты будешь безъ красы пріятна,
Безъ блеска острыхъ словъ умна,
Безъ педантизма учена,
Почтенна, и безъ рода знатна,
И безъ кокетства всѣмъ мила,
Какою маменька была,—
Вотъ мой урокъ и похвала,
Едва ли не впослѣдни пѣта!..
Когда ты, Маша, расцвѣтешь,
Вступая въ юношески лѣта,
Быть можетъ, что стихи найдешь,
Конечно, спрятанны ошибкой,
Прочтешь ихъ съ милою улыбкой
И спросишь: «гдѣ же мой поэтъ?
Въ немъ дарованія примѣтны»...

Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
«Несчастные не долголѣтны,
«Его ужъ нѣтъ!»

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLV.

МАДРИГАЛЪ.

Нѣтъ, Хлоя! не могу я страсти побѣдить!
о можно ли тебя узнать и не любить?
ъ! ты даешь мнѣ умъ, воспламеняешь къ славѣ,
азсѣяваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
одъ жизни я отдамъ за этотъ райскій часъ,
тобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ твой гласъ,
. часто мысль одна: увижу завтра Хлою,
же на цѣлый день веселья мнѣ виною.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLVI.

МАДРИГАЛЪ.

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
О, Хлоя милая, ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLVII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Вотъ мой тебѣ портретъ! сколь счастливъ бы я былъ,
Когда бъ ты иногда сказала:
«Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала;
Но кто меня, какъ онъ, любилъ?»

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLVIII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Смѣйтесь, смѣйтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза,
Я ужъ видѣлъ, братцы, бурю
И знакома мнѣ гроза.

Побывалъ и я средь боя,
Видѣлъ смерть невдалекѣ,
Такъ не стыдно для покоя
Погулять и въ колпакѣ.

Изданіе 1803—1805 гг.

CXLIX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ.

Чей это, Боже мой, портретъ?
Какими яркими чертами
Надъ впалыми ея глазами
Натиснуты всѣ сорокъ лѣтъ!

Изданіе 1803—1805 гг.

CL.

ПРИЗНАНІЕ.

Темира! виноватъ; ты точно отгадала.
Прости! все лгалъ передъ тобой:
Любовь моя къ другой,
А не къ тебѣ пылала;
Другою день отъ дня,
Часъ отъ часу прельщался болѣ;
Другой по всѣмъ мѣстамъ искалъ я поневолѣ,
Жестокости ея кляня.
Равно и въ пѣсняхъ нѣтъ ни слова,
Которое бы я отъ сердца написалъ:
«Прелестная! мой богъ! жестокая! сурова!»...
Всѣмъ этимъ я тебя для риѳмы называлъ;
Такъ точно я вздыхалъ, лилъ слезы предъ тобою,
А въ сердцѣ занятъ былъ тогда совсѣмъ другою.
Да что въ тебѣ и есть? согласенъ, милый взглядъ,..
Отмѣнной бѣлизны зубовъ прекрасныхъ рядъ,
Густые волосы, какихъ, конечно, мало —
Для трехъ бы Грацій ихъ достало!..
Двѣ ямки на щекахъ, вмѣстилище заразъ,
Любезность, умъ — и все тутъ было! —
Пустое, чтобъ кому изъ насъ
Все это голову вскружило!

Изданіе 1803—1805 гг.

CLI.

ПѢСНЯ.

Бѣдно сердце! какъ рѣшиться,
Забывать или любить?
Но, любя ее, крушиться,
Безъ отрады слезы лить,
Вѣчно мучиться, томиться!..
—Даромъ, даромъ! говоришь,
И любить ее велишь.

Ахъ! люблю ее, пылаю!
Разумъ, душу, милый взглядъ,
Все въ ней, все я обожаю,
Но къ себѣ я вижу хладъ!...
— Полно, полно!... забываю...
Разумъ! ты меня крѣпишь;
И забыть ее велишь.

Позабуду!—Но доколѣ?—
Ахъ! пока не встрѣчусь съ ней:
Я опять тогда въ неволѣ
Милыхъ мнѣ ея цѣпей.
— Грустно, грустно быть въ сей долѣ:
Грустно!.. сердце, ты твердишь,
А любить ее велишь.

Изданіе 1803—1805 гг.

CLII.

СПОРЪ НА ОЛИМПѢ.

Юпитеръ.

Прочь, слабое дитя! не будь въ моихъ очахъ!
Иль гряну громомъ—и ты прахъ!

Амуръ.

Для лука моего Перунъ твой не опасенъ:
Дитя, какъ я, и самъ ужасенъ.

Юпитеръ.

Надменный, видишь ли Гигантовъ жребій злой,
Попранныхъ громовой стрѣлой?

Амуръ.

А ты, гремящій богъ, взгляни на прелесть Леды —
И будь же лебедь, въ знакъ побѣды!

Изданіе 1803—1805 гг.

CLIII.

ЭПИГРАММА.

Увы, Дамонъ кричитъ, мнѣ Нина невѣрна!
Лукавый полъ! твой даръ лишь только лицемѣ
Давно ли мужемъ мнѣ своимъ клялась она...
— И мужемъ?... можно ль не повѣрить!

Изданіе 1803—1805 гг.

CLIV.

ЭПИГРАММА

«Я разорился отъ воровъ!»
—«Жалѣю о твоемъ я горѣ.» —
«Украли пукъ моихъ стиховъ!»
— «Жалѣю я о ворѣ». —

Изданіе 1803—1805 гг. Переводъ изъ Lebrun: «Dialogu pauvre poète et l'auteur».

CLV.

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь бригадиръ лежитъ, умершій въ позднихъ лѣтѣ
Вотъ жребій нашъ каковъ!
Живи, живи, умри — и только что въ газетахъ
Осталось: выѣхалъ въ Ростовъ.

Изданіе 1803—1805 гг.

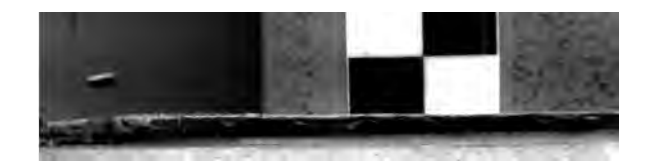
CLVI.

ЭПИТАФІЯ

В. И. С.

Быть можетъ, мудреца сей памятникъ не тронетъ;
Но другъ къ нему прострѣтъ умильный, слезный взгля
Но добрый, нѣжный сынъ, всегда надъ нимъ возстон
И бѣдный... вспомнитъ часъ отрадъ.

Изданіе 1803—1805 гг.

CLVII.

ГРУСТЬ.

Влекомъ унынiемъ сердечнымъ,
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даритъ природа вѣчнымъ,
Гдѣ спитъ и скорбь, и суета.

Тамъ добродѣтельной Эльвиры
Надъ прахомъ слезы я пролью,
И съ тихимъ звукомъ томной лиры
Къ безмолвнымъ тѣнямъ воспою:

Миръ вѣчный вамъ! вкушайте сладость
Спокойства къ пристани отъ бѣдъ;
Теперь для васъ печаль и радость
Уже ничто: для васъ ихъ нѣтъ!

Уже вамъ болѣ не ужасны,
Удары, пораженья злыхъ,
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье ихъ.

Уже никто судомъ безчинным
Не можетъ духъ вашъ отравить,
Изъ чистыхъ, правыхъ сдѣлать виннымъ
И въ сердце острый мечъ вонзить.

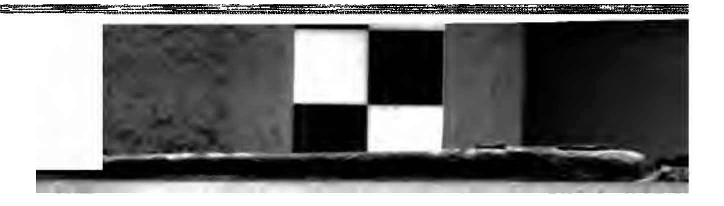
Нѣтъ! сердце въ васъ уже не бьется,
Оно спокойно всякiй часъ,
Уже оно не отзовется
Ниже любезнѣйшей на гласъ.

Чувствительный! вкушай отраду,
Сверша теченье бурныхъ дней,
Не бойся сладкаго ты яду
Обворожающихъ очей;

Не бойся болѣе презрѣнья
И колкихъ порицанiй ты,
Въ награду твоего смиренья,
Не злобна сердца простоты

Ахъ! долго ли и мнѣ, несчастну
Здѣсь страннику, влачить мой путь?
Когда пройду я степь ужасну?
Пора, пора ужъ отдохнуть!

аніе 1803—1805 гг.

CLVIII.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ

Ювеналовой сатиры: о благородствѣ.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами;
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?
Здѣсь Гальба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ, въ торжественной Эмилій колесницѣ
Съ лавровой вѣтвію и копіемъ въ десницѣ;
Иль Куріи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ.
Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ, иль хлыстикомъ, на ветхіе портреты,
Которы у тебя коптятся многи лѣты,
Надувшись, говоришь: «Смотри, вотъ предокъ мой,
«Начальникъ римскихъ войскъ — великій былъ герой!
«А это прадѣдъ мой, разумный былъ Диктаторъ!
«Аэто дѣдушка, вотъ прямо былъ сенаторъ!»
А самъ ты внучекъ что? Герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пирахъ;
А ты ложишься спать тогда, какъ тѣ вставали
И къ бою со врагомъ знамена развивали.
Возможно ль Фабію гордиться только тѣмъ,
Что предъ Ираклов ымъ *) взлелѣянъ алтаремъ
И съ жизнью получилъ названіе Альборога,
Когда сей правнучекъ законный полубога
Честолюбивъ и гордъ лишь славой праотца,
А самъ вялѣе, чѣмъ Падуйская овца?
Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?
Надменный! титла, родъ — пустое превосходство!
Но духъ, великій духъ, — вотъ наше благородство!

Будь Кассій, Павелъ, Друзъ, но буди по дѣламъ:
Показывай ихъ духъ, а не портреты намъ!
Когда въ тебѣ ихъ умъ, ихъ дѣльность, добры нравы:
Тѣ консулъ ты иль нѣтъ, достоинъ вѣчной славы;

---

*) Эвандръ въ честь Геркулесу воздвигнулъ храмъ, препоруча смотрѣніе надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ *отъ сего полубога.* *Прим. авт.*

Гы знатенъ, и тогда съ Силаномъ наравнѣ
Гы честь отечеству, и милъ, безцѣненъ мнѣ;
Гогда возрадуюсь тебѣ, какъ Озириду *)!
Іо чтобы, истиннымъ героямъ я въ обиду,
Іхъ недостойное исчадіе почтилъ!
Іе будетъ! я бъ себя тѣмъ вѣчно посрамилъ.
Іто имя? Развѣ нѣтъ вседневнаго примѣра,
Іто говорятъ, сойдясь съ старухой: «вотъ Венера»!
ı съ карлой: «вотъ Атлантъ»! и кличутъ тигромъ, львомъ
Іегоднаго щенка съ обрубленнымъ хвостомъ?
'убеллій! трепещи гордиться предковъ чиномъ:
Іедолго и тебя прозвать намъ Кимериномъ.

Ты столь возносишься породою своей,
ïакъ будто самъ и блескъ и знатность предалъ ей.
Я родъ мой, говоришь, съ Цекропа начинаю;
ı ты изъ подлости, изъ черни!» — Уступаю;
ĭесть предку твоему и должная хвала!
)днакожъ эта чернь намъ витію дала,
ащитники въ правахъ безграмотна дворянства;
'днакожъ эта чернь, скажу еще безъ чванства,
аетъ блюстителей законовъ намъ, судей,
оторы тщаніемъ и тонкостью своей
ля пользы общества ихъ узлы разрѣшаютъ,
ïль темный оныхъ смыслъ нерѣдко объясняютъ;
[ежели Евфратъ среди своихъ бреговъ
Іятется и дрожитъ отъ имени орловъ;
огда вселенная покорствуетъ Римлянамъ:
'о тѣмъ одолжены мы храбрымъ плебеямъ.
. ты, скажи мнѣ, чѣмъ отечеству служилъ,
[что отъ древняго Цекропа сохранилъ?
Іишь имя... О бѣднякъ! о знатный мой повѣса!
'ы тоже для меня, что истуканъ Гермеса:
'отъ мраморный, а ты, къ безславію, живой —
Ютъ вся и разница у статуи съ тобой.

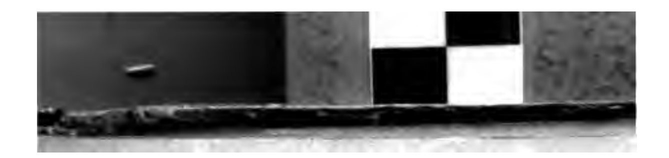
Чѣмъ отличаются животны, какъ не силой?
)динъ конь быстръ, горячъ; другой лѣнивой, хилой;
'ого, который всѣхъ на скачкѣ передитъ,
'лѣдами сыплетъ огнь и вихремъ пыль крутитъ,
Іы хвалимъ, бережемъ, и ежедневно холимъ;
ı клячу за ничто продать на торгъ отводимъ,

*) Египтяне обожали Озирида въ образѣ своего Аписа, или вола; кда они его находили, то всѣ кричали въ голосъ: «радость! радость! шли его!» *Прим. авт.*

Хотя бъ Гарпинова отродія была;
Равно и ты презрѣнъ, коль знатныя дѣла,
Которыми твои прапрадѣды сіяютъ,
Лишь только намъ твою ничтожность озаряютъ,
Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы, — оно падетъ;
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

И такъ желаешь ли уваженъ быть, любимъ?
Знай долгъ свой: въ брани будь искусенъ и рѣшимъ,
Въ семействѣ другъ, въ судѣ покровъ, защитникъ правыхъ
И лжесвидѣтелей, кто бъ ни были, лукавыхъ,
Забывъ и родъ и санъ, и мощь, ихъ обличай;
За истину на все безтрепетно дерзай,
Хотя бы Фаларидъ, подвигнутъ адскимъ гнѣвомъ,
Грозилъ тебѣ за то вола разженнымъ чревомъ:
Нѣтъ нужды! Извергъ тотъ, уродъ, не человѣкъ,
Кто думаетъ продлить безчестіемъ свой вѣкъ!
Пускай для нихъ полетъ свой остановитъ время;
Но жизнь, должайша жизнь безъ чести тяжко бремя!
Такъ жизни ль жертвовать, симъ нѣсколькимъ часамъ,
Тѣмъ самымъ, для чего и жизнь любезна намъ?
Рубеллій! тотъ ужъ мертвъ, кто казни сталъ достоинъ,
Хотя онъ и поднесь надъ устрицами воинъ,
Которыхъ сотнями глотаетъ на пирахъ;
Хоть всякій день еще купается въ водахъ,
Настоенныхъ цвѣтовъ и амбры ароматомъ.

Когда же, наконецъ, ты хитростью, иль златомъ,
Иль и заслугами взойдешь на верхъ честей,
Ставъ, напримѣръ, главой обширныхъ областей;
Не будь, не будь своимъ предмѣстникамъ подобенъ
Толико жъ, какъ они, мздоименъ, гордъ и злобенъ;
Не лей союзныхъ кровь, смягчай ихъ горьку часть,
И въ правосудіи являй свою лишь власть;
Твори, что гласъ тебѣ законовъ возвѣщаетъ,
И помни, что сенатъ въ возмездье обѣщаетъ:
Отлику или громъ! Такъ, громъ, которымъ онъ,
За слезы вдовъ, сиротъ, за ихъ сердечный стонъ,
Сразилъ Нумитора съ жестокимъ Капитономъ,
Сихъ алчныхъ кровопійцъ!... Увы! что пользы въономъ.
Коль Панса грабитъ то, что Натта пощадилъ?
Не долго ты, Керинъ, спокойствіе хранилъ;
Неси скорѣй. бѣднякъ, домашніе уборы,

Весь скарбъ подъ молотокъ, пока не придутъ воры;
Продай все и молчи, а съ просьбой не тащись,
Иль и съ послѣдними ты крохами простись;
Хотя и въ старину не болѣе щадили
Друзей, которыхъ мы мечемъ усыновили,
Но имъ сноснѣй была отеческая власть;
Въ то время было что у дѣтокъ и украсть:
Дома ихъ красились Мироновой работой,
Сіяли золотомъ еще, не позолотой;
Гдѣ кисть Парразія, гдѣ Фидія рѣзецъ,
Оставили вѣкамъ въ изящномъ образецъ,
А Верресу соблазнъ: такъ, все сіе богатство
Украдкой перешло... какое святотатство!..
Безстыдна Верреса съ Антоніемъ въ суда.
Несчастнымъ симъ принесъ миръ болѣе вреда,
Чѣмъ самая война! Но что похитишь нынѣ?
Заросшія поля, подобныя пустынѣ,
Съ десятокъ кобылицъ, иль пары двѣ воловъ...
Быть можетъ, пастуха, отеческихъ боговъ,
Быть можетъ, индѣ бюстъ — кумиръ уединенный;
Добыча бѣдная! но имъ уронъ безцѣнный,
Затѣмъ, что это ихъ послѣднее добро!
Грабитель! смѣло грабь и злато и сребро
Трусливыхъ Родіянъ, Кринеянъ умащенныхъ —
Чего бояться ихъ, всѣхъ въ роскошь погруженныхъ?
Но пощади жнецовъ, питающихъ нашъ градъ,
Столицу праздности, позорищъ и прохладъ!
Но Галла ты не тронь, Иберица также бойся;
И что взять въ Африкѣ? О! тамъ, не безпокойся,
Давно ужъ Марій *) былъ. Страшись, страшись привесть
Въ отчаянье людей, въ которыхъ сердце есть!
Ты можешь захватить и домы ихъ и селы;
Но вырвешь ли изъ рукъ ихъ щитъ, ихъ мечъ и стрѣлы?
Булатъ, булатъ еще останется при нихъ.

Но обратимъ къ тебѣ, о Понтикусъ, нашъ стихъ.
Когда подвластные въ тебѣ увидятъ друга,
Отца и судію; когда твоя супруга
Не будетъ города и веси обтекать,
Что бы, какъ Гарпія, несчастныхъ хлѣбъ снѣдать;
Тогда, хоть Пикусовъ будь внучекъ, я согласенъ.

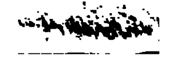
*) Сей Марій — не тотъ, который разбилъ Тевтоновъ и Кимвровъ — былъ проконсуломъ въ Африкѣ. Сенатъ осудилъ его за грабительство въ ссылку, но область, имъ разоренная, никакого болѣе удовлетворенія не получила; половина изъ похищеннаго у него сокровища описана въ казну, а *другая осталась* у Марія и онъ, будучи въ ссылкѣ, *еще великолѣпнѣе, нежели въ своей* губерніи. Прим. авт.

Пожалуй выбирай изъ повѣстей и басенъ
Любого въ прадѣды: пусть будетъ онъ Титанъ,
Хоть самый Промеѳей — почту твой родъ и санъ.
Но если, ослѣпясь своимъ высокимъ саномъ,
Ты будешь не судьей, — мздоимцемъ и тираномъ;
Когда ты ликторовъ сѣкиры притупишь
И руки кровію союзныхъ обагришь,
Тогда твой знатный родъ противъ тебя жъ возстанетъ;
Онъ первый на тебя проклятьемъ страшнымъ грянетъ,
И первый мерзости, ты коими покрытъ,
Какъ яркій пламенникъ предъ міромъ озаритъ:
Преступникъ чѣмъ знатнѣй, тѣмъ болѣе онъ виненъ!

Смотри, какъ Дамазипъ и гнусенъ и безчиненъ:
Вдоль мѣста, гдѣ его почіетъ предковъ прахъ,
Летитъ на шестернѣ, имѣя бичъ въ рукахъ!
Смотри, какъ званіемъ возницы онъ гордится!
И кто же? консулъ самъ! кто болѣ осрамится?
Конечно, въ ночь его не сторожитъ никто;
По мѣсяцъ съ небеси, но звѣзды видятъ то!
Увидимъ, погоди, и всѣ, коль скоро минетъ
Срокъ консульству его; тогда онъ тогу скинетъ,
И въ бѣлый день во всей представетъ славѣ намъ,
Возжами бья коней усталыхъ по бокамъ;
Тогда онъ станетъ самъ ходить уже за ними,
И клясться будетъ онъ богами не иными,
Какъ лишь Гипоною *), висящей на стѣнѣ
Въ конюшнѣ у него! «Онъ молодъ», скажутъ мнѣ:
«И мы вѣдь были тожъ». Я и не спорю, были!
Но съ первой бородой себя перемѣнили.
Срокъ буйства юныхъ лѣтъ быть долженъ коротокъ.
Согласенъ я и въ томъ, что слишкомъ тотъ жестокъ,
Который молодость ни въ чемъ ужъ не прощаетъ;
Но консула ль простить? того ль, кто посѣщаетъ
Всѣ подлыя мѣста, какія въ Римѣ есть,
Тогда какъ молодость, порода, долгъ и честь
Зовутъ его на Рейнъ, на берега Дуная,
Въ Арменію, на Нилъ, гдѣ лавры пожиная,
Онъ могъ бы заслужить безсмертія вѣнецъ?
О Цезарь! гдѣ найдешь вождей ты наконецъ?
Ищи, ищи ихъ впредь не въ сонмѣ отличенныхъ,
Не въ Остіи, — въ мѣстахъ, разврату посвященныхъ;
Тамъ, тамъ ты ихъ найдешь въ толпѣ бродягъ, рабовъ,
Между Цибелиныхъ неистовыхъ жрецовъ,
При бубнахъ на полу простертыхъ и храпящихъ;

*) *Гипона*, богиня, покровительствующая коннымъ заводамъ. *Прим.*

рвый, всякій братъ въ вертепахъ сихъ смердящихъ.
мъ общее: столъ, чаша и постель;
амихъ себя, есть главная ихъ цѣль.
ты, Понтикусъ, узналъ, что твой служитель,
і самый рабъ, попалъ въ сію обитель,
іѣ, какъ бы съ нимъ за это поступилъ?
бы его надолго заключилъ
ію, или въ Тосканскія *) темницы!
ѣмъ, которые безчестятъ багряницы?
что и бойцу вмѣняютъ въ срамъ и студъ,
утъ щеголять Воллезіусъ и Брутъ!

родомъ былъ знатнѣй Цетега, Катилины?
не было завиднѣй ихъ судьбины!
осторный былъ имъ къ славѣ предковъ слѣдъ!
ъ? въ свирѣпости и Галловъ превзошедъ,
ятъ мечи и раздуваютъ пламя,
чью, развернувъ мятежническо знамя,
ь, сжечь дома и храмы, и весь Римъ!
лъ бодрствуетъ, преграды ставитъ имъ;
ихъ всѣ шаги, сограждан ободряетъ,
ъ, не мечемъ, республику спасаетъ.
тотъ, кто отвелъ отъ насъ враждебный рокъ?
улліусъ, пришлецъ Арпинскій, новичокъ! **)
его почтилъ не тѣми именами:
ы Августа всегда кропилъ слезами,
— отцомъ отечества нарекъ.
Понтикусъ, теперь твой знатный человѣкъ?
такъ лучше будь потомкомъ ты Терсита ***),
жествомъ, съ душей Ахилла именита!
1803 — 1805 гг. (Ювеналъ. Сатира VIII).

CLIX.

ЛЮДМИЛА.

Идиллія.

Старикъ.

Кого мнѣ Богъ послалъ среди уединенья?

были подземелья, называвшіяся у Римлянъ ergastula: почти
мскій владѣлецъ, имѣлъ въ помѣстьи своемъ подземелье, куда
казаніе сажалъ своихъ невольниковъ.
церонъ родился въ мѣстечкѣ Арпинумъ. Римляне называли
всѣхъ тѣхъ, которые вышли въ знатность сами по себѣ, а не
ъ.
былъ безобразный и малодушный князь, упоминаемый въ

Примѣчанія автора.

Пастушка.

Я, дѣдушка, со стороны,
Иду до ближняго селенья
На праздникъ красныя весны.

Старикъ.

Чего же ищешь ты подъ тѣнію кусточковъ?

Пастушка.

Богатой ленты нѣтъ, такъ я ищу цвѣточковъ,
Чтобъ свить себѣ вѣнокъ и скрасить мой наряд
Тамъ есть красавица Людмила, говорятъ.

Старикъ.

Но знаешь ли, гдѣ ты, соперница Людмилы?

Пастушка.

Не вѣдаю.....

Старикъ.

Ты рвешь цвѣты съ ея могилы.

1803.

Изданіе 1803—1805 гг. Переводъ изъ Беранже: «Glycère».

CLX.

ПАРОДІЯ.

Сѣдящій на мѣшкахъ славяно-русскихъ словъ,
Отъ коего мы спимъ, а цензоры—зѣваютъ,
Кто страшенъ Граціямъ, кого въ листочкахъ—Львовъ
А Павломъ Юрьичемъ домашни называютъ,
Рекъ самъ себѣ: «я врать досель не уставалъ,
Такъ подурачимся жъ еще мы для забавы».
Онъ рекъ—и вмигъ свахлялъ изъ щепочекъ
Храмъ славы!
Сотиньусъ, ротъ разинувъ, палъ,
А Львовъ въ присядку заплясалъ,

1803.

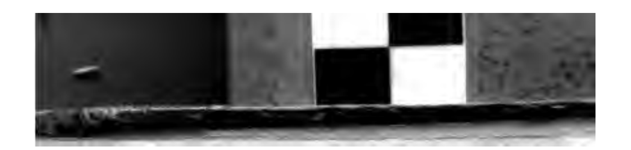
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXI.

СТАНСЫ.

Я счастливъ былъ во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ:
О, возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарован
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ;
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
эгда Клариcы взглядъ меня животворилъ,
дни желанія ужъ были наслажденья...
Я счастливъ былъ!

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
сердцу милыхъ бурь; какъ я тогда любилъ!
вы, тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я счастливъ былъ.

1803. (?)

Вѣстникъ Европы 1805 г., ч. XXI. (Переводъ, по указанію автора › французскаго.)

CLXII.

ПУТЕШЕСТВІЕ N. N. ВЪ ПАРИЖЪ И ЛОНДОНЪ,

ПИСАННОЕ ЗА ТРИ ДНЯ ДО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Часть первая.

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе,
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Лицеѣ, въ Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье,
Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жоржъ и Фіеве;
Всѣ тропки знаю булевара,
Всѣ магазины новыхъ модъ;
Въ театрѣ всякій день, оттолѣ
Въ Тиволи и Фраскати, въ полѣ.
Какъ весело, какой народъ!
Какъ счастливъ я!—и такъ простите,
Простите, милые! и ждите
Изъ области наукъ, искусствъ,
Вы съ первой почтой продолженья,
Исторіи безъ украшенья
Идей моихъ и чувствъ.

Часть вторая.

Противъ окна въ шестомъ жильѣ,
Откуда вывѣски, кареты,

Все, все и лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ,
Вашъ другъ сидитъ еще не чесанъ,
И на столѣ, гдѣ кофь стоитъ,
Меркюръ и Монитеръ разбросанъ,
Афишей цѣлый пукъ лежитъ;
Вашъ другъ въ свою отчизну пишетъ;
А Журавлевъ ужъ не услышитъ!
Вздохъ сердца, долети къ нему!
А вы, друзья, за то простите
Кое-что нраву моему;
Я самъ готовъ, когда хотите
Признаться въ слабостяхъ моихъ:
Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять,
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добръ и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ!
Я слышу стукъ: никакъ за мною?
Такъ точно, нашъ землякъ зоветъ
На ужинъ къ нашей же—прекрасно!
Сегюръ у ней почти всечасно;
Я буду съ нимъ, какъ счастливъ я!
Пришла минута и моя!
Простите, время одѣваться.
Чрезъ мѣсяцъ, два—я, можетъ статься,
У мачты буду повѣрять
Виргиліеву грозну бурю,
А если правду вамъ сказать,
Такъ я глаза мои защурю
И Промыслу себя вручу.
Какъ весело! лечу, лечу!

Часть третья.

Валы вздувалися горами,
Сливалось море съ небесами,
Ревѣли вѣтры громъ гремѣлъ,
Зіяла смерть, а N. N... цѣлъ!
А N. N. вашъ въ короткомъ фрачкѣ,
Въ Вестминстерѣ, свернувшись въ комъ
Предъ урной Попа бьетъ челомъ.
Въ ладоши хлопаетъ на скачкѣ.

Спокойно смотритъ сквозь очковъ
На стычку Фокса съ Шериданомъ,
На бой задорныхъ пѣтуховъ,
Иль дога съ яростнымъ кабаномъ:
Я въ Лондонѣ, друзья, и къ вамъ
Уже объятья простираю,
Какъ всѣхъ увидѣть васъ желаю!
Сегодня на корабль отдамъ
Всѣ, всѣ мои пріобрѣтенья
Въ двухъ знаменитѣйшихъ странахъ!
Я внѣ себя отъ восхищенья:
Въ какихъ явлюсь я сапогахъ!
Какіе фраки, панталоны!
Всему новѣйшіе фасоны.
Какой прекрасный выборъ книгъ!
Считайте, я скажу вамъ вмигъ:
Бюффонъ, Руссо, Мабли, Корнелій,
Весь Шакеспиръ, весь Попъ и Гюмъ;
Журналы Адиссона, Стиля....
И все Дидота, Баскервиля!
Европы цѣлой собралъ умъ!
Ахъ, милые, съ какимъ весельемъ
Все это будемъ разбирать?
А иногда я между дѣльемъ
Журналъ мой стану вамъ читать,
Что видѣлъ, слышалъ за морями,
Какъ сладко жизнь моя текла,
И кончу тѣмъ, обнявшись съ вами:
А родина... все намъ мила!

ПРИМѢЧАНІЯ АВТОРА.

Представилъ милой Рекамье. Рекамье—жена парижскаго банкира, прославившаяся красотой своей.

Сіеса, Вестриса, Мерсье. Первый—сенаторъ, игравшій въ революцію важную роль; второй—славный танцовщикъ, а третій—довольно извѣстный писатель.

Мадамъ Жанлисъ, Виже, Пикара. Первая—сочинительница романовъ и нѣсколькихъ книгъ о воспитаніи; второй—пріятный стихотворецъ, послѣдній—лучшій комическій писатель нынѣшняго времени.

Фонтана, Герля, Легуве. Три извѣстные стихотворца.

Актрису Жоржъ, и Фіеве. Послѣдній—сочинитель прекраснаго романа и писемъ объ Англіи.

Тиволи и Фраскати, въ полъ. Такъ называются два гульбища.

А Журавлевъ ужъ не услышитъ. Почтенный старикъ, который не долго передъ тѣмъ умеръ и друженъ былъ съ путешественникомъ.

Въ Вестминстеръ и проч. Для нѣкоторыхъ напомню, что въ этомъ [illegible] *зданіи погребаются* короли и славные мужи.

И все Дидота, Баскервиля. Также для нѣкоторыхъ; Дидотъ, (
французскій типографщикъ, а Баскервиль—англійскій.
1803.
Изданіе 1808 г.

CLXIII.
РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремитъ!... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли! —
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И весь теряюсь предъ Тобой!

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ и мчится на скалу.

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текутъ!
А мы... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

Изданіе 1803—1805 гг. (Подражаніе Гете: «Die Grenzen der Men

CLXIV.
СТАРИННАЯ ЛЮБОВЬ.
БАЛЛАДА.

Какъ мило жили въ старину!
Бывало въ теремахъ высокихъ,
Въ кругу красавицъ черноокихъ,
Пѣвцы поютъ любовь, войну,
Любви и храбрости побѣды;
Но мы не такъ живемъ, какъ дѣды!
И пѣнье смолкло въ теремахъ.

Дай для красавицъ я спою,
Какъ въ старину пѣвцы любили;

Бывало и меня хвалили....
Напомнимъ молодость свою!
Жилъ, былъ когда-то вождь великой
Съ своею дочкой Миголикой
Во бѣлокаменной Москвѣ.

Бояры, витязи, князья
Вкругъ Милолики увивались;
Но тщетно счастіемъ ласкались:
Никто не могъ тронуть ея,
Никто, кромѣ пѣвца младова!
Она таилась, онъ ни слова;
Но у любви есть свой языкъ.

Пѣвецъ лишь только по ночамъ
Подъ старой липой, близъ свѣтлицы,
Пѣлъ прелести своей царицы,
Бряцая лиры по струнамъ;
Душа его изъ устъ летѣла! —
Онъ пѣлъ, а Милолика млѣла
И воздыхала у окна.

Узналъ о страсти ихъ отецъ,
И гордость въ немъ вострепетала!
«Позоръ ты мой, не дочь мнѣ стала!
«О стыдъ! кто милъ тебѣ?... пѣвецъ!»
Сказалъ, и въ теремъ запираетъ.
Дочь только въ мысляхъ отвѣчаетъ:
«Что знатность! сердцу всѣ равны!»

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Бряцаетъ: «Нѣтъ мнѣ счастья въ мірѣ!
«Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
«Увижусь ли еще я съ милой?
«Внемли, о небо, вопль унылой:
«Отдай ее, иль смерть пошли!»

Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утренне свѣтило
Несчастну жертву озарило:
Отецъ низводитъ дочь съ собой;
Она... едва на трупъ взглянула,
Увы!... въ послѣдній разъ вздохнула.
Красавицы, пѣснь эта быль!

Изданіе 1803—1805 гг.

CLXV.
ПѢСНЯ.

Все ли, милая пастушка,
Все ли бабочкой порхать?
Узы сердца не игрушка:
Тяжело ихъ разорвать!

Ахъ! по мнѣ и вчужѣ больно
Видѣть горесть пастушка!
Любишь милое невольно!
Любишь прямо — не слегка!

Будь въ любовной ты наукѣ
Ученицею моей:
Я съ Филлидой и въ разлукѣ,
А она мнѣ всѣхъ милѣй.

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXVI.
ЛЮБЛЮ И ЛЮБИЛЪ.

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
Возможнымъ счастьемъ упиваться,
Всѣхъ чувствъ въ обвороженьи быть.
Любилъ же — значитъ: полно жить!
Яснѣе: испытать собою,
Что клятвы — словъ какихъ-то звонъ;
Что нѣжность — хитрости игрою;
Невинность — маска; счастье — сонъ.

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXVII.
МЕЛАНХОЛИКЪ.
Романсъ.

Какъ сынъ проклятія, скитаюсь
Издавна я по всѣмъ странамъ;
Уйти отъ горести стараюсь,
Но горесть всюду по слѣдамъ.
Увы! лишь вспомню страсть несчастну...
Прости, мой умъ! прости, покой!
Я вижу фурію ужасну,
Бѣгу ее — она за мной!

Всю молодость провелъ въ стенаньи:
Состарѣлся, а все влачу
Любови цѣпь въ тоскѣ, въ изгнаньи,
И тщетно смерти я хочу!

«Ступай далеко», мнѣ сказали:
«Тамъ знаютъ жалость». Что жъ? и тамъ
Безумца лишь во мнѣ искали,
Смѣялись бѣднаго слезамъ!

О, дѣти счастья, грѣхъ смѣяться!
Я безъ ума, но я вашъ братъ;
Что мы предвидимъ? Можетъ статься,
Несчастнѣй будете стократъ.
Страшитеся любви опасной
И пожалѣйте вы о томъ,
Кто, розою плѣнясь прекрасной,
Уколотъ былъ ея шипомъ.

Изданіе 1803—1805 гг. (По указанію автора, подражаніе франц.).

CLXVIII.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ,

который по сходству двухъ различныхъ фамилій часто принималъ одну вмѣсто другой.

Два разныя, мой другъ, прозванья ты мѣшаешь
Людей, которые не сходствуютъ ни въ чемъ;
И такъ, когда ты ихъ не знаешь,
То я тебѣ скажу о томъ и о другомъ:
Одинъ пріятный былъ писатель,
Другой едва ли и читатель;
Одинъ стихи, другой лишь векселя писалъ;
Тотъ въ Панову свирѣль, а этотъ въ банкъ игралъ.

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXIX.

ЭПИГРАММА.

Какъ! Риѳминъ живъ еще и тѣломъ и душой?
А я уже сказалъ: ему и намъ покой!

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXX.

ЭПИГРАММА.

Кто, какъ ни говори, а Нина безподобна!
Прелестна — въ сторону, но какъ она умна!
Съ какимъ познаньемъ! какъ скромна!
Какъ горленька незлобна!
Какая добра мать, какъ любитъ всѣхъ друзей! —
— «И мужа?»... — Ну, онъ сносенъ ей.

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXXI.

ЭПИГРАММА.

Поэтъ Орфей, хваля жену не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ:
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ
И эпиграммy на Венеру.

Издано 1863—1865 гг. (Переводъ по указанію Лонгинова изъ Lebr[illegible]

CLXXII.

ЭПИГРАММА.

Что [illegible] дорожаетъ? — Вода, я отвѣчаю —
А [illegible] — Въ воздухъ. — Добрый знакъ!
А [illegible] — Кокетка. — Точно такъ!
А [illegible] — Не знаю.

Издано 1863—1865 гг.

CLXXIII.

ЭПИТАФІЯ

[illegible]

[illegible] въ двѣте дней:
[illegible] оставленъ ей.

[illegible]

CLXXIV.

ЭПИТАФІЯ.

[illegible] рѣзецъ:
[illegible] къ Богу.
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] живетъ.

[illegible]

CLXXV.

ЭПИТАФІЯ.

[illegible] въ сей юдолѣ!
[illegible] къ вамъ болѣ?

[illegible]

CLXXVI.

ЭПИТАФІЯ.

[illegible] сей Вралева хладный прахъ.
[illegible] самъ такъ холоденъ въ стихах[illegible]

[illegible]

CLXXVII.

ЭПИТАФІЯ.

—Прохожій, стой! во фронтъ! склони шляпу ...
Я воинъ, грамоты не зналъ за недосугомъ.
Направо кругомъ!
Ступай!

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXXVIII

ЭПИТАФІЯ

Увы! Здѣсь погребенъ мой милый попугай...
Гдѣ красота, и гдѣ даръ слова...
Прохожій-говорунъ! вздохни объ немъ и знай:
Онъ слишкомъ говорилъ, но не во время ...

Изданіе 1803 — 1805 гг.

CLXXIX.

ЭПИТАФІЯ

П. Д. Еропкину, бывшему московскому ...

Здѣсь добрый Еропкинъ, свершивъ ...
На время опочилъ, какъ солнце лучезарно.
Быть можетъ, нѣкогда потомство благодарно
Воздвигнетъ обелискъ во мзду его заслугъ;
Быть можетъ... между тѣмъ смиренный ...
Приноситъ въ дань ему, что въ силахъ ...
«Москва!» онъ говоритъ, «се твой ...
«Москва! Римъ древній въ живъ ...

1805.
Вѣстникъ Европы 1805 г., ч. XX.

CLXXX.

НА СЛУЧАЙ ...

отъ неизвѣстн...

Нечаянный мнѣ даръ цѣлую ...
Лестнѣе сердцу онъ лавроваго вѣнка.
Кто жъ та, которая руки своей ...
Почтила... въ старости счастливаго ...
Не знаю, остаюсь среди недоумѣнья ...
Такъ будь же отъ меня ей имя ...

1805.
Вѣстникъ Европы 1805 г., ч. ...

CLXXXI.
КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ *).

Бардъ безъимянный! тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ.

Тщетно поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ;
Тщетно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой геній
Близъ свѣтлыхъ ручьевъ.

Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
Рдяныхъ Сатировъ и Вакховыхъ жрицъ.**),
Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ отвагѣ
Вкругъ древнихъ гробницъ.

Гулъ ихъ Эвое ***) несется вдоль рощи,
Гонитъ пернатыхъ скрываться въ кустахъ;
Даже далече наводитъ средь нощи
На путника страхъ.

О пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
Пѣть и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ —
Языкомъ боговъ!

1805.
Вѣстникъ Европы 1805 г., ч. XXIII.

CLXXXII.
НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Что за журналъ?»
Не хватскій.
«Кто же читалъ?»
Посадскій.
«А издавалъ?»
Сохацкій!

1805.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

---

*) Это былъ отвѣтъ на стихи, присланные въ «Вѣстникъ Ев
Почтенный авторъ ихъ, не подписавшій своего имени, думалъ,
въ деревнѣ, и пенялъ мнѣ за мою лѣность.

**) Здѣсь описаны цыгане и цыганки, которые во все лѣто п
пляютъ въ Марьиной рощѣ пѣснями и пляскою.

***) Эвое, или Эванъ, былъ употребительный припѣвъ Вакх
при отправленіи ихъ оргій. Это примѣчаніе для дѣтей, незна
еще миѳологіи. *Прим. авт.*

CLXXXIII.

НА ЖУРНАЛЫ.

Какъ этотъ годъ у насъ журналами богатъ!
И Вѣстникъ отъ корелъ, и Просвѣщенья Сватъ,
Аврора и Курьеръ Московскій, — не Европы,
И грузный Корифей — дорожникъ на Парнасъ.....
Какой для чтенія запасъ!

1805.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXXXIV.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ О ЖУРНАЛѢ НА БУДУЩІЙ ГОДЪ.

Во славу троицы пѣвцовъ,
Журналъ для толка, а не вкуса,
Имѣетъ быть и впредь въ печатнѣ Гиппіуса.
Хвостовъ. Кутузовъ. Салтыковъ.

1805.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXXXV.

ЭПИГРАММА

НА ПРИТЧУ «ГОСПОЖА И ТКАЧИ», НАПЕЧАТАННУЮ ВЪ ОДНОМЪ ЖУРНАЛѢ.

Безъ имя Рифмодѣй глумился сколько могъ
Надъ глупостью — хвалить въ стихахъ красивый слогъ.
Не худо бы потомъ на вкусъ слѣпить сатиру,
А тамъ и здравый смыслъ ухлопать въ добрый часъ
И кончить тѣмъ свою поэтику для насъ;
Тогда ужъ смѣло дуй въ свою перунну лиру!

1805.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXXXVI.

СТИХИ

НА КОНЧИНУ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА И. П. САЛТЫКОВА.

(П. И. Мятлевой).

Стени, дочь нѣжная, надъ урною отца!
Я самъ въ смущеніи забылъ талантъ пѣвца,
Не въ силахъ пѣть вождя героевъ,
Достигшаго сѣдинъ подъ лаврами средь боевъ;
Но доброму отцу, но другу лишь людей
Вздохъ сердца посвящаю

И окомъ, полнымъ слезъ, со брега жизни сей
Тѣнь милую для насъ въ міръ лучшій провождаю.
1805.
Вѣстникъ Европы 1806 г., ч. XXV.

CLXXXVII.
ОТВѢТЪ.

Нахальство, Аристархъ, таланту не замѣна;
Я буду все поэтъ, тебѣ на перекоръ!
А ты—останешься все тотъ же крохоборъ,
Плюгавый выползокъ изъ . . . Дефонтена.
1806.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXXXVIII.
КЪ МОЕМУ ЛИЦЕПОДОБІЮ.

Ему плететъ вѣнецъ терновый Калліопа,
А родина давно признала въ немъ Эзопа.,
1806.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CLXXXIX.
ЭПИГРАММА.

Не понимаю я, откуда мысль пришла
Клеону приписать Фуфановой «Цирцею»?
Цирцея хитростью своею
Героевъ полкъ въ звѣрей оборотить могла,
А эта—мужа лишь, да и того въ козла.
1806.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CXC.
АМУРЪ ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

Слуга покорный тѣмъ и этимъ въ тотъ же часъ;
Закутанъ весь, какъ водолазъ;
На лыжахъ — какъ остякъ; какъ сатана — съ рогами.
Амуръ ли то? Скажите сами!
1806—1807.
Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6. По указанію Лонгинова, пс
жаніе Грувелю (Grouvelle).

CXCI.
БУДОЧНИКЪ.

Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ не даромъ я кричалъ.

Ночь усѣяна звѣздами;
Било — часъ, второй насталъ.
Спи, кащей, однимъ ты глазомъ,
А другимъ гляди востро:
Воръ ужъ въ сѣняхъ; онъ какъ разомъ
Все утащитъ серебро.
Вмѣстѣ ль ты, сосѣдъ, съ женою?
Не кладися на запоръ:
Лезетъ гость къ тебѣ трубою;
Чортъ на вымыслы проворъ.
Эй, риѳмачъ! храпѣть не дѣло
Надъ бумагой со свѣчей:
Долго ль вспыхнуть? Все сгорѣло!
Такъ и мнѣ бѣда съ тобой.
Частный! Слышишь ли, какъ вою,
Исполняя твой приказъ?
Если нѣтъ, такъ я утрою
Для тебя въ послѣдній разъ.
Слушай всякій, кто съ ушами,
Чтобъ недаромъ я кричалъ;
Темна ночь храпитъ надъ нами;
Било часъ, второй насталъ.

1806–1807.

Русскій Архивъ 1867 г., № 5—6.

CXCII.

ЭПИГРАММА

НА ПЕРЕВОДЪ ПОЭМЫ «L'art poètique».

Ты ль это, Буало? Какой смѣшной нарядъ?
Тебя узнать нельзя, совсѣмъ перемѣнился!
— Молчи! нарочно я Графовымъ нарядился:
Сбираюсь въ маскарадъ.

1808.

Гречъ. Учебникъ русск. словесности, ч. III.

CXCIII.

ЭПИТАФІЯ

КНЯЗЮ А. М. БѢЛОСЕЛЬСКОМУ-БѢЛОЗЕРСКОМУ.

Пусть Кліо родъ его отъ Рюрика ведетъ, —
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами музъ и дружбы орошенный.

1809.

...тышъ-Каменскій. Словарь, ч. I.

CXCIV.

ТРИССОТИНЪ И ВАДІУСЪ.

(Вольный переводъ изъ Мольеровой комедіи: «Les femmes savant

ДѢЙСТВІЕ III. ЯВЛЕНІЕ V.

Вадіусъ.

Вы истинный поэтъ! скажу вамъ безпристрастно.

Триссотинъ.

Вы сами риѳмы плесть умѣете прекрасно.

Вадіусъ.

Какой высокій духъ въ поэзіи у васъ!
Я часто вашу мысль отгадываю съ часъ.

Триссотинъ.

А вашъ въ эклогахъ стихъ такъ простъ, невиненъ, ил
И самый Ѳеокритъ едва ль вамъ будетъ равенъ.

Вадіусъ.

Ахъ! въ вашихъ басенкахъ не меньше красоты;
Мы какъ условились срывать одни цвѣты.

Триссотинъ.

Но ваши бу-риме... о! это верхъ искусства!

Вадіусъ.

А въ вашихъ мелочахъ какой языкъ и чувства!

Триссотинъ.

Когда бъ отечество хотѣло васъ цѣнить...

Вадіусъ.

Когда бъ нашъ вѣкъ умѣлъ таланты ваши чтить...

Триссотинъ.

Конечно бъ васъ листомъ похвальнымъ наградили.

Вадіусъ.

А вамъ бы монументъ давно соорудили.

Триссотинъ.

Дождемся, можетъ быть. — Хотите ль, мой поэтъ,
Послушать строфы двѣ?

Вадіусъ.

Прочесть ли вамъ сонетъ
На прыщикъ Деліи?

Триссотинъ.

Ахъ! мнѣ его читали.

Вадіусъ.

Извѣстенъ авторъ вамъ?

Триссотинъ.

Прозванья не сказали;
Но видно по стихамъ, что онъ семинаристъ:
Какія плоскости! Языкъ довольно чистъ,
Но вкуса вовсе нѣтъ; вы согласитесь сами.

Вадіусъ.

Однакожъ онъ хвалимъ былъ всѣми знатоками.

Триссотинъ.

А я и вамъ и имъ еще сказать готовъ,
Что славный тотъ сонетъ собранье — риѳмъ и словъ.

Вадіусъ.

Не много зависти...

Триссотинъ.

Во мнѣ? избави Боже!
Завидовать глупцамъ, и быть глупцомъ — все тоже.

Вадіусъ.

Сонетъ, сударь, хорошъ, скажу вамъ, наконецъ;
А доказательство... я самъ его творецъ.

Триссотинъ.

Вы?

Вадіусъ.

Я.

Триссотинъ.

Не можетъ быть; по чести это чудо!
Конечно, мнѣ его читали очень худо,
Иль я былъ развлеченъ. — Но кончимъ этотъ споръ;
Я вамъ прочту рондо.

Вадіусъ.

Парнасскій, старый соръ,
Надъ коимъ лишь себя педантамъ сродно мучить.

Триссотинъ.

Такъ слѣдственно и вамъ не можетъ онъ наскучить.

Вадіусъ.

Прошу, сударь, своихъ именъ мнѣ не давать

Триссотинъ.

[illegible]

Вадіусъ.

[illegible]

Триссотинъ.

[illegible]

Вадіусъ.

[illegible]!

Триссотинъ.

[illegible]!

Вадіусъ.

[illegible]!

Триссотинъ.

Ругатель подъ рукой!

Вадіусъ.

Когда бы не былъ трусъ, ты былъ бы самъ такой.

Триссотинъ.

Пошелъ провѣтривать лежалыя творенья!

Вадіусъ.

А ты ступай, бѣги просить у Музъ прощенья
За нестерпимый свой, проклятый переводъ,
За изувѣченье Горація...

Триссотинъ.

Уродъ!
А ты какой съ твоимъ классическимъ поэтомъ?
Стыдись предъ справщикомъ, стыдись предъ цѣлымъ свѣтомъ

Вадіусъ.

Но не одинъ журналъ меня не оглашалъ,
А ты уже давно добычей критикъ сталъ.

Триссотинъ.

И тѣмъ то и горжусь, риомачъ, передъ тобою;
Во всѣхъ журналахъ ты пренебреженъ съ толпою
Вралей, которые не стоютъ и суда;
А я на пострѣ пера ихъ завсегда,
Какъ ихъ опасный врагъ!

Вадіусъ.

Такъ будь и мой отнынѣ:
Сейчасъ иду писать въ стихахъ о Триссотинѣ?

Триссотинъ.

только ихъ прочтутъ, зѣваючи, друзья:
ожалуй мучь себя, не испугаюсь я,
гряну самъ въ стихахъ!

Вадіусъ.

А мы имъ посмѣемся.

Триссотинъ.

оволько! я молчу; на Пиндѣ разочтемся!

Изданіе 1810 г.

CXCV.

МАДЕКАССКАЯ ПЛѢННИЦА.

Ампанани.

Младая плѣнница! не проклинай войну;
будь отечество: не ты, но я въ плѣну!
ой взоръ мнѣ столько-жъ милъ, какъ первый лучъ денницы...
что? ты слезы льешь сквозь длинныя рѣсницы?

Вайна.

Жаль друга, государь!

Ампанани.

А гдѣ же онъ?

Вайна.

Убитъ,
Иль, можетъ быть, въ сію минуту онъ бѣжитъ.

Ампанани.

замѣню его.

Вайна.

Ахъ, другу нѣтъ замѣны!
и слезы, царь, мои.

Ампанани.

Онѣ мнѣ драгоцѣнны!
о хочешь ты сказать, небесна красота?

Вайна.

ъ цѣловалъ меня и въ очи и въ уста;
къ на груди моей... онъ въ сердцѣ и понынѣ.

Ампанани.

льно! я хочу покорствовать судьбинѣ;
Вайна, вотъ покровъ: сокрой имъ отъ меня
прелести свои!

Вайна.

Пускай пойду, стеня,
Дражайшаго искать средь труповъ убіенныхъ,
Или скитаться съ нимъ въ пустыняхъ отдаленныхъ.

Ампанани.

Ступай, куда тебя звѣзда твоя ведетъ;
Да будетъ милая хранима небесами;
Да проклятъ тотъ, кому желаніе придетъ
Похитить поцѣлуй, уступленный съ слезами!

Изданіе 1810 г. Подражаніе Парни: «Chansons Madécasses», Ch

CXCVI.

КЪ АЛЬБОМУ КН. Н. И. КУРАКИНОЙ.

Что предъ соперницей Эраты наше пѣнье!
Она лишь голосомъ находитъ путь къ сердцамъ,
Я лиру положу Куракиной къ ногамъ,
И буду самъ внимать въ безмолвномъ восхищеньѣ.

Изданіе 1810 г.

CXCVII.

СТИХИ ВЪ АЛЬБОМЪ Е. С. ОГАРЕВОЙ.

Поэту ль своего таланта не любить?
Какъ смертный осужденъ къ премѣнѣ повсечасной,
Онъ старится; но все принадлежитъ прекрасной:
Не въ сердцѣ, такъ въ ея альбомѣ будетъ жить.

Изданіе 1810 г.

CXCVIII

НАДПИСЬ

къ бюсту Императора Александра I.

Потомство! Россіянъ завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы
Европѣ миръ, царямъ достоинство, державы
И храмы божеству.

Изданіе 1810 г.

CXCIX.

ЭПИГРАММА

на дурныя оды по случаю рожденія именитой особы.

О, тяжкой жизни договоръ!
О, дщерь полубоговъ! нѣтъ и тебѣ свободы!

Едва родилась ты, что твой встрѣчаетъ взоръ?
Свивальники, сиропъ и оды!
Изданіе 1810 г.

CC.

ЭПИГРАММА.

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
«Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣна:
«Всѣ классики уже переводимы мной!
«Такъ я и самъ ученымъ свѣтомъ
Достоинъ признанъ быть классическимъ поэтомъ!»
Такъ, Бавій, такъ! стихи, конечно, и твои
[На] лекціяхъ пойдутъ—въ примѣръ галиматьи!
Изданіе 1810 г.

CCI.

НАДПИСЬ

къ портрету графа Витгенштейна.

Цѣлуйте вы сей ликъ,
О матери семействъ и вы, отроковицы!
Не страшенъ болѣ врагъ спокойствію столицы:
Суворова стоитъ на стражѣ ученикъ *).
1812.
Изданіе 1818 г.

CCII.

ПЛАНЪ ТРАГЕДІИ СЪ ХОРАМИ.

Содержаніе.

[Лап]ландскій князь, женихъ гренландскія княжны,
[В]ъ день свадьбы простудясь, горячкой умираетъ.
[Т]ревога, брачныя свѣчи погашены,
[С]тонъ, слезы, наконецъ любовникъ оживаетъ.

ПРОЛОГЪ.

Музыкантъ.

(*Приближаясь къ кулисамъ, даетъ актерамъ знакъ къ выходу*).

Внемли и выступи, народъ,
Попарно свой устроя хоръ!

---

*) Въ отечественную войну 1812 года, графъ Витгенштейнъ стоялъ съ [кор]пусомъ между Ригой и Псковомъ. Прим. авт.

(*къ актерамъ*)

Вы помнить роль свою старайтесь!

(*къ фигурантамъ*)

А вы!—вы съ такты не сбивайтесь!

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯЗЬ И КНЯЖНА.

КНЯЖНА.

О князь! и такъ ты мой!

КНЯЗЬ.

А ты моя, княжна!
Актъ кончится, и ты со мной сопряжена!
О боги! о судьба! о счастіе! о сладость!
Народъ! пляши и пой! дѣли со мною радость!

Хоръ.

Воспляшемъ, воспоемъ, докажемъ нашу радость!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Княжна.

Ты боленъ, милый князь?

Князь.

Ознобъ во мнѣ и жаръ!

Княжна.

Увы!

Князь.

Прости... прости!
(*умираетъ*).

Княжна.

Несноснѣйшій ударъ!
Завистливая смерть! о рокъ безчеловѣчной!
Народъ! пляши и пой въ знакъ горести сердечной.

Хоръ.

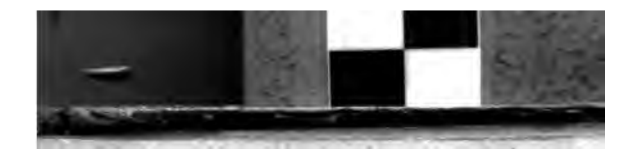
Воспляшемъ, воспоемъ въ знакъ горести сердечной!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Геній спускается съ облаковъ посреди грома и молніи*).

Геній.

Супругъ твой оживетъ: прерви, царевна, стонъ!
*Невин*ною трехъ Парккъ ошибкой умеръ онъ.
О царь! будь паки живъ!

Князь (*встаетъ*).

Мои ли это ноги!
ну ль еще я зрю?.. О милосердны боги!

Княжна.

айшій князь! пойдемъ, пойдемъ скорѣе въ храмъ!
дъ, пляши и пой похвальну пѣснь богамъ!

Хоръ.

яшемъ, воспоемъ похвальну пѣснь богамъ!

Іізданіе 1814 г.

CCIII.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Пловецъ подъ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды, ему свѣтившей,
Покоя проситъ у боговъ.
Къ покою простираютъ длани
И Мидіи роскошный сынъ,
И мужественный витязь въ брани
Пространныхъ Өракіи долинъ.

При старости и жизни въ цвѣтѣ
Всегда въ отраду намъ покой,
Непокупаемый на свѣтѣ,
Ниже и пурпура цѣной!
Нерѣдко грусть и сильныхъ гложетъ
Въ ихъ позлащенныхъ теремахъ,
И ревность ликторовъ не можетъ
Отгнать отъ нихъ заботы, страхъ.

Но кто же болѣе проводитъ
Въ покоѣ кругъ летящихъ дней?
Лишь тотъ, кто счастіе находитъ
Среди семейства и друзей;
Пріютной хижиной доволенъ,
Наслѣдьемъ скромнымъ отъ отца,
Въ желаньяхъ строгъ, въ дѣяньяхъ воленъ
И безъ боязни ждетъ конца;

Чуждъ зависти, любостяжанья,
Днемъ веселъ, въ ночь покойно спитъ!
Почто намъ лишнія желанья,
Коль смерть внезапу насъ разитъ?
Почто отъ пристани пускаться

Во треволненный океанъ,
Бездомнымъ сиротой скитаться
Подъ небосклономъ чуждыхъ странъ?

Мать-родину свою оставишь,...
Но отъ себя не убѣжишь:
Умолкнуть сердце не заставишь
И мукъ его не усмиришь!
Ни день, ни часъ не въ нашей волѣ;
Счастливцевъ совершенныхъ нѣтъ!
Такъ будемъ же въ смиренной долѣ
Сносить равно и мракъ и свѣтъ!

Ахиллъ толь рано жизнь оставитъ.
Титанъ два вѣка будетъ жить;
Кто знаетъ, чью изъ насъ прибавитъ
Иль укоротитъ Парка нить?
На пажитяхъ твоихъ красивыхъ
Пестрѣетъ стадомъ каждый лугъ
И ржаніе коней строптивыхъ
Разноситъ гулъ далече вкругъ.

Тебя богатство, знатность рода,
Въ червлену ризу облекли,
А мнѣ фортуна и природа
Послали въ даръ клочекъ земли;
Таланта искру къ пѣснопѣнью
На ладъ любимыхъ мной творцовъ,
И равнодушіе къ сужденью
Толпы зоиловъ и глупцовъ.

Изданіе 1814 г. Горацій: Кн. II, ода XVI.

CCIV.

ПОДРАЖАНІЕ 136-му ПСАЛМУ,

На чуждыхъ берегахъ, гдѣ властвуетъ тиранъ
Въ плѣну мы слезы проливали
И, глядя на Евфратъ, тебя воспоминали,
Родимый Іорданъ!

На лозахъ блѣдныхъ ивъ, склонившихся къ
Качались томно наши лиры;
Увы, а мы отъ нихъ, безмолвные и сиры,
Сидѣли вдалекѣ!

Рабы, (вкругъ насъ ревѣлъ свирѣпый стра
Въ неволѣ пользы нѣтъ отъ стона;

Воспряньте духомъ вы и пѣнію Сіона
Пролейте радость въ насъ!

Ахъ! намъ ли пѣсни пѣть среди своихъ враговъ,
Они съ отчизной разлучили,
Гдѣ наша колыбель, гдѣ сладость жизни пили,
Гдѣ нашихъ персть отцовъ!

Прилипни навсегда языкъ къ устамъ моимъ,
Замри рука моя на лирѣ;
Когда забуду я тебя древнѣйшій въ мірѣ,
Святый Іерусалимъ!

Напомни, Господи, Эдомовымъ сынамъ *)
Ужасный день, когда ихъ злоба!
Вопила: смерть имъ, смерть, и пламень вмѣсто гроба;
Рушь все: престолъ и храмъ!

Но горе, горе злымъ: нашъ мститель въ небесахъ
Содрогнись, чадо Вавилона!
Онъ близокъ, онъ гремитъ, низвергнися со трона,
Пади предъ нимъ во прахъ.

1822.

Альманахъ «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г.

CCV.

ВЪ АЛЬБОМЪ ШИМАНОВСКОЙ.

Таланты всѣ въ родствѣ; источникъ ихъ одинъ,
Для нихъ повсюду миръ; нѣтъ ни войны, ни грани,—
Отъ Вислы до Невы чрезъ гордый Апениннъ
Они взаимно шлютъ пріязни братской дани.

Москва. 9 Декабря 1822 г.

Московскій Телеграфъ 1827 г., ч. XVIII.

CCVI.

НАДГРОБІЕ

отъ супруга супругѣ.

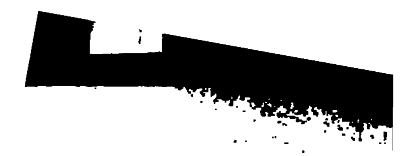
И ангелы въ плоти не дольше розъ живутъ.
Увы! гдѣ прелести, любезность безъ искусства?
Гдѣ милый нравъ и умъ, возвышенныя чувства,
Моя отрада, жизнь?... все тутъ!

1824.

Альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1825 г.

---

*) Идумеяне, хотя и вели родъ свой отъ Авраама, но вступили въ
...ъ Вавилонянами противъ Іудеевъ и были злѣйшими ихъ врагами.
Прим. авт.

CCVII.

НАДПИСЬ

КЪ ПОРТРЕТУ ЛИРИКА.

Потомство! вотъ Петровъ,
Счастливѣйшій поэтъ временъ Екатерины;
Его герои—исполины...
И самъ онъ по уму и духу былъ таковъ.

1826.

Альманахъ «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г.

CCVIII.

В. В. ИЗМАЙЛОВУ.

Чего ты требуешь, Измайловъ, отъ меня?
Какъ мнѣ, лишенному поэзіи огня,
Въ глубокой старости забытому Парнасомъ,
Пугать и вкусъ и слухъ своимъ нестройнымъ гласом
Увы, всему пора: и я былъ молодъ, пѣлъ;
Съ восторгомъ на вѣнокъ Карамзина смотрѣлъ
И состязался съ нимъ, какъ съ другомъ, въ пѣснопѣ
Его ужъ нѣтъ! Теперь душа моя въ томленьи
Глядитъ на кипарисъ, глядитъ на небеса
И ждетъ въ безмолвіи свиданія часа.

1826.

Литературный Музеумъ 1827 г.

CCIX.

НА КОНЧИНУ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Природа вновь цвѣтетъ, и роза нѣгой дыш
Гдѣ жъ юный нашъ пѣвецъ? — увы! подъ сей
А старасть дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишетъ!

1827.

Москвитянинъ 1842 г., ч. IV.

CCX.

В. А. ЖУКОВСКОМУ

по случаю полученія отъ него двухъ стихотвореній

Была пора, питомецъ русской славы,
И я вослѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы,—
Рекла и бысть — и Польши тронъ упалъ.

Пришла пора... увянулъ, сталъ безгласенъ
[лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
[о прочь свое! мой вечеръ тихъ и ясенъ:
[обѣды гласъ меня одушевилъ.

Взыграй же, духъ! Жуковскій, дай мнѣ руку!
[ускай съ пѣвцомъ воскликнетъ патріотъ:
-вала и честь Екатерины внуку!
ъ нимъ русскій лавръ прозябнетъ въ родъ и родъ.

1831.

Альманахъ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г.

CCXI.

ВЪ АЛЬБОМЪ Г-ЖИ ИВАНЧИНОЙ-ПИСАРЕВОЙ.

Счастливый Писаревъ! Мнѣ ль, старцу, близъ могилы
Въ альбомѣ Грацій страницу занимать
Между младыхъ пѣвцовъ? Но Граціи такъ милы;
Любимецъ ихъ такъ добръ... не смѣю отказать.

1836.

Москвитянинъ 1841 г., ч. II.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Басни и сказки.

XV *(стр. 25).* По объясненію М. А. Дмитріева («Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1869), подъ Брамербасомъ авторъ разумѣлъ отставнаго маіора Ивашева, сызранскаго помѣщика, извѣстнаго своими чудачествами.

— *(стр. 29).* Фердинандъ Дицъ, извѣстный въ то время скрипачъ. Дмитріевъ посвятилъ ему небольшое стихотвореніе «Экспромптъ на игру г. Дица». (См. стих. CXII).

Разныя стихотворенія.

III (*стр. 98*). Виръ былъ врачемъ въ Сарептѣ. Онъ открылъ въ имѣніи дяди Дмитріева, Никиты Аѳан. Бекетова, минеральные источники и добывалъ изъ нихъ глауберову соль.

V (*стр. 99*). Стихотвореніе это написано Прасковьѣ Петровнѣ Бекетовой.

VI (*стр. 99*). Отвѣтъ Н. М. Карамзину, написанъ на письмѣ послѣдняго отъ 2 марта 1788 г. (Письма Карамзина къ Дмитріеву. С.-Пб. 1866 г., стр. 6).

XI, XII, XVIII, LII, LXXIV, CXIII и CXLIII (*стр. 108, 113, 141, 169, 202, 215*). Всѣ эти стихотворенія написаны Аннѣ Григорьевнѣ Сѣверпной, супругѣ сослуживца Дмитріева, гвардейскаго офицера П. И. Сѣверина.

XXXI *(стр. 122).* По объясненію М. А. Дмитріева («Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1869), сюжетомъ этого стихотворенія послужило истинное происшествіе. Стихотвореніе это, напечатанное въ первый разъ подъ заглавіемъ «Отставной вахмистръ», признавалось современною критикою однимъ изъ неудачнѣйшихъ произведеній Дмитріева. Такъ напр., журналъ «Зритель» (1792 г., ч. II), указывая нѣсколько рецептовъ отъ безсонницы, рекомендовалъ, между прочимъ, читать «риѳмопрозаическое твореніе «Вахмистръ».

XXXV (*стр. 128*). Въ этомъ стихотвореніи авторъ пародируетъ пріемы современныхъ бездарныхъ писателей.

XL (*стр. 131*). Это стихотвореніе написано сыну А. Г. Сѣвериной. Дмитрію Петровичу.

XLIII (*стр. 135*). Эпиграмма эта написана на А. И. Клушина, написавшаго, между прочимъ, въ 1793 г. длиннѣйшую оду «Человѣкъ».

XLIV и **XCV** (*стр. 135, 185*). Ѳедоръ Михайловичъ Дубянскій служилъ совѣтникомъ правленія государственнаго заемнаго банка: въ августѣ 1796 г. утонулъ въ Невѣ.

XLVI *(стр. 138).* Дм. Ив. Киселевъ, отецъ министра графа Павла Дм., жилъ открытымъ домомъ въ Москвѣ. У него много играли въ карты, до которыхъ Карамзинъ былъ тогда большой охотникъ (Русск. Арх. 1867 г.).

LIV (*стр. 143*). Дмитріеву приписывается еще слѣдующая надпись къ портрету Н. А. Бекетова:

Сынъ отечества полезный
Вѣкъ провелъ среди заботъ,

А намъ дядюшка любезный
Лишь оставилъ тьму хлопотъ.

(Библіогр. Записки 1892 г.. № 10).

LV (*стр. 143*). Первая супруга Державина, Екатерина Яковлевна, скончалась 15 іюля 1794 г.

LXIV (*стр. 161*). На «Мои бездѣлки» Карамзина были написаны неизвѣстнымъ авторомъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ изъ русскихъ надписалъ:
«Мои бездѣлки»;
А умъ, прочтя, сказалъ:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива.

Предполагая, что авторъ этихъ стиховъ Шатровъ, Дмитріевъ и написалъ на него свою эпиграмму.

LXVI (*стр. 162*). Писано между 1794—1796 гг., когда Дмитріевъ велъ тяжбу съ мужемъ своей двоюродной сестры В. А. Всеволожскимъ о наслѣдствѣ послѣ Н. А. Бекетова. Упоминаемые въ стихотвореніи: Келлеръ — былъ извѣстный въ то время ростовщикъ, а Михайловъ былъ извѣстенъ своею силою и тучностью (Русск. Арх. 1863 г.).

XCII (*стр. 184*). Григ. Ив. Шелеховъ, рыльскій гражданинъ, возведенный императрицею Екатериною II въ дворянское достоинство (род. 1747 г., ум. 1795 г.), прославился своею промышленною предпріимчивостью и смѣлыми странствованіями около восточныхъ береговъ Сибири, гдѣ открылъ и подчинилъ русской власти нѣсколько островов.

CXIX (*стр. 204*). Кн. А. Б. Куракинъ, гр. П. А. Зубовъ и гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій, бывшіе въ немилости, при императорѣ Павлѣ проживали въ Москвѣ. «Присутствіе ихъ при неудачномъ спускѣ воздушныхъ шаровъ», говоритъ Лонгиновъ,—«и вызвало это сближеніе между собою этихъ временщиковъ и эфемернымъ ихъ полетомъ» (Русск. Арх. 1867 г.).

CXXVI (*стр. 209*). Ни по какому случаю не было написано столько одъ, эпистолъ, гласовъ, какъ на день восшествія на престолъ императора Александра I и его коронацію. На это-то обиліе стиховъ Дмитріевъ и написалъ свое стихотвореніе.

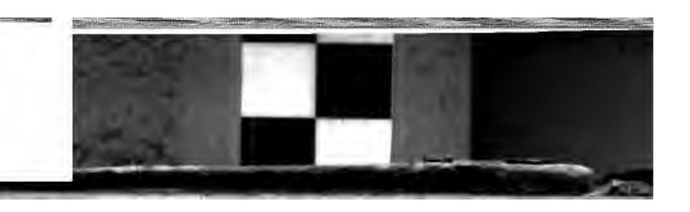
CXXX (*стр. 210*). Петръ Өедоровичъ Богдановичъ, братъ автора «Душеньки».

CXXXI (*стр. 211*). Въ «Вѣстникѣ Европы» (1803 г.) была напечатана эпитафія И. Ө. Богдановичу кн. Шаликова, на которую и написана эта пародія. Для сличенія пародіи приводимъ стихи кн. Шаликова:

Любовь у Душеньки въ плѣну любви была,
А Душеньку душа его произвела.
Что-жъ былъ онъ для сердецъ? — пусть сердце отвѣчаетъ
Тому, кто истиннымъ талантамъ цѣну знаетъ.

CXXXII (*стр. 211*). По смерти Богдановича Карамзинъ предложилъ русскимъ авторамъ написать его эпитафію («Вѣстн. Евр.» 1803 г.) Разныя лица не замедлили отозваться на приглашеніе Карамзина, и эпитафіи посыпались въ безчисленномъ количествѣ. Чтобы прекратить присылку бездарныхъ произведеній, Дмитріевъ и написалъ свою «Эпитафію къ эпитафіямъ».

CXLIV (*стр. 216*). Стихотвореніе написано дочери А. Г. Сѣвериной, Марьѣ Петровнѣ.

CLX (*стр. 228*). Пав. Юр. Львовъ, бездарный писатель круж Шишкова, названнаго здѣсь Сотиньусомъ, издалъ множество плохи сочиненій, въ числѣ которыхъ былъ и «Храмъ славы россійски героевъ», вышедшій въ 1803 г.

CLXII (*стр. 229*). Шутка написана по случаю отъѣзда Вас. Л Пушкина заграницу.

CLXVIII (*стр. 235*). Платонъ Петровичъ Бекетовъ, двоюродный бра Дмитріева, нерѣдко забывалъ фамилію Карновича и мѣшалъ ее фамиліей Богдановича.

CLXXX (*стр. 237*) Первоначально стихотвореніе это носило загл віе «Стихи на полученіе отъ неизвѣстной особы вышитаго по кан генія». Неизвѣстная особа — Анна Петровна Бунина, авторъ нѣско кихъ дидактическихъ и лирическихъ стихотвореній, близкая знаком Дмитріева.

CLXXXII (*стр. 238*). «Новости Литературы» журналъ, выходиво въ Москвѣ съ 1802 г. по 1805 г.

CLXXXIII (*стр. 239*). Вѣстникомъ отъ корелъ здѣсь названъ «Вѣ никъ Европы» Каченовскаго, потому что въ этомъ журналѣ помѣщал очень мало извѣстій о Западной Европѣ. «Просвѣщенья Сватъ» — ж налъ гр. Хвостова «Другъ Просвѣщенія». — «Корифей, дорожникъ Парнасъ» — «Корифей или ключъ литературы» журналъ, издаваем Галенковскимъ.

CLXXXIV (*стр. 239*). Гр. Д. И. Хвостовъ, П. И. Голенищевъ-Ку зовъ и гр. Григ. Серг. Салтыковъ, плохіе писатели того времени, из вали въ 1804—1806 г. журналъ «Другъ Просвѣщенія», въ которомъ печатали свои произведенія.

CLXXXV (*стр. 239*). Въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія» (1805 ноябрь) была напечатана безъ подписи басня гр. Хвостова «Госп и ткачи». Въ нижеслѣдующемъ заключеніи этой басни:

Такъ разсуждаетъ вѣкъ піита-самохвалъ.
Коль вылощитъ стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянецъ былъ бы въ нихъ, лишь были бъ гладки,
А тамъ, хотя идей и чувства нѣтъ,
Кричитъ: «вотъ élégance—и я поэтъ!» —

Дмитріевъ усмотрѣлъ намекъ на себя и отвѣтилъ своей эпиграм

CLXXXVII и **CLXXXVIII** (*стр. 240*). Эти пьесы написаны по пов рецензіи Каченовскаго на 3-ю часть сочиненій Дмитріева, вышедш въ 1805 г. (О рецензіи см. «Взглядъ на мою жизнь» ч. I, прим.) автора).

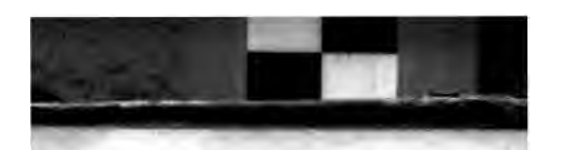
CLXXXIX (*стр. 240*). «Цирцея», кантата Ж. Б. Руссо, была пе ведена Державинымъ и Востоковымъ. По объясненію Лонгинова, од изъ этихъ переводовъ, вѣроятно, приписывался какой-нибудь дамѣ, и вызвало эту эпиграмму Дмитріева (Русск. Арх. 1867 г.).

CXCII и **CC** (*стр. 241, 247*). Эпиграммы написаны на гр. Хвостова

CXCVI (*стр. 246*). Княгиня Нат. Ив. Куракина, урожд. Голови супруга кн. А. Б. Куракина, была извѣстна прекраснымъ голосом музыкальными способностями.

CCV (*стр. 251*). Шимановская, извѣстная въ то время піанис Страницы ея альбома были украшены автографами почти всѣхъ изв нѣйшихъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

[redacted]

И. И. Дмитріевъ.

[redacted]

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

Редакція и примѣчанія

А. А. Флоридова.

Томъ II.

ПРОЗА.—ПИСЬМА.

ЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ",

ЗА

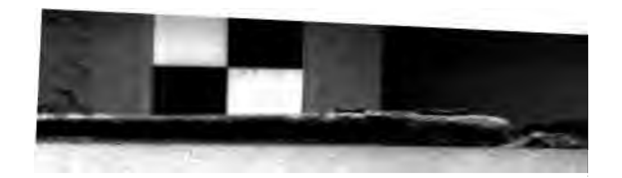
СЕНТЯБРЬ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

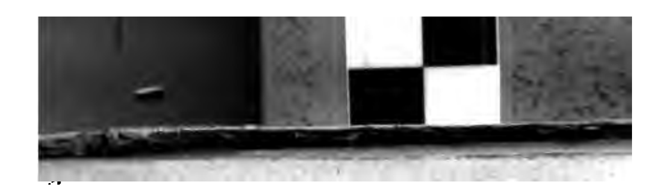
Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 сентября 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова, Большая Итал., № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

II

Письма.

ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Склонясь къ закату дней, живемъ воспоминаньемъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Слишкомъ шестидесяти лѣтъ, я рѣшился описать нѣкоторыя событія, имѣвшія, болѣе или менѣе, вліяніе на мою нравственность, на самое положеніе мое въ обществѣ.

Можетъ быть, со временемъ записки мои будутъ извѣстны; можетъ быть, нѣкоторые изъ читателей моихъ обвинятъ меня въ томъ, что я, скудный въ дѣлахъ и мысляхъ, по самолюбію моему мечталъ равняться съ значительными людьми и, подобно имъ, продлить о себѣ память. Предупреждаю ихъ, что совсѣмъ другія причины управляли перомъ моимъ: я и въ молодыхъ лѣтахъ не бывалъ слишкомъ разсѣянъ. Вмѣсто вседневныхъ посѣщеній театровъ, баловъ и многолюдныхъ собраній, любилъ болѣе прогулки пѣшкомъ и безъ товарища по загороднымъ полямъ, по городскимъ улицамъ, на площадяхъ, гдѣ толпится народъ; любилъ вездѣ быть свободнымъ невидимкою или сидѣть за книгою, иногда же проводить время къ кругу двухъ-трехъ пріятелей по мыслямъ и по сердцу.

Теперь уже и по самой необходимости сталъ еще болѣе домосѣдомъ: ноги отказываются служить мнѣ; глаза мои тоже; старыя связи перевелись; новыя заводить трудно и не прочно. Пришлось искать занятія въ самомъ себѣ и доживать воспоминаніемъ.

И такъ, приступая къ моимъ запискамъ, я хочу раздѣлить ихъ на три части: въ первой брошу взглядъ на мое дѣтство и воспитаніе; сказавъ нѣсколько словъ объ моемъ юношествѣ, пройду лучшую часть авторской моей жизни; упомяну объ литераторахъ и поэтахъ, отличившихся въ то время на поприщѣ нашей словесности. Исполню долгъ, пріятнѣйшій для благороднаго сердца, посвятивъ нѣсколько строкъ и воспоминанію о тѣхъ, которые любили только меня со всѣми моими недостатками и поучительнымъ примѣромъ нравственной жизни своей были мои благотворители. Во второй и третьей опишу достопамятные для меня случаи въ продолженіи гражданскаго моего служенія.

Москва. 1823 г. Іюля 20 дня.

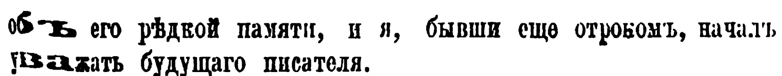

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отчизна моя симбирская губернія. Я родился въ 1760 году, сентября десятаго дня, въ родовомъ нашемъ помѣстьѣ, селѣ Богородскомъ, въ двадцати пяти верстахъ отъ окружнаго города Сызрана. На восьмомъ году возраста, отвезенъ былъ родительницею моей [1]) въ губернскій городъ Казань къ отцу ея, отставному полковнику, Аѳанасью Алексѣевичу Бекетову и отданъ въ тотъ же пансіонъ, въ которомъ уже съ годъ находился старшій братъ мой, Александръ [2]), обучаться французскому языку, ариѳметикѣ и рисованію.

Въ слѣдующемъ году скончалась моя бабка, которой мать была природная шведка. Дѣдъ мой рѣшился нѣсколько мѣсяцевъ прожить въ Симбирскѣ, бывшемъ тогда еще провинціальнымъ городомъ казанской губерніи, чтобы въ горести своей имѣть отраду быть вмѣстѣ съ моею матерью и однимъ изъ сыновей своихъ. Уговорили и учителя нашего перевести свой пансіонъ туда же; но его существованіе тамъ продолжалось не далѣе 1772 года. Учитель мой г. Манжень, французскій мѣщанинъ, засталъ въ Симбирскѣ другой пансіонъ, заведенный Лорансенемъ, бывшимъ французскимъ офицеромъ. Между обоими началось соперничество; ученики переходили отъ одного къ другому. Кроткій Манжень, уставъ бороться съ совмѣстникомъ, исполненнымъ еще военнаго духа, закрылъ свой пансіонъ и съѣхалъ въ деревню къ богатому казанскому помѣщику Макарову обучать его сына, бывшаго впослѣдствіи игралищемъ фортуны и однимъ изъ остроумныхъ нашихъ писателей. Это Петръ Ивановичъ Макаровъ [3]). Прибавлю къ слову, что нѣкогда у того же Манженя обучался въ дѣтскихъ лѣтахъ и Михайло Никитичъ Муравьевъ [4]), когда отецъ его жилъ въ Казани. Учитель нашъ истощался предъ нами въ похвалахъ образцовому своему ученику, съ жаромъ разсказывалъ намъ о его добронравіи, прилежности къ ученію

объ его рѣдкой памяти, и я, бывши еще отрокомъ, началъ уважать будущаго писателя.

Около года пробылъ я безъ учителя. Потомъ отданъ былъ въ новый пансіонъ къ г. Кабриту, отставному нашей службы поручику, воспитаннику сухопутнаго кадетскаго корпуса. Впослѣдствіи онъ уже былъ правителемъ канцеляріи намѣстника Игельстрома [5]), и умеръ въ Москвѣ отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ этомъ пансіонѣ обучался я съ старшимъ братомъ языкамъ французскому и нѣмецкому, русскому правописанію и слогу, исторіи, географіи и математикѣ. Признаюсь, что я до того времени считался въ послѣднемъ классѣ самымъ тупымъ ученикомъ. Отъ прежняго учителя моего, гарнизоннаго сержанта Копцева, я только и слышалъ непостижимыя для меня слова: искомое, дѣлимое; видѣлъ только на аспидной доскѣ цифры и самъ ставилъ цифры же на-удачу, безъ всякаго соображенія; потомъ съ робостію представлялъ учителю мою доску; онъ осыпалъ меня бранью, стиралъ мои цифры, ставилъ свои, и я спѣшилъ тщательно списывать ихъ красными чернилами въ мою тетрадку. Такимъ образомъ оканчивался каждый урокъ мой въ математикѣ; но подъ руководствомъ Кабрита, я началъ понимать всю важность этой науки, и въ три мѣсяца успѣлъ въ ней болѣе, чѣмъ у прежняго учителя Копцева въ продолженіи года.

Кабритъ былъ очень милъ въ обращеніи съ нами: во время уроковъ часто давалъ намъ отдыхать, позволяя предлагать ему вопросы; всегда охотно отвѣчалъ на нихъ, и сообщалъ между тѣмъ какія либо полезныя свѣдѣнія; въ дѣтствѣ мы обыкновенно прельщаемся воинскимъ нарядомъ: онъ объяснялъ намъ обязанности чиновъ, разсказывалъ иногда военные анекдоты и знакомилъ насъ съ отличными того времени полководцами. Я любилъ и слушать его, и ему повиноваться. Никакой урокъ его не былъ мнѣ въ тягость. Особенно же я охотно занимался историческимъ и сочиненіемъ писемъ по его темамъ. Хотя и стыдно мнѣ было иногда слышать смѣхъ учителя и старшихъ учениковъ, когда я прочитывалъ вслухъ сочиненную мною нелѣпость, но мысль, что я учусь сочинять, и надежда научиться писать лучше, успокоивали оскорбленное мое самолюбіе.

1*

Ученье мое и здѣсь недолго продолжалось. — Дошли до отца [6]) моего слухи, что умный и добрый Кабритъ, которому тогда было 26 лѣтъ, платилъ дань слабостямъ своего возраста. Онъ испугался послѣдствія худыхъ примѣровъ и взялъ насъ изъ пансіона. Итакъ, на одиннадцатомъ году моей жизни прекратился рѣшительно курсъ моего ученія, когда я во французскомъ языкѣ не дошелъ еще до синтаксиса, а въ нѣмецкомъ остановился на глаголахъ.

По выходѣ изъ пансіона, я проживалъ при отцѣ моемъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ деревнѣ, во ста верстахъ отъ Симбирска и пользовался свободою гораздо меньше, чѣмъ въ пансіонѣ. Отецъ мой заставлялъ меня съ братомъ, подъ строгимъ своимъ надзоромъ, повторять старые наши уроки. Часто самъ прослушивалъ насъ въ грамматикѣ французской и нѣмецкой; заставлялъ выучивать наизусть школьные (Colloquia scholastica) и домашніе разговоры, изданные на трехъ языкахъ еще въ царствованіе императрицы Анны или переводить изъ стариннаго же „Собранія писемъ“ Вуатюра, Костара и Бальзака (да не встревожатся этимъ словомъ нынѣшніе добровольные наши судьи въ журналахъ!), отысканныхъ имъ также въ своей библіотекѣ. Такой ходъ ученія наводилъ на меня грусть и отвращеніе; тѣмъ болѣе, что я уже съ десяти лѣтъ набилъ голову мечтательными приключеніями. Въ бытность мою еще въ первомъ пансіонѣ я уже прочиталъ „Тысячу Одну Ночь“; „Шутливыя повѣсти“ Скаррона; „Похожденія Робинзона Круза“; „Жильблаза де Сантилана“; „Приключенія маркиза Г***“ (I). По этой книгѣ я получилъ первое понятіе о французской литературѣ: читая, помнится мнѣ, въ третьемъ томѣ, описаніе ученой вечеринки, на которую молодой маркизъ и наставникъ его приглашены были въ Мадридѣ, въ первый разъ я услышалъ имена Мольера, Буало, Лопецъ де Вега, Расина и Кальдерона, критическое объ нихъ сужденіе и захотѣлъ узнать и самыя ихъ сочиненія; этому же роману обязанъ я и тѣмъ, что началъ понимать и французскія книги. Дочитавъ четвертый томъ „Похожденій маркиза Г***“, узналъ я, что послѣднихъ двухъ томовъ еще нѣтъ въ переводѣ. Это навело на меня грусть; сколько разъ я вздыхалъ, что пришлось мнѣ оста-

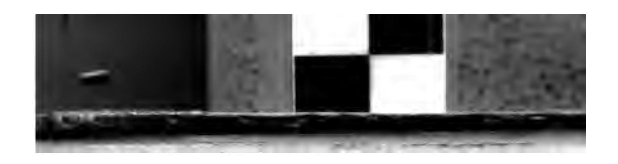
звѣстности объ участи моихъ героевъ. „Не отчая-
тъ мнѣ однажды г. Руцкой, всегдашній нашъ гость,
вшаго московскаго легіона, стоявшаго тогда въ
,я пороюсь въ моихъ французскихъ книгахъ, не
нихъ пятаго и шестаго тома“.—И что же? На
принесъ мнѣ ихъ въ подарокъ! Какъ я былъ
тъ день былъ для меня праздникомъ! Но радость
нутная: въ первый же вечеръ схватилъ я пятый
:алъ въ немъ первую страницу и понялъ только
эвъ, изрѣдка легкую фразу, и не могъ еще пони-
содержанія періода. Но чего не превозмогаютъ
и терпѣливость? Я положилъ, съ помощію Воя-
кона, непремѣнно прочитать отъ доски до доски
иступая къ исполненію, я день отъ дня сталъ
ю; при чтеніи шестаго тома уже я почти не имѣлъ
ксиконѣ. Наконецъ этотъ отважный подвигъ былъ
хою, съ которой началъ я читать французскія
е поневолѣ, а по охотѣ, и впослѣдствіи уже
ить Лафонтена.
эмановъ не имѣло вреднаго вліянія на мою нрав-
мѣю даже сказать, что они были для меня анти-
зу всего низкаго и порочнаго. „Похожденія Клеве-
иключенія маркиза Г***“ возвышали душу мою.
нялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ

, ѣхавъ изъ деревни въ Симбирскъ, я сидѣлъ
ъ моимъ братомъ; онъ молчалъ, и я тоже, оки-
тѣмъ глазами съ обѣихъ сторонъ поля, дубравы
ругъ пришло мнѣ на мысль, отчего я такъ
и ни о чемъ не разсуждаю? Помню изъ книгъ,
маркизъ дорогою разсуждалъ въ коляскѣ съ
вникомъ; баронъ Пельницъ съ своимъ сыномъ,
еоразо, или Уединенный Гишпанецъ, также съ
и: отчего же никакіе предметы, никакой слу-
ждаютъ во мнѣ размышленій? Конечно, оттого,
о они были умнѣе. При этомъ замѣчаніи мнѣ
).

Еще въ томъ же возрастѣ сталъ я знакомиться и съ русской поэзіей. Матушка любила стихотворенія А. П. Сумарокова. Живучи въ Петербургѣ, она лично знала его. Поэтъ былъ въ короткомъ знакомствѣ съ роднымъ братомъ ея, Никитою Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ [7]). Не считая трагедій „Гамлета", „Хорева", „Синава и Трувора" и „Аристоны", полученныхъ ею въ подарокъ отъ самаго автора, она знала наизусть многія изъ другихъ его стихотвореній. Мнѣ очень памятна минута, когда она въ деревнѣ пересказывала оду его, посвященную Петру Великому. Матушка сидѣла на канапе за ручною работою, а старшій братъ мой противъ ея на подножной скамеечкѣ, и держа на колѣняхъ листъ бумаги, онъ записывалъ карандашомъ стихъ за стихомъ; я же, стоя за нимъ, слушалъ съ большимъ вниманіемъ, хотя и не все понималъ — это было еще до вступленія нашего во второй пансіонъ, и тогда я едва ли не въ первый разъ услышалъ имена „Париса" и „Авроры", но помню, что при одномъ произношеніи словъ „златаго" вѣка„, утѣшенія", я находилъ въ этихъ стихахъ какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонію, и послѣ нѣсколько разъ упрашивалъ брата повторить ихъ, чтобы я могъ вытвердить ихъ наизусть. — Съ какимъ удовольствіемъ вспоминалъ я эти стихи и вмѣстѣ мое дѣтство, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, бывши унтеръ-офицеромъ въ петергофской командѣ увидѣлъ я въ первый разъ Монъ-Плезиръ и открытое море! Съ той минуты, пока находился въ Петергофѣ, почти всякое утро, я встрѣчалъ восходящее солнце у домика Петра Великаго. Опершись на балюстрадъ, или перилы, то глядѣлъ я на синее море, на едва видимый флотъ съ кронштадтской рейды, то оборачивался къ домику, осѣненному столѣтними липами и мысленно повторялъ, уже съ благоговѣйнымъ умиленіемъ не къ стихамъ, но къ виновнику вдохновенія:

Домикъ, что при самомъ морѣ,
Гдѣ Парисъ въ златой жилъ вѣкъ,
Собесѣдуя Аврорѣ,
Утѣшеніемъ нарекъ.

Столь же пріятно мнѣ вспоминать одинъ вечеръ Великой Субботы, проведенный отцомъ моимъ посреди нашего семейства за чтеніемъ. Это также происходило въ деревнѣ, у

одѣ моемъ изъ послѣдняго пансіона. Въ ожиданіи
і отецъ мой для прогнанія сна, вынесъ изъ каби-
браніе сочиненій Ломоносова, перваго московскаго из-
и началъ читать вслухъ извѣстныя строфы изъ Іова;
„Вечернее Размышленіе о Величествѣ Божіемъ", въ
ъ два стиха:

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна..

ли во мнѣ новое, глубокое впечатлѣніе. Чтеніе заклю-
ило „Одою на взятіе Хотина". Слушая первую строфу,
) перешелъ въ другой міръ: почти каждый стихъ воз-
ь во мнѣ необыкновенное вниманіе, хотя и неизвѣстно
) было, о какой говорится горѣ:

Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой;
Внимая нѣчто ключъ молчитъ и проч.

третій стихъ въ девятой строфѣ:

Мурза упалъ на долгу тѣнь,

ся мнѣ вѣрностью изображенія. Тогда пришло мнѣ
ть, какъ бывши еще ребенкомъ и гуляя съ мамкою
у, забавлялся видомъ долгой тѣни своей. Но послѣд-
ре стиха девятой строфы:

Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Омытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся...

) же послѣдніе два въ двѣнадцатой:

Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ...

ли меня священнымъ благоговѣніемъ. Я будто расторгъ
дѣтства, узналъ новыя чувства, новое наслажденіе и
лся славой поэта.

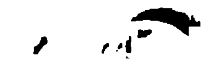
переѣздомъ отца моего изъ деревни въ Симбирскъ онъ
уже меньше досуга смотрѣть за нашимъ повтореніемъ
уроковъ, а я болѣе свободы читать все, что ни попа-
У отца моего въ гостиной всегда лежали на одномъ
іберныхъ столовъ перемѣнныя книги разныхъ годовъ
чнаго содержанія, начиная отъ „Велисаріа", соч. Мар-

монтеля (II) до указовъ Екатерины Второй и Петра
каго. Даже и Маргаритъ (поучительныя слова) Іоанна
тоуста, „Всемірная исторія“ Баронія и Острожская Библія
мнѣ извѣстны еще въ моемъ отрочествѣ, по крайней
по ихъ названіямъ. Мнѣ позволено было заглядывать въ
дую книгу и читать, сколько хочу.

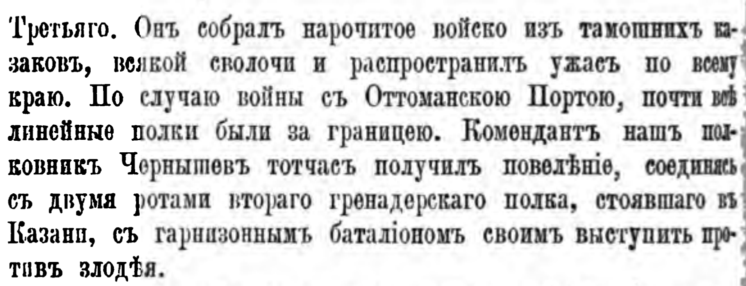
Послѣдніе два года моего отрочества протекли бол
городѣ. Я уже находилъ удовольствіе бывать чаще съ
родителями, особенно когда у насъ случались гости, и
шиваться въ ихъ разговоры. Съ гордостію могу сказать
я выросъ и состарѣлся подъ шумомъ отечественной с
Находясь въ Казани, еще семилѣтнимъ мальчикомъ, я
галъ на нашу Сарскую улицу, смотрѣть на проходящі
ряды плѣнныхъ польскихъ конфедератовъ. Уже тогда за
жены были мною имена Пулавскихъ, Потоцкихъ и проч
переселеніемъ нашимъ въ Симбирскъ началась война съ
манскою Портою. Отецъ мой, получая при газетахъ рел
всегда читывалъ ихъ вслухъ посреди семейства. Никог
забуду я того дня, когда слушали мы реляцію о сож
при Чесмѣ турецкаго флота. У отца моего отъ восторг
рерывался голосъ, а у меня навертывались на глазахъ с

Симбирскіе обыватели, сколько я могу судить по в
минаніямъ, наслаждались тогда совершенною независимостьк
дворянина до простолюдина, никто не несъ другой повинн
кромѣ поставки въ очередь свою бутошника, и, по време
военнаго постоя. Послѣдній мѣщанинъ или цѣховой имѣлъ
плодовитый при домѣ садикъ, на окнѣ въ бурачкѣ ро
бальзаминъ и ничего не платилъ за лоскутокъ земли,
ставшейся ему по куплѣ или отъ прадѣда. Заграничные т
были дешевы; напримѣръ, фунтъ американскаго кофія —
нынѣ тому повѣритъ?—продавался по сороку копѣекъ.
ходилъ за рубль; серебра было много, а объ лажѣ на зво
монету и ассигнаціи даже и понятія не имѣли. Первен
ющія особы въ городѣ были: комендантъ, начальникъ г
зоннаго баталіона и воевода, первоприсутствующій по
данскимъ дѣламъ. Дворянство знало и уважало ихъ по
личныхъ достоинствъ. Тогда еще не было въ провинція

ни клубовъ, которые нынѣ и въ губернскихъ горо-
чаютъ мужей съ женами, отцовъ съ ихъ семейст-
ца едва ли кто понималъ смыслъ слова: разсѣяніе,
ь часто употребляемаго. Каждый имѣлъ свои связи
гости, не изъ корыстныхъ видовъ, а по выбору
кимъ образомъ жилъ и отецъ мой.
ежедневное общество его состояло изъ трехъ корот-
гелей, умныхъ, образованныхъ и недавно покинув-
ицу. Между ломберомъ, любимою тогда игрою, и
ставалось еще довольно времени для разговоровъ.
такъ сказать, весь вниманіе. Всякій вечеръ полу-
я свѣдѣнія; слушивалъ о бывшемъ италіянскомъ
хателлія [9]) и Бельмонти [10]); о игранныхъ на немъ
къ и большихъ операхъ; о игрѣ Дмитревскаго и
ой [11]); часто вспоминаемы были анекдоты о сопер-
Гомоносова съ Сумароковымъ; о шуткахъ послѣд-
етъ Тредіаковскаго; судили объ ихъ талантахъ и
надеждою, которую подавалъ тогда молодой Д. И.
уже обратившій на себя вниманіе комедіей:
ъ“ и „Словомъ по случаю выздоровленія Наслѣд-
рины“. Иногда разговоръ нечувствительно принималъ
ый: сѣтовали объ участи Москвы, гдѣ свирѣпство-
ое повѣтріе; судили объ мѣрахъ, принимаемыхъ
ого свѣтлѣйшимъ княземъ Орловымъ или съ таин-
видомъ, въ полголоса, начинали говорить о поли-
происшествіяхъ 1762 года; отъ нихъ же восхо-
ней могущества принца Бирона, до превратности
ьможъ того времени, до поразительнаго видѣнія
ы Анны (III) и пр. и пр. Такимъ образомъ, еще
цатомъ году моей жизни, я набирался свѣдѣніями
не безполезными. Такимъ образомъ проходили наши
а, и ни отецъ мой, ни его собесѣдники не пред-
того, что они вскорѣ оставятъ мирныхъ своихъ
и вотъ по какимъ обстоятельствамъ.
ргской губерніи въ казацкомъ городкѣ Яикѣ, про-
потомъ Уральскомъ, появился донской казакъ, проз-
угачевъ, подъ *именемъ* бывшаго императора Петра

Третьяго. Онъ собралъ нарочитое войско изъ тамошнихъ казаковъ, всякой сволочи и распространилъ ужасъ по всему краю. По случаю войны съ Оттоманскою Портою, почти всѣ линейные полки были за границею. Комендантъ нашъ полковникъ Чернышевъ тотчасъ получилъ повелѣніе, соединясь съ двумя ротами втораго гренадерскаго полка, стоявшаго въ Казани, съ гарнизоннымъ баталіономъ своимъ выступить противъ злодѣя.

Симбирскъ еще не унывалъ, ожидая послѣдствія похода, но вскорѣ пораженъ былъ извѣстіемъ, что чрезъ худое распоряженіе коменданта весь баталіонъ и гренадерскія роты принуждены были сдаться мятежникамъ, а комендантъ, начальникъ гренадерскихъ ротъ маіоръ Ивановъ и всѣ офицеры были повѣшены. За этимъ вѣсть за вѣстью, одна другой ужаснѣе. Пугачевъ уже подходилъ къ Оренбургу; такъ называемыя крѣпостцы, огороженныя тыномъ, уступали многолюдству; коменданты и офицеры въ нихъ предавались мучительной казни. Та же участь постигла и всѣхъ дворянъ, попадавшихся въ руки бунтовщиковъ. Наконецъ самые крестьяне, обыкновенныя игралища хитраго обольщенія, откладывались отъ своихъ помѣщиковъ. Эта зараза коснулась пензенской провинціи и уже близка была къ симбирской. Вездѣ волненіе, грабежъ и кровопролитіе. Все наше дворянство изъ городовъ и помѣстьевъ помчалось искать себѣ спасенія: каждый скакалъ туда, гдѣ думалъ быть безопаснѣе. Такъ и отецъ мой со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Москву. Собравшись наскоро, онъ только что могъ доѣхать до мѣста съ тѣми деньгами, которыя на тотъ разъ въ наличности у него были. Съ первыхъ дней пріѣзда уже онъ началъ хлопотать о займѣ, не имѣя въ столицѣ почти никого знакомыхъ, кромѣ земляковъ, такихъ же изгнанниковъ, кои сами нуждались.

Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ отцу моему, конечно, было не до того, чтобъ думать о продолженіи нашего ученія. По крайней мѣрѣ, я и братъ мой еще болѣе пристали к чтенію русскихъ книгъ всякаго рода. Въ выборѣ ихъ руководствовалъ насъ крѣпостной служитель богатаго заводчика *Ивана* Борисовича Твердышева [12]) Дорофей Серебряковъ, об

чавшійся на иждивеніи господина своего, въ Славено-Греко Латинской Академіи при Заиконоспасскомъ монастырѣ, латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Извѣстный лирикъ Василій Петровичъ Петровъ былъ учителемъ его въ краснорѣчіи и поэзіи. Дорофей часто приношивалъ намъ въ листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего учителя и досадывалъ на меня, что я находилъ языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. Мнѣ казались даже смѣшными риѳмы его: многоочита, сердоболита, хребтощетинный, рамы, пламы и тому подобныя. Тогда я не имѣлъ истиннаго понятія у сущности поэзіи и заключалъ ее въ одной только чистотѣ слога и гармоніи. Помню, что Дорофей однажды разсказывалъ намъ, какъ онъ въ лѣтніе вечера хаживалъ за поэтомъ по Кремлю съ карандашемъ въ рукахъ и свернутымъ листомъ бумаги. Тамъ переводчикъ Виргилія, окруженный величавыми памятниками и живописными видами отдаленнаго Замоскворѣчья, расхаживалъ взадъ и впередъ, надумывался и сочинялъ оду а карусель. Это стихотвореніе сдѣлало его извѣстнымъ Екатеринѣ и пріобрѣло ему пріязнь Г. А. Потемкина и покровительство графа Г. Г. Орлова, бывшихъ потомъ свѣтлѣйшими князьями. Дорофей читывалъ намъ его посланія къ первому, когда онъ еще былъ камеръ-юнкеромъ и послѣ генералъ-маіоромъ. Поэтъ называлъ его своимъ другомъ. Тотъ же тонъ сохранилъ онъ и въ позднѣйшихъ стихахъ, когда воспѣваемый имъ былъ уже на высокой степени могущества славы.

Въ то же время познакомился я съ сочиненіями и другихъ нашихъ писателей: Хераскова, Майкова, Муравьева, бывшаго тогда еще гвардіи измайловскаго полка каптенармусомъ, но уже выдавшаго „Собраніе басенъ“, „Похвальное слово Ломоносову“ и стихотворный переводъ съ оригинала Петроніевой поэмы „Гражданская брань“. Между тѣмъ слушалъ я иногда привозимые къ отцу моему стихи Сумарокова. Это уже были послѣднія искры угасающаго таланта, но тѣмъ съ бо̀льшимъ участіемъ передавали ихъ изъ рукъ въ руки. Посѣщеніе книжныхъ лавокъ было любимою моей прогулкою:

большая часть ихъ закрывала собою отъ Воскресенскихъ воротъ древнюю церковь Василія Блаженнаго.

Родители мои хотѣли, чтобы я и братъ мой получили понятіе и объ театрѣ бывшемъ тогда еще вольнымъ. Знакомство мое съ нимъ началось италіянскою оперою-буфъ; потомъ, въ первый разъ отъ роду, я увидѣлъ и народную комедію „Такъ и должно". Сочинитель ея, Михайло Ивановичъ Верevкинъ, бывшій нѣкогда директоромъ гимназіи, когда обучался въ ней Державинъ. Онъ соревновалъ Д. И. Фонвизину. Комедія его была играна нѣсколько разъ сряду, и всегда къ удовольствію зрителей.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія нашего въ Москвѣ прошли слухи, что губернія наша уже внѣ опасности; что мятежники отбиты отъ Оренбурга и взяли направленіе къ Дону. Мать моя съ меньшими дѣтьми отправилась въ отчизну, а отецъ нашъ съ старшимъ братомъ моимъ и со мною остался весновать, чтобы съ первымъ путемъ отпустить насъ при себѣ въ Петербургъ для явки въ дѣйствительную службу. Теперь къ слову пришлось сказать, что мы, по тогдашнему обыкновенію, еще въ малолѣтствѣ, въ 1772 году, записаны были гвардіи въ семеновскій полкъ солдатами и уволены въ отпускъ до совершеннаго возраста.

И такъ въ первыхъ дняхъ мая 1774 года мы уже находились посреди прекраснаго Петербурга, но гдѣ не было ни одного намъ роднаго дома. Изъ порядочнаго московскаго дома переселились въ низменный солдатскій домикъ съ платежемъ по рублю пятидесяти копѣекъ за мѣсяцъ. На другой день нашего новоселья явились мы съ нашими паспортами къ полковому маіору Евгенію Петровичу Кашкину [13]) и по приказу его помѣщены были въ полковую школу. Въ ней обучали только математикѣ, рисованью и на русскомъ языкѣ священной исторіи и всеобщей географіи. Мы съ первыхъ недѣль уже заслужили отъ рисовальнаго учителя одобреніе къ переводу во второй классъ, но надобно было купить для употребленія нашего кисти: учитель самъ не удосуживался, намъ не довѣрялъ, и мы продолжали рисовать только глаза *и уши*. Доказательство, въ какомъ состояніи была школа!

Но я недолго и въ ней пробылъ. Самозванецъ Пугачевъ опять усилился. Онъ уже истребилъ многія дворянскія семейства въ пензенской провинціи; вступилъ въ Казань, разорилъ ее и всю выжегъ. Многіе изъ обывателей преданы были смерти, въ томъ числѣ и слѣпой, столѣтній старецъ, отставной генералъ-маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ [14]). Злодѣи ворвались въ монастырь, нашли его сидящимъ подлѣ раки съ мощами святаго угодника. Одна только крѣпость, хотя и безъ правильныхъ укрѣпленій, спасла губернатора фонъ-Брандта и нѣсколько дворянскихъ семействъ. Пугачевъ не имѣлъ времени овладѣть ею. Онъ спѣшилъ оставить дымящійся городъ, узнавъ о приближеніи кавалерійскаго полковника Михельсона (IV). Этотъ проворный и неустрашимый воинъ вездѣ преслѣдовалъ его съ передовымъ коннымъ отрядомъ и наносилъ ему болѣе всѣхъ вреда и страха.

Мы поражены были этимъ извѣстіемъ: полагали, что и Симбирскъ, отстоящій только во сто семидесяти верстахъ отъ Казани, не миновалъ равнаго жребія; къ счастію нашему вскорѣ потомъ порадованы были письмомъ отъ родителей. Видя близкую опасность, они вторично разстались въ своею отчизною и прибыли въ Москву. Но счастливый Симбирскъ увидѣлъ Пугачева уже не съ грознымъ мечемъ, но въ позорныхъ оковахъ. Войска наши, подъ распоряженіемъ Суворова, бывшаго тогда еще генералъ-маіоромъ, разбили его подъ Чернымъ-Яромъ, остатки толпищъ загнали въ степь и при урочищѣ Узени заградили ему путь къ полученію съѣстныхъ припасовъ. Мятежники, устрашась изнуренія голодомъ, начали разбѣгаться. Девятеро изъ урядниковъ самозванца сковали ему руки и ноги и представили его коменданту Яицкой крѣпости. Суворовъ переслалъ его въ Симбирскъ, откуда начальникъ арміи, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (V) отправилъ его въ Москву, подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда. Поэтъ Сумароковъ воспѣлъ достопамятную судьбу Симбирскаго въ стихахъ, вѣроятно, нынѣ извѣстныхъ однимъ моимъ ровесникамъ:

«Прогналъ ты Разина стоявшимъ войскомъ твердо,
Симбирскъ! и удалилъ ты гордаго врага» и пр.

Къ этой радости нашей присоединилась другая: свиданіе съ отцомъ и матерью. Въ концѣ года послѣдовалъ миръ съ Турками. Императрица вознамѣрилась торжествовать его въ древней столицѣ. Гвардія получила повелѣніе готовиться къ походу; назначено было съ каждаго полка по одному баталіону. Многіе малолѣтки изъ нашей школы, въ числѣ коихъ и я съ братомъ, стали просить о причисленіи къ походному баталіону. Снисходительный начальникъ, желая доставить радость отцамъ и матерямъ, уволилъ всѣхъ насъ въ мѣсячный отпускъ съ тѣмъ, чтобы мы по приходѣ баталіона въ Москву явились къ адъютанту для дальнѣйшаго объ насъ распоряженія.

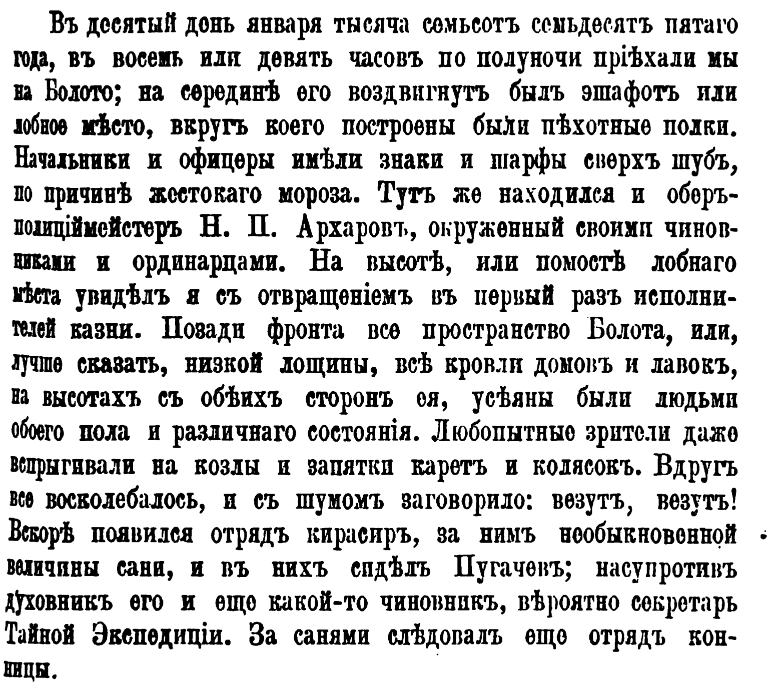
И такъ мы опять въ Москвѣ и посреди родимаго семейства. Но свиданіе мое съ отцомъ было на короткое время: онъ отправился въ Симбирскъ, а семейство еще осталось. Вторичный пріѣздъ нашъ въ Москву былъ для насъ какъ будто переходомъ изъ отроческаго возраста въ юношескій. Здѣсь я въ первый разъ началъ знакомиться съ обязанностями воинской службы. Всѣ молодые охотники изъ полковой школы стали поочередно ходить на вѣсти къ адъютанту. Явиться къ нему въ семь часовъ утра, выстоять около часа противъ его уборнаго столика, выпить у начальника чашку чая и возвратиться домой; въ случаѣ же пожара, когда бы то ни было, узнать, гдѣ горитъ, и немедленно о томъ донести,—вотъ и все, въ чемъ состояла первоначальная моя служба.

Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ Болотѣ.

Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. По убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобы мы ни на шагъ отъ него не отходили.

Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

Въ десятый день января тысяча семьсотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и оберъ-полиціймейстеръ Н. П. Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ, или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: везутъ, везутъ! Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной величины сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно секретарь Тайной Экспедиціи. За санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ лицѣ его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицемъ смуглъ и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клиномъ.

Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово „на караулъ“, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полиціймейстеръ спрашивалъ его громко: „ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ отвѣтствовалъ столь же громко: „Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы,

Емелька Пугачевъ“. Потомъ во все продоженіе чтенія ма
феста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился; между тѣ
сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, ряб
и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ земл
По прочтеніи манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣскол
словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота; читавп
манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣла
съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, об
тясь къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ ста
прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, гово
прерывающимися голосомъ: „Прости, народъ православный;
пусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости
родъ православный!„ — При семъ словѣ экзекуторъ да
знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бара
тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго по
кафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзни
и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: пала
взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то

Не утаю, что я при этомъ случаѣ замѣтилъ въ с
что-то похожее на притворство и самъ осуждалъ себя; какъ ск
Пугачевъ готовъ былъ повалиться на плаху, братъ мой от
ротился, чтобы не видѣть взмаха топора: чувствительное сер
его не могло выносить такого позорища. Я притворно по
зывалъ то же расположеніе; но между тѣмъ, украдкою, лови
каждое движеніе преступника. Чтожъ этому было причин
Конечно не жестокость моя, но единственно желаніе видѣ
каковымъ бываетъ человѣкъ въ толь рѣшительную, ужас
минуту?

Вскорѣ послѣ этого происшествія послѣдовало торже
венное вшествіе въ Москву побѣдительницы внѣшнихъ и в
треннихъ враговъ своихъ. Съ прибытіемъ двора, день
дня, болѣе стало прибывать иногороднаго дворянства; роско
удвоилась, промышленность усилила свою дѣятельность;
обществѣ начались непрерывные праздники, а при дво
приготовленія къ великолѣпному торжествованію славнаго ми
съ Оттоманскою Портою; но я не имѣлъ удовольствія бы
зрителемъ народнаго пира на Ходынкѣ, ни входа побѣдит

і миротворца графа Румянцова-Задунайскаго въ тріумфальныя орота, нарочно для него устроенныя. По крайней мѣрѣ не тыжусь и теперь съ поэтическимъ участіемъ повторить послѣднее двоестишіе изъ посланія, поднесеннаго на этотъ случай знаменитому полководцу, столь несправедливо забытымъ нынѣ, Петровымъ. Вотъ какъ сильно и кратко изобразилъ поэтъ могущество Екатерины:

«Речетъ: да гибнетъ врагъ—и сходитъ быстро месть!
Да грянетъ громъ—гремитъ! да будетъ миръ—и есть».

Мать моя со всѣмъ семействомъ отправилась въ отчизну, оставя меня съ братомъ у родного нашего дяди Петра Аѳанасьевича Бекетова, въ надеждѣ перемѣны нашего звапія. Ожиданіе наше было недолговременно: чрезъ ходатайство другаго нашего дяди, сенатора Никиты Аѳанасьевича Бекетова, подполковникъ нашъ графъ Брюсъ произвелъ насъ чрезъ чинъ прямо въ фурьеры. Потомъ мы получили годовой отпускъ і отправились въ деревню къ нашимъ родителямъ.

Заключаю тѣмъ первую книгу. Знаю, что она не удовлеворить любопытству тѣхъ важныхъ особъ, которыя время ервой молодости считаютъ не иначе, какъ давнимъ сновидѣніемъ и стыдились бы сознаться, что объ немъ помнятъ; о я, касаясь первыхъ двухъ возрастовъ моей жизни, имѣлъ олько въ виду товарищей моихъ на поприщѣ словесности. Можетъ быть, для нихъ любопытно будетъ узнать, съ какимъ запасомъ вышелъ я на одну съ ними дорогу.

КНИГА ВТОРАЯ.

Можно бы пропустить нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ скучной унтеръ-офицерской службѣ, между строевъ и карауловъ; но я уже предварилъ, что буду въ запискахъ моихъ говорить и объ авторской моей жизни; почему и придется иногда останавливаться на мелочахъ, пока буду описывать то время, когда я бродилъ еще ощупью, какъ слѣпецъ, по стезѣ, ведущей къ познанію словесности и вкуса.

Съ семьсотъ семьдесятъ седьмаго года начались перв мои опыты въ риѳмованіи, мнѣ совѣстно сказать, въ поэзі Не видавъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложені не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмам это были стихи мои. Первоначальные были большею част сатирическіе. Всѣ они брошены въ огонь, коль скоро я узнал о ихъ неправильности. Одна только надпись, хотя и погр бена во мракѣ неизвѣстности, но, къ стыду моему, еще сущ ствуетъ. Вотъ ея исторія.

Николай Ивановичъ Новиковъ издавалъ въ Петербург еженедѣльникъ подъ названіемъ „Ученыя Вѣдомости". В одномъ номерѣ этихъ Вѣдомостей предлагаемо было наши поэтамъ сочинить надписи къ портретамъ нѣкоторыхъ из отличныхъ нашихъ соотечественниковъ; на первый же случа къ изображенію духовнаго оратора Ѳеофана Прокопович остроумнаго поэта князя Антіоха Кантемира; живописца Л сенкова; портретнаго гравера Чемезова. Едва я прочитал этотъ вызовъ, какъ вспыхнуло во мнѣ дерзкое желаніе был въ числѣ сподвижниковъ. Журнальный листокъ принесенъ был ко мнѣ въ ту минуту, когда я отправлялся въ трехдневны полковой караулъ. И такъ, положа листокъ въ грудной ка манъ, пошолъ я съ ружьемъ въ рукѣ на полковой дворъ привелъ оттуда мою команду на такъ называемый Средні пикетъ, поставленный позади полка въ полѣ, гдѣ по лѣтам бывало ученье ротное и баталіонное. Тамъ, въ низкой тѣсной хижинѣ, называвшейся караульною, окруженной су гробами снѣга, въ кучѣ солдатъ, я надумывался, какъ б мнѣ выхвалить Кантемира. Стихотворенія его мнѣ уже был извѣстны; служба его также изъ „Опыта историческаго сло варя о русскихъ писателяхъ" того же Новикова. Думалъ думалъ, и на-силу докончилъ мою надпись. Настала друга забота: чтобы не забыть ее до смѣны, ибо со мною не был ни карандаша, ни бумаги. Цѣлый день я твердилъ ее; да всю ночь терпѣлъ безсонницу. Наконецъ пришла смѣна; бѣгу домой; тотчасъ пишу стихи мои четкимъ почеркомъ н хорошей бумагѣ и отправляю ихъ при письмѣ къ издате

, Вѣдомостей". Чрезъ недѣлю я вижу надпись мою ечати! Пріятель и сослуживецъ мой Н***, жившій поздравляетъ меня съ успѣхомъ; такъ онъ заклю- отзыва издателя, состоявшаго только въ томъ, что етъ хорошихъ успѣховъ неизвѣстному сочинителю Самолюбіе мое не помѣшало мнѣ понять всю силу таго слова; однако я остерегся выводить пріятеля заблужденія.

родолженіи времени одинъ изъ моихъ сослуживцевъ мнѣ слегка правила поэзіи и я по совѣту его еторику Ломоносова. Чрезъ два года послѣ того , піитику Андрея Байбакова, бывшаго потомъ епи- подъ именемъ Апполоса. Образцами моими были ъ и Херасковъ. Первый мнѣ нравился болѣе своею и разнообразіемъ; но впослѣдствіи я уже пред- ему Хераскова, находя въ стихахъ его болѣе мыслей орныхъ украшеній. Но тѣмъ не менѣе Сумароковъ въ глазахъ моихъ поэтъ необыкновенный, и какъ ему въ этомъ титлѣ? Въ то время, когда только і были жалкіе стихи Тредьяковскаго и Кирьяка вича, писанные силлабическимъ размѣромъ, чуждые остроумія, несносные для слуха, безъ малѣйшаго то время, когда и въ самой Франціи еще не было , Клемановъ, Мармонтелей и Лагарповъ; когда еще оцѣнивалъ изящности въ стихахъ Расина и Лафон- ругъ, изъ среды юношей кадетскаго корпуса, выхо- поприще Сумароковъ, и вскорѣ мы услышали новое е въ родномъ языкѣ, обрадовались игрѣ остроумія; ы, элегіи, эпиграммы, комедіи, трагедіи и, не смотря яку къ старинѣ, на новость въ формахъ, словахъ къ, тотчасъ почувствовали превосходство молодаго ка надъ придворнымъ піитомъ Тредьяковскимъ, и стились его поэзіей. Это истинно шагъ исполинскій! ι одного генія!

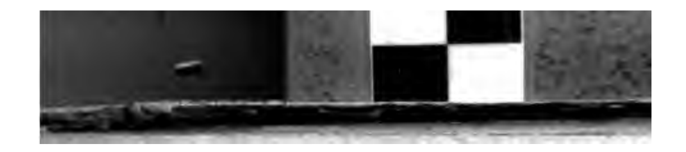
ъ болѣе справедливы и къ Хераскову. Молодые есники судятъ о его талантѣ по настоящему ходу ературы, забывая, что онъ писалъ за пятьдесятъ

лѣтъ до нихъ и образовалъ себя не въ общенародныхъ у
лищахъ, а самоучкою; что тогдашніе наши поэты ску
были въ образцахъ для подражанія; менѣе знакомы съ и
странною словесностію и не имѣли счастія пользоваться т
выгодами и наградами, какими поощряются нынѣ автор
таланты. Херасковъ, писавшій „Россіяду“ девять лѣтъ, нагр
денъ былъ за трудъ свой отъ Императрицы Екатерины
пятью тысячами рублей ходячею монетою, а молодой П
кинъ за одну главу еще недоконченной стихотворной повѣ
„Онѣгинъ“, получилъ отъ русскаго книгопродавца пять тыс
ассигнаціями по тогдашнему курсу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, Х
раскова читали только просвѣщеннѣйшіе изъ нашего двор
ства, а нынѣ всѣхъ состояній: купцы, солдаты, холопы
даже торгующіе пряниками и калачами. Нынѣ авторъ може
во всю жизнь свою, не обязываться никакою черствою служ
или и совсѣмъ не служить, всегда имѣть досугъ занимат
мечтами воображенія, и между тѣмъ получать чины и зн
отличія; но сколько еще и другихъ, благороднѣйшихъ
бужденій? Онъ читаетъ произведенія свои въ ученыхъ об
ствахъ при многочисленномъ стеченіи слушателей обоего по
вызывается на сцену и встрѣчается общимъ рукоплесканіе

Между тѣмъ, слѣдуя доброму примѣру моего брата,
ознакомливался день отъ дня болѣе и съ французскимъ я
комъ, уже сталъ понимать и французскихъ поэтовъ; но
сожалѣнію моему прилѣпился къ вѣтренному Дорату и
товарищамъ. Братъ мой всегда укорялъ меня имъ и жур
за то, что я не прилежу къ исторіи, особенно же къ древн
Въ случаѣ нашихъ размолвокъ, нерѣдко называлъ меня
вѣждою или жалкимъ риѳмокропателемъ. Это прозвище б
для меня столь оскорбительно, что я пересталъ показыв
ему стихи мои. Нѣсколько лѣтъ писалъ ихъ, бывъ раздѣл
съ нимъ одною только перегородкою; разсылалъ въ раз
журналы, и братъ мой не зналъ ихъ автора. Не бол
знали о томъ и короткіе мои знакомцы, ибо я послѣ неудач
моей надписи уже нигдѣ не ставилъ моего имени.

Такимъ образомъ я стихотворствовалъ долгое время,
знавъ, что говорятъ, по крайней мѣрѣ, словесники о стиха

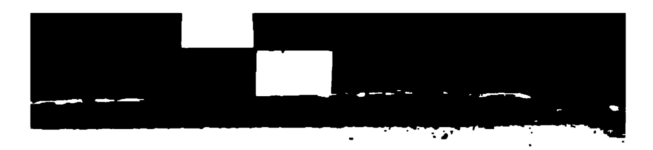

моихъ. Писать и видѣть ихъ въ печати, было для меня единственнымъ возмездіемъ; и я былъ тѣмъ доволенъ, даже и счастливъ!

Но есть ли въ мірѣ постоянное счастіе? Бывъ уже сержантомъ, я пристрастился къ театру. Тогда въ Петербургѣ еще не было вольнаго театра, а былъ только придворный, въ самомъ дворцѣ. Императрица Екатерина хотѣла по два раза въ недѣлю доставлять подданнымъ своимъ счастіе видѣть ее и наслаждаться плодами ума, талантовъ, изящнаго вкуса. Мѣста въ ложахъ и партерѣ назначены были по чинамъ до офицерскаго чина. Въ райкѣ же дозволялось быть зрителямъ всякаго состоянія, исключая носящихъ ливрею. Но приставленные къ дверямъ придворные служители не возбраняли входа и гвардейскимъ унтеръ-офицерамъ, лишь только бъ они были въ французскихъ кафтанахъ, въ кошелькѣ и при шпагѣ. Зрители за мѣста ничего не платили. На такихъ условіяхъ я не пропускалъ ни одного представленія—ни русскаго, ни французскаго, ни италіянскаго, когда только свободенъ былъ отъ службы. Въ это время талантъ Дмитревскаго былъ еще во всей своей силѣ; онъ еще напоминалъ намъ славу Сумарокова въ его „Семирѣ“; но Княжнинъ, зять Сумарокова, подалъ ему случай еще болѣе блистать своимъ даромъ въ роли Енея и Рослава.

Любимое мое мѣсто было съ лѣвой стороны у самаго оркестра, гдѣ собирались обыкновенно любители словесности. Тутъ произносимы были строгіе приговоры актерамъ и драматическимъ авторамъ; тутъ я познакомился съ Михайломъ Никитичемъ Муравьевымъ и Ѳедоромъ Ильичемъ Козлятевымъ, котораго я не однажды вспомню въ моихъ запискахъ. Тогда оба они были гвардіи подпоручиками: одинъ въ измайловскомъ, другой въ семеновскомъ полку.

Между порицателями вкуса и строгими судьями замѣтилъ я однажды незнакомаго мнѣ, малорослаго человѣка, повидимому довольно бойкаго. Онъ критиковалъ нещадно игру актера Плавильщикова. Я принялъ смѣлость напомнить ему его молодость, еще малую опытность. „По крайней мѣрѣ“; говорилъ я,—„онъ и теперь уже лучше всѣхъ своихъ сверстни-

ковъ. Соглашусь съ вами, что иногда онъ слишкомъ кричитъ, горячится, невпопадъ произноситъ слово или размахиваетъ руками; но у него звонкій голосъ, выразительное, пригожее лицо, свободная и благородная поступь. Притомъ же видишь, что онъ не хочетъ обезьянить Дмитревскаго, но самъ силится обдумывать игру свою, а это вѣрный признакъ природнаго таланта“.—Малорослый ни въ чемъ со мною не соглашался.— „Сверхъ того,“ продолжалъ я,—„онъ лучше многихъ своихъ товарищей понимаетъ автора драмы и красоты или недостатки сочиненія: онъ самъ былъ студентомъ и упражняется въ словесности“.—Прекрасный словесникъ! подхватилъ незнакомецъ, пишетъ площадныя комедійки и выдаетъ дрянной журналъ! Я ничего не читалъ глупѣе стиховъ, напечатанныхъ въ послѣднемъ его листочкѣ.—Тогда Плавильщиковъ издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ „Утро“ [15]). „Какія?“— спросилъ я.— Вялая „Идиллія“ и „Элегія на смерть какого-то доктора“. Это ужасъ!

И это были мои стихи! Признаюсь, что я былъ пораженъ его словами. Они непрестанно отзывались въ ушахъ моихъ и мѣшали мнѣ брать участіе въ игрѣ актеровъ. Едва я возвратился домой, какъ тотчасъ бросился читать критикованные стихи мои. Увы! Они уже и самому мнѣ нравились меньше. На другой день опять прочиталъ мои стихи и нашелъ ихъ еще худшими! Съ той минуты я вразумился, что еще рано мнѣ выдавать мои произведенія и положилъ хранить ихъ до времени подъ спудомъ.

Спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ того я нечаянно засталъ аристарха моего въ кабинетѣ Гаврилы Романовича Державина; съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ его выхода, чтобъ узнать объ его имени!—Это былъ Иванъ Ивановичъ Шильдъ, бывшій оберъ-секретаремъ въ сенатѣ.

Риѳмованіе мое не мѣшало мнѣ заниматься и переводами съ французскаго языка небольшихъ прозаическихъ сочиненій. Этотъ трудъ былъ для меня прибыленъ: я отдавалъ переводы мои книгопродавцамъ; они печатали ихъ своимъ иждивеніемъ, а мнѣ платили за нихъ по условію книгами. Такимъ образомъ я завелъ порядочную русскую библіотеку.

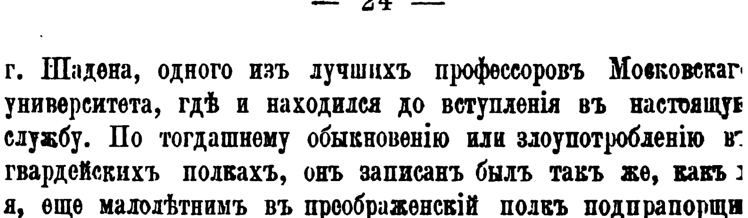

Чтобъ не наскучить дальнѣйшимъ описаніемъ мелочныхъ случаевъ, постараюсь скорѣе пробѣжать первую треть авторской моей жизни, или лучше сказать, одно къ ней приготовленіе. Между тѣмъ, повинуясь моому сердцу, не могу промолчать о двухъ моихъ знакомствахъ; они памятны мнѣ будутъ во всю жизнь мою. Но прежде, нежели начну говорить о первомъ, да позволено мнѣ будетъ отступить назадъ нѣсколькими годами.

Въ 1770 году въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру подъ руководствомъ нашего учителя г. Манженя. Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ пятилѣтняго мальчика въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ съ рукавами, котораго русская нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ея барынямъ. Это былъ будущій нашъ исторіографъ Карамзинъ. Отецъ его, симбирскій помѣщикъ, отставной капитанъ Михайла Егоровичъ, соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея спротству въ нашемъ семействѣ.

Съ того времени до зрѣлаго моего возраста я не имѣлъ случая видѣть его; зналъ только, что онъ въ отрочествѣ своемъ обучаемъ былъ нѣмецкому языку тамошнимъ пятидесятилѣтнимъ врачемъ, котораго прозвище я позабылъ, но очень помню, не потому, что онъ былъ съ горбомъ, но по его привлекательной физіономіи. Онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его обнаруживались кротость и человѣколюбіе. Я узналъ и полюбилъ его по случаю болѣзни младшаго брата моего, еще младенца, который отъ оспы нѣсколько дней не могъ раскрывать глазъ. Добрый старикъ думалъ утѣшить его, привозя къ нему разные дѣтскіе гостинцы; но эти вещи лишь болѣе раздражали больного, потому что онъ не могъ ихъ видѣть. Тогда онъ обратился къ другому средству: привезъ къ нему свой маленькій клавесинъ и въ каждое посѣщеніе игралъ на немъ разныя штучки, сидя подлѣ кровати младенца, желая тѣмъ сколько нибудь развлекать его и успокоивать.

Съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе

г. Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаг университета, гдѣ и находился до вступленія въ настоящу службу. По тогдашнему обыкновенію или злоупотребленію в гвардейскихъ полкахъ, онъ записанъ былъ такъ же, какъ я, еще малолѣтнимъ въ преображенскій полкъ подпрапорщи комъ. Съ того времени началось наше знакомство, и вот какимъ образомъ.

Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, возвращаюс съ прогулки, слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказы ваетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска Вхожу въ горницу и вижу румянаго, миловиднаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя. Стоило только услышать имя Карамзина, какъ онъ уже былъ въ моихъ объятіяхъ; стоило только сойтись два, три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами.

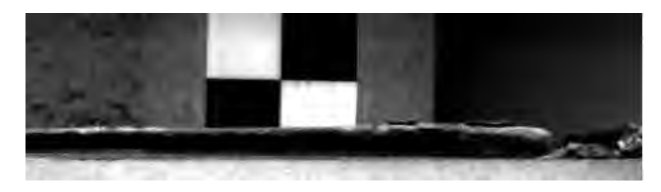
Едва ли не съ годъ мы были почти неразлучными; склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то сходно и въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли связь нашу дені отъ дня болѣе. Мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи (VI); между тѣмъ я показывалъ ему иногда и мелкі мои переводы, которые были печатаемы особо и въ тогдаш нихъ журналахъ. Слѣдуя моему примѣру, онъ и самъ при нялся за переводы. Первымъ опытомъ его былъ „Разговор Австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицею Елиса ветою въ Елисейскихъ поляхъ,“ переложенный имъ съ нѣ мецкаго языка[16]). Я совѣтовалъ ему показать его книгопро давцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію съ пере водчикомъ, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу і теперь вспомнить безъ удовольствія, съ какимъ торжественным видомъ добрый и милый юноша Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова „То маса-Іонеса“ (Томъ-Джона), въ маленькомъ форматѣ, съ кар тинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіем за словесные труды его.

По кончинѣ отца своего онъ вышелъ въ отставку пору *чикомъ* и уѣхалъ на родину. Тамъ однажды мы сошлись н

короткое время; я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго на себя въ обществѣ: опытнымъ за вистовымъ столомъ; любезнымъ въ дамскомъ кругу и ораторомъ передъ отцами семействъ, которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила однако въ немъ прежней любви его къ словесности. При первомъ нашемъ свиданіи съ глаза на глазъ онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли я по прежнему переводами? Я сказываю ему, что недавно перевелъ изъ книги „Картина Смерти“, сочиненія Каррачіоли, „Разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его“. Онъ удивился странному моему выбору и дружески совѣтовалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ переводчика, и что я выборомъ своимъ, конечно, не заслужу выгоднаго о себѣ мнѣнія въ обществѣ. „А я“, примолвилъ онъ,—„думаю переводить изъ Вольтера съ нѣмецкаго перевода“.— Что же такое?—„Бѣлаго быка“.—Какъ! Эту дрянь, и еще не Вольтерову, а подложную! вскричалъ я:—и оба земляка поквитались.

Но разсѣянная, свѣтская жизнь его недолго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ [17]) уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, основателемъ или по крайней мѣрѣ главною пружиною „Общества дружескаго типографическаго [18]).“ При словѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нельзя оставить безъ замѣчанія и лѣности или равнодушія нашихъ авторовъ, особенно же издателей журналовъ: никто изъ нихъ не сказалъ ни слова по случаю его кончины, и мы даже понынѣ знаемъ только объ немъ по однимъ слухамъ. Замѣчательномъ, повторяю, по заслугамъ его въ словесности и по чрезвычайному въ жизни его перевороту. Я не преминую сказать здѣсь въ своемъ мѣстѣ все, что знаю объ немъ, хотя для дѣтей нашихъ.

Въ этомъ-то „Дружескомъ обществѣ“ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ; слушать профессора Шварца, преподававшаго лекціи о богопознаніи,

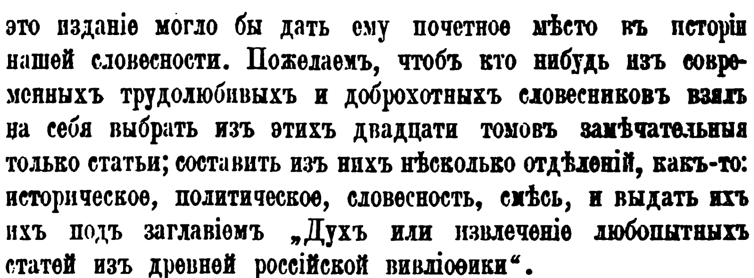
о высокихъ предназначеніяхъ человѣка [19]). Между тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними по всей справедливости почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичъ Петровъ [20]). Онъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками при глубокомъ знаніи отечественнаго слова одаренъ былъ и глубокимъ умомъ и необыкновенною способностію къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ коихъ извѣстны мнѣ — первые два года еженедѣльника подъ названіемъ „Дѣтское чтеніе"; „Учитель" въ двухъ томахъ; „Хризомандеръ" мистическое сочиненіе, и „Багуатгета" [21]), также родъ мистической поэмы, писанной на санскритскомъ языкѣ и переведенной съ нѣмецкаго.

Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой угрюмъ, молчаливъ и подчасъ насмѣшливъ. Но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному; имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ; и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ принадлежащемъ „Дружескому обществу". Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ; оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго предъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву; а другая освящена была Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа. Карамзинъ оплакалъ раннюю смерть своего товарища въ сочиненіи: „Цвѣтокъ надъ гробомъ Агатона".

Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну нашелъ я въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ *рвеніемъ* къ усовершенію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый

нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ предъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любилъ меня еще попрежнему! Мы прожили недолго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и, наконецъ, разлучились уже на долгое время: онъ отправился въ чужіе края, но не на счотъ общества, какъ многіе о томъ разглашаютъ, а на собственномъ иждивеніи. Со дня вступленія его въ „Дружеское общество" до путешествія онъ перевелъ и выдалъ съ нѣмецкаго языка: два или три тома „Штурмовыхъ Размышленій", подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, „Бесѣды съ Богомъ"; Галлерову поэму „О происхожденіи зла"; Лессингову трагедію „Эмилія Галоти", и Шекспирову „Юлія Цесаря"; одну пѣснь (не напечатанную) изъ Клопштоковой поэмы: „Мессіада"; съ французскаго: „Les veillés du chateau", и за отсутствіемъ Петрова продолжалъ около года „Дѣтское чтеніе", въ которомъ напечаталъ первую повѣсть, имъ сочиненную, и первые опыты свои въ поэзіи.

Теперь договоримъ объ Новиковѣ. Онъ не имѣлъ, какъ и многіе изъ нашихъ писателей, классическаго образованія. Имя его стало извѣстно съ семидесятыхъ годовъ, по изданію имъ, одного за другимъ, двухъ еженедѣльниковъ „Трутня" и „Живописца". Я не равняю ихъ съ Адиссоновымъ „Зрителемъ"; по крайней мѣрѣ они отличались отъ сборниковъ чужой и домашней всякой всячины и болѣе отзывались народностію, хотя и менѣе объ ней твердили, нежели нынѣшніе наши журналы. Издатель въ листкахъ своихъ нападалъ смѣло на господствующіе пороки; каралъ взяточниковъ; обнаруживалъ разныя злоупотребленія; осмѣивалъ закоренѣлые предразсудки и не щадилъ невѣжества мелкихъ, иногда же и крупныхъ помѣщиковъ. Словомъ, старался, сколько могъ и умѣлъ, выдерживать главное свойство своихъ журналовъ и приноравливать ихъ къ духу того времени. Въ 1772 году онъ выдалъ „Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ", а потомъ двадцать томовъ старинныхъ рукописей, разнаго рода, подъ названіемъ „Древней Россійской Вивліоѳики". Одно

это изданіе могло бы дать ему почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности. Пожелаемъ, чтобъ кто нибудь изъ современныхъ трудолюбивыхъ и доброхотныхъ словесниковъ взялъ на себя выбрать изъ этихъ двадцати томовъ замѣчательныя только статьи; составить изъ нихъ нѣсколько отдѣленій, какъ-то: историческое, политическое, словесность, смѣсь, и выдать ихъ ихъ подъ заглавіемъ „Духъ или извлеченіе любопытныхъ статей изъ древней россійской вивліоѳики“.

Потомъ Новиковъ издавалъ въ Петербургѣ около года „Ученыя Вѣдомости“, и тамъ же, а послѣ въ Москвѣ, ежемѣсячникъ: „Утренній Свѣтъ“, въ стихахъ и прозѣ, исключительно содержанія только важнаго, болѣе назидательнаго. Весь доходъ отъ этого изданія употребленъ былъ на заведеніе въ Петербургѣ народныхъ училищъ, коихъ тогда у насъ еще не было. Въ нихъ обучали безденежно дѣтей всякаго состоянія русской грамматикѣ, первымъ основаніямъ исторіи, землеописанія, катихизису, математикѣ и рисованію. Эти училища находились въ разныхъ частяхъ города и отъ нихъ-то, съ учрежденія намѣстничествъ, начались въ каждомъ городѣ казенныя народныя училища.

Съ переселеніемъ Михайлы Матвѣевича Хераскова въ Москву, въ званіи куратора Московскаго университета, Новиковъ, послѣдуя за нимъ, взялъ на откупъ университетскую типографію и завелъ „Дружеское типографическое общество“, составленное изъ людей благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ. По крайней мѣрѣ, изъ извѣстныхъ мнѣ таковы были: Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ [22]), Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ [23]) и Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ ([24]), переводчикъ съ нѣмецкаго языка Юнговыхъ „Ночей“ и Клопштоковой „Мессіады“.

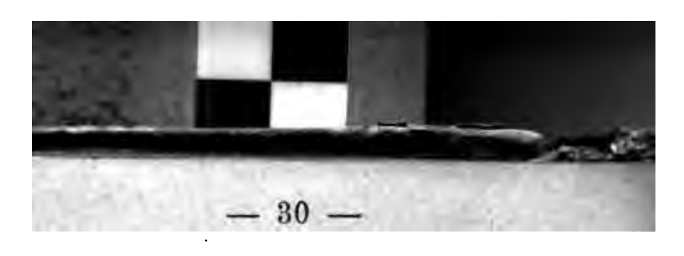
Я не соглашусь съ нѣкоторыми въ томъ, что Новиковъ значительнымъ образомъ дѣйствовалъ на успѣхи нашей словесности. Еще за нѣсколько лѣтъ до Типографическаго общества мы уже имѣли въ переводѣ съ греческаго языка Гомерову „Илліаду“ и „Одиссею“; первую перевода Якимова, вторую Киріака Кондратовича; „Творенія“ велемудраго Платона въ *трехъ томахъ*; „Разговоры“ Лукіана Самосатскаго, и один-

..ственный греческій романъ: „Теагенъ и Хариклея“; послѣдними ..трія обязаны мы были совокупнымъ трудамъ двухъ свояковъ, ..ященника Іоанна Сидоровскаго и коллежскаго регистратора ..атвѣя Пахомова; Эпиктетовъ „Энхиридіонъ“, его же „Апо..огмы“ и „Кевитову Картину“—Григорія Полетеки; Діодора Сицилійскаго „Историческую Библіотеку“; десять книгъ Пав..нія „о достопамятностяхъ Греціи“; съ латинскаго: Квинта Курція „Житіе Александра Великаго“; Саллустія „Югуртин..кую Войну“ и „Заговоръ Катилины;“ „Записки Юлія Це..саря о походахъ его въ Галлію“; Цицерона „О естествѣ ..оговъ“; „О дружествѣ“, „О должностяхъ“ и двѣнадцать ..тборныхъ рѣчей Светонія „О Августахъ“; Веллея Патеркула .. Луція Флора „Сокращеніе Римской Исторіи“. Равно имѣли .. съ новѣйшихъ языковъ переводы отличныхъ твореній, какъ-то: ..онтескье „О разумѣ или духѣ законовъ“; „Политическія ..ставленія барона Бильфельда“; Юстія „Основанія царствъ“. .. всѣхъ лучшихъ романовъ Фильдинга, аббата Прево и Ле..жа. Все это переводимо и издаваемо было скромными любо..овами въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, безъ ма..йшаго шума, безъ ожиданія перстней, безъ нынѣшнихъ лег..ихъ и прибыльныхъ средствъ сбывать работу свою черезъ под..иски во всѣхъ губерніяхъ; безъ покровительства, наконецъ, ..урналистовъ-пріятелей.

Отъ „Общества же типографическаго“ выходили сочиненія ..олѣе богословскія, церковныхъ учителей, мистическія, теа..ральныя и посредственные романы, разумѣется, почти всѣ пе..реведенные. Но мы обязаны хранить къ Новикову большую ..ризнательность за то, что онъ распространилъ книжную тор..говлю заведеніемъ въ губернскихъ городахъ книжныхъ лавокъ; ..оощрялъ университетскихъ студентовъ, семинаристовъ, и даже ..ерковно-служителей къ упражненію въ переводахъ, печатая ..хъ своимъ иждивеніемъ и платя переводчикамъ съ каждаго ..ечатнаго листа условленную цѣну. Такія выгоды освобождали ..хъ отъ уничижительнаго притѣсненія необразованныхъ и ко..ростолюбивыхъ книгопродавцевъ.

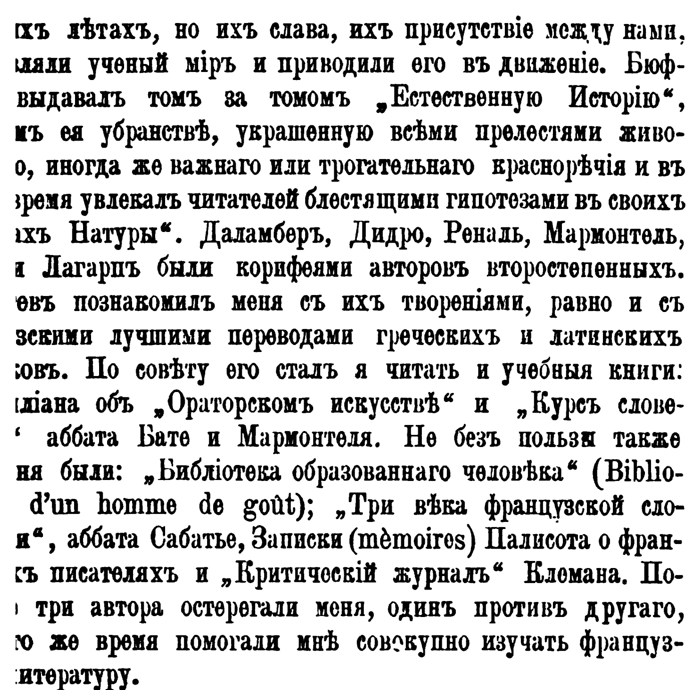
Между тѣмъ какъ „Дружеское типографическое общество“ .. полной безопасности процвѣтало; какъ члены его съ общаго

согласія носили явно кафтаны одинакаго покроя и цвѣта, голубые съ золотыми петлицами, внезапно возстала противъ нихъ политическая буря. Французскій переворотъ возбудилъ во всѣхъ правительствахъ подозрѣнія на всѣ постоянныя сборища, тайныя и явныя. Главнокомандующій въ Москвѣ, князь Прозоровскій, получилъ тайное повелѣніе взять въ особенное вниманіе масонскую ложу, на которую содержатели типографіи имѣли большое вліяніе. Въ слѣдствіе того захвачены были въ ложѣ и въ домахъ Новикова и друзей его всѣ бумаги, сдѣланъ строжайшій осмотръ книжному магазину, библіотекѣ Филантропическаго Общества, и всѣ найденныя въ нихъ мистическія книги преданы были сожженію. Самъ же Новиковъ отправленъ былъ въ Тайную канцелярію, а потомъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Восшествіе на престолъ императора Павла возвратило ему свободу, но не возвратило спокойствія духа. Еще за годъ до его возвращенія жена его скончалась, оставя трехъ малолѣтнихъ сиротъ въ пустомъ домѣ, на произволъ судьбы. Несчастный отецъ нашелъ сына и одну изъ дочерей своихъ въ ужасной, рѣдко исцѣлимой болѣзни (эпилепсіи). Остальные годы унылой жизни проведены имъ въ маломъ помѣстьѣ, близко Москвы, въ сообществѣ Гамалеи [25]), давняго его друга, и г-жи Шварцъ, вдовы знаменитаго профессора и мистика. Эта благочестивая женщина съ самаго заточенія Новикова и до сего времени посвятила себя на призрѣніе жалкихъ страдальцевъ, переживішихъ родителя. Онъ скончался въ царствованіе Александра, уже въ глубокой старости, вѣроятно около восьмидесяти лѣтъ.

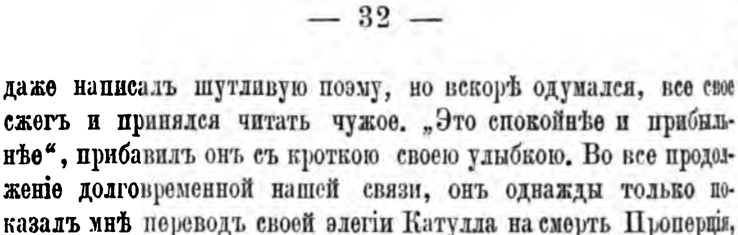
Немногимъ прежде знакомства моего съ Карамзинымъ началась у меня тѣсная связь и съ почтеннымъ Ѳедоромъ Ильичемъ Козлятевымъ. И это было эпохою, съ которой я началъ выбираться на прямой путь словесности. Скоро мы сдѣлались почти неразлучными, не смотря на разность лѣтъ и состояній: онъ уже былъ гвардіи семеновскаго полка поручикомъ, а я еще сержантомъ и гораздо его моложе.

У него была хорошая французская библіотека, увеличиваемая непрестанно старыми и новѣйшими сочиненіями и переводами. Тогда было цвѣтущее время для французской словесности. Вольтеръ и Ж. Ж. Руссо, хотя уже и находились въ

іхъ лѣтахъ, но ихъ слава, ихъ присутствіе между нами, иляли ученый міръ и приводили его въ движеніе. Бюф- выдавалъ томъ за томомъ „Естественную Исторію", иъ ея убранствѣ, украшенную всѣми прелестями живо- о, иногда же важнаго или трогательнаго краснорѣчія и въ время увлекалъ читателей блестящими гипотезами въ своихъ іхъ Натуры". Даламберъ, Дидро, Реналь, Мармонтель, и Лагарпъ были корифеями авторовъ второстепенныхъ. евъ познакомилъ меня съ ихъ твореніями, равно и съ зскими лучшими переводами греческихъ и латинскихъ овъ. По совѣту его сталъ я читать и учебныя книги: иліана объ „Ораторскомъ искусствѣ" и „Курсъ слове- ' аббата Бате и Мармонтеля. Не безъ пользы также ня были: „Библіотека образованнаго человѣка" (Biblio- d'un homme de goût); „Три вѣка французской сло- и", аббата Сабатье, Записки (mèmoires) Палисота о фран- къ писателяхъ и „Критическій журналъ" Клемана. По- і три автора остерегали меня, одинъ противъ другаго, ю же время помогали мнѣ совокупно изучать француз- итературу.

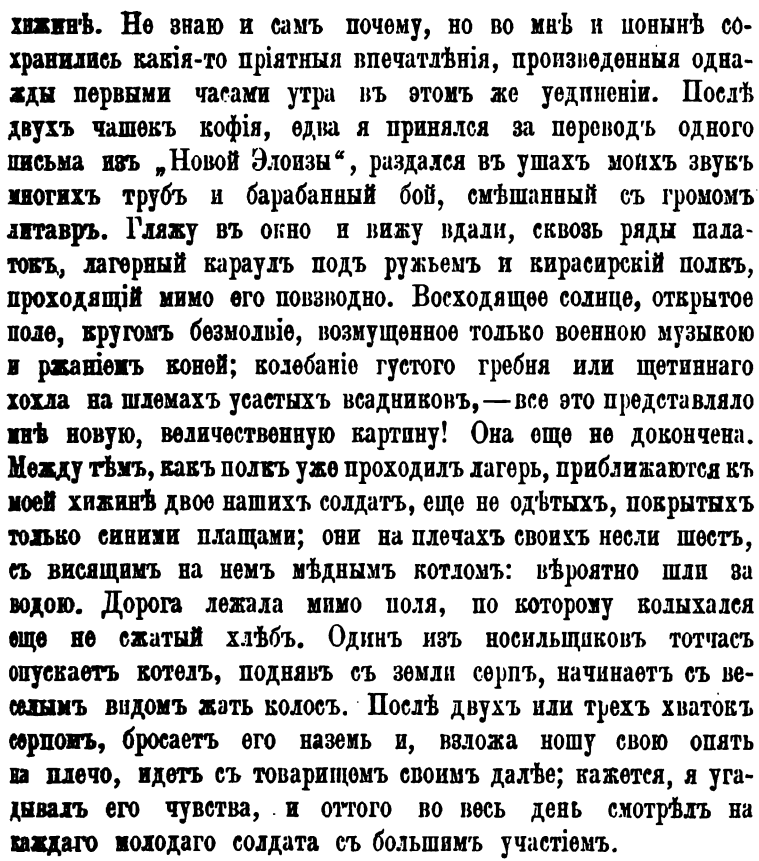
› и кромѣ такихъ пособій, одна бесѣда съ Козлятевымъ іла для меня училищемъ изящнаго и вкуса. Онъ ода- ылъ умомъ, хотя не бѣглымъ, не блестящимъ, но осно- ымъ, украшеннымъ просвѣщеніемъ и кротостію необы- юю. Въ молодости моей часто я сердился на него за экрасное качество: въ кругу не слишкомъ ему знакомыхъ говъ былъ внимательно выслушивать всѣхъ и не ска- і слова. Почитатель его достоинствъ, я дружески пе- му, для чего онъ таитъ ихъ и тѣмъ подаетъ поводъ зыгодному объ немъ заключенію. Добрый Козлятевъ венно отвѣчалъ на то нѣжной улыбкою или пожатіемъ моей. Слыша его строгія слова или безпристрастныя ія о стихахъ даже и первенствующихъ нашихъ поэтовъ, лъ таить еще болѣе, особенно же отъ него, мои про- ія; еще болѣе сталъ чувствовать все ихъ несовершен- Нѣкогда онъ признался мнѣ, что было время, когда самъ занимался переводами и стихотворствовалъ; что

даже написалъ шутливую поэму, но вскорѣ одумался, все свое сжегъ и принялся читать чужое. „Это спокойнѣе и прибыльнѣе“, прибавилъ онъ съ кроткою своею улыбкою. Во все продолженіе долговременной нашей связи, онъ однажды только показалъ мнѣ переводъ своей элегіи Катулла на смерть Проперція, или на оборотъ — точно не помню; но ни подъ какимъ условіемъ не далъ мнѣ списать его.

Если пришлось сказать мнѣ о повышеніи меня чиномъ гвардіи прапорщика, такъ болѣе потому только, что оно разлучило меня съ любезнымъ менторомъ на долгое время; получа отпускъ, я провелъ его у моихъ родителей, а въ слѣдующимъ году, по случаю открывшейся войны съ Швеціей пошелъ въ походъ на границу Финляндіи и прожилъ четыре мѣсяца въ палаткѣ или въ переходахъ съ мѣста на мѣсто, подъ шумомъ пѣсенъ и барабановъ. Гвардейскіе баталіоны далѣе Фридрихсгама не доходили. Мы видѣли непріятелей только въ положеніи унылыхъ плѣнниковъ.

Новая жизнь, новая даже природа, дикая, но Оссіановская, вездѣ величавая и живописная: гранитныя скалы, шумные водопады, высокія мрачныя сосны, не могли мнѣ накороткѣ наскучить. Къ тому же сердце, еще не развращенное, повсюду найдетъ для себя кроткія наслажденія. Гдѣ они рѣдки, тамъ болѣе дорожатъ ими. Какъ я былъ обрадованъ, увидя однажды голубой цвѣточекъ между голыхъ и огромныхъ камней! Съ какимъ удовольствіемъ проваживалъ я поздніе вечера и первые часы утра въ низменной хижинѣ подъ соломенной кровлею! Мы стояли въ лагерѣ подлѣ финской деревни. Это было въ началѣ или въ концѣ августа. Чувствительный къ свѣжести осеннихъ ночей, часто я оставлялъ мою палатку, получая позволеніе отъ баталіоннаго начальника ночевать на томъ дворѣ, гдѣ стояла походная моя повозка. Тѣсная хижина была и спальною моей и кабинетомъ. Тамъ я проваживалъ по нѣскольку часовъ въ глубокой тишинѣ, совершенно противоположной дневному шуму и лагерной, такъ сказать, суматохѣ. При мнѣ находился одинъ слуга, входившій ко мнѣ только по моему зову. Тамъ я бывалъ такъ доволенъ бытіемъ своимъ, что въ *ту минуту* не испугался бы хотя и навсегда остаться въ этой

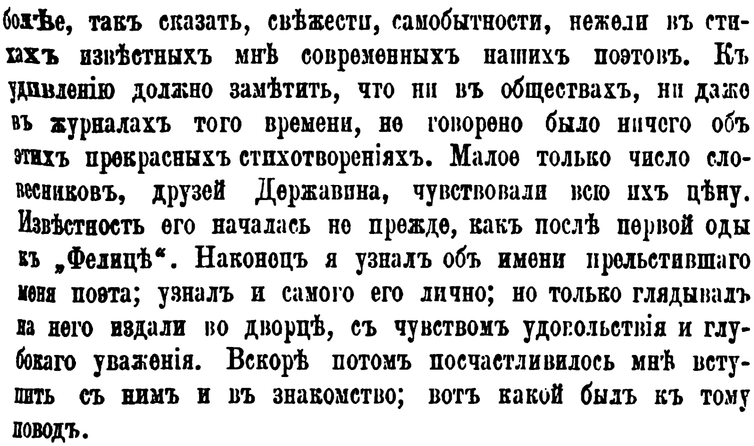
хижинѣ. Не знаю и самъ почему, но во мнѣ и понынѣ сохранились какія-то пріятныя впечатлѣнія, произведенныя однажды первыми часами утра въ этомъ же уединеніи. Послѣ двухъ чашекъ кофія, едва я принялся за переводъ одного письма изъ „Новой Элоизы", раздался въ ушахъ моихъ звукъ многихъ трубъ и барабанный бой, смѣшанный съ громомъ литавръ. Гляжу въ окно и вижу вдали, сквозь ряды палатокъ, лагерный караулъ подъ ружьемъ и кирасирскій полкъ, проходящій мимо его повзводно. Восходящее солнце, открытое поле, кругомъ безмолвіе, возмущенное только военною музыкою и ржаніемъ коней; колебаніе густого гребня или щетиннаго хохла на шлемахъ усастыхъ всадниковъ,—все это представляло мнѣ новую, величественную картину! Она еще не докончена. Между тѣмъ, какъ полкъ уже проходилъ лагерь, приближаются къ моей хижинѣ двое нашихъ солдатъ, еще не одѣтыхъ, покрытыхъ только синими плащами; они на плечахъ своихъ несли шесть, съ висящимъ на немъ мѣднымъ котломъ: вѣроятно шли за водою. Дорога лежала мимо поля, по которому колыхался еще не сжатый хлѣбъ. Одинъ изъ носильщиковъ тотчасъ опускаетъ котелъ, поднявъ съ земли серпъ, начинаетъ съ веселымъ видомъ жать колосъ. Послѣ двухъ или трехъ хватокъ серпомъ, бросаетъ его наземь и, взложа ношу свою опять на плечо, идетъ съ товарищемъ своимъ далѣе; кажется, я угадывалъ его чувства, и оттого во весь день смотрѣлъ на каждаго молодаго солдата съ большимъ участіемъ.

Въ концѣ года гвардейскіе баталіоны возвратились въ столицу. Я началъ жить попрежнему, видаясь ежедневно съ почтеннымъ Козлятевымъ; но въ слѣдующемъ году опять съ нимъ разлучился: съ весною открылась вторая кампанія. Онъ пошелъ въ походъ уже въ званіи капитана. Грустно было мнѣ еще съ нимъ разставаться; но Провидѣніе благоволило и въ настоящемъ случаѣ послать мнѣ отраду: знакомство съ Державинымъ и свиданіе съ Карамзинымъ, возвратившимся изъ путешествія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Поэзія Державина извѣстна мнѣ стала еще съ 1776 г
Около того времени первыя произведенія его вышли въ с
безъ имени автора, изъ типографіи Академіи Наукъ,
названіемъ: „Оды, сочиненныя и переведенныя при горѣ
талагаѣ". Это было, какъ я послѣ узналъ, плоды кратк
досуговъ его въ военномъ стану, посреди уфимскихъ сте
Тогда онъ, въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, находился
разныхъ порученій при Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ, п
водителѣ войскъ противъ бунтовщика и самозванца Пуга
Въ этой книжкѣ помѣщены были нѣсколько одъ разнаго
держанія, болѣе философическихъ, и посланіе Фридриха
раго къ астроному Мопертію, переведенное въ прозѣ. Я
минаю съ такою подробностію объ этой книжкѣ потому то
что нынѣ она рѣдка и немногимъ извѣстна даже изъ
раторовъ. Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкото
недостаткахъ, уже показывались замашки или вспышки
жденнаго таланта и его главныя свойства: благородная
лость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ. П
того въ разныя времена вышли также безъ его имени: „
сланіе къ И. И. Шувалову, по случаю возвращенія его
чужихъ краевъ", писанное въ Казани; оды: „На смерть к
Мещерскаго"; „Къ Сосѣду"; „къ Киргизкайсацкой Царе
Фелицѣ"; стансы: „Успокоенное невѣріе", диѳирамбъ „На
здоровленіе И. И. Шувалова", и „Гребеневскій ключъ",
священный М. М. Хераскову. Всѣ эти стихи, по моему мнѣ
едва ли не лучшія и совершеннѣйшія изъ поэтическихъ про
деній Державина. Они были напечатаны въ „С.-Петербургс
Вѣстникѣ" въ 1778 году и послѣдующихъ, а потомъ н
торые изъ нихъ перепечатаны съ поправками въ „Собесѣдн
любителей россійскаго слова". Въ немъ участвовала
Императрица. Ея сочиненія выходили подъ названіемъ „Б
и Небылицы". Издавался же онъ подъ надзоромъ президе
обѣихъ Академій княгини Катерины Романовны Дашко
Кромѣ „Фелицы", долго я не зналъ объ имени автора
мянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но
какому-то чутью находилъ въ нихъ болѣе силы, живоп

болѣе, такъ сказать, свѣжести, самобытности, нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ поэтовъ. Къ удивленію должно замѣтить, что ни въ обществахъ, ни даже въ журналахъ того времени, не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Малое только число словесниковъ, друзей Державина, чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность его началась не прежде, какъ послѣ первой оды къ „Фелицѣ". Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня поэта; узналъ и самого его лично; но только глядывалъ на него издали во дворцѣ, съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія. Вскорѣ потомъ посчастливилось мнѣ вступить съ нимъ и въ знакомство; вотъ какой былъ къ тому поводъ.

Во вторую кампанію шведской войны, я ѣздилъ на границу Финляндіи для свиданія со старшимъ братомъ моимъ. Онъ служилъ тогда въ пѣхотномъ псковскомъ полку преміеръ-маіоромъ. Въ продолженіи дороги и на мѣстѣ я велъ поденную записку; описывая въ ней, между прочимъ, красивое мѣстоположеніе, употребилъ я обращеніе въ стихахъ къ Державину и назвалъ его единственнымъ у насъ живописцемъ природы. По возвращеніи моемъ, знакомецъ мой, П. Ю. Львовъ[26]), переписалъ эти стихи для себя и показалъ ихъ поэту. Онъ захотѣлъ узнать меня, нѣсколько разъ говорилъ о томъ Львову; но я совѣстился представиться знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ непризнаннаго стихотворца, долго не могъ рѣшиться и все откладывалъ. Наконецъ, однимъ утромъ знакомецъ мой прислалъ собственноручную къ нему записку Державина. Онъ еще напоминалъ Львову о желаніи его сойтись со мною. Эта записка побѣдила мою застѣнчивость. И такъ, въ сопровожденіи Львова, отправился я къ поэту, съ которымъ желалъ и робѣлъ познакомиться.

Мы застали хозяина и хозяйку въ авторскомъ кабинетѣ; въ колпакѣ и въ атласномъ голубомъ халатѣ, онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ, а она, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслахъ посреди комнаты и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣтливость обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько ми-

нутъ о словесности, о войнѣ и пр., я хотѣлъ, соблюдая приличіе, откланяться; но они оба стали унимать меня къ обѣду. Послѣ кофія я опять поднялся, и еще упрошенъ былъ до чая. Такимъ образомъ съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а чрезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ въ домѣ. И съ того времени рѣдко проходилъ день, чтобъ я не видѣлся съ этой любезной и незабвенной четою.

Державину минуло тогда пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ еще дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Св. Владиміра третьей степени. Года за два передъ тѣмъ, онъ отрѣшенъ былъ отъ должности губернатора тамбовской губерніи, по случаю несогласія, происшедшаго между имъ и генералъ-губернаторомъ или намѣстникомъ, графомъ Гудовичемъ. Взаимныя ихъ жалобы отданы были на разсмотрѣніе сената. Державинъ былъ оправданъ. Любопытная столица съ нѣтерпѣніемъ ожидала отъ премудрой Фелицы рѣшенія судьбы любимаго ея поэта.

Между тѣмъ князь Потемкинъ-Таврическій, отправляясь въ армію, приготовлялся нѣсколько мѣсяцевъ къ великолѣпному угощенію Императрицы. Это было уже по взятіи Очакова. Державину поручено было отъ князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программѣ, описаніе праздника. Знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою. Почти въ моихъ глазахъ она была продолжаема и окончена [27]). Праздникъ изумилъ всю столицу; описаніе напечатано, но не полюбилось, какъ слышно было, Потемкину; вѣроятно за поэтическую характеристику хозяина, довольно вѣрную, но не у мѣста шутливую.

Съ первыхъ дней нашего знакомства, я уже пробѣжалъ толстую рукопись всѣхъ собранныхъ его стихотвореній, извѣстныхъ мнѣ и неизвѣстныхъ. Сверхъ того показаны мнѣ и тѣ, которыя, по хлопотамъ службы, долгое время лежали у него неоконченными. Главнѣйшія изъ нихъ были: „Водопадъ", состоявшій тогда въ пятнадцати только строфахъ, „Видѣніе Мурзы", ода „На коварство", „Прогулка въ Сарскомъ Селѣ". Послѣдніе стихи, равно какъ и „Видѣніе Мурзы", дописалъ *онъ уже при* появленіи „Московскаго Журнала"; „Водопадъ"

гораздо послѣ, когда получено было извѣстіе о кончинѣ князя Потемкина; оду же „На коварство“, еще позднѣе. Немногимъ извѣстно, что и „Вельможа“ напечатанъ былъ въ числѣ одъ, написанныхъ при горѣ Читалагаѣ, о коихъ я упоминалъ выше; но любители словесности познакомились съ нею уже при второмъ появленіи, когда поэтъ прибавилъ въ этой одѣ нѣсколько строфъ, столь изобильныхъ сатирическою солью и яркими картинами. Возобновленіе ея послѣдовало по кончинѣ князя Потемкина при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ. Общество находило въ ней много намековъ на счетъ того и другого. Тогда поэтъ былъ уже сенаторомъ.

Державинъ при всемъ своемъ геніи съ великимъ трудомъ исправлялъ свои стихи. Онъ снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія, охотно принимался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу. Вездѣ и непрестанно вниманіе его обращено было къ поэзіи. Часто я заставалъ его стоявшимъ неподвижно противъ окна и устремившимъ глаза свои къ небу. „Что вы думаете?“ однажды спросилъ я.— Любуюсь вечерними облаками, отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ того вышли стихи: „Къ дому любящему ученіе“ (къ семейству графа А. С. Строганова), въ которыхъ онъ первые назвалъ облака „краезлатыми“. Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ смотритъ на разварную щуку и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину. „А вотъ я думаю“, сказалъ онъ,— „что если бы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого нибудь къ обѣду, то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ подчивать, можно бы сказать, что будетъ „и щука съ голубымъ перомъ“. И мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его посланіи къ князю Александру Андреевичу Безбородко.

Голова его была хранилищемъ запаса сравненій, уподобленій, сентенцій и картинъ для будущихъ его поэтическихъ произведеній. Онъ охотникъ былъ до чтенія, но читалъ безъ разборчивости. Говорилъ отрывисто и некрасно. Кажется, будто заботился только о томъ, чтобъ высказать скорѣе. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся къ дремотѣ; но я всегда *подозрѣвалъ*, что онъ притворялся.

чтобъ не мѣшали ему заниматься чѣмъ нибудь своимъ, важнѣйшимъ обыкновенныхъ, пустыхъ разговоровъ. Но тотъ же самый человѣкъ говорилъ долго, рѣзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ либо спорѣ по важному дѣлу въ сенатѣ, или о дворскихъ интригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ голосъ, заключеніе или проэктъ какого-нибудь государственнаго постановленія. Державинъ, какъ поэтъ и какъ государственная особа, имѣлъ только въ предметѣ нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство.

Со входомъ въ домъ его, какъ будто мнѣ открылся путь и къ Парнасу. Дотолѣ бывъ знакомъ только съ двумя стихотворцами—Ермиломъ Ивановичемъ Костровымъ и Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ, я увидѣлъ въ обществѣ Державина вдругъ нѣсколько поэтовъ и прозаистовъ: пѣвца „Душеньки" Ипполита Өедоровича Богдановича; переводчика „Телемака" и „Гумфрея Клингера" Ивана Семеновича Захарова [28], Николая Александровича [29]) и Өедора Петровича Львовыхъ [30] Алексѣя Николаевича Оленина, столь извѣстнаго по его изобрѣтательному таланту въ рисованьѣ и свѣдущему въ художествахъ и древности. О первомъ не стану повторять того, что уже помѣщено было Карамзинымъ по пересказамъ моимъ въ біографіи Богдановича, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы"; прибавлю только, что я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ уже мало занимался литературою, но сдѣлался невольнымъ данникомъ большаго свѣта. По славѣ „Душеньки" многіе, хотя и не читали этой поэмы, хотѣли, чтобъ авторъ ея дремалъ за ихъ поздними ужинами. Всегда въ французскомъ кафтанѣ, кошелекъ на спинѣ и тафтяная шляпа (клакъ) подъ мышкою; всегда по вечерамъ въ концертѣ или на балѣ въ знатномъ домѣ, Богдановичъ, если не игралъ въ вистъ, то вездѣ слова два о дневныхъ новостяхъ, или дворѣ, или заграничныхъ происшествіяхъ, но никогда съ жаромъ, никогда съ большимъ участіемъ. Онъ не любилъ не только докучать, даже и напоминать о стихахъ своихъ, но въ тайнѣ сердца всегда чувствовалъ свою цѣну и былъ довольно щекотливъ къ малѣйшимъ замѣчаніямъ на счетъ про

деній пера его. Впрочемъ чуждъ злоязычія, строгій блюсль нравственныхъ правилъ и законовъ общества, скроми вѣжливый въ обращеніи, онъ всѣми благоразумными ібрыми людьми былъ любимъ и уважаемъ.

Чрезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичъ Фонвизинымъ. По возвращеніи изъ бѣлорусскаго о помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакоего со мною. Назначенъ былъ день нашего свиданія. шесть часовъ по полудни пріѣхалъ Фонвизинъ. Увидя зъ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣд- и тщету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Дерна, поддерживаемый двумя молодыми офицерами изъ вскаго кадетскаго корпуса, пріѣхавшими съ нимъ изъ руссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою, равно на нога одеревенѣла. Обѣ поражены были параличемъ. рилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произноголосомъ охриплымъ и дикимъ, но большіе глаза его ю сверкали. Первый, брошенный на меня взглядъ применя въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ приілъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю „Недоросля"? читалъ ли „Посланіе къ Шумилову", у Казнодѣйку"; переводъ его „Похвальнаго слова Марку лію" и т. д.; какъ я нахожу ихъ? Казалось, что онъ ии вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чусочиненіи, что я думаю объ „Душенькѣ"? — Она изъ ихъ произведеній нашей поэзіи, отвѣчалъ я. „Прелестна!" ердилъ онъ, съ выразительною улыбкою. Потомъ Фонъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ показать ему) свою комедію „Гофмейстеръ". Хозяинъ и хозяйка или желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ у изъ своихъ вожатыхъ, и тотъ прочиталъ комедію ъ духомъ. Въ продолженіи чтенія, авторъ глазами, києъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу выраженій, которыя самому ему нравились. Игривость не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Не я на трудность *разсказа*, онъ заставлялъ насъ не однажды

смѣяться. По словамъ его, во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного только литератора, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. „Которую же изъ одъ его", спросилъ Фонвизинъ, — „признаете вы лучшею?" — Ни одной не случилось читать, отвѣтствовалъ ему почтмейстеръ. „За то", продолжалъ Фонвизинъ, „доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до вечера они вокругъ меня роились. Однажды докладываютъ мнѣ: „пріѣхалъ сочинитель"; — принять его, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его въ новомъ вкусѣ. Нечего дѣлать; прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ совсѣмъ необыкновенная: у всѣхъ трагедіи оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня или главное лицо умретъ естественною смертію". — „И въ самомъ дѣлѣ", заключаетъ Фонъ-Визинъ, „героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла". Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ!

Между извѣстными того времени поэтами, посѣщавшими Державина, къ удивленію моему ни однажды не сходился я съ Княжнинымъ и Петровымъ. Перваго по крайней мѣрѣ видалъ я въ театрѣ, а послѣдняго никогда не зналъ, хотя и живалъ съ нимъ въ одномъ городѣ. Оды его и тогда были при дворѣ и у многихъ словесниковъ въ большомъ уваженіи; но публика знала его, едва ли не по-наслышкѣ, а Державинъ и приверженные къ нему поэты, хотя и не отказывали Петрову въ лирическомъ талантѣ, но всегда останавливались болѣе на жесткости стиховъ его, чѣмъ на изобиліи въ идеяхъ, на возвышенности чувствъ и силѣ ума его. Что же касается до меня, я желалъ бы бо̀льшаго благозвучія стихамъ его, но всегда почиталъ въ немъ одного изъ первоклассныхъ и ученѣйшихъ нашихъ поэтовъ. По моему мнѣнію лучшія изъ его произведеній двѣ оды: одна на сожженіе турецкаго

флота при Чесмѣ, другая къ графу Г. Г. Орлову, начинающаяся стихомъ:

Защитникъ строгаго, Зинонова закона...

и элегія или пѣснь на кончину князя Потемкина. Онъ истощилъ въ ней всѣ красоты поэзіи и ораторскаго искусства. Менѣе всего онъ успѣлъ въ сатирическомъ и шутливомъ родѣ. Въ нѣжномъ писалъ онъ мало, но съ чувствомъ. Въ примѣръ тому можно привести на память стихи его на рожденіе дочери. Они оканчиваются слѣдующимъ обращеніемъ къ его супругѣ:

О ангелъ! стражъ семьи! ты вѣчно для меня
Одна въ подсолнечной красавица, Прелеста,
Мать истинная чадъ,
Живой источникъ мнѣ отрадъ,
Всегда любовница, всегда моя невѣста.

Какое глубокомысліе, какая нѣжность, истина и простота въ послѣднемъ стихѣ!

Н. А. и Ѳ. П. Львовы, А. Н. Оленинъ и П. А. Вельяминовъ [31]) составляли почти ежедневное общество Державина. Здѣсь же познакомился я съ Васильемъ Васильевичемъ Капнистомъ. Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжавъ изъ Малороссіи, его отчизны, и веселымъ остроуміемъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ своихъ, оживлялъ нашу бесѣду.

Но я еще болѣе находилъ удовольствія быть одному съ хозяиномъ и хозяйкою. Катерина Яковлевна, первая супруга Державина, дочь кормилицы императора Павла и португальца Бастидона, камердинера Петра Третьяго, съ пригожествомъ лица соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго. Каждое движеніе души обнаруживалось на миловидномъ лицѣ ея. По горячей любви своей къ супругу, она съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни относилось до его благосостоянія. Авторская слава его, успѣхи, неудовольствія по службѣ, были будто ея собственныя. Однажды я провела со мною около часа одинъ на одинъ. Кто же повѣритъ мнѣ, что я во все это время только что слушалъ,

и о чемъ же? Она разсказывала мнѣ о разныхъ неудовольствіяхъ, претерпѣнныхъ мужемъ ея въ бытность его губернаторомъ въ тамбовской губерніи; говоря же о томъ, не однажды отирала слезы на глазахъ своихъ.

Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужество пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга, она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія. Отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова и А. Н. Оленина, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.

Въ примѣръ добраго ея сердца разскажу еще одинъ случай. Жена, мужъ и я сидѣли въ его кабинетѣ; они между собою говорили о домашнихъ дѣлахъ, о старинѣ, дошли наконецъ до Казани, отчизны поэта. Катерина Яковлевна вспомнила покойную свекровь свою, начала хвалить ея добрыя качества, ея къ нимъ горячность; наконецъ стала тужить, для чего они откладывали свиданіе съ нею, когда она въ послѣднемъ письмѣ своемъ такъ убѣдительно просила ихъ пріѣхать навсегда съ нею проститься. Поэтъ вздохнулъ и сказалъ женѣ: „я все откладывалъ въ ожиданіи мѣста (губернаторскаго), думалъ, уже получа его, испросить отпускъ и съѣздить въ Казань". При этомъ словѣ оба стали обвинять себя въ честолюбіи, хвалить покойницу, и оба заплакали. Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на эту добросердечную чету. Молодая супруга, пятидесятилѣтній супругъ оплакиваютъ — одна свекровь, другой мать свою—и чрезъ нѣсколько лѣтъ по ея смерти!

Державинъ любилъ вспоминать свою молодость. Вотъ что я отъ него самого слышалъ. Отецъ его помѣщикъ уфимской провинціи, составлявшей тогда часть казанской губерніи. Самъ же онъ, обучаясь въ казанской гимназіи, обратилъ на себя вниманіе директора ея Михайла Ивановича Веревкина успѣхами въ рисованьѣ и черченіи плановъ, особенно же, работы его, портретомъ императрицы Елисаветы, снятымъ простымъ *перомъ* съ гравированнаго эстампа. Портретъ представленъ

былъ главному куратору Московскаго университета Ивану Ивановичу Шувалову. Державинъ взятъ былъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими отличными учениками, и записанъ по именному указу гвардіи въ преображенскій полкъ рядовымъ солдатомъ. Отецъ его, хотя былъ не изъ бѣдныхъ дворянъ, но, по тогдашнему обыкновенію, при отпускѣ сына не слишкомъ надѣлилъ его деньгами, почему онъ и принужденъ былъ пойти на хлѣбы къ семейному солдату: это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою. Человѣкъ умный и добрый всегда поладитъ съ выпавшимъ жребіемъ на его долю: солдатскія жены, видя его часто съ перомъ, или за книгою, возымѣли къ нему особенное уваженіе и стали поручать ему писать грамотки къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ; но потомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ, за его имъ услуги, уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу; стоять за него на ротномъ дворѣ въ караулѣ, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около съѣзжей или усыпать пескомъ учебную площадку. И жены, и мужья на то согласились.

Къ числу примѣчательныхъ случаевъ въ солдатской жизни Державина поспѣшимъ прибавить, что авторъ „Оды къ Фелицѣ“ стоялъ на часахъ въ Петергофскомъ дворцѣ, въ ту самую минуту, когда Екатерина отправилась въ Петербургъ для совершенія отважнаго дѣла: получить верховную власть или погибнуть [89]).

Въ то же время началъ онъ и стихотворствовать. Кто бы могъ ожидать, какой былъ первый опытъ творца „Водопада“? Переложеніе въ стихи, или лучше сказать, на риѳмы площадныхъ прибасокъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка! Потомъ обратился онъ уже къ высшему риѳмованію и переложилъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ Телемака въ русскаго перевода; когда же узналъ правила поэзіи, принялъ въ образецъ Ломоносова. Между тѣмъ читалъ въ оригиналѣ Геллерта и Гагедорна. Кромѣ нѣмецкаго, онъ не зналъ другихъ иностранныхъ языковъ. Древніе классическіе поэты,

итальянская и французская словесность извѣстны ему ста въ послѣдующіе годы по однимъ только нѣмецкимъ и ру скимъ переводамъ.

Въ продолженіи унтеръ-офицерской службы его случил ему быть въ Москвѣ; тогда Сумароковъ, еще въ полно блескѣ славы своей, разсорился съ содержателемъ вольна театра и главною московскою актрисою [33]). Онъ жаловал на нихъ начальствующему въ столицѣ, фельдмаршалу гра Петру Семеновичу Салтыкову [34]). Не получа же отъ не удовлетворенія, принесъ жалобу на самого его Императриц Екатерина благоволила удостоить его отвѣтомъ, но въ р скриптѣ своемъ дала ему почувствовать, что для нее пріятн „видѣть изображеніе страстей въ драмахъ его, нежели чита въ письмахъ“ (VII). Съ этого рескрипта пошли по рука списки, всѣ толковали его не въ пользу Сумарокова. Раздр женный поэтъ излилъ горесть и желчь свою въ элегіи (VIII къ которой особенно замѣчателенъ былъ слѣдующій стих

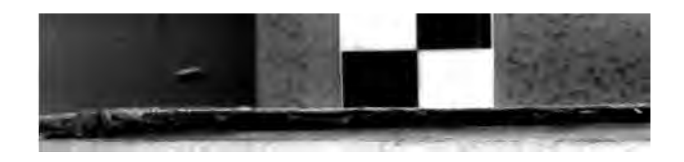
«Екатерину зрю, проснись Елизавета!»

Елегія была тогда же напечатана, несмотря на этотъ сти и многіе колкіе намеки на счетъ фельдмаршала. Вмѣстѣ нею выпустилъ онъ еще эпиграмму (IX) на московски вѣстовщиковъ:

«На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ».

Державинъ, поэтъ еще неизвѣстный, вступясь за моск чей, сдѣлалъ на эту эпиграмму пародію и распустилъ ее городу. Онъ выставилъ подъ ней только начальныя бук имени своего и прозванья. Сумароковъ хлопочетъ, какъ б по нихъ добраться до сочинителя. Указываютъ ему одного секретаря риѳмотворца; онъ скачетъ къ неповинно незнакомцу и приводитъ его въ трепетъ своимъ негод ваніемъ.

Въ скоромъ времени послѣ того смѣлый Державин успѣлъ познакомиться съ Сумароковымъ; однажды у него об далъ и мысленно утѣшался тѣмъ, что хозяинъ ниже подозрѣвал что противъ него сидитъ и пируетъ тотъ самый, котор столько раздражилъ желчь его.

Въ дополненіе характеристики достойно уважаемаго нами поэта, сообщу еще одну быль, разсказанную мнѣ Елизаветой Васильевной Херасковой, супругою творца „Россіяды", нынѣ столь нагло уничижаемаго по слухамъ и эгоизму молодымъ поколѣніемъ.

Въ семьсотъ семьдесятъ пятомъ году, когда дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостьми находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный по двору и литературѣ. За столомъ разсуждали объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частію не въ пользу лириковъ, и всѣхъ болѣе критикована была „ода какого-то Державина". Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ Елагина въ ногу; онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи офицеромъ, молчитъ на концѣ стола и весь рдѣетъ. Обѣдъ окончился. Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его. Проходитъ день, два, три. Державинъ противъ обыкновенія своего не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную; обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою и спрашиваютъ его, отчего такъ долго съ нимъ не видались? — „Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями", отвѣчаетъ онъ, — „все горевалъ объ моей одѣ; въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ, а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ, и заслужить его вниманіе; такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать и я прямо оттуда къ вамъ".

Заключу, наконецъ, двумя чертами его простодушія, которое и посреди соблазновъ, окружавшихъ вельможъ, никогда и ничѣмъ не было въ немъ заглушаемо.

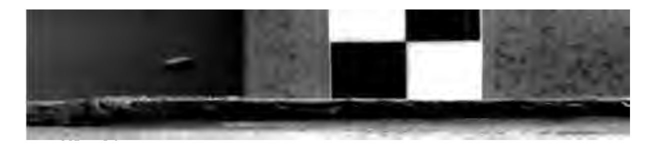
Державинъ уже былъ статсъ-секретаремъ. Однажды входятъ въ кабинетъ его съ докладомъ, что какой-то живопи-

сецъ, изъ русскихъ, проситъ позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челобитчика, приказываетъ тотчасъ впустить его. Входитъ румяный и слегка подгулявшій живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извинять свою дерзость, происходящую, по словамъ его,—„единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицезрѣніемъ великаго мужа, знаменитаго стихотворца“ и пр. Потомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ отплатить ему поцѣлуемъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею и на-силу выпустилъ его изъ своихъ объятій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, утирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и осыпая хозяина хвалами. Я примѣтилъ, что это явленіе не непріятно было для простодушнаго поэта. Чрезъ два или три дня, живописецъ опять приходитъ, и возобновляется прежняя сцена; хозяинъ съ тѣмъ же покорствомъ выноситъ докуки гостя, который сталъ еще смѣлѣе. Черезъ день тоже. Хозяинъ уже съ печальнымъ лицомъ проситъ у пріятелей совѣта, какъ бы ему освободиться отъ возливаго своего поклонника? Послѣдовалъ единогласный приговоръ: отказывать.

Въ другой разъ, около того же времени, я иду съ нимъ по Невской набережной. „Чей это великолѣпный домъ?“ спрашиваетъ меня, проходя мимо дома принцессы Барятинской-Гольстейнъ-Бекъ [35]).—Я сказываю.—„Да она въ Италіи; кто же теперь занимаетъ его?“—Иванъ Петровичъ Осокинъ.—„Осокинъ!“ подхватилъ онъ,—„зайдемъ, зайдемъ къ нему!....“ и съ этимъ словомъ, не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу. Мнѣ легко было за нимъ слѣдовать потому, что я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, оторопѣлъ, увидя у себя новаго вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими отвѣтами кланяется и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Черезъ полчаса мы съ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.

Отецъ Осокина, изъ купеческаго сословія, имѣлъ суконную *фабрику* въ Казани; сынъ его по какимъ-то домашнимъ дѣ-

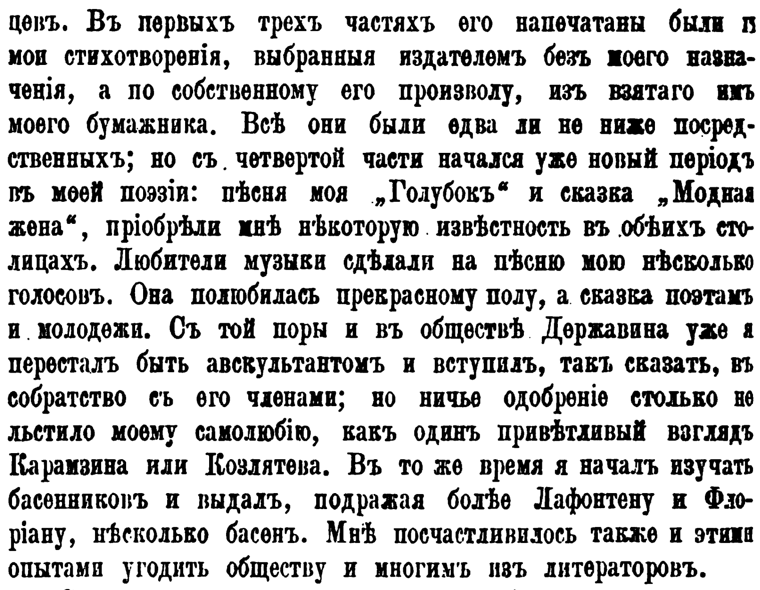

ламъ проживалъ въ Петербургѣ; по склонности своей къ чтенію книгъ на русскомъ языкѣ, онъ познакомился съ именитыми того времени словесниками: съ піитою и филологомъ Тредіаковскимъ, съ Киріакомъ Кондратовичемъ и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякій разъ и земляка своего Державина, который тогда былъ гвардіи капраломъ. Кондратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душою бесѣды. Молодой Осокинъ (Иванъ Петровичъ) и самъ стихотворствовалъ. Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.

Поэтъ, на обратномъ пути, разсказывая мнѣ объ этомъ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ тогда помогалъ ему въ нуждахъ и нерѣдко ссужалъ его деньгами. Почитатели Державина! я не въ силахъ былъ говорить вамъ объ его геніи, по крайней мѣрѣ въ двухъ или трехъ чертахъ показалъ его сердце.

Уже сказано мною, что въ томъ же году порадованъ я былъ свиданіемъ съ Карамзинымъ, прибывшимъ на кораблѣ изъ Лондона. Я познакомилъ его съ Державинымъ, который извѣстенъ ему былъ по одной первой одѣ „его къ Киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ“. Но свиданіе наше было кратковременное; чрезъ три недѣли онъ отправился на житье въ Москву, съ намѣреніемъ выступить опять на литературное поприще, изданіемъ журнала; уступя его желанію, я ввѣрилъ ему рукописное собраніе всѣхъ моихъ бездѣлокъ, еще не напечатанныхъ, для подкрѣпленія на первый случай журнальнаго его запаса.

Съ началомъ 791 года появился журналъ Карамзина подъ именемъ „Московскаго“, и обратилъ на себя вниманіе первостатейныхъ нашихъ авторовъ. Всѣ отдали справедливость новому, легкому, пріятному и живописному слогу „Писемъ русскаго путешественника“, „Натальи боярской дочери“ и другихъ небольшихъ повѣстей. Этотъ журналъ, сверхъ многихъ собственныхъ сочиненій издателя, помѣщалъ стихотворенія Хераскова, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева [36]), Ѳедора Львова и другихъ молодыхъ стихотвор-

цевъ. Въ первыхъ трехъ частяхъ его напечатаны были и мои стихотворенія, выбранныя издателемъ безъ моего назначенія, а по собственному его произволу, изъ взятаго имъ моего бумажника. Всѣ они были едва ли не ниже посредственныхъ; но съ четвертой части начался уже новый періодъ въ моей поэзіи: пѣсня моя „Голубокъ" и сказка „Модная жена", пріобрѣли мнѣ нѣкоторую извѣстность въ обѣихъ столицахъ. Любители музыки сдѣлали на пѣсню мою нѣсколько голосовъ. Она полюбилась прекрасному полу, а сказка поэтамъ и молодежи. Съ той поры и въ обществѣ Державина уже я пересталъ быть авскультантомъ и вступилъ, такъ сказать, въ собратство съ его членами; но ничье одобреніе столько не льстило моему самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Козлятева. Въ то же время я началъ изучать басенниковъ и выдалъ, подражая болѣе Лафонтену и Флоріану, нѣсколько басенъ. Мнѣ посчастливилось также и этими опытами угодить обществу и многимъ изъ литераторовъ.

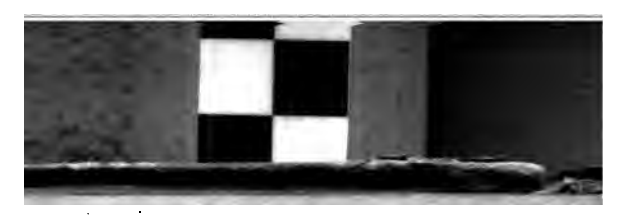
Семьсотъ девяносто четвертый годъ былъ моимъ лучшимъ піитическимъ годомъ. Я провелъ его посреди моего семейства, въ приволжскомъ городкѣ Сызранѣ, или въ странствованіи по Низовому краю. Здоровъ, независимъ, обезпеченъ во всѣхъ моихъ неприхотливыхъ нуждахъ, я не скучалъ отсутствіемъ шумныхъ забавъ и докучливыхъ, холодныхъ посѣщеній. Для меня достаточно было одной моей семьи и двоюроднаго моего брата Платона Петровича Бекетова [37]), съ нимъ я вмѣстѣ учился въ Казани и Симбирскѣ; вмѣстѣ служилъ въ гвардіи и, къ счастію моему, вмѣстѣ доживаю теперь и старость.

Сызранъ выстроенъ былъ худо, но красивъ по своему мѣстоположенію. Онъ лежитъ при заливѣ Волги и раздѣляется рѣкою Крымзою, которая въ первыхъ дняхъ мая бываетъ въ большомъ разливѣ. Каждое воскресенье, въ хорошую погоду, видѣлъ я ее изъ моихъ оконъ, покрытою лодками; зажиточные купцы съ семействомъ и друзьями катались въ нихъ взадъ и впередъ, подъ веселымъ напѣвомъ бурлацкихъ пѣсенъ. На дочеряхъ и женахъ вѣяли бѣлыя кисейныя фаты или покрывала, сверкалъ жемчугъ, сіяли золотыя повязки, *кокошники* и парчевыя тѣлогрѣи. Прогулка ихъ оканчивалась

ногда заливомъ Волги. Тамъ они бывало тянутъ тон сами себѣ готовятъ на муравѣ уху изъ живой рыбы.

Это мѣсто было и моимъ любимымъ гульбищемъ. ясное утро, съ первыми лучами солнца, я переѣзжал дрожкахъ (когда нѣтъ разлива) рѣку Крымзу прямо про монастыря и, взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ т сюда, безъ всякой цѣли, но вездѣ наслаждался живопис видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, в имъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Вездѣ давалъ волю м мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ го работою. Потомъ спускался на Воложку или къ заливу В Тамъ выбиралъ изъ любаго садка лучшихъ стерлядей и возилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. Потомъ кла бумагу стихи, придуманные въ моей прогулкѣ. Если бывалъ ими доволенъ, то читывалъ ихъ сестрамъ м Платону Петровичу Бекетову или Игнатью Ивановичу ловцову [38]), которые гащивали у насъ попеременно. Н иметь новое удовольствіе: переписывать стихи мои набѣл отсылки къ Карамзину. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидал его отзыва! Съ какою радостію получалъ его! Съ ка удовольствіемъ видѣлъ стихи мои уже въ печати! Ка письмо моего добраго друга было поощреніемъ для дал ихъ стихотворныхъ занятій. Здѣсь-то, въ роскошную весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера мелькнули п мой безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ.

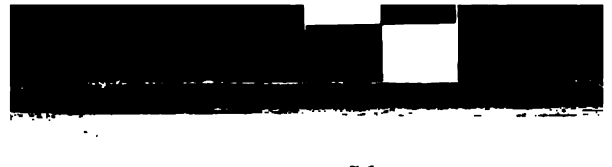
Въ продолженіи того же года я отлучался въ Цар для свиданія въ послѣдній разъ съ роднымъ моимъ Никитой Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ. Онъ жилъ въ своемъ Отрадѣ, въ тридцати верстахъ отъ города а въ двадцати отъ Сарепты, извѣстнаго поселенія евангелич братства. Всю дорогу совершилъ я по величавой Волгѣ могу и теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней торые провелъ я въ плывучемъ домѣ, — особенно же ка утра! Время было прекрасное: начало лѣта. Въ каютѣ помѣщались только столикъ, одинъ стулъ, кровать, а ная полка съ моими книгами. По восходѣ солнца выхо изъ тѣсной моей спальной на палубу съ Аріостомъ

сахъ (съ французскимъ переводомъ „Неистоваго Роланда“ мною выносили стулъ, столикъ и ставили на немъ сереб[ряный] приборъ для кофія.—Я самъ варилъ его. Судно наше [плы]лось плавно или неслось быстро на парусахъ, въ п[олной] безопасности отъ мелей и бури. Между тѣмъ на обоих [бе]регахъ непрестанно перемѣнялись для глазъ моихъ пред[меты] съ каждою минутою новыя сцены: то мелькали мимо нас [го]рода, то пріосѣняли навислыя горы; индѣ дремучій лѣс[ъ], миловидные кустарники; здѣсь татарская мечеть, тамъ це[рковь] или кирка среди большихъ селеній. Съ наступленіемъ ве[чера] я спускался въ каюту и ожидалъ вдохновенія музы. [Въ] этомъ-то уголкѣ написаны: ода „Къ Волгѣ“ и сказка „I[с]тели фортуны“.

Другая отлучка моя изъ Сызрана была въ томъ же въ Астрахань, уже сухимъ путемъ, но не меньше пріятн[ая]. Проѣхавъ нѣсколько русскихъ и татарскихъ деревень н[а]вступаешь въ поселенія выходцевъ европейскихъ, бол[ьшею] частію изъ Германіи. Они простираются на разстояніи [н]сотъ верстъ отъ Саратова до Камышина. Чѣмъ ближ[е къ] Астрахани, тѣмъ чаще встрѣчаются кочевья калмыковъ. [До]рога мѣстами лежитъ на нѣсколько верстъ подлѣ самой В[олги], такъ что колеса почти захватываютъ воду, потомъ [взби]раешься на крутой берегъ. Краснаго лѣса тамъ нѣтъ: из[рѣдка] мелкій или кустарники; за то поля усѣяны тюльпа[нами]. Иногда думаешь быть внѣ Россіи, ибо видишь другихъ л[юдей], другіе обычаи, даже другихъ животныхъ. Часто я вне[запно] бывалъ пораженъ протяжнымъ и продолжительнымъ скри[помъ] татарскихъ арбъ или телѣжекъ на двухъ немазанныхъ [коле]сахъ; на нихъ отправляется виноградъ въ Москву и д[ругія] губерніи. Порою встрѣчался мнѣ вооруженный калмыкъ, [ска]чущій во всю прыть на борзомъ конѣ, держа на рукѣ с[окола] или ястреба. Тамъ, въ туманный вечеръ, въ видѣ зыблющ[ихся] холмовъ, покоился на травѣ табунъ верблюдовъ; за ним [ви]вался рядъ кибитокъ, при коихъ противъ пылающаго [ко]роста рѣзвились нагіе калмычата.

Городъ Астрахань представляетъ также картину [до]стойную любопытства. Можно прожить въ немъ недѣли

не скучно. Съ противоположнаго берега онъ виденъ въ значительномъ протяженіи на высокихъ холмахъ, какъ бы увѣнчанныхъ садами виноградными. Доѣхавъ до Волги, находишь лагерь кибитокъ, и около нихъ калмыковъ и прибывшихъ по торговымъ дѣламъ бухарцевъ и хивинцевъ. Всѣ они по привычкѣ живутъ внѣ города. Промышленные татары тотчасъ предлагаютъ свои лодки для переправы чрезъ Волгу въ городъ, входишь въ нихъ вмѣстѣ съ калмыкомъ, армяниномъ, индійцемъ и оглушаешься шумнымъ говоромъ на разныхъ незнаемыхъ языкахъ. Каждый попутчикъ имѣетъ особый обликъ, отличную одежду. Въ одномъ городѣ видишь разные обычаи, гостинные дворы трехъ народовъ, свободное отправленіе службы трехъ вѣроисповѣданій: христіанскаго, магометанскаго и идолопоклонническаго. Монахъ сталкивается съ факиромъ; лама пріятельски разговариваетъ съ муллою, лютеранинъ съ католикомъ.

Поэту не безполезно путешествовать — одна недѣля въ пути можетъ обогатить его запасомъ идей и картинъ по крайней мѣрѣ на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхода солнца, вечернихъ сценъ, украшаемыхъ послѣдними его лучами, безмолвной величественной ночи, усѣянной звѣздами, или освѣщаемой полною и кроткою луною, онъ вдыхаетъ въ себя большее благоговѣніе къ непостижимому. Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго и физическаго міра, онъ входитъ въ себя, съ большею живостію принимаетъ всякое впечатлѣніе, и запасается, не думая о томъ, матеріалами для будущихъ, какъ и прежде сказалъ, своихъ произведеній. ...мое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его соображенія.

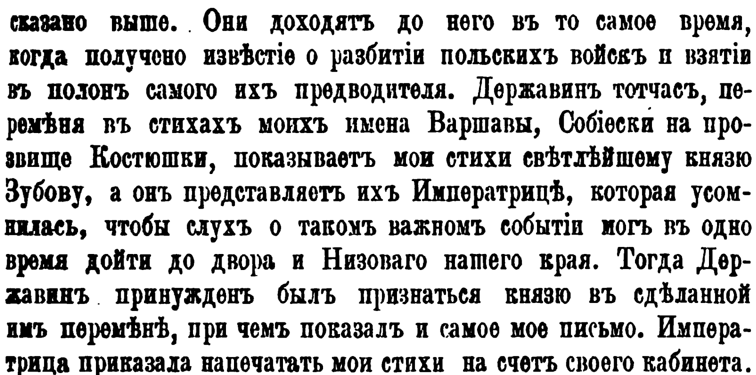
Всякій разъ, когда я ни бывалъ въ дорогѣ, въ весеннюю или лѣтнюю пору, прихаживало мнѣ на мысль, что я родился живописцемъ, а не поэтомъ, — по крайней мѣрѣ ...комъ въ живописи: каждое замѣчательное мѣстоположеніе, всѣ живописныя сцены утра, вечера или ночи заставляли меня вздохнуть, для чего я не живописецъ и не могу тотчасъ

остановиться и перенести все видѣнное на холстъ или бумагу. Никогда не забуду меланхолическаго, но какъ-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большаго селенія и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающихся съ полевой работы. Чрезъ всю деревню я велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не разлучиться мнѣ съ ними. Долго слѣдовали они за мною и оглушали меня своими пѣснями, потомъ разсыпались въ разныя стороны; между тѣмъ я продолжаю путь мой, и веселыя пѣсни еще отзываются въ ушахъ моихъ. Достигаю до конца селенія и вижу поселянина въ глубокой старости сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго на колѣняхъ своихъ младенца. Вѣроятно, это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его.

Путешествіе, младенецъ въ противоположности съ старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца,—все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ и конецъ ея. Я не однажды разсказывалъ объ этой сценѣ знакомымъ мнѣ рисовальщикамъ и живописцамъ; мнѣ хотѣлось возбудить въ нихъ желаніе составить изъ моего описанія иносказательную картину, но разсказъ мой не подѣйствовалъ на ихъ сердце.

Піитическій мой годъ уже приближался къ концу, и я, по возвращеніи моемъ въ Сызрань, прожилъ въ немъ только до зимняго пути. Въ продолженіи моего тамъ пребыванія, написаны были: „Гласъ Патріота“, „Чужой толкъ“, „Ермакъ“; изъ сказокъ: „Воздушныя башни“, „Причудница“, и „Посланіе къ Державину“, по случаю кончины незабвенной его супруги, оставившей преждевременно міръ нашъ въ апрѣлѣ того же года [39]).

„Гласъ Патріота“ былъ данью обрадованнаго сердца, по слуху о покореніи Варшавы. Я сочинилъ эти стихи предъ отъѣздомъ моимъ въ Астрахань, но еще на дорогѣ узналъ, къ моей досадѣ, о несправедливости слуха. Однако, по привычкѣ моей сообщать всякое мое произведеніе Карамзину и Державину, отправилъ я уже изъ Астрахани къ послѣднему и „Гласъ Патріота“ вмѣстѣ съ „Посланіемъ“, о которомъ

сказано выше. Они доходятъ до него въ то самое время, когда получено извѣстіе о разбитіи польскихъ войскъ и взятіи въ полонъ самого ихъ предводителя. Державинъ тотчасъ, перемѣня въ стихахъ моихъ имена Варшавы, Собіески на прозвище Костюшки, показываетъ мои стихи свѣтлѣйшему князю Зубову, а онъ представляетъ ихъ Императрицѣ, которая усомнилась, чтобы слухъ о такомъ важномъ событіи могъ въ одно время дойти до двора и Низоваго нашего края. Тогда Державинъ принужденъ былъ признаться князю въ сдѣланной имъ перемѣнѣ, при чемъ показалъ и самое мое письмо. Императрица приказала напечатать мои стихи на счетъ своего кабинета.

На возвратномъ пути моемъ въ Петербургъ, узналъ я въ Москвѣ отъ Карамзина о прекращеніи „Московскаго Журнала“ [40]). Издатель его занялся печатаніемъ „Писемъ русскаго путешественника“ и собраніемъ всѣхъ повѣстей, сказокъ и мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки“. Послѣдуя примѣру его, выдалъ и я въ 795 году въ первый разъ собраніе моихъ стихотвореній подъ именемъ: „И мои бездѣлки“. Это изданіе достопамятно для меня тѣмъ, что пріобрѣло мнѣ лестное знакомство съ почтеннымъ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Меценатъ Ломоносова еще обращалъ привѣтливый взглядъ и къ позднѣйшему поколѣнію нашихъ поэтовъ.

Съ пресѣченіемъ „Московскаго Журнала“ охолодѣло во мнѣ соревнованіе. Съ того времени до изданія Карамзинымъ „Вѣстника Европы“ я не написалъ ничего, чѣмъ бы самъ былъ доволенъ, не исключая и „Освобожденной Москвы“, хотя нѣкоторые и ставили эту поэмку на счету лучшихъ моихъ стихотвореній. Она давно бродила у меня въ головѣ; но я откладывалъ приняться за нее до пріѣзда моего въ Сызранъ, въ надеждѣ насладиться тамъ опять піитическою жизнію; судьба расположила иначе: пожаръ истребилъ городъ, остались только слѣды нашего дома. Отецъ мой принужденъ былъ съѣхать на житье въ свою деревню, въ двадцати пяти верстахъ отъ города, и тамъ-то написаны были „Освобожденная Москва“ и „Посланіе къ Карамзину“:

«Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней новыхъ» и пр.

написаны въ ветхомъ и тѣсномъ домѣ, въ продолженіи жестокой болѣзни сестры моей. Пронзительный вопль ея почти каждый день, раздирая мое сердце, заставлялъ бросать перо и бѣжать изъ дома.

Послѣ того въ четыре года, вышли отъ меня только подражаніе „Посланію Попа къ доктору Арбутноту“, и посредственные „Стихи на случай освобожденія отъ податей потомства Ломоносова“. Во все это время находясь въ гражданской службѣ, я уже не имѣлъ досуга предаваться поэзіи. При томъ же и самъ хотѣлъ на время забыть ее, чтобы сноснѣе для меня былъ запутанный, варварскій слогъ нашихъ толстыхъ экстрактовъ и апелляціонныхъ челобитенъ.

Наконецъ, получа отставку, я переселился въ Москву, купилъ у профессора Лангера за пять тысячъ восемь сотъ рублей деревянный домикъ съ маленькимъ садомъ, близъ Красныхъ воротъ, въ приходѣ Харитонія въ огородникахъ, передѣлалъ его снаружи и внутри, сколько можно получше; украсилъ небольшимъ числомъ эстамповъ, достаточною для меня библіотекою и возобновилъ авторскую жизнь, уже не въ городкѣ, а въ роскошной столицѣ, имѣя только три тысячи рублей постояннаго, годоваго дохода.

Съ весны до глубокой осени, въ хорошую погоду, каждое утро и каждый вечеръ обхаживалъ я мой садикъ, занимаясь его отдѣлкою или поправкою; иногда же чтеніемъ подъ густою тѣнью двухъ старыхъ липъ, прозванныхъ Филемономъ и Бавкидою. Между тѣмъ посвящалъ часа по два моему кабинету, ѣзжалъ на дрожкахъ за городъ любоваться живописными окрестностями или хаживалъ по разнымъ частямъ города. Но не проходилъ ни одинъ день, чтобъ я не видался съ Карамзинымъ, а по зимамъ и съ Козлятевымъ. Помнится мнѣ, онъ вышелъ въ отставку на одномъ году со мною и проживалъ въ Москвѣ каждую зиму.

Кромѣ ихъ я также съ удовольствіемъ проводилъ вечера у Настасьи Ивановны Плещеевой [41]). Въ ея то сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери. Нерѣдко посѣщалъ я и почтеннаго моего земляка Ивана Петровича Тур-

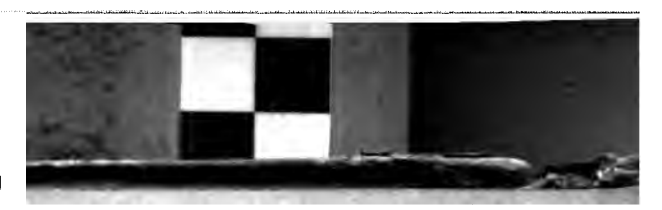

генева, тогдашняго директора Московскаго университета; равно и патріарха современныхъ поэтовъ Михайла Матвѣевича Хераскова.

Можетъ быть, немногимъ извѣстно, что первые дни жизни его ознаменованы такимъ случаемъ, который могъ бы имѣть важныя для него послѣдствія: на третьемъ году отъ рожденія, онъ былъ украденъ изъ отцовскаго дома. Это случилось въ деревнѣ, въ отсутствіе родителей. Оплошная нянька взволновала весь домъ. Пошли распросы и перескавы; узнаютъ о проходившихъ чрезъ деревню цыганахъ; нагоняютъ ихъ на большой дорогѣ и вырываютъ младенца изъ рукъ воровки. Я пишу слышанное отъ самого поэта. Часомъ послѣ, и творецъ „Россіяды“ вмѣсто вершинъ Парнаса прожилъ и умеръ бы безвѣстнымъ въ цыганскомъ таборѣ, посреди нищеты и разврата.

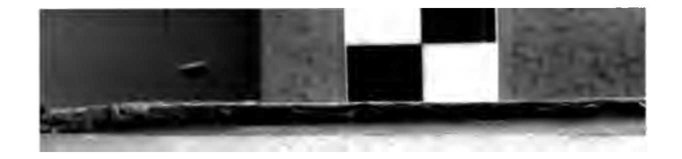
По кончинѣ Сумарокова Херасковъ считался у насъ первымъ поэтомъ; но впослѣдствіи времени Державинъ сильнымъ и оригинальнымъ стихотворствомъ своимъ взялъ надъ нимъ преимущество, хотя и уступалъ ему во вкусѣ, разнообразіи, правильности и чистотѣ языка. Херасковъ, не смотря на соперничество, сохранялъ съ нимъ постоянную связь и пользовался уваженіемъ публики до конца своей жизни. Молодые поэты вмѣняли себѣ въ обязанность стараться получить доступъ къ нему и заслужить его вниманіе. Около того времени онъ выдалъ еще двѣ небольшія поэмы: „Пилигримы“, и „Царь или Спасенный Новгородъ“. За годъ же до кончины своей заключилъ литературное свое поприще сказкою или повѣстью „Бахаріана“ [42]), писанною бѣлыми стихами. Онъ и въ самую глубокую старость, едва ли не восьмидесяти лѣтъ, всякое утро посвящалъ музамъ, въ остальные же часы, кромѣ вечеровъ, любилъ читать по большей части на французскомъ языкѣ. Я заставалъ его почти всегда за книгою. Однажды нашелъ его читающимъ Лагарповъ „Лицей или курсъ литературы“. Первыя слова его были ко мнѣ: „Не такъ бы я писалъ мои трагедіи, если бы сорокью годами прежде прочиталъ эту книгу“. Надобно было видѣть разрушеніе во всѣхъ чертахъ лица и во всемъ составѣ, слышать дрожащій голосъ его, чтобы понять, какъ въ эту минуту онъ меня тронулъ!

Говоря о Херасковѣ, трудно было бы мнѣ промолчать о почтенной его супругѣ. Елизавета Васильевна, по отцѣ Неронова, умѣла плѣнить нашего поэта своею любезностію, которую она сохранила до самой смерти, и талантомъ своимъ въ поэзіи. Она въ молодости своей много писала стиховъ, изъ коихъ мнѣ извѣстна одна только поэмка, подъ заглавіемъ: „Потопъ", напечатанная въ семидесятыхъ годахъ въ „Вечерахъ", петербургскомъ журналѣ. Тогда требовали болѣе плавности, чистоты въ языкѣ, нежели силы въ мысляхъ и выраженіи. По справедливости можно назвать ее во всѣхъ отношеніяхъ достойною подругою поэта. Она облегчала его во всѣхъ заботахъ по хозяйству, была лучшимъ его совѣтникомъ по кабинетскимъ занятіямъ и душою вечернихъ бесѣдъ въ кругу ихъ друзей и знакомцевъ. По кончинѣ супруга она, не мѣшкавъ, написала духовную, избравъ Якова Ивановича Булгакова [43]), князя Николая Никитича Трубецкаго [44]) и меня въ свои душеприкащики. Вскорѣ потомъ впала въ продолжительную болѣзнь и скончалась. Я съ умиленіемъ бывалъ свидѣтелемъ ея покорности и равнодушія, съ какимъ она готовилась разстаться съ міромъ. Подкрѣплю сказанное мною примѣромъ. Во время ея болѣзни хаживалъ къ ней молодой человѣкъ, сынъ ея знакомца. Часто случалось имъ провожать вдвоемъ цѣлые вечера. Чѣмъ же они занимались? Задавали другъ другу риѳмы (bouts-rimés). Онъ показывалъ мнѣ однажды четверостишіе, сочиненное больною на смертномъ одрѣ, на заданныя отъ него риѳмы. Содержаніе стиховъ было размышленіе о жизни. Она уподобляла свою одной изъ заданныхъ ей риѳмъ,—догарающей свѣчкѣ.

Одиночество мое оживлялось довольно часто бесѣдою и молодыхъ писателей: Василья Львовича Пушкина; Владиміра Васильевича Измайлова [45]) и Василья Андреевича Жуковскаго. Признательность моя наименовала только тѣхъ, которыхъ постоянная пріязнь ко мнѣ и понынѣ услаждаетъ мои воспоминанія.

Кажется, будто мнѣ суждено было тогда только воспламеняться поэзіей, когда Карамзинъ издавалъ журналы. Съ появленіемъ „Вѣстника Европы" въ 1802 году, обратился *опять* къ музамъ, но, развлеченный невольно городской жизнью,

хотя и не былъ раболѣпнымъ данникомъ свѣта, ослабѣвая при томъ въ здоровьѣ, я уже началъ терять живость воображенія и занимался болѣе подражаніемъ иноземнымъ басенникамъ.

Вскорѣ за тѣмъ я занемогъ продолжительною и важною болѣзнію. Нѣсколько недѣль былъ въ совершенномъ разслабленіи. Тянувъ томную жизнь со дня на день, считая каждый послѣднимъ, я имѣлъ одну только отраду сидѣть съ утра до вечера въ бесѣдкѣ моего садика и читать новости французской литературы. Такое занятіе было для меня полезнѣе моихъ знакомцевъ; углубясь въ чтеніе, я забывалъ тогда хотя на краткое время объ моемъ положеніи; а ихъ печальный и сожалительный видъ напоминалъ объ немъ при самомъ входѣ; притомъ же мнѣ тяжело было говорить съ ними: отъ пяти словъ занималось дыханіе.

Съ первыхъ дней болѣзни столь быстрый переходъ отъ полноты жизни къ чрезвычайному изнеможенію ужаснулъ меня; но потомъ, мало-по-малу свыкаясь съ мыслію о смерти, я сталъ спокойнѣе, покорилъ себя Провидѣнію и всѣмъ сердцемъ благодарилъ его за каждый день, въ который оно допустило меня посреди цвѣтовъ и зелени еще насладиться сіяніемъ солнца и чистою лазурью неба.

Въ продолженіи осени я началъ оправляться и въ этомъ состояніи написалъ басни: „Пѣтухъ, котъ и мышенокъ“, „Царь и два пастуха“, „Летучія рыбы“, „Воспитаніе льва“, „Каретныя лошади“. Помнится мнѣ, въ то же время вышла отъ меня стихотворная бездѣлка подъ заглавіемъ: „Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія“. Эти стихи раздѣлены были на три части, каждая въ листочекъ, и напечатаны, съ согласія путешественника, только для круга короткихъ нашихъ знакомцевъ.

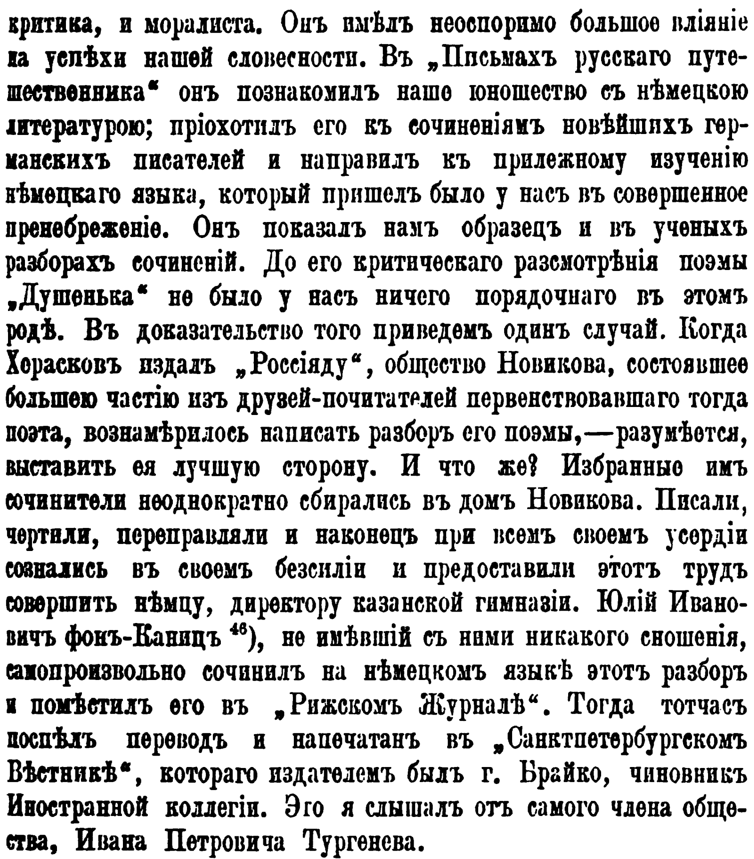
Съ наступившимъ 1803 годомъ Карамзинъ пересталъ издавать „Вѣстникъ Европы“, бывъ побужденъ къ тому новою обязанностію исторіографа. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что нѣкоторымъ образомъ и я имѣлъ вліяніе на его исторію, на его собственную и отечественную славу. Онъ уже давно занимался прохожденіемъ всемірной исторіи среднихъ временъ; съ приложеніемъ читалъ всѣхъ классическихъ авторовъ, древ-

нихъ и новыхъ; наконецъ прилѣпился къ отечественнымъ лѣтописямъ; въ то же время приступилъ и къ легкимъ опытамъ въ историческомъ родѣ. Таковыми назову: „О московскомъ мятежѣ за Морозова, въ царствованіе Алексѣя Михайловича"; „Путешествіе къ Троицѣ; „О бывшей Тайной канцеляріи", и пр. Между тѣмъ онъ часто говаривалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы писать отечественную исторію; но въ положеніи частнаго человѣка не смѣетъ о томъ и думать: пришлось бы отстать отъ журнала, составляющаго значительную часть годоваго его дохода. Я совѣтовалъ ему просить званія исторіографа; онъ считалъ это невозможнымъ, говоря, что по обычаю моему все вижу въ розовомъ цвѣтѣ. Въ продолженіи времени нѣсколько разъ возобновлялась рѣчь о томъ же, и я все говорилъ ему одно и то же: проситься въ исторіографы. Наконецъ онъ уступилъ моимъ совѣтамъ, избравъ ходатаемъ своимъ Михаила Никитича Муравьева, бывшаго тогда статсъ-секретаремъ и попечителемъ Московскаго университета. Докладъ не замѣшкался, и въ концѣ того же года послѣдовалъ высочайшій указъ о наименованіи Карамзина исторіографомъ. Въ слѣдъ затѣмъ изъ отставныхъ поручиковъ онъ пожалованъ въ чинъ надворнаго совѣтника, и назначено ему по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона.

Журналъ его „Вѣстникъ Европы" по всей справедливости можетъ назваться лучшимъ нашимъ журналомъ. Онъ удовлетворяетъ читателямъ обоихъ половъ, молодымъ и престарѣлымъ, степеннымъ и веселымъ. Строгій вкусъ присутствовалъ при выборѣ почти каждой статьи его. „Марѳа Посадница", историческая повѣсть, помѣщенная во второмъ годѣ журнала, превзошла всѣ произведенія издателя. Въ ней открылся талантъ его уже въ полномъ блескѣ и зрѣлости. Прибавимъ къ тому, что Карамзинъ началъ писать эту повѣсть во время жестокой болѣзни своей супруги, посреди заботъ и душевныхъ страданій, а дописалъ въ первыхъ мѣсяцахъ ея кончины. Не доказываетъ ли это всю силу таланта и ума его?

Никто изъ журналистовъ нашихъ, старыхъ и современныхъ, *не былъ* богатѣе и разнообразнѣе Карамзина въ собственныхъ *сочиненіяхъ*. Мы видѣли въ немъ и политика, и патріота, и

критика, и моралиста. Онъ имѣлъ неоспоримо большое вліяніе на успѣхи нашей словесности. Въ „Письмахъ русскаго путешественника“ онъ познакомилъ наше юношество съ нѣмецкою литературою; пріохотилъ его къ сочиненіямъ новѣйшихъ германскихъ писателей и направилъ къ прилежному изученію нѣмецкаго языка, который пришелъ было у насъ въ совершенное пренебреженіе. Онъ показалъ намъ образецъ и въ ученыхъ разборахъ сочиненій. До его критическаго разсмотрѣнія поэмы „Душенька“ не было у насъ ничего порядочнаго въ этомъ родѣ. Въ доказательство того приведемъ одинъ случай. Когда Херасковъ издалъ „Россіяду“, общество Новикова, состоявшее большею частію изъ друзей-почитателей первенствовавшаго тогда поэта, вознамѣрилось написать разборъ его поэмы,—разумѣется, выставить ея лучшую сторону. И что же? Избранные имъ сочинители неоднократно сбирались въ домъ Новикова. Писали, чертили, переправляли и наконецъ при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи и предоставили этотъ трудъ совершить нѣмцу, директору казанской гимназіи. Юлій Ивановичъ фонъ-Каницъ [46]), не имѣвшій съ ними никакого сношенія, самопроизвольно сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ этотъ разборъ и помѣстилъ его въ „Рижскомъ Журналѣ“. Тогда тотчасъ поспѣлъ переводъ и напечатанъ въ „Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ“, котораго издателемъ былъ г. Брайко, чиновникъ Иностранной коллегіи. Это я слышалъ отъ самого члена общества, Ивана Петровича Тургенева.

Исторію нашей словесности можно раздѣлить на два періода. Первый, по моему мнѣнію, продолжается до послѣдняго десятилѣтія царствованія Екатерины Второй. Въ началѣ его три словесника покушались приближить (а не приблизить) книжный языкъ къ употребляемому въ обществахъ. Князь Кантеміръ началъ и съ довольнымъ успѣхомъ; Тредьяковскій хотѣлъ перещеголять его и за недостаткомъ разборчивости составилъ такой слогъ, которымъ смѣшилъ даже и современниковъ.

Потомъ Ломоносовъ, одаренный превосходнымъ геніемъ, очистилъ книжный языкъ отъ многихъ словъ, обветшалыхъ и непріятныхъ для слуха; подчинилъ его законамъ неправ-

ленной имъ грамматики; предложилъ въ риторикѣ своей правила для соблюденія плавнаго словотеченія, и хотя совѣтовалъ пользоваться чтеніемъ церковныхъ книгъ, но самъ началъ писать чистымъ русскимъ языкомъ, понятнымъ каждому состоянію и заслужилъ славу перваго преобразователя отечественнаго слова.

Учениками школы его были всѣ того времени писатели и переводчики С.-пб. академіи наукъ и Московскаго университета; равно и прозаическіе писатели и переводчики. Изъ числа послѣднихъ отличались плавностію или исправностію слога—Семенъ Андреевичъ Порошинъ, Иванъ Логиновичъ Кутузовъ [47]), Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, Денисъ Ивановичъ Фонъ или Фанъ-Визинъ, и гораздо послѣ ихъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, нынѣшній президентъ Россійской академіи и министръ просвѣщенія.

Впослѣдствіи времени захотѣли сами быть начальниками школы Елагинъ и Фонвизинъ. Первый обратился къ славянчизнѣ: перевелъ почти по славянски „Похвальное слово Марку Аврелію" извѣстнаго французскаго оратора Тома; другой, хотя и съ большимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у французовъ кадансированною прозою; по этой методѣ переложилъ онъ „Іосифа", прозаическую поэму г. Битобе, и то же самое „Похвальное слово Марку Аврелію". Послѣдователи ихъ захотѣли перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія рѣченія и обороты. Мы находимъ въ ихъ сочиненіяхъ: тако мнѣ глаголющу; возставшу солнцу, и пр. тому подобное. Усерднѣйшіе изъ нихъ славянофилы были М. Поповъ, поэтъ, прозаическій авторъ и переводчикъ съ французскаго языка Тассовой поэмы „Освобожденный Іерусалимъ"; сенаторъ И. С. Захаровъ; особенно же Г. Якимовъ, Пахомовъ и священникъ Сидоровскій, о трудахъ коихъ уже сказано выше.

Въ такомъ состояніи находилась наша словесность, когда Карамзинъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. Обдуманная система уже предшествовала его начину; вникая въ свойство языка и

й механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ
какую-то пестроту, неопредѣлительность и вялость
юсть, происходящія отъ раболѣпнаго подражанія
е только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и
пейскихъ языковъ, и по зрѣломъ размышленіи
і дорогой и началъ писать языкомъ, подходящимъ
ому образованнаго общества семидесятыхъ годовъ.
одители съ дѣтьми, русскій съ русскимъ не сты-
ать на природномъ своемъ языкѣ; въ составленіи
да употреблять возможную сжатость, и притомъ
ся отъ частыхъ союзовъ и мѣстоимѣній „который
а въ добавокъ еще и „коихъ"; наконецъ наблю-
ный порядокъ въ словорасположеніи. Объяснимъ это
Елагинъ, помнится мнѣ, третью книгу „Россійской
инаетъ такъ: „Неизмѣримой вѣчности въ пучину
зя Владиміра духъ".... Держась естественнаго
ловорасположеніи, слѣдовало бы поставить: „Духъ
іра, отшедшій въ пучину вѣчности неизмѣримой",
къ образомъ изложенная часть періода была бы
ерпима образованнымъ вкусомъ.
ремени такъ называемый высокій, полу-славянскій
тянутый, вялый средняго рода стали мало-по-
ть изъ употребленія. Нынѣ первый раздается
еодры, а послѣдняго придерживаются еще не-
ники, которымъ, по укоренившейся привычкѣ или
лѣтъ, уже трудно писать иначе. Молодые же
ь изящныхъ письменахъ, студенты Московскаго
и лучшіе писатели приняли въ образецъ себѣ,
или меньшимъ успѣхомъ, слогъ нашего исторіо-
ство, конечно, признаетъ его вторымъ преобразо-
его слога, и отъ него будутъ считать вторый
й словесности.
е обвиняли Карамзина въ галлицизмахъ; на-
, никто болѣе его не остерегался отъ нихъ. Я
іе нарочно сличать переводъ его статьи изъ
исторія" графа Бюфона, напечатанной въ „Пан-
ной словесности", подъ заглавіемъ „Первый

взглядъ человѣка на природу", съ двумя переводами :
статьи въ „Духѣ Бюфона" и его же „Естественной ист
изданной отъ Академіи наукъ. Въ переводѣ Карамзи
нашелъ ни одного галлицизма, а въ послѣднихъ двух
татель встрѣтится съ нимъ едва ли не на каждой стра

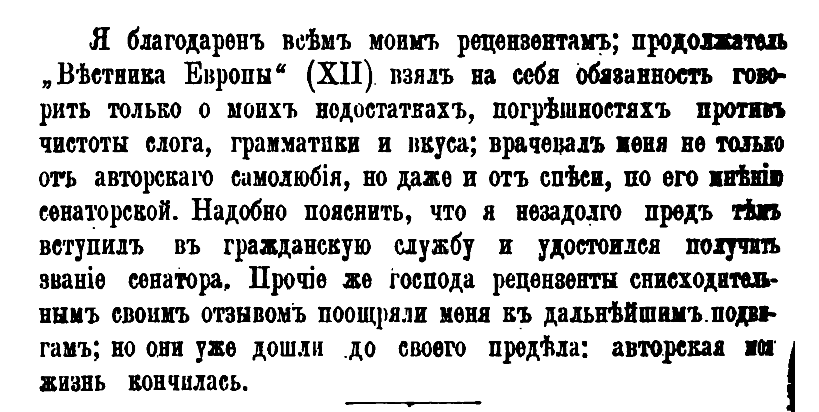
Скажу, наконецъ, что Карамзинъ же познакомилъ
и съ Шлецеромъ. Онъ первый сталъ говорить объ и
ческомъ изданіи нашего Нестора; обратилъ вниманіе земл
своихъ на историческія изслѣдованія и на самую отечеств
исторію. Онъ подалъ имъ въ руки самъ на себя оруді
они не умѣли владѣть имъ, и безсильная зависть ост
только слѣды желчи, не болѣе!

Чувствую, что дружба и праведное негодованіе откл
меня отъ моего предмета; но я пишу въ то самое і
когда Карамзинъ выдалъ девять (нынѣ одиннадцать) т
„Исторіи Государства Россійскаго", съ поспѣшностью перев
ныхъ на языки французскій, италіанскій и нѣмецкій, :
жившихъ отъ европейскихъ журналистовъ лестные отзывы.
говорили, что Карамзинъ заслужилъ быть на ряду съ з
нитѣйшими историками нашего времени; другіе, что и
его исполнена глубокомысліемъ, философіей, что повсюду
каютъ въ ней сильныя черты краснорѣчія. Однимъ нраі
въ авторѣ благородное негодованіе на жестокость деспота
другимъ, его добродушіе, народливость (XI), придающая к
то прелесть его творенію. Я пишу въ то время, когда
преки вышесказанному, не чужой, а нашъ согражданинъ, зе
и нѣкогда почитатель Карамзина, при самомъ появленіи
выхъ четырехъ томовъ Исторіи, написалъ въ разныя вр
и въ разныхъ формахъ нѣсколько строчекъ на счетъ о
только вступленія въ исторію; напалъ, какъ на ученика,
соблюденія приличнаго уваженія къ званію и авторским
слугамъ исторіографа, но, не простирая далѣе своихъ п
говъ, опустилъ утомленную свою руку; когда примѣръ
отважилъ Арцибашева, доселѣ извѣстнаго по переводу
церова введенія въ россійскую исторію, изданнаго имъ
названіемъ „Приступа къ русской исторіи", уже не ирони
но грубыми укоризнами, отплатить Карамзину, своему

отечественнику, за многолѣтніе труды его, за то, что онъ эзбудилъ вниманіе къ нашей словесности въ ученомъ свѣтѣ; огда прочіе наши журналисты, кромѣ одного, ни слова за эго не говорили, даже боялись принимать въ свои журналы исанное въ его защиту; когда, кромѣ Владиміра Измайлова, нязя Вяземскаго, Александра Пушкина и Иванчина Писарева Николая)[48], никто изъ нашихъ литераторовъ, даже и между риверженныхъ издавна къ исторіографу, не возсталъ противъ го хулителей!! Заключу, наконецъ, тѣмъ, что выходки перваго, якъ называемаго, критика Исторіи Карамзина, подъ именемъ іевскаго корреспондента и Лужницкаго старца [49]) напечатаны или въ журналѣ „Вѣстникъ Европы", издаваемомъ Качеювскимъ, профессоромъ Императорскаго Московскаго универитета, а другаго въ „Казанскомъ Вѣстникѣ" [50]), состоявшемъ юдъ покровительствомъ Казанскаго университета. Какая заѣтная черта для будущей исторіи отечественной словесности ашего времени!

Съ переходомъ „Вѣстника Европы" въ другія руки, я шалъ уже рѣдко и мало. Карамзинъ пересталъ на меня ѣйствовать: предавшись весь исторіи, онъ уже не принималъ частія въ поэзіи, даже охолодѣлъ къ тогдашней нашей итературѣ.

Между тѣмъ къ двумъ частямъ стихотвореній моихъ привилась третья и послѣдняя [51]). Она разбираема была въ Вѣстникѣ Европы" 1806 года продолжателемъ сего журнала. олное изданіе моихъ стихотвореній разбирали въ разныя емена: Петръ Ивановичъ Макаровъ въ журналѣ своемъ Меркурій" 1803 года; Александръ Өедоровичъ Воейковъ спб. журналѣ „Цвѣтникъ" 1810 года; Владиміръ Васьевичъ Измайловъ въ „Музеумѣ" 1815 года, и наконецъ нязь Петръ Андреевичъ Вяземскій въ моей біографіи, пощенной имъ въ послѣднемъ собраніи моихъ стихотвореній, данныхъ съ моего согласія „Обществомъ Любителей Словести", извѣстнаго болѣе подъ именемъ „Соревнователей", подъ туломъ „Стихотворенія И. И. Дмитріева", изданіе шестое, правленное и уменьшенное самимъ авторомъ, 2 части. 1823 a. С.-Пб. въ тип. Н. И. Греча.

Я благодаренъ всѣмъ моимъ рецензентамъ; продолжатель „Вѣстника Европы“ (XII) взялъ на себя обязанность говорить только о моихъ недостаткахъ, погрѣшностяхъ противъ чистоты слога, грамматики и вкуса; врачевалъ меня не только отъ авторскаго самолюбія, но даже и отъ спѣси, по его мнѣнію сенаторской. Надобно пояснить, что я незадолго предъ тѣмъ вступилъ въ гражданскую службу и удостоился получить званіе сенатора. Прочіе же господа рецензенты снисходительнымъ своимъ отзывомъ поощряли меня къ дальнѣйшимъ подвигамъ; но они уже дошли до своего предѣла: авторская моя жизнь кончилась.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На прощаньѣ скажу нѣсколько словъ о себѣ и объ томъ, какъ я самъ оцѣнивалъ авторскія мои способности и въ чемъ полагаю истинное свойство и назначеніе поэта.

Я началъ писать, не знавъ еще правилъ стихотворства, съ 1777 и продолжалъ до 1810 года. Изъ этого круга времени, конечно, должно исключить четырнадцать лѣтъ, въ продолженіи коихъ стихотворствовалъ я, бывши знакомъ только съ двумя стихотворцами, но и тѣмъ стыдился показывать мои риѳмы. Посылалъ ихъ въ журналы отъ безъименнаго, и, кромѣ одного поучительнаго случая, описаннаго мною въ началѣ моихъ записокъ, ни по слухамъ, ни по журналамъ не зналъ, какъ объ стихахъ моихъ судятъ. Стихотворствовалъ при томъ нѣсколько лѣтъ посреди черствой службы, въ малыхъ чинахъ, между строями и караулами, въ обращеніи съ товарищами почти необразованными, въ уголкѣ тѣснаго, низменнаго домика, чрезъ перегородку, раздѣляющую меня съ братомъ, въ шуму входящихъ и выходящихъ, не бывъ почти никогда, ниже на двѣ минуты, въ совершенномъ уединеніи.

Вся моя забота была только объ томъ, чтобы стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи. Но въ то время у насъ едва ли не такъ же думали не только читатели, но и самые первостепенные стихотворцы. Оттого стихи мои были вялы, безцвѣтны, безъ

характера, жалкія подражанія, почему напослѣдокъ и преданы отъ меня забвенію, и не вошли въ первое изданіе „И моихъ бездѣлокъ".

Равномѣрно должно исключить еще восемь лѣтъ, проведенныхъ мною въ гражданской службѣ. Тогда я не только не имѣлъ досуга, но даже и боялся развлекать себя стихотворствомъ. Это была четырехлѣтняя бытность моя оберъ-прокуроромъ, и столько же сенаторомъ. И такъ выходитъ, что дѣятельная піитическая жизнь моя продолжалась только одиннадцать лѣтъ.

Но упомянутыя четырнадцать лѣтъ моего риѳмованія имѣли вліяніе и на послѣдующія мои произведенія. Привыкнувъ въ молодости писать урывками, я не могъ уже и въ зрѣломъ возрастѣ высидѣть за бумагой около часа, нетерпѣливъ былъ обдумывать предпринимаемую работу. При малѣйшемъ упорствѣ риѳмы, при малѣйшемъ затрудненіи въ краткомъ и ясномъ изложеніи мыслей моихъ, я бросалъ перо въ ожиданіи счастливѣйшей минуты: мнѣ казалось унизительнымъ ломать голову надъ парою стиховъ и насиловать самого себя или самую природу. Оттого, можетъ быть, и примѣчается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Оттого послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы.

Нынѣ трудно увѣрить, что я не домогался покровительства журналистовъ; не употреблялъ никакихъ уловокъ къ распространенію моей извѣстности; не старался изъ зависти унижать самобытный талантъ въ комъ бы то ни было и никогда много не думалъ о стихахъ моихъ. Повѣрятъ или нѣтъ, совѣсть моя спокойна. Часто приходило мнѣ даже на мысль, что я и совсѣмъ не поэтъ, а пишу только по какому-то случайному направленію, по одному навыку къ механизму. Даже и тогда, когда писалъ уже не про себя, я думалъ, и въ томъ убѣжденъ былъ, что кощунство, изображеніе картинъ, возмущающихъ непорочность, привѣтствія къ Алинамъ, безъ дара Катулла и Анакреона, даже дружескія посланія, растворенныя многословіемъ, не принадлежатъ къ достоянію истиннаго поэта.

Соч. И. И. *Дмитріева*, т. IX.

Такъ я и теперь не перемѣнилъ моего мнѣнія: поэз порожденіе неба, хотя и склоняетъ взоръ свой къ землѣ, но здѣсь она проницаетъ во глубину сердецъ; наблюдаетъ сок венные ихъ изгибы и живописуетъ страсти; держась всег нравственной цѣли, воспламеняетъ къ добродѣтели, ко все изящному и высокому, воспѣваетъ доблести обреченныхъ і безсмертію. А тамъ — изливается въ удивленіи къ мірозданіі въ трепетномъ благоговѣніи къ Непостижимому. Вотъ назн ченіе истинной поэзіи! Вотъ почему она и называется орг номъ боговъ, а вдохновенный ею поэтомъ.

Какъ бы то ни было, но я долженъ быть признателеі къ счастливой звѣздѣ моей: едва ли кто изъ моихъ совр менниковъ проходилъ авторское поприще съ меньшею забот и большею удачею.

По кончинѣ попечителя Московскаго университета, М. I Муравьева, Государь Императоръ Александръ Павловичъ бл говолилъ назначить меня на его мѣсто; но собственное сознан недостатковъ моихъ внушило въ меня смѣлость просить Е Императорское Величество о возложеніи званія попечителя н другого, болѣе меня того достойнаго.

Императорская Россійская Академія, задолго предъ тѣм (въ царствованіе императора Павла), подъ предсѣдательством Павла Петровича Бакунина, почтила меня избраніемъ въ сво дѣйствительные члены [52]), не ожидая, какъ по уставу положено собственнаго моего о томъ ходатайства. А при нынѣшнем предсѣдателѣ, Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, я удостоилс получить отъ нея большую золотую медаль съ надписью „Россійскому языку пользу принесшему" [53]). Императорскіе уни верситеты, прежде Московскій, а потомъ Харьковскій и Ка занскій, приняли меня въ почетные члены. Этой же честі почтенъ отъ учрежденнаго при С.-Пб. Духовной Академіи совѣт или конференціи для поощренія и распространенія духовно учености; равно и отъ другихъ ученыхъ или благонамѣрен ныхъ обществъ въ имперіи.

Воспоминанія о гражданской службѣ моей будутъ соде жаніемъ второй и третьей части моихъ записокъ, но я нач *слѣдующую* описаніемъ такого случая, который ознакоми

меня болѣе, нежели что другое, съ самимъ собою, имѣлъ, можетъ быть, вліяніе на мою нравственность и на всѣ послѣдовавшія со мною значительныя событія, а потому и можетъ назваться въ жизни моей эпохою.

Москва. 1824 г., января 10-го дня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не имѣвъ склонности къ воинской службѣ, я нетерпѣливо ждалъ капитанскаго чина, послѣдняго по гвардіи, и наконецъ, перваго января, въ 1796 году получилъ его. Въ крещенскій парадъ на гранитномъ берегу Невы я отправилъ первую и послѣднюю службу въ новомъ чинѣ, командуя гренадерскою ротою. Вскорѣ потомъ отпросился въ годовой отпускъ съ твердымъ намѣреніемъ въ слѣдующій годъ выйти въ отставку къ умноженію московскихъ бригадировъ: тогда ихъ было столь же много, какъ нынѣ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ.

Въ концѣ первой части сказано было, какъ я въ этотъ отпускъ у родителей моихъ проводилъ время. Съ каждымъ протекшимъ мѣсяцемъ утѣшался я мыслію, что еще ближе сталъ къ цѣли моихъ желаній; но шестое число ноября, день достопамятный не только для меня, но и для всей имперіи, внезапно разсѣялъ всѣ утѣшительныя надежды и, такъ сказать, подавилъ меня всею тяготою неизвѣстности о будущей судьбѣ моей. Императрица Екатерина Вторая скончалась скоропостижно. Едва я узналъ о томъ, какъ тотчасъ поскакалъ въ Петербургъ. Проѣзжая Москву, слышу о разныхъ перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ гвардіи и по всѣмъ частямъ государственнаго управленія; далѣе по петербургской дорогѣ встрѣчаю непрестанно гонцовъ, скачущихъ въ разныя стороны, или гвардейскихъ сослуживцевъ, успѣвшихъ выйти въ отставку, и узнаю отъ нихъ еще болѣе. Такимъ образомъ, еще въ продолженіи пути, я могъ надуматься, какія на первый случай взять лучшія мѣры. По прибытіи моемъ въ Петербургъ, на другой же день я объявилъ себя въ полку больнымъ и посылаю къ баталіонному командиру вмѣстѣ съ па-

5*

спортомъ и прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи меня отъ службы. Послѣ такой рѣшимости уже никакіе честолюбивые виды не обольщали меня. Я хотѣлъ только получить спокойную независимость. Не прошло еще недѣли, какъ, сверхъ чаянія моего, я получилъ отставку и притомъ съ благоволеніемъ, ибо я уволенъ былъ съ чиномъ полковника и съ ношеніемъ новаго мундира, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ старшихъ капитановъ отставлены были въ тѣхъ же чинахъ или надворными совѣтниками. Къ тому же я и по старой службѣ не могъ бы получить повышенія чиномъ, не выслужа въ настоящемъ полнаго года. Доволенъ будучи столь удачнымъ началомъ, я расположился еще нѣсколько дней просидѣть дома, а потомъ представиться императору Павлу и принести ему благодарность мою на вахтпарадѣ; но представленіе мое случилось прежде, чѣмъ я ожидалъ, и притомъ необыкновеннымъ образомъ.

Въ самый день Рождества Спасителя, поутру я лежалъ на кровати и читалъ книгу. Растворяется дверь, и входитъ ко мнѣ полиціймейстеръ Чулковъ, спрашиваетъ меня, я ли отставной полковникъ Дмитріевъ? Получа подтвержденіе, приглашаетъ меня къ Императору, и какъ можно скорѣе. Я тотчасъ обновляю новый мундиръ, и выхожу съ Чулковымъ изъ моихъ комнатъ. Въ сѣняхъ вижу приставленнаго къ наружнымъ дверямъ часоваго. Я сказалъ только моимъ служителямъ, слѣдовавшимъ за мною: „скажите братьямъ“.— Одинъ изъ нихъ былъ двоюродный мой братъ И. П. Бекетовъ[54]), семеновскаго полка капитанъ, нанимавшій въ одномъ домѣ со мною средній этажъ; а другой родной[55]), семеновскій же сержантъ, лишь только прибывшій въ то утро изъ отпуска и находившійся на ту пору въ среднемъ этажѣ. Выйдя изъ воротъ, мы садимся въ полиціймейстерскую карету и скачемъ ко дворцу. Останавливаемся на углу адмиралтейства, противъ перваго дворцоваго подъѣзда. Полиціймейстеръ, выскоча изъ кареты, сказалъ мнѣ, что онъ скоро возвратится, и пошолъ во дворецъ. Между тѣмъ какъ на дворцовой площади продолжался вахтпарадъ, зрѣлище для меня новое, я въ одномъ мундирѣ, въ тонкомъ канифасномъ гал-

стукѣ, дрожалъ въ каретѣ отъ жестокаго мороза, и ломалъ себѣ голову, чтобъ отгадать причину столь внезапнаго и необыкновеннаго происшествія. Однакожъ невольно видѣлъ всю гвардію, отъ офицера до рядоваго, въ новомъ убранствѣ, или лучше сказать, въ томъ образѣ, въ какомъ она въ семилѣтнюю войну находилась. Наконецъ полиціймейстеръ показался въ подъѣздѣ, махнулъ платкомъ, и карета подъѣхала. Вышедъ изъ оной, встрѣчаюсь я съ сослуживцемъ моимъ штабсъ-капитаномъ В. И. Лихачевымъ, отставленнымъ со мною въ одно время и жившимъ, какъ и я, въ Гороховой улицѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, мы еще въ первый разъ увидѣлись. Полиціймейстеръ ставитъ насъ рядомъ и приглашаетъ слѣдовать за нимъ вверхъ по лѣстницѣ.

Доселѣ я довольно бодрствовалъ, ибо забылъ о праздникѣ и думалъ, что проведутъ насъ пустыми комнатами, мимо часовыхъ, прямо въ кабинетъ къ Государю, но съ первымъ шагомъ во внутренніе покои, я пораженъ былъ неожиданною картиною: вижу въ нихъ весь городъ, всѣхъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, первоклассныхъ вельможъ, придворныхъ обоего пола, во всемъ блескѣ великолѣпнаго ихъ наряда, и вдоль анфилады—самого Государя! Окруженный военнымъ генералитетомъ и офицерами, онъ ожидалъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ отдавались пароль и императорскіе приказы. При входѣ нашемъ въ нее, онъ указываетъ намъ мѣсто противъ себя, потомъ, обратясь къ генералитету, объявляетъ ему, что неизвѣстный человѣкъ оставилъ у булочника письмо на императорское имя, извѣщающее, будто полковникъ Дмитріевъ и штабсъ-капитанъ Лихачевъ умышляютъ на жизнь его. „Слушайте", продолжалъ онъ, и началъ читать письмо, которое лежало у него въ шляпѣ. По прочтеніи онаго Государь сказалъ: „Имя не подписано; но я поручилъ военному губернатору (Н. П. Архарову) отыскать доносителя. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, обратясь къ намъ, я отдаю васъ ему на руки. Хотя мнѣ и пріятно думать, что это клевета, но со всѣмъ тѣмъ я не могу оставить такого случая безъ уваженія. Впрочемъ, прибавилъ онъ, говоря уже на общее лицо, я самъ знаю, что Государь такой-же человѣкъ.

какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабость и пороки; но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому либо какое зло, хотя бы и хотѣлъ того". Помолчавъ немного, заключилъ сими словами: „Если же хотѣть, чтобъ меня только не было, то надобно же кому нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды!" — При семъ словѣ Великіе Князья, Наслѣдникъ и Цесаревичъ, бросились цѣловать его руки. Все восколебалось и зашумѣло: генералы и офицеры напирали и отступали, какъ приливъ и отливъ, и цѣловали Императора, кто въ руку, кто въ плечо, кто ловилъ поцѣловать полу. Когда же все утихло и пришло въ прежній порядокъ, Императоръ откланялся. Архаровъ кивнулъ намъ головой, чтобы мы пошли за нимъ. Въ передней комнатѣ сдалъ насъ полиціймейстеру, который и привезъ насъ въ домъ военнаго губернатора.

По возвращеніи г. Архарова изъ дворца, мы были позваны въ его гостиную. Онъ обошелся съ нами весьма вѣжливо, даже довольно искренно. На какія-то мои слова, онъ отвѣчалъ мнѣ: „за васъ всѣ ручаются". Послѣ обѣденнаго стола, къ которому и мы были приглашены, онъ отдохнулъ и поскакалъ опять къ Государю, а мы съ Лихачевымъ простояли въ одной изъ проходныхъ комнатъ, прижавшись къ печи, до глубокихъ сумерекъ, и не говорили другъ съ другомъ почти ни слова. Наконецъ домоправитель г. Архарова съ учтивостію предложилъ намъ перейти въ особую комнату, для насъ приготовленную. Мы охотно на то согласились, и онъ, доведя насъ до нашего ночлега, приготовленнаго въ верхнемъ жильѣ, пожелалъ намъ доброй ночи. Это были двѣ небольшія комнаты, изъ коихъ въ первой нашли мы у дверей часоваго. При входѣ же въ другую, первая вещь, бросившаяся мнѣ въ глаза, былъ мой пуховикъ съ подушками, свернутый и перевязанный одѣяломъ. Признаюсь, что я не порадовался такой неожиданной услугѣ. Товарищъ мой, найдя также и свою постелю, разослалъ ее на полу и вскорѣ заснулъ на ней, а я, сложа руки, сѣлъ на свою, не думавъ ее развертывать. Между тѣмъ свѣча, стоявшая въ углу на столикѣ, уже догорала, а я еще не спалъ; неподвижно уперъ глаза

въ окно, и что же сквозь его видѣлъ? Полный мѣсяцъ ярко сіялъ надъ Петропавловскимъ шпицомъ. Не хочу описывать всего, что я чувствовалъ, что думалъ, и куда занесло меня воображеніе. Довольно сказать, что послѣ первыхъ волненій сталъ я входить въ себя, началъ обдумывать всѣ возможные случаи, и твердо рѣшился, гдѣ бы ни былъ, что бы ни было, поставить себя выше рока.

Уже въ самую полночь товарищъ мой проснулся, и сталъ уговаривать меня лечь на постелю. Онъ помогъ мнѣ справить ее и я забылся. Но съ первыми лучами солнца жестокая нервическая боль въ головѣ разбудила меня. Вѣроятно она была слѣдствіемъ простуды и сильныхъ душевныхъ движеній. Военный губернаторъ, узнавъ о томъ, прислалъ ко мнѣ домоваго врача, съ помощію котораго болѣзнь моя чрезъ нѣсколько часовъ прекратилась.

На другой день поутру извѣстились мы, что доносчикъ, или клеветникъ нашъ, отысканъ, и вотъ какимъ образомъ. Военный губернаторъ, отъ природы смѣтливаго ума и опытный въ полицейскихъ дѣлахъ, приказалъ немедленно забрать и пересмотрѣть всѣ бумаги, какія найдутся у нашихъ служителей, не забывъ перешарить и все ихъ платье; въ ту же минуту найдено было въ сертучномъ карманѣ одного изъ слугъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ отцу и матери. Онъ увѣдомляетъ въ немъ о разнесшемся слухѣ, будто всѣмъ крѣпостнымъ дарована будетъ свобода, и заключаетъ письмо свое тѣмъ, что если это не состоится, то онъ надѣется получить вольность и другой дорогою. Этотъ слуга, не старѣе двадцати лѣтъ, принадлежалъ брату Лихачева, семеновскаго полка подпоручику.

На третій или на четвертый день нашего задержанія, часу въ десятомъ по полудни, были позваны мы къ военному губернатору. Онъ привѣтствовалъ насъ надеждою скораго освобожденія. „Хотя подозрѣваемый въ доносѣ, прибавилъ онъ, еще не признается, но изобличается въ томъ родныкъ своимъ братомъ: онъ засталъ его дописывающимъ на листѣ бумаги императорскій титулъ; изобличается также и рабочею женщиною, при которой старшій братъ, удара

младшаго, отталкивалъ его отъ стола, чтобъ не мѣшалъ ему писать“; наконецъ военный губернаторъ объявилъ намъ, что Государь приказалъ доносителя, не смотря на его запирательство, предать суду уголовной палаты, а насъ увѣрить, что мы не болѣе двухъ или трехъ дней будемъ продержаны.

Сколь ни отрадна была для насъ вѣсть о скоромъ освобожденіи, но признаюсь, что тридневный срокъ представился мнѣ тогда цѣлымъ годомъ. Однако эта ночь была для меня спокойнѣе прочихъ: сонъ мой былъ крѣпокъ и продолжителенъ. Едва я успѣлъ встать съ постели, какъ вбѣгаетъ къ намъ въ горницу ординарецъ, съ извѣстіемъ, что военный губернаторъ прислалъ изъ дворца карету, съ тѣмъ, чтобы мы поспѣшили пріѣхать во дворецъ до окончанія вахтпарада.

Мы отправились, но уже одни, безъ полицiймейстера. Встрѣчался ли кто съ нами въ дворцовыхъ сѣняхъ, по какой лѣстницѣ всходили, я не помню. Только мы съ четверть часа простояли въ какой-то маленькой комнатѣ, между двухъ-трехъ лакеевъ, сидѣвшихъ съ господскими шубами. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ бывшаго при старомъ дворѣ камеръ-юнкера Ѳ. В. Растопчина уже въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ и съ достоинствомъ графа. Проходя поспѣшно мимо насъ, онъ узналъ меня и изъявилъ обязательное участіе въ случившемся со мною. Вскорѣ послѣ того вошелъ полицiймейстеръ и позвалъ насъ къ Государю.

Императоръ принялъ насъ въ прежней комнатѣ и также посреди генералитета и офицерства. Онъ глядѣлъ на насъ весело, и давъ намъ занять мѣсто, сказалъ собранію: „Съ удовольствіемъ объявляю вамъ, что г. полковникъ *Дмитріевъ* и штабсъ-капитанъ Лихачевъ нашлись, какъ я *ожидалъ*, совершенно невинными; клевета обнаружена, и виновный преданъ суду. Подойдите, продолжалъ, обратясь къ намъ, и поцѣлуемся“. Мы подошли къ рукѣ, а онъ поцѣловалъ насъ въ щеку. „Его я не знаю, примолвилъ онъ, указывая на Лихачева, а твое имя давно мною затверждено. Кажется, безъ ошибки могу сказать, сколько разъ ты былъ въ адмиралтействѣ на караулѣ. Бывало, когда ни получу рапортъ:

все Дмитріевъ или Лецано". Я долженъ объяснить это тѣмъ, что младшіе субалтернъ-офицеры наряжались въ большой караулъ во дворецъ подъ начальствомъ капитана, а намъ, какъ старшимъ субалтернъ-офицерамъ, доставалось всегда въ адмиралтейство, куда посылался одинъ офицеръ, слѣдовательно самъ былъ начальникомъ.

Потомъ Императоръ пригласилъ насъ къ обѣденному столу, и отправился со всею свитою въ дворцовую церковь для слушанія литургіи.

Такимъ образомъ кончилось сіе чрезвычайное для меня происшествіе. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ онаго. Сколько я ни пораженъ былъ въ ту минуту, когда внезапно увидѣлъ себя выставленнымъ на позорище всей столицы, но ни тогда, ни послѣ не возставала во мнѣ мысль къ обвиненію Государя; напротивъ того, я находилъ еще въ таковомъ поступкѣ его что-то рыцарское, откровенное, и даже нѣкоторое вниманіе къ гражданамъ. Безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ показать, что не хочетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать, подобно азіятскому деспоту, скрытно и самовластно. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знали причину, за что взятъ подъ стражу сочленъ ихъ, и равно причину его освобожденія. По крайней мѣрѣ такъ я о томъ заключалъ, и оттого-то, можетъ быть, и сохранилъ всю твердость духа въ минуту моего испытанія. Не могу при семъ случаѣ умолчать о благородной чертѣ почтеннаго Ѳ. И. Козлятева. Въ первый день нашего задержанія, Императоръ поручилъ развѣдать въ семеновскомъ полку, съ кѣмъ я изъ сослуживцевъ былъ болѣе друженъ. Козлятевъ сказалъ рѣшительно и смѣло, что въ этомъ случаѣ никому не уступитъ первенства. Душа небесная! Я зналъ тебя, и это меня не удивило.

Недѣли двѣ послѣ того я былъ предметомъ всеобщаго разговора. Начались догадки, чѣмъ я буду вознагражденъ за претерпѣнную тревогу. Одни предсказывали мнѣ полученіе деревни; другіе ордена Св. Анны втораго класса. Наконецъ, передали мнѣ, что нѣкто изъ вельможъ, ближайшихъ къ Государю, намекалъ, что едва ли я не буду статсъ-секретаремъ. Я вздрогнулъ отъ этой вѣсти: мнѣ тотчасъ пред-

ставилась несносная скука, вставать въ зимнее утро до свѣта, читать прошенія, писанныя большею частію нескладнымъ, надутымъ слогомъ; пробиваться потомъ сквозь толпу. докучливыхъ и добровольныхъ тружениковъ, этой не дремлющей стражи передней комнаты государственнаго человѣка; скакать во дворецъ, и тамъ въ ожиданіи докладнаго часа сидѣть одному въ пустой комнатѣ. И всякую недѣлю, думалъ я, и во весь круглый годъ то же и то же!

Но не такъ видно заключали объ условіяхъ сего званія при дворѣ и въ городѣ. Съ перваго появленія моего въ дворцѣ, примѣтилъ я большую перемѣну въ обращеніи со мною. Всѣ отмѣнно ласкали меня; предупреждали въ учтивостяхъ, равно и въ частныхъ домахъ прежніе незнакомцы стали приглашать на обѣды и вечера свои. Я отгадывалъ причину и внутренно смѣялся. Какъ часто мы ошибаемся въ нашихъ расчетахъ! Въ то самое время, когда они запасались знакомствомъ съ будущимъ статсъ-секретаремъ, я только и желалъ быть московскимъ ценсоромъ книгъ, но когда задумалъ просить объ этомъ мѣстѣ, оно уже было занято.

Между тѣмъ Козлятевъ не однажды говорилъ мнѣ, что Его Высочество Наслѣдникъ изволилъ отзываться, зачѣмъ я ничего не прошу; что Императору было бы это весьма пріятно. Я стыдился бы и подумать о томъ, чтобы просить, безъ всякой заслуги, деревень или денегъ. Къ тому же тогда я и не подозрѣвалъ, что домагательства такого рода между статскими, не исключая даже и первоклассныхъ, вошли какъ будто почти въ необходимую обязанность. Одна только независимая жизнь была въ виду моемъ.

Но можемъ ли мы ручаться за свою твердость? Бездѣлица можетъ поколебать ее. День проходитъ за днемъ; я продолжаю бывать въ собраніяхъ, при дворѣ, въ обществахъ, и примѣчаю, что новые мои знакомцы въ обѣихъ областяхъ становятся ко мнѣ холоднѣе; уже перестаютъ обнимать меня или пожимать мою руку, или даже совсѣмъ разнакомились. Какъ я ни далекъ былъ отъ честолюбія, но этотъ случай кольнулъ меня, и я рѣшился доказать имъ, что можно, и не бывъ статсъ-секретаремъ, получить званіе не менѣе почтенное.

Его Высочество Наслѣдникъ, узнавъ отъ Козлятева о желаніи моемъ вступить въ гражданскую службу, соблаговолилъ вызваться быть за меня ходатаемъ. Вскорѣ потомъ весь дворъ отправился въ Сарское Село, дабы предпринять путь въ Москву. Въ самый же день отбытія двора изъ Сарскаго Села, я получилъ отъ полковника Рота, Наслѣдникова адъютанта, записку, которою онъ, по приказанію Его Высочества, извѣщалъ меня, что Государь съ удовольствіемъ принялъ желаніе мое вступить въ гражданскую службу и приказалъ Наслѣднику отнестись къ генералу-прокурору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, чтобъ онъ пріискалъ мнѣ хорошее мѣсто, ибо я выборъ онаго предоставилъ высочайшему назначенію самого Императора. Г. Ротъ заключилъ записку свою тѣмъ, что Его Высочеству пріятно будетъ, если я пріѣду въ Москву до коронаціи.

Высокое покровительство Наслѣдника превзошло мое ожиданіе: тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ; въ первые же дни послѣ коронаціи повелѣно мнѣ носить семеновскій новый мундиръ; и въ какое же время Государь благоволилъ оказать мнѣ сію милость? Когда онъ, въ коронѣ и далматикѣ, сидѣлъ на тронѣ въ Грановитой Палатѣ, наполненной военными и гражданскими чиновниками, и я уже въ французскомъ кафтанѣ, въ слѣдъ за другими, съ колѣнопреклоненіемъ принималъ его руку. Въ эту минуту онъ шепнулъ Наслѣднику, по правую сторону трона, чтобы я впредь до повелѣнія, считался по прежнему полковникомъ и ходилъ въ мундирѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того я получилъ новое званіе товарища министра въ новоучрежденномъ департаментѣ удѣльныхъ имѣній. Министромъ названъ генералъ-прокуроръ князь Куракинъ; старшимъ товарищемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Саблуковъ [56]), а я, въ числѣ трехъ, младшимъ. По возвращеніи же двора въ Петербургъ, мѣсяца чрезъ три, я опредѣленъ былъ въ должность оберъ-прокурора во временный казенный, а потомъ переведенъ въ третій департаментъ сената, съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника, а въ слѣдующемъ году пожалованъ въ дѣйствительные оберъ-

прокуроры. Отсюда начинается ученичество мое въ наукѣ законовѣденія и знакомство съ происками, эгоизмомъ, надменностью и раболѣпствомъ двумъ, господствующимъ въ наше время, страстямъ: любостяжанію и честолюбію.

КНИГА ПЯТАЯ.

Сколь ни удаченъ былъ для меня первый шагъ на поприщѣ гражданской службы, но я не безъ смущенія помышлялъ о пространствѣ и важности обязанностей моего званія быть блюстителемъ законовъ; одни охранять отъ умышленно-кривыхъ истолкованій, другіе приводить на память; ополчаться противъ страстей; бороться съ сильными; не поддаваться искушеніямъ; сносить равнодушно пристрастные толки и поклепъ тяжущихся или подсудимыхъ, ихъ покровителей или родственниковъ; противорѣчить иногда особамъ, украшеннымъ сѣдиною, знаками отличій, давно пріобрѣвшимъ общее уваженіе, каковы были въ то время сенаторы: графъ А. С. Строгановъ, графъ П. В. Заводовскій, М. Θ. и П. А. Соймоновы, Г. Р. Державинъ, А. В. Храповицкій, графъ Я. Е. Сиверсъ; курляндцы: баронъ Гейкингъ и Ховенъ. Столь щекотливыя условія могли бы устрашить и опытнаго дѣльца, не только новичка въ своемъ дѣлѣ.

Прибавимъ еще къ тому, что мнѣ ввѣренъ былъ такой департаментъ, который можно было назвать совершенно энциклопедическимъ. Онъ завѣдывалъ всѣ уголовныя и гражданскія дѣла всей Малороссіи, вновь пріобрѣтеннаго Польскаго края, Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Курляндіи. Ему же подвѣдомственны были юстицъ-коллегія съ принадлежащимъ къ ней департаментомъ для расправы по духовнымъ дѣламъ католиковъ, учебныя заведенія, отъ Академіи Наукъ до народныхъ училищъ; полиція, почта, устроеніе дорогъ и водяныя сообщенія во всей имперіи. Представляя себѣ всю тяжесть возложенныхъ на меня обязательствъ, невольно вспомнилъ я Вольтеровъ стихъ:

Je suis comme un docteur, helas! je ne suis rien!

По крайней мѣрѣ совѣсть моя не укоряла меня: я не *домогался* онаго мѣста. Еще до подписанія указа, даже имѣлъ

смѣлость говорить генералъ-прокурору, что я отнюдь не заслуживаю столь важнаго званія, въ которомъ, съ перваго шага, долженъ быть не ученикомъ, а учителемъ. Такого же мнѣнія былъ и отецъ мой. Вмѣсто привѣтствія съ мѣстомъ, онъ журилъ меня, думая, что я самъ домогался получить его.

По вступленіи въ должность, первою моею заботою было узнать внутреннее положеніе департамента, установленный порядокъ въ теченіи дѣлъ; какими департаментъ руководствуется законами,—и вотъ, что мнѣ открылось на первый случай.

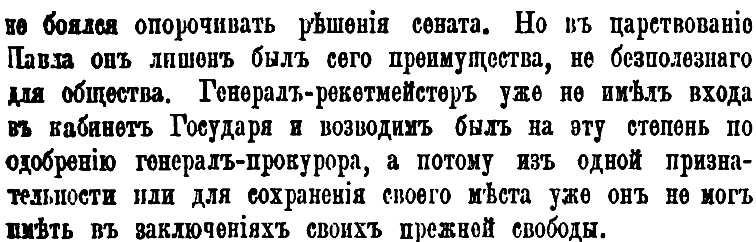
Третій сената департаментъ, кромѣ великороссійскихъ законовъ, руководствуется—по дѣламъ польскихъ губерній и Малороссіи Литовскимъ статутомъ, Магдебургскимъ правомъ и разныхъ годовъ конституціями; остзейскихъ провинцій и Финляндіи—шведскимъ земскимъ уложеніемъ; а по Курляндіи особеннымъ постановленіемъ, не помню подъ какимъ названіемъ, на латинскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ же оныхъ законовъ переведены были на русскій языкъ только Земское уложеніе, Литовскій статутъ и Магдебургское право; но переведены едва ли словесникомъ, въ вѣрности никѣмъ не засвидѣтельствованы, переписаны дурнымъ почеркомъ, безъ правописанія, отъ долговременнаго и частаго употребленія затасканы и растрепаны. Прочія же хранились въ оригиналахъ. Но оберъ-секретари не могли ими пользоваться безъ пособія переводчика, ибо завѣдывавшій польскими дѣлами не зналъ польскаго языка, а остзейскихъ провинцій и Курляндіи—ни нѣмецкаго, ни латинскаго.

Я положилъ немедленно представить о томъ генералъ-прокурору и ходатайствовать объ учрежденіи изъ сенатскихъ переводчиковъ комитета, подъ предсѣдательствомъ избранной изъ особы, для повѣрки наличныхъ переводовъ съ оригиналами, для исправленія ошибокъ, какія будутъ найдены; равно и для перевода съ нѣмецкаго или латинскаго и другихъ законовъ, коими руководствуются въ судахъ вышеозначенныхъ губерній, а потомъ для напечатанія сихъ переводовъ, старыхъ и новыхъ, на счетъ экономической суммы сената, которая конечно въ скоромъ времени была бы чрезъ продажу выручена не только сполна, но и съ лихвою.

Къ скорѣйшему исполненію моего предпріятія представился мнѣ и самый случай: почти въ тоже время генералъ-прокуроръ объявилъ намъ, что онъ вознамѣрился посвятить оберъ-прокурорамъ по одному утру въ недѣлю для взаимнаго совѣщанія о разныхъ по сенату предметахъ; что каждый оберъ-прокуроръ тогда можетъ представлять ему о недостаткахъ и нуждахъ по своему департаменту и о средствахъ къ лучшему благоустройству сената. Мысль достойная государственнаго человѣка!

Я тотчасъ принялся за проэктъ, написалъ его и съ нетерпѣніемъ жду перваго прокурорскаго засѣданія. Наконецъ наступилъ назначенный день. Мы съѣхались къ генералъ-прокурору; онъ вышелъ изъ кабинета и повелъ насъ въ комнату, назначенную для нашего присутствія, и гдѣ уже поставленъ былъ столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, со всѣми къ нему принадлежностями. Но мы еще не успѣли занять своихъ мѣстъ, какъ вбѣгаетъ кто-то съ докладомъ о прибытіи генералъ-адъютанта отъ императора. Начальникъ нашъ откладываетъ совѣщанія наши до другого дня, и спѣшитъ выдти. Я вынулъ изъ груднаго кармана проэктъ, предваряю наскоро о его содержаніи и прошу князя, чтобъ онъ въ свободное время удостоилъ его своимъ прочтеніемъ; но князь весьма равнодушно сказалъ мнѣ, что я могу представить его въ будущее собраніе. Но съ той минуты до самой отставки генералъ-прокурора, послѣдовавшей уже слишкомъ чрезъ годъ, не было и въ поминѣ о будущемъ собраніи. Что же было тому причиною? Это и понынѣ осталось для меня тайною.

Не знаю, какъ далеко простиралось вліяніе генералъ-прокурора на государственныя дѣла до временъ императрицы Екатерины Второй; но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ военной, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять могущество генералъ-прокурора, ибо всѣ жалобы по суднымъ дѣламъ, подаваемыя на высочайшее имя, подвергались его разсмотрѣнію. Не бывъ подчиненнымъ генералъ-прокурору, онъ

не боялся опорочивать рѣшенія сената. Но въ царствованіе Павла онъ лишенъ былъ сего преимущества, не безполезнаго для общества. Генералъ-рекетмейстеръ уже не имѣлъ входа въ кабинетъ Государя и возводимъ былъ на эту степень по одобренію генералъ-прокурора, а потому изъ одной признательности или для сохраненія своего мѣста уже онъ не могъ имѣть въ заключеніяхъ своихъ прежней свободы.

Князь Куракинъ неопытность свою въ судныхъ дѣлахъ замѣнялъ трудолюбіемъ. Кромѣ выѣздовъ во дворецъ, онъ не отлучался отъ дома; почти не выходилъ изъ кабинета. Охотно выслушивалъ оберъ-прокуроровъ, и любилъ отличать награжденіями тѣхъ, въ коихъ находилъ способность или по крайней мѣрѣ проворство и добрую волю.

При всемъ томъ съ сожалѣніемъ должно прибавить, что сенатъ едва ли не при немъ получилъ первое потрясеніе въ основаніи своемъ, утвержденномъ на опытахъ почти столѣтія. Вниманіе правительства обращено было болѣе на скорость въ производствѣ дѣлъ и на такъ называемыя преобразованія и нововведенія. Угождая симъ видамъ, и генералъ-прокуроръ преимущественно заботился о новоучрежденномъ департаментѣ или министерствѣ удѣльныхъ имѣній; о хозяйственной экспедиціи; о вспомогательномъ банкѣ; о переименованіи судебныхъ мѣстъ въ польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ возобновились названія, существовавшія до учрежденія намѣстничествъ: уѣздные суды превратились опять въ лагманскіе и повѣтовые, а гражданскія палаты въ главные суды и оберъ-гофъ-герихты. Вышелъ новый городовой уставъ, почти переведенный съ какого-то нѣмецкаго устава, съ оставленіемъ даже и названій должностныхъ не на своемъ, а на чужомъ языкѣ, и русскій купецъ или мѣщанинъ должны были называть себя ратсгерами, марфохторами, или конечно чѣмъ-то похожимъ на это. Между тѣмъ производство дѣлъ въ сенатѣ уклонялось по временамъ отъ узаконеннаго хода: иногда тяжебное дѣло получало рѣшеніе въ пользу пропустившаго двѣ давности, другое переходило изъ первой инстанціи, минуя среднюю, прямо въ сенатъ. Для лучшаго понятія, въ какомъ

состоянiи тогда находилось верховное судилище, разскажемъ слѣдующiй случай.

Въ третiй департаментъ поступило представленiе юстицъ-коллегiи съ жалобою на пастора реформатской церкви Мансбенделя и приходскаго старосту, камергера и флотскаго капитана графа Головкина, за дерзкiя и будто якобинскiя выраженiя, употребленныя ими въ ихъ отзывѣ на предписанiя коллегiи.

Генералъ-прокуроръ, по свойству его съ графомъ Головкинымъ и по милостивому расположенiю Государя къ барону Гейкингу, сенатору того же департамента и президенту юстицъ-коллегiи, признавая дѣло сiе довольно щекотливымъ, предварилъ меня, чтобъ я обратилъ на него особенное мое вниманiе. Вѣроятно то же сказано имъ и нѣкоторымъ изъ русскихъ сенаторовъ. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло. Въ самый тотъ день, когда назначено было къ докладу представленiе юстицъ-коллегiи, я заблаговременно объяснился съ барономъ Гейкингомъ и убѣждалъ его къ смягченiю своихъ требованiй. Онъ увѣрилъ меня, что ни о чемъ болѣе не будетъ настоять, какъ объ отрѣшенiи только пастора; жребiй же графа Головкина совершенно предаетъ произволу своихъ товарищей. Я не проминулъ передать отзывъ его сенаторамъ, землякамъ моимъ. Но двое изъ нихъ, конечно, ободренные генералъ-прокуроромъ, не хотѣли обвинить ни пастора, ни графа Головкина. Начали слушать представленiе юстицъ-коллегiи, и съ первыхъ строкъ графъ А. С. Строгановъ и П. А. Соймоновъ уже обнаружили расположенiе свое не въ пользу коллегiи. Къ нимъ пристали и прочiе, а курляндецъ Ховенъ и полякъ графъ Ильинскiй были за одно съ Гейкингомъ. Съ обѣихъ сторонъ пошло жаркое пренiе. Не предвидя къ соглашенiю ихъ успѣха, я тотчасъ остановилъ чтенiе до другого присутствiя, подъ предлогомъ поздняго времени. По выходѣ же изъ сената, отдалъ вѣрный отчетъ генералъ-прокурору. Это происходило наканунѣ пятницы, общаго собранiя всѣхъ департаментовъ. Въ субботу же никогда не бываетъ присутствiя, почему генералъ-прокуроръ и обѣщалъ въ слѣдующiй понедѣльникъ посѣтить департаментъ и постараться согласить обѣ стороны. Но баронъ

Гейкингъ былъ дѣятельнѣе: онъ успѣлъ въ тотъ же вечеръ довести до свѣдѣнія Императора о разномысліи сенаторовъ по сему дѣлу. Что же послѣдовало? Въ субботу, поутру, генералъ-прокуроръ поручаетъ мнѣ повѣстить сенаторамъ о прибытіи въ шесть часовъ пополудни въ департаментъ, для выслушанія высочайшаго указа. Собрались встревоженные сенаторы; спрашиваютъ другъ друга, приступаютъ ко мнѣ, добиваясь узнать о причинѣ созванія. Но я зналъ о томъ столько же, какъ и они; наконецъ входитъ къ намъ генералъ-прокуроръ, проситъ сенаторовъ занять свои мѣста, и, вынувъ изъ бумажника указъ, приказываетъ оберъ-секретарю читать его.

Содержаніе онаго состояло въ томъ, чтобы пастора Мансбенделя отрѣшить отъ мѣста и выпроводить заграницу; камергеру графу Головкину отправлять службу только по флоту; сенату же учредить, по его усмотрѣнію, въ разныхъ мѣстахъ, подъ вѣдомствомъ юстицъ-коллегіи, духовныя училища, для образованія пасторовъ лютеранскаго исповѣданія, „дабы впредь не было нужды вызывать оныхъ изъ другихъ государствъ“.

Такая новость изумила всѣхъ сенаторовъ. Никогда еще не бывало, чтобъ только заслушанное дѣло въ сенатѣ остановлено было въ своемъ ходѣ и рѣшено самимъ Государемъ, по словамъ одного только въ ономъ участника. Въ послѣдствіи времени я узналъ, что уже заготовленъ былъ указъ и объ отставкѣ сенатора Соймонова, но генералъ-прокуроръ, хотя и съ великимъ трудомъ, отстоялъ его. Начальникъ мой нѣсколько дней послѣ того былъ пасмуренъ и ко мнѣ холоденъ: можетъ быть, онъ приписывалъ моей неловкости неудачу въ соглашеніи сенаторовъ или думалъ, что я на сторонѣ Гейкинга; но вскорѣ потомъ онъ утѣшенъ былъ возложеніемъ на него ордена св. Апостола Андрея. По сей наградѣ многіе стали заключать, что генералъ-прокуроръ входитъ еще въ большую силу, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось совсѣмъ противное. Недоброжелатели его уже начали приготовлять ему паденіе. Подозрѣвали въ томъ свѣтлѣйшаго князя Безбородку и Кутайсова, бывшаго тогда еще только гардеробмейстеромъ.

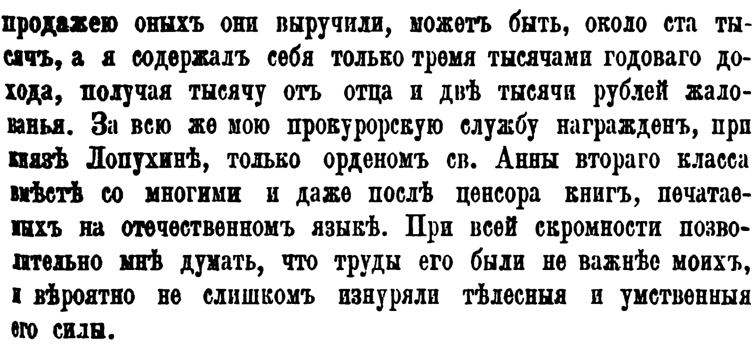
Въ началѣ весны Императоръ отправился въ Казань. Въ проѣздъ его чрезъ Москву, онъ принялъ фрейлиною ко

вершенно для меня новый. Здѣсь и знакомства и ласки основа по большей части на расчетахъ своекорыстія; эгоизмъ госпо ствуетъ во всей силѣ; образъ обхожденія непрестанно измѣ няется, наравнѣ съ положеніемъ каждаго. Товарищи не уст паютъ кокеткамъ: каждый хочетъ исключительно прельсти своего начальника, хотя бы то было на счетъ другого. Нѣ искренности въ отвѣтахъ: ловятъ, помнятъ и передаютъ кажд неосторожное слово. Разумѣется, что я такъ заключаю не всѣхъ. Къ непріятности быть въ частыхъ сношеніяхъ съ п добными сослуживцами присоединились еще другія, несравнен для меня важнѣйшія: едва проходила недѣля безъ жарка спора съ кѣмъ нибудь изъ сенаторовъ, безъ невольнаго ра драженія ихъ самолюбія. Такимъ образомъ я имѣлъ неуд вольствіе два раза быть, хотя и въ легкой, но для меня чу ствительной, размолвкѣ съ тѣмъ, котораго любилъ и уважа отъ всего сердца, съ Г. Р. Державинымъ. Благородная ду его конечно была чужда корысти и эгоизма, но пылкость у увлекала его иногда къ рѣшеніямъ, требовавшимъ для больше осторожности другихъ мѣръ, нѣкоторыхъ изъятій или д полненій. Таже пылкость его оскорблялась противорѣчіемъ,— однакожъ не на долгое время: чистая совѣсть его скоро бра верхъ, и онъ соглашался съ замѣчаніемъ прокурора.

Между тѣмъ ни малѣйшее ободреніе не оживляло меня за всѣ мои хлопоты и заботы. При князѣ Лопухинѣ я отправлялъ два раза прокурорскую должность по двумъ департаментамъ; потомъ, въ слѣдствіе соглашеній нашего кабинета съ берлинскимъ, поручено мнѣ было отобрать изъ Польской Метрики всѣ акты по тому краю Польши, который при раздѣлѣ оныя отошелъ къ Пруссіи, и сдать ихъ чиновнику, присланному для того отъ прусскаго правительства. Таковое порученіе требовало много времени, терпѣливаго чтенія и большой осмотрительности, но я за все то не удостоенъ отъ начальника моего ниже ласковымъ словомъ.

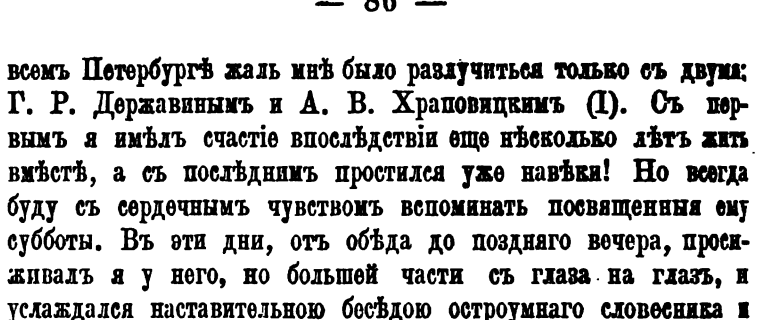
Два оберъ-прокурора, Рындинъ и Козодавлевъ, еще при князѣ Куракинѣ получили орденъ св. Анны втораго класса, командорскій крестъ Іоанна Іерусалимскаго и по три или четыре тысячи десятинъ земли на выборъ въ лучшихъ мѣстахъ;

продажею оныхъ они выручили, можетъ быть, около ста тысячъ, а я содержалъ себя только тремя тысячами годоваго дохода, получая тысячу отъ отца и двѣ тысячи рублей жалованья. За всю же мою прокурорскую службу награжденъ, при князѣ Лопухинѣ, только орденомъ св. Анны втораго класса вмѣстѣ со многими и даже послѣ цензора книгъ, печатаемыхъ на отечественномъ языкѣ. При всей скромности позволительно мнѣ думать, что труды его были не важнѣе моихъ, и вѣроятно не слишкомъ изнуряли тѣлесныя и умственныя его силы.

Всѣ сіи непріятности, соединенныя съ увѣренностью въ томъ, что съ моими свойствами я не могу ожидать и впредь по гражданской службѣ бóльшей удачи, рѣшили меня, наконецъ, просить объ увольненіи. Начальникъ мой А. А. Беклешовъ удивился, когда я подалъ ему прошеніе. Онъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я отложилъ мое намѣреніе; даже хотѣлъ отчаять меня въ полученіи пенсіона, признаваясь мнѣ, что по холодности къ нему Императора онъ не осмѣлится ни о чемъ просить его въ мою пользу. Я съ усмѣшкою отвѣчалъ ему, что даже и не думалъ о пенсіонѣ, а желалъ бы только увѣрить Государя, что не отъ лѣни, но единственно по причинѣ худого здоровья и другихъ обстоятельствъ, для меня только важныхъ, я принялъ смѣлость просить о увольненіи. Желаніе мое скоро исполнилось; я отставленъ не только съ пенсіономъ, но еще и съ чиномъ тайнаго совѣтника. Это было декабря 30 дня 1799 года.

Сколь ни пріятно готовиться къ свиданію съ другомъ и съ родными, но невозможно быть равнодушнымъ при разлукѣ и съ кругомъ пріятелей. Съ перемѣною мѣстъ нельзя забирать съ собою все, что мило сердцу или къ чему привыкнешь. Счастіе благопріятствовало мнѣ и въ семъ случаѣ: почтенный Козлятевъ, бывшій и въ продолженіи гражданской службы моей, почти ежедневнымъ моимъ собесѣдникомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня вышелъ также въ отставку; другая особа, въ сообществѣ съ которой нѣсколько лѣтъ находилъ я равное удовольствіе, должна была, въ одно же время со мною, переселиться въ отдаленную губернію. И такъ во

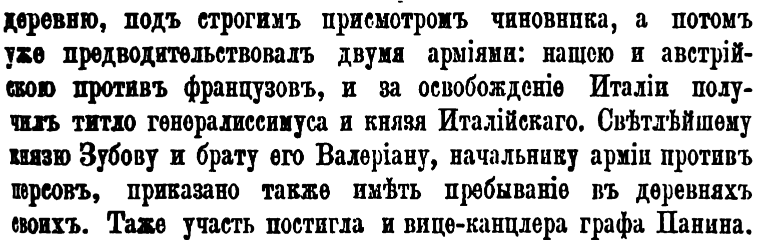
всемъ Петербургѣ жаль мнѣ было разлучиться только съ двумя: Г. Р. Державинымъ и А. В. Храповицкимъ (I). Съ первымъ я имѣлъ счастіе впослѣдствіи еще нѣсколько лѣтъ жить вмѣстѣ, а съ послѣднимъ простился уже навѣки! Но всегда буду съ сердечнымъ чувствомъ вспоминать посвященныя ему субботы. Въ эти дни, отъ обѣда до позднаго вечера, просиживалъ я у него, но большей части съ глаза на глазъ, и услаждался наставительною бесѣдою остроумнаго словесника и государственнаго мужа.

По описаніи перваго періода гражданской службы не неприлично сказать нѣсколько словъ и о тогдашнемъ дворѣ и вліяніи онаго на государственныя дѣла, на общество и частныя лица.

Восшествіе на престолъ преемника Екатерины послѣдуемо было крутыми переворотами во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія: намѣстничества раздробились на губерніи; учрежденіе, изданное для управленія оныхъ, измѣнилось; директоры экономіи уничтожены; совѣстные суды упразднены; нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ превращены въ посады; вмѣсто древнихъ, греческихъ или славянскихъ, названій, данныхъ при князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ многимъ городамъ въ Крыму и екатеринославской губерніи, возвращены имена прежнія, татарскія или русскія простонародныя: Эвпаторисъ, Севастополисъ, Григоріополисъ стали называться опять Кизикерменемъ, Козловымъ и пр. Всѣ воинскія и гражданскія постановленія сего, недавно столь могущественнаго, вельможи отброшены; даже и самый мавзолей, воздвигнутый подъ сводомъ церкви надъ его прахомъ, приказано было разрушить. Въ войскахъ введены были новый уставъ, новые чины, новый образъ ученія, даже новыя командныя слова, составленныя изъ французскихъ рѣченій съ русскимъ склоненіемъ (*), и новые, наконецъ, мундиры и обувь по образцу старинному, еще временъ голстинскихъ герцоговъ.

Вскорѣ за симъ послѣдовали перемѣны и въ участи именитыхъ особъ. Фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, по исключеніи изъ службы, сосланъ былъ въ собственную его

(*) Вмѣсто: къ ружью—*вонъ!* вмѣсто: ступай—*маршъ!* вмѣсто: заряжай—*шаржируй! Прим. авт.*

деревню, подъ строгимъ присмотромъ чиновника, а потомъ уже предводительствовалъ двумя арміями: нашею и австрійскою противъ французовъ, и за освобожденіе Италіи получилъ титло генералиссимуса и князя Италійскаго. Свѣтлѣйшему князю Зубову и брату его Валеріану, начальнику арміи противъ персовъ, приказано также имѣть пребываніе въ деревняхъ своихъ. Таже участь постигла и вице-канцлера графа Панина.

Сначала первыми любимцами Государя были Кутайсовъ, бывшій камердинеръ его, родомъ турокъ, присланный къ двору еще мальчикомъ послѣ взятія Анапы, Растопчинъ и Аракчеевъ. Они всѣ трое получили графское достоинство. Но фортуна неизмѣнна была только къ первому, двое же послѣднихъ были потомъ удалены и жили въ деревняхъ своихъ до самой перемѣны правленія.

Никогда не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ. Въ большіе праздники всѣ придворные и гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ были необходимо въ французскихъ кафтанахъ, глазетовыхъ, бархатныхъ, суконныхъ, вышитыхъ золотомъ или, по меньшей мѣрѣ, шелкомъ, или съ стразовыми пуговицами, а дамы въ старинныхъ робахъ съ длиннымъ хвостомъ и огромными боками (фишбейнами), которые бабками ихъ были уже забыты.

Выходъ Императора изъ внутреннихъ покоевъ для слушанія въ дворцовой церкви литургіи предваряемъ былъ громогласнымъ командныхъ словомъ и стукомъ ружей и палашей, раздававшимся въ нѣсколькихъ комнатахъ, вдоль коихъ, по обѣимъ сторонамъ, построены были фронтомъ великорослые кавалергарды, подъ шлемами и въ латахъ. За императорскимъ домомъ слѣдовалъ всегда бывшій польскій король Станиславъ Понятовскій, подъ золотою порфирою на горностаѣ. Подолъ ея несомъ былъ императорскимъ камеръ-юнкеромъ.

Непрерывные побѣды князя Суворова-Рымникскаго въ Италіи часто подавали случай къ большимъ при дворѣ выходамъ и этикетнымъ баламъ. Государь любилъ называться и на обыкновенные балы своихъ вельможъ. Тогда, на перерывъ другъ передъ другомъ истощаемы были всѣ способы къ приданію пиршеству бо̀льшаго блеска и великолѣпія.

Но вся эта наружная веселость не заглушала и въ хозяевахъ, и въ гостяхъ скрытаго страха и не мѣшала коварнымъ царедворцамъ строить ковы другъ противъ друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недовѣрчивость въ Государѣ, по природѣ добромъ, щедромъ, но вспыльчивомъ. Оттого происходили скоропостижныя паденія чиновныхъ особъ, внезапныя высылки изъ столицы даже и отставныхъ изъ знатнаго и средняго круга, уже нѣсколько лѣтъ наслаждавшихся спокойствіемъ скромной, независимой жизни.

Въ послѣдній годъ царствованія Императора многимъ изъ выключенныхъ и изгнанниковъ позволено возвратиться въ обѣ столицы и вступить опять въ службу; въ томъ числѣ и двумъ братьямъ Зубовымъ: свѣтлѣйшему князю Платону и графу Валеріану. Обоимъ поручено начальствовать надъ кадетскими корпусами, надъ сухопутными первому, а надъ инженернымъ второму.

Тогда ближайшими къ Государю были: графъ Паленъ, бывшій въ одно время и военнымъ губернаторомъ и управляющимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Кутайсовъ и генералъ-прокуроръ Обольяниновъ. Два первые имѣли большое вліяніе на дворъ и общество.

Въ это время я, по домашнимъ дѣламъ моимъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время. Нѣсколько разъ, по воскреснымъ днямъ, бывалъ во дворцѣ, и, не смотря на все прощеніе исключенныхъ, находилъ всѣ комнаты почти пустыми. Входъ для чиновниковъ былъ уже ограниченъ; представленіе пріѣзжихъ, откланивающихся и благодарящихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, было отставлено. Государь уже рѣдко проходилъ въ церковь чрезъ наружныя комнаты. Строгость полиціи была удвоена, и проходившіе черезъ площадь мимо дворца, кто бы ни были, и въ дождь, и въ зимнюю вьюгу должны были снимать съ головы шляпы и шапки.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Императора на Невскомъ проспектѣ, возвращавшимся верхомъ изъ Михайловскаго замка, въ препровожденіи многочисленной свиты. Онъ узналъ меня и благоволилъ отвѣчать на мой поклонъ снятіемъ шляпы и милостивою улыбкою. По возвращеніи моемъ въ Москву, меньше

жели через мѣсяцъ, послѣдовала внезапная его кончина. усть судитъ его потомство, отъ меня же признательность и рдечный вздохъ надъ его прахомъ!

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пробывъ шесть лѣтъ въ отставкѣ, я убѣжденъ былъ бстоятельствами разстаться опять съ тихою жизнію. Въ 1806 оду, февраля 6 дня, Императоръ Александръ, первый и единвенный мой покровитель, соблаговолилъ удостоить меня званіемъ сенатора. Согласно съ желаніемъ моимъ я остался въ Москвѣ: повелѣно мнѣ присутствовать въ шестомъ департаентѣ сената. Въ томъ же году, 18-го ноября, я имѣлъ счаіе получить орденъ святыя Анны перваго класса, а 19-го екабря высочайшій рескриптъ и всемилостивѣйшее порученіе по ижеслѣдующему обстоятельству.

Наполеонъ, овладѣвъ Вѣною (II), принудилъ Австрію ъ уничижительному миру; вскорѣ потомъ напалъ на прусія войска, прежде, нежели они успѣли соединиться, разбилъ хъ и безъ сопротивленія вступилъ въ Берлинъ и занялъ ее бо̀льшую часть Пруссіи.

Столь быстрые, необыкновенные успѣхи явно грозили опаостью и нашему отечеству. Западныя границы его уже не здѣлены были Пруссіей, сосѣдственнымъ государствомъ. Импеторъ нашъ вынужденъ былъ къ защитѣ ихъ возобновить йну съ счастливымъ завоевателемъ, поруча начальство надъ міей фельдмаршалу графу Каменскому. Поелику же эта йна, послѣ пораженія нашихъ союзниковъ, всею тяжестію оей должна была лежать на однихъ только насъ и слѣдвенно требовала мѣръ необыкновенныхъ и великихъ усилій, , въ подкрѣпленіе арміи и защитѣ болѣе внутренней безоsности, императорскимъ манифестомъ, ноября 30-го 1806 да, повелѣно устроить временное земское ополченіе, долженвующее состоять изъ 61,200 ратниковъ; вооруженіе сіе звано въ манифестѣ „мѣрою спасительною и необходимою“.

Наборъ земскаго войска назначенъ былъ въ тридцати одной берніи, раздѣленныхъ на семь областей, изъ коихъ три ставлены были изъ пяти, а прочія изъ четырехъ губерній.

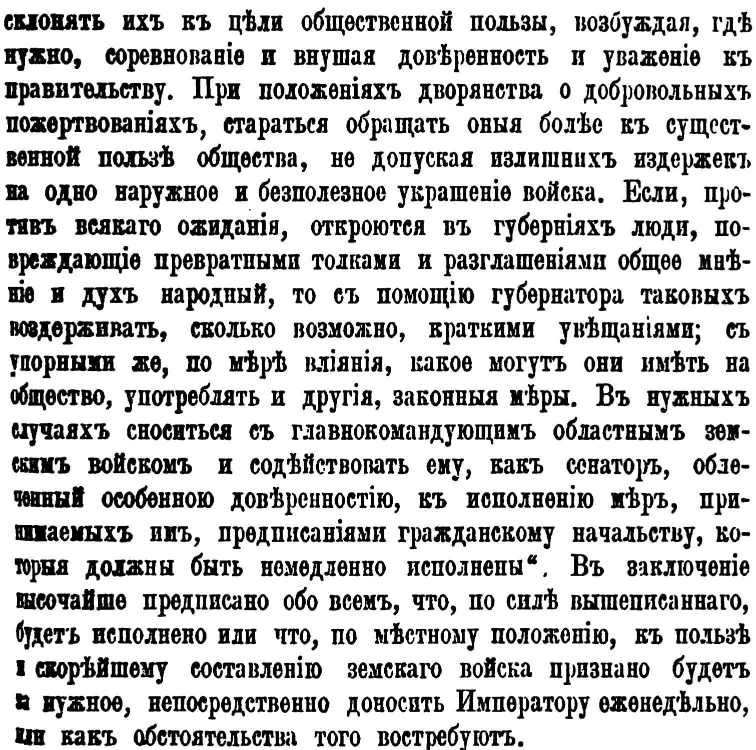
Каждая область подчинена была областному начальнику, уполномоченному распоряжаться мѣстнымъ ополченіемъ, объявлять [illegible] указы, непокорныхъ и непослушныхъ предавать военному суду, и даже осуждать на смертную казнь, если важность преступленія и обстоятельства того востребуютъ.

Между тѣмъ губернаторамъ, поступившимъ въ областное управленіе, предписано было имѣть неослабное вниманіе на все то, что дѣйствуетъ на общее мнѣніе, воспламеняетъ духъ народный любовію къ отечеству и можетъ устремить усердіе гражданъ къ прямой и существенной цѣли сего вооруженія. На нихъ же возложено внушать поселянамъ надлежащія понятія о семъ временномъ служеніи; объяснять подъ рукою въ дворянскихъ собраніяхъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя особенно доказываютъ прямую необходимость въ составленіи земскаго войска. Въ то же время даннымъ наставленіемъ Святѣйшему Синоду, предоставлено ему „пещись о устремленіи [illegible] негодованія сыновъ православной церкви противъ врага, ополчающагося на попраніе оной“.

Въ помощь областному начальнику, въ лицѣ генералъ-губернатора, какъ бы посредника между воинскимъ и гражданскимъ начальствомъ, отправлено въ каждую область по [illegible] сенатору.

Имъ предоставлено было требовать отъ гражданскихъ [illegible] отчетовъ въ исполненіи данныхъ имъ предписаній [illegible] какія отъ нихъ сдѣланы для составленія и продовольствія земскаго войска и для храненія [illegible] приношеній отечеству. Сверхъ того поставлено [illegible] къ исполненію слѣдующее: „стараться [illegible] мнѣнія, обнаруженный въ собраніяхъ [illegible] обществахъ, равно какъ и селе[illegible] вооруженія, и благоразумными объясненіями отвращать сомнительныя предубѣжденія, [illegible] замѣчены. Въ сношеніяхъ губернаторовъ [illegible] земскаго войска утвердить единодушіе и со[illegible] скорому исполненію всякаго дѣла [illegible] руководствовать дворянство личнымъ при[illegible] собраніяхъ, и безъ всякаго принужденія

склонять ихъ къ цѣли общественной пользы, возбуждая, гдѣ нужно, соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе къ правительству. При положеніяхъ дворянства о добровольныхъ пожертвованіяхъ, стараться обращать оныя болѣе къ существенной пользѣ общества, не допуская излишнихъ издержекъ на одно наружное и безполезное украшеніе войска. Если, противъ всякаго ожиданія, откроются въ губерніяхъ люди, повреждающіе превратными толками и разглашеніями общее мнѣніе и духъ народный, то съ помощію губернатора таковыхъ воздерживать, сколько возможно, краткими увѣщаніями; съ упорными же, по мѣрѣ вліянія, какое могутъ они имѣть на общество, употреблять и другія, законныя мѣры. Въ нужныхъ случаяхъ сноситься съ главнокомандующимъ областнымъ земскимъ войскомъ и содѣйствовать ему, какъ сенаторъ, облеченный особенною довѣренностію, къ исполненію мѣръ, принимаемыхъ имъ, предписаніями гражданскому начальству, которыя должны быть немедленно исполнены". Въ заключеніе высочайше предписано обо всемъ, что, по силѣ вышеписаннаго, будетъ исполнено или что, по мѣстному положенію, къ пользѣ и скорѣйшему составленію земскаго войска признано будетъ за нужное, непосредственно доносить Императору еженедѣльно, или какъ обстоятельства того востребуютъ.

Мнѣ повелѣно было находиться при седьмой области, составленной изъ пяти губерній: костромской, вологодской, нижегородской, казанской и вятской, и объѣхать всѣ, кромѣ последней. Въ ней набираемы были только стрѣлки съ казенныхъ крестьянъ, почему она и была исключена изъ подъ моего надзора. Начальникомъ сей области былъ отставной отъ арміи генералъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукой. Этотъ благоразумный и почтенный старецъ ни однажды не подавалъ мнѣ повода ни къ малѣйшему неудовольствію, ниже по дѣламъ къ перепискѣ. Всѣ его распоряженія были тихи и стройны.

При повѣркѣ мною дѣйствія губернскихъ начальствъ относительно земскаго войска, я призналъ только нужнымъ уменьшить въ половину назначенный сборъ суммы на жалованье выбраннымъ чиновникамъ и ходатайствовать предъ Государемъ за малопомѣстныхъ *дворянъ:* въ представленномъ мнѣ дворян-

скомъ спискѣ нашлось множество бѣдныхъ, имѣющихъ за собою крестьянъ не болѣе трехъ или восьми душъ. Я донесъ, что раскладка предположеннаго сбора обратилась бы для нихъ въ большую тяготу, и былъ столько счастливъ, что Его Величество приказалъ таковыхъ бѣдныхъ дворянъ и совсѣмъ отъ сей повинности уволить. То же сдѣлано по казанской и нижегородской губерніямъ. Исполня все на меня возложенное почти въ два мѣсяца, я отправилъ изъ Казани послѣднее мое донесеніе къ Государю и возвратился въ Москву.

Въ продолженіи того же года министръ Просвѣщенія графъ Заводовскій, по высочайшему повелѣнію, предлагалъ мнѣ, не соглашусь ли я принять на себя званіе попечителя Московскаго университета и подчиненныхъ ему училищъ. Какъ ни лестно было бы для моего самолюбія заступить мѣсто почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Муравьева (Михайла Никитича), похищеннаго смертію еще въ мужествѣ лѣтъ его, но я не захотѣлъ, чтобъ завистники или эпиграмматисты назвали меня вороной въ павлиньихъ перьяхъ. Въ отвѣтѣ моемъ графу Заводовскому изъявлены были чувства душевной благодарности къ августѣйшему моему покровителю, сознаніе моихъ недостатковъ въ классическомъ образованіи, и искреннее желаніе остаться при отправленіи только службы по званію сенатора, въ которой я уже пріобрѣлъ навыкъ. Отказъ послужилъ въ пользѣ отставнаго каммергера и сенатора графа А. К. Разумовскаго. Онъ заступилъ мѣсто Муравьева и, въ задатокъ за будущую службу, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Въ началѣ 1808 года высочайше повелѣно мнѣ отправиться въ Рязань и произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по тамошнему питейному откупу. Содержателями онаго были четверо старинныхъ дворянъ: Татищевъ, князь Мещерскій, Бахметевъ и Бестужевъ-Рюминъ.

По прибытіи моемъ въ Рязань, гдѣ тогда губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ильичъ Мухановъ, я тотчасъ приступилъ къ дѣлу: потребовалъ отъ главной питейной конторы хозяйственную книгу, извѣстную въ нѣмецкихъ конторахъ подъ именемъ гроссъ-бухъ. Откѣ-

али мнѣ, что она увезена однимъ изъ двухъ главныхъ кон-
орщиковъ, находящимся въ отлучкѣ для осмотра по уѣздамъ
питейныхъ домовъ; что какъ скоро онъ возвратится, то пред-
ставятъ его ко мнѣ и съ книгою.

Въ тоже время посланы были отъ меня тайнымъ обра-
зомъ надежные чиновники свидѣтельствовать врасплохъ всѣ
уѣздныя конторы. Между тѣмъ, приглася откупщика Тати-
щева, отправился я съ нимъ и секретаремъ моимъ въ глав-
ную питейную контору; приказываю конторщику представить
къ осмотру всѣ ихъ дѣла: вѣдомости и журналы. Утороплен-
ный конторщикъ увѣряетъ меня, что въ конторѣ ничего не
хранится, кромѣ денежной суммы и брошенныхъ старыхъ бумагъ,
вѣдомости же находятся у самихъ откупщиковъ. Я заставилъ
вынуть изъ шкафа брошенныя, по словамъ его, бумаги и сталъ
ъ. секретаремъ моимъ перебирать ихъ по одиначкѣ. Въ числѣ
ихъ брошенныхъ бумагъ найдено заемное письмо въ пять
тысячъ рублей, данное отъ оберъ-секретаря перваго департа-
мента; переписки и росписки мелкихъ чиновниковъ, и будто
примѣрное положеніе ежегоднаго оклада разнымъ губернскимъ
чиновникамъ, исключая губернатора, предсѣдателя уголовной
палаты, находившагося въ параличѣ, и всей гражданской
палаты. Всѣ чиновники были наименованы, и даже находи-
лась отмѣтка, кому и сколько дано впередъ, но бумага никѣмъ
е подписана. По слѣдствію открылось, что она писана кон-
орскимъ писаремъ, но будто безъ вѣдома откупщиковъ, и
ъ видѣ проэкта на такой только случай, когда бы конторѣ
понадобилось прибѣгнуть къ займу денегъ. Имена же выста-
лены для одного примѣра и выбраны изъ адресъ-календаря.

Одинъ изъ отправленныхъ мною въ уѣздные города пред-
ставилъ мнѣ, найденное и въ Михайловской конторѣ, подоб-
ное же положеніе годовыхъ окладовъ городничему, штатному
офицеру, судьямъ и секретарямъ судовъ уѣзднаго и нижняго
земскаго. Сверхъ того открыто во всей губерніи множество
непозволенныхъ выставокъ, пристанищъ всякаго рода разврата.
Вызваны были помѣщики и помѣщицы, у коихъ они въ де-
ревняхъ находились. Всѣ повинились и рукоприкладствомъ
утвердили сознаніе свое въ допросахъ. Наконецъ явился \\

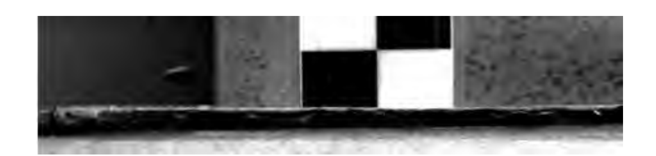

показанный въ отсутствіи конторщикъ, но безъ книги. Вопреки донесенію откупщиковъ, онъ отозвался, что эта книга, по ихъ же приказу, будто для сокращенія лишняго письмоводства, уже давно уничтожена

Въ самомъ же дѣлѣ она, какъ дошли до меня слухи, отправлена была съ нимъ въ Москву, дабы тамъ переписать ее съ исключеніемъ всѣхъ статей, могущихъ обнаружить злоупотребленія конторы. Но какъ я торопилъ откупщиковъ о скорѣйшемъ представленіи книги, то они уже и рѣшились сжечь ее, а по другимъ слухамъ оставить ее въ Москвѣ у надежнаго человѣка. Но и безъ этой книги нашлось довольно уликъ въ злоупотребленіи главной конторы. Слѣдствіе продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, 16 апрѣля я послалъ къ Императору донесеніе объ окончаніи слѣдствія, а къ министру юстиціи экстрактъ изъ дѣла, и возвратился въ Москву.

Здѣсь встрѣтила и поразила меня горестная вѣсть о кончинѣ почтеннаго и милаго Козлятева. Это былъ больше, чѣмъ другъ, истинно мой добрый геній. Онъ имѣлъ обыкновеніе съ послѣднимъ снѣгомъ уѣзжать въ переяславскую свою деревню, чтобы тамъ встрѣтить весну. Неутомимый въ ходьбѣ и слишкомъ надежный на крѣпость своего сложенія, онъ простудился, и злая горячка прекратила жизнь его. Ни другъ, ни сестра не смежили глазъ его: онъ испустилъ духъ посреди только своихъ челядинцевъ.

Я уже ознакомилъ съ нимъ моихъ читателей въ первой части записокъ. Прибавимъ къ тому еще нѣсколько словъ. Добрый Карамзинъ говорилъ объ немъ: „это такой человѣкъ, что я за версту сниму передъ нимъ шляпу". Поэтъ Жуковскій, не менѣе добросердечный, также искренно любилъ и уважалъ его. Вспоминая въ письмѣ своемъ ко мнѣ о московскомъ моемъ домикѣ, сгорѣвшемъ въ 1812 году, достопамятномъ для всей Европы, онъ достойно себя и милаго Козлятева оплакалъ его кончину (III). Гораздо же спустя послѣ того другой поэтъ, князь Вяземскій, въ сочиненной имъ нотисѣ обо мнѣ для стихотвореній моихъ, послѣдняго изданія [57]), также предалъ потомству прекрасную черту души его: поступокъ его съ крестьянами, которымъ онъ возвратилъ собранный съ нихъ *оброкъ*, сказавъ, что ему на годовое содержаніе себя доста-

чно и стараго дохода. Къ полному торжеству добродѣтели гается мнѣ заключить отзывомъ, какой я имѣлъ счастіе лышать о Козлятевѣ отъ самого Императора.

Въ 1810 году, по должности министра, я читалъ предъ ю Величествомъ докладныя дѣла; Государь, прервавъ мое еніе, изволилъ сказать: „Я вспомнилъ Козлятева, гдѣ онъ перь?“—Его уже нѣтъ на свѣтѣ, отвѣчалъ я.—„Давно ли?“—коло двухъ лѣтъ.—„Въ первый разъ слышу! Онъ былъ чевѣкъ умный, почтенный и по качествамъ души его. Знаешь , какъ онъ любилъ дѣлать добро? Въ преображенскомъ ику рѣдкій солдатъ не испыталъ его благотвореній; онъ могалъ даже и бѣднымъ офицерамъ, въ этомъ я самъ могу бя увѣрить“. Мнѣ ли въ томъ усомниться! У меня навернись слезы; я ничего не могъ выговорить; съ умиленіемъ лько глядѣлъ на Государя,—все благородное, возвышенное, особно было скоро воспламенить его и растрогать.

Вскорѣ по отправленіи моего донесенія получилъ я отъ нистра юстиціи увѣдомленіе о высочайшемъ повелѣніи нѣ присутствовать въ седьмомъ департаментѣ. „Долгомъ итаю, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, увѣдомить васъ, г., что Его Величество сдѣлалъ сіе по особеннымъ къ мъ благоволенію и довѣренности“.—Вмѣстѣ со мною и наторъ Лопухинъ переведенъ былъ въ тотъ же департаментъ. ю перемѣщеніе, вѣроятно, послѣдовало съ тѣмъ, чтобъ ослать вліяніе одного изъ тамошнихъ сенаторовъ. Въ продолженіи того же года оберъ-прокуроръ нашъ былъ отставленъ, вскорѣ за нимъ и тотъ сенаторъ.

Около того же времени министръ юстиціи извѣстилъ ня, что Государь, „будучи доволенъ исполненіемъ возложннаго на меня дѣла, приказалъ объявить мнѣ особенное) благоволеніе; что чиновники, находившіеся при мнѣ, вно какъ и двое губернскихъ, по моему представленію остоились награжденія, и что всѣ бумаги, относящіяся до его слѣдствія, равно производство дѣла въ экстрактѣ, понѣно препроводить въ первый департаментъ, дабы онъ, йдя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, прелъ виновныхъ строжайшему по законамъ сужденію“.

Мнѣ должно было ожидать, что всѣ мои дѣйствія ... му слѣдствію устремятъ прикосновенныхъ къ нему къ пре... ратнымъ толкамъ, къ проискамъ и къ невыгоднымъ на счетъ ...ой внушеніямъ. Ни по сенату, ни по министерскому департаменту я не имѣлъ никого, кто бы взялъ ревностное во мнѣ участіе. Напротивъ того, изъ откупщиковъ князь Мещерскій, Бахметевъ и Татищевъ имѣли сильныхъ покровителей; губернаторъ же рязанскій былъ женатъ на дочери одного изъ сенаторовъ, имѣвшаго при дворѣ и въ обществѣ значительныя связи.

Ожиданіе мое оправдалось на самомъ дѣлѣ: я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что вся моя работа передана въ экспедицію того самаго оберъ-секретаря, котораго заемное письмо въ пяти тысячахъ рублей найдено мною въ главной питейной конторѣ и поставлено на видъ въ особенной запискѣ, препровожденной отъ меня къ министру юстиціи. Это ввело меня въ переписку съ оберъ-прокуроромъ графомъ Орловымъ [**]. Онъ увѣдомилъ меня наконецъ, что бумаги мои поручены уже другому оберъ-секретарю.

Вскорѣ потомъ получилъ я отъ государственнаго казначея Ѳ. А. Голубцова оффиціальное отношеніе, коимъ онъ просилъ увѣдомить его, не былъ ли рязанской казенной палаты совѣтникъ N. N. прикосновеннымъ къ слѣдствію по винному откупу? Я отвѣчалъ ему, что въ примѣрномъ положеніи, найденномъ мною въ главной питейной конторѣ, назначено и этому чиновнику тысяча рублей годоваго оклада. Кто бы отгадалъ, что было послѣдствіемъ сего отвѣта? Чрезъ два или три мѣсяца, если не прежде, чиновникъ сей, показанный въ примѣрномъ положеніи на жалованьѣ откупа, переименованъ въ ту же губернію вицъ-губернаторомъ!

Все это рѣшило меня ѣхать въ Петербургъ, что... заблаговременно узнать ходъ слѣдственнаго моего дѣла и пр... дупредить, или отвратить, подъиски во вреду моего добр... имени.

Но я прибылъ туда за три или четыре дня до отъ... Государя въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. С... кожъ имѣлъ счастіе представиться ему на Каменномъ ост...

и въ то самое утро, когда оберъ-прокурор графъ Орловъ докладывалъ Его Величеству, по рапорту перваго департамента, о разсмотрѣніи моего слѣдственнаго дѣла.

Государь приказалъ рапортъ напечатать и обнародовать— „сколько для примѣра, столько для страха чиновникамъ и откупщикамъ“. Такъ послѣ сказано было мнѣ въ отношеніи министра юстиціи.

Графъ Орловъ, въ тотъ же день, сообщилъ мнѣ и напечатанный экземпляръ сенатскаго рапорта и указа о исполненіи.

Сенатъ призналъ явно виновными только двухъ конторщиковъ, писаря, сочинителя примѣрнаго положенія окладовъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ; отдалъ ихъ подъ судъ уголовной палаты; относительно же откупщиковъ, въ рапортѣ своемъ, сказалъ, что „поелику двое главныхъ конторщиковъ, сознаваясь въ нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ, объявили, что оныя попущаемы были конторою безъ вѣдома содержателей откупа, то сенатъ и не входитъ объ нихъ ни въ какое сужденіе“.

Въ рапортѣ же его употреблены были такія выраженія, которыя могли подать поводъ къ заключенію, что я былъ оплошенъ, или умышленно иное не дослѣдовалъ. Почему я, дождавшись возвращенія Государя, принялъ смѣлость изложить ему въ письмѣ мое оправданіе и, къ утѣшенію моему, имѣлъ счастіе получить милостивый рескриптъ, изъявляющій благоволеніе за ревность мою къ службѣ и успѣхъ, съ каковымъ я произвелъ слѣдствіе по рязанскому откупу; а чрезъ одиннадцать дней послѣ сего рескрипта удостоенъ еще другимъ, повелѣвающимъ мнѣ изслѣдовать втайнѣ поступки костромскаго губернатора Пасынкова; для прикрытія же того объявленъ былъ въ сенатѣ указъ объ отправленіи меня для обревизованія костромской губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ князь Куракинъ, препровождая ко мнѣ оный рескриптъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, изъяснялся между прочимъ сими словами: „я долженъ исполнить возложенное на меня высочайшее повелѣніе, сообщить вамъ, м. г., что Его Императорское Величество изволитъ надѣяться, что таковое порученіе вашему превосходительству

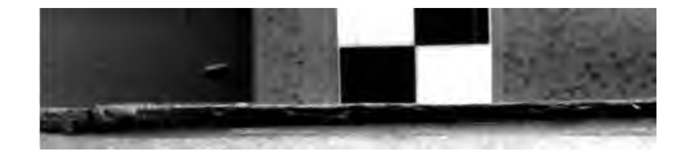
примете вы знакомъ особаго къ вамъ благоволенія Его Величества и совершеннымъ уже опроверженіемъ сдѣланнаго вами заключенія о неудовольствіи Его Величества на счетъ исполненной вами ревизіи по рязанской губерніи“.

Прибывъ на мѣсто, я тотчасъ приступилъ къ обозрѣнію губернскаго правленія и прочихъ судебныхъ мѣстъ, не оставляя между тѣмъ повѣрять и записку отъ неизвѣстнаго, при высочайшемъ рескриптѣ ко мнѣ препровожденную.

Потомъ, сверхъ ожиданія губернатора, отправился въ окружный городъ Чухлому для повѣрки по той же запискѣ, а проѣздомъ въ него осмотрѣлъ судебныя мѣста въ Галичѣ.

По возвращеніи моемъ въ губернскій городъ я получилъ еще порученіе, развѣдать о поступкахъ уже и того, кто писалъ записку. Это былъ чиновникъ, посланный отъ министра внутреннихъ дѣлъ для собранія свѣдѣній объ образѣ мѣстнаго управленія. Дошли и на него доносы, неважные, но частію справедливые.

Исполня все, на меня возложенное, меньше, нежели въ мѣсяцъ, я возвратился въ Москву и отдалъ самый вѣрный отчетъ Государю, сенату и обоимъ министрамъ: внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. По запискѣ безыменнаго многія статьи оказались справедливыми; надзоръ губернскаго начальства за теченіемъ дѣлъ найденъ весьма слабымъ; капитанъ-исправникъ, засѣдатель и секретарь галицкаго земскаго суда обличены въ лживомъ донесеніи самому сенатору, на словахъ и на бумагѣ, и отданы подъ судъ уголовной палаты. Той же участи подвергся и секретарь чухломскаго уѣзднаго суда за ложное же донесеніе и глупую очистку въ представленной мнѣ вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ. Сказано объ одномъ: „по черному приговору происходитъ разсужденіе“; когда же я, въ полномъ засѣданіи судей, потребовалъ чернаго приговора, невинные судьи обратили къ секретарю умоляющіе взоры, а онъ, съ безстыдною наглостью, началъ рыться въ коробкѣ, поставленной на концѣ той же лавки, на которой я сидѣлъ, предъ зерцаломъ, противъ троихъ судей. Секретарь, видя наконецъ, что не можетъ побѣдить моего терпѣнія, признался, что чернаго приговора и не бывало и выставленное дѣло еще не

было слушано. Обнаружены также злоупотребленія волостныхъ головъ и смотрителя за строеніемъ судебныхъ мѣстъ. Этотъ же смотритель былъ родный братъ губернаторши, а подрядчикъ крѣпостной крестьянинъ ея матери.

Не знаю угодилъ ли я двумъ министрамъ, но Государь Императоръ, сверхъ благоволительнаго рескрипта, изволилъ наградить меня столовыми деньгами, по три тысячи рублей въ годъ.

Симъ слѣдствіемъ заключились по гражданской службѣ всѣ мои походы. Въ концѣ 1809 года я имѣлъ счастіе получить высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изволилъ писать, что онъ,—„найдя нужнымъ изъясниться со мною о предметахъ, въ коихъ опытность моя можетъ быть полезна государству“, желаетъ, чтобъ я прибылъ въ Петербургъ къ наступающему новому году.

Рескриптъ препровожденъ былъ ко мнѣ М. М. Сперанскимъ. Онъ письмомъ своимъ увѣдомилъ меня, по высочайшему повелѣнію, что Его Величество, хотя и желаетъ меня видѣть, сколько можно скорѣе, однакожъ не предполагаетъ обезпокоить меня слишкомъ скорымъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что къ первому января мнѣ и поспѣть было бы затруднительно; а потому Государь Императоръ и предоставляетъ мнѣ прибыть между первымъ и шестымъ числомъ января будущаго года.

Такъ и исполнено мною. Выѣхавъ изъ Москвы января втораго 1810 года, я прибылъ въ Петербургъ пятаго, наканунѣ Крещенья. Въ тотъ же вечеръ узналъ я нечаянно, чрезъ „Петербургскія Вѣдомости“, о всемилостивѣйшемъ помѣщеніи меня въ число членовъ вновь преобразованнаго государственнаго совѣта. Канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ названъ предсѣдателемъ онаго, а М. М. Сперанскій государственнымъ секретаремъ.

На другой день, послѣ большаго парада, я имѣлъ счастіе представиться Государю въ его кабинетѣ и принялъ отъ него новую милость: званіе министра юстиціи, а въ слѣдующій день объявленъ былъ о томъ и высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

Переписана въ Москвѣ іюня 24-го 1824 года.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Приступая къ отчету въ послѣднемъ моемъ государственномъ служеніи, я почитаю не излишнимъ упомянуть слегка о первыхъ годахъ новаго правленія, достопамятныхъ важными перемѣнами и учрежденіями.

Ни одно царствованіе не имѣло столь блистательнаго начала. Между тѣмъ какъ два корабля „Нева“ и „Надежда“ полетѣли вокругъ свѣта собирать сокровища наукъ и природы, устроивать счастіе подданныхъ новыхъ Россіи на островахъ Восточнаго океана и заключать торговые договоры съ Японіей [59]), внутри имперіи государственное управленіе раздѣлилось на министерства; старый совѣтъ, имѣвшій одинакое назначеніе при Екатеринѣ и Павлѣ, возведенъ на степень первенствующаго трибунала; возникли еще пять университетовъ: въ Вильнѣ, Дерптѣ, Харьковѣ, Казани и въ Санктъ-Петербургѣ; въ немъ же открыты: гимназія для юношества всякаго состоянія и Педагогическое училище для образованія учителей. Въ то же время оживотворилась давняя коммисія законовъ. Усовершеніе оныя, равно какъ и управленіе Академіею Наукъ, Педагогическимъ институтомъ и гимназіей, ввѣрено было камергеру и товарищу министра юстиціи Новосильцову, бывшему тогда еще въ мужествѣ лѣтъ и только лишь возвратившемуся изъ чужихъ краевъ. Ему же предоставлено было разсмотрѣніе всѣхъ проэктовъ, представляемыхъ правительству, покровительство „Филантропическому вольному обществу“ и всякимъ полезнымъ изобрѣтеніямъ.

Всѣ таковыя по ученой части приращенія, всенародныя лекціи и законъ о производствѣ въ восьмой и пятый классы только тѣхъ, которые выдержатъ испытаніе и получатъ одобрительное свидѣтельство въ академическомъ образованіи, не мало послужили впослѣдствіи къ распространенію любви къ словесности и просвѣщенію во всей имперіи.

Первыми министрами были: по министерству внѣшнихъ сношеній, канцлеръ графъ Воронцовъ; военныхъ и сухопутныхъ силъ, Вязмитиновъ; морскихъ, вице-адмиралъ Мордвиновъ; юстиціи, Державинъ; внутреннихъ дѣлъ, графъ Ко-

чубей. Сей последній и товарищи министровъ: князь Чарторижскій, Новосильцовъ и Чичаговъ были ближайшія особы къ Государю.

Такимъ образомъ новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей, образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній. Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе.

При новомъ образованіи совѣта всѣ министры, кромѣ князя Куракина, смѣнившаго незадолго предъ тѣмъ графа Кочубея, перемѣнены другими, сами же поступили въ предсѣдатели департаментовъ совѣта, а графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, пожалованный въ канцлеры, въ небытность Государя, предсѣдательствовалъ въ общемъ собраніи совѣта въ комитетѣ министровъ. Прежнее же министерство его внѣшней и внутренней торговли уничтожилось и дѣла его поступили въ министерство финансовъ. Государственнымъ секретаремъ наименованъ М. М. Сперанскій. Онъ завѣдывалъ дѣла всѣхъ департаментовъ и сотрудниками своими имѣлъ по одному статсъ-секретарю въ каждомъ департаментѣ.

Въ совѣтъ поступали на разсмотрѣніе: ежегодное назначеніе расходовъ по министерствамъ, представленія министровъ о какомъ либо новомъ устройствѣ въ ихъ управленіи, докладныя записки государственнаго контролера, сенатскія дѣла о Грузіи, о расчетахъ частныхъ людей съ казною, о сло-

Богаевскій—Юстія „О благосостояніи царствъ". Послѣдняго я еще засталъ въ сенатѣ, но уже въ глубокой старости.

Обращая особенное вниманіе къ сенату, долженствующему быть образцомъ для прочихъ судилищъ, я горѣлъ желаніемъ охранить его достоинство, возвратить ему прежнюю важность, но какъ это зависѣло болѣе отъ качествъ и опытности членовъ, составляющихъ сословіе сенаторовъ, то и предполагалъ, что не безполезно было бы настоящее постановленіе о сенатѣ дополнить слѣдующимъ.

Въ каждый департаментъ сената опредѣлять по непремѣнному и равному числу сенаторовъ, чтобы несмотря на отпуски, положенное время отдохновенія или болѣзнь сенатора, всегда было достаточное число для полнаго присутствія.

Въ случаѣ отставки или кончины сенатора, даровать сенату право избирать на его мѣсто изъ списка кандидатовъ, и представлять о избранномъ на высочайшее усмотрѣніе Государя. Списокъ же кандидатовъ составлять преимущественно изъ губернаторовъ, прослужившихъ въ послѣднемъ званіи не менѣе пяти лѣтъ.

Подвергнуть сенатора строгой отвѣтственности, если, по разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи сената или государственнаго совѣта, откроется, что оное перенесено было за несогласіемъ его съ прочими, по одному только видимому упрямству или пристрастію.

Поставить министру въ обязанность, при концѣ каждаго года, представлять на высочайшее усмотрѣніе списокъ всѣхъ сенаторовъ и ходатайствовать о награжденіи знакомъ отличія, арендою или столовыми деньгами трехъ сенаторовъ, отличившихся предъ прочими дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ и безпристрастнымъ сужденіемъ. Такое положеніе заставило бы всѣхъ неблагонамѣренныхъ или безголосныхъ, тупыхъ сенаторовъ, обходимыхъ нѣсколько лѣтъ сряду въ наградахъ, или исправиться, или выходить въ отставку, а достойныхъ поощрило бы къ большему соревнованію.

Не возлагать, наконецъ, на сенатора никакой посторонней должности, ни по опекунскому совѣту, ни губернаторской, ни по комитетамъ, ни по министерствамъ, гдѣ нынѣ они, для

корѣйшаго полученія ленты или аренды, добровольно подчиняютъ себя министрамъ и, къ униженію достоинства своего званія, заступаютъ мѣста почти экспедиторовъ.

Сверхъ того я признавалъ весьма полезнымъ учредить въ разныхъ мѣстахъ имперіи училища законовѣдѣнія, со всѣми принадлежащими къ тому пособіями, для дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ отличившихся въ успѣхахъ, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, воспитанниковъ изъ дворянскаго сословія выпускать съ чиномъ губернскаго секретаря, а прочихъ съ похвальнымъ аттестатомъ и правомъ вступленія въ гражданскую службу обыкновеннымъ порядкомъ. При надлежащемъ надзорѣ за таковыми училищами можно было бы, чрезъ десять лѣтъ по учрежденіи оныхъ, постановить, чтобъ никого изъ стряпчихъ не допускать къ хожденію по дѣламъ безъ одобрительнаго свидѣтельства отъ одного изъ сихъ училищъ. Такимъ образомъ невѣжеству и ученичество мало-по-малу истребилось бы совершенно между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчіе были бы поставлены въ необходимость усовершать себя въ законовѣдѣніи и учиться грамматическимъ правиламъ отечественнаго языка.

Всѣ сіи замѣчанія и предположенія были плодомъ наблюденій моихъ въ продолженіи оберъ-прокурорской и сенаторской службы; оставалось бы представить ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе Государя, но мнѣ еще въ первые дни вступленія моего въ министерство сказано было, или дано почувствовать, что всѣ нововведенія должно отложить до разсмотрѣнія проэкта новаго образованія двухъ сенатовъ: правительствующаго и судебнаго, уже почти приведеннаго къ окончанію.

И такъ я, съ перваго шага, принужденъ былъ ограничить себя исправленіемъ только разныхъ упущеній и строгимъ надзоромъ за соблюденіемъ стараго, узаконеннаго порядка.

Вслѣдствіе того, по канцеляріи общаго собранія сената составленъ полный настольный реэстръ нерѣшенныхъ дѣлъ, а старый подавъ былъ мнѣ въ клочкахъ и недописанный, за что оберъ-секретарь общаго собранія и потерялъ свое мѣсто. Всѣ, такъ называемыя, казусныя дѣла, вносимыя изъ частныхъ департаментовъ и лежавшія съ давняго времени безъ разрѣ-

смотря и на то, что всѣ сенатскія рѣшенія по сибирскимъ дѣламъ исключительно переносимы были, какъ будто по недовѣрію къ сенату, въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, обвиняли Пестеля въ глаза и оправдывали часто подсудимыхъ. Послѣдствія доказали, что сенатъ соблюлъ все свое достоинство. Чрезъ два или три года послѣ того Пестель облеченъ былъ въ званіе члена государственнаго совѣта, но въ тоже время новый сибирскій генералъ-губернаторъ, М. М. Сперанскій, получилъ повелѣніе изслѣдовать о всѣхъ злоупотребленіяхъ сибирскаго начальства. Истина восторжествовала. Виновные преданы суду, а бывшій генералъ-губернаторъ отставленъ вовсе отъ службы.

Въ первый годъ моего министерства, сверхъ обязанности моей по судебной части сената, озабоченъ я былъ торгами по винному откупу. Въ августѣ оные кончились. Казна противъ прежнихъ откуповъ получила до нѣсколько милліоновъ наддачи. Въ этомъ дѣлѣ вся честь принадлежала усердію и опытности министра финансовъ, который нѣкогда и самъ былъ откупщикомъ. Я только не мѣшалъ ему. Но Государь Императоръ, 30-го того же мѣсяца, въ день своего тезоименитства, благоволилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Александра Невскаго и единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Въ тотъ же день, послѣ обѣденнаго стола, будучи принятъ въ императорскомъ кабинетѣ для принесенія моей благодарности, я имѣлъ счастіе исходатайствовать перваго департамента оберъ-прокурору Баранову [61]), бывшему моему однополчанину, орденъ св. Анны перваго класса, не взирая на то, что онъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, уже удостоился получить, за труды его по откупной части, золотую табакерку съ алмазнымъ императорскимъ вензелемъ. Признаюсь, что этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

По мѣрѣ свычки съ моею должностью и опытности, мною пріобрѣтаемой, служба моя казалась мнѣ день отъ дня легче. Я сожалѣлъ только о томъ, что еженедѣльныя засѣданія въ комитетѣ министровъ, непрестанное отправленіе текущихъ дѣлъ, состоящихъ большею частію въ мелочныхъ перепискахъ съ другими министерствами, и частные этикетные выѣзды ко

юру отнимали у меня часы, которые могъ бы я проводить большею пользою, занимаясь дѣлами, входящими на консультацію, или обдумываніемъ наединѣ средствъ къ усовершенію хода ввѣреннаго мнѣ департамента.

По крайней мѣрѣ, я доволенъ былъ тѣмъ, что успѣлъ тя исполнить то, что лежало у меня на сердцѣ, когда лъ еще оберъ-прокуроромъ: изданіе коренныхъ законовъ, йствующихъ въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи. а первый случай разсмотрѣнъ, повѣренъ съ лучшими изданіями, исправленъ въ слогѣ, хотя и не совершенно, и въ 311 году напечатанъ былъ старый переводъ Литовскаго атута. Кромѣ выгоды, доставленной тѣмъ присоединеннымъ льскимъ губерніямъ и самимъ русскимъ чиновникамъ въ жданской службѣ, сенатское казначейство продажею Статута лучило знатное приращеніе въ своихъ доходахъ. Жаль, что аткость времени не допустила меня издать полныхъ переводовъ и прочихъ узаконеній, равно устроить на лучшемъ основаніи архивы. Они, годъ отъ года, болѣе нагружаются бумами и грозятъ необходимостью закладывать для нихъ при ждомъ судѣ двухъ-этажныя зданія.

Весь этотъ годъ замѣчателенъ былъ большою дѣятельстью въ государственномъ совѣтѣ по дѣламъ законодательй комиссіи. Послѣ проэкта новаго гражданскаго уложенія риступлено было къ разсмотрѣнію проэкта учрежденія двухъ натовъ: правительствующаго и судебнаго. На основаніи го проэкта, правительствующій сенатъ *) долженствовалъ стоять изъ государственныхъ министровъ, главныхъ начальковъ разныхъ частей управленія, и подъ предсѣдательвомъ самого Государя, а въ отсутствіи его государственго канцлера. Онъ завѣдывалъ бы дѣла исполнительныя: щія, коихъ рѣшеніе принадлежало бы ему по свойству ихъ степени ввѣренной ему власти, и особенныя, зависящія посредственно отъ высочайшаго рѣшенія.

Въ судебномъ сенатѣ предсѣдательствовалъ бы также мъ Императоръ; въ отсутствіи же его, мѣсто предсѣдателя

*) Все сіе выписано почти слово въ слово изъ самаго проэкта.
Прим. авт.

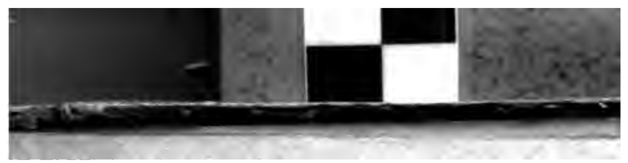

занималъ бы одинъ изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, по высочайшему назначенію. Судебный сенатъ долженствовалъ быть составленъ изъ сенаторовъ, опредѣленныхъ непосредственно державною властію и избранныхъ дворянствомъ каждой губерніи изъ своего сословія. Онъ раздѣлялся-бы, по пространству его дѣйствія, на округи, по роду дѣлъ, на департаменты, по свойству ихъ, на отдѣленія. Мѣстопребываніе округовъ его назначалось въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани. Каждое отдѣленіе и каждый департаментъ предполагаемо было составить изъ одного предсѣдателя и извѣстнаго числа сенаторовъ. Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ, въ каждомъ отдѣленіи назначался оберъ-прокуроръ, а для производства и приготовленія оныхъ потребное число рекетмейстеровъ (вмѣсто нынѣшнихъ оберъ-секретарей) и ихъ помощниковъ. Общее собраніе сената въ каждомъ округѣ составлялось изъ предсѣдателя сената, изъ предсѣдателей и сенаторовъ всѣхъ соединенныхъ департаментовъ, а для высшаго надзора за порядкомъ дѣлъ, въ каждомъ округѣ назначался генералъ-прокуроръ, который былъ бы подчиненъ министру юстиціи и состоялъ бы въ точной его зависимости.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта князь Александръ Николаевичъ Голицынъ [32]). сенаторъ Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ и я подавали свои голоса противъ нѣкоторыхъ положеній проэкта. Государственный секретарь, какъ редакторъ онаго, опровергалъ ихъ. Большая же часть членовъ была на сторонѣ проэкта, или лучше сказать, на сторонѣ домашнихъ расчетовъ.

Большинство голосовъ, хотя и удостоилось высочайшаго утвержденія, но проэктъ остался не приведеннымъ въ законную силу, вѣроятно по случаю важной перемѣны въ судьбѣ и самого редактора.

Въ первый день 1812 года возложенъ былъ на него орденъ св. Александра Невскаго, а въ исходѣ февраля или въ мартѣ, точно не помню, уже не было его въ Петербургѣ. Въ самый обѣдъ, получа повелѣніе быть съ докладомъ, онъ [illegible] во дворецъ, входитъ въ секретарскую комнату и

застаетъ въ ней министра духовныхъ дѣлъ, князя Голицына, которому также назначенъ былъ докладной часъ. Сперанскій въ ту же минуту позванъ былъ въ кабинетъ къ Государю. Часа черезъ два, онъ выходитъ оттуда въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами, и бросается къ столу для укладыванія въ портфель своихъ бумагъ, оборотясь къ князю Голицыну спиною, вѣроятно, чтобы имъ не примѣчено было его смятеніе. Запря портфель, не сказавъ ни слова, онъ поспѣшно ушелъ изъ комнаты, но уже войдя въ темныя сѣнцы предъ корридоромъ, онъ какъ бы опомнился, отворилъ опять до половины дверь и сказалъ князю: „прощайте, ваше сіятельство",—и скрылся. Это я слышалъ отъ самого князя. Дополню слышаннымъ отъ другого. Изъ дворца онъ поскакалъ прямо къ пріятелю своему, статсъ-секретарю Магницкому. Тамъ сказываютъ ему, что министръ полиціи [68]) увезъ его въ своей каретѣ, а бумаги его всѣ опечатаны. Онъ пріѣзжаетъ въ свой домъ, и уже находитъ въ немъ министра полиціи съ чиновникомъ своимъ Сангленомъ. Требуютъ отъ него ключей отъ кабинета и приступаютъ къ разбору и описи всѣхъ бумагъ. Сперанскій просилъ министра, чтобъ онъ позволилъ ему отложить нѣкоторыя бумаги въ особый пакетъ, и за его печатью вручить оный вмѣстѣ съ его письмомъ, при первомъ случаѣ, Государю. Министръ согласился и, по окончаніи своего дѣла, объявилъ ему отъѣздъ въ Нижній Новгородъ, куда онъ въ тотъ же день и отправился, подъ присмотромъ фельдъегеря. Такимъ же образомъ отвезенъ и Магницкій на житье въ Вологду.

Причины столь неожиданнаго происшествія остались и донынѣ для многихъ тайною. Одни приписывали паденіе Сперанскаго проискамъ барона Армфельда, бывшаго любимца Густава Третьяго и, послѣ присоединенія къ имперіи шведской Финляндіи, пользовавшагося короткое время благоволеніемъ Государя; другіе, недоброхотству министра полиціи. Первое предположеніе, кажется, ближе къ правдѣ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по удаленіи Сперанскаго, появилась на французскомъ языкѣ рукопись, въ которой государственный секретарь обвиняемъ былъ въ разрушеніи коллегіальнаго по-

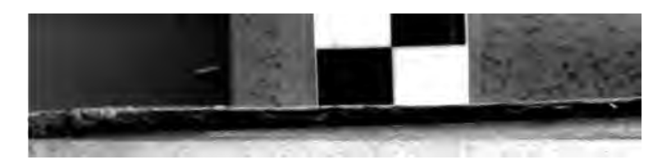
рядка, введенія, по разнымъ частямъ управленія, показаны болѣе во вреду, нежели къ пользѣ общественной, въ чертахъ весьма рѣзкихъ, но увеличенныхъ (I).

Министръ же полиціи, только съ августа одиннадцатаго года, получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго. Въ то время никто и не подозрѣвалъ того. Всякій разъ, когда онъ ни выходилъ отъ Государя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые изъ членовъ обступали съ шептаньемъ, отбивая одинъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его воззрѣнія.

Въ тайномъ же надзорѣ за Сперанскимъ, удостовѣрялъ меня и разговоръ Государя со мною. Однажды онъ, остановя докладъ мой по дѣламъ, изволилъ сказать мнѣ: „Какъ ты думаешь? Можно ли употребить Карамзина къ письмоводству? Разумѣется, не съ тѣмъ, чтобъ отвлечь его отъ настоящаго занятія, по его званію исторіографа, но чтобъ иногда только поручать ему кабинетскую работу; мнѣ давно извѣстенъ авторскій талантъ его, но я видѣлся съ нимъ только однажды, мимоходомъ, въ Оружейной палатѣ, когда пріѣзжалъ съ сестрою Екатериною Павловною въ Москву. Она мнѣ указала его. Я желалъ бы съ нимъ сблизиться“. — Отвѣчавъ на то, что было можно, я осмѣлился доложить Государю, позволено ли будетъ мнѣ сообщить Карамзину о томъ, что имѣлъ счастіе слышать. — „Съ тѣмъ то я и началъ рѣчь объ немъ“, отвѣчалъ Императоръ: „ты можешь отписать къ нему, что я скоро поѣду въ Тверь для свиданія съ сестрой; хорошо было бы, еслибъ онъ къ тому же времени туда пріѣхалъ“.

Послѣдствіемъ сего было только то, что Государь, возвратясь изъ Твери, изволилъ сказать мнѣ, что онъ очень доволенъ новымъ знакомствомъ съ исторіографомъ, и столько же отрывками изъ его „Исторіи“, которые онъ, въ первый вечеръ, прослушалъ до втораго часа ночи. Даже изволилъ вспомнить, что было читано: о древнихъ обычаяхъ россіянъ и нашествіи монголовъ на Россію.

Теперь остается мнѣ передать то, что сказано мнѣ было самимъ Государемъ, на счетъ Сперанскаго. Послѣ его уда-

ленія два раза отказано мнѣ было въ личномъ докладѣ; въ третій же допущенъ въ кабинетъ, и Государь, при входѣ моемъ, изволилъ сказать: „Не сердись, что я два раза не принималъ тебя: причиною тому все эта пакостная исторія“ и тотчасъ сталъ мнѣ разсказывать, что Сперанскій, за двѣ комнаты отъ кабинета, позволилъ себѣ, въ присутствіи близкихъ къ нему людей, опорочивать политическія мнѣнія нашего правленія, ходъ внутреннихъ дѣлъ, и предсказывать паденіе имперіи. „Этого мало“, продолжалъ Государь,—„онъ простеръ наглость свою даже до того, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ“. Съ этимъ словомъ Государь, подойдя къ другому столу, выдернулъ изъ лежавшихъ на немъ бумагъ листъ, писанный рукою Сперанскаго, и, подавая мнѣ, изволилъ сказать: „Вотъ письмо его и собственное признаніе. Прочитай самъ“, примолвилъ Его Величество, указавъ пальцемъ на первыя строки одного параграфа. Содержаніе онаго состояло въ томъ, что Сперанскій предупреждалъ Государя, что между запечатанными въ особомъ конвертѣ бумагами найдены будутъ двѣ перелюстрованныя реляціи отъ нашего посла при Датскомъ дворѣ, которыя могутъ обвинить его, но что онъ клянется въ своей невинности; что къ полученію оныхъ отъ совѣтника Бека [64]) подвигло его не другое что, какъ одно любопытство, а еще болѣе искреннее участіе въ благоденствіи и славѣ отечества.

Желательно знать малѣйшія подробности о тѣхъ, кои выходятъ изъ круга людей обыкновенныхъ. И такъ скажемъ еще нѣсколько словъ о Сперанскомъ.

Отецъ его священникъ Владимирской епархіи; но дѣдъ его, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ, былъ хорунжимъ въ Малороссійскомъ казачьемъ войскѣ. Родовое прозвище его Грамматинъ; Сперанскимъ же переименованъ въ училищѣ, вѣроятно въ надеждѣ на его дарованія. Окончивъ курсъ наукъ въ Александровской духовной академіи, онъ вышелъ въ свѣтское состояніе и на первомъ шагу принятъ былъ въ домъ князя Алексѣя Борисовича Куракина для обученія дѣтей его русской грамматикѣ и словесности. Здѣсь онъ, обращаясь въ такомъ обществѣ, гдѣ господствующимъ языкомъ былъ

не природный, а французскій, началъ прилежать къ из онаго, и достигъ до того, что сталъ говорить и писать п(цузски бѣгло и правильно, какъ на отечественномъ яз

При восшествіи на престолъ Императора Павла, Куракинъ, получа званіе генералъ-прокурора, принял ранскаго въ гражданскую службу и опредѣлилъ в канцелярію. Съ того времени начали развиваться спосо его къ письмоводству. Проэкты манифестовъ, указовъ, деній, докладныя записки, все это поручаемо было со только Сперанскому, ибо никто въ канцеляріи не имѣлъ образованности и не писалъ лучше его.

Съ перемѣною министровъ не перемѣнялось счаст по службѣ. Онъ былъ нуженъ равно всѣмъ генералъ- рорамъ. Каждый награждалъ труды его. Сверхъ обык ной должности экспедитора, онъ былъ еще прави канцеляріи въ коммиссіи о продовольствіи столицы, состо подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника. Здѣсь онъ счастіе обратить на себя его вниманіе.

При учрежденіи министерствъ, Сперанскій перше министерство внутреннихъ дѣлъ и находился при ми онаго, графѣ Кочубеѣ. Онъ былъ у него самымъ спосо и дѣятельнымъ работникомъ. Всѣ проэкты новыхъ пос леній и ежегодные отчеты по министерству были имъ п Послѣдніе имѣли не только достоинство новизны, но стороны методическаго расположенія, весьма рѣдкаго нынѣ въ нашихъ приказныхъ бумагахъ, историческаго женія по каждой части управленія, по искусству въ могутъ послужить руководствомъ и образцами.

Вскорѣ по выходѣ изъ министерства графа Кочуб слѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя министра ю свѣтлѣйшаго князя Лопухина, о употребленіи Сперанскаго шаго уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кава ордена св. Анны перваго класса, по занятіямъ ко законовъ, для ускоренія „сколь можно“, такъ сказано скриптѣ,—„совершеніемъ трудовъ, возложенныхъ на ком составленія законовъ, и объ личномъ докладѣ его по д *сей коммиссіи*, подлежащимъ усмотрѣнію Государя“. По

) же время онъ сопровождалъ Императора въ Эрфуртъ для идавія съ Наполеономъ.

По возвращеніи оттуда Сперанскій пожалованъ чиномъ йнаго совѣтника; потомъ получилъ званіе товарища министра юстиціи и наконецъ государственнаго секретаря. Тогда нъ былъ на самой высокой случайности: одинъ только анцлеръ равнялся съ нимъ въ благоволеніи и довѣренности 'осударя. Никто не смѣлъ и думать о томъ, чтобы кто югъ поколебать ее, но послѣдствіе доказало, что все можетъ ыть сбыточнымъ.

Изъ Нижняго-Новгорода онъ перевезенъ былъ въ Пермь; тсюда же, по прошествіи года, позволено было ему жить ъ деревнѣ тещи его, въ новгородской губерніи. Потомъ онъ предѣленъ былъ губернаторомъ въ Пензу, а чрезъ два года енералъ-губернаторомъ во всей Сибири, съ порученіемъ произвести на мѣстѣ слѣдствіе по давнимъ жалобамъ на тамошнее начальство, объѣхать Сибирь до самой Кяхты и сочинить проэктъ новаго управленія тѣмъ краемъ. По исполненіи сего, нъ вызванъ въ Петербургъ и облеченъ въ званіе члена осударственнаго совѣта. Сибирь же, на основаніи проэкта го, раздѣлена на двѣ части, Западную и Восточную, а 'правленіе оными ввѣрено двумъ генералъ-губернаторамъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ современниковъ одинъ только покойникъ Храповицкій А. В. могъ равняться съ Сперанскимъ ъ способности къ письмоводству. Онъ всегда былъ готовъ къ аботѣ. Часто, выходя отъ Императора, онъ садился въ такъ азываемой секретарской комнатѣ за столъ и начиналъ писать указъ или рескриптъ съ такою легкостію, какъ будто лагалъ что либо затверженное наизустъ, несмотря на то, о вокругъ его въ пять голосовъ говорили.

Я любилъ его, когда онъ еще былъ экспедиторомъ въ нцеляріи генералъ-прокурора, находя въ немъ болѣе просвѣщенія, благородства и привѣтливости, нежели въ его товарищахъ. Впослѣдствіи же имѣлъ причину и уважать о, какъ государственнаго человѣка, способнаго и трудолюбиваго. Но не было между нами короткаго знакомства. И режде, и послѣ взаимное обращеніе наше ограничивалось

8*

только взаимнымъ вниманіемъ. На другой же годъ моего министерства я замѣтилъ въ немъ даже и нѣкоторую ко мнѣ холодность. Не трудно мнѣ было отгадать тому причину: по проницательности ума его, онъ не могъ ни бояться меня, чуждаго всѣхъ хитростей и козней, около двора употребляемыхъ, ни надѣяться съ моей стороны, во всякомъ случаѣ, безусловнаго съ нимъ согласія. Къ тому же я не поладилъ съ оберъ-прокуроромъ Столыпинымъ [65]), бывшимъ подъ особеннымъ его покровительствомъ. Не могъ и не хотѣлъ также, противъ совѣсти, защищать давняго знакомца его Могилянскаго [66]) противъ справедливой жалобы на него кіевскаго губернскаго начальства. Но это не мѣшало мнѣ отдавать ему полную справедливость и желать искренно, чтобы важный трудъ его, новое уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный государственнымъ совѣтомъ и впослѣдствіи собственною опытностію, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ. Тогда бы имя его дошло до потомства.

Въ числѣ государственныхъ особъ того времени, одинъ только Осипъ Петровичъ Козодавлевъ имѣлъ со мною пріятельское знакомство. Мы два раза сходились на одномъ поприщѣ, вмѣстѣ были и оберъ-прокурорами. Можетъ быть, съ его стороны и бывали затѣи къ удержанію преимущества въ благоволеніи къ намъ нашихъ начальниковъ, но никогда онъ не подавалъ мнѣ повода къ разрыву нашей связи. Даже и по выходѣ моемъ изъ министерства, до самой кончины его онъ постояннымъ образомъ поддерживалъ нашу связь и доказывалъ свое ко мнѣ вниманіе. Это былъ человѣкъ умный, образованный въ Лейпцигскомъ университетѣ, упражнявшійся въ молодыхъ лѣтахъ въ русской словесности и охотный къ услугамъ. Можетъ быть, нѣсколько искательный и привязчивый къ колесу фортуны, но за то примѣрный мужъ, родственникъ и господинъ въ отношеніи къ своимъ домочадцамъ. Прочіе же всѣ, кромѣ почтеннаго канцлера, Барклая-де-Толли и маркиза де-Траверсе, были ко мнѣ довольно равнодушны. Большая часть вельможъ держатся одного правила — уважать *только того*, кого боишься, или отъ кого надѣешься получить

)-либо выгоду, быть глухимъ и нѣмымъ на счетъ добраго своего ближняго и нескромнымъ при случаѣ малѣйшаго ромаха. Не распространяясь далѣе, изобразимъ свойство круга одною чертою.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья я слушалъ заутреню и ію въ дворцовой церкви, и остался съ нѣкоторыми во ѣ ожидать обѣденнаго стола. Между тѣмъ пришло мнѣ ѣъ спросить одного изъ старѣйшихъ въ нашемъ кругѣ,)ебуетъ ли дворскій этикетъ, или свѣтское приличіе, авить съ наступившимъ праздникомъ принцессу Амалію, ' Императрицы, и принца съ принцессою Виртембергъ, имѣвшихъ во дворцѣ свое пребываніе? Онъ рѣши-) сказалъ мнѣ, что „его и нога не бывала у нихъ". По- я обратился къ другому; тотъ отвѣчалъ, что онъ „право ıетъ, что сказать на мой вопросъ; по крайней мѣрѣ самъ да того не дѣлалъ". Я рѣшился идти на удачу; но, тя въ сѣняхъ добраго маркиза де-Траверсе, предложилъ быть моимъ спутникомъ. „Съ радостію пошелъ бы съ ', отвѣчалъ онъ, — „но лишь только теперь былъ у нихъ ѣ съ графомъ ***" — съ тѣмъ самымъ, который „никогда не дѣлалъ!!" И такъ я, придворный новичокъ, уже устремился къ моей цѣли и нашелъ въ передней ком- обѣихъ принцессъ на столѣ по листу для записыванія авителей, и на обоихъ листахъ имена моихъ безпеч- которыхъ „и нога тамъ не бывала". Какъ назвать этотъ покъ? Почти невинною привычкою — во всякомъ случаѣ, и въ неважномъ, выставлять себя и затирать другого. ахъ мой не имѣлъ бы никакого послѣдствія, а все бы ю было для нихъ, если бы я сдѣлалъ промахъ. Сколько стей, даже и мелочей въ дворской наукѣ!

Іо я не имѣлъ въ ней никакой нужды, вступя въ ми- рство уже съ готовымъ правиломъ служить Государю эчеству, и никому болѣе, любить исправность въ отпра- ı должности, а не влюбляться въ мѣсто и не жалѣть потерѣ. Послѣ того кто же могъ быть для меня стра- ? Для чего мнѣ было унижать себя угодливымъ рабо- вомъ и метаться отъ одного къ другому? И такъ я спо-

койно и съ удовольствіемъ продолжалъ мою службу, ко всѣмъ былъ учтивъ, но предъ всѣми высоко держалъ голову и глядѣлъ прямо. Государь изволилъ оказывать явно ко мнѣ свое благоволеніе; въ комитетѣ министровъ и въ государственномъ совѣтѣ бумаги мои проходили безъ противорѣчія; подчиненные мои, кромѣ двухъ-трехъ малодушныхъ или неблагодарныхъ, любили и уважали меня, несмотря на мою строгость. Это продолжалось до 1812 года; продолжалось бы, конечно, и долѣе, если бы вспыхнувшая война не разлучила меня съ Государемъ. Его высокая нравственность была моимъ эгидомъ. Съ отсутствіемъ его все перемѣнилось.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Неумѣренныя требованія французскаго правительства въ 1812 году дошли до такой степени, что должно было день отъ дня ожидать совершеннаго съ онымъ разрыва. Указъ о рекрутскомъ наборѣ, подписанный марта 23 дня, былъ первымъ того предвѣстникомъ. Въ исходѣ же мая [67]) Императоръ оставилъ столицу для осмотра арміи, расположенной въ присоединенныхъ польскихъ губерніяхъ. Свиту его составляли: канцлеръ графъ Румянцовъ, графъ Кочубей, баронъ Армфельдъ, министръ полиціи Балашовъ и государственный секретарь вице-адмиралъ Шишковъ. Отправленіе дѣлъ по министерству внѣшнихъ сношеній поручено было тайному совѣтнику графу А. Н. Салтыкову [68]), а должность министра полиціи генералу-отъ-арміи и члену государственнаго совѣта С. К. Вязьмитинову.

Въ то же время назначенъ и въ Москву новый главнокомандующій — оберъ-каммергеръ графъ Ѳ. В. Растопчинъ заступилъ мѣсто фельдмаршала графа Гудовича и переименованъ отъ арміи генераломъ.

За отсутствіемъ канцлера, предсѣдательство въ комитетѣ министровъ и государственномъ совѣтѣ возложено было на фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, бывшаго тогда еще графомъ.

Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его

аружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на эмъ, что онъ при трехъ правленіяхъ пользовался въ равной илѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ иу достоинствъ, но разсматривая его, какъ государственнаго эловѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь ысокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны ъ турками, оконченной Кайнарджискимъ миромъ, онъ былъ, ікъ сказать, рядовымъ генераломъ; ни въ одной реляціи не умѣло имя его, подобно именамъ Вейсмана [69]), графа Каэнскаго и князя Суворова. Предсѣдательствуя потомъ въ юенной коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ разіть способности государственнаго ума, онъ держался того ода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его, іяземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе эдписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобъ онъ когдаибудь сказалъ въ совѣтѣ или комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе; бросая нѣсколько словъ, ничего незначущихъ, іъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто на его счету важѣе прочихъ, т.-е. случайнѣе. Послѣ сего, трудно ли было ікъ долго держаться на своемъ мѣстѣ?

Съ отбытіемъ Императора всѣ политическія сношенія съ [аполеономъ стали приближаться къ развязкѣ. Едва Государь прибылъ въ Вильну, французская армія перешла Нѣанъ и частію двинулась прямо къ Вильнѣ, а наша стала тступать къ Смоленску. О такомъ внезапномъ и вражескомъ ашествіи Императоръ извѣстилъ высочайшимъ рескриптомъ ельдмаршала Салтыкова. Затѣмъ послѣдовалъ манифестъ отъ -го числа іюня, уже изъ лагеря подъ Дриссою, о вторженіи епріятеля, а отъ 6-го того же мѣсяца, изъ лагеря близъ Полоцка, озваніе о всеобщемъ возстаніи на оборону отечества.

Съ того времени комитетъ министровъ получилъ болѣе іжности: уже онъ сталъ средоточіемъ всѣхъ государственыхъ движеній. Военныя обстоятельства требовали мѣръ чрезычайныхъ, скораго исполненія, и все это именемъ Императора разрѣшаемо было комитетомъ; но таковое уполномочіе одавало иногда поводъ и къ нѣкоторымъ отступленіямъ, не югда необходимымъ, отъ узаконенныхъ правилъ. Напримѣръ,

отъ иныхъ министровъ вносимы были на утвержденіе условія съ подрядчиками мимо сената; часто отдавались подряды на такую сумму, на каковую подрядчикъ не имѣлъ законнаго права. Я всякій разъ напоминалъ о томъ комитету, но мнѣ всегда былъ одинъ отвѣтъ: „важность обстоятельствъ, требующихъ скораго исполненія, не терпитъ медленныхъ формъ, употребляемыхъ сенатомъ".

Напоминанія мои еще болѣе охладили ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, особенно же управляющаго канцеляріей статсъ-секретаря Молчанова. Въ докладѣ бумагъ началось предпочтеніе по министерствамъ: отъ тѣхъ и тѣхъ самую неважную вносили въ докладъ безъ задержанія, а мои по нѣскольку недѣль, даже по мѣсяцамъ, лежали безгласными — за недосугомъ. Наконецъ, слѣдующій случай обнаружилъ явное ко мнѣ недоброхотство, или явную робость и нерѣшимость.

Непріятель уже подходилъ къ Смоленску. При всемъ напряженіи патріотизма можно было ожидать худыхъ послѣдствій. На всякій случай, я заготовилъ проэктъ секретнаго ордера всѣмъ московскимъ оберъ-прокурорамъ, чтобы собраны были, безъ малѣйшей огласки, нужнѣйшія и важнѣйшія бумаги какъ по сенату, такъ и по вотчинному департаменту и государственному архиву, дабы въ случаѣ опасности Москвы онѣ могли быть тотчасъ отправлены, куда будетъ назначено. По новости предпріятія и уваженію моему къ комитету, я внесъ проэктъ мой на его утвержденіе, но предсѣдатель онаго, безъ сомнѣнія, по внушенію г. Молчанова, не хотѣлъ согласиться даже и на то, чтобы проэктъ мой хотя прочтенъ былъ въ засѣданіи комитета, сказавъ мнѣ, что я хозяинъ въ моемъ министерствѣ, слѣдовательно, и могу предписывать подчиненнымъ мѣстамъ безъ вѣдома комитета. И что же? Около того же времени принимается отъ министра просвѣщенія записка о разрѣшеніи на перекрышку на Аптекарскомъ островѣ согнившей кровли на прачешномъ строеніи!! Жалкое противорѣчіе!

Послѣдствія оправдали меня. По вступленіи въ Москву *непріятеля*, начали, даже и въ Петербургѣ, по всѣмъ мини-

стерствамъ отправлять нужнѣйшія бумаги воданымъ путемъ, помнится, въ олонецкую губернію, куда отряженъ былъ отъ министерства полиціи чиновникъ, чтобы приготовить дома для поклажи дѣлъ и проживанія отправленныхъ съ ними отъ всѣхъ министерствъ приказныхъ служителей.

Но, благодареніе святому Промыслу, распоряженіямъ правительства и народному духу, временное испытаніе наше обратилось для насъ въ вѣчную славу. Спокойствіе возстановилось, теченіе дѣлъ вступило въ прежній порядокъ, и министры стали по старому имѣть опредѣленные дни для личнаго доклада по дѣламъ своимъ Государю.

Это продолжалось до вторичнаго отбытія Императора въ армію, послѣдовавшаго, помнится, въ началѣ 1813 года. Государь предъ отъѣздомъ своимъ соблаговолилъ оказать многія милости; между прочимъ, фельдмаршалъ Салтыковъ получилъ титло свѣтлѣйшаго князя [70]), а управляющему канцеляріей комитета повелѣно присуствовать въ сенатѣ. На другой день онъ пріѣхалъ просить меня о назначеніи его въ первый департаментъ. Я доложилъ о томъ Государю, и сдѣлано.

Съ отсутствіемъ Императора возобновились неудовольствія мои по комитету. Статсъ-секретарь Молчановъ сталъ оказывать худое свое расположеніе ко мнѣ еще болѣе прежняго. Вотъ какая была тому причина.

Предъ самымъ отъѣздомъ Государя я докладывалъ ему, что по комитету накопилось до ста сенатскихъ докладовъ и рапортовъ на высочайшее имя, не считая другихъ записокъ, и просилъ о повелѣніи комитету прибавить къ двумъ днямъ въ недѣлю еще одинъ для присутствія единственно по сенатскимъ дѣламъ, пока не будутъ они очищены. Получа на то высочайшее соизволеніе, я, не замѣшкавъ, объявилъ объ ономъ оффиціально предсѣдателю комитета.

Г. Молчановъ, при первой встрѣчѣ со мною послѣ того, съ неудовольствіемъ далъ мнѣ замѣтить, что ходатайство мое о лишнемъ днѣ присутствія клонилось только къ тому, чтобы выставить его предъ Государемъ въ видѣ лѣнивца или нерадиваго, и что же послѣдовало? Объявленное мною высочайшее повелѣніе осталось совсѣмъ безъ исполненія, даже

и не внесено было въ журналъ; медленность въ докладахъ по моимъ запискамъ, самымъ нужнымъ, требовавшимъ скораго разрѣшенія; неуваженіе не только къ лицу моему, но и къ самымъ законамъ. Въ доказательство того довольно привести три случая.

Въ Малороссіи производилось тяжебное дѣло, котораго окончаніе можно было назвать торжествомъ правосудія. Вотъ причина и ходъ его.

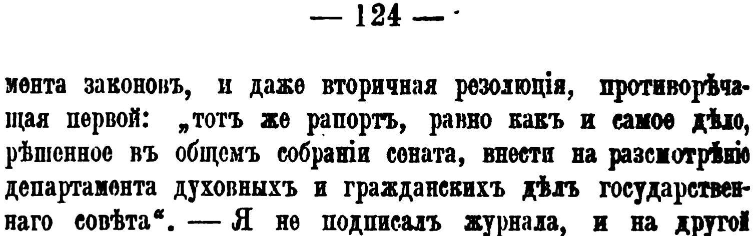
Нѣкогда свѣтлѣйшему князю Безбородкѣ, бывшему еще только любимымъ статсъ-секретаремъ Екатерины, пожаловано было недвижимое имущество, смежное съ помѣстьемъ Покорскаго, — Журавки. Отъ Безбородки присланъ былъ повѣренный для пріема изъ казеннаго вѣдомства пожалованнаго имущества. Съ перваго шага, онъ подалъ прошеніе, чтобъ вмѣсто повѣтоваго суда приказано было нарядить особую коммиссію для ввода новаго помѣщика во владѣніе. Просьба его уважена, коммиссія прибыла на мѣсто, и даже губернаторъ присутствовалъ при вводѣ. Повѣренный объявляетъ притязанія свои на часть владѣнія Покорскаго, доказывая, что она когда-то принадлежала къ пожалованному селенію. Коммиссія вступаетъ въ права судебнаго мѣста, и присуждаетъ не только спорную землю, съ поселенными на ней крестьянами, въ отдачу Безбородкѣ, но и остальное Покорскаго имущество, будто въ замѣнъ иска за насильственное владѣніе.

Отъ сего начинается тяжба установленнымъ порядкомъ. Въ продолженіи оныя графъ Безбородко подарилъ пожалованную деревню другу своему и земляку, тайному совѣтнику Судіенкѣ. Этотъ не отступаетъ отъ начатаго дѣла, и всѣ инстанціи, отъ первой до послѣдней, несмотря на вліяніе могущества перваго помѣщика, ни на связи послѣдняго, оправдали Покорскаго. Дѣло дошло, наконецъ, по высочайшему повелѣнію до общаго собранія сената, и окончательное рѣшеніе послѣдовало также въ пользу Покорскаго, о чемъ и внесенъ былъ отъ меня въ комитетъ сенатскій рапортъ на высочайшее имя.

Чрезъ долгое время послѣ того Молчановъ, сойдясь со *мною* одинъ въ комитетѣ, сказываетъ мнѣ, что председатель

ртамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ подалъ комитетъ, такъ называемый имъ, отзывъ на счетъ дѣла іенки. Въ чемъ состоялъ отзывъ? Что онъ, графъ Ко-й, въ качествѣ попечителя дѣтей, оставшихся послѣ ошаго Судіенки, обязаннымъ почитаетъ себя просить ко-тъ о порученіи департаменту гражданскихъ дѣлъ госу-твеннаго совѣта истребовать изъ сената подлинное дѣло новь разсмотрѣть его, подъ предлогомъ, будто сенатъ не лъ въ виду важныхъ документовъ; ибо повѣренный, ставя ихъ не прямо въ сенатъ, а къ министру юсти-получилъ отъ него въ отвѣтъ: „ожидать рѣшенія об-о собранія". „Графъ Кочубей", примолвилъ Молчановъ,— вѣтовался прежде со мною, не подать ли ему просьбы на чайшее имя отъ имени малолѣтныхъ въ коммиссію пеній?" Я отвѣчалъ ему, что на основаніи законовъ, не имѣетъ права принимать жалобъ на общее собра-сената. Тогда онъ, продолжалъ Молчановъ, приступилъ мнѣ, чтобъ я непремѣнно внесъ отзывъ его въ докладъ итету. „Я право не знаю, что съ нимъ дѣлать? Все вы-алъ, чтобъ объясниться о томъ съ вами". — Дѣлайте, ь хотите, былъ мой отвѣтъ ему, я только знаю, что дѣлать.

Послѣ сего объясненія сталъ я съ возможною осторож-ію пересматривать всѣ комитетскіе журналы, подносимые къ подписанію. Однимъ утромъ, въ продолженіи засѣ-я, подаютъ мнѣ ихъ въ большомъ количествѣ. Очищая одинъ за другимъ, я нахожу между ними внесенный ртъ сената о дѣлѣ Покорскаго. Въ комитетской резолюціи, цатаго апрѣля, сказано: „предоставить министру юстиціи тить оный въ правительствующій сенатъ къ надлежащему лненію". Журналъ подписанъ всѣми членами, даже и мъ графомъ Кочубеемъ. Оставлено мѣсто для моей только иси. Будучи крайне доволенъ, что комитетъ устоялъ ивъ искушенія, я тотчасъ приложилъ свою руку. Но ь я удивился, добравшись до другого журнала, уже отъ цать восьмаго числа, по тому же самому дѣлу! Въ оный енъ былъ и упомянутый отзывъ предсѣдателя департа-

мента законовъ, и даже вторичная резолюція, противорѣчащая первой: „тотъ же рапортъ, равно какъ и самое дѣло, рѣшенное въ общемъ собраніи сената, внести на разсмотрѣніе департамента духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта“. — Я не подписалъ журнала, и на другой же день прислалъ въ комитетъ мое мнѣніе, въ которомъ объяснялъ:

Во-первыхъ. Что я дѣйствительно не пустилъ въ ходъ документовъ повѣреннаго г. Судіенки, потому что дѣло уже прошло всѣ узаконенныя инстанціи; если Судіенко имѣлъ какіе либо документы, служащіе къ подкрѣпленію доказательствъ его, то могъ бы, да и долженъ былъ, представить ихъ въ свое время, куда слѣдуетъ по законамъ. Я же, по долгу моего званія, не обязанъ принимать никакихъ актовъ, относящихся къ производству дѣлъ въ общемъ собраніи, да и самый документъ, представленный мнѣ повѣреннымъ, уже находился въ виду сената“.

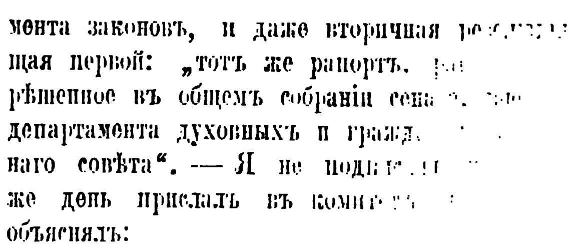
Во-вторыхъ. Что рапортъ общаго собранія заключаетъ въ себѣ всѣ обстоятельства, необходимыя и существенно нужныя къ объясненію правъ той и другой стороны, и представленъ единственно для донесенія Государю Императору, что высочайшая воля его исполнена. Относительно же рѣшенія по тяжебнымъ дѣламъ общаго собранія, въ указѣ восьмаго сентября 1802 года сказано: „если по выслушаніи дѣла генералъ-прокуроръ согласится съ резолюціею общаго собранія, то дѣло рѣшится окончательно“. А въ манифестѣ перваго января 1810 года объ учрежденіи государственнаго совѣта повелѣвается коммиссіи прошеній: „оставлять безъ уваженія жалобы по тяжебнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ въ общемъ собраніи сената.

Въ-третьихъ. Что послѣ столь гласныхъ и недавнихъ законовъ, каковъ есть особенно послѣдній, несовмѣстно было бы съ цѣлію общей пользы останавливать ихъ дѣйствіе по одному только случаю, въ пользу одного только сироты, между тѣмъ, какъ нѣсколько сиротъ, повинуясь тѣмъ же законамъ, лишились также имущества, если отцами ихъ не*праведно* оное было пріобрѣтено; между тѣмъ какъ и впредь

нѣсколько сиротъ въ подобныхъ обстоятельствахъ могутъ ыть подвергнуты тому же жребію, если не будутъ имѣть частія находиться подъ опекою кого-либо изъ членовъ комиета, ибо коммиссія прошеній не можетъ принимать жалобъ хъ на общее собраніе сената. — „Предвижу, говорю я въ аключеніи моего мнѣнія, что возразятъ мнѣ на это тѣмъ, ю комитетъ, по высочайшему соизволенію, дѣйствуетъ имемъ Его Императорскаго Величества, слѣдственно имѣетъ раво на произволъ, въ иныхъ случаяхъ, и отступать отъ равилъ, предписанныхъ законами для обыкновенныхъ судищъ; но я три года имѣлъ счастіе докладывать Государю, чрезъ многіе опыты удостовѣрился, что онъ весьма строго важаетъ непоколебимость коренныхъ государственныхъ поановленій, и доселѣ ни для кого не соизволилъ допущать зъятія изъ оныхъ“.

Но это мнѣніе едва ли и предложено было комитету; по райней мѣрѣ не записано было въ журналѣ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того для правителя анцеляріи наступило новое торжество надо мною. Можетъ ыть, читатели мои вспомнятъ, что на другой день отбытія осударя въ армію я объявилъ комитету высочайшее повеѣніе собираться еще по одному разу въ недѣлю для очистки ѣлъ, накопленныхъ въ комитетской канцеляріи по моему инистерству. Комитетъ не безъ причины отважился высочайую волю оставить безъ исполненія: вѣроятно по внушенію равителя канцеляріи, предсѣдатель комитета, безъ вѣдома ого, по крайней мѣрѣ безъ моего, представилъ Государю, е благоугодно ли будетъ приказать всѣ, безъ исключенія, юсимые отъ сената, доклады и рапорты на высочайшее имя азсматривать впредь государственному совѣту, подкрѣпляя редставленіе свое тѣмъ, что комитетъ, за множествомъ друихъ дѣлъ, не имѣетъ времени разсматривать подробно сенатихъ рапортовъ и докладовъ. Представленіе сіе, совершенно дностороннее, удостоилось высочайшаго утвержденія, и комиетъ, будучи извѣщенъ о томъ отъ предсѣдателя, записыаетъ въ журналъ, чтобы всѣ сенатскія дѣла препровождать а разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Въ числѣ прочихъ

монта законовъ, и даже вторичная [illegible]
щая первой: „тотъ же рапортъ, [illegible]
рѣшенное въ общемъ собраніи сена[illegible]
департамента духовныхъ и гражд[illegible]
наго совѣта“. — Я не подн[illegible]
же день прислалъ въ комит[illegible]
объяснялъ:

Во-первыхъ. Что [illegible]
документовъ повѣреннаго [illegible]
прошло всѣ узаконен[illegible]
какіе либо документы, [illegible]
тельствъ его, то [illegible]
ихъ въ свое время. [illegible]
долгу моего [illegible]
относящихся [illegible]
и самый [illegible]
находи[illegible] [illegible] было въ

[illegible] [illegible]ать, назначивъ п[illegible]
въ [illegible] [illegible] управленіе недвиж[illegible]
[illegible] [illegible]ѣщанія, обратилъ осо[illegible]
[illegible] [illegible] фабрики и учредилъ
[illegible] [illegible], равно и въ распред[illegible]
[illegible] [illegible]афинѣ Потемкиной и ея д[illegible]
[illegible] [illegible]казано въ немъ, было [illegible]
[illegible] [illegible]авленія сею фабрикою, по за[illegible]
[illegible] мануфактуръ правленія, во м[illegible]
[illegible]тствуетъ ни пространству выго[illegible]
[illegible]лаемымъ на движеніе оною; во-вт[illegible]
[illegible]ному завѣщанію попечительс[illegible]
[illegible]ленія. Оный указъ контрасигни[illegible]
[illegible]утренихъ дѣлъ Козодавловымъ, к[illegible]
[illegible]зывалъ мнѣ, по тому же предмет[illegible]
[illegible]ленія: первое, чтобъ исполненіе п[illegible]
[illegible]ималъ я въ особенное мое набл[illegible]
[illegible] въ семъ дѣлѣ должную справедли[illegible]
[illegible] тъ же указъ приведенъ былъ въ
[illegible]ленномъ попечителей отъ правительствующаго [illegible]

сенатъ, назначивъ согласно съ проше-
Потемкиной, попечителями генералъ-
Горчакова, вице-адмирала А. С.
статскаго совѣтника Филатова,
тупили немедленно въ упра-
основаніи правилъ, пред-
іяхъ".

аковъ, управлявшій
илъ въ комитетъ
графини Потемкиной,
ь ея, къ разстрой-
въ цвѣтущее состояніе.
онъ и свѣдѣнія, истребо-
ъ-коммисара, о состояніи фаб-
...е.

...ось, что фабрика съ 1811 по
ежегодно въ казну подряженное количе-
...ирающееся до пяти сотъ тысячъ аршинъ,
...исправности; а заключеніе управляющаго
...министерствомъ состояло въ томъ, что сія фабрика
...одна изъ обширнѣйшихъ въ государствѣ; что она снаб-
...тъ коммиссаріатъ большею частью подряжаемаго количества
...онъ на всю армію; что продолженіе опеки могло бы по-
...жить предлогомъ къ неисправной поставкѣ, а потому онъ
представилъ прошеніе графини Потемкиной на уваженіе
...митета, полагая съ своей стороны, что для обезпеченія ка-
...нной поставки достаточно будетъ возложить на одного граж-
...нскаго губернатора курской губерніи.

Князь Горчаковъ объявилъ притомъ комитету, что онъ,
...въ озабоченъ ввѣреннымъ ему министерствомъ, не имѣетъ
...вольно времени къ исправленію обязанностей по опекѣ, по-
...у и проситъ отъ оныя уволить.

Комитетъ предоставилъ мнѣ предложить сенату о избраніи,
...мѣсто князя Горчакова и отсутствующаго А. С. Шишкова,
...торый, въ качествѣ государственнаго секретаря, находился
...гда за-границею при Государѣ, избрать новыхъ попечителей,
...и съ согласія графини Потемкиной, но чтобы и сама она

не была устранена отъ управленія имѣніемъ, а для ближайшаго надзора назначить въ числѣ попечителей и курскаго гражданскаго губернатора.

Сенаторы, выслушавъ объявленное въ предложеніи моемъ рѣшеніе комитета, находили оное въ противорѣчіи съ подписнымъ указомъ, разумѣя, что въ немъ предоставлено избраніе опекуновъ самому сенату, а не графинѣ Потемкиной. Статсъ-секретарь Молчановъ, присутствовавшій тогда въ лицѣ сенатора, вызвался завтра же доложить о томъ комитету и увѣрилъ прочихъ сенаторовъ, что пришлется другая резолюція, согласная съ подписнымъ указомъ.

Получа о томъ словесное донесеніе отъ оберъ-прокурора (нынѣ сенатора) Баранова, я предписалъ ему поставить сенату на видъ, что между подписнымъ указомъ и объявленнымъ сенату въ моемъ предложеніи нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія; что существенная цѣль обоихъ указовъ состоитъ въ томъ, чтобъ избраны были сенатомъ опекуны къ имѣнію графини Потемкиной; что если сенатъ по первому указу призналъ опекунами назначенныхъ дѣтьми Потемкиной, почему же не предоставить и самой матери назначенія новыхъ опекуновъ? Можетъ быть сенатъ, говорю я въ предложеніи, нашелъ бы и оныхъ достойными, не лишаясь впрочемъ права на опредѣленіе въ противномъ случаѣ по своему произволу. Заключаю же тѣмъ, что если мнѣніе мое не сильно будетъ къ убѣжденію господъ сенаторовъ, тогда дѣло перенести въ общее собраніе. Что же касается до вызова г. Молчанова исходатайствовать другую резолюцію, сказано было мною на словахъ оберъ-прокурору, что это не его дѣло. Вѣроятно, послѣднія слова были переданы Молчанову и подожгли его честолюбіе, ибо чрезъ нѣсколько дней, а именно 30 іюня, присланъ былъ ко мнѣ, отъ 24 того же мѣсяца, комитетскій журналъ, въ которомъ предоставляется мнѣ вторично предложить сенату: „о избраніи опекуновъ, но уже не требуя на то согласія отъ графини Потемкиной, какъ положено было журналомъ отъ 14 марта“.

Я тотчасъ вношу въ комитетъ записку или отзывъ, въ которомъ излагаю: во-первыхъ, что прежнее положеніе ко-

митета уже предложено мною сенату, и тѣмъ самымъ приведено въ законную силу; во-вторыхъ, что вслѣдствіе происшедшихъ въ первомъ департаментѣ сомнѣній на счетъ исполненія по послѣднему комитетскому положенію, предписано отъ меня оберъ-прокурору о сообщеніи гг. сенаторамъ моего мнѣнія, и въ случаѣ ихъ несогласія съ онымъ, о переносѣ дѣла въ общее собраніе сената по установленному порядку; въ-третьихъ, что по столь гласному движенію дѣла сего приличнѣе было бы предоставить оное законному теченію, не дѣлая никакой отмѣны въ прежнемъ положеніи, тѣмъ наипаче, что оное послѣдовало по единогласному заключенію присутствовавшихъ членовъ, — далѣе прописывалъ причины, на коихъ оно было основано.

Записка сія отправлена была къ управляющему комитетскими дѣлами того же самаго числа, 30 іюня, въ которое доставленъ былъ ко мнѣ журналъ, заготовленный отъ 24 числа; но несмотря на то, на другой же день, т.-е. перваго іюля, получена мною, для исполненія, выписка изъ того же журнала, съ которымъ я не соглашался. Изъ чего и должно заключить, что мнѣніе мое не было въ свое время поставлено на видъ комитету.

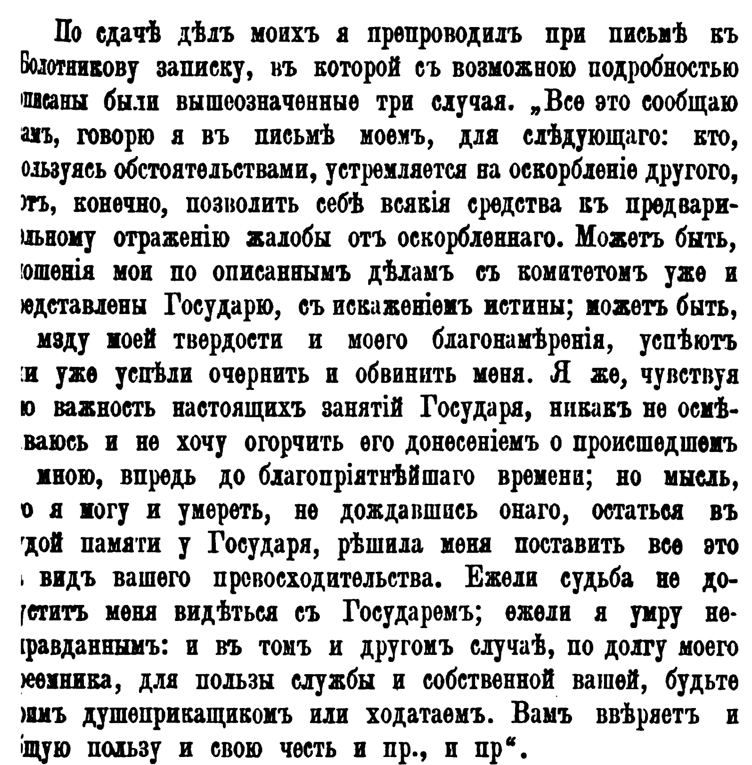
Въ то же время оберъ-прокуроръ Барановъ, какъ будто въ шутку, приходитъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что сенаторы, въ томъ числѣ и Молчановъ, согласились исполнить въ точности комитетское положеніе отъ 14-го марта; а на другой день, отъ 2-го іюля, получена отъ того же Молчанова, какъ отъ правителя комитетской канцеляріи, новая выписка изъ комитетскаго журнала, отъ второго іюля, которою, по выслушаніи моего отзыва, дано мнѣ знать, что журналъ двадцать четвертаго іюня (гдѣ записано было вторичное положеніе) состоялся по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ, почему и слѣдуетъ привести его въ исполненіе. Такимъ-то образомъ я былъ поставленъ въ небывалое до того положеніе объявлять по одному дѣлу два различныя и одно другому противорѣчащія предписанія комитета, и при томъ объявлять ихъ отъ имени Государя!

Вскорѣ потомъ я схожусь въ комитетѣ съ свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ. Кромѣ насъ двоихъ никого еще было. Я напоминаю ему, что онъ самъ былъ моимъ предмѣстникомъ; говорю о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи; о нарушеніи узаконен-

наго порядка; наконецъ, спрашиваю его, какой же былъ поводъ для нихъ приступить, безъ малѣйшаго отъ меня настоянія, даже въ моемъ отсутствіи, къ отмѣнѣ прежняго своего положенія? — „По докладу Молчанова", сказалъ онъ. — Но имѣлъ ли онъ на то право? Какъ правитель канцеляріи комитета, онъ сообщилъ мнѣ комитетское положеніе въ выпискѣ изъ журнала, и дѣло свое исправилъ; какъ сенаторъ, онъ самъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и не могъ имѣть голоса въ комитетѣ. — „Такъ, конечно, отвѣчалъ князь, но, право, я думалъ, что онъ докладывалъ по вашему препорученію". Мнѣ жалко было смотрѣть на семидесятилѣтняго старца, на столбоваго боярина, бывшаго двукратно стражемъ правосудія и охранителемъ законовъ.

Послѣ столь многихъ доказательствъ пренебреженія всѣхъ приличій и порядка, законами установленнаго, оставалось бы мнѣ только довести о томъ до свѣдѣнія Императора; но неумѣстная моя совѣстливость удержала меня: мнѣ больно было и помыслить о занятіи его подобными нелѣпостями въ такое время, когда лежала на раменахъ его судьба цѣлой Европы.

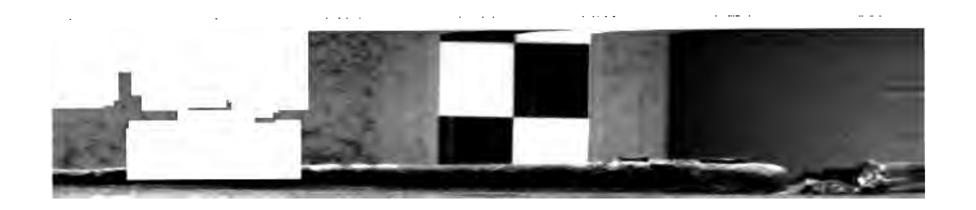
Я предпочелъ просить о увольненіи меня отъ министерства, и съ первымъ курьеромъ въ армію отправилъ о томъ мое прошеніе. Не получая на него отвѣта, я писалъ къ министру полиціи А. Д. Балашову, чтобы онъ, при случаѣ, напомнилъ Государю объ моемъ прошеніи; буде же не послѣдуетъ на то высочайшаго соизволенія, исходатайствовать мнѣ, по крайней мѣрѣ, отпускъ на четыре мѣсяца. Наконецъ, я получилъ его. Должность моя препоручена была сенатору Алексѣю Ульяновичу Болотникову, которому я, въ первый годъ моего министерства, имѣлъ счастіе выпросить орденъ св. Анны перваго класса. Знакомство мое съ нимъ началось еще въ гвардіи въ семеновскомъ полку, при большомъ неравенствѣ нашихъ чиновъ: онъ былъ поручикомъ, а я еще сержантомъ. Я столько уважалъ его просвѣщенный разсудокъ, добрую совѣсть и заботливое трудолюбіе, что при испрашиваніи ему ордена осмѣлился сказать Государю, что еслибы Его Величеству угодно было предоставить собственному моему выбору, самому принять министерство или уступить его Болотникову, я избралъ бы послѣднее.

По сдачѣ дѣлъ моихъ я препроводилъ при письмѣ къ Болотникову записку, въ которой съ возможною подробностью писаны были вышеозначенные три случая. „Все это сообщаю амъ, говорю я въ письмѣ моемъ, для слѣдующаго: кто, ользуясь обстоятельствами, устремляется на оскорбленіе другого, этъ, конечно, позволитъ себѣ всякія средства къ предвари-льному отраженію жалобы отъ оскорбленнаго. Можетъ быть, юшенія мои по описаннымъ дѣламъ съ комитетомъ уже и юдставлены Государю, съ искаженіемъ истины; можетъ быть, мзду моей твердости и моего благонамѣренія, успѣютъ и уже успѣли очернить и обвинить меня. Я же, чувствуя ю важность настоящихъ занятій Государя, никакъ не осмѣ-ваюсь и не хочу огорчить его донесеніемъ о происшедшемъ мною, впредь до благопріятнѣйшаго времени; но мысль, о я могу и умереть, не дождавшись онаго, остаться въ дой памяти у Государя, рѣшила меня поставить все это видъ вашего превосходительства. Ежели судьба не до-стигнетъ меня видѣться съ Государемъ; ежели я умру не-равданнымъ: и въ томъ и другомъ случаѣ, по долгу моего еемника, для пользы службы и собственной вашей, будьте имъ душеприкащикомъ или ходатаемъ. Вамъ ввѣряетъ и щую пользу и свою честь и пр., и пр“.

Потомъ, отпустя весь домашній мой скарбъ водою и химъ путемъ въ Москву, двадцать девятаго іюля, и самъ правился туда же. По причинѣ сгорѣвшаго моего домика выпросилъ у почтеннаго канцлера временное пристанище московскихъ его палатахъ.

Съ самой нѣжной молодости моей въѣздъ въ Москву ывалъ всегда для меня праздникомъ. Но въ этотъ разъ я глянулъ на нее съ сжатымъ сердцемъ: она раскрыла еще ѣжую ему рану, напомня мнѣ о насильственной смерти дного моего брата Өедора! Онъ служилъ за оберъ-прокурор-имъ столомъ въ сенатѣ. Предъ занятіемъ французами Мо-вы, за разгономъ лошадей, онъ не могъ слѣдовать за се-томъ въ Казань, и только что въ состояніи былъ добраться села Измайлова, отстоящаго въ семи верстахъ отъ сто-цы. Тамъ нашла его шайка французовъ, ограбила, и по-

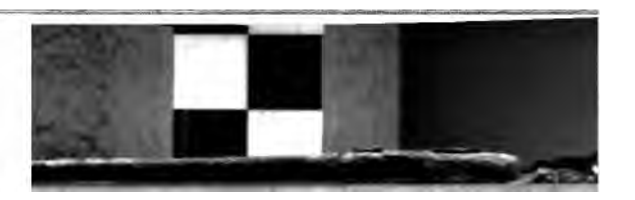

...ялъ его изъ пистолета,
...дѣтей.
...едмѣстья и лучшая улица.
...въ развалинахъ. Знатнѣйшіе
...ты копотью, безъ стеколъ,
...совсѣмъ безъ оныя; индѣ
...ами, обнаженными отъ позо-
...ять исторіи.
...мъ моимъ Карамзинымъ, лишь
...Нижняго-Новгорода, первая моя
...вый пріютъ для моей старости.
...съ разгороженнымъ садомъ, не-
...львара и такъ называемаго Патріар-
...Св. Спиридона, и приступилъ къ
...съ необходимыхъ принадлежностей.
...рока моему отпуску, испросилъ еще
..., и по первому зимнему пути отпра-
...рчію для свиданія съ моимъ родителемъ.

...НИГА ДЕВЯТАЯ.

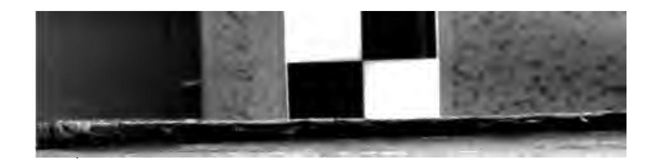
...иныхъ трудовъ, противоборствій и не-
...я увидѣлъ себя опять въ томъ самомъ
...моимъ ровестникомъ, ибо родители мои
...дъ день съ моими крестинами. Изъ стран-
...хъ чертоговъ я очутился подъ низменное
...горнаго хребта, покрытаго дубовымъ
...анномъ семействѣ, гдѣ не было ни одного
...ждаго, ни ко мнѣ хладнаго.
...моего въ глубокой старости, восьмидесяти
...общество его составляли меньшой мой братъ,
...ановней любви всѣми выгодами честолюбія
...двѣ мои сестры и малолѣтная сиротка, дочь
...рата.
...твелъ для житья моего свой кабинетъ, куда
...ывалъ съ трепетомъ для отчета въ заданномъ
...какимъ удовольствіемъ взглянулъ я на старин-
...афъ съ книгами, бывшій предметомъ моей

ы! Я увидѣлъ въ немъ давнихъ моихъ знакомцевъ:
о книгу „Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ"
осова, московскаго второго изданія 1757 года; „Со-
я и переводы" Владиміра Лукина, Гораціевы „Посланія",
дъ силлабическимъ размѣромъ князя Кантемира, „Гра-
Залтазара придворнаго человѣка", въ оригиналѣ „Письма"
ра, Бальзака и Костара, даже „Домашніе и школьные
оры" на трехъ языкахъ, которые въ дѣтствѣ моемъ
о натручивали память мою, и бывали иногда виною
въ и слезъ моихъ. Да простятъ меня товарищи мои
гры за воспоминаніе о такихъ мелочахъ; да извинятъ
мъ и авторы классическіе и романтическіе! Я пишу не
щегольства, не для потомства, а для собственнаго удо-
вія. Такъ, въ этомъ кабинетѣ я возвратилъ безпечные
ивые дни моей невинности, и почти позабылъ всѣ при-
ныя мнѣ досады. Нѣжность отца моего, противорѣчившая
ой его наружности въ молодыхъ лѣтахъ; удовольствіе,
е въ глазахъ его, при видѣ сына, достигшаго значи-
й степени; искреннія ласки всего семейства могли бы
сдѣлать меня совершенно счастливымъ, если бы не
къ тому врѣзанный въ сердцѣ моемъ образъ любезной
і. Она за годъ передъ тѣмъ скончалась [72]). Я не могъ
кнуть къ этой разлукѣ, пока жилъ у отца моего: часъ
, время чая, мѣсто, гдѣ она обыкновенно сидѣла, все
инало объ ней и погружало меня въ уныніе.
ъ началѣ 1813 года я простился съ моимъ любезнымъ
ствомъ и возвратился въ Москву. Тамъ ожидало меня
анное отъ Болотникова отношеніе ко мнѣ графа Арак-
изъ за-границы. Онъ препроводилъ ко мнѣ прошеніе,
ное къ Государю отъ одного общества евреевъ, объявляя
мъ высочайшее повелѣніе, чтобъ я, по возвращеніи Импера-
при первомъ моемъ докладѣ внесъ въ оный и эту бумагу.
зъ сего я заключилъ, что Государь полагаетъ меня уже
тившимся изъ отпуска; почему, нимало не медля, и отпра-
въ Петербургъ. По прибытіи же туда представился двору
упилъ въ отправленіе дѣлъ по моему министерству.

Въ скоромъ времени послѣ того вся имперія обрадо была извѣстіемъ объ торжественномъ вступленіи Государя побѣдоносною своей арміей и союзными войсками въ Пар и объ отреченіи Наполеона, за себя и сына, отъ пре Франціи. Сіе достопамятное событіе послѣдовало 19 мар извѣстіе о томъ было получено съ генералъ-адъютантомъ тузовымъ, помнится мнѣ, въ апрѣлѣ. Въ тотъ же ил другой день я имѣлъ счастіе, съ нѣкоторыми изъ минист быть приглашеннымъ къ столу вдовствующей императр Никогда столь искренняя радость не сіяла на челѣ ма вѣнценоснаго побѣдителя! Послѣ обѣда она приказала по новости, полученныя ею; собрала вкругъ себя всѣхъ го своихъ обоего пола и заставила секретаря своего г. Ви мова читать французскія и нѣмецкія вѣдомости, наполне похвалъ и благословеній освободителю Европы. Во в превозносили его скромность, великодушіе и человѣкол Потомъ поручено было сенатору Нелединскому-Мелец прочитать постановленія, относительно къ обстоятельств французскаго временнаго правительства и блюстительнаго ната. Наконецъ было заключено пѣсенкою, сочиненною Парижѣ въ честь нашего Императора, на голосъ извѣс старинной пѣсни: Vive Henri quatre! Да здравствуетъ рихъ Четвертый.

За первымъ извѣстіемъ послѣдовалъ и высочайшій м фестъ, подписанный въ Парижѣ, о занятіи -енаго нашим союзными войсками. Назначенъ былъ день для торжество сего достопамятнаго событія. Обѣ Императрицы изволили быть въ Казанскій соборъ къ слушанію литургіи. Цер уже была наполнена гражданствомъ обоего пола и всѣхъ словій. Самая площадь предъ нею усѣяна была народомъ совершеніи литургіи и по выходѣ изъ алтаря митропо Амвросія со всѣмъ духовенствомъ на средину храма, отправленія благодарственнаго молебна, я имѣлъ счастіе чи манифестъ, взойдя на первую ступень помоста возлѣ ам обратясь къ народу и имѣя съ правой стороны император фамилію, а съ лѣвой иностранныхъ министровъ. Съ пос нимъ словомъ манифеста началея благодарственный молеб

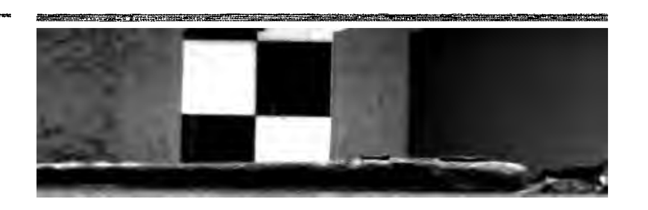

заключенный хоромъ: Тебѣ Бога хвалимъ. За симъ грянулъ громъ пушекъ, и раздалось ура! по всей площади.

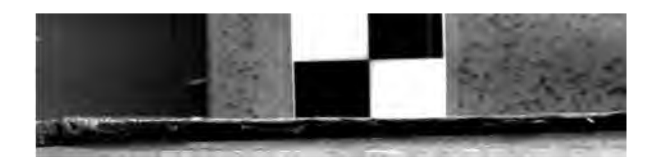
Въ тотъ вечеръ весь городъ былъ освѣщенъ. Знатнѣйшія присутственныя мѣста, начиная съ сената, министерскіе и многіе частные дома украшены были великолѣпными щитами; даже посредственнаго состоянія, не только хозяева, но и жильцы выставляли въ окнахъ своихъ прозрачныя аллегорическія картины или что другое съ остроумными надписями (II).

Но все это было недостаточно для изъявленія нашей признательности, она требовала бо̀льшей, важнѣйшей дани, отъ лица всей имперіи. Нѣкоторымъ сенаторамъ внушено было подать о томъ свои голоса, иные обращали ихъ ко мнѣ, другіе къ предсѣдателю комитета министровъ. Всѣ они слушаны и разсматриваемы были въ общемъ собраніи сената. Имъ единогласно положено пригласить, для чрезвычайнаго присутствія въ сенатѣ, Святѣйшій Синодъ, всѣхъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта, дабы совокупно придумать и положить на мѣрѣ, какимъ приличнѣйшимъ образомъ изъявить признательность отечества Государю, виновнику новой славы и освобожденія Европы.

Чрезвычайное собраніе, въ засѣданіи своемъ апрѣля 25-го, утвердило единогласно: 1) составить отъ лица присутствующихъ, какъ отъ представителей имперіи, всеподданнѣйшее на высочайшее имя прошеніе о принятіи наименованія Благословеннаго и о разрѣшеніи на добровольную денежную складку во всемъ государствѣ для сооруженія въ Петербургѣ памятника; 2) отправить съ симъ прошеніемъ къ Государю посольство, составленное изъ членовъ совѣта: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника перваго класса князя Александра Борисовича Куракина, отъ арміи генерала Александра Петровича Тормасова, гофмейстера графа Александра Николаевича Салтыкова; 3) въ ожиданіи же высочайшаго на то соизволенія, предварительно предложить, посредствомъ министра просвѣщенія, художникамъ Императорской Академіи художествъ, равно и прочимъ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ, о изобрѣтеніи чертежа сему памятнику и еще медали, которая бы достойна была передать потомству славную для Россіи эпоху.

Но для меня и сіе торжество не прошло безъ нѣ рыхъ неудовольствій. Готовясь къ чрезвычайному собрані сенатѣ и зная цѣль онаго, для собственнаго руководств нѣкоторыхъ случаяхъ, я заблаговременно велѣлъ отыска сенатскомъ архивѣ производство дѣла по поводу подо же чрезвычайнаго собранія, гдѣ положено было просить имени всего народа Императрицу Екатерину Вторую о пріятіи наименованія Великой. Тогда сочиненіе адреса прошенія всѣмъ собраніемъ предоставлено было генералъ-курору князю Вяземскому. Собраніе знало, что онъ перед это обязательство другому (графу Заводовскому), но хс тѣмъ изъявить ему свое вниманіе. Въ настоящемъ сл поступлено было совсѣмъ иначе. Согласно съ вышесказан сенатскимъ стариннымъ производствомъ и моею должно въ назначенный день для чрезвычайнаго собранія я п предилъ старшаго оберъ-прокурора Титова, что присут начнется прочтеніемъ протокола, которымъ опредѣлено пригласить членовъ Синода и Государственнаго Совѣта общаго совѣщанія съ сенатомъ; что онъ долженъ стоят мною, у императорскихъ креселъ, и по слову моему пр пить къ чтенію; но вмѣсто того, едва собраніе стало ус ваться за столъ, каждый по своему старшинству, какъ і сѣдатель комитета министровъ графъ Салтыковъ, опус еще въ кресла, уже заговорилъ не тономъ приглашен гостя, хотя самъ наканунѣ предупреждалъ меня, что он детъ гостемъ, не болѣе; князь же А. Б. Куракинъ, не ему докончить, уже тотчасъ предлагаетъ, по обыкновенію св кудрявыми фразами, сенатора Нелединскаго-Мелецкаго сочиненія всеподданнѣйшаго прошенія, о которомъ еще слова не было сказано; ближайшіе къ нимъ члены изъя на то согласіе, и Нелединскій принялъ на себя быть р торомъ адреса, но только просилъ составить комитетъ нѣсколькихъ особъ, дабы онъ могъ предварительно по: вать имъ свою работу и пользоваться ихъ совѣтомъ. Соб согласилось и въ члены комитета избрало архіепископа (фима (нынѣшняго митрополита) и графа Кочубея. Но вс за тѣмъ съ конца стола, гдѣ сидѣлъ сенаторъ Молча

прислань былъ къ графу Салтыкову князь Горчаковъ съ предложеніемъ, будто отъ многихъ сенаторовъ, о избраніи въ члены же комитета и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василья Степановича Попова [73]), и на то согласились.

Я не оскорбился тѣмъ, что собраніе не признало меня достойнымъ участвовать, хотя совѣтомъ, при сочиненіи адреса; ю не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что графъ Салтыковъ помѣшалъ мнѣ открыть засѣданіе приличнымъ образомъ и мѣшался не въ свое дѣло.

Между тѣмъ предстояли мнѣ еще новыя и важнѣйшія неприятности по откупнымъ дѣламъ. Истекающій срокъ винному откупу обратилъ вниманіе сената и министра финансовъ) взысканію со многихъ откупщиковъ и залогодателей значительныхъ недоимокъ. По вліянію одного изъ сенаторовъ, нѣкоторые изъ нихъ начали явно покровительствовать и тѣмъ другимъ, особенно же откупщику Перецу. Рѣдко случалось, чтобъ настояніе министра финансовъ въ первомъ департаментѣ было единогласно уважено и миновало разсмотрѣнія общаго собранія. То же недоброхотство къ нему оказывалось и въ государственномъ совѣтѣ. Представленныя имъ условія на новый откупъ вытерпѣли сильныя противорѣчія. Однако сторона министра финансовъ превозмогла; условія большинствомъ голосовъ были одобрены и отправлены къ Императору въ армію на утвержденіе, съ нарочнымъ чиновникомъ изъ министерства финансовъ, дабы въ случаѣ какихъ недоразумѣній можно было получить отъ него достаточное объясненіе. Но сія предосторожность ни къ чему не послужила: условія неудостоились высочайшаго утвержденія, они возвращены въ совѣтъ съ повелѣніемъ нѣкоторыя статьи изъ нихъ перемѣнить, другія дополнить. Носились слухи, будто вмѣстѣ съ ними посланы были, чрезъ постороннія руки, тайныя на нихъ замѣчанія, чтобы поколебать довѣренность къ сенату и министру финансовъ, и какъ будто для того, чтобы промедленіемъ времени поставить правительство въ необходимость угождать прихотямъ откупщиковъ и отдать имъ откупъ по ихъ произволу.

Надежда ихъ на сильное покровительство столь была велика, что одинъ изъ нихъ, а именно Перецъ, даже осмѣ-

лился отправить къ Императору жалобу на министра финансовъ, наполненную дерзкими выраженіями и безъ подписанія своего имени. Она обращена была къ фельдмаршалу графу Салтыкову, который предоставилъ мнѣ предложить ее на разсмотрѣніе сенату. Я далъ ему замѣтить, что доселѣ никакое судилище, руководствуемое законами, не принимало бумагъ отъ безыменныхъ. „Это такъ, отвѣчалъ онъ, но я подозрѣваю, что эта бумага писана Перецомъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы сенатъ послалъ за нимъ и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, кто писалъ эту жалобу". Должно было, или пришлось исполнить. Сенаторы, хотя и пожимали плечами, но согласились. И что же? На другой день Перецъ, призванный въ присутствіе, безъ запинки сказалъ, что эта бумага точно имъ писана, но такъ давно, что онъ уже почиталъ ее пропадшею.

Министру финансовъ и мнѣ оставалось только, скрѣпя сердце, ожидать возвращенія Государя. Мы увѣрены были, что появленіе его приведетъ все въ прежній порядокъ. Надежда наша сбылась, но прежде того мы должны были еще вытерпѣть сильнѣйшій опытъ для нашей чувствительности, равно и для нашего честолюбія.

Въ тринадцатый день іюля столица обрадована была прибытіемъ Императора изъ за-границы. Съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ, многіе, въ томъ числѣ и я, поскакали во дворецъ на Каменный островъ. Государя тамъ еще не было. Сказали намъ, что онъ изъ Казанскаго собора отправился къ графу Салтыкову, бывшему тогда нездоровымъ. Наконецъ, мы имѣли счастіе дождаться Государя. Онъ былъ веселъ, много изволилъ говорить о минувшей войнѣ, и по безпристрастію своему счастливый конецъ оныя относилъ единственно къ благости Провидѣнія, не скрывая того, что наше войско, бывъ уже на пути къ Парижу, неоднократно находилось близкимъ къ отступленію. Его Величество удостоилъ меня по прежнему ласковымъ словомъ.

Ободренъ будучи симъ, я на другой же день отправился во дворецъ, взявъ съ собою бумагу, присланную ко мнѣ, какъ выше сказано, изъ арміи отъ графа Аракчеева. Придворный камердинеръ доложилъ обо мнѣ и вынесъ отвѣтъ, что если нѣтъ большой нужды, то ожидать для доклада другого дня.

ъ тотъ же день узналъ я, что и министру финансовъ было казано. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того графъ Салтыковъ общилъ мнѣ рескриптъ на его имя, въ которомъ, по отнымъ дѣламъ, употреблены выраженія, изъявляющія неудовольствіе на дѣйствія министра финансовъ и самого сената. рьевъ сказался больнымъ и пересталъ выѣзжать изъ дома, продолжалъ изыскивать всѣ способы къ своему оправданію.

Между тѣмъ, въ 22 день іюля, наступило празднованіе рожденія вдовствующей Императрицы. Вся столица перелась въ Петергофъ. Дворецъ окруженъ былъ народомъ, проходныя комнаты наполнены служащими и отставными. ударь, при выходѣ изъ церкви, остановясь въ пріемной натѣ, обращался ко всѣмъ министрамъ съ обыкновеннымъ имъ благоволеніемъ. Говорилъ даже съ нѣкоторыми изъ аторовъ. Меня же не удостоилъ не только словомъ, ниже глядомъ; та же участь была и сенатору Болотникову, отвлявшему должность мою, въ продолженіи моего отпуска. ъ я увидѣлъ ясно, что дворскія ухищренія произвели е дѣйствіе. Впослѣдствіи же узналъ, что князь Салтыъ (тогда онъ уже получилъ достоинство свѣтлѣйшаго князя), первомъ свиданіи съ Государемъ, испросилъ у него поженіе прислать къ нему Молчанова съ докладами по комету; что послѣдній въ тотъ же день и былъ принятъ. роятно, этотъ случай и послужилъ къ обвиненію меня и отникова. Послѣдняго, можетъ быть, изъ одной предостоности, чтобы не допустить его быть моимъ преемникомъ, всѣмъ извѣстно было давнее наше знакомство и доброе асіе. Тогда же дошло до меня, что Государь изволилъ зваться предъ одною особою, будто я сталъ лѣнивъ и нь гордъ, а потому и задалъ мнѣ урокъ въ смиреніи.

Вскорѣ потомъ я получилъ приглашеніе къ императорму столу на Каменный островъ. Это будетъ вторичный къ, думалъ я, и съ спокойнымъ духомъ отправился на ювъ. Но добрый Государь, сверхъ чаянія моего, обошелся мною по прежнему. Даже, минуя нѣсколькихъ особъ, стоихъ выше меня, подходилъ ко мнѣ и потомъ уже въ очередь еще удостоилъ меня двумя тремя—словами.

Такой благосклонный пріемъ рѣшилъ меня на другой день повторить мою просьбу о назначеніи мнѣ дня доклада по нужнѣйшимъ дѣламъ сената, но ошибся въ моей надеждѣ. Три дня прошло, и не было отвѣта. Тогда, нимало не мѣшкавъ, я написалъ къ Государю вторичную просьбу о увольненіи меня не изъ одного министерства, какъ то было сказано въ первой, но уже вовсе отъ службы и объ рѣшеніи моей участи прежде отбытія на Вѣнскій конгрессъ, назначенаго на другой или на третій день его тезоименитства. Запечатавъ прошеніе мое въ пакетъ, поѣхалъ съ нимъ на Каменный островъ и отдалъ его камердинеру, для врученія Государю.

Между тѣмъ положеніе министра финансовъ перемѣнилось. Испрошенное имъ объясненіе предъ графомъ Аракчеевымъ (III) и другія побочныя старанія помогли ему оправдаться; вслѣдствіе чего онъ получилъ орденъ св. Владиміра первой степени и прежній вѣсъ въ сенатѣ, равно какъ и въ государственномъ совѣтѣ.

Еслибы я пошелъ тѣмъ же путемъ, можетъ быть, и мнѣ [illegible]далось бы имѣть равный успѣхъ, но я не могъ сдѣлать себѣ [illegible]силія: имѣвъ уже однажды свободный доступъ къ Государю, [illegible]званію министра, я не могъ рѣшиться на принесеніе [illegible]жиданій моихъ чрезъ посредника. Мнѣ легче было разстаться [illegible]воимъ мѣстомъ, чѣмъ занимать оное съ потеряніемъ правъ [illegible] и возможности быть вполнѣ полезнымъ.

[illegible]адцать девятый день августа былъ послѣднимъ днемъ [illegible]служенія. Поутру получилъ я, не помню отъ фельд[illegible]и князя Салтыкова или отъ графа Аракчеева два [illegible] повелѣнія: первое, чтобы при торгахъ по винному [illegible]ствовать князю Лопухину и Сибирскому генералъ-[illegible] Пестелю: второе, чтобы въ день тезоименитства [illegible] (30 августа), передъ обѣднею, пригласить сена[illegible]наго для выслушанія высочайшихъ указовъ.

[illegible] того же дня первый департаментъ открылъ [illegible] для прочтенія новыхъ условій собравшимся [illegible]винному откупу. Зала общаго собранія, мѣсто [illegible]ами наполнена. Засѣданіе долго не откры[illegible] князя Лопухина, который заѣхалъ къ

ру Аракчееву. Наконецъ и онъ прибылъ. Бодрый видъ не всегда ему свойственный, заставилъ всѣхъ присутствую- ъ что-то отгадывать. Начались переговоры на счетъ вій. Сенаторъ Молчановъ съ прежнею надежностью сталъ о говорить въ пользу откупщиковъ, но князь Лопухинъ кимъ отпоромъ заставилъ его поблѣднѣть и потупить а. Потомъ онъ, обратясь къ тремъ депутатамъ или ора- мъ изъ толпы откупщиковъ, говорилъ съ ними довольно ко; даже позволилъ себѣ слишкомъ неблагосклонные от- ы на счетъ статскаго совѣтника Безака, управлявшаго овою конторою откупщика Переца. Всѣ не спускали глазъ князя Лопухина. Пестель пошептомъ говорилъ мнѣ, что не узнаетъ его, и сожалѣлъ о неприличной его запаль- ости; но я отгадывалъ источникъ его смѣлости и не дивился.

На другой день поутру подаютъ мнѣ присланные въ артаментъ указы; между прочими находился и объ моей от- вкѣ и высочайшій рескриптъ на мое имя. Государь изво- ь изъявлять въ немъ монаршее свое благоволеніе за мою истерскую службу и жалуетъ въ пенсіонъ ежегодно по десяти ячъ ассигнаціями. Преемникомъ же моимъ названъ дѣйстви- ьный тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. уже находился въ столицѣ въ числѣ депутатовъ, избран- ъ отъ кіевскаго дворянства для поздравленія Государя съ бла- олучнымъ окончаніемъ войны и возвращеніемъ въ отечество.

Я тотчасъ надѣлъ въ послѣдній разъ парадный мини- ерскій мундиръ и поѣхалъ въ сенатъ. Сенаторы уже были полномъ собраніи, кромѣ одного Молчанова, приславшаго зать, что онъ боленъ. Я велѣлъ оберъ-секретарю читать зы, отдавая ему одинъ за другимъ. Объ отставкѣ же моей, стѣ съ рескриптомъ и о преемникѣ моемъ, были послѣд- ми. Потомъ, распростясь съ сенатомъ, отправился въ Нев- й монастырь, а оттуда въ Таврическій дворецъ къ обѣден- у столу, къ которому приглашенъ былъ наканунѣ.

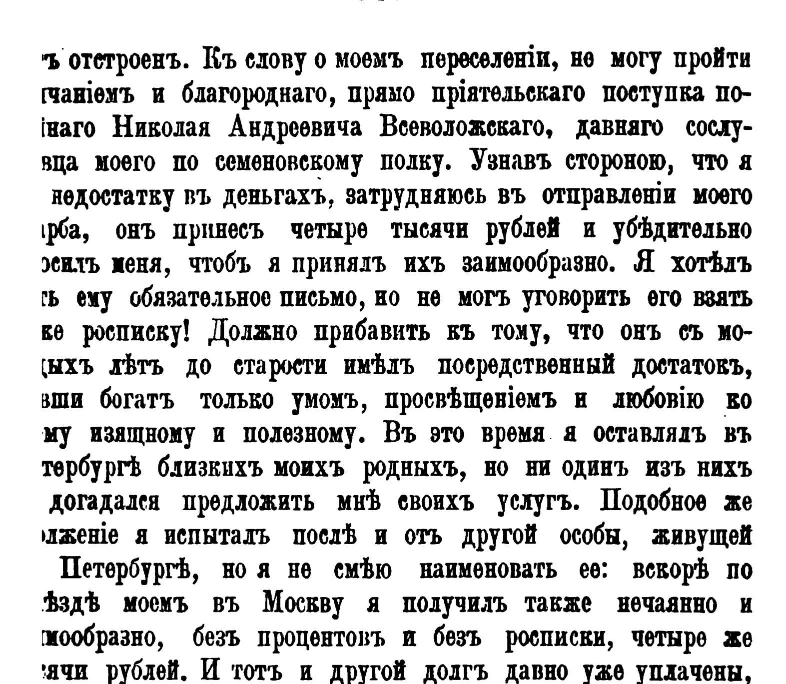
Императоръ, обходя министровъ, изволилъ сказать мнѣ: непремѣнно хотѣлъ отставки, и не однажды о томъ про- ъ меня. Должно было наконецъ исполнить твое желаніе". отвѣтствовалъ только почтительнымъ поклономъ. Добрый

Государь, отступя отъ меня, еще обратился ко мнѣ и повторилъ обыкновенную свою шутку, что я мнимый больной. Все это сказано было, конечно, для того, чтобъ увѣрить предстоявшихъ въ продолженіи всемилостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія. Въ слѣдующій день я приглашенъ былъ опять уже къ малому обѣденному столу. Государь, до обѣда и послѣ, благоволилъ удостоить меня нѣсколькими словами; между прочимъ не одобрялъ моего намѣренія поселиться въ Москвѣ на пепелищѣ.

По возвращеніи Государя во внутренніе покои, я пошелъ въ верхъ (это было на Каменномъ островѣ) въ такъ называемую секретарскую комнату и поручилъ дежурному камердинеру доложить Государю о желаніи моемъ принести ему благодарность мою и въ тоже время откланяться. Между тѣмъ остался ожидать отвѣта вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ и виртембергскимъ посломъ Винцегеродомъ, изъ коихъ одинъ дожидался съ докладными дѣлами, а другому назначена была приватная аудіенція. Сперва позванъ былъ посолъ а послѣ него я. При входѣ моемъ въ кабинетъ, Государь уже былъ на серединѣ онаго. Не допустя меня поцѣловать у него руку, онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ щеку. Потомъ изволилъ увѣрять меня, что онъ во всемъ былъ мною доволенъ, сожалѣлъ что я оставилъ службу, и съ ласковымъ видомъ спросилъ меня, держа за руку: „даешь ли слово со временемъ опять сойтиться?“ Я отвѣчалъ ему, что въ продолженіи его отсутствія я столько вынесъ досадъ и огорченій по моей должности, столько еще и теперь встревоженъ въ духѣ, что никакъ не смѣю обязать себя словомъ. Потомъ вкратцѣ и слегка разсказалъ о происходившемъ со мною по комитету, и заключилъ тѣмъ, что это одно и заставило меня домогаться докладнаго часа отъ Его Величества. Государь слушалъ меня съ большимъ участіемъ; онъ былъ растроганъ; увѣрялъ меня снова въ постоянномъ ко мнѣ благоволеніи и еще изволилъ обнять меня.

По сдачѣ дѣлъ моихъ я недолго жилъ въ Петербургѣ. Государь отбылъ на Вѣнскій конгрессъ; въ половинѣ того же мѣсяца и я отправился въ Москву. Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ предложилъ мнѣ жить въ его московскомъ домѣ, пока мой собственный не бу-

ъ отстроенъ. Къ слову о моемъ переселеніи, не могу пройти гчаніемъ и благороднаго, прямо пріятельскаго поступка поінаго Николая Андреевича Всеволожскаго, давняго сослувца моего по семеновскому полку. Узнавъ стороною, что я недостатку въ деньгахъ, затрудняюсь въ отправленіи моего ірба, онъ принесъ четыре тысячи рублей и убѣдительно эсилъ меня, чтобъ я принялъ ихъ заимообразно. Я хотѣлъ гь ему обязательное письмо, но не могъ уговорить его взять ке росписку! Должно прибавить къ тому, что онъ съ моыхъ лѣтъ до старости имѣлъ посредственный достатокъ, вши богатъ только умомъ, просвѣщеніемъ и любовію ко му изящному и полезному. Въ это время я оставлялъ въ тербургѣ близкихъ моихъ родныхъ, но ни одинъ изъ нихъ догадался предложить мнѣ своихъ услугъ. Подобное же лженіе я испыталъ послѣ и отъ другой особы, живущей Петербургѣ, но я не смѣю наименовать ее: вскорѣ по ѣздѣ моемъ въ Москву я получилъ также нечаянно и мообразно, безъ процентовъ и безъ росписки, четыре же ячи рублей. И тотъ и другой долгъ давно уже уплачены, долга благодарности ничѣмъ и никогда не выплатишь.

По выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, въ селѣ Чудовѣ встрѣся съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ и его сугою Дарьей Алексѣевной (урожденной Дьяковой). Они али въ Званку, свою деревню, лежащую на берегу Волш, въ новгородской губерніи, и воспѣтую имъ самимъ и гими молодыми поэтами. Постоянная, пріятельская связь і съ нимъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ, когда я только пробивался на стезю къ Парнасу, а онъ уже сіялъ на вершинѣ; одинакой путь и на поприщѣ гражданской службы: были сенаторами, оба министрами, оба уже въ отставкѣ. нечаянная встрѣча на большой дорогѣ,—какое представилось въ поле для сердечныхъ чувствъ и размышленія! Я провъ съ нимъ нѣсколько часовъ лишнихъ, какъ бы предствуя, что это было послѣднее наше свиданіе.

Прощанье обоихъ насъ растрогало. Я всегда былъ искренъ почитателемъ высокаго поэтическаго таланта и душевхъ качествъ его. Увѣренъ, что и онъ любилъ меня, осо-

бенно въ первые годы нашего знакомства. Въ продолженіи же моего министерства, хотя онъ по временамъ и досадовалъ на меня; можетъ быть, считалъ даже и непризнательнымъ, ибо я не всегда могъ исполнять его требованія объ опредѣленіи къ мѣсту или по тяжебнымъ дѣламъ тѣхъ и другихъ; но это нимало не ослабляло нашего вниманія другъ къ другу.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

И такъ въ тысяча восемь сотъ четырнадцатомъ году, сентября съ двадцатаго дня, возобновилась московская жизнь моя! Но я уже не могъ обѣщать себѣ тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіи первой моей отставки: прибавка нѣсколькихъ лѣтъ заставляетъ насъ взирать на многое уже другими глазами: къ тому же изъ короткихъ моихъ знакомцевъ нѣкоторыхъ уже не было въ мірѣ; другіе разъѣхались, кто въ резиденцію, кто въ губернію на постоянное житье. Одинъ только Карамзинъ могъ бы замѣнить мнѣ всѣ утраты, но и съ нимъ не надолго увидѣлся.

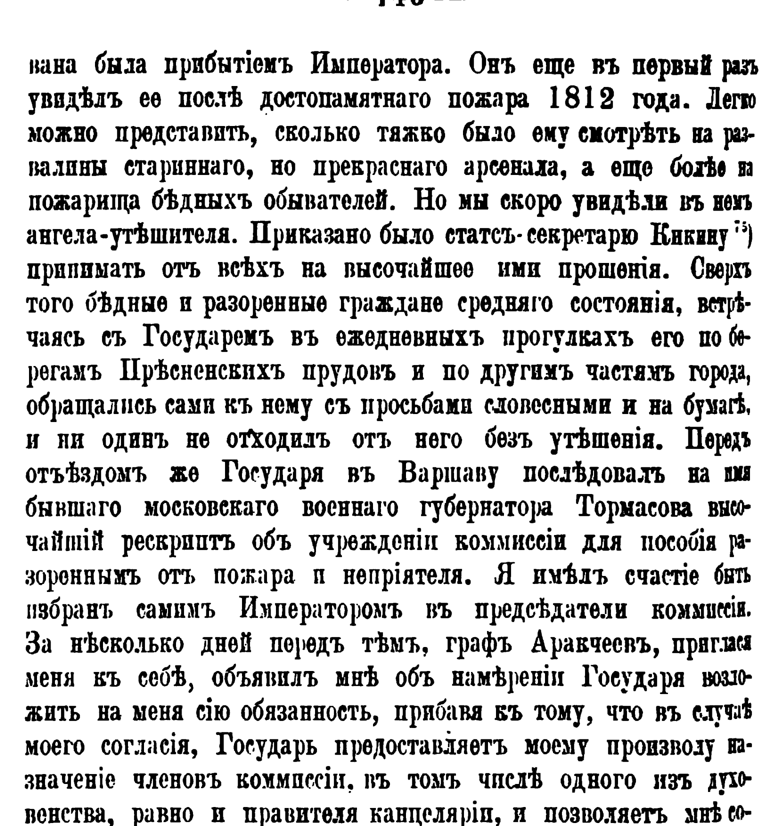
Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ отправился въ Петербургъ для поднесенія Государю восьми томовъ сочиненной имъ „Исторіи Россійскаго Государства". Труды и талантъ его получили достойную награду: онъ возвратился въ новомъ чинѣ статскаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса. Сверхъ того Императоръ приказалъ печатать его „Исторію", не подвергая цензурѣ, на счетъ кабинета и предоставилъ весь заводъ въ полное его распоряженіе. Ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не награждалъ съ такимъ блескомъ авторскія заслуги, и ни одинъ изъ нашихъ писателей не былъ столь отличенъ почестію, несмотря на то, что Карамзинъ во всю жизнь свою не употреблялъ никакихъ происковъ и однажды только прибѣгалъ къ покровительству М. Н. Муравьева, исходатайствовавшаго ему званіе исторіографа съ чиномъ надворнаго совѣтника. Сказанное мною украситъ біографію Александра и его исторіографа. Пробывъ въ Москвѣ до весны, онъ опять отправился въ Петербургъ, уже на житье, со всѣмъ своимъ семействомъ.

Въ слѣдующемъ году, переселясь въ новый мой домъ, тлучался только на короткое время въ симбирскую губер-. Лѣтніе мѣсяцы проведены были мною не скучно: ставъ прежнему хозяиномъ въ собственномъ домѣ, я занимался :реннею отдѣлкою и убранствомъ моихъ покоевъ, разбо-ь книгъ и установкою ихъ въ методическомъ порядкѣ по фамъ, устройствомъ сада, пересадкою деревьевъ, кустовъ, ;еденіемъ цвѣтниковъ и на досугѣ прогулкою на Прѣ-скихъ прудахъ и по Тверскому бульвару. Оба гульбища меня въ близкомъ сосѣдствѣ.

Удивляюсь поэту, который равнодушенъ въ живописи, цвѣ-ь и деревьямъ, слѣдовательно и къ природѣ. Одинъ дубъ, ıженный мною въ первое лѣто моего новоселья, доставля-мнѣ каждый годъ новое удовольствіе: съ каждою весною ›жу его рослѣе и вѣтвистѣе. Посѣя цвѣточныя сѣмена, я цаю почти съ каждымъ утромъ пріятную себѣ новость. ра утѣшался восходомъ цвѣточнаго стебля или пучечкомъ; ъ нѣсколько дней уже застаю его въ полномъ расцвѣтѣ. ашеніемъ моего сада обязанъ я нѣкоторымъ изъ моихъ телей, имѣющихъ сады или оранжереи. Подарокъ дере-ı или цвѣткомъ прочнѣе прочаго служитъ намъ памят-›мъ дружбы или пріязни. Лугъ мой передъ домомъ укра-гся дикимъ каштаномъ; онъ подаренъ мнѣ былъ земля-ь моимъ Н. А. Дурасовымъ[74]); мы еще въ дѣтскихъ лѣ-ı обучались въ Симбирскѣ въ одномъ училищѣ. Онъ уже ю скончался, но я и понынѣ, проходя мимо каштана, ій разъ съ чувствомъ признательности вспоминаю его и : дѣтство. Къ подкрѣпленію сказаннаго пришелъ мнѣ на ıть еще одинъ случай. Въ ясный полдень вносятъ въ кабинетъ горшокъ съ прекраснымъ ароматнымъ цвѣткомъ; юпросъ мой: „гдѣ его взяли?“ — Это самый тотъ, отвѣча-мнѣ, который въ прошломъ лѣтѣ прислала къ вамъ ı. Г*** на другой день, какъ она гуляла въ саду вашемъ. уже не было въ мірѣ, а цвѣтокъ ея и понынѣ, съ каждою ою, возобновляетъ жизнь свою и напоминаетъ объ ней.

Такимъ образомъ протекали дни мои незамѣтные, но спо-ные, до 1816 года. Въ половинѣ онаго Москва обрадо-

вана была прибытіемъ Императора. Онъ еще въ первый разъ увидѣлъ ее послѣ достопамятнаго пожара 1812 года. Легко можно представить, сколько тяжко было ему смотрѣть на развалины стариннаго, но прекраснаго арсенала, а еще болѣе на пожарища бѣдныхъ обывателей. Но мы скоро увидѣли въ немъ ангела-утѣшителя. Приказано было статсъ-секретарю Кикину[75]) принимать отъ всѣхъ на высочайшее имя прошенія. Сверхъ того бѣдные и разоренные граждане средняго состоянія, встрѣчаясь съ Государемъ въ ежедневныхъ прогулкахъ его по берегамъ Прѣсненскихъ прудовъ и по другимъ частямъ города, обращались сами къ нему съ просьбами словесными и на бумагѣ, и ни одинъ не отходилъ отъ него безъ утѣшенія. Передъ отъѣздомъ же Государя въ Варшаву послѣдовалъ на имя бывшаго московскаго военнаго губернатора Тормасова высочайшій рескриптъ объ учрежденіи коммиссіи для пособія разореннымъ отъ пожара и непріятеля. Я имѣлъ счастіе быть избранъ самимъ Императоромъ въ председатели коммиссіи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, графъ Аракчеевъ, приглася меня къ себѣ, объявилъ мнѣ объ намѣреніи Государя возложить на меня сію обязанность, прибавя къ тому, что въ случаѣ моего согласія, Государь предоставляетъ моему произволу назначеніе членовъ коммиссіи, въ томъ числѣ одного изъ духовенства, равно и правителя канцеляріи, и позволяетъ мнѣ составить послѣднюю, если я самъ пожелаю, изъ сенатскихъ чиновниковъ. Но въ то же время графъ поставилъ мнѣ на видъ архимандрита Симонова монастыря Герасима, съ хорошей стороны давно ему извѣстнаго, и отставного капитана Бахметева, одобряемаго ему статсъ-секретаремъ Кикинымъ. Я повиновался монаршей волѣ и, въ добавокъ двумъ предложеннымъ особамъ, назначилъ еще сенатора Кушникова[76]) и начальника Московскаго архива иностранной коллегіи, Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго. Но первый изъ нихъ, вскорѣ по открытіи коммиссіи, отпросясь въ отпускъ, отправился за границу и мѣсто его уже никѣмъ не было занято.

Въ рескриптѣ на имя московскаго военнаго губернатора предписывалось коммиссіи помогать только тѣмъ разореннымъ, которые не получаютъ жалованья и нуждаются въ пропитаніи

себя и семейства. Вслѣдствіе сего коммиссія и поставила себѣ въ обязанность и непремѣнное правило навѣдываться о просителѣ чрезъ полицію и назначать въ единовременное пособіе, соотвѣтственно званію и состоянію каждаго, не свыше восьми сотъ и не менѣе двадцати пяти рублей. Въ случаяхъ же, требовавшихъ отступленія отъ сего правила, по уваженію многочисленнаго семейства просителя или крайней бѣдности, несоразмѣрной съ его званіемъ, предсѣдатель, по приговору коммиссіи, вносилъ черезъ графа Аракчеева записку съ назначеніемъ бо̀льшаго пособія на высочайшее разсмотрѣніе, и тогда Государь изволилъ присылать на имя предсѣдателя испрашиваемую сумму, часто же и превышающую, на счетъ собственныхъ своихъ расходовъ, для отдачи просителю.

Сколь ни легко было само по себѣ новое и, вѣроятно, послѣднее мое служеніе, однакожъ и оно не обошлось для меня безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Укоренившійся между нами обычай втираться къ случайнымъ, и для услуги своимъ знакомцамъ располагать царскою казною гораздо чивѣе, нежели собственнымъ добромъ, заводилъ иногда между мною и членами споры и легкія другъ на друга неудовольствія. Не знаю, отъ нихъ ли это вышло или отъ другой причины, но графъ Аракчеевъ сталъ ко мнѣ примѣтнымъ образомъ холоднѣе; даже и въ обращеніи со мною Государя видѣлъ я нѣсколько дней большую перемѣну. Послѣдняя для меня была крайне чувствительна; но я не измѣнилъ моимъ правиламъ: находя себя во всемъ невиннымъ, не прибѣгалъ ни чрезъ кого ни къ объясненіямъ, ни къ оправданіямъ, и шелъ своей дорогою.

Въ 1819 году коммиссія, окончa разборъ прошеній, поступившихъ въ нее съ минувшаго года, представила Государю, 8 февраля, подробный отчетъ въ количествѣ разсмотрѣнныхъ прошеній и суммѣ, назначенной въ пособіе. Это было за три дня до отбытія Государя въ Варшаву.

Въ то же время подано было отъ меня Императору чрезъ камердинера его письмо, въ которомъ, донося Его Величеству объ отправленіи къ графу Аракчееву окончательнаго отчета, я просилъ его, по дряхлости восмидесятилѣтняго отца моего, съ которымъ уже около трехъ лѣтъ не видался, объ уволь-

ленія меня отъ разбора вновь поступившихъ прошеній. Просилъ также и о позволеніи мнѣ представить къ награжденію нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, находившихся подъ начальствомъ моимъ въ коммиссіи.

Вскорѣ послѣ того я имѣлъ счастіе получить, при отношеніи графа Аракчеева, копію съ высочайшаго указа, подписаннаго февраля 16 дня, о всемилостивѣйшемъ награжденіи меня чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника [77]). Графъ Аракчеевъ, поздравляя меня съ монаршею милостію, между прочимъ писалъ, что Государь затрудняясь въ выборѣ на мѣсто меня предсѣдателя, желалъ бы, чтобъ я сохранилъ сіе званіе и впредь, когда продолжится коммиссія, и что между тѣмъ Его Величество позволяетъ мнѣ отлучаться изъ Москвы, а во время отсутствія прекращать засѣданія коммиссіи.

Съ живѣйшею признательностью повинуясь монаршей волѣ, я приступилъ къ разбору вновь поданныхъ прошеній и отложилъ свиданіе мое съ родителемъ до совершеннаго окончанія разбора, но въ скоромъ времени получилъ горестную вѣсть о его кончинѣ.

Въ первыхъ дняхъ мая 1819 года оконченъ разборъ и остальныхъ прошеній. Всѣхъ же ихъ вообще, въ двукратное пребываніе Государя въ Москвѣ, поступило въ коммиссію 20,959 прошеній, изъ коихъ она, по уваженію пятнадцати тысячъ триста тридцати прошеній, назначила въ пособіе одинъ милліонъ триста девяносто одну тысячу двѣсти восемдесятъ рублей.

Вскорѣ по отправленіи вторичнаго отчета я имѣлъ счастіе еще получить орденъ св. Владиміра первой степени, при всемилостивѣйшимъ рескриптѣ, подписанномъ въ Сарскомъ Селѣ 16 іюня того же года.

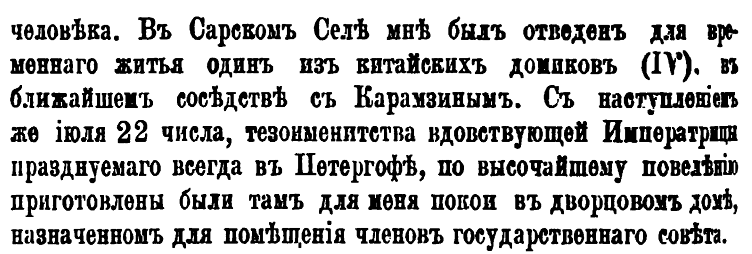
Но тѣмъ не ограничилось высокомонаршее ко мнѣ благоволеніе. Въ 1821 году я поручилъ Карамзину передать на словахъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшую мою просьбу о пожалованіи одного изъ моихъ родныхъ племянниковъ въ званіе камеръ-юнкера и объ опредѣленіи другого въ Пажескій корпусъ: тогда же все исполнено, и чрезъ двѣ недѣли генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій по высочайшему повелѣнію извѣстилъ меня

о исполненіи моего желанія, а потомъ въ слѣдствія благодарительнаго моего письма къ Императору, онъ же почтилъ меня увѣдомленіемъ, что Государь, на принесенную мною въ письмѣ благодарность, приказалъ ко мнѣ отписать, что Его Величеству весьма пріятно „сдѣлать мнѣ то удовольствіе, которое онъ усматриваетъ изъ письма моего“.

Въ слѣдующемъ году, въ первыхъ дняхъ іюня, я отправился въ Петербургъ для свиданія съ двоюродной сестрой моею Анною Николаевною Смирновой [78]) и другомъ моимъ Карамзинымъ. Пріятно мнѣ было въ то же время принести сердечную благодарность мою Государю за оказанныя милости мнѣ и моимъ племянникамъ. Я нашелъ Карамзина въ Царскомъ Селѣ. Государь, по особенному къ нему благоволенію, назначилъ ему съ семействомъ его два китайскіе домика, которые и были занимаемы съ начала весны до глубокой осени. Не стану описывать первыхъ минутъ нашего свиданія: кто знаетъ дружбу, тотъ и безъ меня пойметъ наши чувства. Переночевавъ у него, я пріѣхалъ поутру въ Петербургъ и отчасъ отправилъ къ оберъ-каммергеру А. Л. Нарышкину письмо, въ коемъ прошу его исходатайствовать мнѣ позволеніе представиться Императору и обѣимъ Императрицамъ. Но на другой день, прежде, нежели дошло мое письмо, Государь изволилъ прибыть въ столицу, и я удостоился получить приглашеніе къ обѣденному столу на Каменный островъ.

Нечаянное появленіе мое во дворцѣ изумило всѣхъ приглашенныхъ къ столу. Никто изъ нихъ не зналъ объ моемъ пріѣздѣ. Государь, вступя съ Императрицею въ пріемную комнату, съ ласковымъ видомъ изволилъ мнѣ попенять, для чего я не хотѣлъ идти въ Сарскосельскій садъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ до представленія: „такіе чины, промолвилъ Его Величество, не у мѣста между семеновскими сослуживцами“. Я догадался, что эту милость доставила мнѣ нескромность или искренность моего друга. Послѣ же обѣденнаго стола Государь, откланявшись гостямъ и проходя мимо меня, изволилъ сказать мнѣ: „просимъ же впередъ не спѣсивиться“.

Во всю бытность мою въ Петербургѣ Императоръ благоволилъ оказывать мнѣ милости, необыкновенныя для частнаго

человѣка. Въ Сарскомъ Селѣ мнѣ былъ отведенъ для временнаго житья одинъ изъ китайскихъ домиковъ (IV), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карамзинымъ. Съ наступленіемъ же іюля 22 числа, тезоименитства вдовствующей Императрицы празднуемаго всегда въ Петергофѣ, по высочайшему повелѣнію приготовлены были тамъ для меня покои въ дворцовомъ домѣ, назначенномъ для помѣщенія членовъ государственнаго совѣта.

Право гражданства, полученное мною въ китайскомъ поселеніи, доставило мнѣ удовольствіе быть чаще въ Сарскомъ Селѣ и проводить по нѣскольку дней сряду вмѣстѣ къ Карамзинымъ. Наши домики раздѣляемы были однимъ только садикомъ, чрезъ который мы другъ къ другу ходили. Всякое утро онъ, отправляясь въ придворный садъ, захаживалъ ко мнѣ и заставалъ меня еще въ постели. Въ саду онъ почти всегда встрѣчался съ Государемъ и ходилъ съ нимъ по большой аллеѣ, прозванной августѣйшимъ хозяиномъ зеленымъ кабинетомъ. По возвращеніи съ прогулки Карамзинъ выкуривалъ трубку табаку и пилъ кофій съ своимъ семействомъ. Потомъ уходилъ въ кабинетъ, и возвращался къ намъ уже въ исходѣ четвертаго часа, прямо къ обѣду. Послѣ стола онъ садился въ кресла дремать или читать заграничныя вѣдомости; потомъ, сдѣлавъ еще прогулку, проводилъ вечеръ съ сосѣдями или короткими пріятелями. Въ числѣ послѣднихъ чаще другихъ бывали В. А. Жуковскій и старшій Тургеневъ.

Сколь ни пріятно для меня было жить почти подъ одною кровлею съ стариннымъ единственнымъ моимъ другомъ, слушать его и восхищаться чертами прекрасной души его, любоваться его и славою, и домашнимъ счастіемъ, признаюсь, однакожъ, что ни одного тогдашняго утра и вечера не могъ я сравнить съ тѣми, кои мы проваживали въ Москвѣ, одинъ на одинъ, когда Карамзинъ, еще до первой женитьбы своей, жилъ на Никольской улицѣ, въ четырехъ маленькихъ покояхъ, въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь я бывалъ съ нимъ по нѣскольку дней неразлучнымъ, но не помню, чтобъ хотя четверть часа мы были безъ свидѣтелей. Казалось, будто мы встрѣчались все мимоходомъ. Дворъ, изрѣдка и слегка исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и

рдце мое ни однажды не было спрошено его сердцемъ. Я зѣренъ былъ и тогда въ его любви, а чувствовалъ грусть не могъ вполнѣ быть довольнымъ (V).

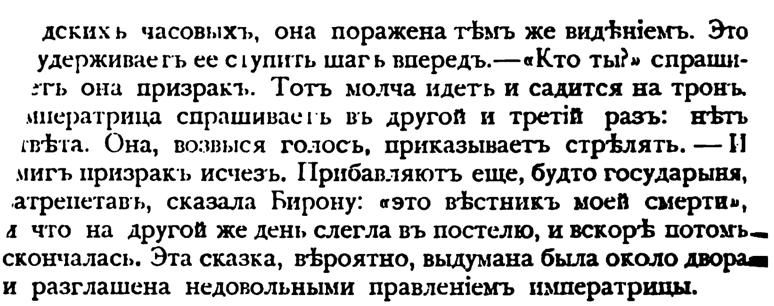
Пребываніе мое въ Сарскомъ Селѣ заставило многихъ умать при дворѣ и въ городѣ, что я буду опять министромъ стиціи или просвѣщенія, не смотря на то, что оба министра или въ наличности и здравы духомъ и тѣломъ. Уже нѣкорые изъ запасливыхъ на всякій случай чиновниковъ и даже лешихъ особъ закидывали мнѣ поклоны и визитныя карты. сожалѣлъ отъ себя о напрасномъ ихъ безпокойствѣ и скоро ввелъ ихъ изъ заблужденія, ибо августа девятаго числа отравился въ Москву, простясь съ любезнымъ Карамзинымъ и всѣми любимцами и докучателями фортуны.

Наступилъ часъ проститься и съ тобою, читатель. Скажу це нѣсколько словъ и положу перо. Кромѣ общаго всѣмъ ребія, — потери родителей, братьевъ, сестеръ и двухъ постонныхъ, но столь же близкихъ къ моему сердцу, во всю изнь мою, слишкомъ шестидесятилѣтнюю, я не испыталъ друго несчастія (VI). Чаще былъ веселъ, чѣмъ печаленъ, хотя наружности и кажусь задумчивымъ. Никогда не былъ боть, и никогда не вздыхалъ о богатствѣ. Между тѣмъ соояніе мое все улучшалось и достаточно стало для удовлеюренія небольшихъ прихотей моихъ. Безъ покровителей, зъ происковъ, безъ нахальныхъ требованій счастливъ былъ чинахъ и отличіяхъ, и все это, кромѣ чистѣйшей благорности, ничего мнѣ не стоило. На тринадцатомъ году оторнъ былъ отъ ученья, и достигъ нѣкоторой извѣстности въ ругу нашихъ словесниковъ.

Теперь, ставъ зрителемъ только малаго позорища, я упобляю остатокъ дней моихъ сладкой дремотѣ, предшественщѣ того таинственнаго дня, который, вѣроятно, уже близокъ. удемъ же, сложа руки, съ покорствомъ и умиленіемъ ожиать его и благодарить Провидѣніе.

Москва. 1825 г., апрѣля 9-го дня.

КОНЕЦЪ.

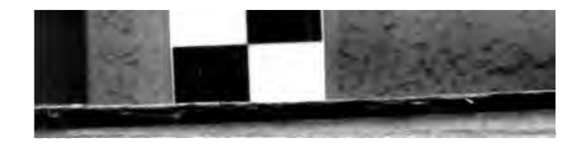

дскихъ часовыхъ, она поражена тѣмъ же видѣніемъ. Это удерживаетъ ее ступить шагъ впередъ.—«Кто ты?» спрашиваетъ она призракъ. Тотъ молча идетъ и садится на тронъ. мператрица спрашиваетъ въ другой и третій разъ: нѣтъ твѣта. Она, возвыся голосъ, приказываетъ стрѣлять. — И мигъ призракъ исчезъ. Прибавляютъ еще, будто государыня, атрепетавъ, сказала Бирону: «это вѣстникъ моей смерти», а что на другой же день слегла въ постелю, и вскорѣ потомъ скончалась. Эта сказка, вѣроятно, выдумана была около двора и разглашена недовольными правленіемъ императрицы.

IV. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, за отличные подвиги его въ продолженіи Пугачевскаго бунта, награжденъ былъ Екатериной чиномъ полковника; потомъ ею же пожалован маіоромъ въ Конную Гвардію, а въ началѣ царствованія Александра онъ уже былъ полнымъ генераломъ и предводительствовалъ арміей противъ Турокъ.

V. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ полный генералъ, сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Онъ отличался искусствомъ и храбростію на поприщѣ воинскомъ, а образованнымъ умомъ, правотою и твердостію характера въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ начальствовалъ надъ второю арміей въ продолженіи войны съ Оттоманской имперіей; взялъ штурмомъ крѣпость Бендеры, почитавшуюся дотолѣ неприступною; вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку, но недолго покоился на своихъ лаврахъ: по случаю Пугачевскаго опустошенія въ низовыхъ губерніяхъ поручено ему было начальство надъ войсками. Графъ Панинъ имѣвшій правою рукой своей безсмертнаго Суворова, пре кратилъ мятежъ, овладѣвъ самимъ виновникомъ онаго, возвр тился къ приватной жизни, и дожилъ вѣкъ свой въ Моск

VI. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ думали возвышенн слогъ украшать славянчизною, а нынѣ молодые писател стихахъ и прозѣ, за исключеніемъ достойныхъ почитат Карамзина, признаютъ уже устарѣлымъ и его слогъ прав ный, ясный, обдуманный и благозвучный. Они всѣхъ пре ственниковъ своихъ въ отечественной литературѣ назыв учениками французской школы, вялыми подражате Требованія вѣка, духъ времени, народность— пышныя и громкія слова, непрестанно ими произноси ихъ мнѣнію, классицизмъ осьмнадцатаго столѣтія—см школьничество; Рассиновы греки — распудренные м их выраженія чувствъ — безцвѣтныя, безжизненныя Лагарповъ Лицей — пустословіе, лагарповщина. Нын рятъ они, уже все не по старому—Буало и Вольтеръ у

ходу во Франціи; остроумнаго Попа уже не призрвоклассным поэтомъ въ Англіи; да и самый нашъ ь уже для насъ не выскочка. Нынѣ удивляются мородному, самостоятельному, геніальному. Но я, ь, ничего подобнаго не замѣчаю въ новѣйшихъ вторахъ. Геніальность и народность не въ томъ чтобъ созданіями своими, какъ они называютъ ыя нелѣпости, силиться потрясать наши нервы, ь страхъ, ужасъ и отвращеніе, хотя они и того водятъ, и щеголять языкомъ простонароднымъ или », употребительнымъ на бивакахъ.

лемъ здѣсь для примѣра нѣсколько нововведенныхъ переводомъ оныхъ на языкъ Ломоносова, Шишкова ина, и еще двѣ-три фразы въ послѣднемъ, новѣйсѣ.

По новому:	По старому:
о.	Нимало.
: народцы. (Теле-	Малочисленные народы, или для краткости, хотя и не говорится, народики.
иваеть (тамъ же).	Просвѣчиваеть.
(тамъ же).	Умѣть, сладить.
ивычки (тамъ же).	Это слово чаще другихъ употребляемо было ямщиками; значитъ же: прорѣзъ отъ колесъ по густой грязи.
война	Губительная, опустошительная война.
ь.	Доколѣ, пока.
	Какъ бы, подобно.
е (Телеграфъ).	Стихотворнѣе, живописнѣе.
льный слогъ (тамъ	Хвастливый, затѣйливый.
ять генія (тамъ же).	Вдыхать, одушевлять.
енъ страстями.	Воспламененъ.
ножка.	Тоненькая.
кая шагучесть (тамъ	Шагъ или ходъ.
іный (тамъ же).	Неограниченный, безпредѣльный.
(тамъ же).	Слава и роскошь. Эти два существительныя доселѣ во множественномъ числѣ не употреблялись.

По новому:	По старому:
Огромныя надежды, огромный геній (тамъ же).	Это прилагательное прикладывалось только къ чему либо матеріальному: огромный домъ, огромное зданіе.
Отвѣтить.	Отвѣчать. Такъ говаривали прежде только крестьяне и крестьянки въ Каширѣ и другихъ верховыхъ городахъ.
Этихъ.	Сихъ, оныхъ.
Пѣхотинецъ. (Телеграфъ).	Пѣшій, сухопутный солдатъ, ратникъ.
Конникъ (тамъ же).	Конный всадникъ. Нынѣшніе авторы, любя подслушивать, оба свои названія переняли у рекрутовъ.

Прибавимъ еще и цѣлыя фразы:

«Кажется, юнымъ взорамъ новаго Ахиллеса представили мечъ, но Петръ и болѣе сего». Телеграфъ.

«Великое сердце его безъ эгоизма въ самой эгоистической изъ страстей». Тамъ же.

«Шуази съ жаромъ говоритъ что-то. Вдругъ протянулъ онъ руку, и съ радостнымъ крикомъ правыя руки всѣхъ ударились въ его руку». Николай Полевой, въ повѣсти «Краковскій замокъ», напечатанной въ альманахѣ «Радуга».

Довольно. Мнѣ пришлось сказать къ слову. Пространнѣе же пусть посудитъ о томъ Импер. Россійская Академія.

VII. Вотъ отвѣтъ Екатерины Второй на жалобу г. Сумарокова. Сожалѣю, что затеряна мною копія съ самаго подлинника, памятная мнѣ съ юношескихъ лѣтъ моихъ. Здѣсь же помѣщается переводъ изъ Записокъ г. Гримма, напечатанный въ 49 части «Сына Отечества» 1818 года, кромѣ первыхъ четырехъ строкъ, которыя сохранились у меня въ памяти изъ самаго подлинника. Бельмонти былъ содержатель вольнаго Московскаго театра

«Александръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 25-го января (1770 или 71 г.) удивило меня, а отъ 1-го февраля еще болѣе. Оба, понимаю я, заключаютъ въ себѣ жалобу на Бельмонтія, который виноватъ только въ томъ, что исполнилъ приказаніе графа Салтыкова. Фельдмаршалъ желалъ видѣть представленіе вашей трагедіи: это дѣлаетъ вамъ честь. Вамъ должно бы соглашаться съ желаніями особы, по мѣсту своему первой въ Москвѣ; но если разсудилось и приказать, чтобы трагедія *ваша была* представлена, то должно было безъ противленія

нить ея волю.—Я думаю, что вы лучше другихъ знаете, › почтенія достойны люди, служившіе со славою и енные сѣдиною, а потому совѣтую вамъ впредь избѣгать ныхъ ссоръ. Такимъ образомъ сохраните вы спокой-цуха, нужное вамъ для вашихъ трудовъ, а мнѣ всегда гѣе будетъ видѣть изображеніе страстей въ вашихъ къ, нежели читать ихъ въ вашихъ письмахъ. Впрочемъ съ вамъ доброжелательная.

Екатерина».

VIII. Выписка изъ Элегіи г. Сумарокова.

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада:
Ступайте фуріи, ступайте всѣ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, воипо,
Въ сей часъ среди Москвы Синава представляютъ,
И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:
«Играйте», говорятъ, — «во мзду его уму,
«Играйте пакостно за трудъ на зло ему».
Сбираются ругать меня враги и други;
Сіе ли за мои, Россіи, мнѣ услуги!
Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю не сіе:
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое.
Лишенный музъ, лишуся я и свѣта;
Екатерину зрю, . . проснись Елизавета!
. . . .
. . . .
Отъ гроба зритъ одна, другая зритъ отъ трона...
О Боже! видишь Ты, колика скорбь моя!
. . . .
Подвигни къ жалости ты мысль Императрицы,
Избави ею днесь отъ варварскихъ мя рукъ,
И отъ гонителя художествъ и наукъ:
Невѣжествомъ они и грубостію полны и пр.

а элегія помѣщена въ собраніи сочиненій г. Сумаро изданныхъ г. Новиковымъ.

IX. Его же двѣ эпиграммы:

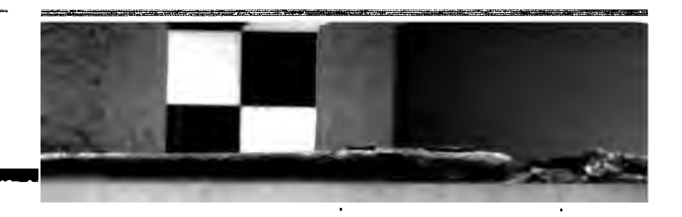
I.

На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ,
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ.
Хотя разносится кукушечья молва:
Кукушкамъ ли понять богинины слова?

2.

Въ дубровѣ сей поютъ безмозглыя кукушки,
Которыхъ пѣсни всѣ не стоютъ ни полушки;
Одна лишь закричитъ кукушка на суку,
Другія всѣ за ней кричатъ: куку, куку.

... Du reste cette interprétation inexacte de quelques ou de quelques faits particuliers n'empêche pas que ıge de M-r Karamsin ne soit généralement très digne

d'estime pour les idées philosophiques que l'auteur y a répandues, et ne mérite sous ce rapport un rang distingué parmi les productions historiques des temps modernes. Les bons juges y admirent surtout le parti habile que l'écrivain a su tirer d'une immense érudition, de manière a présenter une foule de détails infiniment curieux sans nuire à la clarté, a l'ordre et à la rapidité de ses récits. — Le Courier. 1820. № 107.

L'etendue, le stile et la couleur de cet ouvrage, qui manquait à notre littérature, lui méritent une place distinguée parmi les monumens historiqes. — L'Impartial. 1820. № 2.

...... L'important ouvrage, dont les quatre premiers volumes font l'objet de cet article, a placé son auteur au rang des plus célèbres historiens..... L'Histoire de Russie a obtenu le succès que lui promettaient un plan vaste et sagement conçu, un heureux enchainement des faits et des évènemens, un stile élevé, rapide, éloquent; l'amour de la patrie respire dans chaque page de cette Histoire, où domine encore une sage philosophie, jointe à un profond respect pour les droits des nations. Elle devait plaire aux Russes; elle obtiendra les suffrages de la postérité. — Le Constitutionnel. 1820. N 8.

XI. Les réflexions (Карамзина) toujours judicieuses sont dictées par une saine philosophie et l'impartialité, son stile est grave, soutenu, et respire je ne sais quel air de bonne fois, de nationalite, si on peut s'exprimer ainsi, qui montre dans l'historien l'honnète homme avant le savant. — Le Moniteur.

Le 9-me volume contient la période la plus importante et la plus digne d'interèt de l'histoire de Russie. Ce n'est qu'une longue série de cruautès qu'on chercherait en vain dans d'autres annales, et que l'auteur a dècrites avec une généreuse indignation. - Bulletin des sciences historiques &. 1824.

Вотъ какъ отзывались о Карамзинѣ и его Исторіи журналисты французскіе! Читатель уже видѣлъ, какъ дѣйствовали наши. Прибавлю только, что одинъ изъ нихъ, именно г. Воейковъ, издатель «Инвалида» и «Новостей Литературы», даже отказалъ мнѣ принять въ свои журналы возраженіе г. П.. противъ критики Арцыбашева на нѣкоторыя мѣста «Исторіи Государства Россійскаго», напечатанной въ «Казанскомъ Вѣстникѣ». Онъ подалъ мнѣ случай быть благодарнымъ издателю «Отечественныхъ Записокъ» (Павлу Петровичу Свиньину), который не испугался то же возраженіе принять и напечатать кромѣ его журнала и «Телеграфа *)» всѣ прочія

*) Какъ мало можно полагаться [illegible] журналистовъ! По кончинѣ Карамзина тотъ же издатель «Телеграфа» сдѣлался злымъ критикомъ его «Исторіи», а Воейковъ уже помѣщалъ возраженія на критику Полеваго.
Примѣчаніе 1853 года.

ого времени періодическія изданія охотно и невозбранно печатали только хулу и оскорбительныя насмѣшки на счетъ сторіографа, или очищали себя нѣмымъи холоднымъ неутраитетомъ. Со временемъ выйдетъ и у насъ исторія нашей сло:сности; пускай же авторъ ея знаетъ, что въ это время мини:ромъ просвѣщенія былъ князь А. Н. Голицынъ, попечите:мъ въ Московскомъ университетѣ князь Оболенскій, а въ азанскомъ Магницкій; ректорами, въ первомъ: Прокоповичънтонскій, а во второмъ Никольскій; издателемъ же «Казан:аго Вѣстника» Владимірскій.

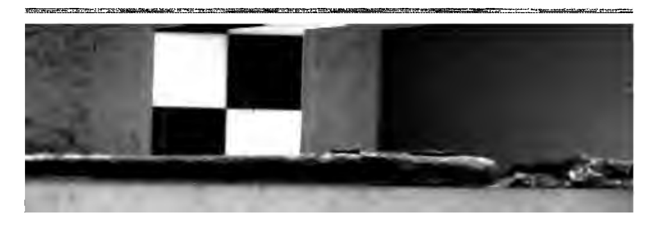
XII. Г. Каченовскій, критикуя въ моей баснѣ: «Лиса про›вѣдница», слѣдующій стихъ: «Она перемѣнила струны», ›воритъ: «перемѣнить тонъ употребляется въ общемъ раз›ворѣ и значитъ перемѣнить содержаніе, иногда—перемѣітъ голосъ, наружный видъ, обхожденіе. Такъ, напримѣръ, ловѣкъ малаго чина, разсказывая о министрѣ или сенаірѣ, который прежде обходился съ нимъ пріятельски, вздуілъ бы заговорить повелительно и громко, можетъ сказать: ъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, и это будетъ понятно для ждаго; но перемѣнить струны употребляется не иначе, къ только въ собственномъ знаменованіи, то есть значитъ: ять однѣ струны, и навязать или нацѣпить другія». См. Вѣстникъ Европы» на 1806 годъ, часть двадцать шестая, ѣсяцъ апрѣль, N 8, стр. 290.

Примѣчанія дополнены и переписаны въ 1832 году, іюня 28-го дня.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Неизвѣстно мнѣ, гдѣ Александръ Васильевичъ Хра›вицкій былъ воспитанъ и началъ свою службу. Знаю только, › его разсказамъ, что онъ, еще въ отроческихъ лѣтахъ,істо бывалъ съ отцомъ своимъ у Ломоносова, который днажды бралъ у него одинъ томъ Расиновыхъ Трагедій, и звратилъ его съ написанными имъ на поляхъ замѣчаніями. го случилось въ то время, когда лирикъ нашъ, въ угодность лько императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, занимался сочиненіемъ трагедіи «Демофонта» или «Тамиры и Селима», чно не помню. Желательно, чтобъ сіи замѣчанія сдѣлались звѣстными. Каждая черта генія для насъ драгоцѣнность.

Въ 1772 году Храповицкій уже былъ генералъ-аудиторъ-ейтенантомъ въ подполковничьемъ чинѣ, при фельдмаршалѣ рафѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ. Около сего ремени онъ писалъ стихами и прозою, и похваленъ былъ умароковымъ въ журналѣ «И то и сё», выходившемъ въ 769 году. Чулковъ, сочинитель «Пересмѣшника» и «Исторіи

россійской торговли», былъ издателемъ сего еженедѣльника. Потомъ Храповицкій сочинилъ трагедію «Идамантъ» и продолжалъ выдавать мелкія сочиненія въ разныхъ современныхъ журналахъ, никогда не ставя подъ ними своего имени. Въ шутливой одѣ: «Хочу къ безсмертью пріютиться», извѣстной подъ именемъ Александра Семеновича Хвостова, многія строфы писаны Храповицкимъ. Тогда оба они были въ большой дружбѣ и служили вмѣстѣ въ канцеляріи генералъ-прокурора князя Вяземскаго.

Гораздо спустя послѣ того, уже бывъ статсъ-секретаремъ Екатерины, онъ сочинилъ комическую оперу «Меломанія или Пѣснолюбіе».

Я познакомился съ нимъ, когда онъ уже былъ за пятьдесятъ лѣтъ и находился сенаторомъ и предсѣдателемъ въ хозяйственной экспедиціи. Въ это время онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, на краю города. Съ утра до полдня находился онъ въ сенатѣ, гдѣ его опытность, разсудокъ, безпристрастіе всегда имѣли большой вѣсъ. Самые оберъ-секретари привозили къ нему на домъ свою работу и пользовались его совѣтами. Иногда, смотря по важности дѣла, онъ самъ сочинялъ сенатскіе доклады и рапорты Государю. Остальное же время дня онъ посвящалъ любимымъ своимъ занятіямъ: любовался своими антиками, изящнымъ собраніемъ эстамповъ, библіотекою; читалъ старое и новое, переводилъ лучшія мѣста изъ французскихъ поэтовъ, и отъ себя писалъ стихи, только уже не для публики, а для своихъ пріятелей. Однакожъ, въ продолженіи моего съ нимъ знакомства, я убѣдилъ его напечатать переводъ двухъ Лафонтеновыхъ басенъ и Лебрюновой оды: «Восторгъ», въ «Аонидахъ», періодическомъ изданіи того времени. Онъ сочинялъ легко, плавно и замысловато, а писалъ и начерно такъ четко и красиво, что никогда не нужно ему было рукопись свою перебѣливать.

Храповицкій былъ въ обществѣ уторопленъ и застѣнчивъ, но предъ всѣми учтивъ и ласковъ; съ друзьями же своими живъ, остръ и любезенъ, говорилъ съ точностью, складно и скоро. По предметамъ словесности любимый разговоръ его былъ о драматическомъ искусствѣ, которое онъ зналъ едва ли не лучше всѣхъ нашихъ авторовъ того времени. Покойный трагикъ нашъ Озеровъ много былъ обязанъ его совѣтамъ при вступленіи своемъ на театральное поприще. Тогда онъ былъ, подъ его начальствомъ, правителемъ канцеляріи въ хозяйственной экспедиціи. Храповицкій любилъ и уважалъ его.

Читатель съ сердцемъ проститъ меня, что я такъ долго аняль его человѣкомъ, о которомъ онъ, можетъ быть, еще ь первый разъ слышитъ. Говоря объ немъ, мнѣ пріятно эзобновлять лучшія въ жизни моей минуты, проведенныя ною въ уединенныхъ, искреннихъ бесѣдахъ съ симъ почтеннымъ мужемъ. Хотя мы были не равныхъ лѣтъ, но онъ юбилъ меня. Между нами было условіе проводить вмѣстѣ аждую субботу; я пріѣзжалъ къ нему обѣдать, и разставался съ нимъ уже позднимъ вечеромъ. Иногда онъ отпускалъ меня съ какимъ нибудь подаркомъ для моего кабинета. ва эстампа, изображающіе Мольера, рѣзцомъ Боварлета, и доб-аго Лафонтена, изъ коллекціи раскрашенныхъ портретовъ. теперь еще предъ моими глазами. Но изъ всѣхъ его поарковъ драгоцѣннѣйшимъ для меня была тетрадь, писанная ıернѣ рукою Ломоносова. Это его планъ рѣчи, которую нъ заготовлялъ по случаю ожиданнаго отъ Императрицы осѣщенія Академіи. Эта рукопись перешла отъ меня къ латону Петровичу Бекетову, и напечатана имъ въ журналѣ Другъ Просвѣщенія».

Разлука моя съ службою и съ Петербургомъ не охлаила ко мнѣ пріязни Александра Васильевича. Онъ часто исалъ ко мнѣ въ Москву, увѣдомляя меня о новостяхъ ловесности и присылая ко мнѣ, вмѣсто гостинцевъ, ноѣйшія и значительныя французскія книги. Это продолжаось до самой его кончины, послѣдовавшей въ томъ же оду. Послѣ его нашелся дневникъ, веденный имъ со вступенія его въ статсь-секретари до сенаторства. Онъ записыалъ въ немъ политическія, дворскія происшествія и все, тносившееся до его сношеній съ Императрицею. По отрыистому слогу должно думать, что онъ писалъ дневникъ олько для себя, дабы со временемъ употребить его къ оставленію подробнѣйшихъ записокъ. Но и со всею кратостію, эта рукопись достойна любопытства. Ни одна книга е можетъ сообщить лучшаго понятія объ умѣ, характерѣ домашней жизни Екатерины. Скажу, наконецъ, что Храювицкій во всѣхъ отношеніяхъ былъ достойнымъ секреаремъ ея.

II. Все касательно до войны съ Франціей и государственныхъ по сему случаю распоряженій внесено здѣсь, почти слово до слова, изъ высочайшаго манифеста и тайнаго рескрипта на имя областныхъ сенаторовъ.

III. Вотъ стихи, которыми добросердечный и превосходный поэтъ Жуковскій почтилъ память Ѳ. И. Козлятева:

. . . .
И нашъ мудрецъ смиренный,
Козлятевъ незабвенный,
Оратору *) внималъ;
Съ улыбкой одобрялъ,
И в оромъ выражалъ
Въ молчаньи всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ бе.ъ восхищенья
О добромъ говорить!
О! можно ли забыть
Сей взглядъ пріятный, ясной,
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланитъ
Прелестную стыдливость,
И простоту рѣчей!...
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало;
Ничто ихъ не смущало
Священной чистоты.
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со сле.ой,
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньи!..
Увы! его ужъ нѣтъ,
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

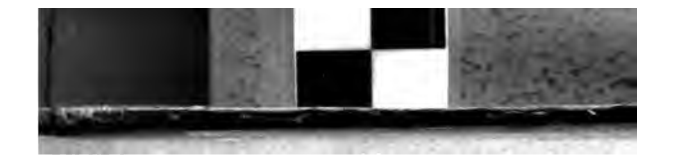
I. *Описана была его характеристика и пр.*—Un homme doué de tant de moyens n'a pas pu se tromper à un tel dégré sur tous les points et sur tant d'objets, pour poursuivre avec une persèverance à toute épreuve le plan qu'il s'etoit tracé. On ne peut être censé d'avoir été dans des erreurs multipliées, lorsqu'on a eu tant d'occasions, tant de raisons pour en revenir, et lorsqu'on sait développer tant de sagacité pour colorer ses vues. L'homme, qui a pu entreprendre de sangfroid une pareille tache, en jouissant de la confiance et des bienfaits de l'Empereur Alexandre, qui sut cacher avec un art inoui la verité et masquer le danger auquel il exposait l'empire, qui en affectant une ame pénétrée de sentiments religieux, ne craignoit ni les reproches de sa conscience, ni le mécontentement de son maitre, ni les murmures de toute la nation, un tel homme, dis-je, avait pris son parti depuis longtemps et se conduisait d'après un plan murement réfléchi.

Mais, demandera-t-on, quels ont été ses véritables desseins, à quoi visait-il?

Il faut avoir observé longtemps cet être calme et profondément dissimulé, semblant être de tous les avis pour ne suivre que le sien, possédant l'art de la parole et de la rédaction, joint à des formes très agréables; il faut l'avoir vu former et réformer ses propres idées, pour avoir la clef de sa conduite et de son caractère. Son âme et son orgueil ne sont pas d'un genre ordinaire. Un tel caractère ne se nourrit pas des choses qui peuvent satisfaire le vulgaire des hommes; il parcourt le siel et la terre pour fixer ses regards sur ce qui peut le con-

---

*) *Поэтъ* говоритъ о Карамзинѣ. *Примѣч. авт.*

enter ou du moins le servir. La religion pour lui n'est q'un ommage qu'il rend à son orgueil. Il sait dompter les petites assions, parcequ'il se livre à la plus violente de toutes, à orgueil et au mépris des hommes. Les motifs que la morale ulgaire lui refusait, il sut, comme Cromwell, les trouver dans ne disposition particulière de son âme, dans ce haut degré 'hypocrisie qui se fait illusion à soi-même. Il se crut tellement approché des êtres supérieurs, tellement initié dans les hauts esseins d'une Providence que son égoisme avoit créée, qu'il e doutait pas pouvoir atteindre à tout, être destiné à des vénements plus particuliers que le reste des hommes.

Mémoire de Mr. le Baron d'Armfeldt écrit à l'occasion de la disgrace de Mr. Spéransky, en 1812.

II. *Выставляли въ окнахъ прозрачныя картины и пр.* 'акъ, напримѣръ, въ нижнемъ жильѣ, въ модной лавкѣ эставленъ былъ гипсовый бюстъ Императора и надъ нимъ эущены были гирлянды изъ цвѣтовъ и зелени, а внизу а прозрачной, черной дощечкѣ сіяла золотая надпись: «Au lus juste des rois et au meilleur des hommes», («правдивѣйему изъ государей и добрѣйшему изъ людей»). Въ другой лицѣ я замѣтилъ на прозрачной вывѣскѣ часовщика изоражение часовъ съ надписью: «l'heure a sonné,» («часъ проилъ»),—отношеніе къ участи Наполеона или Франціи.

III. *Испрошенное имъ объясненіе предъ графомъ Аракеевымъ.* Съ 1812 года министры юстиціи и внутреннихъ ѣлъ лишились прежняго преимущества имѣть по два раза ъ недѣлю личный докладъ Государю. Всѣ дѣла ихъ поступали въ комитетъ министровъ, а оттуда въ государственую канцелярію, которою управлялъ гр. Аракчеевъ. Съ того ремени онъ вошелъ въ большую силу; за исключеніемъ ипломатической и военной части, вліяніе его простиралось а всѣ дѣла, не только свѣтскія, но и духовныя, словомъ,— нъ сдѣлался почти первымъ министромъ, не нося на себѣ твѣтственности онаго.

IV. *Одинъ изъ китайскихъ домиковъ.* Для любопытныхъ ашихъ внучатъ я скажу нѣсколько словъ и о сихъ китайкихъ домикахъ Они поставлены были еще при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, вдоль сада, раздѣляемаго съ ними каналомъ. Это было пристанище ея секретарей и очередныхъ на службѣ царедворцевъ. Китайскими прозваны потому только, что наружность ихъ имѣетъ видъ китайскаго зодчества, и со въѣзжей дороги ведетъ къ нимъ выгнутый мостъ, на перилахъ коего посажены глиняные или чугун-

11*

ные китайцы, съ трубкою или подъ зонтикомъ. Нынѣ число домиковъ умножено и опредѣлено имъ другое назначеніе: они служатъ постоемъ для особъ обоего пола, которымъ Государь, изъ особеннаго къ нимъ благоволенія, позволяетъ въ нихъ пріятнымъ образомъ провождать всю лѣтнюю пору.

Всѣ домики, помнится мнѣ, составляютъ четвероугольникъ, посреди коего находится каменная же ротонда. Живущіе въ домикахъ имѣютъ позволеніе давать въ ней для пріятелей и сосѣдей своихъ обѣды, концерты, балы и ужины. Въ каждомъ домикѣ постоялецъ найдетъ всѣ потребности для нужды и роскоши: домашніе приборы, кровать съ занавѣсомъ и ширмами, уборный столикъ, комодъ для бѣлья и платья, столъ, обгянутый черною кожею, съ чернильницею и прочими принадлежностями, самоваръ, англійскаго фаянса чайный и кофейный приборы съ лаковымъ подносомъ и, кромѣ обыкновенныхъ простѣночныхъ зеркалъ, даже большое, на ножкахъ, цѣльное зеркало. Всѣмъ же этимъ вещамъ, для свѣдѣнія постояльца, повѣшена въ передней комнатѣ у дверей опись, на маленькой картѣ, за стекломъ и въ рамѣ. При каждомъ домикѣ садикъ: посреди круглаго дерна кустъ синели, по угламъ тоже, для отдохновенія желѣзные канапе и два стула, покрытые зеленою краскою. Для услугъ опредѣленъ придворный истопникъ, а для надзора за исправностію истопниковъ одинъ изъ придворныхъ лакеевъ. Можно ли и приватному человѣку болѣе заботиться объ выгодахъ своихъ жильцовъ? Замѣчательная черта доброты и любви къ порядку вѣнценоснаго хозяина?

V. Говоря здѣсь въ послѣдній разъ о Карамзинѣ, я надѣюсь, что не непріятно будетъ видѣть извлеченіе изъ собственнаго письма его ко мнѣ отъ 22 октября 1815 года *). Оно лучше меня разскажетъ будущему біографу добраго исторіографа о его образѣ жизни, чувствахъ и правилахъ. «Въ отвѣтъ на милое письмо твое, скажу, что о вкусахъ, по старому латинскому изреченію, не спорятъ: я точно наслаждаюсь здѣшнею (въ Сарскомъ Селѣ) тихою, уединенною жизнію, когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги.—Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, нетуманнаго озера, славимаго и въ «Conversation d'Emilie». Въ одиннадцатомъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ и душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь.

ги на снѣгъ, трясусь, качаюсь—и веселъ; возвращаюсь съ петитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ кресахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю дали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по ольшой дорогѣ и нерѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, итаю газеты, журналы,... книгу... въ девять часовъ пьемъ ай за круглымъ столомъ, и съ десяти до половины двѣнадцааго читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами (дочерьми) Вальеръ-Скотта романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки... Работа дѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло? Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восоргѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я езависимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любоію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ итать моей «Исторіи»: она есть, и довольно для меня... За неимѣніемъ читателей могу читать себя и бормотать ердцу, гдѣ и что хорошо. Мнѣ остается просить Бога единтвенно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той инуты,

Какъ лебедь на водахъ Меандра,
Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда *).

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и мерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои еселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и освятилъ здѣсь способности ума авторству». — Такъ пипутъ къ друзьямъ изъ уединенія...

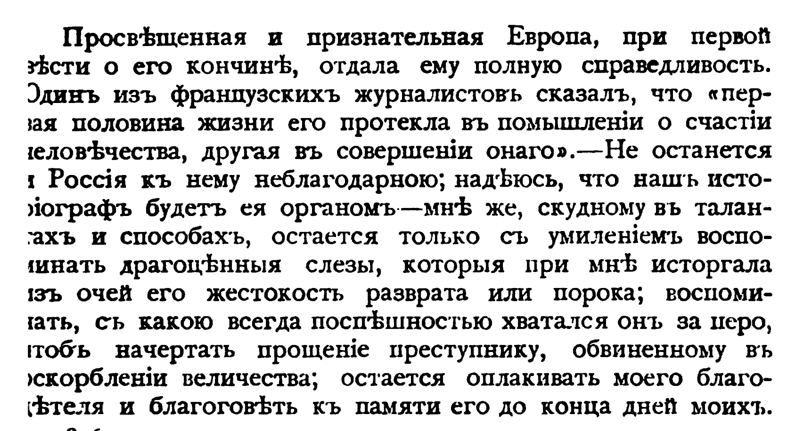
VI. *Кромѣ потери...,* *я не испыталъ другого несчастія.* Увы! Писавъ сіи слова, я не предчувствовалъ, что скоро грозная туча разразится не только надо мною, но и надъ всѣмъ нашимъ отечествомъ! Неожиданная, преждевременная кончина великодушнаго Александра заставила меня еще разъ испытать несчастіе потери. Достойный потомокъ Петра и Екатерины, наравнѣ съ ними, онъ обратилъ на себя вниманіе Европы и будетъ жить въ исторіи. Двадцать четыре года царствованія его протекли въ непрестанной дѣятельности на позорищѣ свѣта. Сколько потребно было душевныхъ силъ и благоразумія, чтобы въ нѣжной молодости, на первомъ шагу къ престолу, укротить страсти во всемъ ихъ пылу, ослабить кроткими средствами вліяніе, и нако-

*) Первый стихъ изъ оды Хераскова [80]). *Прим. авт.*

нецъ удалить всѣхъ опасныхъ крамольниковъ; чтобы вскорѣ за симъ вступить въ борьбу съ человѣкомъ, признаннымъ всею Европою глубокимъ политикомъ и первымъ полководцемъ, возводившимъ на чуждые престолы и низвергавшимъ съ оныхъ по своему произволу; выдержать противъ него войну неудачную, но не безславную; потомъ окончить войну съ Швеціей завоеваніемъ Финляндскаго герцогства; съ Англіей, безъ малѣйшаго ущерба въ государственныхъ пользахъ; съ Персіей, пріобрѣтеніемъ земель, простирающихся до рѣкъ Куры и Аракса; двукратную съ Оттоманскою Портою, покореніемъ Бессарабіи; чтобы въ тоже время начать вторичную войну противъ такъ названной великой націи и двадцати народовъ, ея союзниковъ; потерять древнюю свою столицу, но не упасть духомъ; съ твердостію продолжать двѣ кампаніи; изгнать изъ отечества непріятеля; дѣйствуя мечемъ и перомъ, возбудить бодрость и надежду въ принужденныхъ союзникахъ Наполеона, привлечь ихъ на свою сторону; низложить непобѣдимаго; двукратно съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ праздновать возстановленіе всеобщаго міра въ столицѣ Франціи и возвратиться въ свою съ титломъ успокоителя Европы и въ вѣнцѣ Царя польскаго!

Какую должно имѣть высокую нравственность, чтобъ, не ослѣпляясь ни своимъ могуществомъ, ни духомъ мщенія, оказать себя покровителемъ Парижа, спасти его отъ разоренія; сберечь народное сокровище, драгоцѣнные плоды искусствъ и талантовъ, и даже пощадить памятникъ (Аустерлицкій мостъ), воздвигнутый для преданія потомству счастливыхъ успѣховъ французскаго оружія въ первой борьбѣ Александра съ Наполеономъ! И все это совершено въ теченіи съ небольшимъ десятилѣтія! И только 48 лѣтъ было всей жизни нашего благотворнаго генія!

Послѣдніе два года проведены имъ въ обозрѣніи своего государства, отъ Архангельска до предѣловъ Сибири, въ расточеніи повсемѣстно наградъ за службу, въ украшеніи городовъ и въ облегченіи жребія бѣдныхъ и всякаго рода несчастныхъ. Кажется, что онъ, какъ бы предчувствуя близкую свою кончину, хотѣлъ мало-по-малу отвыкать отъ блеска земнаго величія и любимой своей столицы. Оставляя оную навсегда, онъ взялъ съ собою только драгоцѣннѣйшее для него въ свѣтѣ съ первыхъ лѣтъ молодости,—подругу своего сердца, чтобы на уединенныхъ берегахъ Азовскаго моря она приняла послѣднее его дыханіе и смежила *очи его*—навѣки!

Просвѣщенная и признательная Европа, при первой зѣсти о его кончинѣ, отдала ему полную справедливость. Эдинъ изъ французскихъ журналистовъ сказалъ, что «пер- зая половина жизни его протекла въ помышленіи о счастіи иеловѣчества, другая въ совершеніи онаго».—Не останется ı Россія къ нему неблагодарною; надѣюсь, что нашъ исто- ɔіографъ будетъ ея органомъ—мнѣ же, скудному въ талан- ахъ и способахъ, остается только съ умиленіемъ воспо- иинать драгоцѣнныя слезы, которыя при мнѣ исторгала ізъ очей его жестокость разврата или порока; воспоми- іать, съ какою всегда поспѣшностью хватался онъ за перо, ıтобъ начертать прощеніе преступнику, обвиненному въ ɔскорбленіи величества; остается оплакивать моего благо- ɩѣтеля и благоговѣть къ памяти его до конца дней моихъ.

1826 г., января 10-го дня.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ И. И. ДМИТРІЕВА.

1) Екатерина Аѳанасьевна (ум. 1813 г.). Ея отецъ, Аѳанасій Алек- ѣевичъ Бекетовъ, былъ въ 1729—1731 гг. симбирскимъ воеводою.

2) Александръ Ивановичъ Дмитріевъ (род. 1759 г.) служилъ въ гвар- ɩейскомъ семеновскомъ полку, затѣмъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ. Умеръ въ 1798 г. въ чинѣ полковника. Писалъ стихи и переводилъ. Эсобенно извѣстенъ его переводъ «Лузіады» Камоэнса. (М. 1788 г.).

3) П. И. Макаровъ (род. 1765 г., ум. 1804 г.) впослѣдствіи одинъ ізъ даровитѣйшихъ послѣдователей и подражателей Карамзина.

4) М. Н. Муравьевъ (род. 1757 г., ум. 1807 г.) воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, впослѣдствіи сенаторъ, говарищъ министра народнаго просвѣщенія и съ 1803 г. попечитель Мо- сковскаго университета.

5) Баронъ, впослѣдствіи графъ, Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, былъ намѣстникомъ симбирскимъ и уфимскимъ съ 1787 г. по 1796 г.

6) Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ (ум. 1819 г.) богатый сызранскій помѣщикъ.

7) Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ (род. 1729 г., ум. 1794 г.) люби- мецъ Императрицы Елизаветы Петровны, впослѣдствіи сенаторъ и съ 1763 г. по 1773 г. астраханскій губернаторъ. Въ молодости сочинялъ пѣсни и написалъ трагедію, оставшуюся неизданной. Еще кадетомъ исполнялъ роли въ піесахъ Сумарокова.

8) Это изданіе вышло въ Москвѣ въ 1757 г. По времени появленія, оно второе. (Срвн. стр. 133).

9) Джіованни Баттиста Локателли (род. 1715 г., ум. 1785 г.) актеръ, пѣвецъ и основатель итальянской оперы въ обѣихъ столицахъ.

10) Бельмонти содержатель русскаго театра въ Москвѣ въ 60-хъ го- дахъ прошлаго вѣка.

11) Татьяна Михайловна Троепольская (ум. 1774 г.) первая по вре- мени русская трагическая актриса.

12) И. Б. Твердышевъ (ум. 1783 г.) симбирскій старожилъ, просла- вившійся открытіемъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ оренбургской губ. Одна изъ дочерей его, Ирина Ивановна (род. 1743 г., ум. 1823 г.) была замужемъ за дядей Дмитріева, Петр. Аѳан. Бекетовымъ.

13) Е. П. Кашкинъ (род. 1737 г., ум. 1796 г.) впослѣдствіи генералъ-аншефъ; съ 1780 г. пермскій и тобольскій и съ 1788 г. калужскій и тульскій генералъ-губернаторъ.

14) Генералъ-маіоръ Н. Н. Кудрявцевъ началъ службу еще при Петрѣ I.

15) Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (род. 1760 г., ум. 1812 г.) извѣстный актеръ, игравшій героевъ и любовниковъ въ драмахъ и трагедіяхъ. До 1794 г. онъ былъ на петербургской, а затѣмъ на московской сценѣ. Какъ писатель извѣстенъ особенно своими комедіями «Бобыль» и «Мельникъ и сбитенщикъ соперники». Журналъ «Утра» онъ издавалъ съ мая по октябрь 1782 г.

16) Переводъ этотъ утраченъ.

17) И. П. Тургеневъ (род. 1752 г., ум. 1807 г.) служилъ адъютантомъ при московскомъ главнокомандующемъ графѣ Чернышевѣ и былъ однимъ изъ вліятельныхъ московскихъ масоновъ, почему подпалъ преслѣдованію, вмѣстѣ съ Новиковымъ, и въ 1792 г. высланъ на родину въ Симбирскъ. При Александрѣ I получилъ прощеніе и былъ назначенъ директоромъ московскаго университета.

18) «Общества дружескаго типографическаго» не существовало. Въ 1779 г. возникло, какъ извѣстно, общество «Дружеское ученое», а затѣмъ въ 1784 г. изъ него образовалась «Типографическая компанія». Очевидно, Дмитріевъ смѣшиваетъ то и другое.

19) Едва ли Карамзинъ могъ слушать эти лекціи проф. Шварца, такъ какъ съ сентября по 31 декабря 1782 г., когда Шварцъ читалъ ихъ, онъ находился на службѣ въ преображенскомъ полку.

20) А. А. Петровъ (ум. 1793 г.) ревностный приверженецъ масонства и переводчикъ нѣсколькихъ мистическихъ сочиненій.

21) «Багуатъ-Гета или бесѣды Кришны съ Арфуномъ» (М. 1788 г.) поэма на санскритскомъ языкѣ переведена Петровымъ не съ нѣмецкаго, а съ англійскаго перевода.

22) И. В. Лопухинъ (род. 1756 г., ум. 1816 г.) сенаторъ, авторъ и переводчикъ многихъ мистическихъ сочиненій.

23) Ѳ. П. Ключаревъ въ 1812 г. былъ московскимъ почтъ-директоромъ. Какъ масонъ, онъ былъ заподозрѣнъ графомъ Растопчинымъ въ измѣнѣ отечеству, отставленъ отъ службы и сосланъ въ Воронежъ. Впослѣдствіи былъ оправданъ и назначенъ сенаторомъ.

24) А. М. Кутузовъ (ум. 1790 г.) другъ Карамзина, Радищева и Новикова, писатель-масонъ.

25) Семенъ Ивановичъ Гамалѣя (род. 1743 г., ум. 1822 г.) одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Дружескаго общества» и «Типографической компаніи», служилъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго въ Москвѣ графа Чернышева.

26) О немъ см. т. I настоящаго изданія, примѣч. къ CLX стихотворенію.

27) Автору, очевидно, измѣнила память. Знаменитый праздникъ данъ былъ Потемкинымъ 28-го апрѣля 1791 г., т.-е. послѣ взятія Измаила, а не Очакова. Описаніе этого праздника, какъ говоритъ самъ Державинъ въ своихъ запискахъ, написано имъ было уже послѣ праздника, а ранѣе сочинены только хоры. Изъ словъ автора: «знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою» выходитъ, что онъ познакомился съ Державинымъ въ началѣ 1791 г.; между тѣмъ нѣсколько выше (стр. 35) тоже знакомство отнесено ко времени второй шведской кампаніи, т.-е. къ 1790 г.

28) П. С. Захаровъ (ум. 1816 г.) сенаторъ, извѣстенъ своими многочисленными переводами разныхъ авторовъ.

29) Н. А. Львовъ (род. 1751 г., ум. 1803 г.) знатокъ музыки, архитектуры и живописи, писалъ стихи и перевелъ Анакреона.

30) Ѳ. П. Львовъ (ум. 1835 г.) двоюр. братъ предыдущаго, служилъ директоромъ канцеляріи министра коммерціи графа Н. П. Румянцова; впослѣдствіи помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Его сочиненія напечатаны подъ заглавіемъ «Часы свободы въ молодости». С.-Пб. 1831 г. Ему же принадлежитъ изданіе извѣстныхъ «Объясненій» Державина.

31) Петръ Лукичъ Вельяминовъ, поэтъ и весельчакъ, авторъ извѣстной въ свое время пѣсни «Ахъ вы славныя русски кислы щи». (Она напечатана въ «Карманномъ пѣсенникѣ», изданномъ И. И. Дмитріевымъ).

32) 28 іюня 1762 г. Державинъ былъ въ Петербургѣ, какъ это видно изъ его записокъ. Очевидно, Дмитріевъ ошибся.

33) Ссора Сумарокова съ Бельмонти произошла изъ за того, что вопреки условія Сумарокова съ послѣднимъ не ставить въ его театрѣ піесъ Сумарокова, на сценѣ театра Бельмонти, съ разрѣшенія моск. главнокомандующаго гр. Салтыкова, была поставлена трагедія Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и, съ умысломъ разыгранная плохо, освистана публикой, чѣмъ актеры и публика мстили Сумарокову за его рѣзкую, направленную противъ нихъ статью. (См. также примѣч. авт., часть I, прим. VII).

34) Графъ П. С. Салтыковъ (род. 1700 г., ум. 1772 г.), побѣдитель Фридриха II при Кунерсдорфѣ, былъ московскимъ главнокомандующимъ съ 1763 г. Въ 1771 г., въ разгаръ чумы, онъ самовольно оставилъ столицу, за что и былъ уволенъ отъ службы.

35) Княгиня Екатерина Петровна Барятинская, урожд. принцесса Гольштейнъ-Бекъ, (род. 1755 г., ум. 1811 г.) статсъ-дама, супруга кн. Ив. Серг. Барятинскаго, русскаго посла въ Парижѣ.

36) Николай Петровичъ Николевъ (род. 1758 г., ум. 1815 г.) служилъ въ гвардіи, а затѣмъ, потерявъ зрѣніе вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ. Поэтъ и драматическій писатель.

37) П. П. Бекетовъ, старшій сынъ дяди Дмитріева, Петра Афанасьевича Бекетова, отъ перваго брака его, (род. 1761 г., ум. 1836 г.), просвѣщенный любитель старины, и съ 1810 г. по 1820 г. предсѣдатель московскаго общества исторіи и древностей.

38) И. И. Соловцовъ, дальній родственникъ Дмитріева.

39) Первая супруга Державина, Екатерина Яковлевна, скончалась не въ апрѣлѣ, а 15 іюля (1794 г.).

40) Авторъ ошибается. «Московскій журналъ» прекратился съ 1793 г.

41) Н. И. Плещеева и ея мужъ, Алексѣй Александровичъ, орловскіе помѣщики, близкіе знакомые Н. М. Карамзина.

42) «Бахаріяна» Хераскова вышла въ Москвѣ въ 1803 г., слѣд. за 4 года до его смерти. (ум. 1807 г.).

43) Я. И. Булгаковъ (род. 1743 г., ум. 1809 г.) извѣстный дипломатъ. Онъ занимался также литературою и издалъ нѣсколько переводовъ.

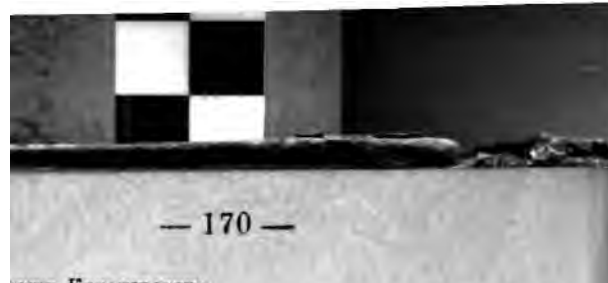
44) Князь Н. Н. Трубецкой (род. 1744 г., ум. 1821 г.) единоутробный братъ Хераскова, извѣстный мистикъ.

45) В. В. Измайловъ (род. 1773 г., ум. 1830 г.) ревностный послѣдователь Карамзина, писатель и издатель журналовъ «Вѣстникъ Европы», «Патріотъ» и др.

46) Ю. И. фонъ-Каницъ служилъ сперва при юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, а затѣмъ съ 1764 г. былъ директоромъ Казанской гимназіи. Онъ умеръ въ 1781 г.

47) И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ (род. 1729 г., ум. 1802 г.) директоръ морского корпуса и съ 1797 г. президентъ адмиралтействъ-коллегіи. Онъ перевелъ Вольтера «Задигъ или судьба» (С.-Пб. 1765 г.) и Душа «Нравоучительныя письма для образованія сердца» (М. 1788 г.)

48) Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ (ум. 1849 г.), плодовитый писатель первой половины XIX вѣка.

49) Псевдонимы Каченовскаго.

50) «Замѣчанія на Исторію государства Россійскаго» Ник. Арцыбашева («Казанскій Вѣстникъ» 1822 г., ч. V—VI, и 1823 г., ч. VII).

51) «Сочиненія и переводы». М. 1803 г., 2 части. 3-я часть вышла въ 1805 г.

52) 18 іюля 1797 г.

53) 14 января 1823 г.

54) Иванъ Петровичъ Бекетовъ (ум. 1835 г.), второй сынъ дяди Дмитріева, Петра Аѳан. Бекетова, отъ второго брака его съ Н. И. Твердышевой (о ней см. 12 прим.). Занимался исторіей и нумизматикой.

55) Сергѣй Ивановичъ Дмитріевъ (ум. 1829 г.).

56) Александръ Александровичъ Саблуковъ (род. 1749 г., ум. 1828 г.), впослѣдствіи членъ госуд. совѣта и попечитель Воспитательнаго дома.

57) Статья кн. Вяземскаго «О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева», приложенная къ 6-му изд. сочиненій Дмитріева 1823 г.

58) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ (род. 1778 г., ум. 1826 г.), впослѣдствіи сенаторъ; авторъ извѣстнаго труда «Essai sur l'histoire de la musique en Italie». Paris. 1823. Ему принадлежитъ также изданіе басенъ Крылова въ переводахъ и подражаніяхъ разныхъ писателей на франц. и итал. языкахъ, вышедшее въ Парижѣ въ 1825 г.

59) Для заключенія торговаго договора съ Японіею въ 1803 г. былъ посланъ съ эскадрой, снаряженной въ кругосвѣтное плаваніе камергеръ Резановъ. Посольство его, однако, не имѣло успѣха: принятое враждебно японцами, оно не привело къ установленію сношеній съ ними. Николай Петровичъ Резановъ (род. 1764 г., ум. 1807 г.) съ 1791 г. служилъ правителемъ канцеляріи у Державина, а затѣмъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ. Возвращаясь изъ Японіи, онъ занемогъ и умеръ въ Красноярскѣ.

60) Василій Ивановичъ Крамаренковъ впослѣдствіи былъ иркутскимъ вице-губернаторомъ. Онъ перевелъ также Саллюстія «Войны Катилинская и Югуртинская» (С.-Пб. 1769 г.).

61) Дмитрій Осиповичъ Барановъ (род 1773 г., ум. 1834 г.) впослѣдствіи управляющій дѣлами комитета министровъ и сенаторъ. Въ молодости занимался литературой. Былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова и Росс. академіи.

62) Князь А. Н. Голицынъ (род. 1773 г., ум. 1844 г.) впослѣдствіи министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и съ 1812 г. предсѣдатель Россійскаго библейскаго общества.

63) Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (род. 1770 г., ум. 1837 г.). Онъ былъ женатъ на двоюр. сестрѣ Дмитріева, Еленѣ Петровнѣ Бекетовой.

64) Христіанъ Андреевичъ Бекъ (ум. 1853 г.) служилъ старшимъ совѣтникомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

65) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (род. 1778 г., ум. 1825 г.) оберъ-прокуроръ и управляющій сенатскою типографіею и казначействомъ, впослѣдствіи сенаторъ.

66) Матвѣй Васильевичъ Могилянскій, чиновникъ канцеляріи Сперанскаго, когда послѣдній былъ государственнымъ секретаремъ.

67) Отъѣздъ Императора Александра I въ Вильну состоялся не въ концѣ мая, а 9-го апрѣля.

68) Графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ (род. 1775 г., ум. 1837 г.) сынъ фельдмаршала Н. И. Салтыкова, сенаторъ, впослѣдствіи князь и членъ госуд. совѣта.

69) Баронъ Отто Адольфъ Вейсманъ-фонъ Вейсенштейнъ, прославившійся своею храбростью генералъ, былъ убитъ подъ Силистріею въ 1773 г.

70) Графъ Н. И. Салтыковъ возведенъ въ княжеское достоинство не въ 1813 г., а 1814 г.

71) Графъ П. С. Потемкинъ (ум. 1796 г.) генералъ-аншефъ, былъ ичальникомъ секретной коммиссіи по дѣлу Пугачева, а затѣмъ принималъ іастіе въ польской войнѣ. Въ молодости занимался литературою, писалъ ·ихи, драмы и переводилъ.

72) Авторъ, очевидно, ошибся. Его мать скончалась въ 1813 г. (см. ісьмо къ Жуковскому отъ 12 мая 1813 г.)

73) В. С. Поповъ (род. 1746 г., ум. 1822 г.) сенаторъ, членъ госуд. ›вѣта и предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

74) Николай Алексѣевичъ Дурасовъ, богатый симбирскій помѣщикъ, растный театралъ и любитель музыки.

75) Петръ Андреевичъ Кикинъ сперва служилъ въ военной службѣ въ 1812 г. состоялъ дежурнымъ генераломъ I-й арміи. Ему принадлеитъ мысль постройки храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

76) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ (род. 1765 г., ум. 1838 г.) служилъ ь военной службѣ и былъ адъютантомъ моск. главнокомандующаго князя . А. Прозоровскаго, впослѣдствіи сенаторъ. Онъ былъ женатъ на двоюрод›й сестрѣ Дмитріева, Екатеринѣ Петровнѣ Бекетовой, а по матери при›дился племянникомъ Н. М. Карамзину.

77) Пожалованіе чиномъ дѣйств. тайн. сов. по ошибкѣ отнесено къ 319 г.; оно состоялось 10 февр. 1818 г.

78) А. Н. Смирнова была дочь дяди Дмитріева, Николая Аѳан. екетова, служившаго въ военной службѣ, а затѣмъ бывшаго казанскимъ ›юкуроромъ. Она была въ замужествѣ за ст. сов. Никол. Вас. Смир›вымъ, служившимъ въ Петербургѣ.

79) Въ изданіи «Писемъ Карамзина къ Дмитріеву» письмо это отне›но къ 1825 г.

80) Начальные стихи изъ оды Хераскова «На воцареніе Императора лександра I».

МЕЛКІЯ СТАТЬИ.

I.

О русскихъ комедіяхъ.

Я не могу понять, отчего наши комическіе авторы приізались къ провинціаламъ? Они по большей части пишутъ ь столицахъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, чтобъ самолюбіе ихъ › предпочло одобренія нѣсколькихъ знатоковъ ненадежной ›хвалѣ толпы зрителей, но можно ли угодить знатокамъ редставленіемъ какого-нибудь Фоки *), комнатнаго шута, де›венскаго дворянина, воеводской канцеляріи или провинціальаго пѣтуха въ смѣшномъ нарядѣ?

Правило комика есть забавлять и приносить пользу; какое :е удовольствіе найдетъ благовоспитанная дѣвица, слушая ссору

*) Дѣйствующее лицо въ комедіи «Такъ и должно», которая, впрочемъ, імѣетъ свое достоинство. *Прим. авт.*

однодворца съ его женою, брань дурака съ дурою, которыхъ каждое слово несносно для нѣжнаго слуха? Исправится ли молодой вѣтренникъ, полагающій всю свою славу въ мотовствѣ, злорѣчіи и уловленіи невинности, или коварный хитрецъ, если авторъ подастъ имъ совершенное понятіе о пирушкахъ *) секретарей и посадскихъ? Какая вообще нужда знатнѣйшей части публики: боярынѣ, боярину, первостатейному откупщику или заводчику, — какая польза имъ знать, что происходитъ въ трактирахъ, на сельскихъ ярмаркахъ и въ хижинѣ однодворцевъ, которые извѣстны только ихъ старостамъ и управителямъ? У нихъ свои обыкновенія, свои предразсудки и свои пороки; они хотятъ смѣяться на счетъ себѣ подобныхъ. Умѣй авторъ бережливымъ образомъ показывать каждому собственный его портретъ въ его сосѣдѣ; умѣй говорить сердцу,—и тогда онъ можетъ надѣяться приносить однимъ невинную забаву, а другимъ пользу.

Истинный комикъ никогда не пожалуется, что Мольеры, Реньяры, Детуши ничего для него не оставили. Каждый народъ имѣетъ собственный характеръ; съ каждымъ вѣкомъ родятся новыя глупости, новые предразсудки. Стоитъ ему только смотрѣть и размышлять, то на каждомъ шагу: въ собраніяхъ, на гульбищахъ, въ бесѣдахъ, въ собственной даже семьѣ своей будетъ находить образцы для своихъ комедій; весь городъ его училище. Сколько есть рѣзкихъ характеровъ, сколько смѣшныхъ обыкновеній, сколько важныхъ мелочей, сколько вредныхъ предразсудковъ, которые ни однимъ еще изъ нашихъ комиковъ не были обнаружены?

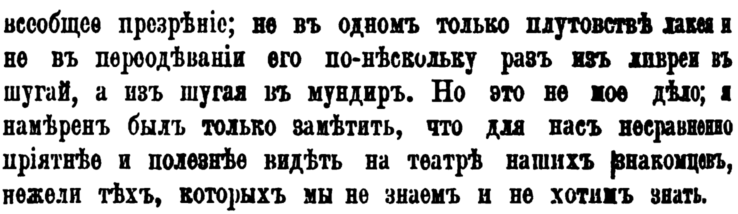
Какую бы, напримѣръ, сочинитель сдѣлалъ услугу своимъ согражданамъ, если бы онъ изобразилъ живыми красками слѣдствія браковъ, основанныхъ не на взаимной любви, а на корысти; если бы добрымъ, но еще не опытнымъ, женамъ показалъ бездну, въ которую низвергаетъ ихъ малѣйшая неосторожность въ обращеніи съ соблазнителями, легчайшее къ нимъ снисхожденіе, лишающее ихъ безъ вины довѣренности мужа, а иногда и доброй славы; если бы онъ научилъ мужей исправлять слабости женъ своихъ дружескими совѣтами и велико-

*) Комедія «Судейскія имянины». *Прим. авт.*

душными поступками, а не противорѣчіемъ и колкими словами; если бы образумилъ хотя одного отца, представивъ ему на позорище молодого россіянина, который на одинадцатомъ году отброшенъ былъ отцомъ и матерью въ чужіе краи и возвратился оттуда къ огорченію родныхъ и стыду соотечественниковъ; представивъ его хладнымъ къ родителямъ, которыхъ и черты уже изгладились въ его памяти; чуждымъ къ согражданамъ, коихъ обычаи ему неизвѣстны; неспособнымъ ни къ какой службѣ, потому что не знаетъ отеческаго языка и отъ привычки къ независимой и тунеядной жизни почитаетъ несноснымъ малѣйшее повиновеніе. Для чего-бы также не вывести на сцену и презрѣннаго эгоиста, притѣсняющаго сосѣдей для того, что они его безсильнѣе; обносящаго достойныхъ людей, чтобъ заступить ихъ мѣсто; бросившаго жену свою, потому что она уже перепродала ему свое имѣніе; удаляющаго отъ дочери жениховъ, чтобъ замужествомъ ея не убавить своихъ доходовъ, которые расточаетъ онъ съ какою-нибудь Лаисою? Для чего бы не представить и заботливой жизни жалкаго любовника всѣхъ знатныхъ и случайныхъ, со всею ихъ свитою, который каждое утро справляется въ календарѣ, нѣтъ ли чьихъ имянинъ, чтобъ успѣть прежде всѣхъ съ ними поздравить; который въ полдень ѣдетъ въ пышной каретѣ къ графу, а въ сумерки крадется переулками пѣшкомъ къ какому-нибудь шуту ея сіятельства; который сегодня зоветъ къ себѣ на обѣдъ пріятеля, а вечеромъ, сходясь съ нимъ въ собраніи, не смѣетъ признать его даже и своимъ знакомцемъ, потому что не знаетъ еще, въ какомъ мнѣніи пріятель его у знатныхъ?

Вотъ картины, достойныя кисти комическаго автора, посвятившаго свои дарованія театру большихъ обществъ! Если бы я думалъ писать пространно о всѣхъ недостаткахъ, какіе встрѣчаются въ большей части нашихъ комедій, то могъ бы, между прочимъ, сказать и о томъ, что достоинство комедіи состоитъ въ выдержанныхъ характерахъ, въ замысловатой и естественной завязкѣ и развязкѣ, въ смѣшныхъ положеніяхъ, въ тонкихъ шуткахъ, въ чистомъ разговорѣ, въ интересѣ, который есть душа всякаго сочиненія, въ моральной цѣли, а не въ подлыхъ и непристойныхъ обинякахъ, заслуживающихъ

всеобщее презрѣніе; не въ одномъ только плутовствѣ лакея и не въ переодѣваніи его по-нѣскольку разъ изъ ливреи въ шугай, а изъ шугая въ мундиръ. Но это не мое дѣло; я намѣренъ былъ только замѣтить, что для насъ несравненно пріятнѣе и полезнѣе видѣть на театрѣ нашихъ знакомцевъ, нежели тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ и не хотимъ знать.

«Вѣстникъ Европы» 1802 г., № 7.

II.

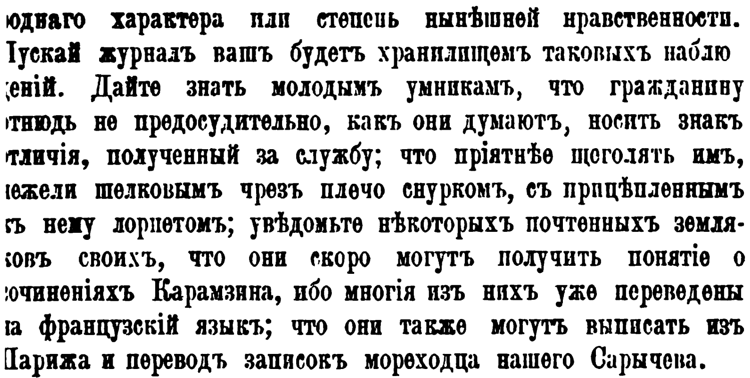
Письмо къ издателю журнала „Московскій Зритель".

Вы намѣрены издавать журналъ и заботитесь о томъ, какъ назвать его? Назовите, какъ вамъ угодно, лишь бы только журналъ вашъ былъ занимателенъ.

Нынѣ трудно быть журналистомъ: вкусъ очистился болѣе, сужденіе стало разборчивѣе, взыскательнѣе; сколько выходитъ журналовъ здѣсь и въ Петербургѣ! Но много ли чтецовъ на нихъ? . . . Прочихъ журналовъ я не читалъ, и такъ остановимся теперь и отдохнемъ на „Вѣстникѣ Европы". Это ежемѣсячное изданіе, безпристрастно скажу, есть лучшее и по слогу своему, и по содержанію. Безъ сомнѣнія, вы думаете взять его за образецъ для своего журнала. Совѣтую, но только въ разсужденіи слога. Планъ его хорошъ, но для васъ безкорыстенъ; привычка, предубѣжденіе отдадутъ всегда преимущество образцу передъ подражаніемъ.

Постараемся лучше дать журналу вашему собственную физіономію. Мнѣ хотѣлось бы видѣть въ немъ болѣе подлинниковъ, чѣмъ переводовъ, болѣе мѣстнаго: хотѣлось бы, чтобъ издатель его, какъ ревностный патріотъ, съ пламеннымъ сердцемъ и смѣлою рукою принялся за перо единственно для пользы земляковъ своихъ.

Вы живете въ столицѣ, гдѣ болѣе разнообразія, болѣе игры страстей, болѣе условныхъ законовъ, болѣе предубѣжденій и, слѣдственно, болѣе случаевъ къ замѣчаніямъ. Здѣсь одно слово старика или молодой женщины подадутъ поводъ къ сочиненію цѣлаго моральнаго трактата. Часто разговоры двухъ простолюдиновъ на улицѣ откроютъ наблюдателю черту на-

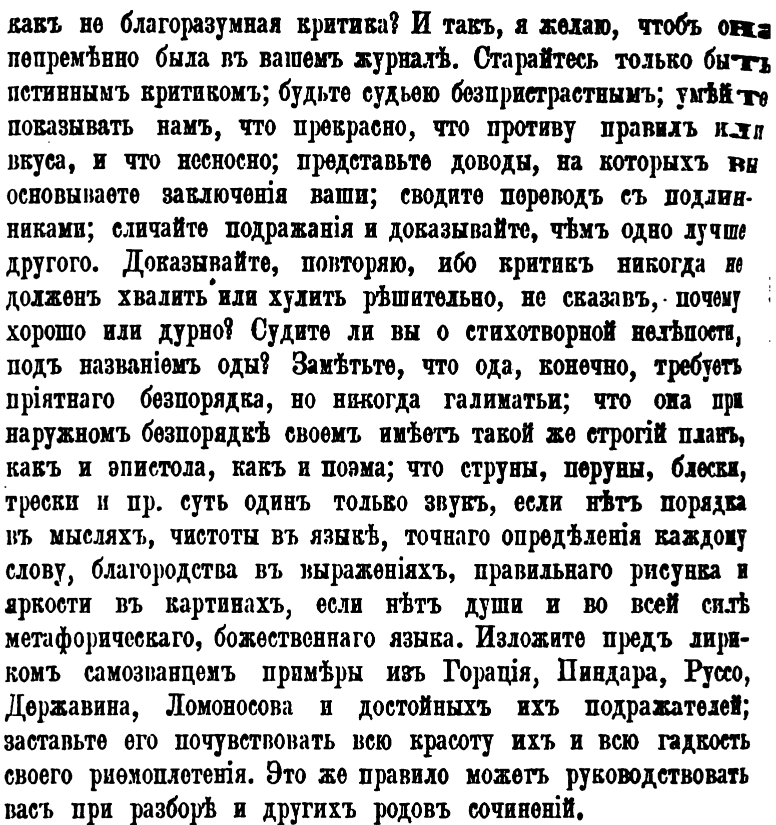

юднаго характера или степень нынѣшней нравственности. Іускай журналъ вашъ будетъ хранилищемъ таковыхъ наблю ;еній. Дайте знать молодымъ умникамъ, что гражданину ›тнюдь не предосудительно, какъ они думаютъ, носить знакъ ›тличія, полученный за службу; что пріятнѣе щеголять имъ, іежели шелковымъ чрезъ плечо снуркомъ, съ прицѣпленнымъ ъ нему лорнетомъ; увѣдомьте нѣкоторыхъ почтенныхъ земля- ювъ своихъ, что они скоро могутъ получить понятіе о :очиненіяхъ Карамзина, ибо многія изъ нихъ уже переведены іа французскій языкъ; что они также могутъ выписать изъ Ларижа и переводъ записокъ мореходца нашего Сарычева.

Послѣдуйте примѣру Карамзина и Каченовскаго; будьте ходатаемъ за несчастныхъ; разбуждайте чувствительность со- 'раждань. Если вздохъ страждущаго человѣчества не всегда ;оходитъ до высокихъ палатъ; если журналъ вашъ не попадетъ іа мраморные камины, по крайней мѣрѣ онъ будетъ въ рукахъ ;обраго поселянина, и вы доставите ему случай быть, по мѣрѣ :илъ его, благотворителемъ; скажите вашу мысль и о новыхъ)усскихъ эмигрантахъ,—я говорю о тѣхъ, которые отъѣзжаютъ іа житье въ чужіе краи подъ предлогомъ, что тамъ жить ;ешевле; напомните имъ, что отцы наши до такой степени :ебя не уничижали; что они живали соотвѣтственно своему)оду, умѣли сберегать для дѣтей и содрогнулись бы при одной ›ысли бѣжать отъ праха отцовъ своихъ.

Можете иногда сказать слова два и о состояніи въ отечествѣ нашемъ художествъ. Статья эта была бы не безполезна: сколько мы видимъ здѣсь колоннъ, которыя ничего не подпираютъ, или полукруглыхъ окошекъ и въ верхнемъ и въ нижнемъ жильѣ, или разрисованныхъ деревянныхъ домовъ и заборовъ. Что скажетъ просвѣщенный иностранецъ о нашемъ вкусѣ? Но довольно! боюсь наскучить; заключимъ рецензіей, важнѣйшею, какъ я уже сказалъ, частью журнала.

Я не соглашусь со многими, что критика не исправляетъ; что къ усовершенствованію авторскаго таланта лучшій способъ— читать превосходныя произведенія, но кто же научитъ меня ловить красоту ихъ? Кто предостережетъ меня отъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ иногда и знаменитые авторы? Кто,

какъ не благоразумная критика? И такъ, я желаю, чтобъ она непремѣнно была въ вашемъ журналѣ. Старайтесь только быть истиннымъ критикомъ; будьте судьею безпристрастнымъ; умѣйте показывать намъ, что прекрасно, что противу правилъ или вкуса, и что несносно; представьте доводы, на которыхъ вы основываете заключенія ваши; сводите переводъ съ подлинниками; сличайте подражанія и доказывайте, чѣмъ одно лучше другого. Доказывайте, повторяю, ибо критикъ никогда не долженъ хвалить или хулить рѣшительно, не сказавъ, почему хорошо или дурно? Судите ли вы о стихотворной нелѣпости, подъ названіемъ оды? Замѣтьте, что ода, конечно, требуетъ пріятнаго безпорядка, но никогда галиматьи; что она при наружномъ безпорядкѣ своемъ имѣетъ такой же строгій планъ, какъ и эпистола, какъ и поэма; что струны, перуны, блески, трески и пр. суть одинъ только звукъ, если нѣтъ порядка въ мысляхъ, чистоты въ языкѣ, точнаго опредѣленія каждому слову, благородства въ выраженіяхъ, правильнаго рисунка и яркости въ картинахъ, если нѣтъ души и во всей силѣ метафорическаго, божественнаго языка. Изложите предъ лирикомъ самозванцемъ примѣры изъ Горація, Пиндара, Руссо, Державина, Ломоносова и достойныхъ ихъ подражателей; заставьте его почувствовать всю красоту ихъ и всю гадкость своего риѳмоплетенія. Это же правило можетъ руководствовать васъ при разборѣ и другихъ родовъ сочиненій.

Я сказалъ все, что пришло мнѣ на умъ. Теперь остается вамъ все это обдумать и употребить въ свою пользу. Пространнѣе о должности журналиста можете вы узнать изъ перваго тома Вольтеровой „Смѣси“. Если вы станете поступать по правиламъ сего великаго писателя; если вы надѣетесь имѣть всѣ тѣ способности, которыя онъ почитаетъ нужными необходимо для журналиста, то смѣло начинайте журналъ и называйте его, какъ ни пришло, Зрителемъ, Аргусомъ или Котомкою,– журналъ вашъ будутъ читать.

«Московскій Зритель» 1806 г., ч. I.

ПИСЬМА.

1. И. П. Бекетову [1]).

(1777—1778 г.)

Любезный братецъ Иванъ Петровичъ. Доношу о себѣ, что ретьяго дня мы прибыли благополучно. Что жъ со мною по й день произошло, о томъ начну увѣдомлять, образомъ поден-)й записки.

Вчера повѣщено было всѣхъ ротъ унтеръ-офицерамъ быть і полковой дворъ на смотръ къ графу [2]). Я былъ въ числѣ азитеровъ, поколику обо мнѣ не отдано было еще въ приказѣ. го сіятельство смотрѣлъ каждаго порознь: иного отмѣчалъ ь гренадерскій уборъ, иного во фрунтовые, иного въ негодяи, ѣлая притомъ каждому по нѣскольку постороннихъ вопросовъ. ри семъ случаѣ произошло весьма достопамятное и достойное ікого мужа, каковъ его сіятельство, дѣло. Между прочими нтеръ-офицерами предсталъ предъ него одинъ унтеръ-офицеръ, інъ барабанщиковой жены, котораго слободоязычники называли законнымъ порожденіемъ. Графъ, осмотря его, отпустилъ;)томъ, поворотя опять, сказалъ всему собранію слѣдующее: Господа офицеры! Многіе почитаютъ, будто этотъ унтеръ- фицеръ есть плодъ моей фабрики; однакожъ я увѣряю васъ, го порицаютъ меня этимъ напрасно". Вотъ прямо поступокъ :кренной души и приличный нынѣшнему времени, т.-е. великому осту, въ который каждый христіанинъ имѣетъ долгъ испо- ѣдывать грѣхи свои и отъ нихъ очищаться!

Сегодня располагался я быть у Хвостова и у прочихъ накомцевъ, однакожъ разбужденъ былъ егеремъ, который при- :есъ мнѣ извѣстіе, чтобъ я шелъ къ графу. Пришедши къ :ему, спрашивалъ онъ меня, отколѣ я изъ помѣстья, долго-

---

[1]) О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 54.

[2]) Графу Брюсу (Тамъ же, стр. 17).

ли и гдѣ былъ въ отпуску, потомъ назначилъ въ гренадерскій уборъ.

Вотъ все, что со мною по сей день произошло. Теперь, пожелавъ вамъ благополучнаго въ низовые предѣлы пути, навсегда имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя, покорный слуга и братъ Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Н. Ф. Гарсону прошу засвидѣтельствовать усердное мое почтеніе.

---

2. И. П. Бекетову.

25-го августа 1787 г. Москва.

Любезный братъ Иванъ Петровичъ. Сегодня поутру былъ я у Николая Алексѣевича Булгакова, который сказывалъ мнѣ за вѣрное, что Кокошкинъ старшій женится на дочери покойнаго заводчика Турчанинова и беретъ за нею около полумилліона деньгами, да еще тысячу душъ, если выиграетъ ея процесъ съ Строгановымъ, а Сѣверинъ [1]) на одной благородной дѣвицѣ [2]), воспитавшейся у графини Строгановой, которая, сверхъ дорогихъ вещей, даетъ ей въ приданое двадцать тысячъ. Я увѣренъ, что ты не меньше моего порадуешься сему извѣстію. Обѣдалъ въ княжескомъ домѣ, вмѣстѣ съ Николаемъ Карамзинымъ, гдѣ также обѣдали Спиридовъ, старшій Раевскій, бывшій въ нашемъ полку, князь Хованскій, меньшой Ляпуновъ и пр. пр. Я выпилъ полъ-стакана бургонскаго, поднесеннаго княземъ Хованскимъ, и на ряду съ прочими, рюмку шампанскаго, которымъ потчивалъ всѣхъ насъ почтенный и страннопріимный Шеню, подъ предлогомъ, будто сегодня тезоименитство французскаго короля. Правда ли то или нѣтъ, не знаю, только всѣ мы его поздравляли, а Шеню поблагодарилъ; остальную часть дня пробылъ у Карамзина вмѣстѣ съ его товарищемъ Петровымъ и Тургеневымъ, а теперь только пріѣхалъ на квартиру, т.-е. въ домъ Василія Борисовича Бест...., у котораго я уже давно живу и, не заставъ почтенныхъ хозяевъ дома, началъ писать сіе письмо.

---

[1]) Петръ Ивановичъ Сѣверинъ, сослуживецъ Дмитріева по полку: впослѣдствіи витебскій губернаторъ.

[2]) Аннѣ Григорьевнѣ Брагиной.

Въ Петербургѣ напечатана трагедія прозою въ Шекспиро- »мъ вкусѣ „Начальное управленіе Олега [1])“. Первое дѣйствіе ıчинается заложеніемъ Москвы. Здѣсь къ Олегу приходять ıа Кіевлянина, присланные отъ сограждань съ жалобами на ;кольда, будто онъ перемѣняетъ древніе обычаи и показываетъ бя наклоннымъ къ греческой вѣрѣ. Второе дѣйствіе начи- ıется проходомъ Угровъ мимо Кіева, и въ тоже время Игорь ›ѣзжается съ Олегомъ; пріѣзжаетъ княжна Прекраса, помол- ıенная за Игоря. Оскольдъ смѣняется и уходитъ къ Works; горь и Олегъ вступаютъ въ Кіевъ, а за ними слѣдуетъ и рекраса. Третье дѣйствіе открывается свадебнымъ обрядомъ рекрасы, и почти до самаго конца занято онымъ; потомъ легъ сбирается въ Царь-градъ и при отъѣздѣ нарицаетъ рекрасу Ольгою. Въ четвертомъ дѣйствіи Олегъ предъ Царь- ıадомъ заключаетъ славный миръ, а въ пятомъ имѣетъ сви- ıніе съ греческимъ императоромъ Леономъ, который даетъ ıу разныя зрѣлища: пѣніе, танцы, борьбу и проч. на иподромѣ, -е. на мѣстѣ ристалищномъ, на которомъ по окончаніи игръ ıегъ укрѣпляетъ Игоревъ щитъ. Въ семъ дѣйствіи вмѣщены ›ры, составленные изъ нѣкоторыхъ Ломоносовскихъ строфъ, и сьма кстати. И. З. сказываетъ, что продавать ее запретили. ъяви, братецъ, мое почтеніе обоимъ дядюшкамъ, Аннѣ Нико- евнѣ, Николаю Васильевичу [2]), Марьѣ Ивановнѣ и Виль- льму Петровичу съ фамиліей; да скажи дядѣ Никитѣ Аѳа- сьевичу, что нѣкоторыя книги сегодня отъ Новикова къ иу отправлены, а остальныя скоро присланы будутъ. Теперь ›слано къ нему на 13 р. 80 к. . . . Иванъ Дмитріевъ.

---

3. П. П. Бекетову.

(С.-Петербургъ). 10-го ноября (1787 г.?)

Здравствуй, любезный братецъ Платонъ Петровичъ! Слава ›гу, что ты пересталъ сердиться; за письмо и присылку ıиги очень благодарю тебя; пожалуй присылай ко мнѣ всякую вость и старину, какую только найдешъ: Арлевиля, Виже, ебрюна, Фонтана и Де-Мутье, не исключая и театральныхъ

---

[1]) Сочиненіе императрицы Екатерины II-й.
[2]) Смирновымъ. О нихъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 78.

ихъ произведеній; да еще, если ты найдешь, давнишній брошюръ мадамъ Сталь „О характерѣ“ и сочиненія Ж. Ж. Руссо. Прости, любезный; посылаю къ тебѣ новое Бѣлосельскаго произведеніе, покажи его Николаю Михайловичу [1]), да не забудь также сказать Ѳедору Ильичу [2]), что какъ онъ ни перемѣнился ко мнѣ, однакожъ не думалъ бы, чтобы я позабылъ его коммисію взять у графа Ливена его книги: я уже десять разъ посылалъ къ нему, и все откладываетъ до завтрева; третьяго дня я еще посылалъ къ нему за ними моего сосѣда Сидора, который живетъ у меня на кухнѣ и который недавно получилъ отъ Ѳедора Ильича письмо, но и тотъ при всей его расторопности, пришелъ съ тѣмъ же. Прости, братецъ. Вѣрный твой другъ и братъ Иванъ Дмитріевъ.

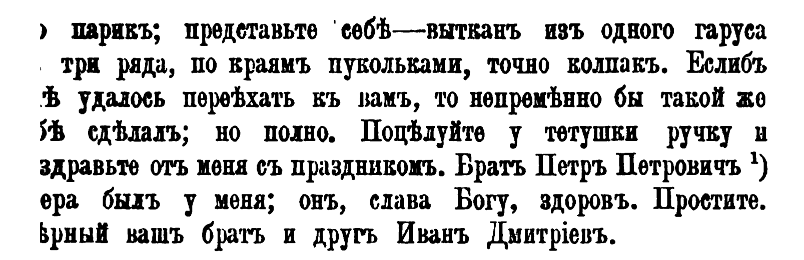
4. П. П. и И. П. Бекетовымъ.

(С.-Петербургъ). 26-го декабря (1787 г.)

Любезные братцы Платонъ Петровичъ [3]) и Иванъ Петровичъ. Здравствуйте, поздравляю васъ со вчерашнимъ праздникомъ; ваша участь день отъ дня для меня завиднѣе. Будучи по несчастію поэтъ, я всякій день летаю воображеніемъ около васъ и вижу, съ какимъ свѣжимъ румянцемъ просыпаетесь вы около одиннадцатаго часа, съ какою живостію каждый съ своей постели пересыпаетъ другъ къ другу невинныя шутки, сопровождаемыя дружбой и смѣхомъ, пьете не торопясь чай или кофе, принимаетесь за свои упражненія, садитесь за жирный столъ, а вечеромъ играете въ карты, ворожите, льете олово, рѣзвитесь. Какъ же я живу? Ѣзжу, сплю и ѣзжу, а теперь въ добавокъ и безъ шеи: на лѣвой сторонѣ опухоль, такъ что не могу сегодня и во дворецъ ѣхать. Вчера вечеръ сидѣлъ при примѣркѣ на ногу шпоръ новаго, отставленнаго съ мундиромъ, батальоннаго командира, Николая Дирина, который того же дня обрадованъ былъ нечаяннымъ пріѣздомъ своего родителя. Какъ онъ счастливъ; а я, можетъ быть, съ моими никогда уже не увижусь! Отецъ мнѣ полюбился, а особливо

---

[1]) Карамзину.
[2]) Козлятеву.
[3]) О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 37

› парикъ; представьте себѣ—вытканъ изъ одного гаруса три ряда, по краямъ пукольками, точно колпакъ. Еслибъ ѣ удалось переѣхать къ вамъ, то непремѣнно бы такой же ѣ сдѣлалъ; но полно. Поцѣлуйте у тетушки ручку и здравьте отъ меня съ праздникомъ. Братъ Петръ Петровичъ [1]) ера былъ у меня; онъ, слава Богу, здоровъ. Простите. ѣрный вашъ братъ и другъ Иванъ Дмитріевъ.

---

5. А. Н. Бекетову [2]).

(С.-Петербургъ. 1788 г.?)

Милостивѣйшій государь, братецъ Аполлонъ Николаевичъ! ı еще не перестали проказничать, и вмѣсто того, чтобъ сказать ату съ десятокъ какихъ нибудь искреннихъ и полезныхъ овъ, растянули по цѣлой страницѣ холодныя высокопочинія и проч. Въ наказаніе за то, отъ всего сердца желаю, объ ты лишился дара быть прозаическимъ поэтомъ и чтобъ весь будущій годъ, ни одна твоя фикція не пошла въ путь. илостивой же государынѣ, сестрицѣ Прасковьѣ Петровнѣ, удостоившей меня ни строчкою, по незлобію моему идѣтельствую мое почтеніе и желаю всевозможныхъ благъ свѣтѣ. Братъ Платонъ пишетъ, что она изволитъ портить › часы; я тотчасъ представилъ, какой бы это лестный случай лъ для поэта, чтобъ сказать impromptu, и сказалъ:

Ахъ, Хлоя! Мнѣ-ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше, я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться [3]).

Т.-е., батюшка братецъ, это бъ я сказалъ, когда бы сестрица да не сестрица.

---

6. П. П. и И. П. Бекетовымъ.

(С.-Петербургъ). 17-го марта (1788 г.?)

Любезные братцы Платонъ Петровичъ и Иванъ Петро-ичъ! Вчера я пріѣзжаю къ Бѣлосельскому обѣдать; спрашиваю,

---

[1]) П. П. Бекетовъ (ум. 1848 г.) третій сынъ дяди Дмитріева, П. Аѳан. кетова.

[2]) А. Н. Бекетовъ, сынъ дяди Дмитріева, Николая Аѳанасьевича, ослѣдствіи служилъ въ Пензѣ прокуроромъ, а потомъ директоромъ имназіи и предводителемъ дворянства.

[3]) См. т. I, стих. V. и примѣч.

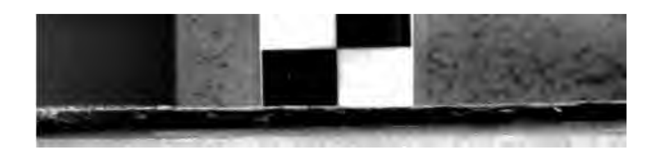
княгиня скоро ли будетъ? Катерина Ивановна отвѣчаетъ, что она уже здѣсь; наконецъ, входитъ Александръ Григорьевичъ и сказываетъ, что ты Иванъ Петровичъ вскружился отъ московскихъ баловъ и грозишь паденіемъ модному вашему Ширенгпортену, а ты Платонъ Петровичъ былъ нездоровъ. Я о первомъ сожалѣлъ бы, а о послѣднемъ сожалѣю, а вы оба пожалѣйте отъ всего сердца обо мнѣ. Не повѣрите, какая мнѣ тоска; изъ дома получаю письма разъ отъ разу огорчительнѣе, расходы страшные, а всей моей казны послѣ сегодняшняго счета Матюшки, оказалось въ наличности 2 р. 64 коп. до мая. Кто этому повѣритъ, видя меня въ праздники во дворцѣ? Прибавь къ этому заботу по службѣ, хилое здоровье, приходящее день ото дня въ худшее состояніе, и совершенное отчужденіе отъ поэзіи, которая одна только съ дружбою въ горестяхъ меня и оживляла. Ради Бога, пишите ко мнѣ чаще. Богъ свидѣтель, какъ я васъ люблю и какъ бы хотѣлъ пожить съ вами. Не только двоюродный, но и душевный вамъ братъ Дмитріевъ.

7. И. И. Лепехину.

22-го іюля 1797 г.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ. Съ великимъ удовольствіемъ пріемлю сію честь, которою Императорская Россійская Академія благоволила меня удостоить.[1] Признаюсь вамъ, однакожъ, что удовольствіе мое было бы еще совершеннѣе, если бы я, согласно съ лестнымъ для меня вашимъ отзывомъ, надѣялся имѣть счастіе быть дѣятельнымъ участникомъ въ полезныхъ трудахъ Академіи; но бывъ не болѣе, какъ только смиреннымъ питомцемъ музъ, пожинавшимъ иногда въ продолженіи воинской службы цвѣты парнасскіе, я могу только обѣщать быть прилежнѣйшимъ ученикомъ ея, искреннимъ почитателемъ трудовъ достойныхъ ея сочленовъ, и хранить къ сему знаменитому собранію и къ его высокопревосходительству, высокопочтенному онаго предсѣдателю[2].

[1] 18-го іюля 1797 г. Дмитріевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Росс. Академіи.
[2] Павлу Петровичу Бакунину.

рдечную мою благодарность и глубочайшее вниманіе. Васъ ꙇ, милостивый государь, какъ почтеннаго секретаря Академіи, епокорно прошу оную увѣрить въ сихъ моихъ чувствахъ, и лагать въ числѣ первыхъ почитателей достоинствъ и извѣстıхъ ученому свѣту знаменитыхъ трудовъ вашихъ, милостиıй государь мой, вашего покорнѣйшаго слугу Ивана Дмитріева.

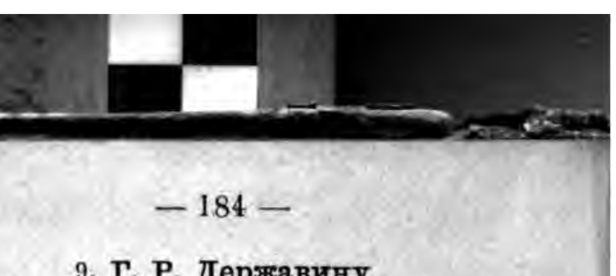
8. П. П. Бекетову.

25-го ноября 1798 г. С.-Петербургъ.

Благодарю тебя, любезнѣйшій мой братецъ Платонъ Петвичъ, за твое поздравленіе; увѣренъ, что оно отъ сердца; агодарю равно и за книгу. И такъ и я превосходительный! ; moi, je suis peintre aussi! Но это титло возвратитъ ли гѣ брата [1]), котораго кончина никакъ изъ мыслей моихъ не ıходитъ? Успокоитъ ли мое сердце, возмущаемое непрестаннымъ змышленіемъ о послѣдствіяхъ сего удара? И меньше ли, конецъ, я озабоченъ и удрученъ бѣдностію? Повѣришь ли, о принужденъ закладывать вещи, чтобъ только какъ нибудь ютянуть до трети? Иногда занимаю по 5 и 10 руб. на держаніе людей и лошадей, т.-е. для удовлетворенія уже прихотямъ, но самымъ необходимымъ потребностямъ; а жду тѣмъ старѣю, дряхлѣю и не вижу другой перспективы, юмѣ совершенной старости посреди нищеты, долговъ и одичества, а далѣе... придетъ, можетъ быть, умереть такъ, что кто не услышитъ и послѣдняго моего вздоха. Мнѣ уже и садно, что я разгрустился и наведу, конечно, и на тебя грусть; накожъ не думай, что я сталъ меланхоликомъ во всей формѣ. ѣтъ, мой другъ, характеръ не перемѣняется, равномѣрно и й, какъ его несчастія ни коробятъ: я грущу только, когда инъ, по утрамъ и вечерамъ; а въ собраніяхъ, разумѣю › пріятелями, по прежнему смѣюсь и болтаю; бываю въ атрѣ, на балахъ и вездѣ показываю видъ человѣка, по айней мѣрѣ въ бархатномъ кафтанѣ. Прости, любезный, илый мой другъ, тысячу разъ тебя цѣлую. Преданный братъ ванъ Дмитріевъ.

---

[1]) А. И. Дмитріевъ ум. въ окт. 1798 г. О немъ см. «Взглядъ на ю жизнь», прим. 2.

9. Г. Р. Державину.

Москва (1802 г апрѣль).

Спѣшу поздравить васъ, милостивый государь, Гаврило Романовичъ, съ благополучнымъ пріѣздомъ [1]). Очень сожалѣю, что не могу лично сего исполнить за сборами моими въ Петербургъ, куда я въ 11 часовъ отправлюсь. Надѣюсь тамъ имѣть удовольствіе васъ видѣть; между тѣмъ предлагаю вамъ мою квартеру и съ душевнымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

10. Д. И. Языкову.

Москва. 1803 г. мая 10-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Спѣшу изъявить чувствительную благодарность мою за честь, которую вы сдѣлали мнѣ сообщеніемъ прекраснаго вашего перевода [2]). Какъ давно я желалъ видѣть эту книгу на нашемъ языкѣ! Отъ сердца радуюсь, что палъ на нее вашъ выборъ; не меньше и тому, что вы доказываете мнѣ продолженіе вашей пріязни, которую навсегда постарается сохранить пребывающій къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

11. Д. И. Языкову.

Москва. 1803 г. октября 19-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Пріятное для меня письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить; спѣшу какъ за него, такъ и за доставленіе мнѣ журнала принести вамъ искреннюю благодарность мою. Позвольте же и мнѣ отдарить васъ моими перекрещенными „бездѣлками [3])“, которыя при семъ вамъ посылаю. Вы очень одолжите меня, если возьмете на себя трудъ доставлять мнѣ и продолженіе журнала, который по многимъ причинамъ для меня интересенъ. Коль скоро я узнаю проспектъ другого журнала, то не преминую прислать

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1802 г. Державинъ возвращался черезъ Москву въ Петербургъ изъ калужской губ., куда былъ посланъ на ревизію.

[2]) Беккарія «Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ». С.-Пб. 1803 г.

[3]) «Сочиненія и переводы» И. И. Дмитріева. М. 1803 г. 2 ч.

ь вамъ деньги и на него, съ просьбой васъ о доставленіи. акъ я радъ, что словесность наша расшевелилась! Простите, обезный Дмитрій Ивановичъ; я въ здоровье моемъ день ото ія хилѣе, но въ почтеніи моемъ къ вамъ пребуду всегда)премѣннымъ покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

---

12. Д. И. Языкову.

(1803 г. октябрь).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Пріятный ія меня подарокъ [1]) вашего почтеннаго общества я имѣлъ довольствіе получить; покорнѣйше васъ прошу увѣрить господъ леновъ его, въ искренней моей къ нимъ признательности. [отъ сердца радуюсь успѣхамъ нашей поэзіи, и желалъ бы, чень желалъ бы познакомиться лично съ г. Востоковымъ. !го „Осень", „Кантата", „Телема и Макаръ" [2]) прекрасны. Вы знаете мою искренность: видя въ немъ истиннаго поэта, ;елалъ бы я только, чтобъ онъ убѣгалъ низкихъ словъ, какъ-то: *стомить*, вмѣсто утомить, *подмога* и еще нѣкоторыя, да справнѣе былъ въ риѳмахъ. Піеса чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ олѣе славы для автора. Простите, любезный мой корреспонентъ! Будьте благополучны и вѣрьте, что я съ совершенымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть вашимъ покорѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

NB. Недавно я нашелъ мое имя въ переводѣ Лонгиова трактата [3]). Не имѣя удовольствія быть лично знаемъ . Мартыновымъ, тѣмъ бо́льшую приношу ему благодарность юю. Дошли ли до васъ мои стихотворенія? Уже двѣ почты, ;акъ я отправилъ ихъ.

---

13. Д. И. Языкову.

(Москва. 1803 г. декабрь).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Письмо аше и при немъ третій нумеръ журнала я имѣлъ удоволь-

---

[1]) «Свитокъ Музъ» сборникъ, изданный Вольнымъ обществомъ любиелей словесности, наукъ и художествъ.

[2]) Эти стихотворенія помѣщены въ «Свиткѣ музъ».

[3]) Діонисій Лонгинъ. «О высокомъ или величественномъ» пер. съ греч. Ів. Мартынова. С.-Пб. 1803 г. На стр. 103 переводчикъ говоритъ, между рочимъ, что «въ храмѣ безсмертія Дмитріевъ будетъ принятъ Лафоненомъ».

ствіе получить и спѣшу за то и другое изъявить вамъ благодарность мою. Но долго ли вамъ подчивать меня гостинцами? Вы меня избалуете, мнѣ право совѣстно. Я хочу подписаться на „Петербургскій Журналъ [1]", „Вѣстникъ [2]", также и на ваше „Періодическое изданіе [3]"; но какъ я незнаю, сколько за послѣднее вносятъ денегъ, то прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе увѣдомить о цѣнѣ его и позволить мнѣ прислать ихъ на ваше имя. Недавно я прочиталъ „Разсужденіе о старомъ и новомъ россійскомъ слогѣ" [4]). Не грѣхъ ли вамъ, петербургскимъ нападать на нашихъ московскихъ? Право, намъ еще рано браниться. Но мнѣ грустно далѣе о томъ говорить, лучше поздравляю васъ съ перемѣною чина; дай Богъ, чтобы я чаще имѣлъ это удовольствіе! А между тѣмъ прошу васъ быть увѣреннымъ въ душевномъ почтеніи, съ которымъ есть и навсегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

14. Д. И. Языкову.

Москва. 1803 г. декабря 28-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Спѣшу изъявить вамъ благодарность мою за пріятное ваше письмо и за всѣ ваши увѣдомленія объ нашей литературѣ. Нетерпѣливо буду ожидать перваго номера вашего „Вѣстника", на который и деньги при семъ посылаю къ вамъ въ особливомъ пакетѣ. На политическій „С.-Петербургскій Журналъ" я еще до письма вашего взялъ билетъ здѣсь у Глазунова; а Бекетова журналъ [5]) стану пересылать къ вамъ каждый мѣсяцъ, то есть я намѣренъ дѣлиться съ вами тѣмъ экземпляромъ, который буду для себя получать. Начто платить лишнія деньги? Вы, конечно, замѣтите три раза моихъ *буду* [6]), но

---

[1]) «С.-Петербургскій Журналъ», издаваемый мин. вн. дѣлъ съ 1804—1809 г.

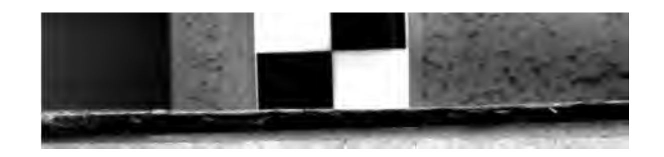
[2]) «Сѣверный Вѣстникъ», изданіе И. И. Мартынова; выходилъ съ 1804—1805 г.

[3]) «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія». Изданіе департ. нар. просв. (1803—1819 г.).

[4]) А. С. Шишкова, вышедшее въ С.-Петербургѣ въ 1803 г.

[5]) «Другъ Просвѣщенія».

[6]) *Въ подлинникѣ «буду» пересылать и «буду» дѣлиться зачеркнуто, а сверху надписано «стану» и «намѣренъ».*

дѣлать? Это обыкновенный мой слогъ въ письмахъ. шу же такъ неопрятно, что послѣ самому стыдно. Простите, езный Дмитрій Ивановичъ! Вѣрьте искренней пріязни и тенію, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ покоршій вашъ слуга Дмитріевъ.

P. S. Я мысленно сказалъ тысячу разъ спасибо гг. акаикамъ.

---

15. Д. И. Языкову.

Москва. февраля 24-го дня (1804 г.).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Благодарю ь за пріятное письмо ваше; очень радъ, что басенка [1]) моя іужила вниманіе; радъ и тому, что еще не напечатана, я, перечитывая ее, нашелъ нѣкоторыя неисправности, орыя въ прилагаемомъ при семъ спискѣ поправилъ; поівки означены чертою. Я надѣялся на сей почтѣ получить второй номеръ; нетерпѣливо желаю его видѣть. Простите, ьте здоровы и продолжайте любить покорнѣйшаго вашего гу Ив. Дмитріева.

---

16. Д. И. Языкову.

Августа 3-го дня 1804 г.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувствиьно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и сообщеніе ихъ журналовъ; все это получилъ въ деревнѣ за 800 верстъ Москвы, гдѣ нахожусь уже два мѣсяца. Въ собственномъ пемъ журналѣ не хотѣлъ бы, признаюсь, видѣть Карлу. къ ли пишутъ анекдоты? Такъ ли должны писать члены ссійской Академіи? Ежели перевести на иностранный языкъ, право, будетъ къ стыду нашей литературы. Какое нераіство, какія неприличности! Замѣтьте, напримѣръ, пышное исаніе Петербурга, и послѣ другой періодъ начинается: рла не умнѣй ни на волосъ! Карамзинъ и даже Измайловъ члены Академіи, а, право, написали бы лучше. Но я ишкомъ разговорился въ жару любви моей къ литературѣ.

---

[1]) «Ружье и Заяцъ». Она напечатана въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 4, ч. I.

Теперь приступаю къ вамъ съ просьбою: у Бувита продается „Histoire du 16 siècle“, par Linguet и журналъ политехническій за 75 коп. Вы меня очень одолжите, ежели купите ихъ. Пришлите ко мнѣ въ Москву, а какъ скоро возвращусь, то, незамедля, пошлю къ вамъ и деньги, и „Друга Просвѣщенія“. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

17. Д. И. Языкову.

Москва. 1804 года, сентября 15-го дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой, Дмитрій Ивановичъ, за пріятное для меня ваше письмо. Политехническій журналъ я также получилъ, за который и деньги 20 руб. при семъ къ вамъ посылаю; только я просилъ васъ не объ немъ, а о русскомъ „Технологическомъ Журналѣ“, издаваемомъ нашею Академіею Наукъ и котораго вышла первая часть и продается по 75 коп. Однакожъ я не остался въ накладѣ и уже продалъ брату моему Бекетову. Непремѣнно желаю видѣть продолженіе ересей нашего славянофила: на сихъ дняхъ вступаютъ въ продажу „Творенія“ Пиндара [1]), перетворенныя другомъ его Кутузовымъ. Вотъ образщики изъ него:

Піитъ, въ *блистаніи* картинъ
Не дѣлай съ правдой лжи смѣшенье,
Тебя поя, Танталовъ сынъ,
Я древнихъ не пріемлю мнѣнье;
Нептунъ, богъ водъ, *тебя любя*,
Похитилъ въ пиршествѣ *тебя*,
Онъ съ помощью коней своихъ,
Для неба зря *тебя* готовымъ,
Подъялъ *тебя* отъ странъ земныхъ,
Да будешь Ганимедомъ новымъ;
Отецъ *тебя* вотще искалъ:
Для смертныхъ ты невидимъ сталъ и проч.

(Олимп. ода къ Гіерону, часть I-я, стр. 31.).

Въ прозѣ изъ первой части:

Здѣсь идетъ дѣло о первомъ Гіеронѣ. Прим. I, стр. 97.

Сначала одинъ токмо и былъ судья; потомъ поставили *онымъ* [illegible] и пр. (ода III, прим. 2, стр. 106).

Сіе *пожеланіе* Піитъ и пр. случались неспокойствія и пр. (ода VII, прим. 21, стр. 119).

---

[1]) «Творенія» Пиндара. Перевелъ Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ *съ прим.* и объясненіями.... М. 1804 г. 2 ч.

Довольно; прибавлю только, что графъ Хвостовъ выдалъ е оду „Безначаліе", которая, вѣроятно, уже отправлена и Петербургъ. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить ;ренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу Дмитріева.

---

18. Д. И. Языкову.

Москва. 1804 г. октября 9-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувстви- ьно благодарю васъ за послѣднія два письма, также и за 'ехнологическій Журналъ". Здѣшняя литература также не 'ата новостями, какъ и ваша. Журналы одинъ за другимъ іезаютъ. „Меркурія" уже нѣтъ, „Патріотъ" отказывается; іографщикъ[1]) „Друга Просвѣщенія" не только быть сотруд- комъ, но даже и издателемъ журнала быть уже не хочетъ; накожъ друзья просвѣщенія намѣрены продолжать свои двиги и на будущій годъ, и для прозаической части при- ашаютъ, я слышалъ, Суворова, автора похвальнаго слова :атеринѣ Второй. Я отъ сердца благодарилъ господъ изда- іей „Сѣвернаго Вѣстника" за ихъ обличеніе пачкуновъ Журнала для милыхъ", если ихъ и послѣ того не уймутъ і сами не уймутся[2]).—Но, не обременяя васъ болѣе ново- іми, мало интересными, обращаюсь къ вамъ еще съ прось- о, именно о сообщеніи мнѣ вашего перевода Шлецера, горый и по автору, и по переводчику будетъ сугубо для ня интересенъ, и еще прибавленія къ „Разсужденію о ста- мъ и новомъ слогѣ", въ кожаномъ переплетѣ. Впрочемъ, лая вамъ всего лучшаго въ свѣтѣ, съ искреннимъ почте- ›мъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя его, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Плат. Петр. Бекетовъ, въ типографіи котораго печатался журналъ руга Просвѣщенія», въ первый годъ изданія.

[2]) Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804 г., ч. II, стр. 136) была напе- гана замѣтка о технолог. журналѣ, въ которой, между прочимъ, было ізано о «Журналѣ для милыхъ» слѣдующее: «Слѣдуетъ упомянуть ;же о «Журналѣ для милыхъ», хотя онъ ни по содержанію, ни по ружности не похожъ на свое названіе и въ предосторожность мы вѣтуемъ милымъ не брать его въ руки, ибо онъ оскорбляетъ стыдли- сть и цѣломудріе, первѣйшія украшенія милыхъ».

19. Д. И. Языкову.

Москва. 1804 г. октября 31-го дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ, за пріятное ваше письмо и доставленіе книги и новостей литературныхъ. Здѣсь никто не хочетъ вѣрить, чтобъ авторъ, какъ бы ни былъ самолюбивъ, могъ имѣть такія требованія, а я очень вѣрю, если авторъ при самолюбіи своемъ довольно щедро одаренъ и слабомысліемъ; но онъ не хотѣлъ худого, слѣдственно и правъ, равно какъ и Академія права, что не хотѣла худого. Я желалъ бы очень видѣть точь-въ-точь копію съ его письма, равно какъ и съ резолюціи Академіи. Между тѣмъ прошу васъ еще увѣдомить меня, кто писалъ рецензію на рецензіи (въ давно прошедшемъ времени) Карамзина и на рецензіи Макарова. Мнѣ кажется, и та и другая писаны не однимъ перомъ. Посылаю къ вамъ при семъ 5 рублей за славянофила и прошу васъ еще прислать мнѣ „Слово похвальное Екатеринѣ“ Храповицкаго и, если найдется, „Histoire du XVI siècle“, par Linguet; она продавалась, какъ сказано было въ петербургскихъ газетахъ, у Бувита. Можетъ быть, я въ титулѣ ошибся, только это точно „Исторія XVI вѣка“ соч. Лингета. Впрочемъ съ душевнымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

20. Д. И. Языкову.

(1804 г. декабрь. Москва.)

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь, Дмитрій Ивановичъ, за доставленіе мнѣ Лингетовой „Исторіи“; она хотя и безъ конца, но я очень радъ, что ее имѣю; теперь прошу васъ увѣдомить, сколько прислать за нее денегъ. Кто издаетъ „Сѣвернаго Меркурія“? [1]) Боже мой! сколько журналовъ! а борзыхъ все еще мало. Но пусть пишутъ, я право радъ, что у насъ расписались. Простите, любезный Дмитрій Ивановичъ, помните и любите искренно почитающаго васъ покорнаго слугу Ивана Дмитріева.

---

[1]) «Сѣверный Меркурій» издавалъ съ 1805 г. Влад. Өедор. Вельяминовъ-Зерновъ.

21. А. Ѳ. Мерзлякову.

(Москва. 1805 г.).

Давно я собирался, любезный Алексѣй Ѳедоровичъ, ;овлетворить требованіе Николая Николаевича [1]), но робѣлъ риступить къ тому; теперь же вижу, что вы неотмѣнно ›чете послужнаго моего списка; долженъ исполнить, какъ ıѣю. И такъ, имѣю честь донести вамъ, что родился въ 760 г.; былъ гвардіи капитаномъ, потомъ оберъ-прокуро- ›мъ въ сенатѣ; въ послѣднемъ званіи удостоился получить орденъ св. Анны 2-го класса. Нынѣ же нахожусь въ атскихъ тайнымъ совѣтникомъ. Вотъ моя гражданская жизнь; ученіе состоитъ только въ томъ, что я началъ было учить эанцузскую грамматику, но, по причинѣ бывшаго въ нашемъ ›аю Пугачевскаго мятежа, не доучилъ ее; русской же я всѣмъ не ученъ; издалъ три томика кой-какихъ стихотво- ›ній и попалъ, не понимаю и самъ какимъ образомъ, въ ıсло Россійской Академіи и въ почетные члены Московскаго ıиверситета. Все это я пишу только для любезнаго Але- :ѣя Ѳедоровича, предоставляя его благоразумію выбрать изъ ıаго, что разсудите...

---

22. Д. И. Языкову.

Москва. 1805 г. февраля 9-го.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувстви- льно благодарю васъ за пріятное письмо ваше и сообщеніе урнала, который, однакожъ, я обратно къ вамъ препровождаю. е удивитесь этому, вотъ причина: денегъ у меня мало, а урналовъ много и у васъ, и въ Москвѣ, и даже въ Калугѣ; › привязанности моей къ русской словесности, мнѣ захотѣлось глядывать въ каждый журналъ, и для того записался въ ıглійскій клубъ, гдѣ между прочими журналами имѣю удо- ›льствіе пользоваться и вашимъ.

Н. М. Карамзину сего же дня скажу о манускриптѣ; кели онъ не имѣетъ его, то, конечно, будетъ васъ просить ›общить ему списокъ, а между тѣмъ я и за него, и за себя гъ искренняго сердца благодарю васъ, любезный Дмитрій

---

[1]) Бантышъ-Каменскаго.

Ивановичъ, за ваше къ нему доброжелательство. Я надѣюсь, что вы не прекратите со мною вашу переписку, которая по многимъ отношеніямъ столь для меня пріятна, и съ сею надеждою заключу мое письмо искреннимъ увѣреніемъ васъ въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ былъ и навсегда будетъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. По написаніи письма я видѣлся съ Карамзинымъ, который препоручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ съ великою благодарностію приметъ вашъ манускриптъ, если вы возьмете трудъ доставить его на мое имя. Еще прощайте и любите искренняго вашего почитателя.

---

23. Д. И. Языкову.

Москва. 1805 г. марта 15-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Спѣшу изъявить вамъ покорнѣйшую благодарность мою за пріятное ваше письмо и присылку книги, которой такъ давно я искалъ. Деньги на сей же почтѣ за нее получите. Любопытенъ видѣть Академическій журналъ, только не отважусь подписаться: тутъ, вѣрно, много будетъ домашняго, слѣдственно много вѣковѣчныхъ *сидней* и пр. и пр. Но положимъ храненіе устамъ нашимъ. Простите, будьте увѣрены въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ навсегда пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

24. Д. И. Языкову.

(1805 г. іюль. Москва).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, что оно утвердило меня въ томъ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ о вашей деликатности; хотя такого рода критика, каковая помѣщена въ журналѣ, не можетъ быть чувствительна ни мнѣ, ни Карамзину, но со всѣмъ тѣмъ не утерпишь, чтобъ не сказать слова два о вашихъ витязяхъ петербургской литературы. Что они сами? Пускай поставятъ въ образецъ намъ собственныя произведенія и научатъ писать лучше. И для чего скрывать *свое имя*? Вѣроятно, что такіе писачки только и слышны

'дутъ въ журналахъ. Вѣроятно, что и журналы съ такою ізборчивостью скоро прослывутъ не журналами, а калашнею, ь которую сходится всякая сволочь бранить высшихъ себя тѣмъ отмщать за свое ничтожество. Карамзинъ очень бладаритъ васъ за рукопись, и въ доказательство прилагаю эи семъ его ко мнѣ записку. Простите, будьте здоровы и ѣрьте, что я съ истиннымъ почтеніемъ моимъ навсегда имѣю ють быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

25. В. А. Жуковскому.

Москва. 1805 г. іюля 8-го.

Вотъ все, что вы хотѣли получить отъ меня, Василій ндреевичъ; примите съ этимъ вмѣстѣ и благодарность мою , пріятное ваше письмо, за переводъ Шиллеровой оды, котоій я прочиталъ два раза сряду съ великимъ удовольствіемъ, за назначеніе ваше моихъ бездѣлокъ въ собраніе чего-то. адуюсь, что вы здоровы, спокойны и продолжаете упражняться ь поэзіи. Копите къ будущему журналу; пользуйтесь спо)йною жизнію и лѣтомъ, этимъ благопріятнѣйшимъ вре)немъ года для умнаго мечтателя! А осенью пріѣзжайте въ осиву съ своимъ запасомъ. Старый трутень почтитъ труды)лодой пчелы и докажетъ, что не всѣ трутни бываютъ злы завистливы. Простите, искренно любящій васъ Дмитріевъ.

Отвѣчаю вамъ поздно потому, что я не умѣю скоро переэсывать, да и грудь моя не позволяетъ мнѣ долго писать.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Брящетъ: «Нѣтъ мнѣ счастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о небо, вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!»
Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій—утренне свѣтило
Несчастну жертву озарило;
Отецъ низводитъ дочь съ собой;
Она едва на трупъ взглянула,
Увы!... въ послѣдній разъ вздохнула.
Красавицы! Пѣснь эта быль [1]).

---

[1]) Стихи изъ баллады Дмитріева «Старинная любовь».

26. Д. И. Языкову.

Москва. 1805 г. іюля 16-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Благодарю васъ отъ имени Карамзина за сообщеніе рукописи; она сегодня отправлена къ нему въ подмосковную. Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ читалъ я и критику съ мастерскою пародіею Капнистовыхъ стиховъ, которыми вы разсудили украсить журналъ вашъ, на счетъ Карамзина и прочихъ. Хотѣлъ бы знать, кто этотъ вашъ корреспондентъ, который обѣщаетъ добровольно клеймить чужія произведенія? „Технологическаго Журнала“ и ученаго мнѣ не надобно: я хотѣлъ только имѣть, какъ библіоманъ, по образчику того и другого. Впрочемъ съ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга Иванъ Дмитріевъ.

27. Д. И. Языкову.

(Августъ—сентябрь. Москва). (1805 г.)

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Благодарю васъ за письмо ваше; сожалѣю, что вы были больны и радуюсь выздоровленію. Что же касается до тѣхъ денегъ, то я желалъ бы, чтобъ вы не торопились возвращать ихъ и между тѣмъ постарались бы развѣдать о четвертой части „Гербовника“ [1]; я точно читалъ въ петербургскихъ газетахъ, что она продается у какого-то приказнаго служителя Рубана, близъ Галерной пристани. Еще покорно прошу васъ доставить мнѣ первый мѣсяцъ „Академическаго журнала“ и увѣдомить, сколько надобно прислать за него денегъ? Вы позабыли исполнить мою просьбу и дать мнѣ знать, кто писалъ и пишетъ приговоры свои на нашу братью въ прозѣ, также и кто пародировалъ начало Капнистовой сатиры? Неужели самъ онъ? Если такъ, то лучше бы написать новую; прозу же приписываютъ здѣсь Галенковскому. Но у васъ такъ много геніевъ и такое между ними фамильное сходство, что не скоро различишь ихъ одного отъ другого. Простите, съ искреннимъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) «*Общій* Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи» *С.-Пб.* 4 ч.

28. Д. И. Языкову.

(Москва). Октября 27-го дня. (1805 г.)

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за сообщеніе первой части трудовъ ѵстопочтенной Россійской Академіи, одолжите меня сообщеемъ и продолженій. Я постараюсь и самъ чѣмъ нибудь платить вамъ, а между тѣмъ спрошу васъ, читали ли вы › сентябрѣ вашего „Вѣстника“ стихи: тетеревочикъ, просвѣенннаго генерала, и басню, въ которой я замѣтилъ стихи: ;ъ хрѣнкомъ, въ борщу и верещагѣ“, и еще: „симъ сдѣла свинья отвѣтовъ окончанье [1])“. Кто-бы такія были эти ıа новыя свѣтила на нашемъ Парнасѣ? Но, впрочемъ, для ня все равно, хотя и не знать объ нихъ; увѣдомьте лучше ıня, скоро ли выйдутъ упражненія общества любителей учеюсти? У меня только одна вторая книжка; я желалъ бы ıѣть и продолженіе. Удивляюсь, что уже давно ничего не ıышу отъ г. Востокова. Я всегда охотно читаю его произденія. Простите, будьте увѣрены въ искреннемъ почтеніи ›корнѣйшаго вашего слуги Дмитріева.

---

29. В. А. Жуковскому.

Москва. 1805 г. ноября 15-го.

Виноватъ я передъ вами, любезный Василій Андреевичъ, ›о такъ долго не отвѣчалъ на письмо ваше. Вы можете гко отгадать, какая къ тому была причина: недосугъ отъ здѣлья, и сверхъ того я, право, думалъ, что вы сами скоро ıѣдете. Радуюсь, что вы не даромъ живете въ Бѣлевѣ и терпѣливо желаю видѣть ваши произведенія. Безъ васъ я лучилъ 10 томовъ „Petite encyclopédie poétique“ [2]), въ корой собраны лучшія стихотворенія отъ поэмы до дистиха. ри каждомъ родѣ наставленіе, которое не худо-бы вамъ ревести для вашей христоматіи [3]). Антонъ Антоновичъ хоıлъ купить эту книгу для васъ, но опоздалъ. Что мнѣ

---

[1]) «Голубчикъ и Тетеревочекъ», «Историки-лжецы» и притча «Овца Свинья», напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1805 г., ч. VII), зъ подписи.

[2]) «Petite encyclopédie poétique ou choix de poésies dans tous les nres», par une société de gens de lettres. Paris 1804. 12 vol.

[3]) «Собраніе русскихъ стихотвореній». Москва 1811—1815. 6 ч.

сказать о вашемъ вояжѣ? Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь-въ-точь Василья Андреевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотритъ на почтовую карту и, зѣвая, говоритъ: успѣю! Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проэктовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндою. Я говорю часто объ васъ съ милымъ Тургеневымъ; онъ искренно васъ любитъ и не меньше моего желаетъ вашего возвращенія. Сколько здѣсь найдете вы новаго, разумѣю, въ нашей словесности. Лирикъ нашъ или протодіаконъ Хвостовъ безпрестанно кадитъ Гомеру и Пиндару и печетъ оду за одою. Друзья просвѣщенія присоединили къ тричисленному своему лику оберъ-секретаря Сандунова, и съ первою рыжею книжкою на будущій годъ пустятъ громъ на русскихъ путешественниковъ, и на все, гдѣ только встрѣтятъ слезу и милое. По всему кажется, что не уйти и мнѣ отъ ихъ перуновъ, хотя я ни до слезъ, ни до сладкаго не охотникъ. Съ другой стороны князь Шаликовъ возлагаетъ на надежный свой носъ зеленые очки и объявляетъ себя „Московскимъ Зрителемъ“ [1]). Жаль, что нѣтъ у него помощниковъ. Впрочемъ, я увѣренъ по крайней мѣрѣ, что въ журналѣ его не будетъ варварскихъ піесъ, какія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, въ „Курьерѣ“ [2]) и въ другихъ пр. А любезный нашъ Карамзинъ терпѣливо сноситъ жужжаніе вкругъ себя шершней и продолжаетъ свою „Исторію“. Онъ уже дошелъ до Владиміра. Вотъ вамъ всѣ здѣшнія новости! Грудь моя не дозволяетъ мнѣ больше писать; и такъ, оканчиваю стариною, что искренно люблю васъ и желаю вамъ совершеннаго благополучія. Прощайте, до свиданія!.

---

30. Д. И. Языкову.

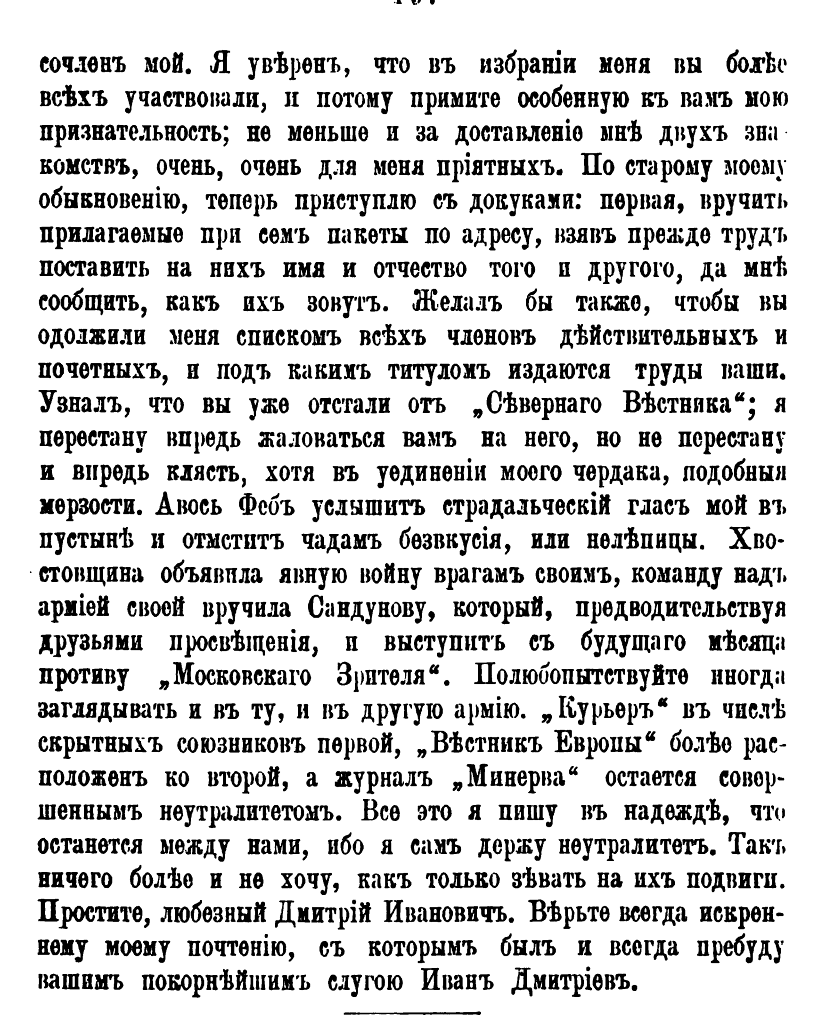
Москва. 1805 г. декабря 24-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Сколько скопилось причинъ къ благодаренію васъ, любезный отныпѣ

---

[1]) Князь Шаликовъ съ 1806 г. издавалъ журналъ «Московскій Зритель».
[2]) «Московскій Курьеръ» издавался П. Ю. Львовымъ въ 1805 г. и 1806 г.

[redacted]

сочленъ мой. Я увѣренъ, что въ избраніи меня вы болѣе всѣхъ участвовали, и потому примите особенную къ вамъ мою признательность; не меньше и за доставленіе мнѣ двухъ знакомствъ, очень, очень для меня пріятныхъ. По старому моему обыкновенію, теперь приступлю съ докуками: первая, вручить прилагаемые при семъ пакеты по адресу, взявъ прежде трудъ поставить на нихъ имя и отчество того и другого, да мнѣ сообщить, какъ ихъ зовутъ. Желалъ бы также, чтобы вы одолжили меня спискомъ всѣхъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, и подъ какимъ титуломъ издаются труды ваши. Узналъ, что вы уже отстали отъ „Сѣвернаго Вѣстника"; я перестану впредь жаловаться вамъ на него, но не перестану и впредь клясть, хотя въ уединеніи моего чердака, подобныя мерзости. Авось Фебъ услышитъ страдальческій гласъ мой въ пустынѣ и отмститъ чадамъ безвкусія, или нелѣпицы. Хвостовщина объявила явную войну врагамъ своимъ, команду надъ арміей своей вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвѣщенія, и выступитъ съ будущаго мѣсяца противу „Московскаго Зрителя". Полюбопытствуйте иногда заглядывать и въ ту, и въ другую армію. „Курьеръ" въ числѣ скрытныхъ союзниковъ первой, „Вѣстникъ Европы" болѣе расположенъ ко второй, а журналъ „Минерва" остается совершеннымъ неутралитетомъ. Все это я пишу въ надеждѣ, что останется между нами, ибо я самъ держу неутралитетъ. Такъ ничего болѣе и не хочу, какъ только зѣвать на ихъ подвиги. Простите, любезный Дмитрій Ивановичъ. Вѣрьте всегда искреннему моему почтенію, съ которымъ былъ и всегда пребуду вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

31. В. А. Жуковскому.

Москва. 1805 г. декабря 27-го.

Благодарю васъ, любезный Василій Андреевичъ, за письмо ваше; я вижу изъ него, что вы еще и не думаете о возвращеніи вашемъ въ Москву, и очень о томъ сожалѣю; право, говорю искренно, я желалъ бы, чтобъ вы скорѣе оставили ваше уединеніе, которое способно только питать вашу наклонность къ меланхоліи. Впрочемъ, дѣлайте, что хотите, только про-

должайте меня любить и вѣрить, что я искренній вашъ почитатель и доброхотъ. И. Дмитріевъ.

P. S. Поздравляю васъ съ наступающимъ годомъ. Николай Михайловичъ и Ѳедоръ Ильичъ [1]) кланяются вамъ и благодарятъ за ваши объ нихъ отзывы.

---

32. Д. И. Языкову.

(1806 г. январь. Москва).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Я уже предупредилъ васъ о странномъ поступкѣ университетскаго цензурнаго комитета противъ кн. Шаликова. Теперь дѣло рѣшилось: комитетъ возвратилъ ему критику на сочиненія Хвостова съ запрещеніемъ печатать ее, и съ своими на нее замѣчаніями. Какія же они? Напримѣръ, гдѣ у кн. Шаликова сказано: въ этомъ стихѣ нѣтъ смысла, тамъ профессоры написали на полѣ: *не учтиво*; гдѣ критикъ сказалъ: этотъ стихъ дуренъ, тамъ они поставили: *оскорбительно*, и такъ далѣе. Онъ на сей почтѣ посылаетъ эту критику съ замѣчаніями къ Михайлѣ Никитичу Муравьеву. Что жъ значитъ теперь уставъ цензуры и самый департаментъ просвѣщенія, если, вопреки видовъ правительства, критика будетъ стѣсняема, и что еще хуже, критика на дурныхъ только сочинителей потому только, что они пятаго класса и въ лентѣ; если эти пачкуны напротивъ того будутъ еще ободряемы, ибо я слышалъ, что приказано будетъ въ ученыхъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ расхвалить Пиндаровъ переводъ, который нельзя бы похвалить и во времена Тредьяковскаго? Что мнѣ лестнаго, наконецъ, быть членомъ академіи, университета, когда всякій пачкунъ можетъ быть моимъ сотоварищемъ! Недавно одного [2]) изъ нихъ глупое риѳмосплетеніе читали даже на каѳедрѣ университетской. Я не вытерпѣлъ и сдѣлалъ мои замѣчанія, равно какъ и на другую оду его, помѣщенную въ „Другѣ просвѣщенія“; для любопытства при семъ къ вамъ посылаю. Увидите сами, стоитъ ли такой человѣкъ явнаго покровительства университета. Сдѣлайте дружбу, Дмитрій Ивановичъ, постарайтесь въ пользу

---

[1]) Карамзинъ и Козлятевъ.
[2]) *Вѣроятно*, графа Хвостова.

кн. Шаликова, а ежели нельзя уже напечатать критику его въ Москвѣ, такъ увѣдомь темення, нельзя ли, по крайней мѣрѣ, напечатать ее въ петербургскихъ журналахъ? Неужели у васъ позволено щелкать только насъ бѣдныхъ? Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу Ивана Дмитріева.

33. Д. И. Языкову.

Января 10-го 1806 г. Москва.

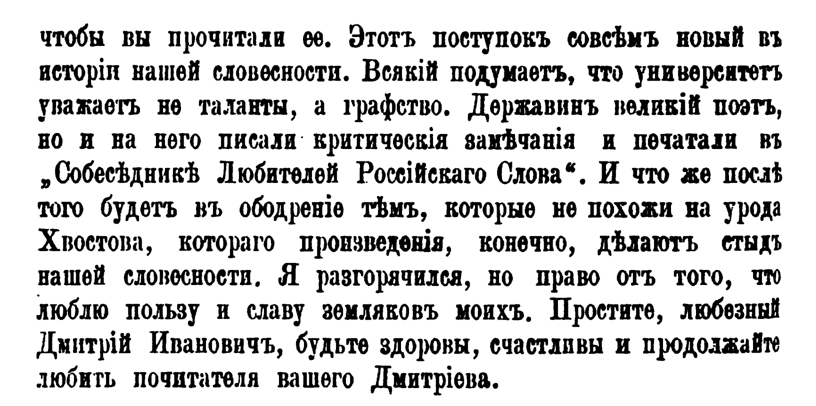
Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувствительно благодаря васъ за письмо и списокъ, прошу васъ принять поздравленіе мое съ наступившимъ годомъ, съ искреннимъ желаніемъ вамъ возможнаго въ продолженіе онаго благополучія. Очень любопытно видѣть, каковъ то будетъ бывый „Вѣстникъ“ [1]) по своемъ возрожденіи подъ новымъ именемъ? Шаликова журналъ „Зритель“ пошелъ неудачно. Онъ хотѣлъ во второй книжкѣ помѣстить свою рецензію на нѣкоторыя уродливости графа Хвостова; цензоры наши университетскіе пропустили; Хвостовъ о томъ сталъ ихъ стращать, что съ глупости никогда пошлинъ не брали; они повѣрили и, взявъ назадъ Шаликова тетрадку, написали на ней, что „хотя въ ней нѣтъ ничего противнаго уставу о цензурѣ, однакожъ думаемъ, что напечатать ее не можно!“ Почему же не можно, когда сами говорятъ, что законы цензуры тому не противятся? Между тѣмъ Хвостова притчу на меня: „Барыня и ткачи“ [2]) пропустили. Можетъ быть, кн. Шаликовъ будетъ писать къ попечителю университета. Если вы знакомы съ Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, то не можете ли употребить ваше предстательство за бѣднаго журналиста? Право, не много чести университету, если онъ будетъ запрещать критиковать тѣхъ, которые не имѣютъ не только таланта, но даже здраваго разсудка. Свидѣтельствуютъ то послѣднія двѣ оды Хвостова „На побѣду“, и „Зима“, напечатанная въ декабрѣ „Друга просвѣщенія“ [3]); желалъ бы я.

---

[1]) Мартыновъ съ 1806 началъ вмѣсто «Сѣвернаго Вѣстника» издавать «Лицей».

[2]) «Барыня и ткачи» напечатана въ «Другѣ просвѣщенія» 1805 г., ноябрь, стр. 143.

[3]) *«Другъ просвѣщенія»* 1805 г., декабрь, стр. 193 и 228.

чтобы вы прочитали ее. Этотъ поступокъ совсѣмъ новый въ исторіи нашей словесности. Всякій подумаетъ, что университетъ уважаетъ не таланты, а графство. Державинъ великій поэтъ, но и на него писали критическія замѣчанія и печатали въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова“. И что же послѣ того будетъ въ ободреніе тѣмъ, которые не похожи на урода Хвостова, котораго произведенія, конечно, дѣлаютъ стыдъ нашей словесности. Я разгорячился, но право отъ того, что люблю пользу и славу земляковъ моихъ. Простите, любезный Дмитрій Ивановичъ, будьте здоровы, счастливы и продолжайте любить почитателя вашего Дмитріева.

---

34. Д. И. Языкову.

Москва. 1806 г. февраля 11-го дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Покорнѣйше благодарю васъ за обѣщанную вами протекцію кн. Шаликову; онъ уже послалъ жалобу къ попечителю Московскаго университета; если не получитъ себѣ удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я уже буду просить васъ исполнить или по первому, или по другому вашему предложенію. Что же касается до моихъ примѣчаній, то я писалъ ихъ не такимъ тономъ, какой требуется для критики, предназначаемой для публики, по сему и нельзя ихъ напечатать. Скоро ли выйдутъ вторая часть сочиненій Востокова и 2-я часть Трудовъ Академіи? Любопытствую и ту и другую видѣть, но по разнымъ причинамъ. Между тѣмъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

35. В. А. Жуковскому.

Москва. 1806 г. апрѣля 14-го.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и за участіе, пріемлемое вами во всемъ томъ, что до меня касается. Коммиссію вашу я исполнилъ на другой же день по полученіи письма вашего. Бекетовъ сказалъ, что охотно пришлетъ вамъ всѣ деньги, когда вы ни потребуете. Можетъ быть,

нхъ и получили, ибо онъ тогда же хотѣлъ писать вамъ, и это уже давно было. Долго ли вамъ жить въ деревнѣ? Долговременное уединеніе едвали не стольже вредно для автора, какъ неумѣренное разсѣяніе. По крайней мѣрѣ доставьте мнѣ удовольствіе сообщеніемъ вашихъ произведеній. Объ этомъ проситъ васъ тотъ, который, право, искренно любитъ и сердце ваше и умъ, всегда пребудетъ къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

36. А. И. Тургеневу.

(1806 г. Москва).

Любезный Александръ Ивановичъ. Безъ сомнѣнія, вы уже видѣли строгую рецензію великаго Каченовскаго на мои безделки[1]). Что теперь вы скажете о связяхъ, надеждахъ, любомудріи и счастіи сыновъ человѣческихъ? Давно ли этотъ мужъ дедиковалъ мнѣ свои переводы? Давно ли признавалъ меня достойнымъ своего одобренія? А теперь вознесъ на меня грозный бичь критики и желалъ бы въ одинъ мигъ уничтожить бѣдную мою славишку. Этого еще мало: хотѣлъ бы даже больно угрызть меня; вы это сами примѣтите. Я ни мало не огорчаюсь тѣмъ, что онъ замѣчаетъ мои погрѣшности въ слогѣ, въ языкѣ, въ приличности и проч. Это взаимность: я и самъ, хотя не печатаю, но одинъ на одинъ говаривалъ ему, что нельзя писать, какъ онъ пишетъ, заложить, вмѣсто *завести* фабрику, *ѣхать* на кораблѣ и пр., что не должно въ русскомъ журналѣ нападать на галлицизмы малороссійзмами. Замѣчать погрѣшности въ сочиненіи, еще повторю, не только позволительно, но и полезно, и добросовѣстный писатель никогда не долженъ сердиться въ такомъ случаѣ на добросовѣстнаго своего критика. Но къ чему вводить въ критику личности, какъ напримѣръ о спѣси сенаторской? Къ чему постороннія, злыя намѣренія? Если все такимъ образомъ будутъ журналисты наши писать, то нашъ литературный журналъ будетъ не иное что, какъ котомка, висящая на Паесквиновой статуѣ[2]). Это все я говорю между

---

[1]) О ней см. «Взглядъ на мою жизнь» ч. I, стр. 64 и прим. XII, автора.

[2]) Обломокъ неизвѣстной статуи на площади Pasquino, въ Римѣ, на которомъ, особенно въ средніе вѣка, писали ѣдкія эпиграммы на папъ.

[redacted]

нами: лишась по несчастію способа изъясняться съ милымъ Иваномъ Петровичемъ [1]) (въ разсужденіи языка его), мнѣ отрадно по крайней мѣрѣ вмѣсто него говорить, хотя съ милымъ сыномъ его. Господину же критику отвѣчать не намѣренъ. Пусть онъ остается въ сладкой увѣренности, что властенъ управлять вкусомъ публики и раздавать свои вѣнцы или отнимать ихъ, когда захочетъ. Я уже давно уволенъ съ Парнаса: топчи онъ сколько хочетъ мою книгу, лишь не мни подсолнечника въ огородѣ моемъ. Право, я говорю это отъ всего добраго сердца съ такою же искренностью, съ какою любилъ и всегда будетъ любить васъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

37. А. И. Тургеневу.

18-го мая 1806 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Вы дивитесь, что господинъ магистръ Каченовскій перемѣнилъ ко мнѣ свое высокоблаговоленіе. Чему дивиться? Онъ узналъ меня короче, узналъ болѣе мои недостатки и увѣрился, наконецъ, что въ русской литературѣ два только свѣтила: онъ со стороны вкуса, а Мерзляковъ въ поэзіи. Но тонкій вкусъ его не уважаетъ даже и въ Мерзляковѣ лирическаго таланта, а восхищается отъ его элегіаческихъ выраженій: „горемышно, ретиво сердце", „кто размыкаетъ мою тоску", „горючи слезы глаза выплакали", „проточили стѣну каменну", и проч. Къ тому же онъ запасся твореніями нашихъ знаменитыхъ поэтовъ Державина и Хераскова; къ тому же онъ увѣренъ, что мнѣ защищать себя не прилично, а другіе за меня не вступятся: всякъ стоитъ за себя только.

Правда, я не слѣдовалъ сему правилу, пиша „Орелъ и Змѣя", „Оселъ и Кабанъ" и другія подобныя піесы. Но, можетъ быть, поступокъ мой отнесутъ болѣе къ моей простотѣ и неосторожности.

Иные хотятъ увѣрить меня, будто и Мерзляковъ участвовалъ въ этой критикѣ; я и самъ подозрѣваю тираду о харак-

---

[1]) Тургеневымъ, отцомъ Ал-дра Ив. О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 17.

терѣ Гораціевыхъ сочиненій быть его произведеніемъ, ибо слогъ этой тирады совершенно отличенъ отъ слога всей критики. Впрочемъ, я не досадую на него, если онъ и внушилъ Каченовскаго: онъ другъ ему, а мнѣ ничего. Теперь остается мнѣ ожидать заключительнаго проклятія отъ петербургскихъ журналистовъ и потомъ отдать пальму, посвятить себя служенію одной Ѳемидѣ и забыть навсегда милую двадцатилѣтнюю привычку къ стихокропанію и лестное ободреніе публики. Вотъ какія чудеса можетъ настроить одинъ магистръ!

Плюгавый выползокъ изъ.. Де-Фонтена! [1])

Но я слишкомъ предался горячности оскорбленнаго поэта; важность судьи полагаетъ предѣлъ ей, а сердце велитъ васъ обнять и увѣрить въ искреннемъ почтеніи къ вамъ покорнѣйшаго слуги. Дмитріевъ.

Любезному Дмитрію Николаевичу [2]) скажите искреннее мое почтеніе и благодарность.

---

38. В. А. Жуковскому.

Москва. 1806 г. мая 25-го дня.

Простите меня, Василій Андреевичъ, что я такъ поздно вамъ отвѣчаю; право, не за лѣностью, а за недосугомъ. Платонъ Петровичъ извиняется предъ вами, что такъ долго не посылалъ къ вамъ денегъ: онъ самъ имѣлъ въ нихъ недостатокъ, и къ тому же не могъ угадать, сколько прислать, не зная, въ какой форматъ былъ оригиналъ, съ котораго вы переводили. И такъ, поспѣшите о послѣднемъ увѣдомить меня и вы, конечно, скоро получите. Читали ли вы рецензію г. Каченовскаго? Что же вы скажете теперь о вашемъ рыцарѣ, т.-е. обо мнѣ бѣдномъ? Гдѣ теперь хваленый вами баснописецъ? Гдѣ его чистота и гармонія въ стихотворствѣ, гдѣ его слава? Увы! увы! одно слово Каченовскаго, и прощай моя девятилѣтняя славишка! Самому за себя вступаться не ловко, а другимъ какая нужда! Шутки въ сторону, могли ли вы подозрѣвать, чтобъ Каченовскій могъ такъ скоро перемѣнить свое

---

1) Стихъ изъ эпиграммы Дмитріева «Отвѣтъ», написанной на Каченовскаго.

2) Блудову.

мнѣніе о моемъ талантѣ? Вы узнаете о томъ послѣ, а теперь знайте только, что я подозрѣваю и вашего Мерзлякова соучастникомъ въ этой критикѣ; по крайней мѣрѣ увѣренъ, что изъясненіе характера Гораціевой оды есть точно Мерзлякова. Знайте же и о томъ, что и тотъ и другой во всю зиму были у меня по одному разу въ недѣлю, и вѣрно,—никто ихъ не принималъ съ бо̀льшею ласкою. Но теперь я буду гораздо осторожнѣе; я ставлю себя выше того, чтобъ оскорбляться критикою какого-нибудь Каченовскаго, который хочетъ судить другихъ, а самъ въ то же время пишетъ „ѣхалъ на кораблѣ", „заложилъ фабрику", „заложилъ магазинъ", вмѣсто завелъ и учредилъ, и думаетъ вмѣсто галлицизмовъ обогащать насъ малороссизмами. Но пусть Каченовскій видитъ въ Мерзляковѣ единственнаго поэта, а этотъ въ немъ Лагарпа; пусть досточтимые цензоры запрещаютъ критику на Хвостова и позволяютъ на счетъ мой говорить самыя личности: я, право, равнодушенъ и, можетъ быть, еще сыщутся добрые люди, которые будутъ читать меня. Прощайте, любезный Василій Андреевичъ, пишите ко мнѣ, несмотря на медленность моихъ отвѣтовъ и продолжайте любить меня.

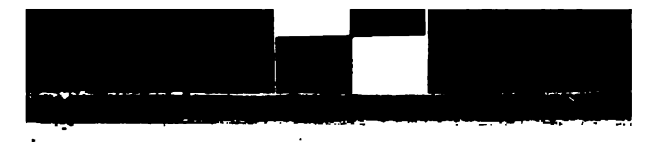
---

39. Д. И. Языкову.

(Москва. 1806 г. май).

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за письмо ваше. Какъ бы я желалъ увидѣться съ вами въ Москвѣ! Но ежели вы будете въ Іюнѣ, то мы можемъ и не увидаться, ибо я намѣренъ въ этомъ мѣсяцѣ съѣздить въ отчизну. Я имѣлъ удовольствіе получить отъ г. Востокова пріятный для меня подарокъ его сочиненій [1]. На будущей почтѣ буду благодарить его, а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить, какъ его имя и отчество? Я могъ бы о томъ справиться въ присланной отъ васъ росписи членовъ общества. но не могъ найти ее. Увѣдомьте меня, Дмитрій Ивановичъ, вышла ли третья книжка „Свитка Музъ" и еще переводъ Филанджеріа „О законадательствѣ". Желалъ бы я видѣть и то и

[1]) «Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ».

другое, а еще болѣе желалъ бы скорѣе увидѣть васъ и увѣрить лично въ томъ почтеніи, съ которымъ былъ и всегда пребуду покорнѣйшимъ вашимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Карамзинъ уже кончилъ вторую часть исторіи; но публика увидитъ ее не прежде, какъ по окончаніи четвертой части.

---

40. В. А. Жуковскому.

Москва. 1806 г. мая 30-го.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Спѣшу препроводить къ вамъ при семъ отъ брата Платона Петровича Бекетова въ особливомъ пакетѣ сто рублей ассигнаціями. Онъ посылаетъ къ вамъ еще два вырѣзка изъ каталога; увѣдомьте, съ котораго изъ означенныхъ изданій вы переводили, чтобъ вѣрнѣе ему знать, сколько слѣдуетъ вамъ получить денегъ. Не привыкши писать о такихъ расчетахъ, чувствую самъ, что написалъ все письмо не по-авторски, а по-подъячески. Скоро вы пріѣдете? Право совѣтую. По крайней мѣрѣ позволительно желать того искренно любящему васъ Дмитріеву.

---

41. Д. И. Языкову.

Москва. Іюня 2-го дня 1806 г.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Покорнѣйше благодарю васъ за пріятное ваше письмо и исполненіе моей коммиссіи. Надѣюсь, что вы по пріязни вашей не отречетесь исполнить и другую: приказать доставить прилагаемое при семъ письмо къ Александру Христофоровичу Востокову. Я не догадался спросить о его жительствѣ, и теперь боюсь, чтобы письмо мое не разъѣхалось съ вами. Я отложилъ отъѣздъ мой до іюля, слѣдственно ласкаю себя подчивать васъ чаемъ въ огородѣ моемъ, а между тѣмъ повторяю вамъ прежнія увѣренія въ искреннемъ моемъ почтеніи и любви, съ коими навсегда пребудетъ къ вамъ вашъ покорный слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

42. А. Х. Востокову.

(Москва). 2-го іюня 1806 г.

Милостивый государь мой Александръ Христофоровичъ. Пріимите отъ сердца моего новую благодарность за новый

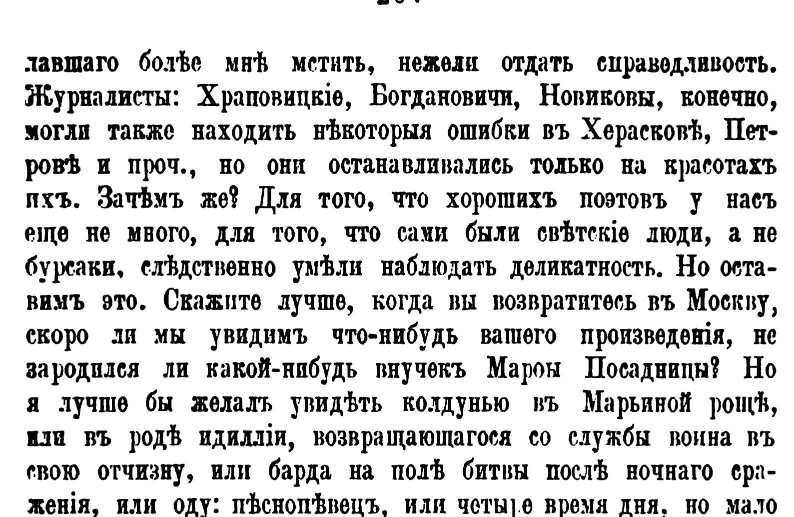
вашъ подарокъ. Вторая часть [1]) вашихъ произведеній доставила мнѣ такое же удовольствіе, какъ и первая; особенно же полюбился мнѣ вашъ повѣствовательный опытъ. Это едва ли не новый родъ въ нашей литературѣ; по крайней мѣрѣ, я досел֏ не читалъ на нашемъ языкѣ стихотворныхъ героическихъ сказокъ. Не охладѣвайте въ служеніи столь свѣтоносскому богу; иначе вы были бы къ нему неблагодарны. Довольствуйтесь тихою, но невинною, слѣдственно и пріятною жизнію. Съ вашимъ талантомъ, по которому я, кажется, отгадываю ваше сердце, вы вѣрно счастливѣе многихъ свѣтскихъ счастливцевъ: ихъ блага въ мечтахъ, а ваши въ сердцѣ. Письмо ваше могло бы упоить меня самолюбіемъ, но хорошо, что оно пришло вскорѣ послѣ Каченовскаго рецензіи на мои сочиненія. По крайней мѣрѣ я утѣшаюсь, что вижу въ васъ снисходительнаго судію моихъ талантовъ, и искренно благодарю васъ за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, пребывая навсегда съ отличнымъ почтеніемъ моимъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

43. В. А. Жуковскому.

(Москва. 1806 г.)

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Благодарю васъ отъ сердца за два пріятныя письма ваши и за стихотворное, весьма лестное для меня, привѣтствіе. Я недавно возвратился въ Москву, и потому только такъ поздно вамъ отвѣтствую. О планѣ вашемъ христоматіи скажу, что нельзя сдѣлать выбора съ большею разборчивостью; что же, по моему мнѣнію, прибавить или убавить, это вы увидите отмѣченнымъ на вашемъ листочкѣ, который при семъ возвращаю. Сверхъ того желалъ бы, чтобъ вы не передумали пріобщить къ каждому роду и наставленія, по примѣру издателей „Стихотворной Энциклопедіи“. О поступкѣ Каченовскаго я не скажу ни слова, ибо мнѣ и не ловко, и не прилично быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Пусть судятъ о томъ тѣ, которые довольно опытны, довольно знаютъ приличность и умѣютъ отличать здравомысленную критику отъ натяжекъ малороссійскаго школьника, же-

[1]) «Опытовъ лирическихъ и другихъ мелкихъ сочиненій въ стихахъ»

лавшаго болѣе мнѣ мстить, нежели отдать справедливость. Журналисты: Храповицкіе, Богдановичи, Новиковы, конечно, могли также находить нѣкоторыя ошибки въ Херасковѣ, Петровѣ и проч., но они останавливались только на красотахъ ихъ. Зачѣмъ же? Для того, что хорошихъ поэтовъ у насъ еще не много, для того, что сами были свѣтскіе люди, а не бурсаки, слѣдственно умѣли наблюдать деликатность. Но оставимъ это. Скажите лучше, когда вы возвратитесь въ Москву, скоро ли мы увидимъ что-нибудь вашего произведенія, не зародился ли какой-нибудь внучекъ Мароы Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ Марьиной рощѣ, или въ родѣ идилліи, возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или барда на полѣ битвы послѣ ночнаго сраженія, или оду: пѣснопѣвецъ, или четыре время дня, но мало ли что̀ приходитъ въ голову на досугѣ! Простите, вѣрьте искренней привязанности къ вамъ покорнаго вамъ слуги И. Дмитріева.

---

44. А. Х. Востокову.

(Москва). 23-го декабря 1806 г.

Милостивый государь мой. Спѣшу изъявить вамъ искреннюю благодарность мою за честь, сдѣланную мнѣ и письмомъ вашимъ и подаркомъ. Я уже полюбилъ васъ по тремъ или четыремъ піесамъ, напечатаннымъ во второй книжкѣ „Свитка Музъ“; съ того времени сочиненій вашихъ прибавилось, слѣдственно и любовь моя къ вамъ должна прибавиться. Ода ваша: къ фантазіи и царство очарованій исполнены прекрасными мѣстами и носятъ совершенно печать очаровательной поэзіи. Переводъ Руссовой кантаты и Волтеровой сказки доказываютъ, что вы умѣете чувствовать красоту и въ другихъ родахъ поэзіи и владѣть языкомъ стихотворнымъ. Вы предупредили мое желаніе, показавъ намъ опыты съ разныхъ размѣровъ греческихъ и римскихъ. Мнѣ давно хотѣлось, чтобы поэты наши пѣли не однимъ только ямбомъ и хореемъ: чѣмъ болѣе перемѣнъ въ музыкѣ, тѣмъ болѣе удовольствія для слушателя. Всѣ показанныя вами размѣры пріятны и въ нашей поэзіи, кромѣ Гораціанскаго, употребленнаго вами въ піесѣ: къ борею. По

крайней мѣрѣ онъ не такъ полюбился мнѣ, какъ прочіе. Вотъ, милостивый государь мой, все что хотѣлось мнѣ сказать на первый случай. Теперь позвольте мнѣ кончить, препорученіемъ себя въ дальнѣйшее ваше знакомство и увѣреніемъ въ нелестномъ почитаніи, съ коимъ навсегда имѣетъ честь пробыть вамъ, милостиваго государя моего, покорный слуга Иванъ Дмитріевъ.

45. П. П. Бекетову.

19-го марта 1808 г. Рязань.

Любезный братецъ Платонъ Петровичъ. Сердечно благодарю тебя, что ты не забываешь меня въ нашей разлукѣ, равно и за присылку книги. Отдаю полную справедливость чистотѣ и красивости изданія. Это послѣ Юнга второе щеголеватое изданіе. Я все еще пишу въ Рязани и по всему думаю, кончу не скоро. Лучшее мое здѣсь знакомство съ Третьяковымъ: и мужъ и жена умные и любезные люди. Иногда бываю и въ консертахъ, въ доказательство препровождаю при семъ двѣ здѣшнія афиши; пожалуй, братецъ, отошли ихъ отъ моего имени къ Аннѣ Львовнѣ [1]). Повѣрю, что безъ Сергѣя Сергѣича [2]) у васъ пусто. Слышали ли вы, что князь Прозоровскій [3]) опасно боленъ и его мѣсто уже заступилъ дюкъ Ришелье? Жаль, если съ этимъ перемѣнится и положеніе Сергѣя Сергѣича [4]). Поблагодари, братецъ, отъ меня Ивана Алексѣевича за..... билетъ; деньги отдамъ ему при первомъ съ нимъ свиданіи, разумѣется здѣсь, а не въ поляхъ Елисейскихъ. А если туда отправлюсь противъ моего желанія, въ такомъ случаѣ уже ты съ нимъ разочтись на счетъ моего дома. Грустно этимъ кончить, а право писать болѣе ничего не придумаю. И такъ, прости, братецъ, будь увѣренъ всегда въ искренней къ тебѣ привязанности и дружбѣ Ивана Дмитріева.

Видѣлъ ли ты, братецъ, слѣпокъ съ печати, отдалъ ли ее рѣзать и получу ли я ее скоро?

---

[1]) Пушкиной.
[2]) Кушникова. О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 76.
[3]) Генералъ-отъ-инфантеріи князь А. А. Прозоровскій въ это время участвовалъ въ турецкой кампаніи.
[4]) С. С. Кушниковъ служилъ адъютантомъ при князѣ Прозоровскомъ, когда послѣдній былъ московскимъ главнокомандующимъ.

46. А. И. Тургеневу.

21-го іюля 1809 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. За пріятное исьмо ваше и сообщеніе книгъ, которыхъ я еще не получилъ, лѣшу принести вамъ искреннюю благодарность мою. Сдѣлайте илость, не замедлите доставленіемъ и стихотворнаго посланія ъ Саратовцу, также и другой пьесы при случаѣ. Я совсѣмъ е знаю новаго библіографическаго опыта [1]); вы одолжите меня, :ли и его пришлете. Да покорнѣйше васъ прошу еще увѣомить меня, есть ли у петербургскихъ книгопродавцевъ ›es oeuvres de M-r Lebrun, стихотворца, и „Recueil des meil›urs plaidoyers", и что они стоятъ? Я уже давно читалъ бъ нихъ во французскихъ журналахъ, но здѣсь не продатся. Что мнѣ сообщить вамъ въ отплату о здѣшней слоесности, упражняющей большею частію безсловесныхъ? Въ гихахъ читалъ нѣсколько риѳмъ на случай поднесенія [. С. Валуеву [2]) отъ подчиненныхъ златаго кубка, съ изображеіемъ на немъ пеликана. Въ прозѣ вышло „Ложный Петръ П или исторія Пугачева" [3]); первый томъ переведенъ съ ›ранцузскаго и наполненъ небылицами, а второй для вѣсу оставленъ изъ манифеста и списка всѣхъ погибшихъ отъ него ворянъ. Вы тутъ найдете: сострадательный поступокъ Пугаева, несчастный Пугачевъ и пр., и пр. Издатель, увидя ольшой расходъ на эту книгу, тотчасъ вслѣдъ за нею выалъ еще и другую, подъ именемъ „Анекдоты" [4]) того же героя, омѣстя въ нихъ сказанія изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ „La chaumière russe", „Alexandra" и пр., и черезъ 0 лѣтъ сіи двѣ книги пойдутъ за исторические документы. [ихъ печатаютъ, къ стыду націи, съ дозволенія невинныхъ енсоровъ, которые хотя и профессоры или кандидаты, но мо-

---

[1]) А. Н. Оленина «Опытъ новаго библіографическаго порядка для .-Петербургской Императорской библіотеки». С.-Пб. 1809 г.

[2]) Петръ Степановичъ Валуевъ, главноуправляющій кремлевскою экспедиціею и оружейною палатой.

[3]) «Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева». Москва 1809 г. 2 ч. По содержанію «преглупый и есвязный романъ». (См. журн. «Цвѣтникъ» 1809 г., ч. I, стр. 377).

[4]) «Анекдоты о бунтовщикѣ и самозванцѣ Емелькѣ Пугачевѣ». М. 809 г.

жетъ быть еще въ первый разъ и сами узнали о всемъ отъ чужестранныхъ писателей! Я уже ничего не говорю со стороны нравственной и политической. Но какъ я самъ бывалъ въ цехѣ литераторовъ, то не могу не вздыхать, что такъ безславится наша литература. Простите, любезный Александръ Ивановичъ, вѣрьте душевному почтенію къ вамъ и привязанности. И. Дмитріевъ.

PS. Вотъ еще черта о тѣхъ же ценсорахъ: недавно они не пропустили хронологической таблицы подполковника Свѣчина, бывшаго въ послѣдней кампаніи нашей войны съ Франціей за то, что онъ помѣстилъ въ нихъ выигранными нами баталіи при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау и проч.

---

47. А. И. Тургеневу.

12-го августа 1809 г. Москва.

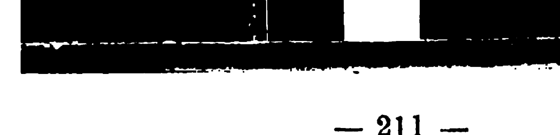
Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за дружеское обѣщаніе ваше выписать для меня Лебрюна и изданіе лучшихъ plaidoyers, равно какъ и за сообщеніе предъ симъ двухъ русскихъ произведеній. Одно изъ нихъ я отошлю къ Карамзину, который, конечно, признателенъ будетъ къ автору, что онъ пріурочилъ его къ Языкову, а другое — погрузилъ въ бюро. Мнѣ совѣстно было съ строгостію разбирать его. Дойдя до авторскихъ упрековъ молодымъ людямъ, что они вмѣсто того, чтобъ волочиться за женщинами и быть любезными, хотятъ мыслить, и встрѣтя между тѣмъ нѣсколько улыбокъ дарованію, я увѣрился, что это писано еще очень молодымъ человѣкомъ, который можетъ со временемъ и зрѣлѣе мыслить и правильнѣе выражать свои мысли на отечественномъ языкѣ, если это писалъ русскій. Отрывки изъ поэмы [1]) князя Шихматова я уже давно читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; желалъ бы видѣть произведенія и другого князя [2]), также и господина Истомина [3]), только съ тѣмъ,

---

[1]) «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ», разборъ которой напечатанъ въ «Русск. Вѣстникѣ» 1809 г., кн. I.

[2]) Вѣроятно, кн. П. А. Вяземскаго.

[3]) Семенъ Истоминъ одинъ изъ плохихъ писателей того времени, бывшій предметомъ насмѣшекъ, въ 1809 г. издалъ два сборника плохихъ разсказовъ: «Два дни» и «Несчастіе отъ лишняго поцѣлуя».

чтобы не платить вамъ за нихъ вѣсовыхъ, а прислать съ какимъ-нибудь обозомъ; такимъ образомъ я могу вѣрнѣе получить, нежели посредствомъ г. Боголюбова [1]). Этотъ, по словамъ Пушкина, любезный человѣкъ, недавно бывшій въ Парижѣ, обѣдавъ у знакомой мнѣ дамы, сказывалъ самъ ей, что у него въ карманѣ письмо ко мнѣ; черезъ нѣсколько дней, встрѣтясь съ тою же дамою, повторилъ ей опять то же; прошло еще нѣсколько дней, и я слышу, что онъ уже ускакалъ въ Орелъ, и пакетъ вашъ туда же. Это ли парижская вѣжливость? Горе наслѣднику, къ которому пошлетъ съ нимъ дѣдушка свою духовную!

Любезный, но крайне увалчивый, Жуковскій, собирая года три свою христоматію [2]), обѣщая къ каждому роду стихотворенія написать краткое наставленіе, которое могъ бы онъ, не ломая головы своей, перевести изъ „Petite encyclopédie poétique [3]), кончилъ все это тѣмъ, что печатаетъ сборъ всякой всячины. Тутъ вы найдете и пѣвцовъ, и птенцовъ. Даже есть притча моего пюпиля [4]), который сочинилъ ее по заказу, будучи еще въ іезуитскомъ пансіонѣ, и которая, конечно, не можетъ быть въ числѣ образцовыхъ. Согласенъ съ вами, что трудно набрать много примѣровъ: если бы кто вздумалъ, подражая Попу, написать „l'art de ramper", это было бы другое дѣло. На нашемъ языкѣ я только и знаю одну оригинальную дидактическую поэму Притчи, которую сочинилъ графъ Хвостовъ, а перевелъ на французскій учитель его сына. Она расхвалена и учителемъ, и издателемъ „Цвѣтника" и хранится у всѣхъ книгопродавцевъ. Здѣсь еще нѣтъ сочиненія Герена „О вліяніи крестовыхъ походовъ" [5]) и пр. Очень одолжите,

---

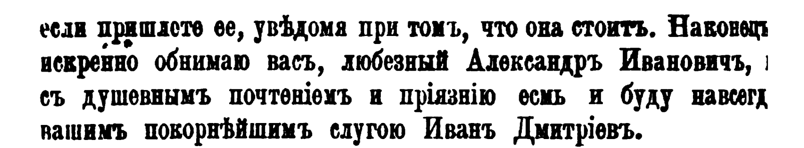
[1]) Боголюбовъ служилъ въ министерствѣ иностр дѣлъ.

[2]) «Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ». Москва. 1810—1815 г. 6 ч.

[3]) «Pétite encyclopédie poétique». Paris. 1804. 12 vol.

[4]) Сѣверина. Въ «Собраніи русскихъ стихотвореній», ч. III (стр. 141), помѣщена его басня «Мышь». Дм. Петр. Сѣверинъ (род. 1791 г., ум. 1865 г.). къ которому Дмитріевъ питалъ самыя нѣжныя чувства, служилъ въ министерствѣ юстиціи. Впослѣдствіи посланникъ при Баварскомъ дворѣ.

[5]) Геренъ (Heeren) (род. 1760 г., ум. 1842 г.), извѣстный нѣмецкій профессоръ-историкъ. Названная книга вышла на франц. яз., подъ заглавіемъ «Essai sur l'influence des croisades». Paris. 1808.

если пришлете ее, увѣдомя при томъ, что она стоитъ. Наконец искренно обнимаю васъ, любезный Александръ Ивановичъ, с душевнымъ почтеніемъ и пріязнію есмь и буду навсегд вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

48. А. И. Тургеневу.

24-го октября 1809 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Чувстви тельно благодарю васъ за дружеское и пріятное ваше письм равно и за двѣ книги; за одну препровождаю при семъ к вамъ деньги, а за другую письмо, которое покорнѣйше прош васъ доставить князь Павлу Гавриловичу [1]) и взять на себ трудъ увѣрить его, сколько я тронутъ его вниманіемъ.

Николай Михайловичъ [2]) получилъ ваши книги. Пожалѣйт объ немъ: онъ возвратился изъ подмосковной съ лихорадко и теперь еще отъ нея не освободился.

И такъ, ваши невскіе поэты наперерывъ стремятся к храму безсмертія! Сколько явилось трагиковъ, и все не знакомцы! Какое отважное предпріятіе! Бывало, я дивился какъ можно, подобно великому Роде, писать самъ-пятъ, и самъ-шестъ водевили, а наши земляки съ такою же легкості научились писать и самыя трагедіи! Не презирайте, однакожъ и нашихъ стихотворцевъ. Алексѣй Пушкинъ перевелъ в одно лѣто „Федру“ и „Тартюфа“ [3]), а Кокошкинъ доканчи ваетъ „Мизантропа“ [4]). Но лирики наши молчатъ; вѣроятно Пегасъ еще не отдохнулъ отъ вашего витязя [5]). Жаднича

---

[1]) Гагарину, автору книги «Тринадцать дней или Финляндія». Москв [illegible] г. (Впечатлѣнія поѣздки въ свитѣ Имп. Александра I въ 1809 [illegible] Финляндіи).

[2]) Карамзинъ.

[3]) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (род. 1769 г., ум. 1825 г.), род [illegible]икъ В. Л. Пушкина, извѣстный острякъ, любитель театра и плохої [illegible]. Переводъ «Федры» Расина не былъ изданъ, а «Тартюфъ» вышел [illegible] г. подъ заглавіемъ «Ханжеевъ или Лицемѣръ». Ком. въ 5 дѣ[illegible] М. 1810 г.

[4]) [illegible] Ѳедоровичъ Кокошкинъ (ум. 1838 г.), извѣстный театра[illegible] [illegible]реводчикъ многихъ піесъ. Онъ служилъ московскимъ прокуро[illegible] [illegible]дствіи былъ директоромъ московскихъ театровъ. Его пе[illegible] [illegible]антропа» Мольера вышелъ въ Москвѣ въ 1816 г.

[5]) [illegible] Хвостова.

тать оду его. Для меня нѣтъ посредственности: давай мнѣ и самое прекрасное или самую пакость, и въ послѣднемъ учаѣ этотъ риѳмачъ всегда меня интересуетъ. Вы обрадоли меня, что и при послѣднемъ мирѣ [1]) будетъ намъ доля. насъ уже давно вся публика въ ожиданіи торжествъ и аздниковъ, а между тѣмъ забавляется вашими актерами и нсіорами. Жоржъ [2]) будетъ въ первый разъ играть въ слѣющую пятницу. Вотъ всѣ наши новости. Оканчиваю старию, что я душевно васъ люблю и съ совершеннымъ почтеэмъ пребуду къ вамъ навсегда покорнѣйшимъ слугою Иванъ митріевъ.

---

49. А. И. Тургеневу.

(1810 г. ?)

Ради Бога, извините меня, Александръ Ивановичъ, что не исполнилъ ни вашей, ни матушкиной коммиссіи, потому го у меня одинъ только и есть слуга, который посланъ на чту, и еще не пришелъ, а мнѣ самому крайняя нужда окончить еще мои визиты. Почему и возвращаю вамъ и леты и деньги, чтобъ вы не могли пропустить время.

---

50. В. С. Попову [3]).

Мая 8-го 1810 г. (С.-Петербургъ).

Милостивый государь Василій Степановичъ. Имѣю честь препроводить при семъ книгу „Жизнь Потемкина“ [4]); причемъ изволъте изъявить вашему высокопревосходительству за ссуду мою чувствительную благодарность мою, а съ тѣмъ вмѣстѣ увѣрить васъ, милостивый государь, въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими навсегда былъ и пребудетъ, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Въ 1809 г., какъ извѣстно, былъ заключенъ миръ со Швеціею, во Фридрихсгамѣ, по которому мы получили Финляндію.

[2]) Жоржъ (M-lle Georges) (род. 1787 г., ум. 1867 г.), извѣстная французская актриса, съ 1809—1812 г. игравшая въ Москвѣ и Петербургѣ.

[3]) О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 73.

[4]) «Жизнь князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, служащая дополненіемъ къ царствованію Екатерины II». Спб. 1808 г.

51. В. В. Измайлову.

С.-Петербургъ. 1810 г. декабря 7-го.

Я имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія Государя Импе-тора объ учреждающемся въ Москвѣ институтѣ для образова юношества. Его Императорскому Величеству пріятно бы слышать, что вы, милостивый государь мой, вопреки пред-бѣжденіямъ, рѣшились принять на себя почтенную обязаннос быть директоромъ сего института; во изъявленіи же свое къ вамъ благоволенія, Государь Императоръ высочайше по-лѣлъ мнѣ препроводить къ вамъ подарокъ, у сего прила-емый. Спѣша исполнить высокомонаршую волю, за особен удовольствіе поставляю увѣрить васъ въ совершенномъ почтен. съ которымъ имѣю честь быть, милостивый государь мо, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

52 Г Р Державину.

(1810—1814 г. С.-Петербургъ).

Не преминую войти въ прописанныя вами обстоятельст, милостивый государь, Гаврило Романовичъ. Вчера я не спа съ 9 часу, а не могъ принимать никого потому, что друг день потерялъ голосъ и слабъ грудью, слѣдовательно нуж было хранить молчаніе, хотя и нынѣ въ томъ же положен. но всѣмъ сердцемъ хочу васъ видѣть и буду васъ ожидат. И такъ, до свиданія. Вашего высокопревосходительства покор нѣйшій слуга Дмитріевъ.

---

53. В. А. Жуковскому.

С.-Петербургъ. 1811 г. апрѣля 18-го.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Съ боль шимъ удовольствіемъ получилъ я ваше изданіе русски поэтовъ и спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность мою за подарокъ и за честь, мнѣ сдѣланную. Вы столь хоро ко мнѣ расположены, что даже прибавили мнѣ и звѣзду н моемъ портретѣ, и потомство по этой прибавкѣ будетъ боль обо мнѣ думать, нежели что я былъ въ самомъ дѣлѣ. Во вамъ и критическое замѣчаніе, чтобъ не показать, что усыпили мое безпристрастіе вашимъ подаркомъ. Надѣюсь, ч

;атель спокойно передасть его московскому граверу. А. И. Тургевъ польстилъ меня, что вы будете въ Петербургѣ. Искренно лалъ бы васъ видѣть. Впрочемъ, гдѣ-бы вы ни были, всегда цете близки къ сердцу, исполненному къ вамъ почтенія и іязни. Иванъ Дмитріевъ.

54. В. А. Жуковскому.

С.-Петербургъ. 1811 г. ноября 20-го.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Чувствиьно благодарю васъ за подарокъ вашъ собраніемъ русскихъ ихотворцевъ; хотя вы не слишкомъ разборчивы были въ ібор҄ѣ пьесъ, но тѣмъ не менѣе оказали, конечно, услугу юбителямъ русской словесности. Сколько я ни отдаленъ отъ съ, но повѣрьте, что вездѣ и всегда васъ помню. Искреннее алъ участіе въ вашей горести [1]), и хвалю васъ теперь, ю пріобрѣли убѣжище для отдыха отъ суетъ житейскихъ. о свиданія, любезный Василій Андреевичъ. Будьте здоровы, юкойны духомъ, наслаждайтесь мирною жизнію въ объятіяхъ ружбы, подъ покровительствомъ Музъ и Минервы. Я желаю імъ того, чѣмъ и самъ всегда прельщался, чего-бы ни на ю не промѣнялъ. Искренній вашъ почитатель Дмитріевъ.

55. А. И. Тургеневу.

(1813 г. Москва).

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. На сей ючтѣ отправится отсюда въ Благотворительную Коммиссію ідѣтельство о разореніи здѣшняго почтамтскаго доктора йілера. Онъ мнѣ давно знакомъ и я дѣйствительно увѣренъ ъ томъ, что онъ потерялъ почти все свое имущество, довеінъ содержать жену, тещу, своячину и дочь однимъ только лованіемъ, котораго получаетъ не болѣе 600 рублей. Приіьте къ тому, что пятидесятилѣтняя старость уже не позіляетъ ему имѣть большой практики, въ которой онъ по ікуству своему не имѣлъ недостатка. Сдѣлайте мнѣ одоліе, любезный Александръ Ивановичъ, объясните, когда

[1]) Кончина матери Жуковскаго.

надобно будетъ, о всѣхъ обстоятельствахъ этого почте
человѣка князь Александру Николаевичу [1]). Зная располо
его къ христіанскимъ добродѣтелямъ, я почти увѣре
успѣхѣ моего ходатайства, если вы, по свойственной
чувствительности и по пріязни вашей ко мнѣ, возьмет
себя быть моимъ органомъ.

Я хотя и въ Москвѣ, но вижусь съ Карамзиным
часто, ибо онъ живетъ еще въ деревнѣ.

На сихъ дняхъ получилъ я довольно новостей пете
ской словесности: отъ двухъ сенаторовъ по одѣ; отъ о
изъ двухъ еще и переводъ Горація и Буало о стихотворств
да отъ преосвященнаго и прелюбезнаго Θеофилакта „Э
ческія разсужденія" Ансильона [3]). Разумѣется, что я на
чтеніе мое съ послѣдней, дабы она вразумила меня
почувствовать изящность первыхъ.

Прошу васъ сказать мое почтеніе Алексѣю Николае
Оленину, и попросить его, не можно ли поскорѣе доста
ко мнѣ виньеты къ моимъ сочиненіямъ. Между тѣмъ,
вамъ возможныхъ благъ, съ нельстивымъ почтеніемъ
честь быть покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

56. В. А. Жуковскому.

С.-Петербургъ. 1813 г. февраля 20-

Любезный Василій Андреевичъ. Съ большимъ удо
ствіемъ читалъ я ваши послѣднія произведенія; съ удо
ствіемъ, какое сродно имѣть только тому, кто самъ з
цѣну искусства и не завидуетъ, но сорадуется чужимъ т
тамъ. Жаль только, что въ „Пѣвцѣ въ станѣ Русс
Воиновъ", въ строфѣ „о старецъ, да услышимъ твой" и

---

[1]) Голицыну. О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 62.

[2]) Переводъ гр. Хвостова «Науки о стихотворствѣ» Буало 1813 г. вышелъ 2-мъ изданіемъ, съ прибавленіемъ перевода «Пос къ Пизонамъ» Горація.

[3]) «Эстетическія разсужденія» Ансильона, пер. съ франц. студен С.-Петербургской Духовной Академіи, подъ руководствомъ Θеофил Арх. Рязанскаго. (Спб. 1813 г.). Θеофилактъ Русановъ (род. 176 ум. 1821 г.) съ 1809 г. былъ архіепископомъ Рязанскимъ и съ 181 экзархомъ Грузіи.

оятно есть ошибки переписчиковъ; напримѣръ, въ слѣдую-
съ 4-хъ стихахъ:

«Не тщетной славы предъ тобой,
Не мщенія дружины,
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками!»

ie понимаю смысла; кажется, что тутъ какой-нибудь гла-
ъ пропущенъ. Также и въ слѣдующемъ:

Пой, лебедь! Свергнуть ихъ мечемъ,
Съ племенъ порабощенье [1]).

Но это не помѣшало всѣмъ отдать справедливость изя-
ству вашей поэзіи. Вчера Государыня, вдовствующая Им-
атрица, можно сказать, съ восторгомъ изволила хвалить
и препоручила мнѣ просить васъ, чтобъ вы прислали ко
ѣ вашу піесу, переписанную собственной вашей рукою. Она
ваетъ сама сдѣлать ей второе изданіе, а я къ этому при-
окупляю и мою просьбу, чтобъ вы позволили мнѣ препо-
нить кому либо изъ моихъ знакомцевъ припечатать въ концѣ
си легкія историческія примѣчанія, иныя даже необходимыя.
дѣюсь, Василій Андреевичъ, что вы примите за благо мои
оціаціи и дозволите мнѣ гордиться успѣхомъ. Я не пеняю,
вы перестали ко мнѣ писать; чувствую самъ, что некогда,
желаю, однакожъ, чтобъ вы съ присылкою вашей пьесы
ідомили меня по-авторски, и кратко и подробно, о всѣхъ
ихъ воинскихъ подвигахъ. Карамзинъ все еще въ Ниж-
ъ, и В. Пушкинъ тамъ-же; а я все еще здѣсь, но часто
ленно гляжу на собственное пепелище, гдѣ нѣкогда надѣялся,

Что солнце дней моихъ въ безмолвіи зайдетъ
И мой послѣдній взоръ на друга устремя... [2])

ощайте, любезный Василій Андреевичъ, да хранитъ васъ
гость небесная и возвратитъ тѣмъ, кои васъ искренно лю-
ъ. Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Во 2-мъ изд. «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» (Спб. 1813 г.)
хи эти напечатаны съ слѣдующими поправками:

Не тщетной славы предъ тобой,
Но мщенія дружины. . . . . .
. . . .
Пришло разрушить ихъ мечамъ
Племенъ порабощенье. . . . . .

[2]) Перифразъ заключительныхъ стиховъ изъ стихотворенія Дмитріева
ъ друзьямъ моимъ».

P.S. Молитва моя сбылась, о чемъ я уже узналъ по написаніи письма, которое приготовлено было въ армію [1]).

57. В. А. Жуковскому.

С.-Петербургъ. 12-го мая 1813 г.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Получивъ выправленный экземпляръ прекраснаго вашего сочиненія [2]), имѣлъ я счастіе поднести оный Ея Императорскому Величеству, которая, удостоивъ особенною милостію приношеніе ваше, соизволила приказать мнѣ доставить вамъ, милостивый государь мой, прилагаемый у сего перстень, какъ знакъ Ея благоволенія. Изъ копіи съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго по сему случаю на мое имя, изволите вы усмотрѣть лестный отзывъ Государыни Императрицы о чувствахъ и дарованіяхъ вашихъ. Ей угодно было поручить мнѣ изданіе въ свѣтъ вашего творенія, и вы можете судить, сколь пріятно для меня быть исполнителемъ Ея воли. Примите, милостивый государь мой, чувствительную мою благодарность за письмо ваше. Оно доставило мнѣ истинное удовольствіе, показавъ, что вы еще меня любите; оно живо напомнило мнѣ Москву, друзей моихъ и пріятные часы, проведенные съ ними. Къ тому жъ оно подало мнѣ извѣстіе о здоровьѣ вашемъ, и я сердечно радуюсь, узнавъ, что вы опять наслаждаетесь спокойствіемъ въ любимомъ вашемъ уединеніи. Впрочемъ, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

P.S. Сердечно благодарю васъ, любезный Василій Андреевичъ, и за дань, которую вы вмѣсто меня заплатили незабвенному Козлятеву [3]). Вы знаете, какъ я любилъ его и чего мнѣ стоитъ эта потеря! Но она была не послѣдняя. Въ концѣ минувшаго года я потерялъ брата [4]), а на дняхъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ матушки.

---

[1]) Въ августѣ 1812 г. Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе; состоялъ при князѣ Кутузовѣ, но, заболѣвъ, въ январѣ 1813 г. возвратился въ Москву.

[2]) «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ».

[3]) См. «Взглядъ на мою жизнь», стр. 94.

[4]) Ѳедора Ивановича. О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», стр. 131.

58. В. А. Жуковскому.

Москва. 1813 г. октября 22-го.

Милостивый государь и любезный Василій Андреевичъ. ренно благодарю васъ за дружеское письмо и доставленіе красной вашей дедикаціи. Желаю и совѣтую вамъ напе-ать ее въ Вѣстникѣ [1]). Государыня не благоволила позво-ь ее напечатать при вашемъ сочиненіи, единственно изъ мности, будучи сама издательницею онаго. Новое же изда-дѣлать не совѣтую: это было бы не прилично и заставило бы умать, что вы не довольны послѣднимъ изданіемъ. Другое о, когда оно все разойдется. Вы, можетъ быть, скажете, о новомъ изданіи не дошло бы до свѣдѣнія Государыни,— бетесь, ибо она всѣ книжныя объявленія имѣетъ любо-ство читать, какъ ни глупо оныя у насъ пишутъ. Я надѣюсь долго пробыть въ Москвѣ; уже я купилъ садъ (получше пре-го, но только сомнѣваюсь, счастливѣе ли въ немъ буду книго), съ обгорѣлою кухнею. Для Діогена было бы этого до-ьно; но развращеный сынъ природы, несмотря на 55 лѣтъ, за-іляетъ еще строить опять домъ; желаетъ, боится и наконецъ ряетъ себя Лафонтеновымъ стихомъ, имъ же испорченнымъ:

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится [2]).

Послѣ этого стиха прошу не напоминать мнѣ старика и ть, или я заткну уши. Нетерпѣливо желаю съ вами уви-ься, между тѣмъ заочно васъ цѣлую и съ искреннимъ теніемъ пребуду, преданный вамъ И. Дмитріевъ.

---

59. А. И. Тургеневу.

11-го января 1814 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Чув-ительно благодарю васъ за письмо и за присылку надгроб-э слова несчастному Моро [3]). Въ тоже время получилъ его

---

[1]) Посвященіе Жуковскаго вдовствующей императрицѣ Маріи Өео-внѣ, издавшей его «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», напечатано Вѣстникѣ Европы» 1814 г., ч. 73, № 4.

[2]) Стихъ изъ басни Дмитріева «Старикъ и трое молодыхъ».

[3]) «Éloge funèbre de Moreau» С. С. Уварова. St. Pétersbourg. 1813. о (Jean Victor Moreau) (род. 1761 г.). извѣстный французскій гене-, временъ республики, съ 1813 г. поступившій на русскую службу томъ же году умершій отъ раны, полученной въ сраженіи при Дрезденѣ

и отъ самого автора. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, увѣры въ моей признательности, равно какъ и въ почтенія к таланту. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ его пр деніе. Если можно чего пожелать, къ большему его сове ству, такъ развѣ только подробнѣйшаго изложенія вои подвиговъ прославленнаго полководца; впрочемъ, всѣ у оратора исполнены.

Поздравляю васъ не съ однимъ новымъ годомъ, но концомъ минувшаго: я очень порадовался, увидя въ газ о пожалованіи васъ статскимъ совѣтникомъ; не меньше і участіе и въ Николаѣ Ивановичѣ [1]). Дай Богъ и ему счаѣтіе.

Между тѣмъ, съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и вязанностію имѣю честь быть вашего высокородія покорн слуга Иванъ Дмитріевъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ [2]) прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе.

---

60. Графу Н. П. Румянцову.

С.-Петербургъ. 1814 г. сентября 4

Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ. П ное письмо вашего сіятельства я имѣлъ честь получить чиновника иностранной коллегіи и тогда же покровитель маго вами молодого человѣка опредѣлилъ въ департа Весьма сожалѣю, что не могъ исходатайствовать Новоси награду за добрую службу его: записка объ немъ давно изготовлена. но я во все пребываніе Императора не счастія докладывать, почему и не могъ ничего болѣе сд какъ передать ее, вмѣстѣ съ прочими, моему преемнику. я замѣшкался отъѣздомъ моимъ въ Москву только потому, ч еще занять денегъ для расплаты съ должишками и рогу. Позвольте, ваше сіятельство, прибѣгнуть еще къ снисхожденію и покорнѣйше просить васъ позволить мнѣ на десять, не болѣе, занять комнаты три въ вашихъ соляхъ. Надѣюсь, что къ этому времени поспѣетъ нѣс

---

[1]) Н. И. Тургеневъ, братъ Александра Ивановича.

[2]) Мать Тургеневыхъ.

ıерегородка вверху и въ моемъ строющемся домѣ. Наканунѣ ашего отбытія изъ Петербурга я пріѣзжалъ къ вамъ откла-яться и принести душевную благодарность мою за всѣ дока-ательства вашего ко мнѣ благорасположенія, но не засталъ же васъ въ загородномъ домѣ. Впрочемъ, съ душевнымъ высо-опочитаніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашего іятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

61. А. И. Тургеневу.

24-го декабря 1814 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Надѣюсь, іто вы и по пріязни вашей ко мнѣ, и по чувствительности ашего сердца не поставите мнѣ въ докучливость ходатайство юе объ Аннѣ Львовнѣ Пушкиной, сестрѣ Василья Львовича. Эна сегодня послала въ „Благотворительное Общество“ просьбу бъ оказаніи ей вспоможенія за потерю дома и всего, что въ емъ было. Сдѣлайте милость, помогите ей: состояніе ея, право, аслуживаетъ состраданія. Возвратясь по-неволѣ на пепелище, олжна была двѣ зимы дрогнуть въ пакостномъ домишкѣ за орогую цѣну, строиться снова и для того входить въ долги, і растроиваться на всю жизнь. Какъ все это тяжело, по ебѣ знаю, и тѣмъ убѣдительнѣе прошу объ облегченіи участи Анны Львовны. Съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю іесть быть вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

62. В. А. Жуковскому.

Москва. 1816 г. января 8-го.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Истинно порадовали вы меня дорогимъ вашимъ подаркомъ [1]), и я спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою. Съ нетерпѣніемъ буду ждать послѣдующихъ частей. Между тѣмъ покорнѣйше прошу васъ, любезный Василій Андреевичъ, принять и отъ меня послѣднее изданіе моихъ басенъ [2]). Парнасскому инвалиду нечѣмъ отдаривать, какъ старыми пожитками.

---

[1]) «Переводы въ прозѣ» В. А. Жуковскаго вышли въ 1816—17 г.
[2]) «Басни и сказки», вышедшія въ 1810 г., 3-мъ изданіемъ.

Впрочемъ, экземпляръ давно былъ для васъ приготовленъ, но по смутнымъ обстоятельствамъ, не зная вашего мѣстопребыванія, я отлагалъ доставленіе онаго до надежнаго случая. Заключаю привѣтствіемъ васъ съ новымъ годомъ, душевнымъ желаніемъ вамъ возможнаго благополучія и искреннимъ увѣреніемъ васъ въ отличномъ уваженіи преданнаго вамъ навсегда И. Дмитріева.

---

63. А. И. Тургеневу.

16-го марта 1816 г. Москва.

Искренно благодарю васъ, милостивый государь, любезный Александръ Ивановичъ, за доставленіе копіи съ Высочайшаго указа объ изданіи Библіи на славянскомъ и русскомъ языкахъ [1]). Таковое изданіе будетъ полезнѣйшимъ подаркомъ, и не въ одномъ отношеніи, не только для простолюдиновъ, но и для высшаго класса, и даже для нашей братьи, хотящихъ называться писателями.

Благодарю васъ не меньше и за то, что вспомнили отшельника, дремлющаго на пепелищѣ, въ ожиданіи долгой ночи. Онъ совершенно сиротствуетъ. Петербургъ завладѣлъ и друзьями его, и московскими сладкопѣвцами. Отдайте намъ хотя Василія Львовича [2]).

Между тѣмъ искренно васъ обнимаю, поручая себя въ продолженіе вашей пріязни и свидѣтельствуя душевное почтеніе, съ которымъ навсегда пребудетъ искренно васъ любящій покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

64. А. И. Тургеневу.

10-го іюля 1816 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и сообщеніе мнѣ вашего отчета [3]). Требуя отъ меня критики, вы, конечно,

---

[1]) Въ 1816 г. состоялось Высочайшее повелѣніе президенту Россійскаго Библейскаго Общества объ изданіи библіи съ переводомъ на русскій языкъ. А. И. Тургеневъ, бывшій секретаремъ этого общества, вѣроятно, по просьбѣ Дмитріева, и прислалъ копію съ этого указа.

[2]) Пушкина.

[3]) А. И. Тургеневъ въ то время былъ правителемъ дѣлъ Женскаго Патріотическаго Общества. Написанный имъ первый отчетъ дѣятельности этого общества, напечатанъ въ «Сынѣ Отеч.» 1816 г. ч. XXXI, № 29

\ополагаете во мнѣ самую холодную душу: можно ли искать)статковъ въ слогѣ въ такомъ родѣ сочиненія, которое ıетъ человѣколюбіемъ, милостынею и пользою? Я читалъ съ большимъ участіемъ отъ первой до послѣдней страницы, аключеніе ваше назову, безъ всякой лести, прекраснымъ изведеніемъ искуснаго литератора. Искренно раздѣляю съ и чувство о потерѣ Ивана Владиміровича [1]) и всегда съ женіемъ вспомню имя его; а о кончинѣ Державина всегда)хну отъ сердца. Онъ былъ геній, благонамѣренный граж-инъ, и нѣкогда любилъ меня. Наконецъ, заключаю сердечнымъ :аніемъ, чтобъ и вы не переставали любить искренняго вашего итателя и покорнѣйшаго вашего слугу Ивана Дмитріева.

---

65. А. И. Тургеневу.

13-го декабря 1816 г. (Москва).

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Князь Петръ ıновичъ Шаликовъ отправляетъ сегодня къ князь Але-ндру Николаевичу [2]) экземпляры „Жизни Генриха IV" [3]), съ :орнѣйшею его просьбою представить одинъ изъ нихъ :ударю Императору. Отдавая справедливость заслугамъ его словесномъ поприщѣ и принимая живое участіе въ стѣс-ıныхъ обстоятельствахъ домашней его жизни, я покорнѣйше ɔшу васъ замолвить за него ваше словцо и постараться, бъ на приношеніе его обращено было милостивое вниманіе. дкрѣпить силы нуждающагося автора есть, право, дѣло самое ɔрое: онъ по званію своему обязанъ всегда воскриляться сомъ, питать въ себѣ возвышенныя чувства и скрывать свою ɔность... Но чтобъ не повредить и ему и себѣ дальнѣйшими ззами, полагаюсь лучше на ваше доброе сердце и заключаю ɔреннимъ увѣреніемъ васъ въ душевномъ моемъ почтеніи, которымъ навсегда имѣю честь быть вашего превосходи-ıьства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Сенатора Лопухина.
[2]) Голицыну.
[3]) «Исторія Генриха Великаго», соч. Жанлисъ. Пер. кн. Шаликовъ. ı. 1816—1817 г. 3 ч.

Жуковскому.

1817 г. февраля 10-

Василій Андреевичъ, искре подарокъ. Еслибъ я и безчувс поэзіи, то и тогда не мог, будучи патріотъ и обыв не меньшее взялъ участіе въ ул умиленіемъ читалъ то мѣст вы говорите о ва дружбѣ и о планѣ буду Фебу! Будьте т въ щедрой для поминайте иногда дряхл Патріаршихъ Прудов покорнѣйшій вашъ

...еневу.

февраля 1817 г. Моск

любезнѣйшій Алекс которыя вчера имѣлъ непремѣнно испол же все получилъ непр ему принадлежност ...чки и пр., сказывая, что вы по добротѣ в ...ась будетъ завпсѣт меньше нуждается П ...занный вами случай про же все не буду сов ...его меня. что далѣе? Бѣ

...и тлѣнья.
...пути спасенья!

Ужасная бѣдность въ магазинахъ московскихъ книгопро-
давцевъ! Вы очень одолжите меня, если купите мелкія сочи-
нія Шатобріана. Прошу только васъ, увѣдомите меня и о
цѣнѣ, дабы я могъ быть исправнымъ вашимъ плательщикомъ,
не въ накладъ тѣмъ, которые любятъ меня. Наконецъ,
чистосердечно увѣряю васъ, любезнѣйшій Александръ Ива-
новичъ, что я назвалъ васъ состязателемъ и пр. отнюдь
не въ предосужденіе вашему сердцу, котораго цѣну я очень
знаю. Я и самъ былъ состязателемъ, пока служилъ. Тако-
выми почитаю и всѣхъ служащихъ. Впрочемъ, съ ду-
шевнымъ почтеніемъ и привязанностію былъ и всегда пре-
буду вашего превосходительства покорный слуга Иванъ Дми-
тріевъ.

68. А. И. Тургеневу.

(Москва, 1817 г. мартъ—апрѣль).

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Чувстви-
тельно благодарю васъ за доставленіе третьяго отчета библей-
скаго общества [1]) и стиховъ Жуковскаго [2]). Оба гостинцы, хотя
и въ разныхъ отношеніяхъ, но равно для меня интересны,
а того же болѣе тѣмъ, что увѣряютъ меня въ вашей ко мнѣ
пріязни. Знаете ли вы послѣдніе стихи Батюшкова, до-
стойнаго собрата любезнаго Жуковскаго? Это „Переходъ за
Рейнъ", напечатанный въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Вѣ-
стника" [3]): прекрасные и прямо иноземной отдѣлки; нѣтъ
ни лишка, ни недостатка: все въ пору, стройно и мило.
По крайней мѣрѣ, я читалъ ихъ съ большимъ удоволь-
ствіемъ.

Простите, любезный Александръ Ивановичъ. Будьте здоровы
и продолжайте любить пребывающаго къ вамъ съ душевнымъ
почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства
покорнѣйшаго слугу Ивана Дмитріева.

---

[1]) «Третій отчетъ комитета Россійскаго Библейскаго Общества за 1815 г.». С.-Пб. 1816 г.

[2]) «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». С.-Пб. 1817 г.

[3]) «Русскій Вѣстникъ» 1817 г., № 5—6, стр. XXXVIII.

69. А. И. Тургеневу.

.6-го іюня 1817 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Какой-то петербургскій авторъ Карлевичъ [1]) прислалъ мнѣ переводъ свой сочиненія г-на Перро: „Объ основаніяхъ естественнаго законодательства“ и еще предначертаніе дневника „Отчелюбца“, по объему (системѣ) собственнаго генія, въ которомъ онъ обѣщаетъ утвердить русскій языкъ, очистя его отъ всего ему несвойственнаго. Я долженъ былъ благодарить его за оказанное мнѣ вниманіе, но не знаю, ни какъ его зовутъ, ни куда надписать. По сей причинѣ рѣшился обратиться къ вашей дружбѣ съ покорнѣйшею моею просьбою, не можете ли вы узнать отъ Геракова [2]) или другого словесника о семъ незнаемомъ рыцарѣ, и доставить ему прилагаемое при семъ мое посланіе, за что буду весьма вамъ благодаренъ. Москва наша день отъ дня болѣе пустѣетъ: всѣ скачутъ въ подмосковныя; даже и стихотворцевъ нигдѣ не видать. Батюшковъ давно въ отлучкѣ; князь Вяземскій у васъ; Староста [3]) уже съ мѣсяцъ въ подагрѣ, однакожъ посѣщающимъ его неутомимо читаетъ переводимую имъ басню, какую-то „Смоковницу“ [4]). Хочетъ подарить ею „Общество любителей словесности“, которое готовится праздновать день своего основанія. Вѣроятно, этотъ день будетъ кризомъ его подагры. Подобные случаи всегда облегчали болѣзнь его. Простите, что праздный человѣкъ занялъ васъ на нѣсколько минутъ симъ лепетаньемъ. Мнѣ совѣстно было наполнить письмо однимъ Карлевичемъ. Будьте здоровы и всегда увѣрены въ душевномъ къ вамъ почтеніи вашего превосходительства покорнѣйшаго слуги Ивана Дмитріева.

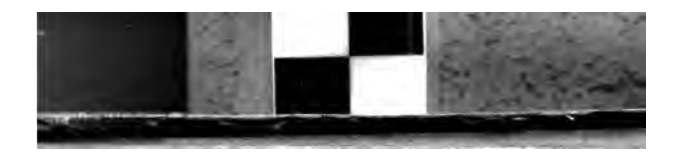
---

[1]) Мих. Осип. Карлевичъ. Онъ перевелъ съ франц. Перро «Основанія естественнаго законодательства» С.-Пб. 1815—1819 г. 4 ч. и, предпринимая ежемѣсячное изданіе «Любитель Отечества», напечаталъ брошюру, заключающую въ себѣ программу и объявленіе о журналѣ, подъ заглавіемъ «Приступъ къ ежемѣсячному изданію подъ названіемъ Любитель Отечества (Отчелюбецъ)» С.-Пб. 1816 г.

[2]) Гавр. Вас. Гераковъ (род. 1775 г., ум. 1838 г.) былъ учителемъ исторіи. Впослѣдствіи служилъ въ сенатѣ.

[3]) В. Л. Пушкинъ.

[4]) Басня «Смоковница» напечатана въ «Труд. Общ. Любит. росс. Слов.» 1817 г., ч. IX, стр. 84—85.

70. А. И. Тургеневу.

22-го іюня 1817 г. Москва.

Примите, милостивый государь Александръ Ивановичъ, искреннюю благодарность мою за исполненіе моего порученія и доставленіе ко мнѣ новыхъ прозябеній съ вашей нивы. Я обязанъ вамъ удовольствіемъ, что въ другой разъ насладился чтеніемъ вашей рѣчи [1]), поистинѣ прекрасной. Другіе, можетъ быть, скажутъ, что она сбивается на французскій манеръ, отзывается еще земною мудростью, но я нахожу, что она плѣняетъ и безъ набора словъ,—обиліемъ мыслей, кроткими, благочестивыми чувствами и живымъ выраженіемъ оныхъ. Сейчасъ разстался со мною добрый Василій Андреевичъ. Я прочиталъ ему заключеніе вашей рѣчи, и онъ восхищался до умиленія. Напрасно князь Вяземскій хлопочетъ и безпокоится: я слышалъ, что несчастный Карденіо уже лишенъ способовъ къ новымъ проказамъ. И такъ, пускай онъ лучше потрудится съ Арзамасцами въ обработаніи плана предполагаемому журналу. Хорошо, если они устоятъ въ своемъ намѣреніи и сдѣлаютъ свой журналъ неумытнымъ судилищемъ для авторовъ, переводчиковъ и журналистовъ. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ завелась и у послѣднихъ политика: они сдѣлали между собой тѣсный союзъ, и бѣдный авторъ или переводчикъ, притѣсненный однимъ журналистомъ, уже не можетъ обратиться съ оправданіемъ своимъ къ другому: никто не приметъ отъ него аппеляціи. Но я, какъ праздный человѣкъ, разболтался; извините въ томъ вашего земляка, которому пріятно говорить съ вами, хоть въ письмахъ, и который навсегда сохранитъ къ вамъ искреннюю привязанность и душевное почтеніе.

NB. Лучше бы ничего не говорить мнѣ, чѣмъ раздразнить любопытство и срамничать. Не прогнѣвайтесь. Это тиранія любослова.

---

71. А. И. Тургеневу.

2-го августа 1817 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за ваши гостинцы. Прошу и впредь не оставлять

---

[1]) Тургеневъ, по званію секретаря Россійскаго Библейскаго Общества, на годичныхъ его собраніяхъ, обыкновенно, читалъ «Обозрѣніе успѣховъ Библейскихъ Обществъ въ прочихъ мѣстахъ и странахъ свѣта».

по мѣрѣ вашей щедрости. Записку Давида [1]) сей же часъ посылаю къ князю Юсупову, и между тѣмъ предваряю васъ увѣдомленіемъ, что ни одна изъ картинъ его не погибла, ибо онъ всѣ ихъ, равно какъ и мраморныя статуи, успѣлъ увезти въ Астрахань. Сафу и Фаона я видѣлъ въ селѣ его Архангельскомъ уже послѣ пожара. Недавно я имѣлъ удовольствіе получить первый томъ Батюшковыхъ „Опытовъ“ [2]). Увѣренъ, что всякій, умѣющій цѣнить хорошее, признаетъ его истиннымъ литераторомъ, съ размышляющимъ умомъ, съ благородными чувствами и тонкимъ вкусомъ. При чтеніи аллегоріи его (первой), у меня навернулись слезы, и я отъ сердца пожелалъ ему счастья Жуковскаго. Скоро ли начнется Арзамасскій журналъ? Нетерпѣливо хочу читать его. Прошу васъ сообщить о томъ Дмитрію Николаевичу Блудову и сказать мое искреннее почтеніе. Впрочемъ, пожелавъ вашему превосходительству совершеннаго благополучія, съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Еще къ вамъ покорнѣйшая просьба: несмотря на то, что я не подписался ни на одно сочиненіе г. Карлевича, онъ по великодушію своему прислалъ конецъ своего перевода о законодательствѣ. Учтивость или совѣстливость заставляетъ меня благодарить его. Сдѣлайте милость отошлите къ нему прилагаемое при семъ письмецо. Прошу васъ на адресѣ вписать его отчество, котораго я все еще не знаю.

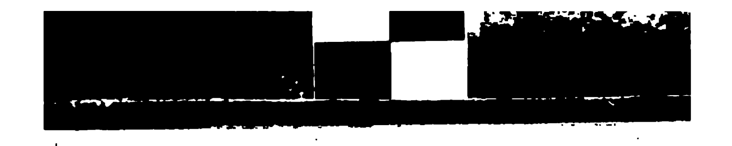
72. В. А. Жуковскому.

Москва. 1817 г. сентября 6-го.

Отъ сердца благодарю васъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, за подарокъ новымъ изданіемъ большой вашей баллады [3]). Я, презря всѣ страхи, бросился читать въ постелѣ на сонъ грядущій, и съ прежними впечатлѣніями дочитался до возникшихъ стѣнъ вокругъ обители дѣвъ усопшихъ. Нетерпѣливо хочу ознакомиться съ Вадимомъ и узнать развязку. Между

---

[1]) Давидъ (Jacques Louis, род. 1748 г., ум. 1825 г.), извѣстный живописецъ.
[2]) «Опыты въ стихахъ и прозѣ». С.-Пб. 1817 г. 2 ч.
[3]) «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». С.-Пб. 1817 г.

чѣмъ съ тою же искренностью поздравляю васъ съ новымъ Монаршимъ благоволеніемъ. Этотъ случай принесъ мнѣ сугубую радость, ибо я ласкаю себя надеждою скоро увидѣть въ моемъ кабинетѣ любезнаго поэта. И такъ, до свиданія. Заочно васъ цѣлуетъ преданнѣйшій вамъ Дмитріевъ.

---

73. В. А. Жуковскому.

(Москва. 1817 г. октябрь).

Хотите ли, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, сегодня отобѣдать со мною вдвоемъ, и тотчасъ потомъ ѣхать на мѣсто закладки храма [1]), а на возвратномъ пути поклониться и и Пожарскому съ Мининымъ. Если такъ, то я хотѣлъ бы, что бы вы пріѣхали ко мнѣ въ половинѣ втораго. Скорѣе отобѣдаемъ и засвѣтло будемъ любоваться Москвою.

---

74. В. А. Жуковскому.

(Москва. 1817—1818 г.).

Благодарю васъ, любезный Василій Андреевичъ, за вашъ подарокъ; только я не прежде приму его, пока мы не сдѣлаемъ нѣкоторыхъ условій. На именинахъ я непремѣнно буду; а Николаю Михайловичу я не давалъ знать, потому что вчера на него осердился. Какъ мнѣ жаль было, что вчера васъ у меня не было. Были стихотворцы, было чтеніе, были блины. Кн. Шаликовъ читалъ свою комедію.

---

75. В. А. Жуковскому.

(Москва. 1817—1818 г. Среда).

Поспѣшаю увѣдомить любезнѣйшаго Василія Андреевича, что г. Астраковой еще 4-го Сентября назначено 125 руб. Она получитъ ихъ въ то время, когда послѣдуетъ на то высочайшее утвержденіе. Въ пятницу располагаю обѣдать дома. Очень радъ буду раздѣлить съ вами мою трапезу и насладиться бесѣдою умнаго и добросердечнаго поэта; между тѣмъ прочту вамъ

---

1) Вѣроятно, храма Христа Спасителя, первая закладка котораго состоялась 12-го октября 1817 г.

сейчасъ полученную оду, которою почтилъ меня графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

76. А. И. Тургеневу.

(Москва. 1818 г. февраль.)

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій землякъ, за дружеское привѣтствіе меня съ полученіемъ высокомонаршей милости [1]) Честолюбіе мое удовлетворено въ полной мѣрѣ остается только благодарить Бога и государя по конецъ дней моихъ. Я сегодня былъ у вашей матушки. Она опечалила меня, сказавъ рѣшительно, что вы уже къ намъ не будете. Не скрою отъ васъ, что она очень огорчается своимъ одиночествомъ; даже и поплакала, хотя и увѣряла меня, что сама не приказала вамъ проситься въ отпускъ. Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ. Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе въ его болѣзни. Радуюсь и окончанію „Грамматическихъ таблицъ [2])", и возвращенію Жуковскаго въ свое отечество [3]). Что же касается до Вяземскаго, нимало объ немъ не сожалѣю: не во гнѣвъ своенравной цензурѣ и ученѣйшему совѣту, онъ и безъ печати будетъ читанъ и проживетъ долго, а Карамзинъ еще и долѣе.

Простите любезный Александръ Ивановичъ. Поручаю себя въ продолженіе вашей пріязни и съ отличнымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Любезному вашему братцу покорнѣйше прошу сказать искреннее мое почтеніе и таковую же благодарность за его во мнѣ участіе. Будетъ ли и когда обѣщаемый журналъ?

77. А. И. Тургеневу.

18-го марта 1818 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за дружеское ваше писаніе и доставленіе

[1]) 10-го февраля 1818 г. Дмитріевъ пожалованъ былъ чиномъ дѣйств. тайн. сов.

[2]) Жуковскій составилъ для императрицы Александры Θеодоровны «Esquisse de grammaire russe». St. Pétersbourg. 1818.

[3]) Изъ поѣздки въ Дерптъ.

) мнѣ письма отъ Кривцова [1]). Гдѣ бы онъ ни былъ, буду егда признателенъ къ его ласкѣ. Я очень люблю имѣть іятелей и молодыхъ, съ умомъ и чувствами. Одно только по мнѣ, что они непосѣды. Едва успѣешь полюбить ихъ, ривыкнуть къ нимъ, и уже отыскивай ихъ по всѣмъ четыремъ астямъ свѣта. Жуковскій, хотя еще и на мѣстѣ, но рѣдко сѣщаетъ меня. Ревность друзей его почти достигла цѣли оей: кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ приворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни ачинаетъ прельщать его. Увидимъ въ чемъ найдетъ болѣе игоды, и между тѣмъ будемъ пока питаться „Овсянымъ киселемъ". Для меня и онъ по вкусу, но я лакомъ и люблю знообразіе.

Заключу покорнѣйшею просьбою доставить, если можно, рилагаемое при семъ письмецо Кривцову, и вѣрить отличному очтенію и преданности, съ которыми пребудетъ навсегда ашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ сказать искреннее мое почтеніе милостивому сударю князь Александру Николаевичу [2]) и поцѣловать за ня моего друга.

---

78. А. И. Тургеневу.

20-го іюля 1818 г. Москва.

Какъ я благодаренъ вамъ, любезный Александръ Иванечъ, за пріятныя вѣсти. Отъ сердца радъ, что Батюшковъ стигъ своего желанія [3]). Счастливый климатъ Италіи, конечно, детъ имѣть благодатное вліяніе и на талантъ его. Не меньше аствую и въ добромъ Дашковѣ [4]): теперь, хотя и будетъ учать въ карантинѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ шляпѣ съ юмажемъ. Сѣверинъ не выходитъ у меня изъ мыслей. Я гда не надеженъ былъ на его здоровье, теперь еще болѣе.

---

[1]) Николай Ивановичъ Кривцовъ, близкій знакомый Дмитріева, былъ азначенъ тогда совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ.

[2]) Голицыну.

[3]) Въ 1818 г. Батюшковъ получилъ назначеніе состоять при посольѣ въ Неаполѣ, о чемъ давно хлопоталъ.

[4]) Дашковъ, Дмит. Вас. (ум. 1839 г.) съ 1816 г. состоялъ при нашей ссіи въ Константинополѣ. Впослѣдствіи сенаторъ и съ 1832 г. министръ юстиціи и членъ госуд. совѣта.

Василій Львовичъ [1]) давно уже въ отлучкѣ. По обыкновенію своему, онъ поѣхалъ въ Козельскъ, навѣдаться о здоровьи родной тетки. Платя долгъ наслѣдника, можетъ быть, уплатитъ что-нибудь и своимъ заимодавцамъ, а собранію любителей словесности новую басенку или преложеніе псалма.

Московскій профессоръ письмомъ своимъ къ редактору „Украинскаго Вѣстника" [2]) вѣроятно еще болѣе остраститъ Антона Антоновича Антонскаго и утвердитъ знаменитость свою между пансіонерами и чтецами англійскаго клуба. Нѣтъ лучше ремесла журналиста: говоритъ, что хочетъ, бранитъ кого хочетъ и нѣтъ аппеляціи, потому что журналисты сдѣлали между собой союзъ, чтобъ другъ на друга ничего не печатать. Калайдовичъ посылалъ замѣчаніе на одну пьесу К. и „Сынъ Отечества" не напечаталъ. О положившемъ за брата бѣлый шаръ постараюсь довести до брата; что же касается до чернаго, я не дивлюсь тому: я помню, что онъ и за двадцать лѣтъ тому не соглашался. Если это не твердый характеръ, такъ по крайней мѣрѣ упрямый норовъ.

Я писалъ вамъ, что съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего братца, но онъ терпѣливѣе меня. Я еще съ нимъ не видался. Утѣшусь тѣмъ, что увѣренъ въ вашей ко мнѣ любви, и повторю вамъ еще искреннюю благодарность мою за Франка [3]). Оба брата чувствительно тронуты вашимъ благодѣяніемъ.

Затѣмъ, поручая себя въ продолженіе лестной для меня вашей дружбы, съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Какая революція въ нашей словесности! Читали ли вы примѣчанія казанскаго профессора на превосходный переводъ „Науки стихотворства", Хвостова [4]), читали ли и отзывъ „Инвалида" [5]) о превосходныхъ замѣчаніяхъ казанскаго

---

[1]) Пушкинъ.

[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы» (1818 г., ч. 100) была напечатана статья Каченовскаго—Письмо изъ Лужниковъ «Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника», которые въ 5 книжкѣ своего журнала напечатали «Записку о достопамятностяхъ Москвы» Карамзина, съ довольно грубыми ошибками. Каченовскій указывалъ на эти ошибки и нападалъ на Карамзина.

[3]) Франкъ служилъ у Тургенева въ департ. дух. дѣлъ.

[4]) 3-е изд. перевода «Науки о стихотворствѣ» Буало вышло въ С.-Пб. въ 1818 г. съ примѣч. профессора казанскаго унив. Городчанинова.

[5]) «Русскій Инвалидъ» 1818 г., № 156.

юфессора? Увѣренъ, что господинъ Хвостовъ черезъ годъ ідетъ въ лаврахъ.

---

79. А. И. Тургеневу.

12-го сентября 1818 г. Москва.

Нѣтъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я уже не ризнаю васъ Гриммомъ [1]). Тотъ не щеголялъ лаконизмомъ; ıидѣтельствуютъ въ томъ нѣсколько толстыхъ томовъ писемъ, ь которыхъ онъ говорилъ о драмахъ и балахъ, о Вольтерѣ объ интригахъ, о сплетняхъ и политикѣ. Я не требую отъ ıсъ свѣдѣній по послѣднимъ тремъ артикуламъ, но для чего ı не сказать слова три о себѣ, о вашемъ братцѣ, о Карамзинѣ Жуковскомъ, о Калайдовичѣ и Каченовскомъ, словомъ, о ıстояніи нашей словесности, къ которой еще не умерло сердце ıставнаго поэта. Это пени только пріятеля, любящаго говорить ь вами, хотя черезъ письмо. Впрочемъ, чувствительно благодарю ıсъ и за лаконическія ваши строки. Скажите также искреннюю ıагодарность мою и молодому Пушкину; я и по заочности юблю его, какъ прекрасный цвѣтокъ поэзіи, который долго э поблѣднѣетъ. Почтенный дядя его недавно читалъ мнѣ ѣсколько начальныхъ стиховъ о томъ же предметѣ. Не знаю, го еще выйдетъ, но онъ исполненъ священнымъ негодованіемъ, ıетъ молніей и громомъ говоритъ. Если вы будете писать ь Дмитрію Николаевичу Блудову, убѣдительно прошу ıсъ увѣрить его въ моей благодарности за Mémoires de ıbbé Georgel [2]), и сказать ему, что я буду еще болѣе ıязанъ, если онъ пришлетъ мнѣ и остальные томы.

Душевное почтеніе вамъ и братцу. Вашего превосходитель-ва покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

80. А. И. Тургеневу.

30-го сентября 1818 г. Москва.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, милостивый государь юбезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо

---

[1]) Гриммомъ Дмитріевъ называлъ Тургенева за его дѣятельную тературную переписку.

[2]) «Mémoires pour servir á l'histoire des évènements de la fin du VIII siècle». Paris. 1817. 6 vol.

и отправлёніе ко мнѣ библейскихъ книжекъ, которыхъ еще не получилъ, равно и за обѣщаніе отчетовъ; вы знаете, съ какимъ я удовольствіемъ всегда ихъ читаю. Между тѣмъ прошу васъ вспомнить и объ обѣщанныхъ портретахъ Руссо и Вольтера. Не достаетъ только ихъ къ украшенію моего кабинета.

Если бъ достатокъ мой позволялъ мнѣ иногда предаваться на старости лѣтъ пріятнымъ капризамъ, то я непремѣнно явился бъ врасплохъ въ Россійскую Академію въ назначенный день для торжественнаго собранія, явился бъ единственно для удовольствія слышать любезнаго моего оратора[1]. Здѣсь также готовится торжественное собраніе по случаю обновленія университета. Зданіе уже отштукатурено; зала собранія также въ отдѣлкѣ; остановилось только за подѣлкою, какъ говорятъ, Мерзляковымъ и Каченовскимъ их работы. Вѣроятно, что чтеніе будетъ больше обыкновеннаго, потому что тутъ же читаны будутъ и произведенія „Общества любителей словесности", котораго засѣданіе было отложено до новоселья. Старый Пушкинъ читалъ уже мнѣ начало приготовляемой къ сему случаю сказки, почерпнутой имъ изъ собранія французскихъ сказокъ; но онъ совершенно обрусилъ ее, назвавъ одного изъ рыцарей печенѣгомъ, а другого кіевскимъ княземъ. Тема сказки: собака вѣрнѣе любовницы; послѣдняя измѣняетъ любовнику, а первая остается при немъ[2]).

Затѣмъ, пожелавъ вамъ возможнаго благополучія, и свидѣтельствуя вамъ и любезному вашему братцу душевное мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

81. А. И. Тургеневу

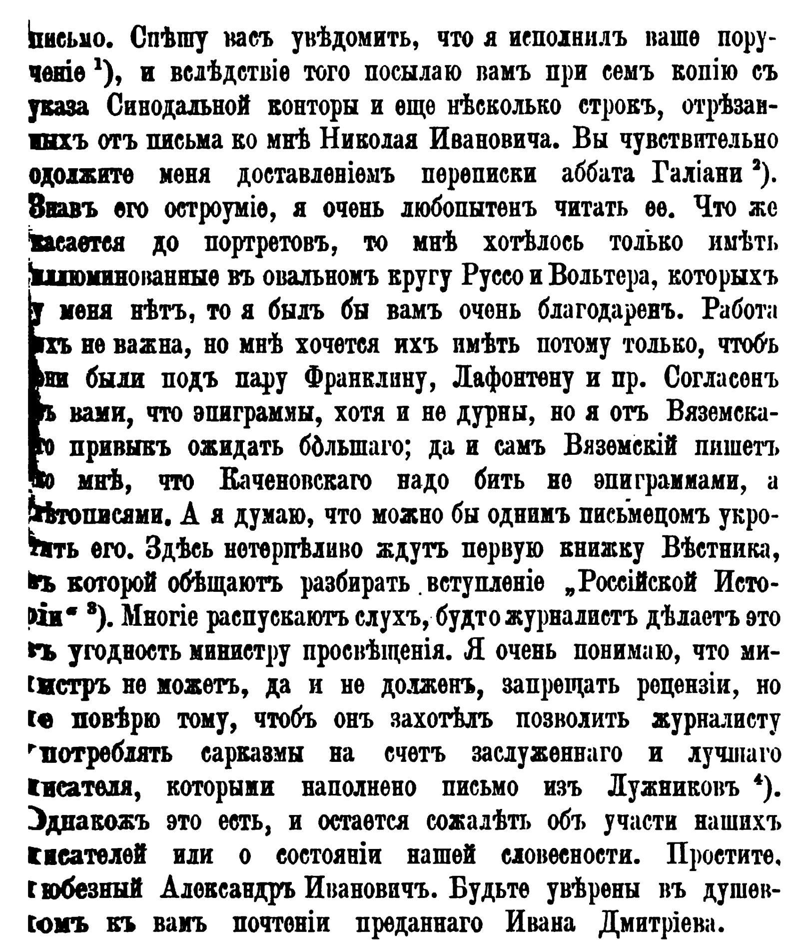
(17-го октября 1818 г. Москва)

Милостивый государь и любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское ваше

---

[1]) Торжественное собраніе академіи по случаю утвержденія въ 1818 г. новаго устава и штатовъ, назначенное первоначально въ ноябрѣ, состоялось 5-го декабря того же года. На этомъ собраніи Карамзинъ произнесъ рѣчь, написанную имъ по случаю избранія его дѣйствительнымъ членомъ академіи. Она напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1819 г., ч. 51, № 1.

[2]) Сказка В. Л. Пушкина «Людмила и Усладъ» напечатана въ «Труд. общ. люб. рос. слов.» 1819 г. ч. XIII.

письмо. Спѣшу васъ увѣдомить, что я исполнилъ ваше порученіе [1]), и вслѣдствіе того посылаю вамъ при семъ копію съ указа Синодальной конторы и еще нѣсколько строкъ, отрѣзанныхъ отъ письма ко мнѣ Николая Ивановича. Вы чувствительно одолжите меня доставленіемъ переписки аббата Галіани [2]). Знавъ его остроуміе, я очень любопытенъ читать ее. Что же касается до портретовъ, то мнѣ хотѣлось только имѣть иллюминованные въ овальномъ кругу Руссо и Вольтера, которыхъ у меня нѣтъ, то я былъ бы вамъ очень благодаренъ. Работа ихъ не важна, но мнѣ хочется ихъ имѣть потому только, чтобъ они были подъ пару Франклину, Лафонтену и пр. Согласенъ съ вами, что эпиграммы, хотя и не дурны, но я отъ Вяземскаго привыкъ ожидать бо́льшаго; да и самъ Вяземскій пишетъ ко мнѣ, что Каченовскаго надо бить не эпиграммами, а лѣтописями. А я думаю, что можно бы однимъ письмецомъ укротить его. Здѣсь нетерпѣливо ждутъ первую книжку Вѣстника, въ которой обѣщаютъ разбирать вступленіе „Россійской Исторіи" [3]). Многіе распускаютъ слухъ, будто журналистъ дѣлаетъ это въ угодность министру просвѣщенія. Я очень понимаю, что министръ не можетъ, да и не долженъ, запрещать рецензіи, но не повѣрю тому, чтобъ онъ захотѣлъ позволить журналисту употреблять сарказмы на счетъ заслуженнаго и лучшаго писателя, которыми наполнено письмо изъ Лужниковъ [4]). Однакожъ это есть, и остается сожалѣть объ участи нашихъ писателей или о состояніи нашей словесности. Простите, любезный Александръ Ивановичъ. Будьте увѣрены въ душевномъ къ вамъ почтеніи преданнаго Ивана Дмитріева.

P. S. Перечитывая письмо, я самъ почувствовалъ, какъ оно писано нескладно и вяло; словомъ, совсѣмъ не по-авторски;

---

[1]) Тургеневъ просилъ Дмитріева выхлопотать разрѣшеніе кн. Волконской перенести прахъ ея отца, фельдмаршала кн. Н. В. Репнина.(Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1867 г. № 4, ст. 640.)

[2]) «Correspondance inédite de Galiani 1765—1783 avec M. d'Epinay, le baron d'Holbach etc». Paris. 1818. 2 vol.

[3]) Критическій разборъ предисловія Карамзина къ его «Исторіи государства Россійскаго» и двухъ переводовъ этого предисловія на франц. языкъ помѣщенъ въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Вѣстн. Европы» 1819 г. «Письмо отъ кіевскаго жителя къ его другу», «Письмо къ редактору ...теля Дѣвичьяго поля»).

[4]) см. письмо 78, примѣч. 2.

извинюсь только тѣмъ, что пишу тотчасъ послѣ обѣда и подъ шумкомъ гостей моихъ.

---

82. А. В. Казадаеву [1]).

Москва. 1818 г. октября 17-го.

Милостивый государь мой Александръ Васильевичъ. Въ пріятнѣйшій долгъ вмѣняю себѣ изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за вниманіе, которымъ изволили почтить меня, подаркомъ любопытной книги [2]). Она и по содержанію своему и по достоинству перевода, конечно, будетъ стоять въ числѣ избранныхъ въ моей библіотекѣ. Я уже имѣлъ удовольствіе прочитать ваше вступленіе, въ которомъ вы показали себя и ораторомъ и патріотомъ. Ласкаю себя надеждою, что вы довершите ваше ко мнѣ благорасположеніе доставленіемъ и слѣдующаго тома. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

83. А. И. Тургеневу.

(Москва. 1818 г. октябрь—ноябрь).

Очень, очень благодарю васъ, почтенный Александръ Ивановичъ за варшавское пѣснопѣніе, кажется могу, смѣло прибавить, князя Вяземскаго. Редактора же другой бумаги отгадать не могъ, ибо вы не прислали ея. Искренно скажу, что стихи мастерствомъ своимъ достойны князя Вяземскаго. Нетерпѣливо буду ждать отъ васъ переписки Галіани и рѣчи Карамзина. Здѣсь, кажется, уже входитъ въ моду между молодыхъ людей говорить худо объ его „Исторіи“: рѣдкая проходитъ бесѣда, чтобъ патріархъ ихъ А. П. не проповѣдывалъ въ кругу ихъ объ ея недостаткахъ. Посмотримъ, что-то еще будетъ отъ Московскаго университета. Вчера у меня былъ студентъ и сказывалъ, что, за позднею отдѣлкою дома, акта не будетъ, а отправятъ только по случаю новоселья молебствіе.

---

[1]) А. В. Казадаевъ (ум. 1854 г.) тайный сов., сенаторъ, писатель и переводчикъ.

[2]) Рецовъ «Новыя историческія записки о семилѣтней войнѣ». С.-Пб. 1818 г. 2 т.

Плачу вамъ тою же краткостью и по одинаковой съ вами причинѣ. Затѣмъ, мысленно обнимая васъ и пр.

---

84. А. И. Тургеневу.

21-го ноября 1818 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за два письма и доставленіе вашей рѣчи и подарка Николая Ивановича[1]). Я уже отдалъ вамъ справедливость за прошлогоднюю рѣчь; говорить о послѣдней было бы повторять прежнее. Не могу, однакожъ, скрыть моего сожалѣнія, что вы, будучи одарены всѣми способностями автора, посвятили ихъ единственно библейской залѣ. Побѣдите лѣнь свою, и будьте для насъ вдвое любезнѣе,

Завтра я отправляю на ваше имя еще два экземпляра пакостнаго и неисправнаго изданія моихъ стихотвореній [2]). Прошу васъ доставить одинъ Дмитрію Николаевичу Блудову, а другой Николаю Ивановичу. Жаль, что, за достальнымъ расходомъ веленевыхъ экземпляровъ, долженъ послать къ нему на самой простой. Онъ утѣшилъ меня своею книгою. Желательно, чтобъ примѣръ его поощрилъ и другихъ заниматься подобными трудами.

Переписка Галіани уже и здѣсь продается, почему и прошу васъ обѣщанное вами мнѣ одолженіе сберечь до другого случая.

Что сказать вамъ о московской словесности? Университетскаго акта въ семъ году не будетъ, по причинамъ, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстнымъ. Чтеніе Шаликовыхъ мадригаловъ и Пушкина басенокъ также, по настоянію Антона Антоновича Прокоповичъ-Антонскаго, отложено до освященія храма при пансіонѣ. Василій Львовичъ еще не опустилъ мстительной руки своей, удержанъ бывъ сочиненіемъ французскаго романса на русскій мотивъ, который, вѣроятно, уже разосланъ отъ него къ отсутствующимъ пріятелямъ. Словомъ, вся московская литература заключается въ сухощавомъ „гонцѣ Европы“.

Простите, любезный Александръ Ивановичъ. Будьте здоровы и вѣрьте искреннимъ чувствамъ совершеннаго почте-

---

[1]) Тургенева «Опытъ теоріи налоговъ». С.-Пб. 1818 г.
[2]) «Сочиненія и переводы». М. 1818 г., 3 ч.

нія и пріязни, съ которыми навсегда имѣю честь пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

85. А. И. Тургеневу.

8-го декабря 1818 г. Москва.

Извините меня, милостивый государь Александръ Ивановичъ, что я почтою позднѣе благодарю васъ за дружеское ваше писаніе. Откладывалъ до полученія Суворова портрета, однакожъ и по сіе время не получилъ его. Батюшковъ второпяхъ позабылъ, что обѣщалъ мнѣ и портретъ Шатобріана. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ рѣчи Каразина. Любопытенъ также видѣть и обѣщаемое въ „Сынѣ Отечества", хотя и не знаю автора. Вчера было и у насъ торжественное собраніе въ обществѣ любословесниковъ; торжественнымъ назвалъ потому, что чтенію предшествовало пѣніе какихъ-то стиховъ. Засѣданіе открыто рѣчью Антона Антоновича Прокоповичъ-Антонскаго, который по обыкновенію своему сказалъ нѣсколько словъ о 1812 годѣ. Потомъ замѣтилъ, что надо сочинить лучшую грамматику; надобно показать примѣръ эпистолярному и историческому слогу, которыхъ мы еще не имѣемъ; надобно даже поправить и слогъ новѣйшихъ проповѣдей, обратя его къ первымъ источникамъ, къ слогу древнихъ духовныхъ книгъ; распространялся о пользѣ критики и всѣ сіи подвиги возлагалъ на собраніе, состоявшееся изъ Василія Львовича, князь Петра Ивановича, Шатрова, Болдырева, Дружинина, Мерзлякова, Каченовскаго и пр. За нимъ профессоръ Мерзляковъ читалъ трактатъ о пользѣ словесности и критики; князь Шаликовъ гимнъ давно минувшей веснѣ; Василій Львовичъ почти пѣлъ о подвигахъ послѣдняго, слѣдственно любимаго, своего дѣтища Печенѣга и читалъ чужіе стихи; Кокошкинъ вмѣсто отсутствующаго Филимонова оплакивалъ смерть какой-то Нины [1]). Калайдовичъ разбиралъ Ломоносова „Вечернее Размышленіе" и наконецъ чтеніе заключено было кладбищемъ, не помню котораго члена [2]).

---

[1]) «Нина», отрывокъ изъ поэмы Милонова «Надежда». («Тр. Общ. Люб. росс. слов.» 1819 г., ч. XVI.)
[2]) «Гробница», стихотвореніе С. Г. Саларева. (Тамъ-же).

Чтобъ дать вамъ дальнѣйшее понятіе о новостяхъ московской литературы, выписываю объявленіе послѣдняго номера нашихъ Вѣдомостей: „Новости русской литературы или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ лучшихъ авторовъ, какъ-то: Княжнина, князя Кугушева, Вельяминова-Зернова, Львова, Ключарева, Руссова, Соковнина, Воейкова, Грузинцова, Каменева, Смирнова, Колосова, Крюкова, Политковскаго, Волкова, Глѣбова, Ишимова, Чебышева, Воронцова, Санти, Яновскаго, Первова, Кириченко-Остромова, Перольта, Попова, Трупина, Лузанова, Полякова, Экартсгаузена, де-Сентъ-Ламберта, Шиллера, Коцебу, Каракчіоли и проч. 14 томовъ, въ Университетской типографіи. Цѣна 50 руб [1]." Счастливые провинціалы! Сколько для нихъ новыхъ знакомцевъ. Мудрено ли Каченовскому съ такою дружиною богатырей сдѣлать страшную опозицію, которою онъ въ послѣдней книжкѣ грозитъ старомоднымъ авторамъ, пользовавшимся добрымъ мнѣніемъ публики! Простите и пр.

---

86. А. И. Тургеневу.

23-го декабря 1818 г. Москва.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичъ. Тысячу благодарностей за дружеское ваше писаніе и доставленіе письма и брошюры отъ милаго остряка Вяземскаго. Я, хотя и не ровня съ нимъ въ лѣтахъ, но часто и искренно вздыхаю объ его отсутствіи. Не знаю, что онъ будетъ впредь, — только не желалъ бы, чтобъ онъ званію поэта предпочелъ другое. Къ этому онъ, конечно, призванъ природою и съ нимъ переживетъ многихъ и многихъ. Жалкая участь почтеннаго канцлера! Не смотря на его уваженіе къ нашимъ извѣстнымъ поэтамъ, одинъ только неизвѣстный рыцарь взялся было заплатить дань патріотизму и воспѣть его подвиги, но и тотъ на половинѣ дороги сдалъ эту обузу Коцебу-отцу!! Трудно ли было отгадать Франкале-анонима? Однакожъ, душевно любя и уважая вельможу патріота, я искренно благодаренъ стихотворцу за его добрую волю. По крайней мѣрѣ онъ не равнодушенъ къ славѣ земляковъ своихъ. Недавно познакомился я съ молодымъ

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1818 г., № 97. стр. 2687.

Иванчинымъ-Писаревымъ. Вотъ вамъ его стихи; желалъ бы, чтобъ они напечатаны были въ „Сынѣ Отечества“ [1]). Здѣсь Каченовскій не принялъ ихъ въ журналъ, извиняясь тѣмъ, что они содержатъ въ себѣ личность. Сказываютъ, что онъ очень часто посѣщаетъ архивъ и роется въ лѣтописяхъ. Видно, крѣпко вооружается противъ исторіографа. Новаго у насъ въ литературѣ только двѣнадцатая часть Лѣтописей любителей словесности. Изъ числа замѣтныхъ статей взгляните на письмо графа Хвостова къ предсѣдателю, въ которомъ онъ поздравляетъ Антона Антоновича Антонскаго съ праздникомъ, и безъ пощады расточаетъ „при“ [2]); да на статью протокола, въ которомъ очистителями и утвердителями языка опредѣлено: присланное на имя предсѣдателя собраніе крестьянскихъ (невразумительныхъ для меня) рѣченій тиснуть въ Лѣтописяхъ [3]). И то и другое читано было во услышаніе посѣтителей обоего пола. Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Присылайте скорѣй ко мнѣ послѣдній академическій актъ и вѣрьте всегда душевному почтенію.

P. S. желалъ бы достать изъ любопытства Стурдзову книжку [4]). Сѣверинъ съ самаго отъѣзда не писалъ ко мнѣ ни строчки. Я же два раза писалъ къ нему, но какъ я надписывалъ ихъ въ канцелярію графа Нессельроде, то сомнѣваюсь, были ли письма мои къ нему доставлены, по причинѣ отсутствія графа.

---

87. А. С. Шишкову.

Москва. 1818 г. декабря 23-го.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Неисправное изданіе [5]) моихъ стихотвореній удостовѣрило меня въ

---

[1]) Стихотвореніе Иванчина-Писарева «Отрывокъ посланія къ моимъ сверстникамъ въ лѣтахъ и ученіи» напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1819 г., ч. 51, № 1.

[2]) «Труды Общ. Люб. Росс. Слов.» 1818 г., ч. XII. Въ этомъ письмѣ почти каждая фраза начинается съ предлога — при. (При наступленіи новаго года......... При поздравленіи.. и пр.)

[3]) «Записка о нарѣчіяхъ между крестьянъ рязанской и калужской губ.» (тамъ-же.)

[4]) «Mémoire sur l'état actuel de l' Allemagne», о которой писалъ Дмитріеву Тургеневъ въ письмѣ отъ 16 дек. 1818 г. (Русск. Арх. 1867, № 4. ст. 644).

[5]) «Сочиненія и переводы». М. 1818 г., 3 ч.

ведливости нашей пословицы: нѣтъ худа безъ добра. По
ней мѣрѣ оно доставило мнѣ удовольствіе получить благо-
нное ваше писаніе, за которое приношу вашему превосхо-
льству чувствительную мою признательность. Не только
нуясь лестному для меня вашему приглашенію, но и по
'у члена уважаемаго мною сословія и по собственному моему
олюбію, охотно бы я сообщалъ въ Академію мои произве-
я, но совершенная отвычка, въ продолженіи восмилѣтней
гражданской службы, отъ авторскихъ занятій, а притомъ
стигшая меня старость причиною, что я уже не смѣю прини-
ся за лиру. Сожалѣю теперь, что въ молодости не довольно
калъ къ прозѣ; однакожъ, по окончаніи возложенной на
коммиссіи [1]), постараюсь испытать силы мои въ послѣднемъ
ь. Если удастся написать что-либо, чѣмъ я самъ буду
ленъ, тогда не преминую предать мои мысли проницатель-
суду вашего превосходительства.

Не преминую между тѣмъ сообщить здѣшнимъ словесни-
ь о благодѣтельномъ расположеніи Академіи содѣйствовать
свобожденію ихъ отъ ига полуграмотныхъ книгопродавцевъ-
телей [2]). Говоря о словесникахъ, я имѣю въ виду больше
нителей учебныхъ книгъ и переводчиковъ, которые въ бездѣй-
и своемъ или въ маловажныхъ занятіяхъ обыкновенно
няются тѣмъ, что сами они не въ состояніи печатать
сическихъ произведеній, а книгопродавцы берутъ отъ нихъ
ко переводы однихъ романовъ, да и то въ новѣйшемъ
ѣ. Это любимое слово въ ихъ объявленіяхъ. Впрочемъ, съ
ршеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть,
стивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій
а Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) Въ 1816 г. Дмитріевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи выдачи пособій пострадавшимъ въ Москвѣ отъ пожара 1812 г.

[2]) А. С. Шишковъ предложилъ учредить при Академіи Наукъ особый тетъ для разсмотрѣнія рукописей тѣхъ авторовъ, которые просили емію объ оказаніи имъ пособія для изданія ихъ сочиненій. При рительномъ отзывѣ комитета, Академія и удовлетворяла бы просьбу ителей.

88. В. А. Жуковскому.

Москва. 1818 г. декабря 30-го.

Лучше поздно, нежели никогда, почтенный и любезный Василій Андреевичъ. Тысячу благодарностей вамъ за оба письма, изъ коихъ старшее растрогало меня подобно писанному изъ Дерпта. Очень радъ, что миновалась ваша болѣзнь, въ которой бралъ живое участіе. Я постоянно люблю васъ и за вашъ талантъ, и за ваше непорочное сердце. Оттого и говаривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались; чтобъ вы, не упуская золотого времени, когда умъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою. Вы можете подозрѣвать, что я нечувствительно впалъ въ тонъ панегириста, написавъ, можетъ быть, нѣсколько писемъ поздравительныхъ съ новымъ годомъ; нѣтъ, я, право, хотѣлъ говорить отъ души. Прошу и васъ принять отъ того-же источника привѣтствіе съ наступающимъ годомъ, или лучше сказать, мое желаніе, чтобъ вы въ теченіе онаго были счастливы и любили меня по-прежнему. Охотно бы повиновался вашему совѣту [1]), но старость облѣнила меня; къ тому же, не сдѣлавъ авторскаго навыка въ прозѣ, я боюсь ученаго шпынства Петра Михайловича Дружинина. Нынѣ московскіе профессора стали взыскательны. Вѣроятно, вы замѣтили въ Вѣстникѣ намеки объ оппозиціи всѣмъ тѣмъ, которые доселѣ отдѣлялись отъ стада Вадіусовъ и Кондратовичей и пр. и пр. Къ чему же мнѣ на послѣднихъ дняхъ обветшалой жизни накликать досаду? Спокойствіе духа и любовь добрыхъ и благородныхъ душъ, вотъ единственная отрада, которую мнѣ остается желать! Простите, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; мысленно обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ. Лучше присылайте мнѣ новыя ваши произведенія. Имѣя прекрасное ваше изданіе, начто мнѣ желать дурного и неисправнаго? Довольно стражду, глядя и на собственное мое изданіе; отроду не видалъ безобразнѣйшаго.

---

[1]) Начать писать записки, о чемъ Жуковскій писалъ Дмитріеву въ *письмѣ отъ* 22-го ноября 1818 г. (Русск. Арх. 1870 г., ст. 1706).

89. А. И. Тургеневу.

18-го февраля 1819 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Алекндръ Ивановичъ, за дружеское письмо и два парнасскіе стинца. Жаль, что это кипарисъ, а не лавры или розы. е только московская, но вся наша литература, кажется, ключается въ одномъ Каченовскомъ; публика время отъ ремени болѣе узнаетъ цѣну его, и если онъ не устанетъ въ родолженіе года издѣваться надъ исторіографомъ, то, вѣроно, принесетъ журналомъ своимъ большой доходъ Московому университету. Даже и провинціалы любятъ слышать ющунство на счетъ извѣстныхъ людей. Впрочемъ, всѣ наши ѣшніе литераторы, слава Богу, здоровы. Василій Львовичъ самаго отъѣзда князя Вяземскаго забавлялъ общество фарми, провербами, шарадами, разумѣется, чужими и пр. Князь олгорукій [1]) и Алексѣй Пушкинъ тоже. Театръ ихъ подгowъ у Потемкина и графини Бобринской. Засѣданія въ бществѣ Любителей Словесности продолжаются по-прежнему днажды въ мѣсяцъ. Но полно объ нашей словесности.

Не можете ли вы, любезный Александръ Ивановичъ, упить для меня въ Петербургѣ „Mémoires de Las-Casas, ec son rapport à Lucien Bonaparte“ [2]) и „Les folies du ècle“ [3]). Мнѣ очень хочется имѣть ихъ. Отъ Сѣверина, къ дивленію моему, не получаю ни одного письма. Также и ривцовъ замолкъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Парижъ; ѣрно и къ нему не дошли мои письма. Наконецъ, благодарю съ за добрыя вѣсти о Ѳеофилактѣ, котораго не оставлю оздравить. Васъ же мысленно цѣлую и пребуду навсегда душевнымъ почтеніемъ. Братцу мое почтеніе.

---

[1]) Князь Ив. Мих. Долгорукій (род. 1764 г., ум. 1823 г.) извѣный острякъ и театралъ. Писалъ шуточныя стихотворенія и пѣсни.

[2]) Ласъ-Казасомъ здѣсь ошибочно названъ Le comte de Las-Cases 766 † 1842), занимавшій разныя должности при Наполеонѣ I и бывшій нимъ изъ четырехъ сотоварищей его въ изгнаніи. Его «Mémoires» шли въ Парижѣ въ 1819 г.

[3]) «Les folies du siècle». Roman philosophique, par M.*** (Lelarge de urdoueix.). Paris. 1817.

90. В. А. Жуковскому.

С.-Петербургъ, февраля 23-го (1819 г.).

Благодарю васъ очень искренно, любезный Василій Андреевичъ, за принятую вами заботу о моихъ сочиненіяхъ. Это, можетъ быть, послѣднее изданіе, такъ я желалъ бы видѣть его сколько можно исправнѣйшимъ со стороны корректуры. Довольно грѣховъ и самого автора. Соглашаюсь на ваши поправки, и прошу васъ сноситься со мною и впредь о тѣхъ мѣстахъ, которыя почтете нужнымъ исправить. Простите, молодой счастливецъ во всѣхъ отношеніяхъ. Будьте здоровы и увѣрены въ искренной моей къ вамъ привязанности. Кланяйтесь Антону Антоновичу [1]).

91. А. И. Тургеневу.

Мартъ 1819 г. Москва.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, съ полученіемъ званія дѣйствительнаго камергера и члена, если не ученаго, такъ благонамѣреннаго сословія. При семъ искренно благодарю васъ за обѣщаніе одолжить меня „Записками“ Ласъ-Казаса и за добрую вѣсть о награжденіи эксъ-директора знакомъ отличія. Добрый Грамматинъ [2]) внѣ себя отъ радости и чувствительно тронутъ вашимъ къ нему доброжелательствомъ, или лучше сказать дѣятельнымъ покровительствомъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ въ московскихъ газетахъ рѣчь Уварова при открытіи Петербургскаго университета [3]). Увѣренъ, что подъ его надзоромъ оный университетъ года въ три или четыре, конечно, перещеголяетъ своего дѣдушку москвитянина. Онъ вѣрно возродитъ въ профессорахъ благородное соревнованіе и будетъ умѣть оцѣнивать талантъ и заслугу.

Что же вы не пришлете ко мнѣ портрета добраго поэта Жуковскаго? Мнѣ очень хочется имѣть его. Простите, любез-

---

[1]) Барону Дельвигу.

[2]) Никол. Ѳедор. Грамматинъ (род. 1766 г., ум. 1827 г.) служилъ у Дмитріева въ министерствѣ юстиціи, а съ 1812 г. по 1819 г. былъ директоромъ Костромской гимназіи.

[3]) «Московскія Вѣдомости» 1819 г., № 18.

нѣйшій Александръ Ивановичъ. Кланяйтесь вашему братцу и будьте увѣрены въ душевномъ почтеніи къ вамъ.

P. S. Отъ Сѣверина я получилъ, наконецъ, письмо, которое меня очень растрогало. Онъ собирается къ Пирмонтовскимъ водамъ.

---

92. А. И. Тургеневу.

10-го апрѣля 1819 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и пересылку отъ князя Вяземскаго книги. Прошу васъ при случаѣ увѣрить его въ искренней моей благодарности за гостинецъ. Самъ же не хочу писать къ нему par représailles, ибо онъ съ выѣзда изъ Москвы не писалъ ко мнѣ еще ни строчки. Одинъ только старый Пушкинъ награждается его письмами.

Участь бѣднаго Коцебу [1]) не выйдетъ у меня изъ памяти. Блаженни книжники, скорописцы, нищи талантомъ и славою, яко тіи тучни и долголѣтни! И такъ, не втунѣ Каченовскій глумилъ и глумитъ надъ исторіографомъ, какъ надъ малолѣтнимъ и безграмотнымъ школьникомъ. „Conservateur", о которомъ здѣсь говорятъ, будто это оффиціальная газета, издаваемая будто подъ особеннымъ надзоромъ президента Академіи Наукъ, назвалъ его „auteur célèbre par de nombreux ouvrages, qui se distinguent éminement par leur utilité etc". А Россійская Академія усыновила его, и какъ нарочно, тотчасъ послѣ оскорбительныхъ и нелѣпыхъ фразъ его на счетъ Карамзина [2]). Да здравствуетъ наше просвѣщеніе! Каждый номеръ газетъ, каждое къ нимъ прибавленіе, многія статьи журналистовъ доказываютъ успѣхи его въ наше время [3]). Какіе прекрасные образцы для

---

[1]) Авг. Фридр. Коцебу (род. 1761 г.) извѣстный нѣмецкій драматическій писатель, бывшій съ 1801 г. директоромъ нѣмецкаго театра въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ съ 1814 г. генеральнымъ консуломъ Кенигсбергѣ. 23 марта 1819 г. былъ убитъ іенскимъ студентомъ Зандомъ.

[2]) 8-го марта 1819 г. Каченовскій былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

[3]) «Conservateur»—о вліяніи Радищева и Нарѣжнаго на успѣхи нашей словесности и славу Жуковскаго и Батюшкова *). «Инвалидъ»—статья противъ просвѣщенія, рецензіи, и политическое извѣстіе изъ Константинополя о Грузіи. «Труды Казанскаго Ученаго общества»—разборъ красотъ гр. Хвостова и пр.—Моск. Унив. издаваемый журналъ:—насмѣшки надъ единственнымъ нашимъ писателемъ. *Прим. Дмитріева.*

*) Статья „Coup d'oeil sur l'état actuel de la litterature russe", напечатана въ „Conservateur impartial" 1817. № 77.

нашихъ дѣлъ на поприщѣ словесности! Карамзинъ всегда журитъ меня за мое лепетанье объ этомъ, но я не могу быть хладнокровнымъ, хотя и самъ не радъ тому. Простите, почтенный Александръ Ивановичъ, и вы, что я, можетъ быть, утрудилъ ваше терпѣніе. Поздравляю васъ съ праздникомъ и съ самымъ искреннимъ почтеніемъ пребуду навсегда и пр.

---

93. А. И. Тургеневу.

4-го мая 1819 г. Москва.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за увѣдомленіе о Сѣверинѣ. Оно меня успокоило. Здѣсь я пораженъ былъ слухами, будто его уже нѣтъ на свѣтѣ, а другіе сказывали, что онъ живъ еще, но помѣшанъ въ умѣ. Вы можете судить легко ли мнѣ было о томъ и другомъ слышать.

Я передалъ и поклонъ и упрекъ вашъ Пушкину. Онъ сейчасъ только меня оставилъ и поручилъ вамъ сказать, что весь грузъ отправитъ къ вамъ, даже и на легкой почтѣ. Оный состоять будетъ въ цѣлыхъ двухъ эпиграммахъ. Изъ нихъ одна, самая свѣжая, на Каченовскаго. И такъ, онъ ускользнулъ отъ пораженія Вяземскаго: какой счастливецъ! Вѣрно покровительствуетъ ему Палиссотова богиня.

Утѣшаюсь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что вы ласкаете меня надеждою увидѣться съ вами на берегу Патріаршихъ Прудовъ. Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю и пребуду навсегда съ душевнымъ почтеніемъ.

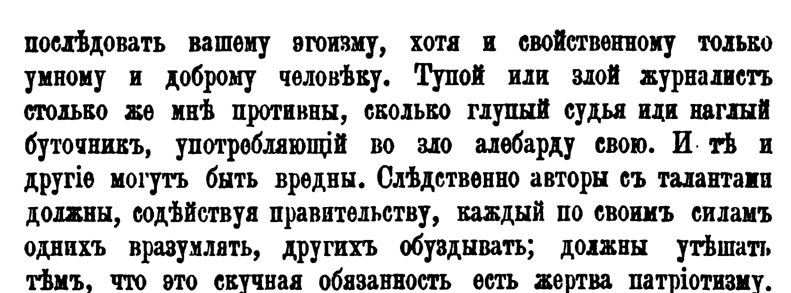
94. А. И. Тургеневу.

19-го мая 1819 г. Москва.

Это былъ для меня счастливый часъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, въ который вы захотѣли говорить со мною съ большею охотою и откровенностью, и за то благодарность вамъ отъ всего сердца. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я плѣнительную вашу апологію [1]), но, признаюсь, не могу

---

[1]) Тургеневъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 6-го мая 1819 г. объяснялъ, *почему* онъ не читаетъ русскихъ журналовъ. (Русск. Арх 1867 г., № 4, *ст. 648*).

послѣдовать вашему эгоизму, хотя и свойственному только умному и доброму человѣку. Тупой или злой журналистъ столько же мнѣ противны, сколько глупый судья или наглый буточникъ, употребляющій во зло алебарду свою. И тѣ и другіе могутъ быть вредны. Слѣдственно авторы съ талантами должны, содѣйствуя правительству, каждый по своимъ силамъ однихъ вразумлять, другихъ обуздывать; должны утѣшать тѣмъ, что это скучная обязанность есть жертва патріотизму.

Нетерпѣливо желаю узнать послѣднее произведеніе оригинальнаго и истиннаго поэта Вяземскаго, котораго, конечно, не затмитъ и молодой Пушкинъ, хотя бы талантъ его и достигъ до полной зрѣлости. Между тѣмъ буду очень сожалѣть, если предшествовавшее останется подъ спудомъ; сожалѣть не объ немъ конечно, и не объ Вольтерѣ [1]). Я могу соглашаться съ Нонотомъ, и въ тоже время отдавать справедливость генію въ томъ, что произведено имъ прекраснаго и полезнаго. Сожалѣть также и о томъ, если новая должность Николая Ивановича [2]) заставитъ его отложить издаваніе журнала. Увѣрьте его въ моемъ почтеніи.

Какъ счастливъ Батюшковъ подъ голубымъ небомъ Авзоніи! Однакожъ не лишайте его свѣдѣній о плодахъ отечественнаго огорода. Пошлите къ нему „Нѣкоторыя мысли о сущности басни“.

Отечества и дымъ пріятенъ! [3]).

Недавно былъ я у вашей матушки; она нетерпѣливо хочетъ васъ видѣть. Повѣрьте, что вамъ будетъ радъ и пребывающій къ вамъ съ душевнымъ почтеніемъ и пр.

---

95. А. И. Тургеневу.

25-го (мая) 1819 г. Москва.

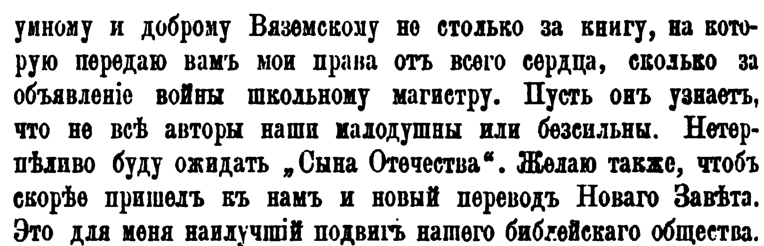
Тысячу благодарностей, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше писаніе. Спасибо

---

[1]) Тургеневъ писалъ, что цензура запретила статью о Вольтерѣ кн. Вяземскаго. (Тамъ же).

[2]) Н. И. Тургеневъ, былъ назначенъ управляющимъ III отдѣленіемъ министерства финансовъ. (Тамъ же).

[3]) Перифразъ стиха изъ стихотворенія Державина «Арфа»—«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

умному и доброму Вяземскому не столько за книгу, на которую передаю вамъ мои права отъ всего сердца, сколько за объявленіе войны школьному магистру. Пусть онъ узнаетъ, что не всѣ авторы наши малодушны или безсильны. Нетерпѣливо буду ожидать „Сына Отечества“. Желаю также, чтобъ скорѣе пришелъ къ намъ и новый переводъ Новаго Завѣта. Это для меня наилучшій подвигъ нашего библейскаго общества.

Напрасно вы не читаете нашихъ журналовъ. Если образованные люди и авторы съ талантомъ не будутъ заниматься ими, то кто же будетъ надзирать за журналами? Они и подавно заврутся или будутъ тиранами въ словесности. Наша публика не можетъ еще быть ихъ нянюшкою. Она вѣруетъ слѣпо въ того, кто наглѣе другихъ, и даже любитъ читать ихъ насмѣшки и оскорбленія на счетъ извѣстныхъ авторовъ.

И такъ, Стурдза [1]) скоро будетъ къ вамъ и съ молодою женою. Очень хорошо дѣлаетъ. И то и другое будетъ ему во здравіе. Гдѣ же милый мой Сѣверинъ? Увѣдомьте меня, гдѣ онъ и скоро ли возвратится? Я позавидовалъ вашей вечеринкѣ у Натальи Яковлевны [2]).

Грустно подъ старость жить какъ въ чужой семьѣ далеко отъ всѣхъ, которыхъ любилъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и въ пользу: помаленьку привыкаешь отставать отъ всѣхъ мірскихъ благъ, а чѣмъ меньше скарбу, тѣмъ легче собираться въ дорогу. Однакожъ хочется еще всѣхъ видѣть. Между тѣмъ съ чувствомъ непритворной любви и душевнаго почтенія навсегда имѣю честь быть и пр.

P. S. Братцу мое почтеніе. Состоится ли журналъ его? Получу ли я Ласъ-Казаса? Томлюсь ожиданіемъ того и другого.

---

96. А. И. Тургеневу.

(Іюнь 1819 г. Москва).

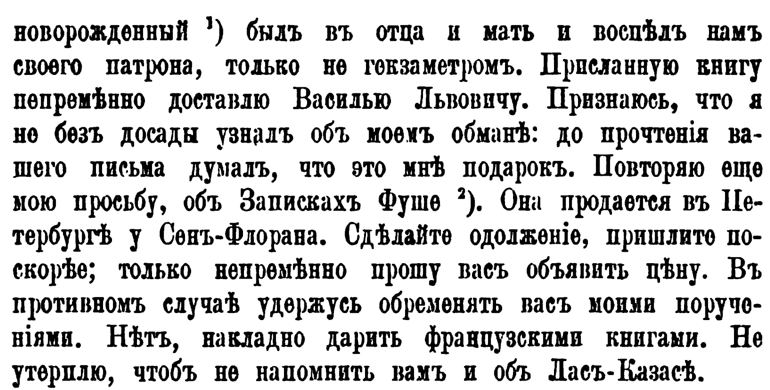
Благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за добрую вѣсть о Катеринѣ Андреевнѣ [3]). Дай Богъ, чтобъ

---

[1]) Александръ Скарлатовичъ Стурдза (род. 1791 г., ум. 1854 г.) служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и состоялъ при посольствахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ.

[2]) Н. Я. Плюскова, близкая знакомая Дмитріева.

[3]) Карамзиной.

новорожденный [1]) былъ въ отца и мать и воспѣлъ намъ своего патрона, только не гекзаметромъ. Присланную книгу непремѣнно доставлю Василью Львовичу. Признаюсь, что я не безъ досады узналъ объ моемъ обманѣ: до прочтенія вашего письма думалъ, что это мнѣ подарокъ. Повторяю еще мою просьбу, объ Запискахъ Фуше [2]). Она продается въ Петербургѣ у Сенъ-Флорана. Сдѣлайте одолженіе, пришлите поскорѣе; только непремѣнно прошу васъ объявить цѣну. Въ противномъ случаѣ удержусь обременять васъ моими порученіями. Нѣтъ, накладно дарить французскими книгами. Не утерплю, чтобъ не напомнить вамъ и объ Ласъ-Казасѣ.

За тѣмъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи видѣть васъ въ Москвѣ, съ душевнымъ почтеніемъ навсегда, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Хотѣлъ бы знать объ дальнѣйшій участи піесы Вяземскаго.

---

97. А. В. Казадаеву

Москва. 1819 г. іюня 3-го дня.

Милостивый государь Александръ Васильевичъ. Спѣшу изъявить вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за обязательное ваше писаніе и за пріятный для меня подарокъ вторымъ томомъ прекраснаго вашего перевода [3]). Желательно, милостивый государь, чтобы искусстное ваше перо со временемъ еще обогатило нашу словесность переводомъ и біографіи Фридриха, по истинѣ военнаго. Впрочемъ, препоручая себя въ продолженіе вашего ко мнѣ благорасположенія, съ чувствами личнаго почтенія и преданности навсегда имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

98. А. И. Тургеневу.

2-го іюля 1819 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за добрую вѣсть о Пушкинѣ, чѣмъ я очень по-

---

[1]) Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ (род. 1819 г., ум. 1879 г.).

[2]) «Mémoires de la vie publique de M. Fouché, duc d'Otrante». Paris. 1819.

[3]) Рецовъ «Новыя историческія записки о семилѣтней войнѣ». С.-Пб. 1818 г.

радованъ, равно какъ и за книгу. Она интересна, однако же я ожидалъ большаго, полагая, что она имъ самимъ писана, та самая, о которой нѣкогда предваряли во французскихъ газетахъ. Пускай Вяземскій пишетъ, что хочетъ, буду читать все съ удовольствіемъ. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, прислать съ попутчикомъ запрещенную его піесу? Удивительно, если запрещена только за то, что онъ хвалитъ талантъ Вольтера. Одинъ только безграмотный калмыкъ можетъ не хвалить его.

Черезъ два дня будетъ годичный актъ въ университетѣ. Каченовскій, какъ я слышалъ, будетъ очереднымъ ораторомъ. Туликратный Антонъ [1]) пріѣзжалъ самъ звать меня. Я обѣщалъ, только съ условіемъ, что если Каченовскій и съ каѳедры [illegible] знаемому на Карамзина, тогда я возвращу имъ дипломъ и навсегда съ ними разстанусь.

До свиданія, почтенный Александръ Ивановичъ, будьте здоровы и продолжайте любить преданнаго вамъ навсегда и пр.

---

99. А. И. Тургеневу.

30-го іюля 1819 г. Москва.

[illegible] сожалѣю, милостивый государь Александръ Ивановичъ, [illegible] кончинѣ Осипа Петровича [2]). Я долженъ съ [illegible] вспомнить его; онъ захотѣлъ быть знакомъ со [illegible] моемъ сержантствѣ, продолжалъ пріязнь свою ко [illegible] министерскомъ нашемъ служеніи и впослѣдствіи до[illegible], что любитъ и отставныхъ на равнѣ съ служа[illegible] [illegible] васъ, если будетъ случай и мѣсто, увѣрить [illegible] [3]) въ искреннемъ моемъ участіи въ ея потерѣ. [illegible] обѣдалъ въ клобѣ. Тамъ уже начинаютъ ворожить, [illegible] [illegible]никомъ [4])? Будучи увлеченъ заразою примѣровъ, [illegible] [illegible] голосъ въ пользу Аршеневскаго [5]). И тогда

[1]) [illegible] Прокоповичъ.

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

[4]) [illegible] мин. внутр. дѣлъ былъ назначенъ гр. В. П.

[5]) [illegible] Аршеневскій (род. 1755., ум. 1820 г.) сенаторъ и [illegible] коллегіи.

же подумалъ, а можетъ быть Кампенгаузенъ [1]) или Корнѣевъ [2])? Я разбогатѣлъ „Опытами“ воспитанниковъ Духовной Академіи. Сегодня еще получилъ три экземпляра отъ ректора. За бездѣйствіемъ нашихъ геніевъ, искренно радъ и „Опытамъ“.

Утѣшьте меня присылкою, если можно, хотя первой пѣсни поэмы [3]) Пушкина. Нетерпѣливо хочу узнать ее.

Скажите Николаю Михайловичу, что я въ первый разъ доволенъ его портретомъ (Уткина). Онъ очень сходенъ. Глядя на него, я какъ будто вижу и слышу самого историографа.

Затѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ на всегда пребуду и пр.

---

100. А. И. Тургеневу.

10-го августа 1819 г. Москва.

Искренно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за два письма и два гостинца. Въ такъ называемой поэмѣ я нашелъ довольно сильныхъ стиховъ, но сряду читать всю право устанешь. Родимое покороче, однакожъ и оно, для бесѣды съ цвѣточкомъ, также длинновато. По крайней мѣрѣ, я не могъ бы имѣть столько терпѣнія. Одолжите меня сообщеніемъ и обѣщанныхъ двухъ донесеній. Я ожидаю, что они будутъ растворены шутливою веселостію, и слѣдственно болѣе придутъ на мой вкусъ. Просилъ бы также васъ прислать хотя нѣсколько стиховъ изъ поэмы молодого Пушкина. Батюшковъ раздразнилъ мое любопытство. Вчера я порадованъ былъ Дашковымъ, который пишетъ, что онъ рѣшился непремѣнно возвратиться въ отчизну. Воздухъ Константинополя не благопріятствуетъ его здоровью. Хорошо бы, еслибъ и Вяземскому припилось венгерское, а Батюшкову пріѣлись устрицы и макароны.

Сегодня братъ мой отправился во свояси. Можетъ быть, черезъ недѣлю и я пущусь въ слѣдъ за нимъ; можетъ быть, въ ветхомъ домѣ, моемъ ровесникѣ (ибо въ немъ праздновали

---

[1]) В. В. Кампенгаузенъ былъ государственнымъ контролеромъ и, послѣ Кочубея, управлялъ мин. внутр. дѣлъ съ 28 іюля по 29 авг. 1823 г.

[2]) Захаръ Яковлевичъ Корнѣевъ (род. 1748., ум. 1828 г.) членъ госуд. совѣта.

[3]) «Русланъ и Людмила», тогда еще не вышедшей въ свѣтъ.

новоселье вмѣстѣ съ моимъ рожденіемъ) удастся мнѣ написать первыя страницы моихъ воспоминаній? Не поздно ли? Можетъ быть, тамъ и умру. Чему быть, того не миновать. Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ,

Кланяйтесь отъ меня почтеннымъ Карамзинымъ и Натальѣ Яковлевнѣ.

---

101. А. И. Тургеневу

(Сентярбь 1819 г.)

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Пріѣхавъ вчера въ Симбирскъ, имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, за которое и спѣшу принести вамъ покорнѣйшую мою благо[illegible]. Что сказать вамъ отсюда? Отъ самой Москвы до [illegible]ской деревни ѣхалъ весьма трясною дорогою, даже не[illegible] дорогою; ибо старая, въ силу послѣднихъ распоря[illegible], запахана, а новая еще не выровнена и не утоптана. По крайней мѣрѣ полюбились мнѣ новый нашъ губернаторъ[1]) [illegible] ви[illegible]-губернаторъ. Оба, кажется, обѣщаютъ нашей отчизнѣ миръ [illegible] [illegible]денствіе. Одинъ говорилъ со мною о многихъ нѣмецкихъ [illegible], которые онъ получаетъ и объ ихъ авторахъ; а другой [illegible] Бильфельдѣ, Сонненфельсѣ, Бентамѣ и о своей дол[illegible]. [illegible] первый разъ удалось мнѣ слышать отъ высокихъ [illegible] начальниковъ разговоръ такого содержанія, и я, [illegible] патріотъ, право былъ обрадованъ. Съ городскимъ [illegible] Маздорфомъ[2]) некогда было увидѣться, да [illegible] и въ городѣ. Слышалъ только, что онъ про[illegible] бѣдность, воспѣвать любовь и поучать глухо[illegible] своихъ басняхъ. Вотъ всѣ наши но[illegible] мнѣ вашими. Теперь я въ деревнѣ, уже въ [illegible]. Долго ли проживу, Богу извѣстно. Желаю [illegible] скорѣй, очутиться въ Москвѣ. Между тѣмъ [illegible]нимаю и пр.

[1]) [illegible]22 г. симбирскимъ губернаторомъ былъ Мих. Леоп.

[2]) [illegible] Карл. (ум 1820 г.) поэтъ и баснописецъ.

P. S. Оторвите Жуковскаго отъ нѣмчизны. Пора ходить а своихъ ногахъ, описать что нибудь поважнѣе.

102. А. И. Тургеневу.

4-го сентября 1819 г. Село Богородицкое.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Всѣмъ серд-эмъ благодарю васъ за два письма, изъ коихъ одно я имѣлъ довольствіе получить еще въ Москвѣ, но передъ самымъ ъѣздомъ. Вяземскій въ сердитомъ или веселомъ духѣ, всегда іѣетъ прельстить меня. Увѣренъ, что апологъ его о мед-ѣдѣ [1]) ничего ему не стоилъ, но сколько и тутъ остроты, раваго разсудка и легкости въ стихосложеніи! Онъ истинно эиродный поэтъ. Жаль, что не надѣюсь дожить до полной рѣлости его таланта, равно какъ и молодого Пушкина.

На мою долю выпалъ дядя, а потомству племянникъ. ь нетерпѣніемъ буду ожидать что нибудь изъ его поэмы, івно какъ и обѣщанные веселые стихи В. А. Жуковскаго.

Теперь я въ деревнѣ. Нѣкто Быковъ трудится надъ рас-эложеніемъ участковъ недвижимаго имѣнія для раздѣла, а между тѣмъ читаю Гуфланда „О долголѣтней жизни“ и не-эльно вспоминаю басню „Смерть и умирающій“. Не поздно і и то и другое?

Вмѣсто вашего Каразина могъ бы и я отдѣлаться город-ичимъ. Но я скажу всю правду; изъ отдаленной глухой эревни право трудно писать и долго и занимательно, если э имѣешь плодовитой остроты и веселости князя Вяземскаго. . такъ, заключу душевнымъ почтеніемъ, съ которымъ навсегда ребудетъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ (митріевъ,

103. А. И. Тургеневу,

(1819 г. Октябрь-ноябрь.)

Чувствительно благодарю я васъ, милостивый государь юбезный Александръ Ивановичъ, за два ваши письма, за всѣ

[1]) Апологъ «Медвѣдь» кн. П. А. Вяземскаго былъ приведенъ въ письмѣ Ургенева къ Дмитріеву отъ 7 авг. 1819 г. (Русск. Арх. 1867., № 4. т. 651.)

добрыя вѣсти и за присылку книжицы. Ѳома Кемпійскій [1]) давній мой знакомецъ: я читалъ его еще въ цвѣтущихъ моихъ лѣтахъ, во времена Типографической въ Москвѣ компаніи. Тогда, помнится, было два перевода: одинъ въ „Христіанской Библіотекѣ", а другой напечатанъ особо. Не помню только, нынѣшнимъ языкомъ переведены или славянскимъ, подобно сей книжицѣ. Признаюсь, что частыя есьмы не прибавляютъ ни назиданія, ни красоты слогу.

Искренно прошу васъ прислать рѣчь Жуковскаго; увѣренъ, что она будетъ съ идеями и жажду читать ее. Будетъ ли напечатана въ „Сѣверной Почтѣ" рѣчь Орлова, говоренная въ К. Библ. Отдѣленіи. Она здѣсь ходитъ въ рукописи.

Теперь наши литераторы, ощипавъ всѣ цвѣты въ французской и нѣмецкой литературахъ, принялись за доброе дѣло, заимствовать у своихъ сосѣдей, и очень хорошо дѣлаютъ. Чужое въ расходѣ, а свое пускай въ головѣ зрѣетъ. Чѣмъ бы Каченовскому наполнить Вѣстникъ, если бы не крохоборилъ въ „Литовскомъ Курьерѣ"? По крайней мѣрѣ князь Вяземскій довольно хорошо, хотя и не вездѣ чисто, перевелъ замысловатыя бездѣлки польскаго поэта, вѣрно Красицкаго. Почти всѣ его басни въ такомъ тонѣ.

Видѣлъ ли Николай Михайловичъ критику варшавскаго автора на его исторію и карту древней Россіи, которую Каченовскій поспѣшилъ сообщить намъ въ послѣдней книжкѣ Вѣстника. [2]) Неужели онъ будетъ все отмалчиваться и отъ иноплеменныхъ? Я все того мнѣнія, что отвѣчать должно, особливо въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы. Иначе она будетъ раздольемъ бумагомарателей.

Простите меня, если вамъ наскучилъ. Дивлюсь и самъ, что такъ много напестрилъ въ такое время, когда сердце исполнено горести [3]), о которой вы узнаете отъ Николая Михайловича. Впрочемъ, съ отличнымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

---

[1]) Ѳома Кемпійскій «О подражаніи Христу» С-Пб. 1819—1821 г. 3 ч., пер. съ лат. Мих. Сперанскій. За отсутствіемъ переводчика, Тургенева принялъ на себя только заботы по изданію перевода.

[2]) З. Я. Доленга-Ходаковскій въ статьѣ «Розысканія касательно русской исторіи» (Вѣст. Евр. 1819 г., ч. 107.) отзывался очень грубо о Карамзинѣ и его «Исторіи Госуд. Россійскаго».

[3]) Въ 1819 г. умеръ отецъ Дмитріева.

104. А. И. Тургеневу.

14-го декабря 1819 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за ваше послѣднее письмо и за брошюру о Попечительномъ обществѣ о тюрьмахъ [1]), равно какъ и за пересылку французскаго перевода Русской Исторіи [2]). Издатели „Revue Encyclopèdique“ обѣщаютъ выдать анализъ отпечатанныхъ томовъ. Любопытно видѣть, одинаковымъ ли тономъ будутъ они писать съ профессоромъ Московскаго университета о нашемъ исторіографѣ?

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ рѣчи Василія Андреевича, читанной въ Россійской Академіи. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи. Надѣюсь, что вы также не откажете мнѣ и въ покорнѣйшей моей просьбѣ подарить меня переводомъ Ѳомы Кемпійскаго на лучшей бумагѣ, ежели у васъ, какъ у издателя, есть лишніе экземпляры.

Здѣсь недавно происходило чтеніе въ Обществѣ Любителей Словесности. Потчивали басенкой Василія Львовича и двумя князя Шаликова, да еще было читано кое-что стихотворнаго стараго Капниста и птенцовъ московскаго Парнасса [3]). Я не былъ.

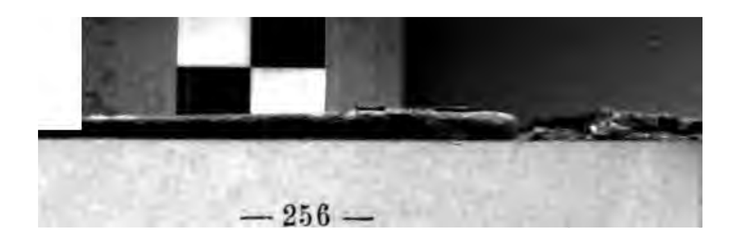
Можетъ быть, матушка ваша винитъ меня, что я такъ давно не видался съ нею, не зная, что домашнія мои печальныя обстоятельства и собственная моя болѣзнь были тому причиною. На дняхъ постараюсь посѣтить ее. Простите, любезный Александръ Ивановичъ, будьте увѣрены въ отличномъ почтеніи, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.
P.S. Николаю Ивановичу мое почтеніе. Пришлите хоть листочекъ его журнала.

---

[1]) Попечительное общество о тюрьмахъ было учреждено въ С.-Петербургѣ въ 1819 г., подъ предсѣдательствомъ кн. А. Н. Голицына

[2]) Histoire de Russie, par M. Karamsin, traduite par MM. Saint-Thomas et Jauffret.

[3]) Въ собраніи «Общества Любит. Росс. Слов.», состоявшемся 29-го нояб. 1819 г., В. Л. Пушкинъ читалъ басню своего сочиненія «Прохожій и Рѣка» и двѣ басни кн. Шаликова «Дорога» и «Халатъ и дѣти». Изъ произведеній В. В. Капниста были прочитаны—Мерзляковымъ—стихотвореніе «Къ несчастному»; Шелеховымъ —ода Горація «къ Меценату» В. Л. Пушкинымъ—«къ Пиррѣ». (Труды Общ. Любит. Росс. Слов. 1820 г., . XX стр. 28—29.)

105 А. И. Тургеневу.

12-го января 1820 г. Москва.

Милостивый государь любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за два послѣднія ваши письма, оба равно для меня пріятныя, и за сообщеніе мнѣ литературныхъ новостей. Весело мнѣ слышать, что Батюшковъ здоровъ и живетъ подъ Авзонскимъ небомъ не верхоглядомъ. Увѣренъ, что онъ произведетъ что нибудь достойное его таланта.

И такъ, ни рѣчи, ни стиховъ, и все кончится переводомъ. Спасибо Карамзину, что успѣлъ, что нибудь приготовить свое. Право, онъ богатырь нашъ. Это говоритъ не дружба, а сердце патріота.

Добрый Пушкинъ уже отложилъ свою поѣздку. Наканунѣ новаго года онъ было разбодрился въ маскарадѣ князя Барятинскаго, — одѣтъ былъ Сатурномъ и всюду металъ французскіе стихи, а теперь опять въ подагрѣ и лежитъ. Извѣстны ли вамъ слѣдующіе стихи:

«Кремнистый, глинистый, цикорный и глицинный...
Итрійскій, тальковый, ториновый, стронцинный...
Одна лишь кислота родъ оный растворяетъ....
Другой сморкаяся текучей мокротою....
При окисленіяхъ являетъ запахъ, пламень....

Всю эту ученую кислоту вы можете найдти, какъ въ губкѣ, въ посланіи къ Ломоносову графа Хвостова[1]). Мнѣ сдается, что онъ представитъ его въ Академію для прочтенія въ торжественномъ собраніи.

Нельзя ли потѣшить молодого поэта и передать его стихи, при семъ препровождаемые, „Сыну Отечества"; буду вамъ за то благодаренъ. Между тѣмъ, мысленно васъ обнимая, съ душевнымъ моимъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть и пр.

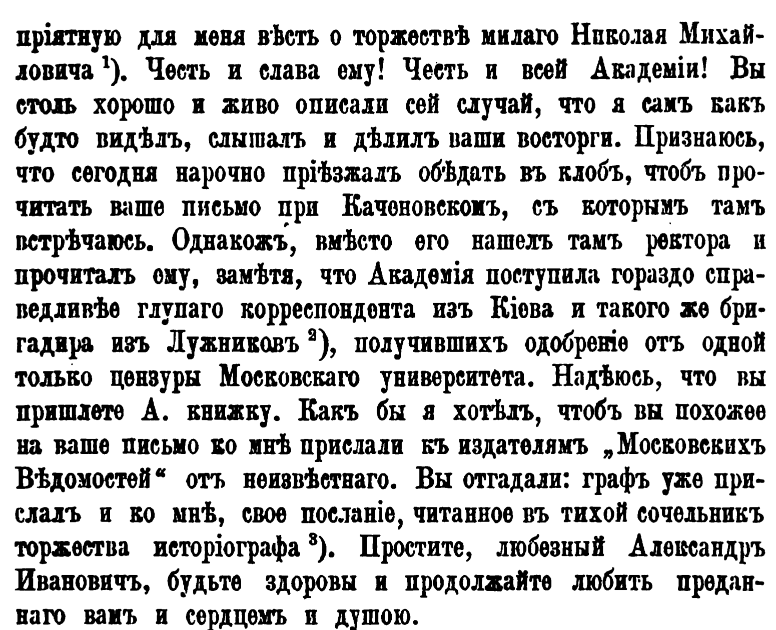
106. А. И. Тургеневу.

(14-го января 1820 г. Москва.)

Распечатываю письмо, чтобъ снова прижать васъ къ сердцу, и почти съ слезами радости возблагодарить васъ за

[1]) [illegible] дующее письмо. Послѣдніе два стиха приведены съ не-[illegible] измѣненіемъ. Въ подлинникѣ они читаются такъ:

«Другой, смокаяся текучей мокротою...
При окисленіяхъ рождаетъ запахъ, пламень.»..

пріятную для меня вѣсть о торжествѣ милаго Николая Михайловича [1]). Честь и слава ему! Честь и всей Академіи! Вы столь хорошо и живо описали сей случай, что я самъ какъ будто видѣлъ, слышалъ и дѣлилъ ваши восторги. Признаюсь, что сегодня нарочно пріѣзжалъ обѣдать въ клобъ, чтобъ прочитать ваше письмо при Каченовскомъ, съ которымъ тамъ встрѣчаюсь. Однакожъ, вмѣсто его нашелъ тамъ ректора и прочиталъ ему, замѣтя, что Академія поступила гораздо справедливѣе глупаго корреспондента изъ Кіева и такого же бригадира изъ Лужниковъ [2]), получившихъ одобреніе отъ одной только цензуры Московскаго университета. Надѣюсь, что вы пришлете А. книжку. Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ вы похожее на ваше письмо ко мнѣ прислали къ издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ неизвѣстнаго. Вы отгадали: графъ уже прислалъ и ко мнѣ, свое посланіе, читанное въ тихой сочельникъ торжества исторіографа [3]). Простите, любезный Александръ Ивановичъ, будьте здоровы и продолжайте любить преданнаго вамъ и сердцемъ и душою.

NВ. Завтра графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ отправляется къ вамъ, а спосажденный отецъ [4]) уже отправился.

---

107. А. И. Тургеневу.

27-го января 1820 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь и любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, какъ за ваше письмо, такъ и за доставленіе ко мнѣ письма отъ князя Вяземскаго. Вотъ вамъ и мой къ нему отвѣтъ, который покорнѣйше прошу васъ доставить. Читая похвалу его пирогу [5]), я облизывался и завидовалъ вашей судьбинѣ. По крайней мѣрѣ стихи его

---

[1]) А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 9-го янв. 1820 г. описывалъ торжественное собраніе Академіи наукъ, на которомъ Карамзину была поднесена большая золотая медаль. (Русск. Арх. 1867 г., № 4, ст. 654.)

[2]) См. письмо 78 и 81.

[3]) «Посланіе М. В. Ломоносову о рудословіи» гр. Д. И. Хвостова, читанное 7 янв. 1820 г. на годичномъ собраніи СПбургскаго минералогическаго общества.

[4]) Ал. Ѳед. Малиновскій. (Срвн. слѣдующее письмо).

[5]) «Посланіе Тургеневу съ пирогомъ».

также вкусны, какъ и перигордскій пирогъ, слѣдственно и я поживился.

Увѣдомьте меня, кто писалъ въ „Благонамѣренномъ" описаніе Академическаго торжества [1]). Я сказалъ ему искреннее спасибо. На Греча же искренно сердитъ, что онъ по личнымъ причинамъ уступилъ свою обязанность Украинцу [2]), между тѣмъ какъ самъ обѣщаетъ говорить только о прекрасныхъ стихахъ изъ царства ископаемыхъ [3]). Какіе у насъ журналисты! Всѣ благоговѣютъ къ издателю Вѣстника. Каковъ же отвѣтъ его тверскому корреспонденту? Можно ли написать что нибудь ругательнѣе и сквернѣе? И это пишетъ пресловутый профессоръ.

Бѣдный Пушкинъ все еще безъ ногъ. За то голова его съ помощью Арно или Флоріана вѣрно пропоетъ на досугѣ басенку для перваго собранія нашихъ словесныхъ. Отецъ спокжденный поѣхалъ къ вамъ не съ пустыми руками: повезъ ...саніе Москвы, вѣрно для всеподданнѣйшаго поднесенія, и ... старой печати русскую книгу о франмасонахъ, вѣроятно ... какого нибудь вельможи.

Будучи избалованъ вами я заключаю мое письмо новою ... айшею къ вамъ просьбою: не можете ли вы мнѣ до... Новый Завѣтъ на лучшей веленевой бумагѣ, пере... въ простой бумажкѣ, дабы я могъ переплесть его ... вкусу. Здѣсь продаютъ на самой толстой, послѣдняго ... Желалъ бы также получить скорѣе и академическую ... ымъ мысленно цѣлую васъ и пребуду навсегда и пр

---

108. А. И. Тургеневу.

1-го февраля 1820 г. Москва.

... вамъ при семъ требованную вами бездѣлку, лю... Александръ Ивановичъ. Посылаю единственно изъ ... за ваши подарки, и въ тоже время боюсь,

...урскія записки» напечатана съ подписью П. («Бла...)

... Академіи наукъ помѣщено въ «Сынѣ Отечест... № 2) въ статьѣ «Еще отрывокъ изъ древней записки ...)].

...бургскаго минералогическаго общества, на ко... гр. Хвостова «М. В. Ломоносову о рудосторіи...

чтобъ она не заставила кого нибудь назвать меня пустымъ человѣкомъ, или чтобъ кто нибудь не подумалъ, что я писалъ это въ старости лѣтъ моихъ. Князь Вяземскій развеселилъ меня письмомъ своимъ. Сдѣлайте милость, попросите его отъ меня, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ „Mèmoires de Bonaparte“ Я слышалъ, что Ласъ-Казасъ уже выдалъ ихъ въ Парижѣ. Другимъ путемъ сюда они придутъ не скоро, а можетъ быть и никогда.

Видно письма мои не дошли не дошли ни до Блудова, ни до Кривцова. Одинъ не отвѣчалъ, а другой пересталъ писать. Ежели вы переписываетесь съ послѣднимъ, то прошу васъ увѣдомить его, что я отвѣчалъ ему и уже очень давно. Будучи обязанъ его ласкою, я не хотѣлъ бы оставаться у него въ виноватыхъ.

Для масленицы довольно исписать и страницу. И такъ, примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи, съ которымъ навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.

Пушкинъ все еще не развязался съ подагрою.

---

109. А. И. Тургеневу.

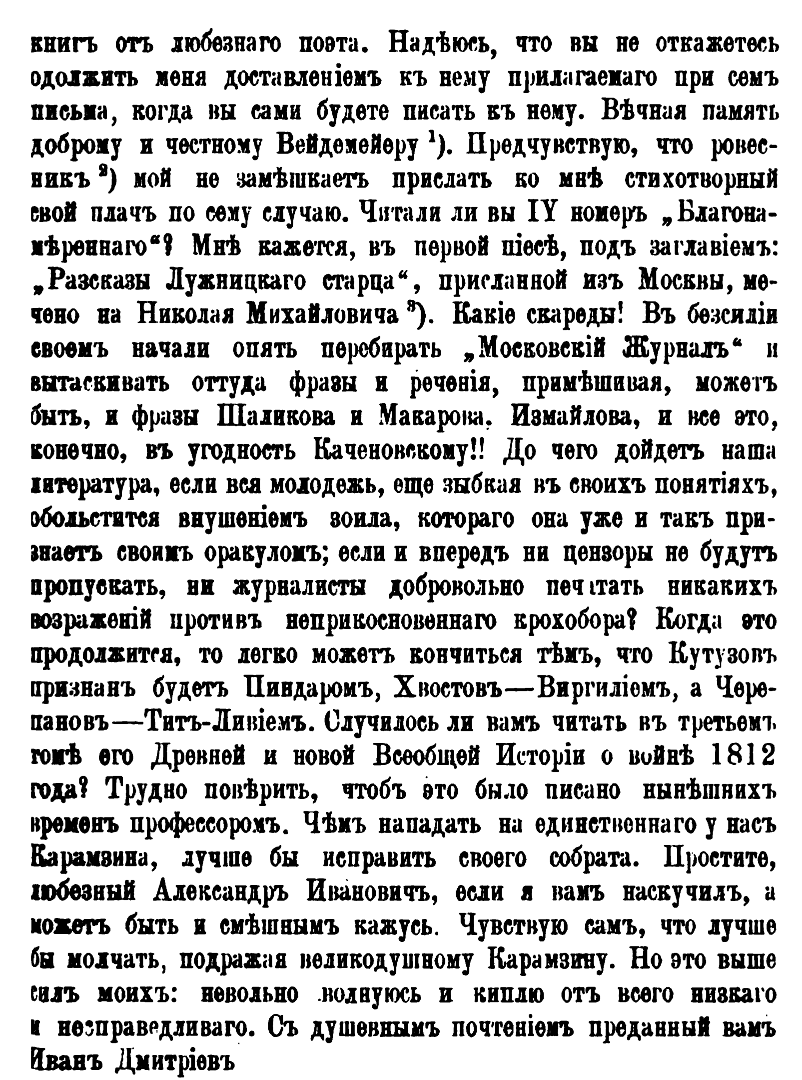
12-го февраля 1820 г. Москва.

Милостивый государь и любезный Александръ Ивановичъ. Я просилъ васъ о доставленіи мнѣ Новаго Завѣта послѣдняго библейскаго изданія на славянскомъ и простонародномъ языкахъ въ двѣ колонны и на лучшей веленевой бумагѣ. На простой я уже имѣлъ два экземпляра, а этимъ экземпляромъ хочется украсить мою библіотеку.

Кажется, вы еще не получили благодарности моей за программу о новомъ Педагогическомъ училищѣ. Подавай Богъ больше ума и авторовъ. Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? [1]) Я не хотѣлъ бы, чтобъ онъ для всѣхъ журналистовъ былъ щедръ. Пускай бы одинъ только журналъ былъ хранилищемъ лучшаго.

---

[1]) Въ журналѣ «Благонамѣренный», издававшемся А. Е. Измайловымъ 1820 г. № 2 напечатаны слѣд. стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго: «Уставъ столовой», «Къ красавицѣ уединенной», «Трудная задача», «Княжнинъ и Фонвизинъ» и нѣсколько эпиграммъ.

книгъ отъ любезнаго поэта. Надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить меня доставленіемъ къ нему прилагаемаго при семъ письма, когда вы сами будете писать къ нему. Вѣчная память доброму и честному Вейдемейеру [1]). Предчувствую, что ровесникъ [2]) мой не замѣшкаетъ прислать ко мнѣ стихотворный свой плачъ по сему случаю. Читали ли вы IY номеръ „Благонамѣреннаго"? Мнѣ кажется, въ первой піесѣ, подъ заглавіемъ: „Разсказы Лужницкаго старца", присланной изъ Москвы, мечено на Николая Михайловича [3]). Какіе скареды! Въ безсиліи своемъ начали опять перебирать „Московскій Журналъ" и вытаскивать оттуда фразы и реченія, примѣшивая, можетъ быть, и фразы Шаликова и Макарова, Измайлова, и все это, конечно, въ угодность Каченовскому!! До чего дойдетъ наша литература, если вся молодежь, еще зыбкая въ своихъ понятіяхъ, обольстится внушеніемъ зоила, котораго она уже и такъ признаетъ своимъ оракуломъ; если и впередъ ни цензоры не будутъ пропускать, ни журналисты добровольно печатать никакихъ возраженій противъ неприкосновеннаго крохобора? Когда это продолжится, то легко можетъ кончиться тѣмъ, что Кутузовъ признанъ будетъ Пиндаромъ, Хвостовъ—Виргиліемъ, а Черепановъ—Титъ-Ливіемъ. Случилось ли вамъ читать въ третьемъ томѣ его Древней и новой Всеобщей Исторіи о войнѣ 1812 года? Трудно повѣрить, чтобъ это было писано нынѣшнихъ временъ профессоромъ. Чѣмъ нападать на единственнаго у насъ Карамзина, лучше бы исправить своего собрата. Простите, любезный Александръ Ивановичъ, если я вамъ наскучилъ, а можетъ быть и смѣшнымъ кажусь. Чувствую самъ, что лучше бы молчать, подражая великодушному Карамзину. Но это выше силъ моихъ: невольно волнуюсь и киплю отъ всего низкаго и несправедливаго. Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ Иванъ Дмитріевъ

P.S. Всякую назначенную для пересылки книгу я прошу васъ предварительно давать Натальѣ Яковлевнѣ.

[1]) Ив. Андр. Вейдемейеръ (род. 1752 г., ум. 1820 г.), сенаторъ и членъ госуд. совѣта.

[2]) Графъ Д. И. Хвостовъ.

[3]) «Разсказы Лужницкаго старца и мои воспоминанія о немъ». («Благонамѣренный». 1820 г., №№ IV—V).

112. Н. Ѳ. Грамматину [1]).

Москва. 1820 г. марта 21-го.

Милостивый государь мой Николай Ѳедоровичъ. Хотя и поздно, но приношу вамъ искреннѣйшую благодарность мою за посвященіе мнѣ вашего перевода Оссіановой пѣсни [2]). Вамъ легко повѣрить, что я принялъ этотъ подарокъ не съ равнодушіемъ: мнѣ очень нравились и первые ваши опыты и я не однажды убѣждалъ васъ къ продолженію оныхъ. Надѣюсь, что вы исполните мое желаніе и, отложа на время еврейскую поэзію [3]), подарите нашу словесность полнымъ переводомъ шотландскаго барда. Желалъ бы при томъ, чтобъ вы не употребляли другого размѣра. Теперь досуга для васъ много. Чѣмъ же лучше занять его, какъ не упражненіемъ умственныхъ вашихъ способностей къ собственному вашему и другихъ удовольствію? Впрочемъ, поздравляю васъ съ наступающимъ высокимъ праздникомъ христіанскаго міра и съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

113. А. И. Тургеневу.

(Апрѣль—Май 1820 г.)

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за доставленіе Курьера. Какъ бы одолжили присылкою и прочихъ, когда отыщете. Буду стараться прочитать [illegible] листокъ Антону Антоновичу [4]) и витязю ихъ Каченовскому. Пусть они увидятъ, какъ пишутъ литораторы. Они [illegible], и критикуя, вмѣстѣ съ тѣмъ и хвалятъ.

Наконецъ, удалось мнѣ увидѣть два отрывка ожидаемой [illegible] [5]). Цадя восхищается, но я думаю оттого, что [illegible] этими отрывками еще не раздавилъ его.

[1]) [illegible] см. письмо 91.

[2]) [illegible], къ которой присоединено посвященіе переводчика Дмит[illegible] Грамматина изъ Оссіана напечатаны во 2-й ч. его «Сти[illegible] 116. 1829 г.)

[3]) [illegible] еврейскія пѣснотворенія» (Тамъ же).

[4]) [illegible] -Прокоповичу.

[5]) [illegible] изъ поэмы А. С. Пушкина «Русланъ и Людмила» был[illegible] [illegible] Отеч.» 1820 г., ч. 61. № 15—16.

Я очень радъ, что вы полюбили Москву; только прошу съ, для чести моей и собственной вашей, называть кварталъ шъ не Козихою, а Патріаршими Прудами. За симъ обниию васъ въ мысляхъ и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда ребуду вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою ванъ Дмитріевъ.

P. S. О какомъ вы говорите защищеніи невинности? ельзя ли прислать копію съ этой статьи? Я на обмѣнъ рислалъ бы что-нибудь и изъ моего архива.

---

114. А. И. Тургеневу.

31-го мая (1820 г.). Москва.

Посылаю къ вамъ, милостивый государь мой и любезнѣйшій лександръ Ивановичъ, письма къ Сѣверину и князю Вяземюму. Первое покорнѣйше прошу васъ незамедля отправить ь Стурдзѣ. Мнѣ хочется, чтобъ Сѣверинъ засталъ его на орогѣ въ Россію, т. е. въ Бѣлоруссію, куда онъ, вѣроятно, ке подвигается. Еще препровождаю къ вамъ при семъ сто пятьсятъ рублей, въ особливомъ пакетѣ, на покупку для меня игъ, означенныхъ въ приложеной при семъ запискѣ и для ресылки остальныхъ къ князю Вяземскому для такого же отребленія. Ежели вамъ не удастся найти въ Петербургѣ ѣкоторыхъ, то покорнѣйше прошу васъ поставить ихъ на цъ князю Вяземскому. Можетъ быть, онъ отыщетъ ихъ въ аршавѣ. Нельзя ли прислать и остальные артикулы Кр. Луана (въ Курьерѣ) на „Исторію“ Николая Михайловича? Вы раздразнили мое любопытство, такъ отъ васъ и ожидаю уврачеанія. За тѣмъ свидѣтельствуетъ вамъ душевное почтеніе и пр.

---

115. А. И. Тургеневу.

18-го іюня 1820 г. Москва.

Милостивый государь, любезный Александръ Ивановичъ. Ɪростите меня, что я, писавъ вашему стояльцу, отложилъ писать ъ вамъ до другой почты: право, мнѣ помѣшали. Извѣстіемъ ъ Сѣверинѣ вы и порадовали меня и огорчили. Порученіе ѣлаетъ ему большую честь, но, можетъ быть, я уже не доиву до его возвращенія въ Россію. Остается ему желать счастія,

гдѣ онъ бы ни былъ. Между тѣмъ какъ вы восхищаетесь пѣніемъ Каталани [1]), мы довольны и тѣмъ, что услышали Самойлова [2]), который очень усовершилъ себя и въ пѣніи и въ самой игрѣ, съ тѣхъ поръ какъ я переселился въ Москву. Сандунова [3]) же, кажется, только сберегла зубы и прибавилась въ тукѣ. Говоря о талантахъ, можно ли позабыть неутомимаго Хвостова? Наконецъ, постоянное его терпѣніе, которое, помнится, Бюфонъ признаетъ геніемъ, отмѣтило его знакомъ? Наконецъ, наши журналисты, столько лѣтъ отвергавшіе добровольныя его приношенія, наперерывъ печатаютъ его мадригалъ Каталани. Въ „Соревнователѣ" уже его сравниваютъ съ Державинымъ, и самъ „Благонамѣренный" доказываетъ свою признательность за подписку на 10 экземпляровъ. Вѣроятно, что это счастливое направленіе частію далъ и Казанскій университетъ. Онъ первый разбиралъ красоты его. Увидите, что еще до снѣга онъ будетъ у насъ геній. Пришлите мнѣ скорѣе продолженіе извѣстной вамъ рецензіи Курьера, артикулъ второй и пр. Я съ удовольствіемъ вижусь съ Румянцовыми. Канцлера обступили наши антикваріи и букинисты, сносятъ къ нему кучами все старопечатное и манускрипты. Простите, любезнѣйшій мой корреспондентъ. Съ душевнымъ почтеніемъ цѣлуетъ ваше превосходительство преданный вамъ Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Тѣ же самыя искреннія привѣтствія свидѣтельствую и вамъ, любезный князь Петръ Андреевичъ. Я забылъ васъ поблагодарить и за эпиграму. Она замысловата, только я увѣренъ, что переводъ не его.

116. А. И. Тургеневу.

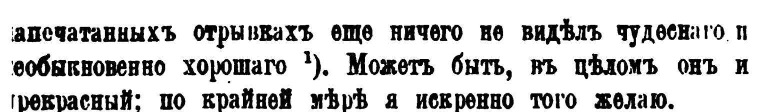
2-го августа 1820 г.

Покорнѣйше благодарю васъ, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ, за послѣднее ваше письмо; только позвольте дружески попенять вамъ, что не прислали ко мнѣ [illegible]. Я не уничтожалъ его, а только отозвался, что въ

[1]) Анжелика Каталани (род. 1779 г., ум. 1849 г.) знаменитая итальянская пѣвица.

[2]) Василій Михайловичъ Самойловъ (род. 1782 г., ум. 1839 г.), первый по времени оперный пѣвецъ изъ русскихъ.

[3]) Елизавета Семеновна Сандунова (род. 1773 г., ум. 1823 г.), извѣстная пѣвица.

апечатанныхъ отрывкахъ еще ничего не видѣлъ чудеснаго и еобыкновенно хорошаго [1]). Можетъ быть, въ цѣломъ онъ и рекрасный; по крайней мѣрѣ я искренно того желаю.

Сдѣлайте милость, доставьте прилагаемую при семъ записку ъ князю П. А. Вяземскому, съ покорнѣйшею моею просьбою рислать мнѣ означенныя въ ней книги.

Вчера простились мы съ чудесною Каталани. Не распространяюсь о магическомъ ея талантѣ. Все это изъяснено ъ прозѣ и стихахъ князя Шаликова и въ катренѣ Василія Іьвовича Пушкина. Читайте московскія газеты [2]). Соловьи аши, не дождавшись послѣдняго концерта, порхнули въ еревню къ Сонцову [3]) читать еще топленькія свои катрени. Душевно почитающій васъ Дмитріевъ.

---

117. А. И. Тургеневу.

18-го августа 1820 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Алеександръ Ивановичъ, за ваше письмо и доставленіе пріятныхъ тиховъ В. А. Жуковскаго [4]) и послѣдней строфы Воейкова [5])

---

[1]) Тургеневъ въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 23-го іюля 1820 г. писалъ, то не послалъ поэму Пушкина «Русланъ и Людмила» оттого, что слыналъ о неодобрительныхъ отзывахъ о ней Дмитріева. (Русск Арх. 1867, т. 656). О томъ же, какъ отзывался Дмитріевъ о поэмѣ А. С. Пушкина южно видѣть изъ слѣдующихъ словъ предисловія ко 2-му изданію поэмы, ышедшему въ С.-Пб. въ 1828 г. — «Долгъ искренности требуетъ также помянуть о мнѣніи одного изъ *увѣнчанныхъ*, *первоклассныхъ отечественыхъ писателей*, который прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: Я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность». [ругой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечетвенный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта лѣдующимъ стихомъ:

«Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть».

(Стихъ этотъ пародія стиха изъ стихотворенія Дмитріева «Надпись ъ портрету М. Н. Муравьева»).

[2]) Князь Шаликовъ напечаталъ въ «Московск. Вѣдом.» 1820 г., № 60, писаніе концерта, даннаго Каталани 25-го іюля 1820 г. На этомъ концертѣ . Л. Пушкинъ поднесъ пѣвицѣ четверостишіе на фр. яз. своего сочиненія.

[3]) Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ, мужъ сестры Вас. Льв. Пушкина, лизаветы Львовны.

[4]) «Подробный отчетъ о лунѣ».

[5]) А. Ѳ. Воейковъ (род. 1779 г., ум. 1839 г.), проф. русск. слов. въ ерптскомъ университетѣ, критикъ, издатель журналовъ, авторъ сатиры Домъ сумасшедшихъ» и переводчикъ Вольтера: «Исторія царствованія юдовика XIV и Людовика XV» (М. 1809 г.) и поэмы Делиля «Сады» Ч. 1816 г.).

Она прекрасна и точь-въ-точь, первыя же двѣ не стоютъ и переписки. Жаль, что онъ оставилъ университетъ, не получа достойнаго возмездія за переводъ „Садовъ“ и „Вѣка Людовика XIV“. Онъ уже одними этими двумя переводами гораздо болѣе заслуживалъ академическихъ кресслъ или отличія, чѣмъ многіе.

Пожелайте Василію Андреевичу отъ меня счастливаго пути и скорѣйшаго къ намъ возврата. Надѣюсь, что онъ, побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а можетъ быть и Виланда, воспламенитъ насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона.

Ежели Гречъ будетъ журналъ свой издавать на прежнихъ правилахъ, то не пособитъ ему ни Воейковъ, ни прочіе. Одни хорошіе стихи, сколько ни напехай ихъ въ тетрадку, еще не составятъ журнала. Журналистъ не есть дрягиль, чтобъ не сказать хуже, который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе тюки. Онъ долженъ и самъ мыслить, долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литераторомъ, умѣющимъ писать легко и пріятно, строгимъ оцѣнщикомъ въ словесности и безпристрастнымъ посредникомъ въ авторскихъ тяжбахъ, а не деспотомъ, какъ Каченовскій, который самъ бранитъ и глумитъ сколько хочетъ, а возраженій не принимаетъ. Досадно, что Вяземскій пустился по двумъ дорогамъ и самъ себѣ мѣшаетъ. Вотъ мой герой! Онъ одинъ только у насъ могъ бы выдавать журналъ похожій на европейскій. Положеніе Николая Михайловича и его семейства мѣшаетъ мнѣ быть свободнымъ [1]. Сдѣлайте одолженіе, не откажитесь увѣдомить меня объ немъ. Я не пишу къ нему потому только, что теперь ему не до моихъ писемъ. Доселѣ я уважалъ только С. С. Уварова, а теперь, узнавъ ближе, полюбилъ его и уважаю вдвое. Съ тѣми же чувствами къ вамъ превращаю мое письмо и пребуду навсегда и пр.

---

118. А. И. Тургеневу.

1-го сентября 1820 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за дружеское ваше письмо и новую ки-

[1] Болѣзнь Карамзина и его дѣтей.

юсть, оказанную вами Франку. Отъ сердца желаю, чтобъ онъ столько же вамъ угождалъ своими качествами, сколько угождалъ мнѣ братъ его. Благодарю васъ равно и за сообщеніе политическихъ и литературныхъ новостей. Судя по однимъ французскимъ брошюрамъ и нѣкоторымъ журналамъ, можно было думать, что во Франціи таится огонь подъ пепломъ. Нетерпѣливо желаю узнать, кто первые заговорщики? Что-то Бенжаменъ Констанъ? Что-то маршалы? Неужели всѣ окажутся чистыми? Невѣроятно. Не можно ли выписать и мнѣ „Portraits pittorèsques“ чрезъ князя Вяземскаго. Въ настоящихъ хлопотахъ онъ ничего ко мнѣ не присылаетъ, а у книгопродавцевъ нашихъ совершенная скудость. Ежели будете писать къ князю, прошу васъ сказать ему, чтобъ онъ между прочимъ прислалъ мнѣ „Mémoires sur la vie et les écrits de M. Suard“ 2 vol. [1]), вторую часть „Sur les cent jours“, и все, что выйдетъ о новомъ заговорѣ во Франціи. Новости часто мнѣ досаждаютъ, мѣшая перечитывать старину, а все-таки хочется новостей. Я опять виноватъ передъ вашей матушкой: давно у нея не былъ, но очень желаю и надѣюсь скоро ее увидѣть. Между тѣмъ, свидѣтельствуя душевное почтеніе любезнымъ ея чадамъ, пребуду навсегда вашего превосходительства преданнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Руслана все еще не вижу и не слышу. Какое мщеніе!

---

119. А. И. Тургеневу.

12-го сентября 1820 г. Москва.

Разрѣшаю, разрѣшаю васъ говорить все, что придетъ вамъ на умъ и сердце, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Письма ваши всегда для меня занимательны: они освѣжаютъ меня. Увѣренъ, что заграничнымъ друзьямъ столько же пріятно слышать чрезъ васъ о родимой сторонушкѣ. Порадуйте ихъ, между прочимъ, успѣхами нашей словесности и позднею славою Грифона-Графова [2]). Теперь всѣ наши журналы гремятъ объ немъ: въ одномъ (Отечественныя записки) печатаютъ описаніе

---

[1]) «Mémoires sur la vie de M. Suard, sur ses écrits et sur le dix-huitième siècle», par Dominique Joseph Gorat. Paris. 1820. 2 vol.

[2]) Графа Д. И. Хвостова.

храма его въ Выползовой слободкѣ рядомъ съ описаніемъ храма Исаакія Далматскаго [1]), въ другомъ (Невскій Зритель) надпись къ портрету его вмѣстѣ съ надписью къ портрету исторіографа [2]). (Не правда ли, что всѣ наши журналы сборники?). Наконецъ, въ нѣсколькихъ газетахъ извѣщаютъ о новомъ изданіи путешествія его къ сосѣдственной рѣкѣ Пашѣ, съ переводомъ нѣмецкимъ. Даже и въ отечествѣ нашемъ, Симбирскѣ, первый тамошній маляръ списываетъ для всѣхъ на холстъ въ большомъ видѣ съ перваго виньета къ баснямъ Измайлова... Но удержимъ невольный восторгъ и оставимъ его съ вашими журналистами въ братскомъ союзѣ. Радостная ваша вѣсть о присылкѣ ко мнѣ книги только что раздразнила мое любопытство. Я еще не получилъ ее, да и сомнѣваюсь получить скоро: милый мой другъ Николай Михайловичъ въ такихъ случаяхъ не слишкомъ бывалъ исправенъ. Порученное вами на счетъ Анны Григорьевны передалъ мужу ея; скоро и самой повторю лично. Они на дняхъ только переселились въ Москву. Присылайте же скорѣе обѣщанную книгу, не задерживайте и впредь будущія. Онѣ и письма друзей моихъ только и услаждаютъ унылые дни старика, который сохранитъ навсегда къ вашему превосходительству и любовь, и пріязнь, и душевное свое почтеніе.

P. S. Любопытенъ видѣть письмо Блудова къ Воейкову. Оно еще не дошло до меня.

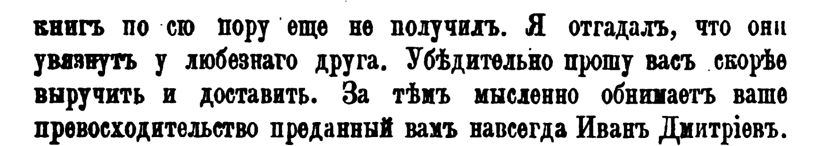
---

120. А. И. Тургеневу.

15-го сентября 1820 г. Москва.

Вѣсти ваши и хороши и худы, любезный Александръ Ивановичъ. Однихъ поздравляю, о другомъ сожалѣю. Лучше бы онъ, нахлобуча колпакъ, посидѣлъ въ тепломъ кабинетѣ, да приготовлялъ матеріалы для французскихъ журналистовъ, и не въ коляскѣ, а въ креслахъ подвигалъ себя къ безсмертію. Но наши авторы столько же, какъ и авторчики, не посѣды. Сѣверинъ по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Тріеста непочтилъ меня ни строчкою, хотя и нашелъ досугъ писать къ молодому князю Трубецкому. Теперь и пуще заспѣсивитъ. Варшавскихъ

[1]) «Отечественные Записки» 1820 г., ч. II, № 4.
[2]) «Невскій Зритель» 1820 г., ч. II, стр. 287.

книгъ по сю пору еще не получилъ. Я отгадалъ, что они увязнуть у любезнаго друга. Убѣдительно прошу васъ скорѣе выручить и доставить. За тѣмъ мысленно обнимаетъ ваше превосходительство преданный вамъ навсегда Иванъ Дмитріевъ.

121. А. И. Тургеневу.

19-го сентября 1820 г. Москва.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за доставленіе прекрасной рѣчи. Въ то же время получилъ и отъ Сѣверина другой экземпляръ. Буду теперь ждать перевода и вздыхать о той книгѣ, которою вы меня подразнили. Она засѣла у милаго Николая Михайловича и, увы, можетъ быть уже дойдетъ когда-нибудь до меня, хотя и въ той же легкой одеждѣ, но довольно поношенной. Кто поссорилъ меня съ Воейковымъ, будто я сердитъ на него, что онъ расхвалилъ молодого Пушкина? Не только не думалъ о томъ, но еще хвалилъ его, что онъ умѣлъ выставить удачнѣе самого автора лучшіе стихи изъ его поэмы. Я не критиковалъ и прежнихъ образчиковъ, а только давалъ вамъ чувствовать, что по предварительной молвѣ ожидалъ чего-то большаго. Напротивъ того, въ разборѣ Воейкова [1]) съ удовольствіемъ увидѣлъ два-три мѣста истинно-пiитическія и въ большомъ родѣ. Пушкинъ былъ поэтъ еще и до поэмы. Я хотя и инвалидъ, но еще не лишился чутья къ изящному. Какъ же мнѣ хотѣть унижать талантъ его? Нетерпѣливо хочу знать объ Николаѣ Михайловичѣ. Всякій разъ болѣзнь его не на шутку меня пугаетъ. Преданный вамъ Иванъ Дмитріевъ.

122. Н. В. Сушкову [2]).

Москва. 1820 г. ноября 26-го.

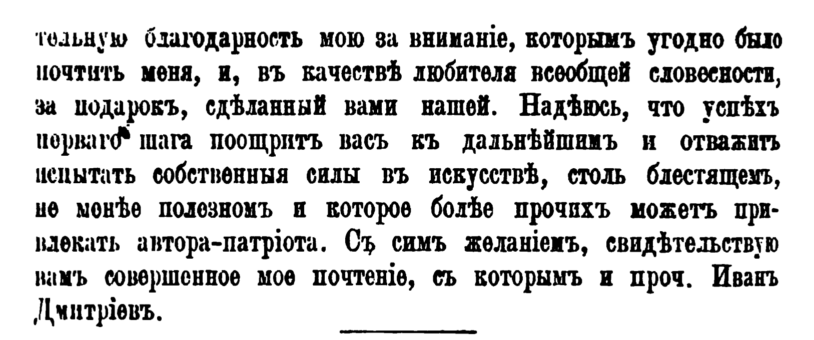
Имѣвъ удовольствіе получить чрезъ Андрея Васильевича [3]) переведенную вами комедію [4]), спѣшу изъявить вамъ чувстви-

[1]) Критическій разборъ поэмы Пушкина «Русланъ и Людмила» напечатанъ въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., ч. 64, № 34—37.

[2]) Николай Васильевичъ Сушковъ (род. 1796 г., ум. 1871 г.) служилъ съ 1814 г. въ министерствѣ юстиціи и съ 1838—1843 г. былъ минскимъ губернаторомъ. Поэтъ и драматургъ.

[3]) Его братъ.

[4]) «Метроманія, или страсть къ стихотворству», комед. въ 5 дѣйств. Пирона. С.-Пб. 1820 г.

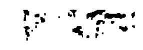
тельную благодарность мою за вниманіе, которымъ угодно было почтить меня, и, въ качествѣ любителя всеобщей словесности, за подарокъ, сдѣланный вами нашей. Надѣюсь, что успѣхъ перваго шага поощритъ васъ къ дальнѣйшимъ и отважитъ испытать собственныя силы въ искусствѣ, столь блестящемъ, не менѣе полезномъ и которое болѣе прочихъ можетъ привлекать автора-патріота. Съ симъ желаніемъ, свидѣтельствую вамъ совершенное мое почтеніе, съ которымъ и проч. Иванъ Дмитріевъ.

---

123. П. П. Свиньину.

Москва. 1821 г. января 9-го.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за пріятное ваше письмо и доставленіе мнѣ билета на ваше періодическое изданіе. Могу васъ увѣрить, что я считаю его единственнымъ нашимъ національнымъ журналомъ, прочіе же есть не что другое, какъ сборники. Желательно бы только было, чтобъ вы украсили его еще статьею о литературныхъ новостяхъ, по примѣру французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ, а не „Сына Отечества“, который часто занимаетъ насъ только извѣщеніемъ о тетрадкахъ. Мореходцы наши и ученые уже совершаютъ третье путешествіе вокругъ свѣта, а ни одинъ еще журналъ не говорилъ объ нихъ. Вѣроятно, уже вышелъ и послѣдній томъ перевода „Tableau des revolutions politiques en Europe“, par Ancillon, а ни слова еще и о первыхъ томахъ. Можно бы въ этой статьѣ давать направленіе и авторамъ, и переводчикамъ и просвѣщать или, по крайней мѣрѣ, вразумлять, а иногда и журить нашихъ (большею частью) невѣждъ книгопродавцевъ и отучить ихъ отъ высокопарныхъ похвалъ своему товару и отъ восхищеній о эпиграфахъ, иногда даже вздорныхъ. Позвольте, наконецъ, пожелать вамъ отъ всего сердца въ продолженіе наставшаго года и послѣдующихъ возможнаго благополучія и увѣрить васъ въ отличномъ почтеніи, съ которымъ навсегда имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

124. А. И. Тургеневу.

9-го января 1821 г. Москва.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезный Александръ Ивановичъ, за пріятное ваше письмо и взаимно желаю вамъ въ продолженіе наставшаго и послѣдующихъ годовъ возможнаго благополучія. Вчера я имѣлъ удовольствіе два раза видѣть вашу матушку—поутру въ ея домѣ, а вечеромъ у П. А. Толстого, и видѣть любезнаго петербургскаго гостя, котораго надѣюсь и сегодня вечеромъ видѣть у себя за чаемъ.

Какъ нетерпѣливо желаю взглянуть на 2-й № „Сына Отечества“ [1]). Но, увы, мы еще перваго не дождалися! Спасибо моему любимому поэту! Не тщетно было на него мое упованіе! Таковскій недавно чрезвычайно хвалилъ мнѣ въ клобѣ переводъ Графова Буаловой сатиры, думая тѣмъ досадитъ мнѣ. Теперь я буду въ свою очередь хвалить ему и заставлю слушать „Посланіе“. Василій Львовичъ теперь на ногахъ впредь до подагры. Все сбирается къ вамъ, мимоходомъ. Между тѣмъ нѣкоторымъ шепчетъ par confidence, что онъ ѣдетъ въ чужіе краи, и другимъ, что онъ переводитъ одну изъ Байроновыхъ поэмъ, изъ которой, дѣйствительно, давно уже читаетъ 8 начальныхъ стиховъ. Но я думаю, и то и другое будетъ питать только его мечтанія. Съ душевнымъ почтеніемъ обнимаетъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

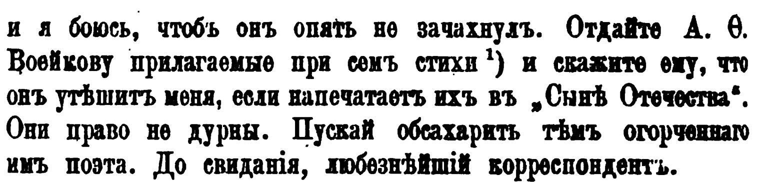
125. А. И. Тургеневу.

16-го января 1821 г. Моква.

Чувствительно благодарю васъ, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ, за письмо и приложенія. Сейчасъ только получилъ и прочиталъ второй номеръ. Вяземскій оправдалъ мою надежду. Онъ показалъ талантъ и душевную энергію. Люблю Жуковскаго и Батюшкова попрежнему. Но, да не прогнѣваются они: Вяземскому въ сердцѣ моемъ первое мѣсто. Князь Шаликовъ уже началъ было оправливаться послѣ долговременной болѣзни, отъ которой онъ съ каждымъ днемъ исчезалъ, но обозрѣніе журналовъ погрузило его въ уныніе,

---

[1]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., ч. 67, № 2 — напечатано «Посланіе къ М. Т. Каченовскому» кн. Вяземскаго.

и я боюсь, чтобъ онъ опять не зачахнулъ. Отдайте А. Ѳ. Воейкову прилагаемые при семъ стихи [1]) и скажите ему, что онъ утѣшитъ меня, если напечатаетъ ихъ въ „Сынѣ Отечества“. Они право не дурны. Пускай обсахаритъ тѣмъ огорченнаго имъ поэта. До свиданія, любезнѣйшій корреспондентъ.

P. S. Какой-то Георгіевскій прислалъ ко мнѣ „Взглядъ на пѣвца Кубры“ [2]) и увѣдомляетъ меня, что намѣренъ выдавать какой-то „Ковчегъ“ для пѣвца Кубры, а съ нимъ хочетъ засадить между прочими и меня нижайшаго [3]). Нельзя ли постараться, чтобъ онъ оставилъ меня въ счастливой неизвѣстности? Онъ самъ говоритъ, что ему 18 лѣтъ, а мнѣ уже за 60. Каково же мнѣ видѣть себя въ его клѣткѣ, напоказъ публикѣ? Это я говорю между нами, а вы только постарайтесь.

---

126. А. И. Тургеневу.

30-го января 1821 г. Москва.

Искренно сожалѣю, любезный Александръ Ивановичъ, услыша сегодня отъ Пашкова, что вы нездоровы. Дай Богъ скорѣе услышать отъ васъ лучшія вѣсти. Достанется Вяземскому съ Воейковымъ! Каченовскій печатаетъ Эпистолу перваго въ первой книжкѣ своего сборника, вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ [4]), а Волковъ тутъ же помѣщаетъ грозный протестъ противъ Обозрѣнія журналовъ. Онъ увѣряетъ, что стихи Вяземскаго никуда не годятся, да и самъ Карамзинъ не заслуживаетъ своей славы. Утѣшно ли мнѣ жить въ такой семьѣ и слушать такъ часто подобныя враки здѣшнихъ нашихъ словесниковъ? Ежели у насъ не будетъ безпристрастнаго и умнаго журналиста, ежели будутъ позволять пачкунамъ явно глумить надъ талантомъ, безъ малѣйшаго къ нему уваженія, повѣрьте, что это будетъ имѣть весьма вредное вліяніе на образованіе нашего юношества.

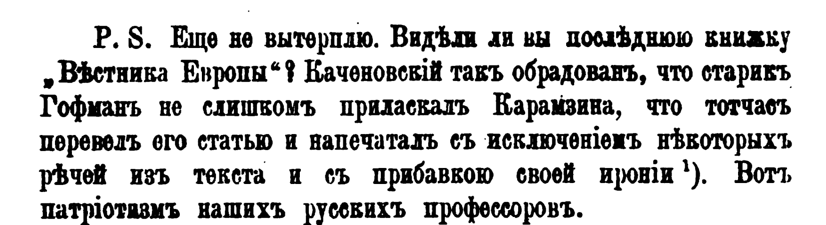
---

[1]) Стихотвореніе кн. Шаликова «На день рожденія Императрицы Елизаветы Алексѣевны»—напечатано въ «Сынѣ Отеч.» 1821 г., ч. 67, № 5.

[2]) Иванъ Георгіевскій. «Моя бесѣда съ друзьями или взглядъ на стихотворенія пѣвца Кубры». С.-Пб. 1820 г.

[3]) «Карманная библіотека Аонидъ, собранная изъ нѣкоторыхъ лучшихъ писателей нашего времени»... СПб. 1821 г.

[4]) «Вѣстникъ Европы» 1821 г., ч. 116.

P. S. Еще не вытерплю. Видѣли ли вы послѣднюю книжку „Вѣстника Европы"? Каченовскій такъ обрадованъ, что старикъ Гофманъ не слишкомъ приласкалъ Карамзина, что тотчасъ перевелъ его статью и напечаталъ съ исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣчей изъ текста и съ прибавкою своей ироніи [1]). Вотъ патріотизмъ нашихъ русскихъ профессоровъ.

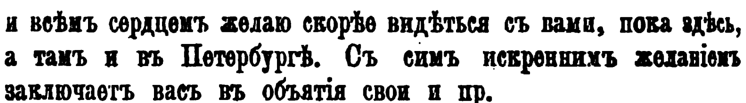
127. А. И. Тургеневу.

14-го февраля 1821 г. Москва.

Милостивый государь и любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за два письма и приложенія, равно и за всѣ новости, особенно за послѣднюю. Дай Богъ новорожденной и пригожество, и здоровье, и умъ, и сердце, скажу даже и счастіе тятеньки и маменьки. Пусть довольна будетъ домашнимъ добромъ. Пожелаемъ только ей со стороны добраго и не бѣднаго мужа. Оба гостинцы очень хороши: жаль только, что Вяземскій шевельнулъ прахъ двухъ старыхъ поэтовъ. Перваго мы уже привыкли уважать, и справедливо; а послѣдняго грузные томы почіютъ, наравнѣ съ нимъ, сномъ непробуднымъ, слѣдственно и вреда не приносятъ. Лучше бъ нападать на тѣхъ, которые еще дышатъ и могутъ развращать вкусъ юныхъ учениковъ уловленіемъ разными ухищренными приманками неопытныхъ писачекъ и составителей сборниковъ для распространенія объ нихъ молвы по всѣмъ уѣздамъ. Кажется по всему, что скоро вспыхнетъ война и между двумя журналами. Авось Воейковъ разгорячиться за себя и ошибетъ крылья досточтимому каплуну нашей словесности! Видѣли ли вы замѣчанія къ „Посланію" Вяземскаго? И его-то боятся наши геніи! И онъ-то надѣется затмить труды Карамзина! И этого мало, что я самъ занимаюсь, но еще и вамъ скучаю такими пустяками, когда бы мнѣ прежде всего должно было изъявить участіе въ вашей болѣзни и пожелать вамъ скорѣйшаго выздоровленія! Повѣрьте, любезный, что искреннее беру участіе

---

[1]) Въ «Вѣстникѣ Европы» 1821 г. (ч. 115) Каченовскій напечаталъ переводъ статьи Гофмана, въ которой разбиралась исторія Карамзина по переводу С. Тома и Жоффре .(Статья Гофмана напечатана въ «Journal des Dèbats» 1820 г., Дек.).

и всѣмъ сердцемъ желаю скорѣе видѣться съ вами, пока здѣсь, а тамъ и въ Петербургѣ. Съ симъ искреннимъ желаніемъ заключаетъ васъ въ объятія свои и пр.

P. S. Любопытенъ бы видѣть Биньона. Нельзя ли дать знать о томъ Вяземскому.

---

128. П. П. Свиньину.

Москва. 1821 г. февраля 17-го.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Съ чувствительною благодарностью возвращаю вамъ проэктъ предисловія. Я только осмѣлился подчеркнуть въ немъ два слова и то, чтобъ доказать только мою послушность. Постараюсь по прошествіи суматошной недѣли сообщить вамъ нѣсколько строкъ о любезномъ Храповицкомъ, не для печати, а единственно въ добавокъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя вы объ немъ соберете. Очень благодарю васъ и за то, что вы почтили вниманіемъ вашимъ мои совѣты и рѣшаетесь прибавить статью въ вашемъ журналѣ. Между тѣмъ съ душевнымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

129. А. Х. Востокову.

30-го апрѣля 1821 г.

Милостивый государь мой Александръ Христофоровичъ. Поспѣшаю изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за прекрасный подарокъ, который будетъ украшеніемъ моей библіотеки [1]). Я всегда уважалъ и филологическія ваши занятія, но невольно вздыхалъ, что такъ давно не слышу вашей лиры. Благодареніе Аполлону! она отозвалась; и да продолжатся на долго ея сладкогласные звуки. Съ симъ искреннимъ желаніемъ свидѣтельствую вамъ, милостивый государь мой, отличное мое почтеніе, съ которымъ былъ и навсегда пребуду, милостиваго государя моего, вашимъ покорнымъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) «Стихотворенія» Востокова. С.-Пб. 1821 г. 3 кн.

180. А. И. Тургеневу.

17-го мая (1821 г.) Москва.

Какъ я доволенъ, любезный Александръ Ивановичъ, что наконецъ вы меня вспомнили! Доволенъ и тѣмъ, что вы увѣдомили меня о Дашковѣ, о которомъ я уже начиналъ думать, что онъ, или погибъ отъ Аравитянъ, или постригся въ Палестинѣ. Да сохранитъ его Богъ и отъ булата Янычарскаго! Очень живо представляю себѣ и ваше безпокойство на счетъ Сергѣя Ивановича [1]). Буду сколько можно осторожнѣе при Катеринѣ Семеновнѣ. Благодарю васъ и за новый переводъ съ англійскаго „досточтимаго“ Василія Андреевича Жуковскаго, какъ отозвался объ немъ въ послѣдней книжкѣ „Благонамѣреннаго“ замысловатый Александръ Ефимовичъ [2]). Завтра начну читать „Пери“ и непремѣнно въ саду, подъ открытымъ небомъ, можетъ быть, и подъ алою радугою, ибо сію минуту послѣ самаго жаркаго дня начинаетъ сверкать молнія и скопляются тучи. Поздравляю васъ съ пріѣздомъ князя Вяземскаго, который привезъ къ вамъ и Василья Львовича въ своемъ портфелѣ. Я очень радъ, что дядя сдержалъ свое слово, и выдалъ свои творенія прежде племянника. Съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда и пр.

---

181. А. С. Шишкову.

Москва. 1821 г. мая 22-го дня.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Я не позабылъ порученія, которымъ ваше превосходительство изволили почтить меня чрезъ письмо ваше въ минувшемъ годѣ [3]); молчалъ же до сего времени потому только, что дожидался окончанія перевода Виргиліевыхъ Георгикъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ первое мое предстательство было за трудъ не весьма обыкновенный въ нашей словесности и достойный, даже по однимъ усиліямъ, вниманія любослововъ. Наконецъ, переводъ сей совер-

---

[1]) С. И. Тургеневъ, третій братъ А. И. Тургенева (род. 1792 г., ум. 1827 г.), служилъ при нашей миссіи въ Константинополѣ, гдѣ въ то время произошло избіеніе христіанъ турками.

[2]) Измайловъ.

[3]) А. С. Шишковъ просилъ выслать переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ Раича и свѣдѣнія о немъ.

шенъ, напечатанъ, посвященъ Императорской Россійской Академіи, и я, по желанію переводчика, имѣю честь при семъ препроводить къ вамъ, милостивый государь, онаго два экземпляра: одинъ на имя Императорской Академіи, другой же для собственной библіотеки вашего превосходительства.

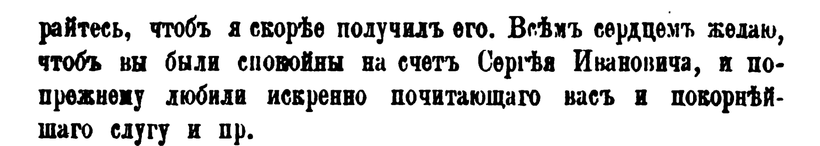
Можетъ быть, угодно будетъ вамъ, милостивый государь, получить нѣкоторое свѣдѣніе о состояніи переводившаго? Семенъ Егоровичъ Раичъ служитъ кандидатомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и скоро надѣется поступить на степень магистра. Онъ прежде обучался въ Орловской семинаріи, подъ руководствомъ родного своего брата преосвященнаго Филарета, бывшаго въ оной ректоромъ, а нынѣ управляющаго калужскою эпархіей. Пріятно мнѣ присовокупить къ тому, что сей молодой человѣкъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, которыя способны питать и усиливать дарованія прямого автора, и не суетенъ въ образѣ жизни; при основательномъ просвѣщеніи своемъ, отлично скроменъ, доволенъ малымъ;—и главныя занятія его досуговъ состоятъ въ постоянномъ изученіи классическихъ поэтовъ римскихъ и италіанскихъ, которыхъ языкъ знаетъ онъ совершенно, и въ преподаваніи дѣтямъ благородныхъ семействъ уроковъ въ русской словесности. Что же касается до самаго перевода, я не дозволяю себѣ сказать объ немъ ни слова. Онъ будетъ самъ говорить за себя и съ почтительнымъ покорствомъ ожидать отъ просвѣщеннаго судилища своего приговора. Между тѣмъ, съ совершеннымъ моимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

132. А. И. Тургеневу.

(Май 1821 г. Москва).

Повторяю мою благодарность за доставленіе ко мнѣ Жуковскаго перевода англо-индійской поэмы; прошу васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, принять и отъ меня въ гостинецъ московскій переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ. Онъ лишь только отпечатанъ и еще не объявленъ публикѣ. Николай Михайловичъ порадовалъ меня обѣщаніемъ прислать 9-ый томъ его „Исторіи“. Сдѣлайте одолженіе, поста-

райтесь, чтобъ я скорѣе получилъ его. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ вы были спокойны на счетъ Сергѣя Ивановича, и попрежнему любили искренно почитающаго васъ и покорнѣйшаго слугу и пр.

---

133. А. И. Тургеневу.

(Іюнь 1821 г. Москва.)

Чувствительно благодарю васъ, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ, за сообщеніе мнѣ выписки изъ письма Сергѣя Ивановича. Увѣряю васъ, что я столько же беру въ немъ участія, какъ и въ Дашковѣ. Слава Богу, что Катерина Семеновна сколько-нибудь утѣшена полученіемъ письма его. Чѣмъ-то все это кончится? Возобновляю благодарность мою и за портретъ Николая Михайловича. Третьяго дня только получилъ его отъ г. Молчанова. Вы часъ отъ часу болѣе лакедемонитесь: пишите кратко и о домашнихъ новостяхъ ни слова; такъ докажу вамъ, что я и самъ не изъ Абдеры. Вашего превосходительства искренній почитатель и покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

134. А. С. Шишкову.

Москва. 26-го іюля 1821 г.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Я не обманулся въ моей надеждѣ: ваше превосходительство отдали всю справедливость таланту г. Раича и не упустили замѣтить его погрѣшности. Весьма справедливо ваше негодованіе на новизны, вводимыя новѣйшими нашими поэтами. Я и самъ не могу спокойно встрѣчать въ ихъ (исключая одного Батюшкова) даже высокой поэзіи такія слова, которыя мы въ дѣтствѣ слыхали отъ старухъ или сказывальщиковъ. В о т ъ, ч у, п р і ю т ъ, т е п л и т с я, ю р к н у л ъ, и проч., стали любимыми словами нашихъ словесниковъ. Поэты-геніи заразили даже смиренныхъ прозаистовъ, даже и самый „Вѣстникъ Европы" безъ предлога в о т ъ не можетъ дать ни живости, ни силы, ни пріятности своему слогу. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ вашего превосходительства дальнѣйшихъ замѣчаній на переводъ Георгикъ, и не преминую сообщить ихъ переводчику, дабы онъ, при

второмъ изданіи, могъ ими воспользоваться въ усовершеніи своего перевода. Между тѣмъ съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч. Иванъ Дмитріевъ.

---

135. А. И. Тургеневу.

7-го сентября 1821 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Слава Богу, все добрыя вѣсти! Остается намъ поздравлять другъ друга, а мнѣ при томъ искренно поблагодарить васъ за возобновленіе вашей переписки. Признаюсь, я не зналъ, чему приписать скоропостижную вашу ко мнѣ остуду, не чувствуя себя ни дѣломъ, ни словомъ виновнымъ передъ вами. Я недавно писалъ къ Дашкову и поручилъ ему сказать мой искренній поклонъ Сергѣю Ивановичу. Хочется побывать скоро у Катерины Семеновны и взять участіе въ ея радости. Какъ она бѣдная терпѣла! Увѣренъ, что и вамъ не легко было. Забудемъ прошлое и будемъ ждать милыхъ гостей нашихъ. Между тѣмъ прошу васъ любить земляка вашего попрежнему и быть увѣреннымъ въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.

---

136. П. П. Свиньину [1]).

Москва. 1821 г. сентября 15-го.

Милостивый государь мой Павелъ Петровичъ. Не только вы не наскучили мнѣ описаніемъ выставки нашихъ артистовъ, но еще весьма одолжили, доставя мнѣ любопытное свѣдѣніе и заставя меня вспомнить, съ какимъ, бывало, и я удовольствіемъ разсматривалъ произведенія художествъ! Такіе отчеты пріятны для публики и полезны для самихъ художниковъ. Жаль, что наши недовольно хорошо образованы и, кажется, мало читаютъ, оттого и недовольно страстны къ избранному ими художеству и недовольно богаты воображеніемъ. Смѣю сказать, что и самые тѣ, которые задаютъ программу, не

---

[1]) Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо П. П. Свиньина о выставкѣ въ Академіи Художествъ. (Письмо Свиньина напечатано въ «Отеч. Зап.» 1821 г., ч. 7, № 15).

болѣе изобильны опытомъ. Большею частію они задаютъ имъ сюжеты, уже нѣсколько разъ трактованные знаменитыми живописцами протекшихъ столѣтій. Какіе же они, вы сами вспомните. Можно искренно пожелать, чтобъ и тѣ и другіе болѣе были знакомы съ Омиромъ, Виргиліемъ и Овидіемъ. Эта троица могла бы на нѣсколько лѣтъ обогатить ихъ вымыслами разнообразными и прекрасными. Въ нихъ найдешь все, и чудесное, и возвышенное, и остроумное иносказаніе (напримѣръ, Омировы молитвы), и все это въ картинахъ. Замѣчаніе ваше о костюмѣ въ сельскихъ картинахъ и о выставкѣ плохихъ работъ весьма справедливо. Наконецъ, всѣмъ сердцемъ благодарю васъ за толь скорое исполненіе покорнѣйшей моей просьбы, равно и за высылку ко мнѣ портрета И. Съ нетерпѣніемъ буду ждать его. Между тѣмъ, съ чувствомъ отличнаго почтенія къ вамъ и милостивому государю моему Петру Сергѣевичу, имѣю честь пребыть, милостивый государь, покорнѣйшимъ вашимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

137. П. П. Свиньину.

(Сентябрь 1821 г.)

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Спѣшу изъявить искреннюю благодарность мою за портретъ И., который недавно ко мнѣ доставленъ, также и за адресованіе ваше ко мнѣ описанія выставки академіи художествъ. Любя успѣхи художествъ, я радуюсь, что начали и у насъ отдавать въ нихъ отчетъ и говорить свободно. Повторяю вамъ, что журналъ вашъ для меня очень интересенъ: онъ имѣетъ характеръ. Не скрою, однакожъ, что въ біографіи Храповицкаго нашелъ легкую ошибку. Онъ былъ правителемъ канцеляріи генералъ-прокурора, а вы назвали его оберъ-секретаремъ, котораго при генералъ-прокурорѣ не было. Примите искреннее увѣреніе въ чувствахъ отличнаго почтенія и преданности, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга И. Дмитріевъ.

P. S. Прошу васъ въ томъ же увѣрить и любезнаго вашего братца.

---

138. А. С. Шишкову.

Москва. 1821 г. ноября 24-го.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Долговременное отсутствіе Семена Егоровича Раича и прекращеніе моихъ съ нимъ сношеній были единственною причиною, что я толь поздно отвѣтствую на благосклонное вашего превосходительства ко мнѣ писаніе. На-дняхъ онъ возвратился, и я спѣшу изъявить вамъ, милостивый государь, чувствительную благодарность за доставленную вами книжку „Извѣстія Академическія", и въ особѣ вашей всю Академію за лестную честь, которою благоволила почтить меня, избраніемъ въ члены попечительнаго комитета. Счастливымъ себя почту, если случай допуститъ меня оправдать ваше избраніе.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству письмо отъ г. Раича. Могу васъ увѣрить, что онъ съ великою признательностью принялъ весьма справедливыя замѣчанія ваши и обѣщаетъ, воспользуясь ими, всѣми силами стараться довести переводъ свой до возможнаго совершенства.

Неисправности его важны въ отношеніи къ чистотѣ языка, но, судя по его силамъ, кажется, исправленіе оныхъ не затруднитъ его, а потому я осмѣливаюсь думать, что переводъ его, даже и при настоящихъ недостаткахъ, не заслуживаетъ со стороны Академіи какого-либо гласнаго поощренія. Впрочемъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

139. С.-Тома [1]).

Moscou. Ce 25 janvier 1822.

Monsieur. Je dois, avant tout, vous faire mes sincères excuses de répondre aussi tard que je le fais à votre aimable lettre; soyez bien persuadé que le mauvais état de ma santé a été l'unique cause de mon silence. Maintenant, je vous

---

[1]) Переводъ.

Милостивый государь. Прежде всего считаю долгомъ принести вамъ искреннее извиненіе, что такъ поздно отвѣчаю на ваше любезное письмо; будьте увѣрены, что единственною причиною молчанія было плохое состояніе моего здоровья. Теперь прошу васъ принять мою благодарность

supplie de recevoir mes remercîments pour l'envoi des 4 derniers volumes de l'histoire de Russie accompagnée de votre charmant roman. Comme amateur de tout ce qui est beau en fait de littérature, je l'ai lu avec un sensible plaisir, et je suis tout-à-fait de votre avis, que les disciples de l'ancienne école, les imitateurs de Lesage, de Prevost, de Richardson et de Fielding peuvent même aujourd'hui aspirer à cette gloire constante, qu'ont obtenue leurs maitres, ces peintres fidèles de nos moeurs et de nos usages et ces véritables scrutateurs du coeur humain. Pour le vrai talent, la nature est toujours inépuisable: il n'a pas besoin d'émouvoir le lecteur par des scènes dégoûtantes de brigands, des apparitions de spectres et de démons et d'avoir recours à toutes ces absurdités d'une imagination déréglée.

Quant aux conseils qu'il vous plait de me demander sur le désir que vous avez de vous transporter á Moscou, je vous avoue à mon grand regret que je ne crois pas, que cela

---

за присылку четырехъ послѣднихъ томовъ «Исторіи Россіи» и за вашъ прекрасный романъ. Какъ почитатель всего изящнаго въ литературѣ, я прочиталъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что послѣдователи старой школы, подражатели Лесажа, Прево, Ричардсона и Фильдинга могутъ даже и въ наши дни снискать ту же незыблемую славу, какую пріобрѣли ихъ учители, эти правдивые изобразители нашихъ нравовъ и обычаевъ и глубокіе знатоки человѣческаго сердца. Для истиннаго таланта природа всегда не исчерпаема, ему нѣтъ нужды растрогивать читателя отвратительными разбойничьими сценами, явленіемъ привидѣній и духовъ и прибѣгать ко всѣмъ пошлымъ вымысламъ разнузданнаго воображенія.

Что касается до совѣта, за которымъ вамъ угодно было ко мнѣ обратиться, относительно желанія вашего переселиться въ Москву, то съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ отвѣтить, что не нахожу, чтобъ это послужило вамъ въ пользу, такъ какъ предполагаю, что вы не пожелаете вступать въ соперничество съ превеликимъ числомъ учителей иностранныхъ языковъ, дающихъ здѣсь уроки par cachets. Также не думаю, что и мѣсто начальника какого либо учебнаго заведенія представило бы вамъ значительныя выгоды. Большая часть здѣшнихъ юношей воспитывается дома у своихъ родителей или же проходятъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при университетѣ. По моему мнѣнію, пребываніе ваше въ Петербургѣ соотвѣтствуетъ вашимъ цѣлямъ. Карамзинъ, который воздаетъ вамъ вполнѣ заслуженную похвалу и который въ то же время имѣетъ знакомства въ высшемъ кругѣ общества, съ величайшимъ удовольствіемъ, какъ я не сомнѣваюсь, постарается доставить вамъ мѣсто или библіотекаря или домашняго секретаря. По крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что при удобномъ случаѣ, какой только могъ бы представиться, вы всегда найдете въ немъ человѣка, готоваго оказать вамъ всевозможныя услуги, и проч.

vous soit de quelque utilité, car je présume que vous ne voudrez pas entrer en concurance avec le grand nombre de maîtres de langue, qui donnent ici des leçons par cachets. Je ne crois pas non plus, qu'en vous mettant à la tèté d'un institut, vous puissiez avoir ici des avantages considerables. La plupart de nos jeunes gens sont élevès dans la maison de leurs parents, ou bien, ils reçoivent leur èducation dans le pensionnat attaché á l'universitè. D'après mon opinion, votre sejour á Pétersbourg doit répondre beaucoup mieux à vos intentions. M-r de Karamsin qui rend toute la justice qui est dûe à votre mèrite et qui est à même de connaître les classes et les personnes les plus distingués de la société, se fera, je n'en doute point, un véritadle plaisir de vous procurer une place soit de bibliothècaire, soit de secrètaire privé. Je suis sûr du moins, que dans toutes les occasions favorables, qui pourraient se présenter, vous trouverez toujours en lui un zélé à vous rendre tous les services imaginables.

Je ne finirais pas. Ma lettre sans vous réitèrer, Monsieur, les assurances de ma parfaite consideration et des sentiments distingués avec les quels j'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre trés humble et trés obéissant serviteur Jean de Dmitriew.

---

140. **П. П. Свиньину.**

19-го сентября 1822 г. Москва.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Я и не вправѣ былъ ожидать отъ васъ письма, пока самъ не принесу вамъ чувствительной благодарности за всѣ доказательства вашего гостепріимства,-благодарности не только за хлѣбъ и соль, но и за смѣхъ и горе, которые со мною дѣлили, если вспомните наши бесѣды и случившееся паденіе кареты. Благодарю васъ равномѣрно и за сообщеніе стиховъ Ѳ. Н. Глинки, равно какъ и за позволеніе ваше прибѣгать къ вамъ въ моихъ затѣйливыхъ надобностяхъ. Не преминую воспользоваться снисхожденіемъ вашимъ, коль скоро буду имѣть къ тому поводъ. Увѣренъ всегда сколько въ изящномъ вашемъ вкусѣ, столько и въ вашей ко мнѣ пріязни. Николай Лукьяновичъ самъ вручилъ мнѣ ваше письмо и сказывалъ о по-

ложенія дѣла. Я удивился, что оно приняло другой оборотъ, думая давно, что оно уже кончено и въ его пользу. Остается ожидать заключенія общаго собранія. Между тѣмъ, съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ и привязанностью, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Милостивому государю моему Петру Петровичу покорнѣйше прошу сказать равномѣрно искреннее мое почтеніе.

---

141. А. С. Шишкову.

Москва. 1823 г. января 30-го.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Спѣшу изъявить вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и участіе, пріемлемое вами, по случаю присужденной мнѣ медали отъ Императорской Россійской Академіи [1]. Сколько вы не скромны, но отъ меня не скрылось, что вы изволили брать еще большее въ томъ участіе: еще въ минувшемъ году доходили, къ удовольствію моему, слухи о вашихъ лестныхъ для меня отзывахъ, по поводу ходатайства нѣкоторыхъ о наградѣ большою медалью одного изъ сочленовъ. Подвигъ сей тѣмъ болѣе оказываетъ ваше безпристрастіе, что съ моей стороны не было ни малѣйшаго исканія, и тѣмъ болѣе обязываетъ меня чувствовать всю его цѣну. Примите, милостивый государь, равномѣрно покорнѣйшую мою просьбу о продолженіи вашего ко мнѣ благорасположенія, во многихъ отношеніяхъ весьма для меня лестнаго, и искреннее увѣреніе въ душевномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь къ вамъ пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

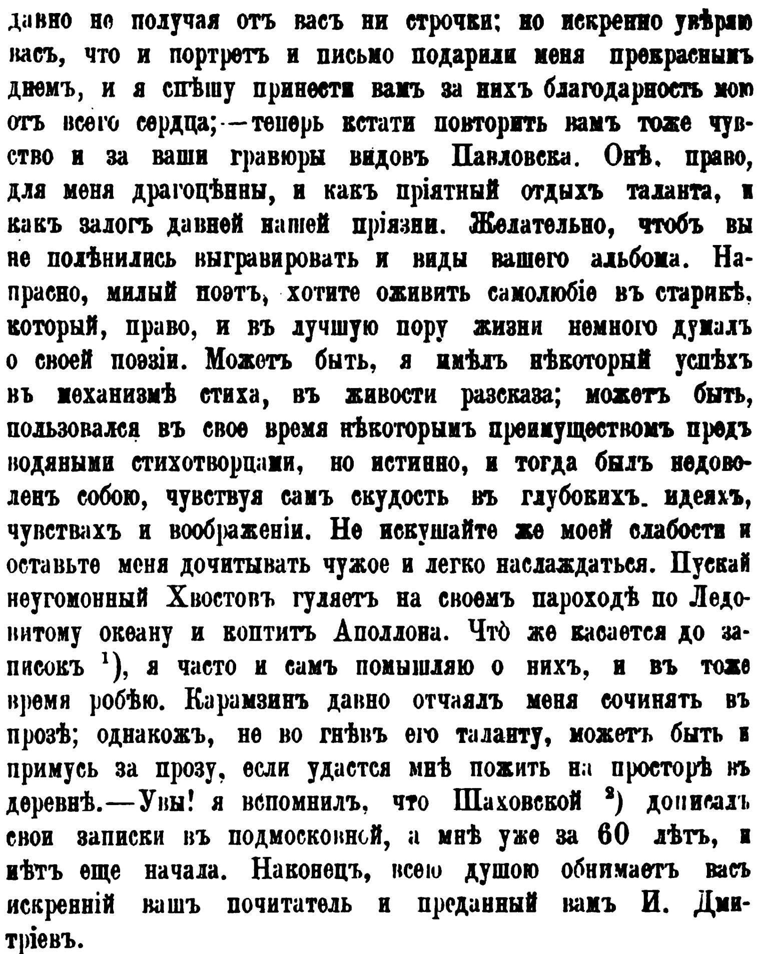
142. В. А. Жуковскому.

Москва. 1823 г. февраля 18-го

Не знаю, чему я болѣе обрадовался, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, портрету ли Гете, или вашему письму, такъ

---

[1]) Въ торжественномъ собраніи Академіи 14-го янв. 1823 г. И. И. Дмитріеву была присуждена большая золотая медаль.

давно не получая отъ васъ ни строчки; но искренно увѣряю васъ, что и портретъ и письмо подарили меня прекраснымъ днемъ, и я спѣшу принести вамъ за нихъ благодарность мою отъ всего сердца;—теперь кстати повторить вамъ тоже чувство и за ваши гравюры видовъ Павловска. Онѣ, право, для меня драгоцѣнны, и какъ пріятный отдыхъ таланта, и какъ залогъ давней нашей пріязни. Желательно, чтобъ вы не полѣнились выгравировать и виды вашего альбома. Напрасно, милый поэтъ, хотите оживить самолюбіе въ старикѣ, который, право, и въ лучшую пору жизни немного думалъ о своей поэзіи. Можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ механизмѣ стиха, въ живости разсказа; можетъ быть, пользовался въ свое время нѣкоторымъ преимуществомъ предъ водяными стихотворцами, но истинно, и тогда былъ недоволенъ собою, чувствуя самъ скудость въ глубокихъ идеяхъ, чувствахъ и воображеніи. Не искушайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться. Пускай неугомонный Хвостовъ гуляетъ на своемъ пароходѣ по Ледовитому океану и коптитъ Аполлона. Что̀ же касается до записокъ [1]), я часто и самъ помышляю о нихъ, и въ тоже время робѣю. Карамзинъ давно отчаялъ меня сочинять въ прозѣ; однакожъ, не во гнѣвъ его таланту, можетъ быть и примусь за прозу, если удастся мнѣ пожить на просторѣ въ деревнѣ.—Увы! я вспомнилъ, что Шаховской [2]) дописалъ свои записки въ подмосковной, а мнѣ уже за 60 лѣтъ, и нѣтъ еще начала. Наконецъ, всею душою обнимаетъ васъ искренній вашъ почитатель и преданный вамъ И. Дмитріевъ.

P. S. Долго ли мнѣ желать и не имѣть вашего портрета, который, какъ сказывалъ мнѣ А. И. Тургеневъ, не знаю почему заарестованъ Уваровымъ? Убѣдительно прошу васъ, подарите мнѣ.

---

[1]) В. А. Жуковскій въ письмѣ отъ 11-го февр. 1823 г., писалъ И. И. Дмитріеву: «Еще повторяю старый припѣвъ: Записки! Записки! Для нихъ очинено перо ваше, острое и живописное...» (Русск. Арх. 1866 г.)

[2]) Князь Яковъ Петровичъ Шаховской (род. 1705 г., ум. 1772 г.) сенаторъ. «Записки, писанныя имъ самимъ» вышли въ 1810 г.

143. А. И. Тургеневу.

16-го іюня 1823 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Нѣкогда вашимъ стараніемъ одинъ изъ племянниковъ моихъ помѣщенъ былъ въ Пажескій корпусъ на его содержаніи. Будьте также покровителемъ и другому. Покорнѣйше прошу васъ вручить прилагаемое при семъ письмо князь Александру Николаевичу и присоединить къ моей просьбѣ и собственную вашу. Я нарочно посылаю пакетъ за открытою печатью, дабы вамъ узнать о содержаніи моей просьбы, а мнѣ не обременять васъ повтореніемъ оныя. Не излишнимъ также считаю приложить при семъ на всякій случай и другія бумаги, относительно моего племянника. Я рѣшился отправить его въ Петербургъ, потому что въ московскихъ пансіонахъ вообще науками по губамъ только мажутъ, особенно же въ партикулярныхъ, да и обучаютъ не всѣмъ наукамъ, какія требуются при экзаменѣ въ корпусѣ. Учить же на дому, ни по моему малому достатку, ни по его собственному, который еще меньше, ибо у него есть двѣ сестры, никакъ не въ состояніи. Какъ бы я желалъ, чтобъ приняли его, сколько можно, скорѣе; ибо, въ случаѣ отказа, до первой ваканціи не знаю гдѣ ему жить: на особой квартирѣ, по возрасту его не безопасно, а у сестры моей Смирновой [1]) нѣтъ лишняго угла. Она приняла въ домъ свой зятя (барона Шлипенбаха), и сама теперь тѣснится. Прошу васъ дать знать о хлопотахъ моихъ и любезному Николаю Михайловичу, когда пройдетъ болѣзнь его. Можетъ быть и онъ употребитъ свое содѣйствіе. Какъ тяжела была для меня и Вяземскаго прошедшая недѣля! Теперь Плутархъ мой съ вами. Кланяйтесь ему и любезнымъ вашимъ братцамъ; напомните Сергѣю Ивановичу [2]) о Маржеретѣ и примите искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть и пр.

P. S. Прошу васъ также поклониться Жуковскому, Блудову и Норову, и сообщить послѣднему, что я еще не по-

---

[1]) О ней см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 78.
[2]) Тургеневу.

лучилъ посланныхъ отъ него книгъ, почему и медлю моимъ отвѣтомъ.

144. А. И. Тургеневу.

1-го іюля 1823 г. Москва.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою за пріятное ваше письмо и новый опытъ вашей ко мнѣ пріязни. Какъ вы добры и милы! Даже предупредили мою къ вамъ просьбу! Достойная отрасль Ивана Петровича! Я, право, лучше не могу похвалить васъ, ни изъяснить мою признательность. Надѣюсь, что вы одолжите меня и увѣдомленіемъ о послѣдствіи. Сердечно жаль Батюшкова. Слава Крылову, и хвала сердобольной покровительницѣ! Какая польза для талантовъ! Сказываютъ, и Графовъ занемогъ было. Виноватъ, я подумалъ, не пытался ли онъ получить уголокъ хотя на фермѣ. Прошу васъ кланяться любезнымъ вашимъ братцамъ и принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и пріязни, съ коими навсегда имѣю честь пребыть и пр.

145. Н. В. Сушкову.

Москва. 1823 г. іюля 8-го.

Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за сдѣланную мнѣ честь, доставленіемъ чрезъ братца вашего экземпляра вашей трагедіи [1]). Не смѣя назвать себя даже и посредственнымъ знатокомъ въ драматическомъ искуствѣ, я не могу судить, во всей ли строгости соблюдены правила онаго; но искренно скажу, что разныя мѣры стиховъ съ наблюденіемъ постоянной гармоніи, сильное выраженіе страсти, піитическіе виды декорацій, производили во мнѣ пріятныя впечатлѣнія при чтеніи вашей „Сафы". Увѣренъ, что она произведетъ большое дѣйствіе на сценѣ. Примите вмѣстѣ съ симъ и увѣренія и проч. Иванъ Дмитріевъ.

---

1) «Сафо». Лирич. трагедія въ 3 дѣйств. М. 1823 г.

146. В. А. Жуковскому.

Москва. 1824 г. Сентябрь—Октябрь.

Милостивый государь. Спѣшу изъявить вамъ чувствительную ıагодарность мою за обязательное ваше писаніе. Я не хочу ›вторять того, что говорено было съ Николаемъ Михайлоıчемъ, но могу васъ увѣрить, что люблю и по крайней ѣрѣ желаю быть всегда искреннимъ и безпристрастнымъ въ ›ихъ сужденіяхъ. Ваша актриса Колосова утѣшила всю оскву прекрасною своею игрою. Она играла въ Мизантропѣ, ь Танкредѣ; завтра будетъ играть въ одной изъ комедій арию, а 4-го октября декламировать одну сцену изъ Анд›махи, въ какой-то интермедіи, подъ названіемъ „Маскерадъ ıи вечоринка артистовъ“. Лучше бы услышать ее въ цѣлой ›агедіи.

147. А. И. Тургеневу.

Москва. 1824 г. октября 30-го.

Спѣшу изъявить вамъ, любезный и почтенный землякъ, ƒвствительную благодарность и за второе письмо, и за доставıеніе мнѣ хрустальныхъ хлопушекъ. Онѣ довольно забавляли еня, особенно же подъ № 1 и послѣднимъ (свистокъ и ex ihil, nihil). Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, „Литературные истки“ я почитаю лучшимъ изъ нашихъ журналовъ. Въ ихъ, по крайней мѣрѣ, журналистъ самъ дѣйствуетъ непрестанно ь виду, часто импровизуетъ, и всегда готовъ къ отраженію артизанскихъ набѣговъ. Я люблю эту живость. Послѣдніе тихи молодого Пушкина очень милы. Въ нихъ легко узнать ерты милаго и добраго Жуковскаго. Они далеко лучше режнихъ отрывковъ изъ Онѣгина. Когда увидите Ивана Іатвѣевича [1]), прошу васъ ему отъ меня поклониться, но вмѣстѣ попенять, за что вздумалось ему смутить спокойствіе дряıлаго инвалида и заставить его опять ломать голову? Но нвалидъ не измѣнилъ своему характеру. Сообщаемая при емъ копія да послужитъ вамъ тому доказательствомъ. Прошу олько не пускать ее въ огласку. Не только прошу, но и іуръ. Карніолинъ-Пинскій растрогался вашимъ къ нему благо-

[1]) Муравьева-Апостола.

расположеніемъ и поручилъ увѣрить васъ въ благодарности его безпредѣльной. Затѣмъ мысленно васъ обнимаю и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. На дняхъ я получилъ безъ письма нѣсколько номеровъ Инвалида, прибавленія къ нему и двѣ книжки „Литературныхъ Новостей“. Увѣренный, что это даръ Александра Ѳедоровича, творящаго по христіански: да неувѣдаетъ шуйца и проч., прошу васъ увѣрить его въ искренней моей признательности, равно и почтеніи.

148. С. Н. Глинкѣ.

(Исходъ 1824 г. Москва).

Я не нахожу словъ къ изъявленію вамъ моей благодарности, почтенный и любезный Сергѣй Николаевичъ, за вашъ портретъ. Будьте увѣрены, что подлинникъ у меня всегда въ виду и близокъ къ сердцу; но пріятно, очень пріятно имѣть и портретъ, какъ залогъ и новый опытъ вашей ко мнѣ пріязни, которую я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ. Кто знаетъ васъ коротко, тотъ вѣрно любитъ и почитаетъ. Остается желать вамъ только здоровья и домашняго благоденствія, отъ всей души и желаетъ того преданный вашъ Иванъ Дмитріевъ.

149. Записка С. Н. Глинкѣ [1]).

(Исходъ 1824 г. Москва).

„Благословенъ грядый во имя Господне!“

150. С.-Тома.

Москва. 1825 г. января 17-го.

Милостивый государь мой. Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за честь, оказанную мнѣ доставленіемъ новѣйшаго произведенія вашего таланта [2]). Вѣрность въ живописи и выраженіи глубокихъ чувствъ; справедливая дань поэта вѣнценосному генію нашей столицы, — придаютъ сугубую цѣну прекрасной вашей поэзіи. Я говорю это съ тою же

---

[1]) Эта записка была прислана вмѣстѣ съ предыдущимъ письмомъ.
[2]) «L'inondation (de St.-Pétersbourg)». St.-Pétersb. 1824.

искренностію, съ какою свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, милостивый государь мой, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

151. П. П. Свиньину.

(Москва. 1825 г. январь).

Милостивый государь мой Павелъ Петровичъ. Искренно сожалѣю, что не могу служить вамъ ни однимъ манускриптомъ изъ назначенныхъ вами. Первую часть „Путешествія Резанова" имѣю, а вторую только читалъ, и, не оставя списка, возвратилъ ее г. Булдакову, директору американской компаніи. Онъ, конечно, позволитъ вамъ списать съ своего манускрипта. Вторая книжка „Телеграфа" слабѣе первой. Я выкинулъ бы изъ нея мистификацію на счетъ Ганина. Пусть онъ будетъ игрушкою одного А. Е. Измайлова. Къ тому же „Телеграфъ" хочетъ мистифицировать и всѣхъ чтецовъ своихъ: могутъ ли они отгадать, что Ганинъ называется знаменитымъ писателемъ въ шутку, а не въ самомъ дѣлѣ; что въ шутку же сказано, будто піеса его играна была въ окрестностяхъ Парижа, дѣти же наши и подавно будутъ журналистомъ обмануты [1]). Равно и на счетъ матери съ дочерью (въ 1 № прибавленія) болтовни много, а вкуса и остроты ни крошки. Высказанное же (слово несносное для моего слуха, столько же, какъ и остроты, не въ сонахъ, а въ сочиненіяхъ; любимое выраженіе нашихъ новѣйшихъ писателей) о характеристикѣ Дмитревскаго не достаточно и не складно [2]). Для чего не указано на мракъ, освѣщающій тьму; на Синава не отвигающагося, а подвигающагося назадъ и приподнимающагося потомъ на ципочкахъ а не на пальцахъ [3])? Слово ципочки употребительно было доселѣ не между авторами, а деревенскими только старухами. Но планъ журнала, еще повторяю, прекрасный. Ту же справедливость отдамъ и „Сѣверной Пчелѣ". Жаль только, что она, залетая въ архивъ, превращается въ осу или шмеля и только жалитъ невинныхъ, не питая насъ

---

[1]) «Московскій Телеграфъ» 1825 г., № 2.
[2]) Въ разборѣ «Русской Таліи» Булгарина. «Моск. Телеграфъ» 1821 г., ч. II).
[3]) Эти выраженія приведены изъ «Русской Таліи».

медомъ. Въ лѣтописяхъ нашей литературы замѣчательно будетъ послѣднее десятилѣтіе; почти всѣ журналисты примирились съ парнасскими, давно отъявленными уродами; по крайней мѣрѣ боятся ихъ, а щеголяютъ возстаніемъ противъ Карамзина, единственнаго нашего писателя между живыми. Счастливы они, что онъ отвѣчаетъ презрѣніемъ. Одна его страничка могла бы ихъ осрамить и уничтожить. Не слишкомъ ли я на масляницѣ разговорился? Полно! Съ искреннимъ почтеніемъ обнимаетъ васъ, милостивый государь мой, покорнѣйшій вашъ слуга И. Дмитріевъ.

P. S. Я не буду спокоенъ, пока гостиная моя не будетъ украшаться мраморнымъ бюстомъ любезнаго государя. Сдѣлайте одолженіе похлопочите вмѣстѣ съ Н. А. Всеволожскимъ доставить мнѣ прежде рисунокъ по моему предположенію. Я хотѣлъ бы имѣть его похожимъ на Мартосовъ (разумѣется не въ сходствѣ, а въ расположеніи), безъ лавровъ, съ открытою шеею и въ мантіи; чтобъ на застежкѣ ея, лежащей на плечѣ, изображенъ (былъ) двуглавый орелъ съ андреевскою на груди цѣпью, и только. Сумму опредѣляю на то двѣ тысячи, съ тѣмъ только, чтобъ выплатить въ три срока и чтобы не было синихъ жилъ и пятенъ.

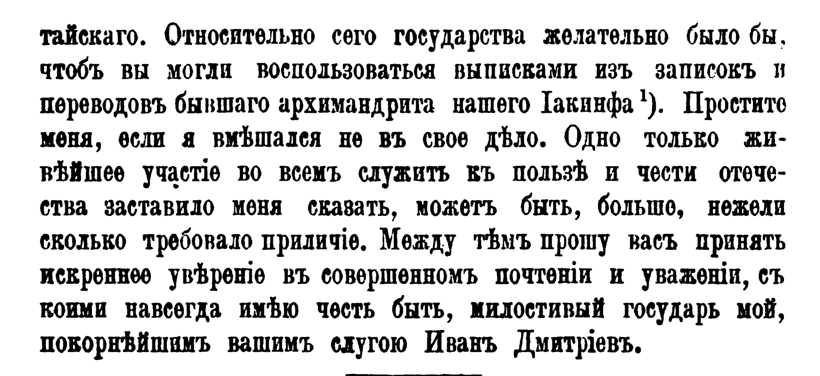
152. Г. И. Спасскому [1]).

Москва. 1825 г. февраля 4-го дня.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ. Съ чувствомъ искренней благодарности я имѣлъ удовольствіе получить послѣднюю книжку „Сибирскаго“ и первую „Азіятскаго Вѣстника“. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы послѣдній не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника, даже, можно обѣщать, еще и бо́льшаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіятическаго общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1., о границахъ русской и китайской и 2, описаніе Россіи; переводы съ ки-

---

[1]) Издателю «Сибирскаго» (1818—1825 гг.) и «Азіятскаго Вѣстника» (1825—1828 гг.).

тайскаго. Относительно сего государства желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго архимандрита нашего Іакинфа[1]). Простите меня, если я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служитъ къ пользѣ и чести отечества заставило меня сказать, можетъ быть, больше, нежели сколько требовало приличіе. Между тѣмъ прошу васъ принять искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи, съ коими навсегда имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ вашимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

153. А. Д. Балашову.

Москва. 1825 г. марта 24-го.

Милостивый государь, братецъ Александръ Дмитріевичъ. Отъ всей души привѣтствую васъ съ благополучнымъ достиженіемъ праздника и свиданіемъ съ милымъ вашимъ семействомъ. Между тѣмъ беру смѣлость повторить вамъ еще покорнѣйшую мою просьбу о покровительствѣ вручителю сего письма. Оставляя близкое его съ нами родство, одно положеніе бѣдной матери его, у которой на рукахъ 12 дѣтей, а доходовъ часто бываетъ и для одной себя недостаточно, уже заслуживаетъ милостивое ваше вниманіе. О немъ же, не обинуясь, скажу, что онъ, право, можетъ употребленъ быть и по канцеляріи, ибо при природной остротѣ ума, онъ не пренебрегалъ записать (sic!) себя и познаніемъ отечественныхъ законовъ и русскаго языка. Впрочемъ, поручая себя въ продолженіе родственной нашей любви и цѣлуя милыхъ вашихъ дѣтокъ, съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства (вашимъ) покорнѣйшимъ слугой и братомъ Иванъ Дмитріевъ.

---

154. А. Д. Балашову.

Москва. 1825 г. 2-го апрѣля.

Милостивый государь, любезный братецъ Александръ Дмитріевичъ. Чувствительно благодарю васъ за почтенное ваше письмо и благосклонное принятіе усерднѣйшей моей просьбы.

---

[1]) Архимандритъ Іакинфъ (Бичуринъ) извѣстный синологъ.

Одно ваше слово я уже считаю совершеніемъ милости къ общему нашему родственнику и его матери. Адъютантомъ вашимъ быть для него еще лестнѣе. Донесу о себѣ, что я старѣю и хилѣю, но духомъ еще не изнемогаю. Помню пословицу, что надобно и честь знать. Вслѣдствіе сего правила каждый день считаю за новый даръ и благодарю Провидѣніе. Заключаю повтореніемъ усерднѣйшаго поздравленія моего съ наступившимъ праздникомъ и съ чувствами душевнаго почтенія, преданности и родственной любви до конца дней моихъ имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугой и братомъ. Иванъ Дмитріевъ.

Милыхъ дѣтокъ цѣлую и поздравляю.

---

155. Барону А. А. Дельвигу.

Москва. 1825 г. декабря 14-го дня.

Если я такъ долго мѣшкалъ благодарить васъ за почтенное ваше письмо, одна была тому причина: остатокъ авторскаго самолюбія мѣшалъ мнѣ склониться на ваше требованіе и бросить въ вашу кошницу съ яркими и свѣжими цвѣтами зимній листокъ, сухой и блѣдный. Съ другой же стороны признательность совѣстилась заплатить вамъ вторичнымъ отказомъ за честь, которою вы хотѣли почтить меня. Наконецъ, послѣдняя преодолѣла первое: изъ малаго числа безжизненныхъ стиховъ сообщаю вамъ двѣ піесы [1]). Пусть онѣ будутъ добычею критики нашихъ классиковъ и романтиковъ. Старость уже не такъ щепетильна, какъ молодость. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

156. П. П. Свиньину.

Москва 1826 г. февраля 22-го дня.

Милостивый государь мой Павелъ Петровичъ. Не имѣя отъ васъ отвѣта на послѣднее мое письмо и увѣренъ будучи

---

[1]) «Подражаніе 136-му псалму» и «Надпись къ портрету лирика», которыя напечатаны въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты на 1826 г.».

въ вашей точности по моимъ просьбамъ, я уже начинаю думать, что письмо мое не дошло до васъ или вы нездоровы. Послѣднее было бы для меня крайне прискорбно. Въ этомъ письмѣ я просилъ васъ увѣдомить меня о успѣхахъ работы Трискорни надъ заказаннымъ для меня бюстомъ покойнаго Императора. Между тѣмъ изъявлялъ и мое желаніе, чтобы онъ отдѣлалъ бюстъ во всей точности съ бюста Торвальдсена, съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы на плечной, круглой бляхѣ вырѣзанъ былъ двуглавый орелъ съ андреевскимъ крестомъ. Еще (помнится мнѣ) просилъ васъ увѣдомить меня, не знаете ли вы, отъ кого я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ почту въ скрытности гипсовое изображеніе Александра, въ маломъ овальномъ видѣ, но превосходной работы? Нетерпѣливо хочу знать имя скромнаго моего благодѣтеля, чтобъ отъ сердца возблагодарить его. Надѣюсь, почтенный Павелъ Петровичъ, что вы по всѣмъ моимъ просьбамъ не откажитесь почтить меня вашимъ отвѣтомъ. Я съ удовольствіемъ читалъ стихотворенія Слѣпушкина и мысленно благодарилъ васъ за то, что вы первый одобрили его и даже дали таланту его лучшее направленіе. Хвалю его, что онъ не поползъ по нашимъ слѣдамъ и началъ воспѣвать домашній бытъ. Это придаетъ ему оригинальность. Теперь остается желать ему, чтобы онъ, продолжая стихотворствовать, ознакомился съ учебными книгами и къ описательной поэзіи присоединялъ иногда и нравственныя поученія поселянамъ, соразмѣривъ съ ихъ состояніемъ. Недавно у насъ явился поселянинъ же стихотворецъ. Однимъ утромъ нахожу я въ моей прихожей бѣлокураго мальчика около 16 лѣтъ, въ нагольной овчинной шубѣ. На вопросъ мой, что ему надобно? „Я желаю учиться словесности“, отвѣчалъ онъ, „и пришелъ просить вашу милость, чтобы вы доставили мнѣ къ тому случай“. — Учиться грамотѣ? — „Нѣтъ! Я уже знакомъ съ нею, а словесности“. — Почему же ты попалъ на меня? Вѣдь я не управляю училищами. — „По вашимъ сочиненіямъ“. — А знаешь ли ты Ломоносова? — „Какъ же не знать“. — И Сумарокова, и Хераскова, и Державина, и Жуковскаго? — „Да я уже перечиталъ книгъ до тысячи“. — Кто же ты та-

ковъ? — „Я сынъ экономическаго крестьянина Борисова, изъ села Лопасни, въ 35 верстахъ отъ Москвы. Вчера привезъ сюда сестру мою. Она здѣсь въ замужествѣ, и у насъ гостила“.—У кого ты учился грамотѣ?—„У нашего дьякона, обучавшагося на Перервѣ“.—А гдѣ имѣлъ случай доставать книги? — „У нашего крестьянина. Онъ большой охотникъ до чтенія и по достатку своему накопилъ множество книгъ всякаго рода“.—Не пытался ли ты самъ сочинять? — „Кое-какъ пишу“. — Прозою? — „И стихами, зная только двѣ мѣры: хорей и ямбъ“. — Что же писалъ?—„Всячину. А вотъ недавно я написалъ стишки „Эхо“, а прозою „О любви къ отчизнѣ“. Вотъ моя съ нимъ первая встрѣча. О послѣдствіяхъ же вы уже, конечно, извѣстны чрезъ „Телеграфъ“. Примите увѣренія въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ коими навсегда къ вамъ пребудетъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

157 П. П. Свиньину.

Москва. 1826 г. марта 27-го.

Милостивый государь мой Павелъ Петровичъ. Покорнѣйше прошу васъ изъ приложенныхъ при семъ экземпляровъ одинъ отослать къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу, а другой вручить Александру Семеновичу. Онъ не однажды приглашалъ меня участвовать въ Академическомъ періодическомъ изданіи, но, давно уже спавшему съ голоса для стиховъ въ высокомъ [illegible]дѣ, мнѣ совѣстно было сообщать ему четверостишія [1]). Нынѣ же, [illegible] ими благопріятствовавшаго моему посильному таланту, [illegible] совѣстно было бы обойти и его высокопревосходи[illegible]. сколь ни скуденъ, впрочемъ, мой гостинецъ. Для [illegible]ія же подозрѣній, какія могутъ быть отъ другихъ на [illegible]рскаго самолюбія, я разскажу вамъ исторію моей [illegible]. Лишенъ дара и склонности къ карточной игрѣ, я [illegible]лъ въ числѣ немногихъ изъ ровестниковъ зани[illegible] уединенныхъ часовъ стильною меледою. Третьяго [illegible] 100 басенъ Мольво подали мнѣ мысль замѣ-

[illegible]

нять иногда меледу, переводомъ нѣкоторыхъ изъ его четверостишій. Глядя на него, написалъ и Ламолиньеръ 50 четверостишныхъ басенъ и приписалъ ихъ мнѣ. Я началъ брать и оттуда, потомъ изъ Арно и другихъ французскихъ стихотворцевъ и такимъ образомъ составилась цѣлая книжка, въ которой нѣтъ ни одного собственнаго четверостишія. Это я прибавилъ для того, чтобы избѣжать и отъ другихъ улики, какою удостоенъ отъ князя Шаликова. Въ прошломъ году рукопись моя подарена отъ меня Кудрявцеву, бумажному фабриканту и моему кредитору, который въ томъ же году и началъ ее печатать. Благодарю васъ за извѣщеніе о бронзовыхъ бюстахъ. Вѣроятно, тѣ же самые продаются и здѣсь у Розенштрауха; всѣ равной величины, но одна à l'antique, а другіе съ плечами и въ обыкновенномъ костюмѣ. Послѣдніе вызолочены en matte, а первые съ позолотою и безъ позолоты, и мнѣ болѣе нравятся. Съ нетерпѣніемъ буду ждать мраморнаго. Искренній вашъ почитатель и преданный вамъ Дмитріевъ.

---

158. В. А. Жуковскому.

Москва. 1826 г. апрѣля 3-го дня.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ. Невинная игрушка [1]) моей старости доставила мнѣ по крайней мѣрѣ истинное удовольствіе получить отъ васъ нѣсколько строкъ, равно для меня драгоцѣнныхъ—и въ письмахъ и сочиненіяхъ вашихъ. Примите за то искреннюю благодарность мою. Грустно мнѣ слышать о сборахъ вашихъ и Николая Михайловича въ дальную сторону. Провожать васъ для меня есть тоже, что̀ навсегда съ вами прощаться: мнѣ уже 65 лѣтъ, и теперь я живу со дня на день. Но чему быть, того не миновать. Гдѣ бы вы ни были, пока я живъ, буду питать къ вамъ душевное мое почтеніе и желать друзьямъ моимъ возможнаго благополучія. Съ сими чувствами заочно цѣлуетъ васъ преданный вамъ навсегда Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) «Апологи въ четверостишіяхъ». М. 1825 г.

159. Барону А. А. Дельвигу.

Москва. 1826 г. апрѣля 17-го.

Милостивый государь мой, баронъ Антонъ Антоновичъ. Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за пріятное ваше письмо и за букетъ вешнихъ цвѣтовъ нашего сѣвера. При всѣхъ оттѣнкахъ и разнородности, выборъ оныхъ дѣлаетъ честь вашей разборчивости. Разумѣется, что я не включаю тутъ моего блѣднаго и вялаго цвѣточка, который былъ отъ меня данью признательности и повиновенія [1]). Движимый тѣмъ же побужденіемъ, прошу васъ съ благосклонностью принять отъ меня мои четверостишія. Я переводилъ ихъ урывками, отъ нечего дѣлать, не умѣя пользоваться бостономъ, обыкновенною игрушкою моихъ сверстниковъ. Радуюсь всѣмъ сердцемъ доброй вѣсти о скоромъ свиданіи моемъ съ почтеннымъ Михаиломъ Александровичемъ [2]). Между тѣмъ покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать отъ меня его превосходительству душевное мое почтеніе, съ коимъ равномѣрно имѣю честь пребыть и къ вамъ, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Позвольте при семъ поздравить васъ и милостиваго государя Михаила Александровича съ завтрашнимъ праздникомъ всего христіанскаго міра. Желаю вамъ со всѣмъ любезнымъ вашимъ семействомъ проводить его весело и пріятно.

---

160. Н. Д. Иванчину-Писареву (отрывокъ изъ письма).

(Москва) 28-го апрѣля 1826 г.

Судьба Карамзина рѣшилась: въ іюнѣ отправится онъ на приготовленномъ по волѣ Государя фрегатѣ въ Бордо, оттуда сухимъ путемъ въ Марсель, оттуда опять моремъ въ Ливурну и расположится житьомъ во Флоренціи. Въ жаркую же пору будетъ прохлаждать себя въ Луккѣ. Достойный преемникъ Александра пожаловалъ ему на дорогу 50 тысячъ. Что касается до болѣзни Николая Михайловича, то она едва ли исцѣлима: на легкомъ чиріи, который непремѣнно будетъ возоб-

---

[1]) Сравн. письмо 155.

[2]) Сенаторомъ Салтыковымъ, тестемъ бар. Дельвига.

[redacted]

новляться. Видно ужъ намъ не видаться! Я и самъ очень слабѣю грудью.

---

161. **Н. Д. Иванчину-Писареву** (отрывокъ изъ письма)

(Москва) 3-го іюня (1826 г.).

.... Я уже давно чувствую слабость въ груди, а нынѣшнюю всю ночь не смыкалъ глазъ отъ головной боли. Изъ Петербурга никто ко мнѣ не пишетъ. Знаю только нѣкоторыя подробности о послѣднихъ дняхъ моего друга [1]) по выпискамъ изъ нѣкоторыхъ писемъ. Прочитайте ихъ и возвратите. Я полюбилъ Греча за некрологію [2]); хорошо и справедливо. Милый мой другъ погребенъ противъ Ломоносова.

---

162. **М. П. Погодину.**

2-го января 1827 г. Москва.

Покорно благодарю васъ, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, за доставленіе рукописи съ запискою. Къ дополненію оныя прошу васъ почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ о званіи по службѣ, имени и отчествѣ г. Андросова. Вы, какъ вторая совѣсть лѣтописателей, можете сами чувствовать, какъ эти подробности важны въ лѣтописяхъ, а я прибавлю, что для современнаго товарища министра онѣ даже необходимы.

Съ искреннимъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

163. **Н. Д. Иванчину-Писареву** (отрывокъ изъ письма).

Москва. 28-го марта 1827 г.

Не знаю, дошла ли до васъ печальная вѣсть о кончинѣ, такъ преждевременной, поэта Веневитинова? Жаль и его и бѣдной матери. Кн. Зинаида [3]) всякій день у ней. Думая объ увядшемъ цвѣтѣ, невольно вспомнимъ нашу братью, дотлѣвающихъ стариковъ, и стихъ, кажется, Княжнина на смерть Сумарокова:

«Они еще живутъ, а дарованье въ гробѣ!»

---

[1]) Карамзина.

[2]) Некрологъ Карамзина, написанный Гречемъ, напечатанъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1826 г., № 64.

[3]) Волконская.

164. Барону А. А. Дельвигу.

Москва. 1827 г. апрѣля 14-го.

Милостивый государь баронъ Антонъ Антоновичъ. Отъ всего сердца приношу вамъ чувствительную благодарность мою за подарокъ вашъ „Сѣверными Цвѣтами“. Они столько же свѣжи и благовонны, какъ прошлогодніе. Остается мнѣ благодарить и природу, допустившую меня еще насладиться цвѣтами сельными и Парнасскими, а васъ покорнѣйше просить о продолженіи ко мнѣ вашей пріязни и быть увѣреннымъ въ искреннемъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Милостивому государю Михаилу Александровичу покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе.

---

165. А. В. Казадаеву.

Москва. 1828 г. декабря 19-го.

Милостивый государь Александръ Васильевичъ. Почтенное и обязательное письмо вашего превосходительства съ препровожденіемъ „Похвальнаго слова Дмитрію Донскому“ [1]) я имѣлъ удовольствіе получить и спѣшу изъявить вамъ, милостивый государь, чувствительную благодарность за вниманіе, которымъ благоволили почтить меня. Сочиненіе ваше во всѣхъ отношеніяхъ заслужило бы почетное мѣсто во всѣхъ отечественныхъ библіотекахъ, почему и сожалительно, что за малымъ числомъ напечатанныхъ экземпляровъ, не всѣ любители русской словесности будутъ имъ пользоваться. По крайней мѣрѣ я утѣшаюсь тѣмъ, что оно и по достоинству своему, и, какъ драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія, уже поставлено у меня подлѣ вашего перевода творенія Фридриха Великаго къ украшенію книжнаго моего шкафа.

Впрочемъ, покорнѣйше прошу васъ принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

[1]) «Историческое похвальное слово Димитрію Донскому». С.-Пб. 1827 г.

166. П. П. Свиньину.

Москва. 1829 г. апрѣля 15-го дня.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за ваше пріятное письмо и новый подарокъ. Мнѣ уже право и совѣстно, что вы такъ ко мнѣ щедры, не по мѣрѣ заслугъ моихъ. Между тѣмъ привѣтствую васъ съ наступившимъ праздникомъ; желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели его благополучно, Я же при встрѣчѣ его надѣлъ опять лисью шубу: вчера цѣлыя сутки кропилъ дождь, а сегодня по временамъ перепадалъ мокрый снѣгъ, и мы не видали солнца. „Выжигина" [1]) еще не успѣлъ достать, но, конечно, прочту его. Всякое оригинальное сочиненіе возбуждаетъ во мнѣ любопытство. Авторъ его всегда мнѣ нравился легкостью слога и остроуміемъ. Я досадовалъ иногда на него за Карамзина, а послѣ я примирился съ нимъ за Карамзина же: его первая встрѣча съ нимъ описана вѣрно и прекрасно. Станъ Димитрія Самозванца носитъ также печать авторскаго таланта. Читавъ этотъ прекрасный отрывокъ, я какъ-бы видѣлъ передъ собою и боярина и боярчинна и усатыхъ поляковъ. Можно поздравить счастливаго автора съ успѣхомъ, у насъ необыкновеннымъ, перваго изданія, а бѣдный Иванъ Нарѣжный умеръ въ безвѣстности, и никто, еще и при жизни его, не сказалъ путнаго слова о его двухъ романахъ— „Бурсакѣ" и „Двухъ Иванахъ", не менѣе оригинальныхъ и писанныхъ съ талантомъ, не смотря на черствость слога и отсутствіе вкуса. Впрочемъ, свидѣтельствуя вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искреннее мое почтеніе, навсегда имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

167. Барону А. А. Дельвигу.

Москва. 1829 г. мая 10-го дня.

Милостивый государь баронъ Антонъ Антоновичъ. Поспѣшаю изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за вашъ милый подарокъ [2]). Я прочиталъ съ большимъ удоволь-

[1]) «Иванъ Выжигинъ», романъ Ѳ. Булгарина. С.-Пб. 1829 г.
[2]) «Стихотворенія» Дельвига. С.-Пб. 1829. г.

ствіемъ всѣ ваши стихотворенія и порадовался, что вы не принадлежите къ упрямымъ рабамъ той или другой школы, а заимствуете изъ обѣихъ все приличное и хорошее. Эклектика и въ поэзіи столь же мнѣ по сердцу, какъ и въ философіи. Бывши нѣкогда издателемъ „Карманнаго Пѣсенника“[1]), я пожалѣлъ только, для чего тогда еще не было вашихъ прекрасныхъ пѣсенъ. Примите вмѣстѣ съ признательностію моей и увѣренія въ отличномъ почтеніи, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

168. **Н. Д. Иванчину-Писареву** (отрывокъ изъ письма).

(Москва). 20-го апрѣля 1830 г.

Благодарю васъ за привѣтствіе меня съ свѣтлымъ праздникомъ. Онъ для меня не свѣтелъ: на другой день онаго я былъ на погребеніи умнаго, добраго, но безсчастнаго Владиміра Васильевича Измайлова[2]). Мнѣ очень жаль его. Теперь остается умереть мнѣ и еще немногимъ остальнымъ крохамъ поколѣнія, уже отпѣтаго новыми журналами.

---

169. **Н. Д. Иванчину-Писареву** (отрывокъ изъ письма).

(Москва). 8-го августа 1830 г.

Мы лишились Мерзлякова. Я былъ у него на погребеніи въ Сокольникахъ. Прекрасное утро; сельскіе виды; повсюду зелень; скромный домикъ, откуда несли его въ церковь; присутствіе двухъ архіереевъ, трехъ кавалеровъ съ звѣздами (изъ коихъ два были—Кудрявцевъ и Бантышъ-Каменскій, одинъ товарищъ покойника въ студентахъ, другой ученикъ его) и подлѣ гроба на подушкѣ одинъ только крестикъ,—все какъ-то сказывало, что погребаютъ поэта!

---

170. **А. С. Пушкину.**

Января 3-го. 1831 г.

Съ душевною благодарностію принимаю вашъ драгоцѣнный подарокъ[3]), милостивый государь Александръ Сергѣевичъ, и

---

1) «Карманный Пѣсенникъ» былъ изданъ Дмитріевымъ въ 1796 г.
2) О немъ см. «Взглядъ на мою жизнь», прим. 45.
3) «Борисъ Годуновъ», вышедшій въ свѣтъ 1 янв. 1831 г.

между тѣмъ нетерпѣливо буду ждать минуты, въ которую могу повторить вамъ лично мою благодарность и пожелать вамъ возможнаго благополучія на всю жизнь вашу. Обнимаетъ васъ преданный вамъ Дмитріевъ старый.

---

171. В. А. Жуковскому.

Октября 21-го 1831 г. Москва.

Всею душею благодарю превосходнаго и вмѣстѣ милаго и добродушнаго поэта за лестныя для меня звуки лиры его. Я не однажды читалъ милый отвѣтъ и, проходя 12 строкъ, право, два раза плакалъ. Согласенъ на ваше предложеніе, но въ такомъ случаѣ прошу васъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, перемѣнить и въ моихъ два стиха: вмѣсто „гласъ побѣдъ“ поставить „звукъ побѣдъ“, а вмѣсто „прозябаетъ“— „цвѣсть будетъ“ [1]).

Впрочемъ, да будетъ воля ваша. Заключаю сердечнымъ желаніемъ какъ можно скорѣе съ вами увидѣться и лично увѣрить васъ въ искренней къ вамъ привязанности и дружескомъ почтеніи.

---

172. В. А. Жуковскому.

Москва. 1831 г. декабря 29-го.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою за ваше дружеское письмо и безцѣнный подарокъ [2]). Съ какимъ удовольствіемъ я занимался имъ цѣлыя два утра! Я васъ штудировалъ. Нельзя быть разнообразнѣе въ поэтическихъ вымыслахъ; нельзя лучше сдружить важности содержанія съ простотою разсказа и живописи съ музыкою. Властелинъ всѣхъ метровъ, вы играете легко всякимъ напѣвомъ, и каждый для насъ равно сладкозвученъ. Заключаю строки мои искреннимъ привѣтствіемъ васъ съ благополучнымъ совершеніемъ года и пожеланіемъ встрѣ-

---

[1]) Дмитріевъ, получивъ отъ Жуковскаго два стихотворенія на взятіе Варшавы, написалъ стихи, въ отвѣтъ на которые Жуковскій въ письмѣ отъ 16 окт. 1831 г. отвѣтилъ стихами же. Стихи Дмитріева «В. А. Жуковскому, по случаю полученія отъ него двухъ стихотвореній на взятіе Варшавы» и отвѣтъ Жуковскаго, были напечатаны въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1832 г., но безъ указанныхъ поправокъ.

[2]) «Баллады и повѣсти». С.-Пб. 1831 г. 2 ч.

тить и новый спокойно и весело; я же, на порогѣ нашей юдоли, какъ говорятъ, слегъ. Благодарю между прочимъ Промыслъ и за то, что еще съ вами увидѣлся, и пока дышу, буду за многое, многое, (довольно и за одного Карамзина) любить и уважать васъ всею душею. Съ сими чувствами обнимаетъ васъ преданный вамъ Дмитріевъ.

P. S. Посылку вашу отослалъ къ Антонинѣ Ивановнѣ тотчасъ по полученіи, васъ же прошу сказать мой поклонъ Натальѣ Яковлевнѣ и князю П. А. Вяземскому.

---

173. А. С. Пушкину.

Москва. 1832 г. февраля 1-го дня.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ за альманахъ [1]) и за всѣ прекрасные цвѣты собственной вашей оранжереи, равно и за пѣснь Онѣгина, хотя я вздохнулъ, что она послѣдняя и герой вашъ отложилъ путешествіе свое по любезной отчизнѣ. Не скажу съ Пчелою, что вы ожили: въ постоянномъ вашемъ здоровьѣ всегда былъ увѣренъ; измѣненіе только въ томъ, что вы, благодареніе Фебу, годъ отъ года мужаете и здоровѣете. Ваши Годуновъ, Моцартъ и Салієри доказываютъ намъ, что вы не только поэтъ-Протей, но и сердцевѣдецъ, и живописецъ, и музыкантъ. До сихъ поръ послѣ Карамзина (въ старинныхъ его мелкихъ стихахъ) одинъ только Пушкинъ заставляетъ меня читать бѣлые свои стихи и забывать о риемахъ. Но старческая искренность и говорливость заставили меня позабыть и приговоръ Полеваго о нашей братьѣ ветеранахъ. По крайней мѣрѣ я еще живъ для чутья къ изящному. Оно увлекло меня. Заключаю столь же искреннимъ увѣреніемъ въ совершенномъ почтеніи, которое навсегда сохранитъ, милостивый государь, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Дозвольте попросить васъ сказать мое почтеніе вашимъ родителямъ и любезному Василію Андреевичу. Я еще прочиталъ прекрасные стихи его уже въ печати съ прежнимъ чувствомъ умиленія и благодарности за себя и моего друга.

---

[1]) «Сѣверные цвѣты» на 1832 г.

Благодарю его также и за новѣйшую поэзію его въ альманахѣ и „Европейцѣ."

174. П. П. Свиньину.

Москва. 1832 г. апрѣля 18-го.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Если я не успѣлъ отплатить вамъ взаимнымъ привѣтствіемъ васъ съ достиженіемъ великаго праздника, такъ ничто не помѣшаетъ мнѣ отъ всего сердца поздравить васъ и милостивую государыню Надежду Аполлоновну съ новорожденною. Дай Богъ ей доброе и прочное здоровье. Да будутъ чада чадъ вашихъ утѣшеніемъ вашей глубокой старости. Между тѣмъ, пока вы еще въ мужествѣ лѣтъ вашихъ, прошу васъ не робѣть и не ослабѣвать въ начатомъ дѣлѣ. При достаточномъ запасѣ матерьяловъ, нужно только имѣть тонкую разборчивость въ выборѣ, проницательность въ критическомъ разсмотрѣніи оныхъ, вѣрное и въ надлежащемъ порядкѣ изложеніе событій, на языкѣ правильномъ, простомъ, но благородномъ, каковъ Карамзинскій, (не въ осуду будь сказано Полевому и его обезъянамъ), тогда безъ риторскихъ усилій автора, слогъ его получитъ благозвучіе, силу и красоту, а умный читатель, не подозрѣвая и самъ того, и философическій взглядъ, и политическія соображенія, и энтузіазмъ къ описываемому лицу, если оно того стоитъ. Вы, можетъ быть, разсмѣетесь тому, что бывшій дѣеписатель мухи, ворона, крота и кошекъ, осмѣливается говорить о прагматической біографіи человѣка. Мнѣ самому это смѣшно, но не краснѣю: между авторами и пріятелями, взаимно доброхотствующими, первою обязанностью должна быть искренность. Съ тою же искренностью и тѣмъ же доброхотствомъ завидую вашему счастливому положенію, и авторскому и домашнему: вы умѣли и умѣете во всѣхъ возрастахъ пользоваться и наслаждаться жизнью. Заключаю свидѣтельствомъ искренняго моего почтенія и преданности вамъ и любезной вашей супругѣ, кои навсегда сохранитъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Иноземнаго ума еще нѣтъ въ присылѣ; нашъ мелькаетъ только въ журналахъ и брошюркахъ. На-дняхъ я по-

лучилъ отъ Уварова, читанную въ Академіи наукъ, рѣчь безыменнаго митрополита, произнесенную имъ при короновании Шуйскаго, гдѣ-то найденную Строевымъ, а отъ Хвостова— прощаніе его съ землею. Говорить, что онъ скоро полетитъ весь въ лучахъ. Это любопытно было бы видѣть. Но вы, вѣрно, уже получили его афишу. Пожелаемъ ему погостить еще въ подлунномъ мірѣ и потужимъ о Готье и Калайдовичѣ (Константинѣ). Первый скончался передъ праздникомъ, а о послѣднемъ сейчасъ принесли ко мнѣ извѣстительный билетъ отъ бѣдной жены его.

---

175. Н. А. Маркевичу.

Москва. 31-го декабря 1832 г.

Какъ утѣшительно въ преклонности лѣтъ своихъ пріобрѣсти довѣренность отъ незнакомаго молодаго поэта; получить отъ него первые опыты въ поэзіи и дожить до его же произведеній, уже въ полномъ созрѣніи. Такъ, милостивый государь, мелодіи ваши блистаютъ всѣми достоинствами поэзіи: обиліемъ въ вымыслахъ, силою чувствъ и выраженія, яркостью живописи и благородною любовью къ отчизнѣ [1]). Примите же чувствительную благодарность мою за честь, которою угодно было вамъ почтить меня, уже отжившаго для многихъ изъ современныхъ писателей и жуналистовъ. Вашъ новогодній подарокъ не на одинъ день, а навсегда мнѣ будетъ милъ и заставитъ меня желать, чтобъ наше отечество долго, долго услаждалось благозвучіемъ вашей лиры. Къ сему желанію позвольте присовокупить искреннее привѣтствіе съ благополучнымъ совершеніемъ года и свидѣтельство отличнаго, и проч. Иванъ Дмитріевъ.

---

176. П. П. Свиньину.

(Москва. 1833 г.)

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Все, что я узналъ о покойномъ А. В. Храповицкомъ, уже было вамъ сообщено, и, помнится, напечатано перечнемъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Прибавить только могу, что онъ принятъ былъ въ статсъ-секретари, вѣроятно, по рекомендаціи графа Безбородко

---

[1]) «Украинскія мелодіи». М. 1831 г.

А. Соймонова, бывшихъ тогда статсъ-секретарями, молвѣ объ способностяхъ и дѣятельности въ письмо-, чѣмъ онъ отличался въ званіи правителя канцеляріи) генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Анекдотъ о заціи проекта указа я считаю чисто вымышленнымъ, аповицкій, по природной застѣнчивости своей и крайней ности царедворца, не отважилъ бы себя на такой посту- Ізъ сочиненій же его еще не напечатанныхъ сохранились только нѣсколько стиховъ на мое имя, писанныхъ не », чтобъ они были выданы, да и не стоющихъ печати. оріи Сандуновой не для чего быть его адвокатомъ. членомъ тогда дирекціи театральной, онъ дѣйствовалъ , съ прочими членами. Дирекція же неотъемлемое имѣло мотрѣть на приличіе браковъ между актерами. Можетъ тказано было Сандунову и потому, что невѣста была ішкомъ молода, и боялись, чтобъ она, вступивъ такъ › замужество, не спала съ голоса, которымъ такъ до- Не думаю, чтобъ затѣйливая щедрость Ар. расшевелила юю геніяльность писать для своихъ праправнуковъ. Она для собственнаго обихода. Впередъ же кто-нибудь на- и безъ этой приманки для одного потомства. Я не юсь. Вы порадовали меня, напомня о Смирдинѣ. Вя- прислалъ мнѣ отъ его имени экземпляръ „Новоселья". тѣлось тотчасъ отблагодарить его письмомъ, но не знаю › и отчества. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня при объ его адресѣ, а между тѣмъ скажите ему искреннюю рность мою за его гостинецъ, еще болѣе за его услугу словесности. Между тѣмъ съ желаніемъ скорѣйшаго и) свиданія и свидѣтельствуя вамъ и милостивой го- ѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ совершеннаго моего почтенія нности, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ йшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

177. П. П. Свиньину.

Москва. 1833 г. августа 16-го.

лостивый государь Павелъ Петровичъ. По возвращеніи юда первая моя забота была узнать въ сосѣднемъ домѣ

молодого Майкова о вашей квартирѣ, но тамъ отозвались незнаніемъ; другіе изъ моихъ знакомыхъ также. Наконецъ, рѣшительно увѣрясь въ вашемъ отсутствіи, спѣшу принести вамъ сердечную благодарность мою за всѣ убѣдительные знаки вашей ко мнѣ пріязни, оказанные въ бытность мою въ Петербургѣ. Будьте здоровы и продолжайте наслаждаться домашнимъ, истиннымъ счастіемъ, безмятежною дружбою и ея залогомъ. Забудьте авторскую зависть и пристрастіе, ступайте своимъ путемъ на поприщѣ исторіи и надѣйтесь на должную, хотя и позднюю справедливость. Я продолжалъ и совершилъ путешествіе мое благополучно и еще засталъ кончикъ лѣта въ саду моемъ. Деритъ мнѣ очень полюбился. Провелъ три дня въ семействѣ моего друга весело, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Карловкою, помѣстьемъ г. Булгарина, котораго только видѣлъ однажды, шествующаго съ трубкой во рту вдоль своей нивы; хотя и съ трубкою, но онъ напомнилъ мнѣ библейскаго Вооза. Можетъ быть, это излишекъ въ моемъ письмѣ, но мнѣ хотѣлось подолѣе съ вами поговорить. Прошу васъ и милостивую государыню Надежду Аполлоновну принять искреннее увѣреніе въ чувствахъ душевнаго почтенія, кои навсегда къ вамъ сохранитъ, милостивый государь, покорнѣйшій вашъ слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

178. П. П. Свиньину.

Москва. 1833 г. сентября 13-го.

Намъ не должно, милостивый государь Павелъ Петровичъ, извиняться другъ предъ другомъ. Я и самъ опоздалъ сообщить вамъ выписку изъ письма кн. Вяземскаго еще отъ 14 августа. Вы напрасно его обвинили въ недоброхотствѣ. Вотъ, что онъ, между прочимъ, пишетъ объ васъ: „Я отдалъ Дмитрію Николаевичу Блудову записку вашу, и онъ, кажется, готовъ исполнить по возможности желанія ваши. Я даже слышалъ, что П. П. Свиньинъ былъ уже послѣ отъѣзда вашего нѣсколько разъ у него. Впрочемъ, слышно, что Свиньинъ одинъ изъ главныхъ редакторовъ журнала Смирдина, и, можетъ быть, уже не будетъ нужно ему и времени не будетъ заниматься службою“. Здѣсь ни слова не выключено и не прибавлено. Смирдинъ же, на-дняхъ бывъ у меня, говорилъ, что дѣйствующими

едакторами будутъ Гречъ и Сенковскій, и что самъ Полевой бѣщалъ служить ему своимъ издѣльемъ. И такъ, по всему ажется, что будутъ блестящія все силы и знаменитости ума усскаго XIX столѣтія. Добро пожаловать! Мы готовы чиать. Изъ числа новыхъ французскихъ книгъ по сю пору я олько и нашелъ любопытнаго: „Souvenirs du Sckagenaire" ar Arnault (три тома). Заключаю свидѣтельствомъ вамъ и илостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искренняго мое) почтенія, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, милоливый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

179. П. П. Свиньину.

Москва. 1834 г. февраля 11-го дня.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Всѣмъ сердцемъ лагодарю васъ, что вы вспомнили отсутствующаго и посреди толичной возни, суматохи и тысячи суетъ житейскихъ. Не кидалъ бы я столь кратковременнаго сіянія воздушнаго метеора. слыша о томъ, конечно, вздохнетъ ученый редакторъ ученыхъ пписокъ Московскаго университета. Вотъ, какъ онъ отозвался ь седьмой книжкѣ ученаго журнала о появленіи первой огромой книжкѣ, или перваго тома „Библіотеки для чтенія". „Вотъ, по стинѣ, библіотека для чтенія поучительнаго, полезнаго и заниматльнаго!.. „Библіотека для чтенія" можетъ служить образцомъ равильнаго, чистаго, прекраснаго родного языка, а потому на не только замѣняетъ многіе иностранные журналы, но и оставляетъ особенную, важнѣйшую пользу со стороны отечественнаго слова". Какую же пользу, увидимъ изъ слѣдующаго. мѣсто благозвучной, сильной и отчетистой прозы Карамзина, ı исключеніемъ статей господъ Греча, Булгарина и еще неногихъ, большая часть прозаическихъ сочиненій и переводовъ, омѣщенныхъ въ „Библіотекѣ для чтенія", писана вялымъ, эровнымъ слогомъ и наполнена пошлыми, неправильными ѣченіями, подслушанными на бивакахъ, на рынкахъ и въ ıбазахъ; въ доказательство чего приведу здѣсь нѣсколько ювъ, которыхъ еще не позабылъ. Вмѣсто пока — покамѣстъ; адобно — надо; дребезжатъ — дребезжется; мелочи — елочности; дурацкій — дураческій (хотя contes drola-

[illegible]цыя — дѣтскія и не дурацкія, а вздорныя, балагурныя), вмѣсто отрывки или обрывки — обломки, чего же? большой, почти истлѣвшей, эпической поэмы скандинавовъ, какъ будто эта поэма писана была на стеклянныхъ или мраморныхъ досках! Даже и сочный бифштексъ превращенъ нынѣ въ сочистый на новомъ нашемъ языкѣ. Прибавимъ еще къ тому частое употребленіе исковерканнаго французскаго слова — серьезно и даже, пресерьезно. И все это ученый редакторъ журнала, издаваемаго первенствующимъ у насъ университетомъ, стражемъ и охранителемъ чистоты русскаго слова, предлагаетъ ученикамъ своимъ въ образецъ изящнаго! Удивленіе наше уменьшится, если вспомнимъ, что нынѣ и у насъ много завелось новаго, и многое не постарому; если вспомнимъ, что и петербургскій профессоръ Плаксинъ въ курсѣ своей русской словесности называетъ историческій слогъ Карамзина идиллическимъ, а корреспондентъ Академіи наукъ — Полевой уже давно огласилъ чопорнымъ и пользуется привилегіей торжественно карать и миловать ветерановъ словесности; что отцы и матери говорятъ съ дѣтьми своими всегда на чужомъ языкѣ; что даже и кормилицы, русскія крестьянки, переняли говорить вмѣсто „рѣжутся зубы“ — „дѣлаются зубы“; что русскіе, напротивъ того, учителя, студенты и семинаристы пріучаютъ малютокъ, будущихъ камеръ-юнкеровъ и фрейлинъ, говорить по площадному, вмѣсто „онъ или она“ — „они“, а вмѣсто „ихъ“ — „ихный“. Мудрено ли же и поляку, пользуясь настоящимъ ходомъ нашего воспитанія, захотѣть лишить насъ довѣренности къ кореннымъ нашимъ лѣтописямъ, увѣрить нашу молодежь, отъ младенчества порабощенную умомъ иноземцевъ, что языкъ нашъ происходитъ отъ чухонскаго, что исторія наша безтолковая сказка, что мы досслѣ не можемъ признавать себя иначе, какъ непомнящими родства. Что же мы? Откуда мы? Это откроется впредь геніальному поколѣнію XIX [illegible]. Да возрадуются отцы и чады! Поздравляю ихъ съ [illegible], а я бездѣтенъ и уже на шагъ отъ могилы. [illegible] знать, что думаетъ почтенный Александръ Семено[illegible] новизнахъ въ нашей словесности? Жаль, что [illegible] нѣкогда Карамзина, вдвое же, что уже отды-

хаетъ перо его; теперь то бы ему и подвизаться. Радъ бы служить вамъ сообщеніемъ какихъ-нибудь подробностей касательно библіотекъ Вольтера и Дидрота, но, право, никакихъ незнаю. По мнѣ, гораздо бы полезнѣе было разобрать и описать рукописи Ломоносова, купленныя С. К. Орловымъ и хранящіяся, вѣроятно, въ Академіи или Эрмитажѣ. Онѣ могли бы пригодиться для его біографіи, которой, къ стыду нашему, еще не имѣемъ. Что же касается до вашего Музеума, искренно поздравляю съ добрымъ купцомъ и совѣтую не упускать его. Столько же благодарю васъ и за куплеты. За исключеніемъ седьмого, они мнѣ полюбились. Пора кончить. Можетъ быть я уже вамъ наскучилъ; по крайней мѣрѣ увѣрьтесь изъ того, что мнѣ всегда весело и охотно говорить съ вами. Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ и м. г. Надеждѣ Аполлоновнѣ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою И. Дмитріевъ.

---

180. А. В. Жуковскому.

Москва. 1834 г. февраля 27-го.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Отъ всей души благодарю васъ, что вы вспомнили меня въ Берлинѣ и даже подъ голубымъ небомъ Авзоніи, посреди памятниковъ и сокровищъ талантовъ древняго и новаго, вѣчнаго Рима,—меня московскую муху, и порадовали въ первый день масляницы прямо дружескими гостинцами. Но для чего бы съ ними же не прислать и вашего бюста? При всѣмъ моемъ благочестіи, увѣряю васъ, что я сталъ бы имъ любоваться еще болѣе, чѣмъ пророками, которые подъ часъ бывали угрюмы и бранчивы. Но все къ лучшему: вторичная посылка будетъ вторичнымъ для меня праздникомъ, и я заранѣе благодарю васъ за обѣщанный еще подарокъ и заочно прижимаю къ моему сердцу. Радуюсь искренно, что отчизны любимаго вами Бонстетена, Виргилія и Рафаеля благопріятствовали вашему здоровью и поэтическому генію, хотя и грустно такъ далеко искать здоровья, на счетъ разлуки съ тѣми, съ коими уже свыкнешься вмѣстѣ жить, заодно мыслить и чувствовать. Я люблю Москву, но право бы переѣхалъ на житье въ Петербургъ, еслибы не связала меня здѣшняя осѣдлость. Тамъ бы я сталъ доживать

съ тѣми, коя знали меня въ молодости и донынѣ не раззнакомились; тамъ и позднѣйшія мои связи, съ которыми я больше симпатизирую; тамъ для моего благоденствія, для услажденія немногихъ дней моихъ, достаточно было бы васъ, кн. Вяземскаго, несмотря на его факела монеты [1]), Катерины Андреевны, Натальи Яковлевны, а вдобавокъ къ тому полной свободы и раздолья въ ежедневныхъ прогулкахъ по миловидной столицѣ и ея окрестностямъ. Но пришлось покориться необходимости и доживать на берегу Патріаршихъ Прудовъ, бесѣдовать съ внутренней стражей отечественнаго Парнаса и гулять самъ-другъ съ домашнимъ журавлемъ въ уединенномъ саду своемъ. И такъ, до скорѣйшаго и радостнаго свиданія, любезный, милый Василій Андреевичъ, обнимаетъ васъ въ полномъ значеніи любитель и почитатель вашъ И. Дмитріевъ.

181. В. А. Жуковскому.

Москва. 1834 г. мая 17-го дня.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Наконецъ такъ давно ожиданный бюстъ уже украшаетъ вершину моего книжнаго шкафа, и я, ставя его на мѣсто, мысленно прижалъ къ сердцу и возблагодарилъ милаго подлинника. Онъ вспомнилъ меня на чужбинѣ, не забываетъ и въ отчизнѣ, посреди обольстительныхъ развлеченій, торжествъ и ликованій столицы! Никогда и я не забуду этой черты родного по сердцу или симпатіи. Считайте, любезный Василій Андреевичъ, и впредь домашній мой пріютъ роднымъ уголкомъ своимъ. Онъ будетъ для меня красенъ и свѣтелъ всякій разъ, когда я буду въ немъ видѣться съ вами. Но такъ еще далеко до зимняго пути, а нашему брату старику и настоящій день не надеженъ! Впрочемъ, чему быть, — не миновать. Буду надѣяться. Между тѣмъ поздравляю васъ отъ всего сердца съ полученіемъ достойной награды за вашу истинно-патріотическую службу и съ чувствами нѣжной пріязни и душевнаго почтенія имѣю честь быть вашимъ навсегда, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

[1]) По объясненію Бартенева, графа Канкрина, тогдашняго министра финансовъ, въ вѣдомствѣ котораго служилъ кн. Вяземскій («Русс. Арх.» 1870 г.)

P. S. Надѣюсь, что вы не откажетесь поклониться отъ меня Катеринѣ Андреевнѣ съ ея любезнымъ семействомъ. Натальѣ Яковлевнѣ Плюсковой, графинѣ и графамъ Вельегорскимъ и увѣрить ихъ въ искреннемъ моемъ къ нимъ почтеніи.

---

182. П. П. Свиньину.

Москва. 1834 г. августа 2-го.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Не могу довольно выразить, сколько я благодаренъ вамъ за вашъ литературный гостинецъ [1]). Первый томъ еще не дочиталъ, а я уже увѣренъ, что Ермакъ вашъ съ каждымъ томомъ будетъ занимательнѣе. Кромѣ немногихъ рѣчей неправильныхъ [2]) или коихъ не употребляли ни отцы, ни учители наши, слогъ вашъ съ каждымъ новымъ сочиненіемъ болѣе и болѣе усовершается. Это, конечно, плодъ навыка, вниманія въ хорошія образцы и врожденной разборчивости. Не меньше благодарю васъ и за честь, оказанную мнѣ, выборомъ стиховъ моихъ въ эпиграфъ. Послѣдніе два, правду сказать, довольно пошлые. Стихи мои не нынѣшняго покроя и, по словамъ Полевого, конечно, устарѣли. Но я доволенъ и тѣмъ, что первый напомнилъ о Ермакѣ новому поколѣнію и подалъ случай двумъ почтеннымъ авторамъ, поэту и прозаику, заплатить достойную дань завоевателю Сибири. Я только издали показалъ тѣнь его, а вы и Хомяковъ воскресили его духомъ и плотію. Наслаждайтесь же, любезный Павелъ Петровичъ, пріятностью авторской и поселянской жизни; забудьте зоиловъ и съ бодрымъ духомъ стремитесь къ вашей цѣли. Я же отъ искренняго сердца обнимаю васъ и съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью къ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Поздравляю васъ съ удачною продажею, а все жаль Музеума; по крайней мѣрѣ рукописи нашли свое мѣсто.

---

[1]) Историческій романъ Свиньина «Ермакъ или покореніе Сибири», вышедшій въ С.-Петербургѣ въ 1834 г. (въ 4 частяхъ).

[2]) Угорѣешь—угоришь; словно—будто, какъ бы; покамѣстъ—пока, и еще нѣкоторыя. *Примѣчаніе Дмитріева.*

183. В. А. Жуковскому.

Москва. 1834 г. сентября 21-го дня.

Отъ искренняго сердца благодарю васъ, милостивый государь любезнѣйшій Василій Андреевичъ, за вашъ подарокъ[1]), переданный мнѣ г-жею Елагиной. Сочиненіе ваше отъ начала до конца производило во мнѣ и восторгъ, и умиленіе. Особенно же испыталъ я послѣднее на десятой страницѣ: при словѣ „а Его самого тутъ не было“, грудь моя замлѣла и глаза оросились слезою. Хвала и честь вашему таланту и доброму сердцу, что заплатили достойную дань истинно незабвенному. Сбудется ли по вашему слову наше свиданіе въ текущемъ мѣсяцѣ? Сомнительно: по крайней мѣрѣ, нынѣ или когда-нибудь оно будетъ для меня всегда большимъ праздникомъ. Между тѣмъ заочно обнимаетъ васъ съ чувствомъ постоянной пріязни и совершеннаго почтенія, скажу лучше душевнаго, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

184. П. П. Свиньину.

Москва. 1835 г. февраля 20-го дня.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Изъ Галича или изъ Петербурга, равно радъ вашему письму; равно вамъ благодаренъ и взаимно привѣтствую васъ съ благополучнымъ достиженіемъ новаго года. Благодарю васъ также и за вѣсточки о ходѣ нашей литературы. Двухъ новыхъ трагедій еще я не читалъ потому, что онѣ въ намъ еще не дошли, а Исторіи Пушкина не читалъ потому, что я уже избалованъ авторскими подарками, а онъ забылъ меня. Смирдинская школа такъ охладила меня къ ея подрядному издѣлью, что я уже отказался отъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ: читая ихъ, вмѣсто удовольствія только что сердишься и убиваешь время, которое пріятнымъ образомъ могъ бы занять чтеніемъ французскихъ авторовъ старой школы. Тамъ еще не всѣ неологи и не позабыли слога Боссюэтовъ и Бюффоновъ. Недавно здѣшняя цензура не смѣла пропустить нотиса о Карамзинѣ, потому только, что

---

[1]) Статья Жуковскаго «Воспоминаніе о торжествѣ 30-го Августа 1834 г.» (открытіе памятника имп. Александру I). Она напечатана въ собран. соч. Жуковскаго. 1849 г., т. VII, стр. 348.

приложено было къ нему весьма благоволительное письмо къ Карамзину отъ покойнаго императора Александра съ дороги, и представила рукопись на расмотрѣніе М. П. Онъ не только письма, но и всего манускрипта не пропустилъ. Бѣдный Карамзинъ! Цензура только не запрещала бранить его! Избраніе Языкова въ секретари, или кого другого, все будетъ равно: академія нынѣ, при полномъ искаженіи языка, нарушеніи грамматики и развращеніи вкуса нашими авторами молодой школы, молчитъ, и только. Но мнѣ грустно и не хочется далѣе продолжать о своевольной разнобоярщинѣ въ нынѣшней нашей пестрой литературѣ. И такъ, до свиданія любезный Павелъ Петровичъ. Скажите мое глубочайшее почтеніе Надеждѣ Аполловнѣ. Наслаждайтесь въ нѣдрахъ своего семейства и въ тихомъ уголкѣ кабинета, вспоминайте иногда обо мнѣ и будьте спокойны духомъ, веселы сердцемъ и постоянно здоровы. Отъ всей души желаетъ вамъ того искренній вашъ почитатель и покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Ретрактую все, что писано о Пушкинѣ. При изготовленіи къ запечатыванію письма, сію минуту получаю отъ него извиненіе, что мѣшкалъ присылкою въ ожиданіи гравируемаго въ Парижѣ портрета къ его Исторіи.

---

185. А. С. Пушкину.

Москва. 1835 г. марта 4-го.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Не хочу вѣрить, чтобъ невинная моя шутка въ письмѣ къ Андрею Николаевичу Карамзину принята была вами за дѣйствительную вамъ укоризну [1]). Это было бы для меня крайне прискорбно. Но хорошо, что я съ молодыхъ лѣтъ держусь философіи Панглоса: все къ лучшему. Книги вашей еще и теперь не получилъ, но твердо надѣюсь получить ее, а въ добавокъ къ тому еще утѣшаюсь и тѣмъ, что мнимый упрекъ мой до-

---

[1]) Дмитріевъ въ письмѣ къ А. Н. Карамзину, сыну исторіографа, сѣтовалъ на недоставленіе ему Пушкинымъ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Карамзинъ показалъ письмо Пушкину и послѣдній въ свое оправданіе писалъ Дмитріеву, что ждетъ портрета Пугачева, который гравируется въ Парижѣ. (Письма А. С. Пушкина къ Дмитріеву. Русск. Арх. 1866 г.

ставилъ мнѣ удовольствіе пробѣжать нѣсколько строкъ любезнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ, за что отъ всего сердца благодарю его. Благодарю также и за добрую вѣсть о моемъ сверстникѣ [1]; пріятно мнѣ слышать о двойной благостыни его (charité—извините). Что же касается до свѣжей нашей потери [2]), она весьма, конечно, всѣмъ намъ чувствительна, но я соглашаюсь съ вами и съ старинной пословицей: „святое мѣсто не будетъ пусто“.

«Почіетъ Соколовъ, но бдитъ еще Языковъ» [3]).

И на что лучше его въ преемники? Работящъ и любознателенъ, къ тому же и къ новизнамъ не падокъ. Впрочемъ, съ искреннимъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, покорнѣйшимъ вашимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Если любезные ваши родители въ Петербургѣ, то прошу васъ сказать имъ искреннее мое почтеніе; тоже Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семьею и В. А. Жуковскому.

---

186. В. А. Жуковскому.

Москва. 1835 г. марта 13-го дня.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Сколько я благодаренъ вамъ за вашу тетрадку и какъ она дошла до меня кстати,—въ то самое время, когда я очень огорченъ былъ, что редакціи Ученыхъ Записокъ воспрещено принимать біографію покойнаго исторіографа, будто за приложенія къ ней письма, служащаго къ вѣчной славѣ писавшаго и того, кто былъ имъ удостоенъ. Но теперь я вами утѣшенъ. Читая и перечитывая письмо къ Каподистріи и собственныя ваши строки, я будто еще смотрѣлъ на моего друга, будто съ умиленіемъ слушалъ,—минутное обольщеніе, послѣдуемое грустью и вмѣстѣ какою-то отрадою! Добрѣйшая душа! Немудрено вамъ

---

[1]) Графъ Д. И. Хвостовъ, о которомъ Пушкинъ писалъ, что онъ «продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ свои сочиненія, все еще не распроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи своимъ сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ» (Тамъ же).

[2]) П. И. Соколовъ, непремѣнный секретарь академіи наукъ. Онъ умеръ 9-го января 1835 г.

[3]) Прозаикъ. *Примѣчаніе Дмитріева.*

такъ вѣрно постигать и изображать нашего незабвеннаго: вы сами во многомъ на него похожи. Заплатя достойную дань своему вѣку, окажите же вмѣстѣ съ Пушкинымъ услугу и нашей словесности, какъ истинные ея представители; не дайте восторжествовать школамъ Смирдина и Полевого надъ языкомъ Карамзина. Онъ, очевидно, теряетъ свое господство. Большая часть нашихъ писателей, забывъ его слогъ, благозвучный, отчетливый въ каждой фразѣ и каждомъ словѣ, украшаютъ вялые и запутанные періоды свои площадными словами: „давнымъ давно, аль, словно, коли, пѣхотинецъ, закорузлый, кажись (вмѣсто кажется), такъ-какъ, отвѣтить, виднѣется“,— съ примѣсью французскихъ: серьезно и наивно. Такія и подобныя слова нахожу я не только въ легкихъ, но и въ тяжеловѣсныхъ сочиненіяхъ новѣйшаго времени. Радуюсь, что у насъ для усовершенствованія языка есть Академія и что прибавляются университеты, но значительнаго вліянія ихъ къ сожалѣнію не примѣчаю. Скажу еще и болѣе: я даже начиталъ въ одной учебной книгѣ и ученомъ журналѣ, что одинъ профессоръ называетъ Карамзина слогъ идиллическимъ, а другой признаетъ слогъ Сенковскаго образцовымъ въ силѣ, красотѣ и правильности русскаго слова. Къ кому же остается прибѣгнуть, какъ не къ вамъ, представителямъ (еще повторю) нашей словесности! Остановите порчу отечественнаго языка, если не хотите получить упрека въ неумышленномъ союзѣ съ Франціей. Не испугайтесь! Такъ Франція убила благородный нашъ языкъ въ домашнемъ быту высшаго сословія. У кого теперь перенимать его нашимъ дѣтямъ? Научатся ли ему у семинаристовъ, или въ лакейской и дѣвичьей? Я право иногда боюсь, чтобы мужики наши не заговорили по-французски, а мы по ихному [1]). Да мнѣ уже и удалось подслушать на улицѣ пьянаго каменьщика, привѣтствовавшаго своего товарища: „бонжуръ, мусье“, а въ гостиной крестьянку-кормилицу; она, поднося къ ея сіятельству двухлѣтнюю Додо или Коко (не помню), толкала ее въ затылочекъ и повторяла:

---

[1]) Это выраженіе употребляется не только въ большомъ свѣтѣ, но уже найдено мною въ двухъ книгахъ: въ Іориковомъ коранѣ и въ Путешествіи академика Зуева. *Прим. Дмитріева.*

„скажи, матушка, мерси, мерси". Даже и дѣтская благодарность къ матери должна быть выражаема на чужомъ языкѣ! Но пора избавить васъ отъ моего многословія. И такъ, прощайте, почтенный и любезный Василій Андреевичъ. Напомните обо мнѣ Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семействомъ и Натальѣ Яковлевнѣ. Искренно желаю и васъ и ихъ еще увидѣть. Можетъ быть и увижусь? Съ сею надеждою и душевнымъ къ вамъ почтеніемъ и пріязнію пребуду навсегда, милостивый государь, и пр. И. Дмитріевъ.

187. В. А. Жуковскому.

Москва. 1835 г. марта 26-го.

Милостивый государь Василій Андреевичъ. Примите сердечную благодарность мою за все, сказанное вами въ миломъ вашемъ письмѣ, и за вторичную присылку вашей брошюрки. Я до сихъ поръ не зналъ, черезъ кого получилъ первыя: принесены были безъ меня мальчикомъ изъ какихъ-то казармъ, и переданы, какъ водится, съ перековерканьемъ имени приславшаго. Простудный мой насморкъ еще продолжается, и потому пишу къ вамъ и поздно, и наскоро. Какъ бы мнѣ хотѣлось хотя съ недѣльку пожить съ вами и наговориться объ Ангелѣ-хранителѣ! Такъ, не боюсь признать такимъ его. Одна мысль объ немъ удаляетъ отъ меня все низкое и порочное. Мнѣ кажется, одни только мы могли бы составить совѣстливую и полную его біографію; разумѣется я могъ бы служить вамъ только анекдотами и присоединить мои наблюденія къ вашимъ, а писать было бы ваше дѣло. До свиданья; что будетъ впередъ — не знаю, но это вѣрно, что всѣмъ сердцемъ уважаетъ и любитъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

188. П. П. Свиньину.

Москва. 1835 г. марта 28-го.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Завидую вашей дѣятельности и поздравляю васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ къ мирнымъ пенатамъ. Въ дополненіе къ тому, что писано было къ вамъ о настоящемъ положеніи нашей словесности, на дняхъ я выпустилъ еще нѣсколько строкъ къ

Жуковскому и Пушкину, но это—гласъ, вопіющій въ пустынѣ: отнынѣ положилъ уже не смущать остатка дней моихъ безплодными іереміадами. Послѣднихъ двухъ трагедій [1]) Кукольника я еще не читалъ, но увѣренъ, что новыя куклы не уступятъ первымъ въ живой подражательности натуры. Онъ зорчѣе и глубокомысленнѣе всѣхъ нашихъ трагиковъ, старыхъ и новыхъ. О нынѣшнихъ же формахъ трагедіи ни слова: я привыкъ къ старымъ. Теперь остается мнѣ сказать о себѣ, что я съ самой масляницы, хоть и ѣлъ блиновъ, что то не по себѣ и духомъ и тѣломъ. Старость не радость. Собираюсь говѣть, а между тѣмъ отъ всего сердца желаю вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ въ полномъ удовольствіи встрѣтить и проводить наступающій праздникъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью къ обоимъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Письмо къ сестрицѣ Надежды Аполлоновны по близкому сосѣдству тотъ же часъ было доставлено.

---

189. А. С. Пушкину.

Москва. 1835 г. апрѣля 10-го.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Наконецъ и моя русская библіотека красуется новымъ плодомъ любимаго нашего автора! Сердечно благодарю васъ за пріятный гостинецъ и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписаніе. Сочиненіе ваше подвергалось и здѣсь разнымъ толкамъ, довольно смѣшнымъ, но никогда дѣльнымъ: одни дивились, какъ вы смѣли напоминать о томъ, что нѣкогда велѣно было предать забвенію;—нужды нѣтъ, что осталась бы прорѣха въ русской исторіи; другіе, и къ сожалѣнію бо̀льшая часть лживыхъ романтиковъ, желали бы, чтобъ исторія ваша и въ расположеніи и въ слогѣ изуродована была всѣми припасами Смирдинской школы и чтобы была гораздо погрузнѣе. Но полно, нынѣ настоитъ время не желчи, а ликованія. Привѣтствую васъ съ продолжающимся праздникомъ, искренно желаю по слѣдамъ нашихъ предковъ всесемейно провести его

[1]) Въ 1835 г. вышли двѣ драмы Н. В. Кукольника: «Роксолана» и «Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій».

съ Пушкинымъ, и онъ стоитъ въ томъ, что не пишетъ исторіи. Наконецъ, сообщаю вамъ и объ моихъ пожитках по части литературной: я получилъ отъ русской академіи „Разговоръ дѣдушки со внучкой,“ очень милой послѣдышекъ почтеннаго старца, и двѣ книжки повременнаго изданія краткихъ записокъ, содержащихъ въ себѣ разныя замѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности; а по части художествъ — купилъ у Трискорни два мраморные бюста — Петра Великаго и Бонапарта. Первый его работы, бывшій на московской выставкѣ, а послѣдній привозенъ изъ Италіи. Пора опомниться: рабочій кабинетъ не англійскій клубъ, и въ немъ дорожатъ каждый минутой. И такъ, отъ всего сердца желаю вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ совершеннаго здоровья, и съ душевнымъ почтеніемъ къ обоимъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

---

193. Н. А. Маркевичу.

Москва. 1836 г. февраля 16-го дня.

Примите искреннюю благодарность мою за обязательное ваше письмо и сообщеніе мнѣ отрывка изъ составляемаго вами „Словаря Россійскаго Государства [1]“. Предпріятіе ваше есть истинно патріотическое, и совершеніе онаго, конечно, заслужитъ вамъ похвалу и признательность не только отъ современныхъ соотечественниковъ, но и отъ будущаго ихъ поколѣнія. Остается только желать, чтобъ столь важный вашъ трудъ обработанъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ съ возможнымъ тщаніемъ, свойственнымъ просвѣщенію нашего времени, относительно выбора статей и самаго слога; чтобъ каждая статья была обдумана, удовлетворительна ли она для любопытства образованнаго читателя? точно ли русская? соблюдены ли въ ней правильное изложеніе, ясность и чистота слога, и не послужитъ ли она только съ усугубленію толщины книги?

Вотъ моя мысль объ условіяхъ, каковыми слѣдуетъ руководствоваться при составленіи вашего словаря. Въ прежнюю

---

[1]) «Большой историческій, миѳолог., статистич., географ. и литературный словарь россійскаго государства». М. 1836 г. (изданіе не окончено).

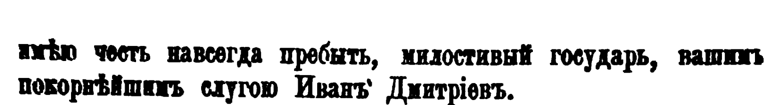
пору могъ бы я дать имъ бо́льшее развитіе, но я еще помню, что старикамъ свойственно заговариваться, и потому заключаю мое письмо повтореніемъ вамъ, милостивый государь, сердечной моей благодарности и свидѣтельствомъ душевнаго, и проч. Иванъ Дмитріевъ.

---

194. П. П. Свиньину.

Москва. 1836 г. апрѣля 7-го дня.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Въ первый день минувшаго праздника я мысленно привѣтствовалъ всѣхъ, которые услаждаютъ мое одиночество постоянной пріязнію, слѣдовательно я расквитался и съ вами, а долженъ просить у васъ извиненія только въ томъ, что по непроворству преклонныхъ лѣтъ моихъ не успѣлъ повторить то же и на бумагѣ. По крайней мѣрѣ, на сей разъ столь же искренно привѣтствую васъ и съ благополучнымъ отпразднованіемъ свѣтлой седмицы, и съ возвращеніемъ къ кабинетскимъ вашимъ занятіямъ. Примите равно чувствительную благодарность мою и за обязательное ваше писаніе. Праздникъ у насъ былъ и въ физическомъ смыслѣ свѣтелъ, только холоденъ. Въ Петербургѣ же, сказываютъ, три дня лежалъ новый снѣгъ. Не передаю вамъ слуховъ о новыхъ наградахъ, на это есть будущій номеръ московскихъ газетъ, а скажу только, что Брюловъ собирался на дняхъ отправиться въ Петербургъ. Онъ написалъ здѣсь портретъ жены, бывшаго своего соученика, живописца Дурнова и для Перовскаго не большую картину, представляющую пригожую дѣвушку въ простонародной русской одеждѣ. Къ сожалѣнію, я не видалъ здѣшней его работы. По части же словесности пишутъ изъ Петербурга къ одному изъ здѣшнихъ журналистовъ, что Пушкинъ, еще не выдавъ первой книжки, уже надсѣлся въ жаркихъ состязаніяхъ съ цензорами, и думаютъ, что не достанетъ его терпѣнія на годичное изданіе „Современника“. По послѣдней книжищѣ „Библіотеки для чтенія“ замѣтно, что редакторъ ея уже заранѣе начинаетъ трусить и притворно храбрится. Вотъ все, о чемъ хотѣлось мнѣ вамъ написать. Заключаю свидѣтельствомъ душевнаго моего почтенія, съ коимъ къ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ

имѣю честь навсегда пребыть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Изъ мраморныхъ бюстовъ я не прочь бы пожелать еще бюста Екатерины, а больше не надобно — и по тѣснотѣ комнатъ, и по недолгому пребыванію моему въ нашей гостинницѣ.

---

195. Д. И. Языкову.

Москва. 1836 г. апрѣля 16-го.

Милостивый государь Дмитрій Ивановичъ. Не дожидаясь вторичнаго отъ васъ письма, спѣшу изъявить вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность мою за извѣщеніе ваше о полученіи отправленной къ вамъ отъ меня посылки. Пользуясь же симъ случаемъ, обращаюсь къ вамъ и съ покорнѣйшею моею просьбою. Изъ послѣдней книжки „Журнала Министерства Просвѣщенія“ узналъ я о бывшемъ въ Императорской Россійской Академіи чрезвычайномъ собраніи, въ которомъ Александръ Семеновичъ читалъ нѣчто о заслугахъ Н. М. Карамзина. Признаюсь вамъ, что мнѣ, какъ члену Академіи, какъ другу покойнаго Карамзина и какъ искреннему почитателю достопочтеннаго президента, нетерпѣливо захотѣлось прочитать и новѣйшее его произведеніе и рѣчь Михайла Евстафьевича Лобанова, равно и отчетъ непремѣннаго секретаря, столь же искренно мною уважаемаго. Не можете ли доставить мнѣ это удовольствіе, къ услажденію ...ькихъ минутъ вялаго моего существованія? Чувствительно ... вамъ благодаренъ. Между тѣмъ, съ совершеннымъ почте... и преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, ... превосходительства, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

---

196. А. Д. Балашову.

Москва. Мая 2-го дня 1836 г.

...ый государь, братецъ Александръ Дмитріевичъ. ... вашихъ писемъ не принесло мнѣ столько удо... ваше послѣднее. Такъ мнѣ весело было узнать ... попрежнему твердый и красивый! Сердечно ... съ возвращеніемъ, хотя и медленнымъ, силъ ...оже скорѣе услышать и о совершенномъ

вашемъ выздоровленіи. О себѣ же донесу вамъ,—я, благодареніе Промыслу, довольно еще здоровъ, но потеря въ короткое время двухъ братьевъ, съ коими я, особенно же съ Платономъ Петровичемъ, былъ искреннѣе и болѣе симпатизировалъ, чѣмъ съ родными, дѣлаетъ меня совершеннымъ сиротою въ Москвѣ. Теперь-то я начинаю чувствовать всю невыгодность одиночества въ преклонныхъ лѣтахъ. Родныя сестрицы далеко, ближайшіе по сердцу также, и мнѣ пришлось только бродить по безмолвному моему саду или видаться съ кѣмъ по холодному только приличію. Скажу вамъ еще, что покойный братъ Платонъ Петровичъ оставилъ сына своего въ самомъ критическомъ положеніи: онъ остался только съ ломбарднымъ билетомъ въ шесть тысячъ, да съ пятьютысячнымъ заемнымъ письмомъ. Остальное же все имущество, состоящее въ загородномъ домѣ, эстампахъ, книгахъ и мелочныхъ пожиткахъ, перешло, сверхъ чаянія нашего, къ Александру Б., второму сыну Прасковьи Петровны, по передачѣ ему Петромъ Петровичемъ [1]) наслѣдственнаго его права. И такъ, бѣдный сирота получилъ только 11,000 руб. на всю жизнь и то еще не совсѣмъ вѣрные. Теперь онъ живетъ на хлѣбахъ у знакомаго доктора, съ платою ему по 600 руб. на годъ за пищу и квартиру, — суммы, превышающей казенные проценты со всего капитала. Но я съ радости, получа отъ васъ своеручное письмо, слишкомъ заговорился и, можетъ быть, утомилъ ваше терпѣніе. И такъ, повторяю мое желаніе о скорѣйшемъ и совершенномъ вашемъ выздоровленіи, съ душевнымъ моимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и братъ Иванъ Дмитріевъ.

---

197. А. С. Пушкину.

Москва. 1836 г. мая 5-го дня.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Знаю по себѣ всю важность вашей потери [2]), и на сей разъ могу только

---

[1]) П. П. Бекетовъ (ум. 1848 г.), родной братъ Платона Петровича Бекетова, скончавшагося въ 1836 г.

[2]) Кончина матери

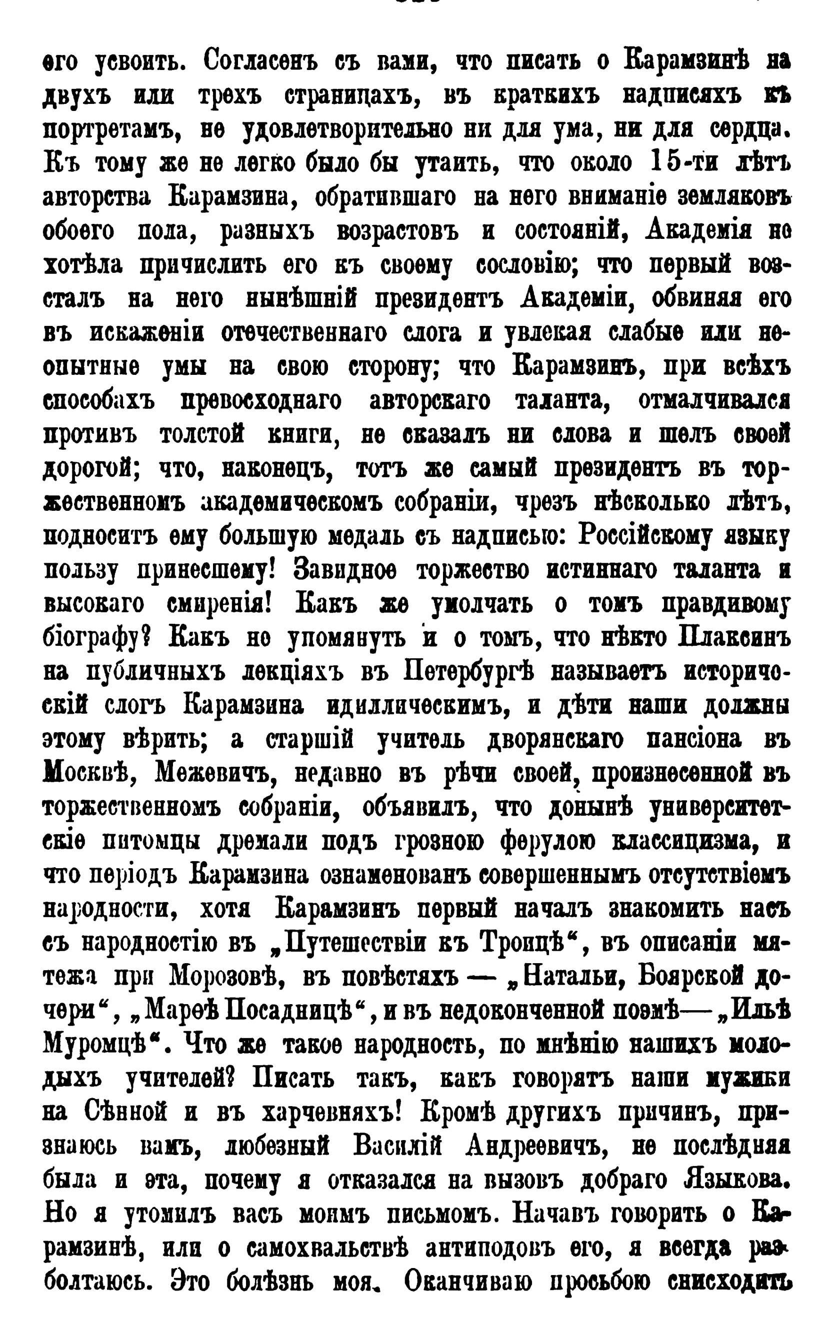
сказать: всѣмъ сердцемъ сожалѣю объ васъ и о объ Сергѣѣ Львовичѣ [1]). Между тѣмъ чувствительно благодарю васъ за билетъ на „Современника“ и за первую книжку, не смѣю сказать, онаго. Но ваше щедролюбіе усовѣщеваетъ мое корыстолюбіе и возбудило во мнѣ безплодное желаніе и помолодѣть и потянѣть наравнѣ съ вами или хотя съ кн. Вяземскимъ и Языковымъ, чтобъ самому быть достойнымъ вкладчикомъ въ „Современника“ и не даромъ получать его. Я люблю хвалить авторовъ въ третьемъ лицѣ, а потому и ограничиваюсь теперь немногими словами: журналъ самъ расшевелилъ и освѣжилъ меня на цѣлую недѣлю и заставилъ позабыть сводныхъ братьевъ своихъ. Знаетъ ли Василій Андреевичъ, что онъ въ „Ночномъ смотрѣ“ получилъ одинакое вдохновеніе съ какимъ-то Зейдлицомъ? [2]) Сообщаю вамъ переводъ и стихи Зейдлица. Онъ уже давно сдѣланъ, но до сихъ поръ лежитъ въ портфелѣ у переводчика. Прощайте, любезный поэтъ, бодрствуйте духомъ, украшайте нашу словесность и уговорите Сергѣя Львовича побывать съ вами на вашей и его родинѣ. Въ этой надеждѣ, съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугой И. Дмитріевъ.

198. В. А. Жуковскому.

Москва. 1836 г. сентября 6-го.

Милостивый государь любезнѣйшій Василій Андреевичъ. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ за обязательное ваше письмо и сообщеніе мнѣ манускрипта; надѣюсь, что не откажетесь одолжить меня доставленіемъ копіи и съ другого, съ позволенія Екатерины Андреевны. Я не польстилъ вамъ въ письмѣ къ Языкову, и теперь стою въ томъ, что никто изъ нашихъ литераторовъ не могъ бы вѣрнѣе и достойнѣе васъ и князя Вяземскаго представить Карамзина на литературномъ поприщѣ и въ домашнемъ быту его. Но о Вяземскомъ не упомянулъ въ письмѣ потому только, что Академія еще не соблаговолила

[1]) Отецъ А. С. Пушкина.
[2]) «Ночной смотръ» Жуковскаго былъ напечатанъ въ 1 кн. «Современника» 1836 г., при чемъ не было указано, что оригиналомъ послужила баллада нѣмецкаго поэта Цедлитца «Die nächtliche Heerschau».

его усвоить. Согласенъ съ вами, что писать о Карамзинѣ на двухъ или трехъ страницахъ, въ краткихъ надписяхъ къ портретамъ, не удовлетворительно ни для ума, ни для сердца. Къ тому же не легко было бы утаить, что около 15-ти лѣтъ авторства Карамзина, обратившаго на него вниманіе земляковъ обоего пола, разныхъ возрастовъ и состояній, Академія не хотѣла причислить его къ своему сословію; что первый возсталъ на него нынѣшній президентъ Академіи, обвиняя его въ искаженіи отечественнаго слога и увлекая слабые или неопытные умы на свою сторону; что Карамзинъ, при всѣхъ способахъ превосходнаго авторскаго таланта, отмалчивался противъ толстой книги, не сказалъ ни слова и шелъ своей дорогой; что, наконецъ, тотъ же самый президентъ въ торжественномъ академическомъ собраніи, чрезъ нѣсколько лѣтъ, подноситъ ему большую медаль съ надписью: Россійскому языку пользу принесшему! Завидное торжество истиннаго таланта и высокаго смиренія! Какъ же умолчать о томъ правдивому біографу? Какъ не упомянуть и о томъ, что нѣкто Плаксинъ на публичныхъ лекціяхъ въ Петербургѣ называетъ историческій слогъ Карамзина идиллическимъ, и дѣти наши должны этому вѣрить; а старшій учитель дворянскаго пансіона въ Москвѣ, Межевичъ, недавно въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи, объявилъ, что донынѣ университетскіе питомцы дремали подъ грозною ферулою классицизма, и что періодъ Карамзина ознаменованъ совершеннымъ отсутствіемъ народности, хотя Карамзинъ первый началъ знакомить насъ съ народностію въ „Путешествіи къ Троицѣ", въ описаніи мятежа при Морозовѣ, въ повѣстяхъ — „Натальи, Боярской дочери", „Мареѣ Посадницѣ", и въ недоконченной поэмѣ— „Ильѣ Муромцѣ". Что же такое народность, по мнѣнію нашихъ молодыхъ учителей? Писать такъ, какъ говорятъ наши мужики на Сѣнной и въ харчевняхъ! Кромѣ другихъ причинъ, признаюсь вамъ, любезный Василій Андреевичъ, не послѣдняя была и эта, почему я отказался на вызовъ добраго Языкова. Но я утомилъ васъ моимъ письмомъ. Начавъ говорить о Карамзинѣ, или о самохвальствѣ антиподовъ его, я всегда разболтаюсь. Это болѣзнь моя. Оканчиваю просьбою снисходить

...ей старости, поклониться вашей сосѣдкѣ и поблагодарить ...ександра Сергѣевича за вторую присылку „Современника“.

199. А. Д. Балашову.

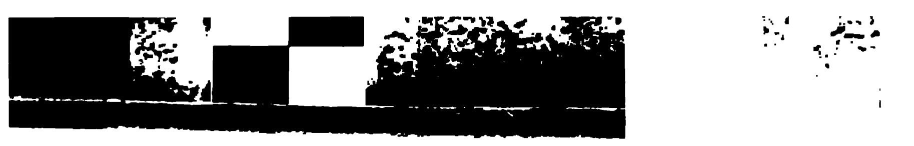
Москва. 25-го сентября 1836 г.

Милостивый государь, братецъ Александръ Дмитріевичъ. ...дарю васъ за обязательное ваше письмо и привѣтствіе ... вчашнимъ моимъ праздникомъ. Отъ всей души привѣт-... васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ въ отчизну ... что она приняла васъ въ теплыя объятія, ибо ... половинѣ только осени начали чувствовать теплоту ... завидую вамъ, почтенный братецъ, что въ такое ко-...мя успѣли еще бросить взглядъ почти на всю ... обновить въ памяти видѣнное прежде, ознакомиться ... и возвратиться съ свѣжимъ запасомъ пріятныхъ ... Если бы я былъ однихъ лѣтъ съ вами, то ... просился въ ваши спутники, но, увы, сколь ни ... героическій подвигъ любезнаго графа Сергѣя ...анцова, не имѣю духа ему послѣдовать. Въ отраду ...ливо желать скорѣйшаго и пріятнаго съ вами ... тѣмъ заочно васъ обнимаю и съ чувствами ...енія и преданности имѣю честь быть вашего ...ельства покорнѣйшимъ слугою и братомъ ...

... П. П. Свиньину.

Москва. 1836 г. октября 12-го.

...дарь Павелъ Петровичъ. Чувствительно ...слѣднее ваше письмо и скажу о себѣ, ...вышнему, довольно здоровъ по моимъ ... что по-долгу не вижусь съ тѣми, ...дѣть чаще. Пора бы и вамъ загля-...ай историкъ. Кратковременное развле-...ользу и здоровья и самыхъ полез-... самъ желалъ бы „Современнику“ ... болѣе живости и разнообразія, ...ашей и всеобщей литературы. Но

крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что читаю его не на площадномъ языкѣ и не встрѣчаю въ немъ, какъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, геніальныхъ несообразностей, подобныхъ слѣдующимъ:

Чу! грянули трубы!
Ружье на молитву! *душа къ Божеству!*
Въ глазахъ просіяла, *протеплилась вѣра*,
Небесною влагой *намокли* глаза;
По длиннымъ, по мшистымъ усамъ гренадера
Украдкой сбѣжала *красотка*—слеза.

или:

Чи, чи, чи! кричитъ сорока,
Прилетѣла издалека [1]).

Не правда ли, что эта геніальность самая варварская? Здѣсь ничего не слышно о предпріятіи Полевого писать исторію Петра Великаго. Знаю только по слухамъ, что журналъ о пребываніи здѣсь Императора и помѣщенный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, писанъ имъ, и будто по порученію графа Блудова. Не говоря о причинахъ, по которымъ я не могу быть къ нему привязанъ, ни объ его нахальствѣ и объ способѣ изложенія, совѣстливо скажу, что онъ одинъ только у насъ имѣлъ даръ привлекать къ своему журналу всеобщимъ участіемъ и занимательностью въ выборѣ статей журнальныхъ. Вы, конечно, уже пользуетесь Журналомъ для художествъ. Я очень благодаренъ за него Кукольнику во всѣхъ отношеніяхъ и охотно на него подписался. Обзоръ выставки возбудилъ во мнѣ желаніе получить гравюры Уткина и еще въ копіяхъ портреты Петра I и Екатерины II, но не знаю, къ кому бы тамъ адресоваться? Наконецъ нетерпѣливо желаю знать, зачѣмъ А. П. М. отправился въ Сибирь? Губернаторствовать или для одного любопытства, во всякомъ случаѣ, здоровья и благоденствія. Между тѣмъ, свидѣтельствуя вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ душевное мое почтеніе, съ коимъ навсегда имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Очень сожалѣю, что лишенъ былъ удовольствія видѣться съ вашимъ братцемъ, которому свидѣтельствую также мое почтеніе.

---

1) Стихи изъ стихотворенія И. Пожарскаго «Червонный колпакъ». («Библіотека для чтенія» 1836 г., т. 16).

202. В. А. Жуковскому.

Москва. 1837 г. марта 26-го.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Василій Андреевичъ, за обязательное ваше письмо и милый подарокъ, для меня истинно драгоцѣнный. Это новый залогъ вашей постоянной ко мнѣ пріязни. Миловидной Ундинѣ вашей въ праздничномъ платьѣ, тотчасъ по свиданіи съ нею, отведено мѣсто на кругломъ столѣ противъ старческихъ кресёлъ, пока совершенно не ознакомлюсь съ нею; а восемь томовъ будутъ безсмѣнно лежать подлѣ меня на другихъ креслахъ, съ тѣмъ, чтобы каждое утро за кофейнымъ приборомъ прочитывать мнѣ изъ нихъ что-нибудь случайно или по выбору. „Читать, что нравится, а видѣть—кто мнѣ милы"... Чего болѣе и чего лучше для 75-ти лѣтняго тунеядца? Это было бы роскошью и для красныхъ дней моей юности; но тогда, въ поэтическую весеннюю пору, я только учился маршировать по влажному полю Волжской деревушки. Къ чему же это пригодилось? Да къ чему и это отступленіе? И такъ, прошу извинить мою старость. Уже лѣтъ 10 тому, какъ я прельщался игривостію ума и воображенія даже во французскомъ, прозаическомъ переводѣ Ундины, и очень желалъ, чтобы кто изъ нашихъ богатырей подарилъ насъ и русскимъ, но только въ стихахъ, переводомъ—и вотъ, наконецъ, сбылось мое желаніе и я (благодареніе Фебу и его любимцу) уже читаю въ звучныхъ и живописныхъ стихахъ: „робко Ундина прижалась къ Гульбранду" и остальныхъ до конца пятой главы, или: „городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ восходящаго солнца"— слышу, вижу и осязаю, такъ сказать, поэта вдохновеннаго. Не доказываетъ ли это, что я совсѣмъ не врагъ и вашему гексаметру? Въ рукахъ мастера всякій метръ и легокъ, и гибокъ, и благозвученъ. Но виноватъ, и теперь стою въ томъ, что александрійскій стихъ для меня превосходнѣе: онъ столько же удобенъ къ помѣщенію полнаго смысла, какъ и гексаметръ; но сверхъ того преимуществуетъ тѣмъ, что какъ-то свойственнѣе нашему языку, музыкальнѣе, и скорѣе будетъ затверженъ читателями обоего пола.—Похожъ ли на наковальню, по словамъ Сѣверной Пчелы", столь быстрый и сильный Петрова стихъ

«Induced: да гибнетъ врагъ—и сходитъ быстра месть!
Да грянетъ громъ:—гремитъ! да будетъ миръ,—и есть»...

Менѣе ли гексаметра полонъ и силенъ весь монологъ отца Пимена? „Читая Годунова“, вспомню ли о риемахъ, и нужны ли онѣ Жуковскому и Пушкину?... Тяжело, а часто будемъ вспоминать его, любезный Василій Андреевичъ. Думалъ ли я дождаться такого съ нимъ катастрофа? Думалъ ли я пережить его? Поденныя Тургенева записки, два письма Вяземскаго и ваше такъ врѣзались и въ памяти и въ сердцѣ моемъ, какъ будто и я былъ всему самовидецъ, и на меня же еще было возложено приготовить отца къ разразившемуся надъ нимъ удару! Но грустно и нынѣ продолжать о томъ. Попеняю только вамъ, что вы позабыли въ числѣ опекуновъ оставить первое мѣсто дѣду, какъ ближайшему къ сиротамъ; да, вѣроятно, не знали и того, что покойникъ не былъ отдѣленъ, а пользовался только годовымъ доходомъ, по отцовскому произволу, съ одной изъ собственныхъ деревень его. Не худо бы это поправить, иначе же и самого старика сочтутъ подъ опекой. Онъ ничего не говоритъ о томъ, но другіе уже толкуютъ о томъ, для чего онъ отчужденъ отъ опекунства. До свиданія, почтенный и любезный Василій Андреевичъ.

---

203. Князю П. А. Вяземскому.

Москва. 18-го августа 1837 г.

Благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, за милое ваше письмо и за 6-й томъ „Современника“, котораго экземпляръ уже давно я получилъ отъ Ширяева, въ одно время съ здѣшнею, какъ говорятъ, читающею публикою, а поэтому и не хочется мнѣ разстаться съ билетомъ; къ тому же и С. Л. Пушкина должно отыскивать въ его деревнѣ близъ города Опочки въ псковской губерніи и неизвѣстно, когда и гдѣ оснуетъ онъ постоянное свое пребываніе. И такъ, не лучше ли присланный вами экземпяръ оставить мнѣ у себя до вашего разрѣшенія: отдать ли его Ширяеву въ замѣнъ полученнаго мною отъ него экземпляра или отослать его къ Сергѣю Львовичу, а меня оставить полнымъ владѣльцемъ уже взятаго мною экземпляра. Впрочемъ, скажу о себѣ, что я благо-

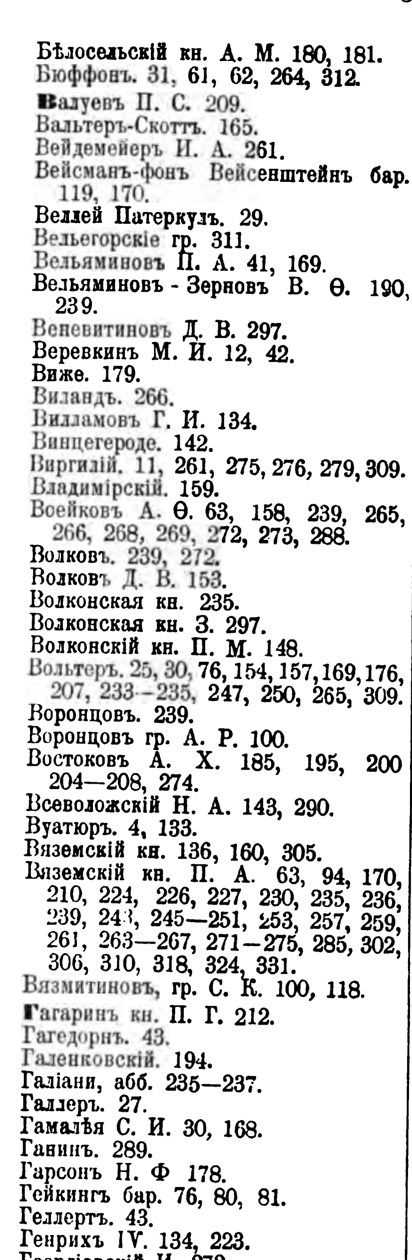

дареніе Вышнему здоровъ и вежетацію мою продолжаю по прежнему. Будьте и вы здоровы и освѣжайте иногда вашимъ воспоминаніемъ старика, любящаго и уважающаго васъ всею душою. Преданный вамъ Дмитріевъ.

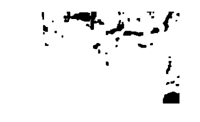
Письма, вошедшія въ настоящее собраніе, извлечены изъ слѣдующихъ изданій: «Библіографическія Записки» 1859, № 11; «Записки А. С. Шишкова»; «Исторія Россійск. Академіи»; «Московск. Вѣдомости» 1811 г., № 3; «Москвитянинъ» 1844 г., ч. IV, VI, и 1853, ч. III; «Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки» 1884 г.; «Переписка А. Х. Востокова»; «Русскій Архивъ» 1867, 1868, 1870, 1871, 1880, 1891 гг.; «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., т. 62; «Русская Правда» 1860 г.; «Русская Старина» 1893 г.; «Сборн. стат. II отд. Ак Наукъ» т. V; «Сочиненія Г. Р. Державина» изд. Я. К. Грота; «Сѣверная Пчела» 1847 г., № 52, 68; «Чтенія въ Общ. Истор. и Древн.» 1869, III. Письма къ Балашову (№ 153), Казадаеву, Попову (№ 50), Погодину, гр. Румянцову, С. Тома и всѣ письма къ Свиньину печатаются съ рукописей, являясь въ настоящемъ изданіи впервые. Изъ собранія писемъ къ Свиньину, число которыхъ доходитъ до 77, не включены въ настоящее изданіе только тѣ, которыя имѣютъ характеръ частныхъ записокъ, и затѣмъ не помѣщено письмо отъ 26-го февраля 1821 г., послужившее примѣчаніемъ (I-мъ) автора ко 2-й части его «Записокъ», въ которомъ оно приведено почти дословно. Въ заключеніе за сообщеніе многихъ писемъ считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность Л. Н. Майкову и В. И. Саитову.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ.

PG 3321 .D53 1893
Sochineniia.
C.1
Stanford University Libraries
3 6105 035 506 620
PG
3321
.D53
1893